

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ
(Иркутский МИОН)

**Миграции и диаспоры
в социокультурном, политическом
и экономическом пространстве Сибири
Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков**

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор
В.И. Дятлов

Иркутск
Отгиск
2010

ББК С55.33(2Р5) + ТЗ(2Р5)-1
УДК 316.346(571)(091)
М 57

Издание выполнено в рамках проекта «Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX – начало XXI века». Проект реализуется на базе научно-образовательного центра «Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском госуниверситете» (НОЦ «МИОН при ИГУ») в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по теме: «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области исторических наук» и программы институционального развития НОЦ «МИОН при ИГУ». Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт №. 02.740.11.0347

Научный редактор

В.И. Дятлов

доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Н.Г. Галеткина, К.В. Григоричев, Д.В. Козлов (руководитель проекта),
И.В. Нам, А.В. Ремнев, Н.П. Рыжова

Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск : Оттиск, 2010. – 640 с.

Этот проблемный сборник посвящен сравнительному анализу роли этномиграционных процессов в формировании переселенческого общества Сибири, понимаемой как исторически формирующаяся культурная провинция. Ставится задача сравнить ситуации рубежей XIX–XX и XX–XXI веков. Рассматриваются проблемы государственной политики и управления этномиграционными процессами, воздействие миграций на расселенческую структуру, модели экономического поведения и адаптационных практик мигрантов, механизмы и динамика диаспоростроительства, формирование фобий и стереотипов как одной из реакций принимающего общества на присутствие мигрантов, идеологический и политический аспекты проблемы соотечественников.

Проблемный сборник предназначен для специалистов в области проблем миграций и диаспор, истории и современного развития Сибири, преподавателям и студентам, широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-93219-270-2

© Коллектив авторов, 2010

© МИОН при ИГУ, 2010

Оглавление

Предисловие	7
Раздел 1. Позднеимперская Сибирь: государственная политика и государственное управление этномиграционными процессами	15
А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов	17
М.К. Чуркин «Ситуация риска» как фактор формирования и реализации миграционного потенциала земледельческого населения европейской части России во второй половине XIX – начале XX в.	65
П.П. Вибе Влияние германофобских настроений на переселенческую политику в Сибири на рубеже XIX – XX вв.	77
Е.А. Хорзов Исследование членами Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества миграционного движения в Западную Сибирь и адаптации переселенцев в принимающем обществе.....	98
Раздел 2. Демографические, миграционные процессы и система расселения	113
А.Н. Алексеенко Внутренние миграции в Казахстане и проблема формирования «нового» городского пространства.....	115
А.С. Бреславский Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ.....	132
К.В. Григоричев «Таджики» в пригородах Иркутской агломерации	156

Раздел 3. Использование «богатства недр» и миграционные режимы: неформальные практики адаптации мигрантов в исторической динамике	177
Н.П. Рыжова О природе институциональных изменений: неформальные хозяйственные практики мигрантов на российском Дальнем Востоке	179
Т.Н. Сорокина Изменения правил перехода границы для китайцевв Приамурском крае в 1911–1912 гг. и «Сахалинский инцидент».....	184
Т.З. Позняк Формальные и неформальные экономические практики иммигрантов на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.)	203
А.В. Алепко Китайские неформальные практики в горной промышленности Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX в.	218
Т.Н.Сорокина «Взаимное соглашение о спирте и опиуме»:опыт совместной борьбы России и Китая с контрабандой в начале XX в.....	229
Н.Ж. Иванова Неформальная экономическая деятельность китайских мигрантов в 2000-е (на примере Республики Бурятия)	252
М.Н. Ковальская Бизнес по-китайски: трудовая деятельность китайских мигрантов на страницах иркутских газет	263
Н.П. Рыжова Природные ресурсы российского Дальнего Востока: институциональные изменения и экстралегальные практики ...	282
Раздел 4. Диаспоральные стратегии и практики	313
И.В. Нам Исторические особенности формирования и деятельности диаспорных институтов в Сибири (XIX – начало XX в.)	315
А.А. Крих Этническая идентичность и идентификация переселенческих групп Западного края в Сибири (последняя четверть XIX–XX вв.)	356

Г.Н. Алишина	
Немцы Томска в конце XIX – начале XX в.: религиозная и общественная жизнь	376
В.Ю. Рабинович	
Советская власть в поиске национальной политики: Иркутск, 1920-е годы	384
Е.И. Нестерова	
Формы самоорганизации китайских мигрантов и хуацяо во второй половине XIX – начале XX в.	402
М.К. Рахронова	
Феномен чайнатауна: динамика функций	440
Раздел 5. Миграционная идеология. Стереотипы, образы, фобии	449
В.И. Дятлов	
Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов.....	451
Л.Е. Бляхер, Н.А. Пегин	
Динамика представлений населения Дальнего Востока России о китайских мигрантах на рубеже XX – XXI веков (на материале интервью с предпринимателями)	485
С.А. Мулина	
Образ поляка в Сибири.....	502
Е.В. Дятлова	
Деловая культура китайских предпринимателей в России глазами русских современников (рубежи XIX – XX и XX – XXI вв.)	519
Н. Галиймаа	
Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодической печати	547
Раздел 6. Поддержка соотечественников как идеология и политическая практика	557
И.Т. Абдулова	
Возвращение соотечественников – политический проект и государственная риторика	559
А.Н. Алексеенко	
Казахстанская репатриация: причины, особенности, перспективы	567

М.Н. Балдано, В.И. Дятлов	
Соотечественники: шэнэхэнские буряты в проекте «национально-культурного возрождения».....	592
И.О. Пешков	
Граница на замке постсоветской памяти. Мифологизация фронтальных сообществ на примере русских из Трехречья.....	601
Н.Г. Галеткина	
Сибиряки? Поляки? Соотечественники? О факторе исторической родины в жизни современных жителей деревни Вершина	617

Предисловие

Значимость этномиграционных процессов и формируемых ими этнических, конфессиональных и других социальных групп для Сибири очевидна. Очевидна как для исследователей, так и для практиков — экономистов, политиков, управленцев. С XVII столетия и до наших дней именно миграционные процессы играли и играют решающую роль в формировании российского пространства к востоку от Урала. Пространства экономического, политического, социального, культурного. Масштабы, структура, векторы миграционных потоков до сих пор определяют возможности и ограничения развития востока России, формируют специфику как собственно сибирского населения, так и характер его взаимодействия с внешним пространством. И не случайно проблема миграционных процессов в Сибири встает сейчас перед властью так же остро, как и столетие назад. Вызовы и угрозы, артикулируемые властью и транслируемые масс-медиа («желтая опасность», «китайская экспансия», «чайнатауны в России», «угроза территориальной целостности», «защита национальных интересов» и т. д.) на рубеже XIX—XX и XX—XXI вв., близки по содержанию и даже по форме.

Однако при всей схожести ситуации налицо и качественные, принципиальные отличия. В конце XIX—начале XX в. миграционная проблематика была связана с освоением «пустого» пространства («пустого» и с точки зрения его освоенности, и с точки зрения масштабности внешних угроз), изменением его «под себя», все более полным его включением в собственно *российское* пространство. Сейчас же Восточная Сибирь и Дальний Восток быстро «удаляются» от центров российской жизни. И трансграничные миграции являются важнейшим механизмом постепенного «исключения» регионов из российского пространства.

Вероятно, это отличие порождает и разность исследовательских подходов. Изучение причин, механизмов, факторов и последствий процессов для периода до середины XX в. (а фактически и до конца 1980-х гг.) давно и прочно стали вотчиной исследователей-историков, тогда как миграции и развитие диаспоральных сообществ в постсоветские десятилетия остаются по преимуществу полем социологов, экономистов, политологов. Различие методологий, методов, источников и, как следствие, результатов невольно приводит к разрыву в изучении единого по сути процесса, искусственному разделению событий на исторические и современные, к «утрате» «исторической базы» в исследовании.

дованиях современности и «исторической перспективы» — при изучении прошлого.

Попыткой решения этой проблемы стал исследовательский проект «Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX — начало XXI века», реализация которого началась в 2009 г. на базе научно-образовательного центра Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском госуниверситете (НОЦ МИОН при ИГУ). Проект реализуется в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по теме: «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области исторических наук»¹ и программы институционального развития НОЦ МИОН при ИГУ. Коллектив проекта включает более 40 историков, экономистов, социологов, географов, этнологов, политологов из Иркутска, Улан-Удэ, Барнаула, Омска, Томска, Хабаровска, Владивостока, Благовещенска, Петербурга и Москвы, а также Казахстана, Монголии, Польши и Индии.

Особенность проекта состоит в том, что его организаторы не просто собрали вместе специалистов по экономической и социокультурной истории Сибири имперского периода и демографов, социологов, политологов, изучающих современные миграции. Мы попытались найти общие тематические площадки и проблемные поля, с тем чтобы в ходе совместной исследовательской работы выявить общее и особенное этномиграционных процессов в столь различных контекстах, разделенных не просто временем, но советской эпохой. Однако собственно советский период мы решили обойти, прекрасно понимая спорность и уязвимость такого выбора. Характер общественного устройства, политического режима, беспрецедентная закрытость («железный занавес»), беспрецедентный же разрыв с предшествующей традицией, когда были физически истреблены целые социальные группы ее носителей и хранителей — все это предполагает необходимость специальных исследований. К этому следует добавить и крайнюю ограниченность историографической и источниковой базы, обусловленной закрытостью советского общества и табуированностью изучаемой проблематики. В то же время, до- и постсоветская эпохи обладают несомненными сходствами, связанными, в том числе, и с актуальностью проблемы внешних миграций, их особой ролью в экономической и социокультурной жизни востока России.

¹ Научные и научно-педагогические кадры инновационной России: федеральная целевая программа на 2009–2013 гг. Гос. контракт №. 02.740.11.0347.

Поставленные задачи определили жанр и структуру этой книги. По жанру – это проблемный сборник. Это не монография, так как здесь отсутствует необходимый для такого жанра *полный* охват всех проблем и сюжетов, а также более или менее выраженная подчиненность всех текстов единой коллективной идее. Имеются, напротив, стилевое разнообразие и существенные различия в подходах, оценках и языках концептуализации. С другой стороны, это не просто конгломерат статей, сгруппированных вокруг одной темы. В ходе постоянных обсуждений и дискуссий выработывалась общая стратегия издания, его внутренняя логика и композиция.

В заявленных широких рамках проекта выделено несколько ключевых, стратегически важных проблемно-тематических полей, организационно объединенных в шесть исследовательских направлений. Они объединены *проблемой Сибири* как историко-культурной провинции. Сибирь здесь выступает не как административная/ые единица/ы (Сибирский федеральный округ, например) и не как географический регион, территория. Для нас Сибирь интересна, прежде всего, как специфический тип организации общества, как особый уклад культуры и традиции, исторически формирующийся и развивающийся «за Уралом». Принципиально важно то, что это *переселенческое общество*, т. е. общество, исторически формирующееся в результате синтеза гетерогенного переселенческого населения с многочисленными автохтонными народами, сохраняющее эту специфику и сейчас. Поэтому в данном проекте нет необходимости пуристки ограничиваться жесткими территориальными или административными рамками, историческими или современными. И если интересующая нас проблематика наиболее рельефно раскрывается на материале Дальнего Востока, то мы без колебаний обращаемся к нему.

Одним из исследовательских направлений проекта является изучение региональных и субрегиональных миграционных и демографических процессов и изменения системы расселения. Традиционно рассматриваемые в связи с экономическим развитием регионов, они в то же время являются важнейшим контекстом внешних миграционных и связанных с ними диаспоральных процессов. Движение населения и демографические процессы на региональном уровне, изменяющаяся под их воздействием система расселения формируют то локальное пространство, в котором и происходит взаимодействие принимающего общества и мигрантов. Крайне слабая изученность этой проблематики порождает ситуацию «черного ящика» с большим числом неизвестных, на

входе в который сибирское (и шире — российское) общество имеет масштабный входящий миграционный поток, а на выходе — многочисленные проблемы социокультурного, экономического и политического характера.

Внесение основной исследовательской проблематики проекта в этот контекст позволяет сформулировать целый ряд новых проблем и вопросов. Происходит ли в последние десятилетия сжатие освоенного пространства или идет процесс его переформатирования? Сокращается ли сфера взаимодействия с внешними мигрантами до масштаба крупнейших городов или напротив — расширяется за счет села и пригородов? Изменяется ли характер и динамика взаимодействия мигрантов и принимающего общества при выходе этого процесса за пределы пространства Города? Происходят ли изменения социальных функций крупных городов и городских агломераций в отношении мигрантов? Ответы на эти вопросы позволят определить изменения в самом принимающем сообществе, формирование в нем болевых точек, прямо или косвенно определяющих контекст взаимодействия с мигрантами.

Важнейшие, часто решающие параметры этнических миграций задавались и задаются государством. Экстремальный вариант не просто регулирования, но диктата государства демонстрирует советская эпоха. Имперская и постсоветская эпохи также предопределяют необходимость изучения проблем государственной политики. В фокусе исследований имперского периода находится эволюция основных идеологических конструктов миграционной составляющей «концепта Сибири», масштабы и механизмы его воздействия на государственную политику и выстраивание системы регулирования и управления. Анализируются геополитические представления субъектов государственной власти, взаимодействие институтов управления и экспертного научного знания, влияние ментальной географии Сибири на политические программы. Это позволит подойти к рассмотрению феномена национализации миграционной политики и к стратегии территориального освоения Сибири через призму проекта «большой русской нации», увидеть воздействие комплекса мифов, образов и фобий на формирование миграционной идеологии, определить мотивацию власти при выборе желательных для Сибири мигрантов и порядка их заселения и адаптации.

Для современной эпохи характерно метание власти между запретительными и поощрительными подходами при попытках регулирования трансграничных миграционных потоков, сложное и противоречивое соотношение сферы формальной компетенции властных структур и системы неформальных практик. Миграци-

онная политика современной России становится, пожалуй, одним из наиболее ярких индикаторов разрыва, а иногда и противоречий интересов различных этажей власти, местных сообществ, бизнеса и региональных элит. Иными словами, государственное регулирование миграционных процессов становится частью глобальной проблемы взаимоотношения центра и регионов, проблемы реального федерализма.

Особым направлением является изучение приграничных режимов, трансграничной миграции и адаптации мигрантов в Сибири в исторической ретроспективе. Оно продолжает серию предшествующих исследовательских проектов НОЦ МИОН при ИГУ¹. В центре исследований здесь находится сравнительный анализ формальных и неформальных хозяйственных практик трансграничных мигрантов, которыми движет необходимость получения средств к существованию, но не переезд на новое место жительства. Изучение данной проблематики выстраивается в рамках теоретических концепций транснационализма, разделяемых сегодня многими исследователями миграционной проблематики. Разделяемых, поскольку мигранты нередко вместо ассимиляции в новой культуре поддерживают связи со странами исхода, создают социальные поля, пересекающие географические, культурные и политические границы, проживают «одновременно» и в отправляющем, и в принимающем сообществах.

Эти вопросы неразрывно связаны с более общей проблемой социокультурной адаптации мигрантов, процессом формирования ими диаспоральных сообществ, выработки специфического комплекса стратегий и повседневных практик, выстраивания сети связей и отношений на этнической основе. И здесь этнически разнообразный приток мигрантов в Сибирь в разные эпохи дает возможность выявить как разнообразие в моделях адаптации, так и несомненные сходства. Сибирский материал дореволюционной эпохи дает уникальную возможность проследить саму динамику формирования этнического самосознания, процесс вызревания в рамках традиционной сословной общинности нового, этнического (говоря отечественным языком – национального) принципа самоидентификации и самоорганизации. Текущая же ситуация позволяет проследить сложную и конфликтную дина-

¹ Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством. Иркутск; М.: Наталис, 2007. 328 с.; Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2009, 394 с.; Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики. Иркутск: Оттиск, 2009. 208 с.

мику соотношения миграционного и этнического, изучать то, что иногда называют «новыми диаспорами».

Миграционные и диаспоральные процессы — это «улица с двухсторонним движением». Их трудно представить вне контекста принимающего общества, вне его реакции. Принимающее общество адаптирует мигрантов и адаптируется само к их присутствию. Оно меняется под воздействием этого фактора иногда настолько радикально, что меняет свое качество. Поэтому важным направлением исследовательских работ проекта стало изучение стереотипов, образов, фобий, сформированных в российском обществе в отношении мигрантов и миграции. Мигрантофобия — неизбежная составная часть адаптационной реакции принимающего общества. Сейчас она стремительно и мощно вошла в уже существовавший ксенофобский комплекс, придала ему новое качество и размах. Иногда она принимает форму прежде существовавших этнических, расовых или культурных фобий, часто и рассматривается в таком качестве. Однако в качестве «чужих», «чужаков» могут восприниматься не только представители этнически или культурно иных, чем принимающее общество, групп.

Реакция принимающего общества является ключевым параметром любой миграционной ситуации, решающим фактором ее динамики и характера развития. В сознании российского общества идет интенсивный процесс осмысления и оценки феномена внешних миграций, вошедших в реалии повседневной жизни. Этот процесс осмысления и выработки отношения происходит на разных уровнях: в обыденном сознании, в идеологической и политической сферах, в научных исследованиях. Принципиально важно то, что между этими уровнями нет непреодолимой границы, что идет активный процесс взаимодействия, взаимовлияния. Эти процессы чрезвычайно важны — ибо от того, как будет осмысливаться роль и место мигрантов в обществе, какой будет миграционная идеология, во многом зависит траектория развития России: характер и темпы ее экономического развития, уровень конфликтности, социальной и политической стабильности, характер политического режима.

Миграционные и диаспоральные процессы порождают еще одно проблемное поле, которое можно обобщенно обозначить как проблему соотечественников. Здесь к двум обозначенным выше взаимодействующим сторонам (переселенцы и принимающее общество) добавляется третья — страна исхода, или «историческая родина» мигрантов. Взаимоотношения между этими акторами образуют множество разнообразных ситуаций, изучение которых выводит нас на более широкие проблемы. Так, отношение

«исторической родины» к соотечественникам за рубежом может определяться стремлением использовать их как важный ресурс при решении специфических внутригосударственных проблем (преодоление этнодемографических диспропорций, реализация проекта нациестроительства). Таким образом, через призму проблемы «соотечественников» можно посмотреть и на особенности государственной демографической и миграционной политики, и на механизм формирования идеологием «национального возрождения», «объединения нации», синдрома «разделенной нации».

Политика поддержки соотечественников может принимать различные формы – от государственных программ репатриации до системы мер, направленных на сохранение этнической и культурной идентичности соотечественников за рубежом без поощрения их возвращения на историческую родину. В любом случае возникает проблема конкуренции между властными структурами двух государств по вопросу влияния на мигрантское сообщество. Актуализируется и вопрос лояльности переселенческих групп к своей исторической и актуальной родине.

Статьи на эти темы и составили проблемный сборник, который стал первым крупным результатом работы проекта. Кроме того, его участниками уже опубликован ряд статей¹, готовится к выходу специальный выпуск «Известий Алтайского государственного университета», сформированный из работ участников проекта. Мы благодарны редколлегии журнала за возможность презентации работы нашего проекта и в таком формате.

В.И. Дятлов

¹ Калугина Г.В. Местная власть и трансформация дискурса «национальной политики» в постсоветскую эпоху. (Случай Иркутска)// *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз.* 2010. № 2 (57). С. 91–106; Дятлова Е.В. Образ китайского торговца-мигранта в дореволюционной России// *Вестн. Бурятского гос. ун-та.* Вып. 7. История. Улан-Удэ, 2010. С. 75 – 79; Гончаров Ю. М. Мигранты в составе населения городов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.// *Изв. Алтайского гос. ун-та.* 2009. № 4/4.

**Раздел 1. Позднеимперская Сибирь:
государственная политика и государственное
управление этномиграционными процессами**

Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов

В данной статье речь идет не о социально-экономическом аспекте аграрных миграций крестьян (о чем существует огромная литература), а о теоретических конструкциях империи, которая находилась в поиске национальной консолидации «единой и неделимой» России². Аграрное движение русских крестьян на новые земли с рубежа XIX — начала XX в. стало осознаться задачей первостепенной государственной важности. Все это позволяло современникам, а затем и историкам интерпретировать миграционные процессы как естественное расселение русских, не упуская из имперских и национальных мотивов того, что область колонизации «расширялась вместе с государственной территорией»³. Идеологического обоснования требовала не только внешняя экспансия империи, но и ее собственная гигантская территория, которая нуждалась во «внутренней геополитике» как интеллектуальном поле взаимодействия политических практик, презентаций и репрезентаций, а в имперскую и национальную риторику сверх решения социально-экономических задач были широко включены культуртрегерские мотивы⁴. Своего рода «духовный комплекс» и циркуляция не только материальных, но и символических ресурсов, «образов жизни», вписанных в ментальную географию и социокультурный ландшафт осваиваемого и присваиваемого «внутреннего геополитического пространства»⁵.

Новейшие исследования истории Азиатской России указывают на доминирующую роль государства в освоении Сибири и сопредельных территорий, преодолевая тем самым жесткую схему противополо-

¹ Ремнев Анатолий Викторович, доктор исторических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; Суворова Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

² Разработка этой темы была начата в наших статьях: «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 157-222; «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // *Исторические записки*. М., 2008. Т. 11 (129). С. 132-179.

³ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956. Т. I. С. 31.

⁴ Rieber A. *Colonizing Eurasia // Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / Ed. by Nicholas Breyfogle, Abby Schrader, Willard Sunderland*. Routledge, 2007. P. 269, 272.

⁵ Бабков А. Иконографический подход в работах французских геополитиков // *Власть*. 2010. № 7. С. 69-73.

ставления «вольнонародной» и «правительственной» колонизации¹. Отказавшись от колониальной и даже промежуточной и неясной по смыслу ленинской категории «колония в экономическом смысле», современное сибиреведение (за исключением нарратива некоторых национально ориентированных историков) предпочитает оперировать терминами «фронтир»², «пограничье», «сибирский плавильный котел» и даже «Дикий Восток»³, исследуя типологические сходства и различия американского и сибирского колониационного опыта⁴. Теории «внутренней колонизации»⁵ империи противостоит более агрессивная концепция «внутреннего колониализма»⁶, у которой, видимо, есть если не научное, то политическое будущее.

Геополитические координаты «внутренней колонизации»

Зауральские территории империи оказались включенными в широкий геополитический дискурс: «Европа – Россия – Азия», составляющей частью которого было новое прочтение деления России на европейскую и азиатскую части, цивилизационная ответственность Российской империи за военное, хозяйственное и науч-

¹ Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. Новосибирск, 2009.

² О том, что в схожем направлении шли рассуждения и российских историков периода империи, писал М. Бассин – Bassin M. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Space // Journal of modern history, 65 (September 1993). См. также: Сили Ш. Возникновение и источники теории «колонизации» С.М. Соловьева // Вопросы истории. 2002. № 6; Американский и сибирский фронтир. Томск, 1997; Замятина Н.Ю. Сибирь и Дикий Запад: образ территории и его роль в общественной жизни // Восток. 1998. № 6; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002, 2003. Вып. 2,3; Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Иркутск. 2002; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005 и др. Критический взгляд на использование теории фронта при применительно к Сибири см. рецензию Б.М. Шпотова в журнале «Новая и Новейшая история» (2004. № 2. С. 208–211).

³ The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East // Ed. by Eva-Maria Stolberg. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005; Eva-Maria Stolberg. Siberia - Russia's Wild East. Some Notes about Frontierism, 1890–1915 // Сайт «Сибирская заимка».

⁴ Супоницкая И.М. Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.) // Одиссей: Человек в истории. М., 1989.

⁵ Эткнд А. Бремя бритого человека, или внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002. № 1.

⁶ Хечтер М. Внутренний колониализм // Этнос и политика. М., 2000. Вместе с тем следует отметить нарастание колониального дискурса и использования понятия «внутреннего колониализма» для описания современной (с историческими ретроспективами в имперское прошлое) российской ситуации отношений центра и регионов. См. напр.: Родоман Б.Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия – 7. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996. Т. 3; Фадеечева М. Урал в системе «внутреннего колониализма» // Свободная мысль. 2007. № 6.

ное завоевание Азии, ее просвещение и даже расширение Европы¹. За изменениями политико-административной карты империи уже виделся целенаправленный процесс ее внутреннего национального устройства. Российские имперские идеологи демонстративно отказывались от употребления в отношении азиатских окраин термина «колония», подчеркивая тем самым непохожесть России на европейские колониальные империи². Основным ее отличием от западных мировых держав считалось то, что она представляет собой цельный территориальный монолит, а наличие свободных земель внутри империи сможет служить альтернативой эмиграции и позволит избежать угрозы окончательно потерять часть своего населения. Отсутствие четких границ внутри государственного пространства Российской империи создавало предпосылки для внутреннего расширения ареала расселения русских.

Еще в начале XIX в. известный ученый и публицист Н.И. Надеждин заметил, как к «основному ядру» империи, где «география имеет чисто Русскую физиономию», где расположена «коренная Русская земля», присоединяются в Азии и Северной Америке новые земли. Историк Сибири и известный сибирский просветитель П.А. Словцов в то же время рассматривал Сибирь как часть России, передвинувшейся за Урал. Сотрудник российского посольства в Китае Ф.Ф. Вигель писал в 1805 г., что Сибирь будет полезна России как огромный запас земли для быстро растущего русского населения, и по мере заселения Сибирь будет укорачиваться, а Россия расти. Влиятельный военный эксперт М.И. Венюков вслед за ними видел в крестьянском переселении основу прочного закрепления азиатских окраин за Россией. Мало было достигнуть «естественных границ» и включить территорию и народы в имперское пространство, нужно было еще сделать их неотъемлемой частью государства, а этого нельзя достичь без крестьянской колонизации, которая, казалось, только и сможет обеспечить «прочный покой» на новых землях³. Н.Я. Данилевский в своем знаменитом труде «Россия и Европа» утверждал, что процесс русской колонизации можно представить растянутым во времени, поэтапным «расселением русского племе-

¹ См.: Hauner M. What is Asia to Us? Boston, 1990; Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // The American Historical Review. 1991. V. 96. No 3; Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geography // Slavic Review. Spring 1991. Vol. 50. No 1.

² Обсуждение этой темы см.: Сандерланд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее ведомство, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917). М., 2010. С. 105-149; Ремнев А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке. Колониализм без Министерства колоний – русский «Sonderweg»? // Там же. С. 150-181.

³ Венюков М.И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПб., 1877. С. 114-115.

ни», что не создавало колоний западноевропейского типа, а лишь расширяло целостный континентальный массив русской государственной территории. В каждом географическом фрагменте Российского государства, считал он, появляется не «отдельная провинциальная особь» и не государственное «владение» как таковое, но «сама Россия»¹.

Видный российский географ, имевший тесные контакты с правительственными и военными кругами, П.П. Семенов (будущий Тянь-Шанский) в связи с 300-летним юбилеем присоединения Сибири к России прямо ставил вопрос: а было ли движение в Сибирь случайным «или неотразимым последствием естественного роста русского народа и русского государства»? В ответе на него он стремился преодолеть уже обозначившееся противопоставление вольно-народного переселения и правительственной колонизации, постарался связать в единый процесс формирование русской нации и Русской земли с имперским государственным расширением. Таким образом, в концепции Семенова соединяются идеи «исторического призвания» русского народа, установления «естественных границ» и складывания русской национальной территории. Сибирский вопрос погружался им в широкий цивилизационный контекст, детерминированный естественно-географическими и историческими факторами. Это была, по сути, новая геополитическая конструкция внутреннего пространства Российской империи. Западная Сибирь «сделалась более русской страной, чем многие из наших восточных губерний», — констатировал видный российский географ. Колонизация же Восточной Сибири, где сохраняются значительные инородческие территориальные анклавы, впереди, и успех ее будет зависеть от развития путей сообщения; в степных областях русские уже заняли большую часть оазисов и предгорьев. Вместе с тем, утверждал он, крестьянин в Азии не утратил «дорогих для русского патриота черт русской народности, а напротив, развил их». «Даже тогда, когда население достигнет 16–20 млн человек, разовьется своя промышленность, будут проведены реформы, — заключал ученый, — русские в Сибири будут играть роль «не отдельного организма, а только вытянутой конечности русского государственного организма...»²

П.П. Семенов усматривал в этом не просто рост имперской территории, а осуществление грандиозного геополитического проекта, когда в результате русской колонизации происходит смещение на

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. С. 485–486.

² Семенов П.П. Речь по поводу 300-летия Сибири, читанная в заседании ИРГО 8 декабря 1881 года. СПб., 1882. С. 19–20, 28.

восток этнографической границы между Европой и Азией¹. Позднее, применительно к Сибири, он будет употреблять не только определение «Азиатская Россия», но и «Европейская Азия»². У Д.И. Менделеева, который также мыслил геополитически, имелся схожий сценарий, в котором Россия «назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира». Деление на Европейскую и Азиатскую Россию он считал искусственным уже в силу единства «русского народа (великороссы, малороссы и белорусы)»³. Будущий евразиец Г.В. Вернадский видел в этом историческое предназначение восточно-славянских племен, которые в силу своего географического положения двинулись на восток, тогда как западно-германские племена пошли на запад. И это движение на рубеже XVIII–XIX вв. сомкнулось на границе Аляски и Канады⁴.

Научные концепции и прогнозы активно включались в имперский дискурс и использовались для обоснования военных и политических планов. Военная наука выделяла как один из важнейших имперских компонентов «политику населения», предусматривавшую активное вмешательство государства в миграционные процессы для решения военно-мобилизационных задач. Прежде всего, это было связано с насаждением русско-православного элемента на азиатских окраинах. Военный министр А.Н. Куропаткин рассуждал в этой связи о колонизационных задачах в национальных категориях. Территория восточнее Волги была им разделена на четыре района: 1) восемь губерний восточной и юго-восточной части Европейской России; 2) Тобольская, Томская и Енисейская губернии; 3) остальная часть Сибири и российский Дальний Восток; 4) Степной край и Туркестан. Если первые два района, по его мнению, могут быть признаны «краем великорусским и православным», то в третьем районе, который тоже уже стал русским, этот процесс еще не завершился и представляет серьезные опасения в Амурской и Приморской областях ввиду усиливающейся миграции китайцев и корейцев. Еще более опасной ему виделась ситуация в четвертом районе. Поэтому, заключал А.Н. Куропаткин, «русскому племени» предстоит в XX столетии огромная работа по заселению Сибири (особенно восточ-

¹ Семенов П.П. Значение России в колонизационном движении европейских народов // Изв. ИРГО. 1892. Т. XXVIII. Вып. IV. С. 354.

² Государственный совет. Стенографические отчеты, сессия III. СПб., 1908. Заседание 30 мая 1908 г. Стб. 1398.

³ Менделеев Д.И. О карте России // Менделеев. Д.И. К познанию России. М., 2002. С. 181–182.

⁴ Вернадский Г.В. О движении русских на восток // Русский разлив. М., 1996. Т. 2. С. 52.

ных ее местностей) и по увеличению в возможно большей степени русского населения в степных и среднеазиатских владениях¹.

Председатель Комитета министров и вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге в своем политическом завещании 1895 г., в свою очередь, указывал на русскую колонизацию, как на способ, по примеру США и Германии, стереть племенные и культурные различия². Поэтому нужно снять административные преграды движению крестьян за Урал, так как это может нанести ущерб «великой задаче ближайшего объединения наших Азиатских владений с Европейскою Россиею», — доказывал видный государственный деятель и воспитатель будущего императора Николая II. Был и еще один аргумент, который выдвигал Н.Х. Бунге, — «возможному напору желтой расы надлежит противопоставить в Сибири культурную силу русского народа, стойко охранявшего целостность государства на всех других его окраинах»³. Они должны были стать непреодолимым оборонительным рубежом на Дальнем Востоке от «желтой опасности», а в Центральной Азии от поползновений «фанатичного мусульманства». В связи с масштабным железнодорожным строительством в Сибири министр финансов С.Ю. Витте прогнозировал изменение геополитического пространства внутри самой империи, традиционно отмечая историческое значение «великой колонизаторской способности русского народа». Именно русский крестьянин-переселенец, по его мнению, изменит цивилизационные границы империи: «Для русских людей пограничный столб, отделяющий их, как европейскую расу, от народов Азии, давно уже перенесен за Байкал — в степи Монголии. Со временем место его будет на конечном пункте Китайской Восточной железной дороги»⁴.

Глава правительства П.А. Столыпин стремился включить в национальную политику охрану земель на востоке империи от захвата иностранцами, подчинить русской власти сопредельные с Китаем малонаселенные местности, «на тучном черноземе которых возможно было бы вырастить новые поколения здорового русского народа»⁵. Констатируя начало массового движения крестьян за Урал (рост в 1907 г. почти в три раза по сравнению с предыдущим годом) главноуправляющий Землеустройством и Земледелием кн. Б.А. Васильчиков призывал переменить «переселение» на «заселение». На первый план он выдвинул уже не столько аграрные или даже со-

¹ Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 55-75.

² Бунге Н.Х. Загробные заметки // Река времен (Книга истории и культуры). М., 1995. Кн. 1. С. 211.

³ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 199. Л. 44.

⁴ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711. Л. 41.

⁵ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 113.

циальные меры, сколько задачи геополитические и национальные. Это было следствием «пробуждения» Китая и поражения России в войне с Японией. Правительственное внимание переключилось на дальневосточные области и Забайкалье, которые в предшествующий период часто описывались как «забытые». «Эта богатая пустыня непосредственно граничит с такими перенаселенными странами и государствами, как Китай и Япония, — напомнил он депутатам Государственной думы, — и мы уже имеем определенные данные о тех мероприятиях, которые так называемый «дремлющий Китай» принимает для заселения смежных с нами областей»¹.

Глобальные геополитические конструкции волновали и захватывали умы, и уже главноуправляющий Землеустройства и Земледелия А.В. Кривошеин, которого именовали «министром Азиатской России», целенаправленно стремился превратить Сибирь «из придатка исторической России в органическую часть становящейся евразийской географически, но русской по культуре Великой России». В интервью французской газете «Figaro» (1911. 4 февр.) он разъяснял: «Хотя крестьянин, переселяясь, ищет своей личной выгоды, он, несомненно, в то же время работает в пользу общих интересов империи». А для переселенческого чиновника и писателя В.Л. Дедлова крестьянское переселение рубежа XIX–XX вв. — это русский массив, вытянувшийся вдоль Сибирского тракта и представляющий собой «клин, который вбивает Россия в Сибирь»².

Институциональные сдвиги конца XIX — начала XX в.: государство и общество в переселенческом деле

Поворот в переселенческой политике наметился на рубеже 1870–1880-х гг. и был обусловлен не только фактором растущего крестьянского малоземелья в Европейской России, а затем масштабного голода 1891 г., но и последствиями демографического роста, когда стало ясно, что естественный прирост перекрывает местные потребности в трудовых ресурсах. Это снизило давление на правительство со стороны аграриев, а российская промышленность все еще не была готова поглотить избыточное деревенское население. Строительство же Транссибирской магистрали значительно упростило задачу транспортировки переселенцев. Заселение восточных окраин открывало возможности не столько снизить социальное давление, грозившее политическими катаклизмами, сколько начать

¹ Речь Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием князя Б.А. Васильчикова в комиссии Государственной думы по переселенческому делу, 5 декабря 1907 г. // Вопросы колонизации. № 2. С. 419.

² Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Панорама Сибири: худож. публицистика. М., 2008. С. 341.

экономическое освоение новых территорий, а также добиться большей политической и социокультурной консолидации империи. Все это не могло не повлечь за собой институциональных изменений, и империя должна была поменять «правила игры» в отношении Азиатской России.

Особый статус азиатских окраин сохранялся вплоть до конца имперского периода благодаря наличию специального законодательства, регламентирующего их управления, а также наличия генерал-губернаторской власти на большей части Азиатской России. Упразднение в 1882 г. Западно-Сибирского генерал-губернаторства хотя и означало постепенную унификацию управления, но все же сохраняло существенные отличия в организации административных и судебных учреждений. С началом массового переселения была создана (и даже с некоторым запозданием) дополнительная ведомственно-административная сеть, не всегда совпадающая с обычным административно-территориальным делением, со своей вертикалью власти, плохо встроеной в губернскую (или областную) структуру управления, порождая новые формы сотрудничества и конкуренции. На административной карте азиатских окраин появились переселенческие районы и переселенческие участки, имевшие значительную административную, а главное, — финансовую автономию. Переселенческие чиновники не просто принадлежали другому ведомству, позиции которого в Петербурге заметно усилились, и внесли новый стиль управления крестьянским населением, будучи не только ориентированы на помощь переселенцам, ставших объектом их целевого попечительства, но обладали специальным технократическим ресурсом и достаточно широким научным взглядом. Выделение переселения в особую отрасль управления означало как административную специализацию, так и свидетельствовало о сдвиге восприятия миграционных процессов в сторону того, что можно определить термином «колонизация». Термины «переселение» и «колонизация» нередко смешивались, хотя за первым был закреплён аграрный приоритет решения социальных задач крестьянства, тогда как во втором — доминирующую роль играли политические интересы государства. «У нас есть переселенческая политика, но нам нужна политика колониционная», — призывал один видных деятелей колониционного дела Г.К. Гинс¹. «Переселение» в таком случае чаще всего предполагало наличие естественного миграционного потенциала у населения, стремившегося решить свои частные проблемы. «Колонизация» же была связана в большей степени с имперской политикой и искусственными мерами регуляции переселенческих потоков. Она была направлена не только на удер-

¹ Гинс Г.К. Переселение и колонизация. Б.м., б.г. С. 28.

жание завоеванных территорий, но, главным образом, на расширение пространства самой «Русской земли». Вместе с тем, как заметил один из имперских экспертов по Дальнему Востоку полковник Генерального штаба Л.М. Болховитинов, военно-политические задачи укрепления восточных границ и выселение из Европейской России малоземельных крестьян, чтобы заселить «окраинные пустыри», привели к тому, что «колонизация переплелась с переселением»¹.

В институциональном плане это означало формирование специального комплекса переселенческих законов и нормативных актов, создание новых учреждений и штата чиновников. Ведомственная неопределенность руководства колонизацией, рассредоточенного между Министерством внутренних дел, Министерством земледелия и государственных имуществ и местной администрацией в лице крестьянских начальников, получила новую организацию на самом высоком уровне в Комитете Сибирской железной дороги (КСЖД) под председательством наследника престола, а затем императора Николая II². Последнее подчеркивало то, что крестьянское движение стало не только делом государственным, но и царским. Это был сигнал бюрократическому аппарату, а также важный идеологический ход в рамках новой парадигмы «народного самодержавия». В ведении КСЖД (1892–1903 гг.) оказался весь комплекс проблем, связанных с колонизацией российских территорий за Уралом, а также арендованных империей территорий в Маньчжурии и на Лядунском полуострове (КВЖД и Квантунская область). В 1896 г. в структуре МВД появилось Переселенческое управление, которое в 1905 г. было передано в Главное управление Землеустройства и Земледелия (преобразованное в 1915 г. в Министерство земледелия). «Из скромного Переселенческого отделения при Земском Отделе, – констатировали в высших правительственных кругах, – в несколько лет развилось учреждение, которое по обилию и разнообразию дела правильнее было бы назвать старинным именем «Сибирского Приказа»³. Именно оно могло наибольшим основанием претендовать на роль «прото-министерства», как отмечает В. Сандерланд, но не «колоний», а «колонизации». Для Приамурского края, что обуславливалось военно-стратегическими причинами и требованиями максимальной концентрации действий центральной и местной администрации в реализации демографической политики, был создан

¹ Болховитинов Л.М. Колонизаторы Дальнего Востока // Великая Россия: сб. статей по военным и общественным вопросам. М., 1910. Кн. 1. С. 222.

² О Комитете Сибирской железной дороги см.: Ремнев А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи второй половины XIX – начала XX в. М., 2010. С. 293–307.

³ Поездка в Сибирь и Поволжье: записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 11.

Комитет по заселению Дальнего Востока, который возглавил глава правительства¹.

Хотя и не удалось добиться полной централизации в управлении миграционными процессами, эффективность действий правительства заметно повысилась. При главноуправляющем ГУЗиЗ А.В. Кривошеине лидирующая роль среди центральных ведомств перешла к этому учреждению, «которое стало фокусом культурной работы всего государства»². «Министр земледелия был, в силу руководства им Переселенческим управлением, «министром Азиатской России»; в круг его деятельности входили не только нормальные обязанности земства, в Сибири не существовавшего, но и ряд сходных, как открытие школ, больниц, церквей, помощь «водворяемым» земледельческими орудиями, строительными материалами и пр. <...> Кроме этой местной работы, Кривошеин, посредством Переселенческого управления, принял активное участие в разработке проектов постройки железных дорог между азиатскими областями, необходимых для земледельческого и промышленного развития Азиатской России, а, главное, оказал энергичное воздействие на их реализацию»³. Этот институциональный процесс был прерван начавшейся Первой мировой войной, хотя, как известно, П.А. Столыпин проектировал создание особого «Министерства по переселению»⁴.

Колонизационная тема оказалась внутри нескольких пересекающихся дискурсов: социального, национального и конфессионального. Казалось, что переселенческое движение крестьян на азиатские территории Российской империи открывает возможности для сотрудничества власти и общества, империи и народа. Председатель Общеземской организации кн. Г.Е. Львов открыто заявил в 1907 г., солидаризируясь с геополитической трактовкой миграционных процессов, предложенной имперскими властями: «Всем ясно, какое громадное государственное значение приобрела именно теперь правильная усиленная колонизация отдаленных восточных окраин Империи. Всем ясно, какое громадное значение получило правильное выселение избытка населения из центра. Переселенцы — не лишние люди, до которых нам нет дела. Они разрешают и на них возлагаются великие задачи. Они должны установить на окраинах тесную связь общих интересов со своей родиной-метрополией, должны сохранить связь с ее культурой и жить одною с ней жизнью.

¹ Подробнее см.: Ремнев А.В. Комитет по заселению Дальнего Востока (1909-1915 гг.) // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. СПб., 2003. С. 140-149.

² Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 105.

³ Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С. 132.

⁴ Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. М., 2002. С. 93.

Одни они могут слить в единое целое далекие окраины наши с отчизной, сплотить их внутренней связью с родиной»¹. И уже земские переселенческие съезды провозглашали, что «степные области Средне-Азиатской России» очень подходят для выходцев из Малороссии, необходимо ускорить для них землеотводные и ирригационные работы в Семиреченской и Сырдарьинской областях, начать строительство железной дороги Ташкент–Верный–Транссиб, подъездных путей к Сибирской магистрали и т. п.².

Между тем постановка управления переселенческим движением и меры по хозяйственному устройству переселенцев вызывали острую критику не только в части технической организации и финансовой поддержки, но затрагивали куда более важные социальные и культурные аспекты. Не случайно проблемы переселения были одними из наиболее дебатированных в Государственной думе³.

Переселенческое дело объединило чиновников и земства в районах выселения, а за Уралом различные общественные и научные организации, и даже лиц с так называемым «предосудительным формуляром» — политических противников самодержавия. Многие ссыльные революционеры-народники были вовлечены (прежде всего, через отделения Русского географического общества и статистические комитеты) в этнографические и миграционные исследования, оказались востребованы администрацией как научные консультанты. Особую позицию в референтном сообществе занимали сибирские областники и формирующая национальная интеллигенция народов Сибири. Переселенческие чиновники, к которым переходит лидерство в осмыслении социально-экономических задач империи на окраинах, рассуждали в рамках усвоенной ими цивилизационной миссии России в Азии. Это позволяло им в колониальном деле найти компромисс между государственной службой и народническими идеалами, которые они распространяли не только на все еще «отсталых» русских крестьян, но и туземцев. При этом имперская администрация и народнически настроенные интеллигенты (нередко соединявшиеся в лице крестьянских или переселенческих чиновников, врачей и учителей) сходились в том, что кочевники хотя и являются народом «полу-диким», но способным к развитию, а соседство с русскими станет важным стимулом для их «культуризации».

¹ Доклад земским собраниям председателя Общеземской организации кн. Львова об участии Общеземской организации в переселенческом деле // Вопросы колонизации. [1908]. № 2. С. 408.

² Первый областной переселенческий съезд в г. Харькове // Там же. [1908]. № 2. С. 403.

³ Воишин В. П. Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва: итоги и перспективы. СПб., 1912; Муганский В. Вопросы колонизации в четвертой Государственной думе // Вопросы колонизации. 1913. Вып. 13.

Колонизация азиатских окраин и курс на «слияние»

Азиатские регионы империи начала XX века можно ранжировать по степени их интегрированности в имперское пространство: Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток, Оренбургский край, Степной край и Туркестан. Существовало понимание, что колонизационный проект «обрусения» не мог быть одинаково эффективен для всех восточных окраин. Так, Р.А. Фадеев считал исторически успешным заселение русскими Новороссии, Поволжья, Приуралья, Сибири, северного Предкавказья, но был менее оптимистичен в отношении Закавказья и Туркестана, которые «не могут уже вместить такой массы пришлого русского населения, чтобы обратиться этнографически в Россию; они останутся очень надолго русскими владениями в Азии, со всеми неизбежными условиями такого владения»¹.

Российская империя имела несколько своих «Востоков»: своеобразный «внутренний» Восток – татаро-башкирское Поволжье уже, казалось, прочно включенное в политическое и социокультурное пространство России, но сохранявшее мусульманское обличье; Сибирь, которая воспринималась, скорее, как Север, хотя и сохранившая некоторые азиатские черты, но уже превратившаяся в российскую (и даже «русскую») «внутреннюю периферию»; Дальний Восток – также ставший «Русской землей», но все еще далекой и вызывающей опасения из-за своего коммуникативного отрыва от «коренной России» и наличия опасных иностранных конкурентов; Степной край – пока еще «азиатский», но не обладающий классическими «восточными» чертами, а местные кочевники, скорее, «полудикие», чем поглощенные мусульманской культурой, нуждаются в русской цивилизации, способные ее принять уже в силу своей природной чистоты, окончательно незамутненной «мусульманским фанатизмом»; средне-азиатские «владения» – которые, казалось бы, наиболее были схожи с колониями европейских держав, но и там империя надеялась создать «Русский Туркестан», а среди местного населения распространить понятия и ценности «русского гражданства».

Этот процесс изначально был представлен как просвещенческая идея, направленная на преодоление цивилизационного разрыва статической дихотомии между «образованными» народами и народами «дикими», на приведение туземцев в «людскость» через приобщение к оседлой жизни и земледелию, а затем и к христи-

¹ Фадеев Р.А. Записка об управлении азиатскими окраинами // Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003. С. 276.

анству¹. Эта идея претерпела известную трансформацию в рамках эволюционной концепции стадийного перехода от «варварства» к «цивилизации» и «гражданству», когда терминологически «иноземцев» сменили «иноверцы» и «иностранцы», обещавшие превратиться в «национальные меньшинства» и «малочисленные народы»². Заселение азиатских окраин русскими стало частью формирующегося национального дискурса, включившего в описание «русского дела» понятийный ряд: «мирное завоевание», «оживление» окраин, «водворение русской гражданственности», а чаще всего «обрусение». Таким образом, в центре внимания экспертов оказалось русское население³, движение которого на восток рассматривалось как колониальная задача территориальной и национальной консолидации империи.

Это был новый национальный проект объединения народов и территорий империи посредством русской культуры и модернизационных институтов. Создание «большой русской нации»⁴, как политической целостности, представлялось идеологу «обрусения» России М.Н. Каткову главной ценностью. Политическим смыслом российского движения в Азии, как утверждал М.Н. Катков в полемике со своими оппонентами, является то, что, размещаясь между иностранцами, «русские поселки втягивают их в строй нашей жизни, мирят их с русской властью, и вскоре дают им оценить все выгоды находиться под сенью русского могущества»⁵. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х гг. формулируется как новый национальный курс на создание «единой и неделимой» России, с центральным государственным ядром, окруженным окраинами, которые призваны со временем «слиться» с ним.

В этих теоретических построениях, важно подчеркнуть, историки, географы, востоковеды и этнографы не ограничивались демографическими описаниями миграционных процессов или правитель-

¹ Годжи Д. Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 216-217.

² Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 90; Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004. С. 126-150.

³ Определение «русские» на азиатских окраинах оставалось дискурсивным, могло включать не только великороссов, но также украинцев и белорусов, не ограничиваясь принадлежностью к православии, а нередко широко трактовалось как синоним «русского гражданства».

⁴ О концепте «большой русской нации» см.: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31-41; Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.

⁵ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 год. М., 1897. С. 427.

ственной политики, а с воодушевлением отмечали, что «...Сибирь понемногу принимает облик русской земли», а «по мере того, как за Камень начинает вливаться русское население, Сибирь — колония постепенно все дальше отступает на восток перед Сибирью — частью Московского государства»¹. Еще генерал-губернатор Н.Н. Муравьев напутствовал отправляемых на Амур поселенцев: «С богом, детушки. Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сделайте ее русским краем...»² Возвращавшемуся с Дальнего Востока в 1854 г. через Сибирь в Россию после морского путешествия писателю И.А. Гончарову уже Якутск показался столь родным, что он записал: «Нужды нет, что якуты населяют город, а все же мне стало отрадно, когда я въехал в кучу почерневших от времени одноэтажных деревянных домов: все-таки это Русь, хотя и сибирская Русь!» Известный путешественник и географ Н.М. Пржевальский во время поездки по Уссурийскому краю в 1867—1869 гг. с удовлетворением отмечал, что крестьяне принесли с собою «на далекую чужбину» родные им привычки, поверья, приметы, что они уже быстро перестают тосковать по родине, заявляя: «Что там? Земли мало, теснота, а здесь, видишь, какой простор, живи, где хочешь, паши, где знаешь, лесу тоже вдоволь, рыбы и всякого зверья множество, чего же еще надо? А даст Бог пообживемся, поправимся, всего будет вдоволь, так мы и здесь Россию сделаем»³. Даже каторжане Сахалина могли заявить: «Нерадостная судьба наша заставляет позабыть свою родину, свое происхождение и поселиться на краю света, среди непроходимых лесов. Бог помог нам. В короткое время построили дома, очистили долину под поля и луга, развели скот, воздвигли храм, и, вы сами теперь видите, здесь Русью пахнет»⁴. Известный востоковед В.П. Васильев в программной статье «Восток и Запад», опубликованной в 1882 г. в первом номере газеты «Восточное обозрение», призывал перестать смотреть на русских, как на пришельцев в Сибирь, заявляя, что «мы давно уже стали законными ее обладателями и туземцами»⁵.

Российская империя не хотела выглядеть колониальной. Дело заключалось не только в стремлении дистанцироваться от европейских колониальных держав, от их корыстной экономической политики, демонстративного расового и культурного превосходства над туземцами, что плохо сочеталось с довольно распространенными просвещенческими и народническими идеалами в российской ин-

¹ Вернадский Г. Против солнца. Распространение русского государства к востоку // Русская мысль. 1914. № 1. С. 64.

² Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 173.

³ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869. М., 1947. С. 70.

⁴ Миролюбов (Ювачев) И.П. Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. С. 214.

⁵ Васильев В.П. Восток и Запад // Восточное обозрение. 1882. 1 апр.

теллектуальной среде. В отличие от западной колониальной сегрегации, проводимой европейскими национальными государствами, в России, где процесс национального и имперского строительства шел почти одновременно, курс на интеграцию народов через их «цивилизацию» делал расовую теорию почти невостребованной и выводил за поле государственного и общественного внимания¹. Термины «колония» и «колониальная политика» оставались по преимуществу оценочными, как несправедливые и эксплуататорские, впрочем, не отрицая, что и европейская колониальная политика не ограничивалась только полицейским режимом, репрессивной политикой и экономическим ограблением. Вооруженные западными теориями «цивилизации» и «прогресса» российские интеллектуалы (особенно те из них, кто готов был идти на сотрудничество с властью) надеялись не только отказаться от оценок собственных действий как эксплуататорских и несправедливых, но и добиться преодоления «отсталости» азиатских народов (как, впрочем, и самих русских крестьян). Но существовало еще и ожидание, что отказ от «колониальности» снизит потенциал национально-освободительного движения и сепаратизма. Империя надеялась, что ей удастся найти бесконфликтный вариант «слияния» народов в одном государственном сообществе, объединив население чувствами династической преданности, официального патриотизма, русского (российского) национального гражданства и приверженности к русской культуре и языку. В случае Сибири, Дальнего Востока и даже Степного края это был вполне реальный шанс превратить их в «русскую национальную территорию». Поглощение окраин, таким образом, могло быть представлено как постепенное расширение национального русского ядра не только за счет сплошного национально-демографического поглощения, но и создания островков «Русского мира» в стратегических зонах Азии.

Насколько популярен был такой взгляд, могут свидетельствовать, к примеру, рассуждения чиновника А.И. Термена, служившего в Туркестане, а затем в Забайкалье: «Основную задачу правительства по отношению к инородцам представляет: плотное единение инородцев с коренной Россией посредством общей культуры и тесно связанных экономических интересов. Этим достигается политическое объединение и на окраинах создается плотность, которая в силах противостоять наступающим извне элементам...»² Расовое

¹ Вульпиус Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории российской империи (1700–1917)*. М., 2010. С. 14–41. См. несколько иную точку зрения: Могильнер М. *Ното imperii. История физической антропологии в России*. М., 2008.

² Термен А.И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: очерки и впечатления. СПб., 1912. С. 128.

смешение, происходившее на азиатских окраинах, явно не смущало А.И. Термена, без сомнения, считавшего себя национально русским. И таких, как он, было немало среди тех, кто проповедовал расширительное понимание «русскости» как национальности общекультурной и гражданской. Потому что, как он доказывал, это привычный процесс в истории русского народа, для которого нет предела «чистой крови» и «помеси». «Не выработало ли смешение всех живших на этом пространстве разнородных элементов тот здоровый средний русский тип, — вопрошал он, — который является олицетворением всего «чисто национального русского», который, расширив пределы «матушки России», поглощая, продолжал подчинять себе соседних инородцев?» Теперь только следует продолжить эту деятельность целенаправленно. «Так же, как и до сих пор вошедшие в состав инородные элементы не помешали этому среднему русскому типу по духу и по взглядам считать себя «чисто русским», и создать нынешнюю коренную Россию, так же и дальнейшее восприятие инородческой крови нисколько не помешает потомкам считать себя чисто русскими, если только полученное ими за это время воспитание и материальные интересы сроднят их с массою русского элемента»¹. При этом он был уверен, что последнее куда важнее, нежели язык и национальность, понимаемые как категории этничности. Поэтому так важны в этом деле прежде всего школа и церковь, которые направят инородцев в «русскую колею» и не позволят самим русским «одичать» в Сибири и сделаться народом поистине культурным. Особую роль он отводил священнику-миссионеру, который как воин на поприще духовном должен блюсти «духовные интересы государства», получив от правительства «директиву». Призыв в армию инородцев также будет работать в этом направлении, надо только направить их на службу во внутренние губернии России.

«Чужая земля» как своя

На протяжении XIX столетия можно наблюдать процесс постепенного крушения стереотипа Сибири как «царства холода и мрака». Из страны «незнаемой» и «виноватой», места ссылки и каторги она превращается в привлекательный, богатый землей край². Одновременно шло ментальное освоение нового пространства и присвоение его, как «Русской земли». Понятие «наше», отмечает К. Вейс, которое глубоко укоренилось в русском сознании, является ключевым элементом как для понимания структуры Российской империи,

¹ Там же. С. 132-133.

² См.: Родигина Н.Н. Другая Россия: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск, 2006.

так и для присоединения к России окраин, в особенности Сибири¹. Устроившись на новых землях, переселенцы предложили свои методы их символического закрепления. Главными маркерами, обозначившими «Русскую землю», служили православные церкви, пашни, русские села с кладбищами, над которыми, как и над церквями, возвышались кресты. Еще одним показателем «обрусения» колонизируемой территории становилась русская топонимия.

По мере административного и народонаселенческого «уплотнения» карты Азиатской России, на ней появляются и новые названия. Путешествующий по Амуру по заданию Морского министерства в 1860 г. известный этнограф С.В. Максимов обратил внимание на способность русских казаков и крестьян давать свои названия географическим объектам. Он писал, что пройдет не так много времени и они все здесь «окрестят»². Название географического объекта становилось важным фактором его последующего описания и восприятия окружающими как части культурного ландшафта. Таким образом, формировался новый культурный контекст, наполненный заданными смыслами, которые могли быть прочитаны как национальные. Если первоначально процедура номинаций была своего рода «заявительной», то затем она становится «разрешительной» (не обязательно через официальное согласование, но и путем негласной конвенции) и, наконец, рекомендательной и директивной³. На начальном этапе, во многом благодаря народной инициативе, ойконимы чаще всего были связаны с гидронимами или именами первооснователей, со временем нарастает православно-русская по семантике топонимия. Важную роль в этом процессе играет так называемая перенесенная топонимия, когда в Азиатской России в массовом порядке появляются названия, связанные с местами выхода переселенцев. С усилением контроля государства за крестьянскими миграциями возрастает его роль в номинации населенных пунктов. В середине XIX в. западносибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд уже предписывал давать новым населенным пунктам названия, связанные с именами членов императорской семьи. Управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин во время поездки 1896 г. по Сибири также рекомендовал местным чиновникам: «Нужно, когда встречается к тому случай, наводить

¹ Weiss C. «Nash», Appropriating Siberia for the Russian Empire // *Sibirica*. Vol. 5. № 1, Spring 2006. P. 141-155.

² Максимов С.В. На Востоке. Ч. I // *Собрание сочинений С.В. Максимова*. СПб., б.г. Т. 11. С. 211. Показательно, что в слове «окрестят» заключалось не только стремление дать имя, но и сделать христианским.

³ Подробнее см.: Ремнев А.В. Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX—начала XX века (в печати).

переселенцев на мысль давать поселкам наименования в честь членов императорской фамилии, дабы всеми доступными средствами способствовать скреплению этой окраины с родною колыбелью»¹.

Духовно сцементировать разнородное русское общество на азиатских окраинах призвана была Русская православная церковь. «Русскую землю» крестьянин воспринимал прежде всего как «христианское царство», где живут православные люди. «Политическое возобладание русскими Сибирью, — отмечал еще в начале XIX в. П.А. Словцов, — равномерно совершалось и в Христианском разуме, через сооружение часовен, церквей, монастырей и соборных храмов»². Для традиционной системы представлений и переживаний была важна трансляция на новые места объектов и имен религиозного почитания и покровительства, что вело к сакрализации пространства. «Храм, выступая в своем известном символическом значении, не просто отмечает пространство в сознании людей. Он уже организует его по закону своей материнской культуры — древним традициям русского храмового зодчества, помогает сформулировать некую этнокультурную идентичность (наравне с присвоением новому пространству имен исторической Родины и понятий русской православной церкви и культуры), помогает воссоздать привычный культурный порядок, воссоединиться с реальным образом обжитого мира — Россией»³.

В народном сознании закрепляются как сибирско-русские герои: Ермак, Хабаров, Дежнев, Поярков, появляются местночтимые святые, иконы, популярные места религиозного паломничества, монастыри. Открытие новых православных храмов, торжественное освящение икон, установление памятников павшим героям, проведение церковных и государственных праздников, юбилеи присоединения к России и чествование главных подвижников «русского дела» — становились демонстрацией утвердившейся русскости, что подчеркивали в своих проповедях священники, провозглашали местные губернаторы и генерал-губернаторы, пропагандировали общественные деятели и краеведы. Этому были призваны служить местные музеи, исторические публичные чтения и памятные издания для широких масс. В «обрусительных» сценариях (имперском и народном) механизмы превращения «незнаемой» земли в русское христианское пространство включали, таким образом, наряду с

¹ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 202. Л. 19.

² Словцов П.А. Историческое освоение Сибири. М., 1836. Кн. 1. С. 36.

³ Левашко С.С. Православный храм — архитектурный символ России на Дальнем Востоке во второй половине XIX—первой трети XX в. // Христианство на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000; Он же. Православные храмы и триумфальные арки в русском стиле на Дальнем Востоке на рубеже XIX-XX вв. // Духовная жизнь Дальнего Востока России. Хабаровск, 2000.

хлебопашеством, осмысление ее как богоданную и закрепленную православной и национальной символикой, право на которую подкреплено ратными трудами и пролитой кровью.

Русский крестьянин-переселенец и империализм

В. Сандерланд поставил, на наш взгляд, очень важную проблему: «Было ли переселение феноменом сельского хозяйства или империализма? Было ли это историей колониальной экспансии или внутреннего развития?». Или это было и тем и другим?¹ Действительно, во взаимоотношениях власти и туземцев русские переселенцы могли стать важной «третьей силой», способной придать процессу колонизации новое измерение. Однако казаки и крестьяне «не были ни убежденными агентами имперской власти, ни носителями «цивилизаторской» миссии, ни миссионерами»², хотя их стремились возвысить и включить в решение геополитических и национальных задач. Они оставались далекими от осознания своего высокого имперского и культуртрегерского предназначения, своего рода «неимперскими империалистами», по-крестьянски прагматичными во взглядах на туземное население и озабоченными, главным образом, количеством и качеством земли³. Но только они, по мнению многих имперских экспертов, могли стать реальной силой, способной сплотить огромное политическое пространство России, добиться «слияния» ее окраин с русским государственным ядром. За Уралом самодержавие отказалось от крепостнического варианта закрепления за империей новых земель, не использовало помещика в качестве колониационного и культурного элемента, как это было в Поволжье, Новороссии и Западном крае, а сделало главную ставку на крестьянина.

Многие влиятельные имперские и общественные эксперты утверждали, что «русский крестьянин — колонист по преимуществу», акцентировали внимание именно на «вольнонародном» характере казачьего и крестьянского движения на восток, подчеркивая при этом, что заселение земель за Уралом прошло самовольно и даже нередко вопреки государству. Правительство лишь воспользовалось результатами миграционного творчества простых русских людей. Видный земский деятель А.И. Васильчиков писал, что русские люди

¹ Sunderland W. The «Colonization Question»: Visions of Colonization in Late Imperial Russia // *Janrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 2000. № 48. P. 210-212.

² Брейфогл Н. Контакт как созидание. Русские сектанты и жители Закавказья в XIX в. // *Диаспоры*. М., 2002. № 4. С. 185, 188.

³ Sunderland W. Peasant Pioneering: Russian Settlers Describe Colonization and the Eastern Frontier, 1880s-1910 // *Journal of Social History*. 2001. V. 24. №. 3. P. 895-922.

«проникали и переселялись на заселяемые прежде, чем вступали на них русские войска и власти, и завоевание, колонизация совершались не оружием, а орудиями — сохой, косой, топором»¹.

В такой исторической трактовке был важен поворот от прежнего осуждения «вольницы» к попытке дать ей иную интерпретацию, включив в имперскую идеологию. Народная колонизация начинает трактоваться как необходимое дополнение военной экспансии, и специально акцентировалось то, что об этом свидетельствует вся наша история. «Везде и всюду мы видим одно и то же: меч завоевывает, а плуг закрепляет завоеванное и не только мирит покоренного с завоевателем, но и ассимилирует его бескровным мирным путем. Сама история говорит за то, что русский человек крепко отстаивает свою народность и, безусловно, способен к колонизаторской деятельности»². «Вслед за военным занятием страны, — отмечал известный публицист Ф.М. Уманец, — должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знаменами и точно так же, как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца»³. Уманец описывает переселение русских за Урал в категориях «мужичьей колонизации» и «этнографического завоевания» Сибири, ставя их в один ряд с распространением «англо-саксонской расы» в Северной Америке, но предлагает при этом совершенно иные политические прогнозы. В руководстве переселенческим движением он предлагает довериться «закону природы», «инстинкту» крестьянина-переселенца, лишь направляя колониационные потоки в нужное государству русло. Россия в отношении своих окраин не может руководствоваться колониальным расчетом экономической выгоды. «Мы должны, — заключает он, — занимать и колонизировать сопредельные пустыни не ради увлечения дешевыми лаврами и мишурной славой, не потому что нам это выгодно, не потому, чтобы не хватало оренбургского или херсонского чернозема... а просто потому, что без этой колонизации мы не отвечаем за спокойствие областей давно заселенных и, столетия назад, вошедших в государственные пределы». Поэтому колонизация, в его интерпретации, есть «народная повинность, фатально вытекающая из нашего географического положения и государственного достоинства, из того, что стремление на Восток составляет нашу историческую миссию, из того, наконец, что «судьбой нам суждено» осенить пустыню идеей государственности и внести в

¹ Цит. по: Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. Омск, 1973. С. 61.

² Мысли русского человека // Туркестанские ведомости. 1899. 10 янв.

³ Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. С. 33.

нее кодекс христианской нравственности, вовсе не следует, чтобы мы должны были постоянно «работать в убыток» и, таская каштаны для других народов, всегда оставаться на втором плане»¹. Сохраняя идеологическую дистанцию, отделяющую Россию от европейских колониальных держав, имперские теоретики усваивали и с осторожностью внедряли экономические и национальные обоснования, актуализируя демографические угрозы в виде «желтой опасности» или нового «монгольского нашествия». Именно русские, по мнению Уманца, должны получить лучшие земли на окраинах, потому что добыты они «русской головой и русской кровью», налогами с русских крестьян, именно русские внесли наибольший вклад в их «завоевание» и установление там «общественной безопасности».

Для укрепления империи необходимо было создать на окраинах критическую массу русского населения, которое и станет демографической основой государственной целостности. «...Могучее народное движение... заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им», – утверждал историк М.К. Любавский². Главной движущей силой колонизации становится уже не «природная стихия» крестьянских побегов от государства, а само государство, которое направляет народные потоки, создает для русских переселенцев защитно-оградительную инфраструктуру, законодательно стимулирует и регулирует размещение русских населенных пунктов³.

В крестьянском миграционном сознании переселение за Урал могло восприниматься как стратегическая задача, указанная монархом и объединяющая интересы крестьянства и государства. Это придавало миграционным настроениям переселенцев особую легитимность. Вопреки бюрократическим запретам, переселенец верил, что, двинувшись за Урал, делает «царское дело» и что «казна» его не бросит⁴. Самовольное переселение крестьян не прекращалось на протяжении всей имперской истории, но все больше учитывалось властью, если не сказать, оказалось встроено в ее политические сценарии. И даже, если переселение не было санкционировано государством, такой самовольный мигрант, прибыв в Сибирь, считал себя вправе требовать от местных властей помощи в обустройстве на

¹ Там же. С. 225-226.

² Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 474.

³ Ерофеева И. Славянское население Восточного Казахстана в XVIII–XX вв.: миграционное движение, стадии социокультурной эволюции, проблемы реэмиграции // Этнический национализм и государственное строительство. М., 2001. С. 333.

⁴ Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984. С. 47; Беляков И.Е. Переселенец о Сибири // Русское богатство. 1899. № 3. С. 6.

новых землях. Как отмечал один из уездных начальников в рапорте на имя акмолинского губернатора: «Разуверить их в том, что свободных для поселения мест нет, положительно невозможно, поскольку на все доводы они отвечают словами: «мы явились... и, следовательно, имеем право селиться»¹. С этим вынуждены были соглашаться и переселенческие чиновники, признавая крестьянские резоны, что их обратно не возратить, что все они одинаково нуждаются в помощи государства и будут делать общее дело, независимо от формального разрешения на переселение².

Именно таким инстинктивным сознанием русского крестьянина и постаралась воспользоваться империя, чтобы не только экономически освоить новые территории, но и надежно прикрепить их к государственному ядру. При этом неуклонно подчеркивалось инициативное участие народа в построении империи. «Первопроходцы», возведенные в ранг имперских и национальных героев, не только отыскивали «ничьи» земли за Уралом, но и обеспечили «историческое право» на их обладание. Присоединение Амура воспринималось как «возвращение» земель, добытых ранее народными массами, а также стихийное движение русских людей на восток, «к морю-океану». Для «степи» использовались мотивы извечной борьбы с ней «леса», защиты земледельцев от «хищничества» кочевников. Переселенцы в XIX и даже в начале XX в., не считаясь с правительственными запретами, не переставали идти на все еще официально закрытые «внутренние» земли Сибири, Степного края и Туркестана. Крестьянские поселения задолго до включения в состав империи появились на Алтае, в Урянхайском крае, Маньчжурии и даже на территории Северного Ирана и Монголии. Места, обжитые русским пахарем, могли рассматриваться как потенциально принадлежащие России. Конечно, русскому человеку не были чужды стремления уйти из зоны досягаемости власти, но стихийно он выполнял функцию, которая могла вполне устроить империю: «он заносит русскую культуру в глубь Азии, цивилизует тамошнюю «орду», он, по его собственному выражению, «русскому царю землю завоевывает», а дипломатам оставалось «лишь оформить это завоевание»³.

Экстенсивный характер русского земледелия и демографический взрыв пореформенного времени усилили миграционную мотивацию русского крестьянина, породив своеобразный «сельско-

¹ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 369. Оп. 1. Д. 4591. Л. 30.

² Велецкий С. Записки переселенческого чиновника // Вопросы колонизации. [1908]. № 3. С. 199.

³ Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе // Зап. Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1898. Кн. 25. С. 62. С.В. Лурье образно описывает этот процесс «убегания» крестьянина от государства, как игру в «кошки-мышки». См.: Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 161-169.

земледельческий империализм», как его именовал философ Н.Ф. Федоров. И уже современные исследования подтверждают данную тенденцию: «Крайне интенсивный характер земледельческого производства и объективная невозможность его интенсификации привели к тому, что основная историческая территория Русского государства не выдерживала увеличения плотности населения. Отсюда постоянная, существовавшая веками, необходимость оттока населения на новые территории»¹.

Империя надеялась использовать крестьянина как в деле хозяйственного освоения азиатских окраин, так и стремилась получить народную санкцию территориальной экспансии, которая бы оправдывалась приращением пахотной земли. Архиепископ камчатский, курильский и алеутский Иннокентий, определяя главную цель присоединения к России обширного и почти пустынного Амурского края, уже в 1856 г. отмечал, что она заключается прежде всего в том, «чтобы благовременно и без столкновений с другими державами приготовить несколько мест для заселения русских, когда для них тесно будет в России»². Империя могла позиционировать себя в качестве государства, заботящегося не только о ныне живущих, но и будущих поколениях русских людей. «Необходимо помнить, — писал в 1900 г., опираясь на расчеты Д.И. Менделеева, военный министр А.Н. Куропаткин, — что в 2000 году население России достигнет почти 400 млн. Надо уже теперь начать подготавливать свободные земли в Сибири, по крайней мере, для четвертой части этой цифры»³.

Крестьянская колонизация может быть в таком случае представлена как конфликт и сотрудничество крестьянского общинного мира и государства. Россия как «мир» появлялась везде, где поселялись русские, формирующие ее «сакральные границы». Островки такого «мира» формировали своего рода русский архипелаг в азиатском океане, разрастаясь от городов (крепостей), казачьих станиц, от укрепленных линий вдоль почтовых и торговых трактов, сливаясь постепенно в массивный «русский континент». «Этот своеобразный русский этатизм, этот своеобразный перенос понятий и обеспечивал силу русской экспансии», — делает вывод С.В. Лурье⁴. Все это создавало предпосылки идеологического синкретизма воль-

¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 566.

² Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит московский и коломенский: по его сочинениям, письмам и рассказам современников. Репринт. изд. М., 1997. С. 382.

³ Куропаткин А.Н. Итоги войны: отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Варшава, 1906. Т. 4. С. 44.

⁴ Лурье С.В. Геополитические формы организации пространства экспансии и их влияние на характер народной колонизации [<http://ethnopsychology.narod.ru/svlourie/articles/expansion.htm>].

нонародной миграции, правительственной колонизации и даже имперской экспансии, соответствовало идее «народного самодержавия», демонстрировавшего патриархально-попечительное отношение к «отсталому», но верноподданному крестьянину.

«Культурное бессилие» переселенца и хозяйственное «хищничество»

Казалось бы, рост численности русского населения в азиатской части империи должен был демонстрировать успех курса на «слияние» окраин с центром страны, однако крестьянское переселение создавало для властей новые проблемы, обостряя социальные, национальные и конфессиональные противоречия.

Помимо нежелания помещиков лишиться дешевого крестьянского труда, существовали и сдерживающие политические факторы. Украинцы и белорусы были нужны на западе империи для усиления там «русского начала», что особенно стало ясно после восстания 1863 г. Самодержавие было вынуждено приостановить в Северо-Западном крае действие циркуляра министра внутренних дел «О порядке переселения крестьян на свободные земли» (1868 г.)¹. Массовое передвижение русских людей на восток воспринималось как политически опасное. «Уйдем в Азию, чтобы предоставить на нашей европейской территории возможно больший простор для чужеземной колонизации!» – грозно восклицал катковский «Русский вестник», которому уже мерещилось «онемечивание» западно-русских земель². Витебский губернатор В.В. фон Валь в 1890-х гг. выражал беспокойство, что «тихое и спокойное белорусское население заменится латышским, а с уменьшением белорусов ослабнет и русский характер Витебской губернии»³. Подобное беспокойство проявлял в 1903 г. министр внутренних дел В.К. Плеве, признавая, что «из местностей с преобладающим инородческим населением переселяются преимущественно русские крестьяне». С другой стороны, он констатировал отсутствие целенаправленной политики, направленной на «усиление русской народности в местностях с преобладающим иноплеменным населением», что переселенцы неохотно идут на Кавказ, в Туркестан, Приамурский край – «местности, которые по политическим соображениям осо-

¹ Очерки истории белорусов в Сибири в XIX – XX вв. Новосибирск, 2001. С. 60.

² Современная летопись // Русский вестник. 1882. № 12. С. 999.

³ Ответы на вопросы о крестьянских переселениях (1890-е гг.): записка ген.-м. фон Валя // ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 393. Л. 5.

бенно нуждаются в приливе русского населения»¹. Позднее эту же позицию будет отстаивать и П.А. Столыпин, указывая на опасность массового ухода русского населения из Европейской России в Азиатскую. «Лицом повернувшись к Обдорам», Россия как бы очистит западные позиции для немецкого натиска, и «чрезмерное выселение образует здесь многочисленные поры и скважины, которые быстро заполнятся иностранными колонистами. В тех пределах, в каких происходит естественный процесс выселения из западной России, пока идет нормальный *«отлив»* — он только желателен. Но начать искусственный процесс *выкачивания* русских людей из Европейской России было бы ошибкой»².

Во второй половине XIX — начале XX в. политические приоритеты государства на азиатских окраинах меняются: от узкой задачи — заселения любым, даже хозяйственно «слабым населением», или конфессионально «чуждыми» старообрядцами, сектантами и даже уголовными ссыльными — произошел поворот к более широкой колонизационной программе — созданию экономически устойчивого и культурно доминирующего русского населения, которое сможет прочно скрепить империю. Вместе с тем, в Азиатской России народнически настроенная интеллигенция, особенно те, кто был связан с переселенческим делом и мог влиять на политический курс правительства, предпочитала смотреть на русских крестьян, как на «отсталых», требующих правительственного попечительства и подаяния их культуры. Главным образом, это касалось неспособности переселенцев самостоятельно организовать на новых местах рациональное хозяйство, что грозило в будущем новым малоземельем³.

Переселение на азиатские окраины повлекло за собой усложнение взгляда на народ, когда возникли сложно вписывающиеся в прежнюю социальную парадигму противоречия между переселенцами и старожилами, крестьянами и инородцами. Публикации о бедных переселенцах оказались наполнены не только «болью» за скитания и страдания переселенцев, но и «грустью» за подмеченные черты в их характере: страсть к бродяжничеству, «алчное желание захватить лучший участок, боязнь остановиться на окончательном выборе, кипучая поспешность при бросании с одного непонравившегося места на другое»⁴ и т. п. А.А. Кауфман, который был одним из наиболее авторитетных научных экспертов в переселен-

¹ Современное положение переселенческого дела (дек. 1903): записка В.К. Плеве. Черновик // ГАРФ. Ф. 586. Д. 404. Л. 17, 35.

² Поездка в Сибирь и Поволжье: записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С. 81.

³ Кауфман А.А. Вопросы переселения. I. Переселение и колонизация (речь на диспуте) // Русская мысль. 1908. № 6. С. 346.

⁴ Викт. Шнэ. Переселение в Семипалатинскую область // Степной край. 1895. 19 окт. № 76.

ческом деле, публично критиковал «мужиколобивых авторов» с их аргументацией, почерпнутой из «ультра-народнического словаря», и указывал, что переселенческое хозяйство носит по преимуществу «захватно-хищнический характер»¹. Местная администрация под натиском переселенцев вынуждена была признавать самовольные захваты и попытаться как-то упорядочить их земельные права. Переселенческий поток уже нельзя было сдержать — все новые и новые волны мигрантов накатывались не только на инородцев, но и на русских старожилов, которые теперь также оказались обиженной стороной.

Восхищение «отвагой» первопоселенцев и их колонизационной энергией сменялось негативными оценками самовольства, хищничества в отношении природных ресурсов, беспредела в эксплуатации туземного населения. Не только в Казахской степи или в Забайкалье, но и на сибирском севере русский крестьянин нередко смотрел на инородца «не как на человека, а как на домашнее животное», обязанное повиноваться всем требованиям, и не стеснялся в захватах земли, охотничьих угодий и рыбных промыслов, объясняя это тем, что «вода в реке текущая, принадлежит всем, дана Богом, и промышлять в ней могут все и каждый»². Случались прямые захваты не только земли, но и скота, что приводило к вытеснению кочевников на новые места или даже за пределы Российской империи. «Киргиз видит в нем насильника, который залез в его землю, а переселенец не признает прав того, говоря: это земля царская, т. е. наша. Отсюда постоянные столкновения. Обмануть киргиза, подстрелить его — самое обыкновенное для переселенца дело»³.

Появление на азиатских окраинах обедневших крестьян, вытолкнутых из Европейской России преимущественно социально-экономическими причинами, никак не могло работать на создание их положительного имиджа. Официально признавался не просто невысокий уровень хозяйственной культуры новоселов, но даже более низкий по сравнению с инородцами. Не был готов переселенец и к быстрой адаптации своих сельскохозяйственных приемов в новых природно-климатических условиях, не хватало у него и духа предприимчивости, самостоятельности. Естественно, что переселенец в хозяйстве и быту искал тех же условий, к которым он привык на родине, и если их не находил, то мог, при отсутствии необходимых знаний, решимости, выдержки и материальных средств

¹ Кауфман А.А. Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль. 1909. № 12. С. 57.

² Плотников А.Ф. (Пристав 5 стана Томского уезда) Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии) / Зап. ИРГО по отделению статистики. СПб., 1901. Т. X. Вып. I. С. 145.

³ Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе // Зап. ЗСО ИРГО. Омск, 1898. Кн. 25. С. 63.

быстро терять терпение и уверенность в своих силах, бросал землю, с которой его мало что связывало. Отрыв же от земледельческих занятий и превращение крестьян в горожан не приветствовалось властями и входило в противоречие с идеологическими установками на позитивный потенциал именно крестьянина-земледельца.

Русский переселенец, вопреки планам государства, не обретал прочной оседлости и поэтому о земле не заботился, при истощении надела он арендовал другой или уходил на новый переселенческий участок. Сказочные поверия о существовании в Сибири «небывало богатых краев» и появление народных брошюр, привлекающих крестьян переселяться за Урал, провоцировали желание искать лучшей земли. В результате очередной миграционный рывок завершался не созданием «сплошного густого русского населения», но, напротив, появлением в Сибири народной массы, «блуждающей по уездам бесцельно и безрезультатно». Хищническое истребление леса в степи крестьянами нередко сопровождалась заявлениями «на наш век хватит»¹. Осторожно, не распространяя подобные оценки на всех крестьян, появляются в публицистике описания особого типа «хищника земли», «шатуна», «стяжателя», который ничего не имеет общего с «коренным пахарем». Регресс сельскохозяйственных культур и агрономических приемов, снижение производительности земли, хронические голодовки, утрата традиций общинной жизни, возвратная миграция стали обычными явлениями, сопровождавшими крестьянское переселение и водворение на новых местах. Те, кто описывал эти процессы в рамках социально-экономического дискурса, причины негативных явлений предпочитали видеть исключительно в материально-финансовой сфере: недостатке денежных средств на домообзаводство, неудобных землях, необеспеченности новоселов рабочими руками, скотом, инвентарем. Хотя были и те, кто предупреждал, что переселение в Сибирь может стать «тормозом» для развития России. «В Сибири его приемы земледелия становятся менее культурными, подворные владельцы и даже собственники превращаются в общинников, привязанность к церкви и школе слабеет, развивается бродяжнический дух»².

На официальном уровне вынуждены были признать, что русские крестьяне не стали образцом для переходящих к земледелию кочевников, которые «заимствовали у русских то же небережливое, хищническое отношение к земле, какое последние, к сожалению,

¹ Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1902. С. 103.

² Дедлов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 326-327.

проявляют на чужбине»¹. «Нужно сказать, что духовная, нравственная сторона киргиз не изменяется к лучшему от соседства с русскими, — писал уже областник П.М. Головачев, — т. е. с казаками, ленивыми, невежественными жадными, и переселенцами из России, на которых киргиз смотрит, как на врагов, лишаящих его лучших угодий»². Такого рода разочарования в колонизационном потенциале русского народа становились частыми, хотя все еще заслонялись чувствами сострадания и критикой бездействия властей, что составляло основное содержание переселенческой публицистики.

«Культурное бессилие» русских крестьян провоцировало поиск врагов, выявление конфессиональных и культурных конкурентов. Националистический пафос борьбы с иностранным засилием в Азиатской России вылился в фобию немецкого землевладения, которое якобы угрожает русскому делу на окраинах³. Опасными конкурентами «обрусению» в казахской степи и Туркестане объявлялись татары⁴. Мусульманам, не казахского происхождения, было запрещено приобретать земли в степи. Нашлось место и угрозе со стороны евреев, в экономическую кабалу к которым могли попасть не только «наивные» туземцы, но и русские крестьяне⁵. «Этакий народ-дитя, — констатировал в 1897 г. в своих путевых заметках о Сибири знаток переселенцев В.Л. Дедлов, — нравственно слабосилен, и потому так легко справляются с ним немцы, армяне и среднеазиатские туземцы, более культурные, с более выработанной личностью. И потому-то власти надобно его защищать: иначе его заедят»⁶. Так могла акцентироваться еще одна возможность патерналистского сближения имперской власти и русского народа.

Колонизация и крестьянская община

В специальных переселенческих изданиях, периодической печати, отчетах и записках чиновников содержались тревожные сомнения относительно колонизационных возможностей русского крестьянина: не потерял ли он свою колонизирующую силу, не иссяк ли «народный гений созидательного творчества общинной жизни»? Свидетельствами культурного поражения русской колонизации на

¹ «Записка [Земского отдела МВД] по вопросу о содействии кочевникам киргизам к переходу в оседлое состояние» // ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 647. С. 8.

² Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С. 136.

³ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI - начало XX в.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. С. 16.

⁴ См.: Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. М., 2006. № 4 (34). С. 5-31.

⁵ Всеподданнейший отчет Степного генерал-губернатора за 1910 г. Омск, б.г. С. 21.

⁶ Дедлов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 330.

окраинах могли служить не только регресс сельскохозяйственных культур и агрономических приемов, снижение производительности земли, хронические голодовки, снижение численности населения, но и утрата традиций общинной жизни русского крестьянина.

Воссоздание общины на окраине, даже несмотря на сохранение устойчивых, хотя и разнородных, обвинений в писарском бюрократизме, хозяйственном консерватизме, патернализме, излишнем демократизме и даже коммунизме, требовало у ее сторонников не менее сильных аргументов. Идеальная модель крестьянского общества пересекалась с давно обсуждаемыми проектами волостного земства, «первоначальной ячейкой устройства жизни, практической школы общественной солидарности на почве самоуправления», «основой народной свободы земледельческой России», «нижним пластом демократического строя» и, наконец, «национальным образцом демократической организации»¹. Отсутствие таких общественных институтов оставляло население в виде «распыленной, неопытной, общественно неумелой массы», которую легко сбить с толку. Земство, в отличие от крестьянской волости, должно было быть всесловным, что позволило бы оказывать на крестьян влияние «более культурным элементам». Идея волостного земства более всего соответствовала западным представлениям о муниципальных органах как школах демократии и гражданского общества, где и происходит воспитание солидарности или обучение новым формам организации труда. Для переселенческих чиновников-практиков «окультуривания» российского колонизатора, поддержание и воспитание в нем коллективизма было действительно насущными задачами, необязательно связанными с политическими новациями.

Самостоятельность колониста, умение организовать свое хозяйство и быт без посторонней, прежде всего без государственной, помощи ценились на всех окраинах. Альтернативой государству — попечителю и чиновнику должна была выступать внутренняя крестьянская организация — община. «Переселенец должен рассчитывать не на казну, а на личный труд»². А.А. Кауфман, сведя воедино различные проявления «хищничества» переселенцев, объяснял их «недостатком общей культурности» российского колонизатора, отсутствием помимо частных, сиюминутных выгод понимания важности общественных обязанностей и ответственности будь то перед будущими поколениями, соседями или государством. Общественная солидарность, сплоченность коллектива для решения задач любого уровня (строительство новых дорог или хотя бы поддержание

¹ Френкель З.Г. Волостное самоуправление. Его значение, задачи и взаимоотношения с кооперацией. М., 1999. С. 28.

² Елисеев А. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация // Русский вестник. 1891. № 8. С. 154.

тех, которые построили предшественники, создание благоустроенных поселений, вложение средств в школы или больницы) отличали переселенцев европейского происхождения, прежде всего немцев, «низводя» в равной степени и великоросса, и малоросса до «азиатов». «И те, и другие могут наслаждаться жизнью, когда вокруг страшный смрад, благодаря собственной беспечности, или мокнуть под дождем, дрожать от холода, когда в двух шагах чуть не девственный лес ... До других товарищей по несчастью ни тем, ни другим нет никакого дела: будет ли кто жить после их ухода на том месте, которое они загадили, или в той юрте, войлоки с которой они украли — об этом никто не думает»¹. Интересно, что противопоставление культурного европейского колонизатора («колонисты цивилизованных национальностей, но не русского корня») и «некультурного азиата» на восточных окраинах не было однозначным, но не за счет разочарования в культурности и рациональности «немцев», а из-за столь же высокой организованности встречных «азиатских колонизаторов» — китайцев и корейцев. «Перед нами огромные массы, однородные, трудолюбивые, объединенные почти одинаковой везде религией, письменностью, обычаями, всем вообще укладом жизни и в течение тысячелетий выковывавших вообщу культуру. Их можно разбить в войне, но не победить»².

В этом противостоянии единственным «безобразно-хищническим» азиатом часто оставался крестьянский переселенец, главное колонизационное достоинство которого сводилось к количеству. Этот «неправильный», но многочисленный колонизатор не знает и не желает узнавать особенности края, поэтому бросает землю, за которой пришел, передает ее китайцам, нанимает батраков и «живет помещиком», а сам отыскивает выгодный и легкий промысел в городе или занимается извозом. Сравнительно большой заработок и много свободного времени «при привезенной из России малокультурности и отсутствии здесь каких-либо образовательных школ, курсов или развлечений тратились в большей части на пьянство, в этом благодатном крае грозила вырасти среди трудолюбивых китайцев и японцев пьяная Россия»³. Цивилизованность нерусского крестьянина открывалась путешественникам в самых различных сторонах быта: непривычная чистота, осознанный коллективизм, прочный целесообразный уклад жизни, вера «без гнусных суеверий». «Культурность» и «неметчина» станут практически

¹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 346.

² Кохановский А. Переселенческое дело в Китае и наша дальневосточная окраина // Известия Восточного института. 1908. Т. 29. Вып. 2. С. 6.

³ Там же. С. 6.

синонимами, характеризующими высокий уровень хозяйственной культуры переселенца.

Качество переселенческой партии чиновники оценивали по сплоченности коллектива. В связи с этим бывшие отходники, ремесленники, утратившие общинные навыки, рассматривались как «не особо удачный» колонизационный материал, поскольку «... не умели хорошо приняться за дело, не составляя дружной общины по своей разнородности... не могли сплотиться в одну дружную семью, так что среди них не могло быть артельного начала, задруги, помочи, общей пахоты и других общих начинаний, которые могли бы особенно пригодиться в таком трудном и новом деле, как колонизация чуждого края»¹. Отсутствие сплоченности не позволяли переселенцам проявлять «собственную инициативу». Получалось, что община не подавляла индивидуализм, но помогала ему проявиться на основе простой солидарности и кооперации, создавала условия для самостоятельности коллектива, независимости его от внешних сил и тем самым способствовала формированию и реализации в нем личных интересов.

Выборы старост («старших»), проведение сходки будущих домохозяев, самостоятельное «разделение на общества, придерживаясь главным образом родных сел и волостей», в условиях внешних угроз создание сельских дружин — начальные общественные практики в местах водворения². Массовые переселенческие партии во избежание конфликтов старались размещать в переселенческих бараках и во время следования семьями одного и того же общества. Представления о единстве русских переселенцев опровергалось «жесточкой враждой» и распрями даже соседских обществ и усиливалось монолитом иностранных колонистов, которые сплачивались не общей территорией выхода, а внутренним единством культуры, веры, языка, усиленными внешним иноязычным, иноверным и инокультурным окружением.

Слабость общины как социальной организации, как внутренне-го «опекуна» неизбежно усиливало роль государства в этой части. Именно в кругах переселенческих чиновников возникло понятие «государственного пестуна», т. е. колонизатора, утратившего самостоятельность и предприимчивость. Получая разнообразную и зачастую безвозмездную помощь, крестьянин-переселенец утрачивал заинтересованность в индивидуальном труде и общественной инициативе. «Хищничество» крестьянин проявлял не только по отношению к отведенным ему земле, лесу, угодьям, но и по отношению к тем сооружениям, на строительство которых он не

¹ Елисеев А. Указ. соч. С. 132.

² Там же. С. 128.

затратил своих сил и средств, получив их от государства. Недостаточно бережно относились новоселы, в частности, к гидротехническим сооружениям — «устраивают переезды и прогоняют скот через каналы <...> даже ездят по самим каналам», для удобства иногда «заваливая их кочками, соломой и сеном», не ограждают колодцы, построенные на казенные средства, не очищают их и т. д. Последствием правительственных льгот становилась деградация и без того незначительных социальных потребностей. Из-за слабой самоорганизации крестьяне-переселенцы на начальных этапах не смогли создать устойчивые общественные институты управления и суда, а главное, взаимопомощи. Разобщенность самих переселенцев и неравноправные формы взаимодействия с принимающими сообществами (прежде всего со старожилами) также не благоприятствовали сплоченности крестьянского мира¹. Усвоив свою высокую миссию на окраинах, русский крестьянин стремился не только компенсировать свои расходы на переезд и водворение на новых местах, но рассчитывал и в дальнейшем получать от государства постоянное вознаграждение за свою роль государственного колонизатора. Такие настроения могли порождать иждивенческие настроения и стать дополнительной причиной экономической и культурной пассивности переселенцев, которые «отвыкали от всяких общественных обязательств, учреждения новых школ, больниц, запасных магазинов, устройства дорог, содержания общественного управления, постройки церквей, призрения сирот и убогих, даже наем на подводу священнику для совершения требы — они считали обязанностью правительства»².

Слабость общих интересов усиливалась нежеланием создавать любые общественные предприятия, за исключением кабаков. Безответственное отношение к общественной казне и хозяйству проявлялось в том, что деньги, вырученные от доходных статей, не обращались в мирской капитал, а раздавались, не принося за незначительностью сумм существенной пользы отдельным хозяевам, но нанося урон общественному капиталу. В отчетных материалах чиновников постоянно встречаются сетования, свидетельствующие о распространенности данной практики, особенно по поводу мирских приговоров о выдаче каждому двору к празднику «известного количества ведер» из общественного кабака.

Община переселенцев многими экспертами воспринималась не только как социальная структура, основа самоуправления, фи-

¹ Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае // Русский вестник. 1890. № 11-12. С. 245.

² Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. II. Переселение русских людей в Приамурский край. Вып. III. О кругосветном переселении в Южно-Уссурийский край 1-й партии переселенцев, отправленной из Одессы в 1883 г. С. 14.

скальный институт, но и как поземельная организация со всеми ее необходимыми функциями: возможными переделами, круговой поручкой, организацией коллективных работ, регулированием земельных отношений на основе обычного права. Проверкой на прочность общинных отношений переселенцев становилась конкуренция со «встречными» традициями местных (аборигенных) жителей. Так, по мнению А.А. Кауфмана, русские переселенцы смогли освоить технику местной ирригации, но не пожелали «признавать выработанное веками водное обычное право»; принимали участие в общих работах по очистке и ремонту арыков, но только в качестве надсмотрщиков¹.

Практически не касаясь поземельной сущности крестьянской общины переселенцев (признав в рамках столыпинского аграрного курса преимущества подворного, индивидуального владения), эксперты оценивали, преимущественно, политическую, социальную, административную и национальную составляющую крестьянской общины. Поднимался в связи с этим вопрос о возможности и необходимости распространения общинного самоуправления на инородцев, в частности казахов. Помимо культуртрегерского влияния русских переселенцев, которое виделось в привлечении к земледелию, предполагался и перенос форм земельного владения. Главная задача народной колонизации виделась в приобщении кочевников к оседлому образу жизни. Кочевое хозяйство считалось более примитивным по сравнению с земледелием, более зависимым от стихий природы и потому «благородная культурная миссия в Степи» связывалась также с распространением «более высокой хозяйственной культуры». Вновь освоенные земли и включенные в земледельческий оборот назывались «культурной площадью», а новый этап отношений с кочевниками — этапом «культивизации», т. е. «продвижения степняка по пути, указанному культуртрегером-землепашцем», приобщения населения к «великой семье культурного человека»².

Аргументация «общинной прививки» для кочевников имела преимущественно социальные характеристики: переход к земледелию должен привести к «замене преобладающей между киргизами замкнутости родовых начал общинными отношениями», преодолению засилья родовой аристократии. Обращение казахов в «добрых пахарей» позволит им избегать эксплуатации со стороны богатых казахов, крестьян, казаков и будет способствовать «естественному развитию жизни» без насилия. В данном случае идеальной кон-

¹ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 335.

² Шкапский О. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса // Русская мысль. 1897. № 7. С. 43.

струкцией выступала русская община, которая в планах чиновников являлась не только уравнительным инструментом, но и органом опеки и попечения, защиты интересов каждого ее члена. Хозяйственные функции общины в степных условиях, особенно при ирригационном орошении, возрастали. Земельные наделы оседлых киргизов предполагалось изымать из волости кочевников и передавать в общинное владение. Это действие было направлено против зажиточной верхушки кочевого социума, которая определялась как главный противник земледельческих занятий. При этом администрация понимала, что эта же часть населения является наиболее авторитетной, поэтому склонение ее в пользу земледелия и оседлого образа жизни принесло бы наибольший результат. В проекте акмолинского военного губернатора «Об устройстве поселений в степи Акмолинской области» был предложен вариант постепенного перехода к оседлому состоянию через промежуточное – полuosедлое. Обязательным условием развития сельских обывателей степи проектировалось создание самостоятельной административной структуры по образцу крестьянского – «существующему в русских селениях с непосредственным подчинением уездным управлениям»¹.

«Осибирячивание» русских как политический и культурный миф

Образ Сибири – своего рода «крестьянского Эльдorado», «мужицкого царства», свободного от помещиков, появившийся во многом благодаря ссыльным декабристам, с 1880-х гг. был востребован и развит народнической периодикой как воплощение их идеалов общинного социализма. Однако, соприкоснувшись с сибирской действительностью, многие из них быстро утратили социалистические иллюзии в отношении сибирского крестьянина. Прежние эпитеты заменялись метафорами, что «Сибирь – не якорь спасения для России», «Сибирь – дочь России, во всем похожая на родную мать»². При обсуждении в 1905 г. вопроса о крестьянском представительстве в Государственной думе в правящих кругах преобладали преимущества для внутренних губерний, заявляя, что крестьянские депутаты от Сибири, Туркестана и Степного края «не помогут госу-

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т.1. Л. 124 -125. Подробнее см.: Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Степная колонизация в проектах западносибирской администрации 1870-х гг. (в печати).

² Родигина Н.Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе XIX – начала XX в.: основные итоги изучения // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в. Новосибирск, 2006. -С. 99-100.

дарственному строительству»¹. П.А. Столыпин, так много сделавший для хозяйственного и культурного развития Сибири, хотя и не сомневался в верноподданности переселенцев с их «правильным, чистым, русским мирозерцанием», настаивал на том, что нельзя упустить момент: «Иначе бессознательно и бесформенно создается громадная, грубо-демократическая страна, которая скоро задавит Россию европейскую»². Неслучайно П.А. Столыпин затормозил введение земства в Сибири, опасаясь, что старожилы займут в нем господствующие позиции и станут препятствовать переселенческому движению. «Если земство в чем-нибудь себя проявит, — утверждал также А.А. Кауфман, — то только в одном: в усиленных стараниях закрыть край для дальнейшего вселения»³. Земли за Уралом объявлялись достоянием всего народа, чему противоречили областнические и национальные лозунги: «Сибирь для сибиряков», «Киргизия для киргизов» или «Бурятия для бурят»⁴.

С начала 1890-х гг. страницы столичных изданий были заполнены описаниями разного рода путешественников, которые тиражировали «образ» сибиряка, как своего рода «культурную аномалию». Обобщая эти доминирующие в общественном восприятии стереотипы, польский исследователь В. Брониславский, который провел несколько лет в Сибири, так характеризовал подобные описания: «Поверхностные исследователи Сибири стараются нас уверить, что сибиряк испорчен до мозга костей, что он поклоняется грубой силе, что в ней видит все назначение человека, что, словом, он унаследовал хищнические инстинкты от первых пионеров»⁵. На этом фоне переселенцы выглядели не только страдающей стороной, но и представлялись более привлекательными с точки зрения распространения русской культуры на азиатские окраины России. Народнически настроенные писатели, по мнению В. Брониславского, оказались перед дилеммой: «Оборванный, обездоленный, несчастный изгнанник внушал сострадание и чуть не симпатию, а на голову сибиряка обрушились иные чувства душевно оскорбленного и возмущенного посетителя страны “чудес и курьезов”. В силу странной логики чувств, на сибиряка и пала ответственность за безобразные устои сибирской гражданской жизни»⁶.

¹ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 178.

² Письмо П.А. Столыпина Николаю II, 26 сентября 1910 г. // П.А. Столыпин: переписка. М., 2004. С. 62.

³ Кауфман А.А. Наш Дальний Восток и его колонизация // Русская мысль. 1909. № 12. С. 65.

⁴ Кауфман А.А. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 171.

⁵ Брониславский В. Существует ли сибирская народность // Сибирь. 1897. 13 июня.

⁶ Там же.

Положение осложнялось появлением сибирской интеллигенции, которая под влиянием федералистских и национальных теорий пыталась выстроить концепцию колониальности Сибири, выдвигая экономические, культурные и даже политические претензии имперскому центру. Формирование у сибирского старожильского населения чувства территориальной обособленности, осознание своей непохожести и чувств региональной социально-экономической ущемленности создавало предпосылки выстраивания иной, конкурирующей с «большой русской нацией», сибирской идентичности, а сибирские областники надеялись мобилизовать ее в политических целях¹. Сибирским областникам также не были чужды народнические настроения и стремление совершить «хождение в Сибирь», но они быстрее своих европейских коллег избавились от идеалистических воззрений на крестьянина. Их оценки были куда более реалистичными, но в данной ситуации их симпатии оказались на стороне сибиряков-старожилов. Важную роль в этой полемике сыграла газета «Сибирь», выходившая под редакцией И.П. Михайлова в Петербурге. Несмотря на то, что в ней сотрудничали многие бывшие политические ссыльные и известные всей России писатели и ученые, все же она пыталась продолжать областнические традиции «Восточного обозрения» в его петербургский период. Впрочем, среди ее сотрудников были люди не только известные, но и прiderживавшиеся разных политических позиций: Г.Н. Потанин, Д.М. и П.М. Головачевы, В.И. Вагин, С.Я. Елпатьевский, М.В. Загоскин, А.А. Кауфман, Д.А. Клеменц, В.М. Крутовский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Г.А. Мачтет, Н.Л. Скалозубов, В.Л. Серошевский и др. Их объединяло осознание того, что русский крестьянин-переселенец не способен осуществить культуртрегерскую миссию не только в отношении старожила-сибиряка, но даже и в отношении скотовода-киргиза, которого он должен был бы приучить к земледелию. Он также нуждался в просвещении и усвоении передовых форм сельского хозяйства, так как «сам чрезвычайно консервативен и не привык чему-либо научиться»². Какой пример он может оказать: «Являясь в качестве просвещенного колонизатора, он обыкновенно строит курную избу, роет в земле нору, вычисляет по погоде крещенского сочельника погоду в июле и ковыряет безводную степь допотопной косулей, «русским» плугом, а когда ничего от земли не получает, становится в тупик перед

¹ Подробнее см.: Ремнев А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 112-146.

² Русский. К вопросу о колонизации киргизских степей (Голос из Тургайской области) // Сибирь. 1897. 20 июня.

новыми условиями природы, которых даже не предвидел. В лучшем случае он перенимает от туземцев способы обработки земли, а то предпочитает возвратиться «на старину», «в Рассею»¹. Так что он не может никого чему-либо научить и дорого обходится местному населению, у которого он отнимает землю. Между тем переселенцы стремятся на все новые земли, к которым «не нужно прилагать ни знаний, ни энергии, которых у них нет; часто случается, что они побывали уже и на мифическом «Китайском Клину», и в Западной Сибири, и в Акмолинской области; кое-кто из них успел где-нибудь урвать кусочек новой земельки, истощить ее, а часть еще блуждает, высматривая «обетованную землю». Поэтому, доказывая А.А. Кауфман, колонизационная емкость Сибири не может быть измерена только количеством удобной земли, но еще и качеством самих переселенцев, если бы они состояли не из русских крестьян-земледельцев, а, например, «из староверов и сектантов, или из латышей и немецких колонистов, или из китайцев и корейцев, с их неимоверно низкой оценкою своего труда и тысячелетиями выработанной привычкой к интенсивной, почти огородной культуре»².

Непохожесть сибиряка на его российского соотечественника не только удивляла, но и настораживала. Особенно беспокоило отношение старожилов к переселенцам, которых они долго не воспринимали как равных себе, а их появление вызывало раздражение как «утеснение», и провоцировала готовность даже сняться с насиженных мест и искать счастья в новых землях, отправившись дальше на восток. «Сибирская гордость, — описывал свои впечатления от поездки в Сибирь в 1895 г. В.П. Семенов-Тянь-Шанский, — иногда доходила до того, что приселившиеся переселенцы, добровольно принятые сибиряками, лет по двадцати не признавались последними по себе равных, причем сибиряки переставали давать кличку «российских» и рождались наконец с ними, то бывшие «российские» не без гордости говорили приезжим, что они стали «сибиряками», точно их повысили в чине»³. Вместе с тем, он писал как о свободе и зажиточности сибирского старожила, отсутствии низкопоклонства перед чиновником, так и неприятных впечатлений, вызванных утратой русской народной поэтичности и музыкальности, религиозности, пьянстве и сквернословии и даже лености.

Об этом писали также такие авторитетные авторы, как народники И.Г. Прыжов, Н.М. Астырев, Н.Г. Короленко, Г.И. Успенский и даже сибирский уроженец А.П. Шапов. Уже сама история движения первооткрывателей Сибири теперь объяснялась главным образом

¹ Там же.

² Кауфман А.А. Колонизация Сибири ... С. 175.

³ Иртышский вертоград. М., 1998. С. 185.

жаждой наживы и стремлением к грабежу. «Идеал сытого довольства» сибирского крестьянина уже не радовал «интеллигента», как писал один из авторитетных знатоков крестьянской жизни Н.М. Астырев. Уж слишком он был не похож на его собственный идеал русского крестьянина, воспетый и выстраданный великой русской литературой и увлекший на народническое служение многих интеллигентных русских людей. Из-под пера Астырева (с отсылкой на исследования этнографов и собственные наблюдения) представал образ сибиряка как человека хотя и добившегося известного материального благосостояния, но ставшего «сухим материалистом», забывшим свою историю, утратившего многие прежние нравственные качества и даже равнодушного к религии. Сибиряк привык уважать силу и власть денег, стал человеком самостоятельным и самонадеянным, прагматичным как американец. Он не музыкален и не поэтичен, равнодушен к школе, хотя более грамотен, чем его собрат в европейской части России. Но эта грамотность не расширяет его «умственные горизонты», а служит лишь утилитарным целям. Главное же заключалось в разочаровании, что сибиряк утратил те симпатичные черты пусть бедного, но потенциально духовно богатого русского крестьянина, которого так жалели и превозносили многие народнически настроенные интеллигенты, независимо от того находились ли они во власти или были в оппозиции к ней. «У него нет представлений о мужицком кресте, о крестьянской доле, какие имеются у его отдаленных родичей, оставшихся тянуть лямку серяка-мужика в Европейской России...» За крестьянской общиной в Сибири не сохранилось традиционного названия «мир», а ее предпочитают здесь именовать «общество», что лишает его «той тени идеализации, которая еще может быть наблюдаема в России» и больше подходит административному термину «сельское общество»¹.

А.А. Кауфман отмечал, что амурские крестьяне выглядели настоящими американцами, непохожими на русского мужика². И вот этот «сибирский янки», — заключал другой сибирский наблюдатель, — «материалист до мозга костей», которого мало волнуют «проклятые вопросы», занимающие российского крестьянина, смелее его, в нем нет «ни раболепства, ни страха перед кокардой; он знает себе цену; знает свои права и при случае умеет отстоять их. Суровая природа научила его надеяться только на самого себя, выработала находчивость и самоуверенность. Скептик в душе, он пунктуально исполняет все обрядности, но на духовенство, равно как и на администрацию, смотрит со скрытым презрением. Подчи-

¹ Астырев Н.М. Очерки быта населения Восточной Сибири // Русская мысль. 1890. № 10. С. 94.

² Кауфман А.А. По новым местам (очерки и путевые заметки) 1901-1903. СПб., 1905. С. 46, 48.

няясь поневоле, он стремился откупиться от чиновников, а нередко готов был протестовать и мстить: за обиду «поломать в тесном месте ребра начальству, а то и всадить пулю»¹. Г.К. Гинс, которому предстояло пережить революцию и гражданскую войну, в 1913 г. описывал ситуацию, которую породило массовое крестьянское переселение в азиатском пограничье кочевого и оседлого миров, не только как противостояние народа и власти, но и как «процесс внутренней глухой борьбы населения»². Роль империи в этом столкновении была не только агрессивной или провоцирующей, но и сдерживающей темные инстинкты масс, что выплеснулось на поверхность, когда, по выражению философа В.В. Розанова, «начальство ушло». Крестьянская стихия, освободившись от сдерживающей и регулирующей опеки империи, обрушилась на инородцев с невиданной силой, способной окончательно покончить с народническим мифом о русском крестьянине³.

Казачи как колонизационный элемент

Еще больше вопросов вызывало дальнейшее использование казаков как колонистов. Казаки были издавна включены в процесс русского продвижения на восток и закрепления окраин за империей. Однако, потеряв к XIX в. былую вольницу, они были, по сути, превращены в военных поселян, размещенных вдоль азиатских границ. Государство юридически определило их особый сословный статус, наделило казаков огромными массивами земель. Однако неудачная Крымская война, военные реформы и расширение азиатских границ на востоке и юге заставили по-новому взглянуть на казачество, которое как эффективная военная сила некоторыми имперскими аналитиками была поставлена под сомнение. Вместе с тем, империя не имела средств заменить казаков регулярной армией и полицией, что потребовало бы радикальных перемен в военной организации азиатских окраин и затронуло целый спектр социально-экономических проблем. Сохранялась неуверенность и в политической стабильности окраин, а постоянно проживавшие здесь казаки были более мотивированы в поддержке как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических акций империи.

Если в Сибири роль казаков признавалась сыгранной и их можно было без труда перевести в крестьянское сословие или сохранить

¹ Александров В. Аргунь и Приаргунье: путевые заметки и очерки // Вестник Европы. 1904. № 9. С. 283.

² Гинс Г.К. Переселение и колонизация. СПб., 1913. С. 28.

³ См.: Элбек-Доржи Ринчино, Великая революция и инородческая проблема в Сибири [Чита, 1918] // Элбек-Доржи Ринчино. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 43-44, 55-62.

в качестве небольших по численности вспомогательных полицейских сил в северных районах, то в степных и дальневосточных областях будущее казачества выглядело далеко неоднозначным. Особенно остро этот вопрос стоял в отношении Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск, которые оказались уже далеко от имперских границ, а казахская степь, казалось, имела шансы окончательно превратиться во «внутреннюю» окраину. За исключением Семиречья, в туркестанских областях власти фактически не использовали казачью военно-хозяйственную колонизацию.

Еще в большей степени, чем в Центральной Азии, империя не была готова полностью отказаться от услуг казаков как воинов и земледельцев на Дальнем Востоке, где их заменить, особенно на первых порах, было просто нечем. Крестьянская колонизация здесь шла крайне медленно, а содержать регулярные войска из-за отсутствия хозяйственной инфраструктуры и развитых коммуникаций оказывалось чрезмерно дорого. Казачья колонизация на Амуре отличалась от других окраин еще более строгой регламентацией, что отрицательно отразилось на ее экономической эффективности. Принудительное расселение казаков, сопровождаемое казенным попечительством, подчеркивалось критиками казачьей колонизации, создало население апатичное, привыкшее к опеке. Казачество влачило по большей части в первые годы жалкое существование и было, как отмечал Н.М. Пржевальский, деморализовано, испытывающая открытую неприязнь к новому краю¹.

На рубеже XIX—XX вв. вопрос о продолжении казачьей колонизации Дальнего Востока поднимается в связи с так называемой «желтой опасностью». Местные власти решительно требовали усилить русский казачий элемент в Приамурском крае. Понимая экономическую нереальность замены казаков регулярными войсками, приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской настоял на дополнительном отводе казакам огромного массива новых земель. Несмотря на абсолютный рост численности казаков в Приамурском крае, приток сюда крестьян прогрессивно нарастал, и именно они стали в начале XX в. определять облик дальневосточной окраины. Как и в случае казачьей «десятиверстной полосы» на Иртыше, 100-десятиный «отвод Духовского» охватил наиболее плодородные и удобные земли, где крестьянам запрещалось селиться. Работавшая в Забайкалье в 1901—1903 гг. земельная комиссия, возглавляемая А.Н. Куломзиным, пришла к выводу, что «так называемая казачья колонизация» не может ни по каким основаниям именоваться колонизацией, ибо она находится в полном противоречии с действительными колонизационными задачами — плотно заселить

¹ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867—1869 гг. М., 1947. С. 226—227.

пустующие земли и обратить их в культурное состояние¹. В столыпинском аграрном курсе казаки явно отошли на второй план, а их права на земли, как считалось, только тормозят массовое крестьянское переселение².

В развернувшейся полемике во внутриправительственных комиссиях и на страницах научных и общественных изданий самым неожиданным оказалось то, что казаки на азиатских окраинах были поставлены под сомнение не только как военная сила, но и в качестве земледельцев. Утверждалось, что казаки землю почти не обрабатывают, предпочитая сдавать в аренду, ведут праздную жизнь³. Вид казачьих станиц «невзрачен», улицы «неправильные», – подтверждали этнографы, придавая такому взгляду значение научного факта, – «небрежность» в постройке жилья, просматривается явная «недомовитость» казаков, отсутствие у них забот о «внешнем порядке». Из таких оценок делался, как правило, вывод: «Крестьянин, несомненно, более положительный тип, а как экономическая сила и более сильный и желательный элемент в замиренном крае, нежели казак...»⁴ Не могла не беспокоить и сложность отношений, которые складывались между казаками и крестьянами-переселенцами. Признавая социальную близость и русскую национальную общность с ними, казаки демонстративно выделяли себя из крестьянской массы. «Существенная черта казака – нахрап, наскок, взять с боем. Отличительное свойство мужика – столь же энергичное, но пассивное сопротивление до последней крайности, стремление сесть на место тишком, да и прирасти к нему так, что даже казак не стащит, несмотря ни на какие нахрапы»⁵.

Помимо всего казаки попали под подозрение в сохранении ими «русскости» и утверждения положительного русского имиджа среди туземного населения. На севере и северо-востоке Азии казаки, как отмечалось почти всеми, кто побывал там, утратили былой воинский дух, халатно относились к своей службе, некоторые из них даже не говорили по-русски, совершенно слившись с местным на-

¹ Извлечение из журналов образованной в Хабаровске в 1909 г. комиссии по колонизационному делу // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 472.

² Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. С. 151; Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М. 1990. С. 21.

³ 1895 г. декабря 30. – Отчет Семиреченского губернатора о населении, включая казачество, и хозяйственной деятельности в Семиреченской области // Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX века (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). М., 2000. С. 273-274.

⁴ Седельников А.Н. Распределение населения Киргизского края по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. Т. 18 (Киргизский край). С. 198.

⁵ Дедлов В.Л. Переселенцы на новые места. Панорама Сибири. М., 2008. С. 45.

селением. Не случайно, именно казаки-первопроходцы и их потомки первыми попали в поле зрения разного рода наблюдателей, поднявших тревожный вопрос об «объинородничаньи» русских на азиатских окраинах. Подобного рода оценки могли транслироваться в целом на казаков восточных окраин. Так, Н.М. Пржевальский, подкрепляя свой вывод авторитетом ученого, сделал общее заключение: «Ассимилирование происходит здесь в обратном направлении. Казаки перенимают язык и обычаи своих инородческих соседей; от себя же не передают им ничего. Дома казак щеголяет в китайском халате, говорит по-монгольски или по-киргизски; всему предпочитает чай и молочную пищу кочевников. Даже физиономия нашего казака выродилась и всего чаще напоминает облик своего соседа – инородца»¹, а леность казаков и многие другие отрицательные качества в их поведении и характере объявлялись следствием регрессивного воздействия туземцев. Пугающим было то, что даже между собой казаки начинали говорить на местных языках, а их дети уже с трудом усваивали русскую речь. Антропологический тип казака-старожила действительно имел своеобразные черты, однако неславянский элемент в казачестве не был значительным, если не считать особых казачьих формирований из инородцев, главным образом, из бурят.

Роль завоевателей, полицейская служба, причастность к злоупотреблениям местной администрации также не способствовали формированию положительного образа казака как представителя русского народа². Для социально обостренного народнического дискурса были особенно показательны обвинения казаков в эксплуатации инородцев. В такой ситуации казаки, которые активно использовали инородцев и даже крестьян-переселенцев в качестве наемных работников, могли восприниматься общественным мнением как эксплуататоры («кулаки»). Казаки, действительно, чувствовали себя хозяевами в степи и готовы были не только продолжить захваты земель кочевников, но и ревниво относились к появлению новых земельных конкурентов – крестьян-переселенцев. Все это запутывало и без того непростую систему социально-экономических и правовых отношений, приводило к росту напряженности в районах, которые уже представлялись имперским властям «замирненными».

Однако весь этот критический пафос оценок не означал полного отрицания исторических заслуг казаков и их военного значения

¹ Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем (Урга, 22 окт. 1880 г.) // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883. Вып. I. С. 299-300.

² Кузьминых В.И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994. С. 32-39.

в крае в будущем. Речь пока шла лишь о смене колониционных приоритетов в пользу крестьян. В конце концов, казачество сохранили как легкую кавалерию и пограничную стражу. Казаки оказались нужны как полицейская сила и чиновники среднего и низшего административных звеньев, так как, «проживая с детства в постоянном общении с ближайшими соседями родных своих станиц и хуторов киргизами, хорошо знают киргизский быт и внутреннюю жизнь кочевников, а также прекрасно владеют киргизской разговорной речью» и могут служить связующим элементом «между уездной администрацией и киргизским народом, узнавая при своей ловкости и знании языка и народной жизни затаенные намерения и стремления мусульманской среды»¹. За казаками закрепились репутация надежных агентов для непосредственного и постоянного наблюдения за кочевниками. Именно казаки более всего напоминали людей американского «фронта», «срединной земли» (middle ground), где шел активный процесс взаимообмена культур и рождения новых идентичностей².

Православие и «русскость» в колониционном контексте

Массовое движение крестьян на окраины заставило обратить внимание не только на экономическое, но и религиозно-нравственное состояние русских. Нарастала тревога что русский человек, оторвавшись от привычной социокультурной среды, может легко поддаться чужому влиянию и утратит связь с коренной Россией. Сохранение «православности» самими русскими на азиатских окраинах вызывало серьезную обеспокоенность со стороны, прежде всего, церковных деятелей. Расчеты на то, что своим примером православные переселенцы привлекут инородцев к христианству, не оправдались. Настораживало большое количество в Сибири раскольников, влияние ислама и ламаизма. Современники отмечали, что при частых и тесных контактах с иноверцами русский человек «и сам стал как-то равнодушнее к своей вере»³. В специальной записке о состоянии церковного дела в Сибири, подготовленной канцелярией Комитета министров, указывалось на необходимость объединения духовной жизни сибирской окраины и центральных

¹ И.д. степного генерал-губернатора Санников – министру внутренних дел, 12 июля 1900 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2952. Л. 137.

² См., например, исследование, в котором используется именно такой подход: Malikov A.A. Formation of a Borderland Culture: Myths and Realities of Cossak -Kazakh Relations in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Dissertation. Santa Barbara: University of California, 2006.

³ Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (В связи с историей заселения Сибири). М., 1902. С. 327.

губерний «путем укрепления в этом крае православия, русской народности и гражданственности»¹. Постановка столь важной задачи, по мнению правительства, была вызвана сибирскими особенностями: религиозным индифферентизмом сибиряков-старожилов и разнородным этноконфессиональным составом населения. Чтобы остановить процесс отчуждения переселенцев от «старой» России и восстановить в «новой» России знакомые и понятные властям черты русских людей, необходимо было заняться целенаправленной культуртрегерской работой в отношении них самих. Управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин настаивал на срочных мерах по сближению Сибири с Россией и призывал не жалеть денег на школы и православные церкви, чтобы не дать сибиряку «дичать»². В 1894 г. был учрежден специальный фонд имени императора Александра III по сбору средств на постройку церквей и школ для переселенцев. Посетив Сибирь в 1910 г., П.А. Столыпин с осторожным оптимизмом фиксировал рост православных церквей и школ в крае, заключив, что «опасность нравственно-го одичания переселенцев будет менее грозной»³.

Местные власти на окраинах нередко оказывались в ситуации, когда общегосударственная установка на распространение православной веры как важного имперского фактора входила в противоречие с колониальными задачами. С православным миссионерством успешно конкурировала установка расширительного толкования «русскости». Привлекательность национальной устойчивости сочеталась с хозяйственной эффективностью старообрядческих и сектантских колоний, но вызвала опасения с идеологической точки зрения. Имперские власти так и не смогли выработать однозначной позиции в отношении «гонимых за веру», оставив конфессиональный вопрос внутри самой русской нации по сути открытым, предоставив местным властям довольно широкое поле для «усмотрения». Политическая лояльность старообрядцев империи была признана в Северо-Западном крае, Закавказье и на приграничных территориях Азиатской России. Власти не могли не учитывать высокой степени культурной устойчивости старообрядцев и духовоборов в иноэтнической среде, сохранению ими «русскости» в условиях отдаленности от русских культурных центров.

¹ Церковное дело в районе Сибирской железной дороги // Россия. Комитет Сибирской железной дороги (Материалы). Б.м., [1894]. Т. I. С. 116.

² Куломзин А.Н. Пережитое// РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 107; Д. 202. Л. 37.

³ Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. СПб., 1910. С. 124.

Хозяйственность и религиозность старообрядцев нередко оценивалась выше, чем у приверженцев официальной церкви¹.

Колонизационные заслуги старообрядцев и сектантов, как «вполне соответствующие условиям и нуждам края» неоднократно отмечались и государственными и общественными деятелями. Хозяйства русских сектантов, как и иностранных колонистов, характеризовались как многопрофильные, что в условиях освоения окраины имело принципиальное значение. Благоприятные хозяйственные условия (много земли арендованной и купленной в собственность) в сочетании с трудолюбивой, трезвой и скромной жизнью, «большей степенью умственного развития, постепенно вырабатывали привычку из малого извлекать возможно большее»². При этом консерватизм религиозной жизни ни в коей мере не распространялся на экономические предпочтения колонистов, и они в новых условиях легко шли на хозяйственную модернизацию, использование машин, освоение незнакомых прежде ремесел. Причины такой предприимчивости наблюдатели видели не только в зажиточности сектантов, реальной взаимопомощи и солидарности однообщинников, но и большей развитости (даже «интеллигентности») в сравнении с колонизатором, приверженцем официальной православной церкви.

Слабость православного колонизатора с точки зрения церкви крылась в его безразличии (индифферентизме) по отношению к религии. Нестабильный в экономическом плане, необразованный переселенец в «состоянии духовного голода» легко попадал под влияние раскольнической или баптистской пропаганды. Все недостатки православных священнослужителей, включая недостаток численный и низкий уровень их проповеднического и полемического таланта («захолустные» батюшки) усиливали угрозу отпадения нестойких верой переселенцев. «В дикой киргизской степи, в которой живет сельское пришлое население края, богатая почва для процветания всевозможных сект», - отмечалось на междуведомственном совещании, состоявшемся при степном генерал-губернаторе 21 апреля 1910 г.³.

Особая «интеллигентность» староверов, по мнению различных наблюдателей, была следствием более высокого уровня грамотности и непохожего на великорусский быт и досуг. Даже православные

¹ Всеподданнейший отчет по Томской губернии за 1879 г. // ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 17047. Л. 170-171.

² Из отчетов Омского епархиального противосектантского и противораскольнического миссионера И.А. Ливанова (отчет о деятельности миссионеров за вторую половину 1903 и за 1904 г.) // Омские епархиальные ведомости. 1905. № 15. С. 17.

³ Омские епархиальные ведомости. 1910. № 12.

миссионеры вынуждены были соглашаться с тем, что раскольники и сектанты «писание знают и живут хорошо», «русской ругани не слышно и не видно курящих табак» и поэтому, если кто и нуждался в просвещении, так это именно православные. Малокультурность русского православного населения при отсутствии каких-либо школ, курсов или развлечений и отдалении церковного надзора и просвещения приводила к развитию пьянства. «... В казачьи поселки лучше не заглядывать: там и пьянство, и песни, и ругань, и драка, и блудодейство, и убийство, и все это делают православные...» — приводил в своем отчете миссионер И. Ливанов слова сектанта¹.

Невысокий уровень цивилизованности русских переселенцев и старожилов хотя и уменьшал культурную дистанцию между ними и местными народами, воспринимался как фактор, чреватый опасностью утраты самой «русскости». Таким образом, переселение русских крестьян на окраины империи и новое иноязычное и иноверческое окружение становилось серьезной проверкой самих русских на их устойчивую «русскость», приверженность к православию, а социокультурная адаптация могла привести не только к смене идентичности, но и утрате антропологических черт русского человека. Именно в этой связи раздавались голоса об угрозе самому русскому народу, который подвергается «отунгизиванию», «объякучиванию», «отатариванию», «обуриячиванию», «окиргизиванию» и т. д.². Утверждалось уже со страниц влиятельных журналов, что русские в Сибири в результате уменьшились ростом, их физическая сила ослабла, сократилась рождаемость, утрачивают свои нравы и обычаи, веру, язык, переходят «от высшей культуры к более низкой», от земледелия к скотоводству и звероловству, строят вместо изб чумы и т. д.³. И хотя подобное явление не было повсеместным, а заметным лишь в «маргинальных» группах русского старожильского населения вдали от основных массивов их расселения, такая «химерическая этнография»⁴ привлекла общественное внимание и вызвала своего рода панику. Способствовали возбуждению подобных фобий этнографы, среди которых было много ссыльных народников, а, главным образом, областники, которые в поисках этнографической и антропологической специфики сибиряков об-

¹ Омские епархиальные ведомости. 1905. № 2. С. 30.

² См. подробнее: Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870-1914 // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. М., 2005. С. 199-227.

³ Новые книги. Н.М. Ядринцев. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия // Отечественные записки. 1882. № 5. С. 113.

⁴ Так, в одном из откликов на книгу Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» были названы подобного рода преувеличения этнографов и впечатлительных «туристов». См.: К[апус]тин С.Я. Зеркало России // Русская мысль. 1883. № 1.

ратили пристальное внимание на отклонения в русском этнокультурном и антропологическом типе населения. Лидер сибирского областничества Н.М. Ядринцев даже подготовил специальную исследовательскую программу, призывая тщательно собирать сведения и анализировать факторы воздействия инородцев на русских, отмечая случаи физического и умственного понижения уровня последних.

Заключение

Рассмотренные аспекты презентаций и интерпретаций народной колонизации позволяют приблизиться к пониманию, каким образом она оказалась включена в имперские теории и практики «обрусения», в каких плоскостях шло ее обсуждение. При очевидной разнице в масштабах и целях теоретических концепций и объяснительных моделей их объединяла схожая цивилизационная риторика и признание исключительной важности роли русского крестьянина в политическом, экономическом, социокультурном и ментальном расширении России. Предлагаемые идеологические формулы уже не замыкались в служебных документах или научных трактатах, а тиражировались и пропагандировались журналами и газетами, становясь важным фактором формирования общественного мнения и стереотипизации исторического и географического смыслов крестьянского движения на восток. Зауральские территории теперь все чаще именовались Азиатской Россией (и даже — «Русская Азия», «Русский Восток», «Европейская Азия», «Русская Евразия»), постепенно потеснив ранние названия Сибирь и Степь. Ментальные сдвиги в номинации восточных регионов империи, восприимчивости границы между Европой и Азией, стремление ее сдвинуть к востоку за счет народной колонизации проявлялось и на местном топонимическом уровне, когда на карте азиатских владений империи появляются русские имена, наполненные переплетающимися имперскими, православными и национальными смыслами, как бы повторяя известную триединую формулу «православие, самодержавие, народность».

В результате, для переселенческого движения крестьян был найден новый, порой противоречивый, политически перегруженный имперскими и национальными смыслами язык описания. Демонстративно отказываясь признавать за своими азиатскими окраинами колониальный статус, подчеркивая их неразрывную связь с центральной Россией, имперские эксперты и даже их оппоненты оставались в рамках одного дискурса и предпочитали говорить об азиатских окраинах лишь как объекте колонизации. Казалось бы,

рост численности русского населения в азиатской части империи должен был демонстрировать успех курса на «слияние» окраин с центром страны, однако крестьянское переселение создавало для властей новые проблемы, обостряя социальные, национальные и конфессиональные противоречия.

Оптимистические надежды, возлагаемые империей на русский народ в деле создания и укрепления «единой и неделимой» России подверглись серьезным сомнениям и соседствовали с пессимистическими оценками культуртрегерского потенциала казаков и крестьян. С одной стороны, переселенцы часто не считались с нормами традиционного землепользования, а чувство национального и культурного превосходства могло усиливаться государственной поддержкой и пропагандой экономического и культурного доминирования. В их настроениях могли возобладать тенденции внутренней русской национальной консолидации, что усиливалось чувством превосходства, хотя в реальности оно не всегда было подкреплено культурными или экономическими преимуществами. С другой — русские крестьяне-переселенцы часто оценивались как «отсталые», а их «культурное бессилие» ставило под сомнение саму возможность осуществления ими цивилизаторской миссии. Под подозрение попало и казачество, которое обвинялось не только в отсутствии культуртрегерского потенциала, но и даже в утрате самой «русскости». Даже если признать, что масштабы «культурного бессилия» и утраты «русскости» были преувеличены, приходится учитывать, что они серьезно беспокоили имперские власти и пробивали серьезную брешь в их идеологических схемах. Сосуществующие одновременно оптимистические и пессимистические оценки «русской колонизации» в большей степени отражали возможные перспективы «русского дела», нежели его реальное положение в регионе. Опасения и сомнения порождали сложные и дробные характеристики русского населения Азиатской России, но при этом совсем не обязательно делали их более достоверными. Колонизационный аспект «русского дела» на азиатских окраинах вынуждал подвергнуть ревизии не только некоторые установки имперской идеологии, но и расшатывал народнические установки оппозиционной самодержавию интеллигенции.

**«Ситуация риска» как фактор формирования и реализации
миграционного потенциала земледельческого населения
европейской части России во второй половине
XIX — начале XX в.**

Выявление и оценка субстанциональных аспектов роста переселенческой активности крестьянства Европейской России вызвана становлением в исторической науке рубежа XX—XXI вв. новых подходов к осмыслению отечественного колониационного опыта, суть которых сводится к положению о складывании в массовом сознании российского крестьянства XVIII—XIX вв. миграционной парадигмы, делавшей земледельца психологически подготовленным к миграции.

В изучении «переселенческого феномена», начавшемся еще в 1870—1880-х гг. и продолжающемся по настоящий момент, возобладали в основном две, на первый взгляд, крайние точки зрения. По мнению одних авторов, всплески переселенческой активности крестьянства в пореформенную эпоху связывались с хроническим малоземельем в районах доминирования традиционной трехпольной агрикультуры (Н.П. Макаров, В.П. Воронцов, К.Р. Качоровский)², с точки зрения других — интенсификация миграционных побуждений в крестьянской среде была подготовлена глубинными процессами трансформации в сознании сельского населения России (А.А. Исаев, И.А. Гурвич)³.

Полагаем, что представленные в историографии подходы к оценке причин переселений и роста миграционной мобильности в крестьянской среде являются не антиномичными, а напротив, взаимообуславливают и дополняют друг друга.

Положение, в котором оказалось крестьянство земледельческой полосы России к концу XIX — началу XX в., с позиции психологического знания относилось к категории ситуаций риска, т. е. действий, направленных на привлекательную цель, достижение которой сопряжено для человека с элементами опасности, угрозой потери, неуспеха. Ситуации риска всегда сопутствуют три условия:

¹ Чуркин Михаил Константинович — доктор исторических наук, профессор Омского государственного педагогического университета.

² Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. СПб., 1900; Воронцов В.П. Очерки крестьянского хозяйства. СПб., 1911; Качоровский К.Р. Крестьянское хозяйство и переселения // Русское богатство. 1894. №6.

³ Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891; Гурвич И.А. Переселения крестьян в Сибирь. СПб., 1888.

наличие неопределенности; необходимость выбора альтернативы и невозможность при этом определить, насколько точно осуществлен выбор.

Существование неопределенности, прежде всего, связано с неполнотой и недостаточностью информации об объекте, процессе или явлении, по отношению к которому принимается решение, а также с ограниченностью возможностей человека в сборе и переработке этой информации. В истории крестьянских миграций дефицит и разнородность информации о местах предполагаемого вселения являлись на разных стадиях принятия решения о переселении и препятствием и стимулом к осуществлению этого акта.

Для начального этапа формирования общественного мнения о переселении было характерно внимательное и часто негативное отношение крестьян к возможной перспективе оставления родных мест. Однако в дальнейшем сведения о Сибири, добытые крестьянами из различных источников, преимущественно неформальных, преобразовывали эти представления. По констатации Н. Соколовского, «деревня, замкнутая в тесных пределах своей околицы, живет слухами, которые являются политической стороной сельской жизни. Слухи держатся иногда очень долго, проследить источник их появления нет никакой возможности потому, что они передаются посторонним с опаской (как бы начальство не узнало)»¹. В губерниях черноземного центра слой крестьян, вышедших на переселение по слухам, составлял абсолютное большинство и достигал 65,0–75,0 % от числа всех прошедших через переселенческие пункты.

Восприимчивость крестьянского населения к непроверенным сведениям о регионе предстоящего вселения определялась во многом объективными условиями, в которых происходило распространение сомнительной информации. Высокая плотность населения, большое число крупных пунктов селитебного типа притягивали в эти местности несметное количество маргинальных элементов: сборщиков на строительство церквей, нищих, бродяг, размер подаяния которых находился в прямой зависимости от степени привлекательности рассказа о «чудесных» местах. Свою лепту в создание превратных представлений о зауральских территориях вносили «бывалые» военнотруженики, крестьяне, возвратившиеся с промыслов, а также ходоки, отправляемые в сибирские губернии за общественный счет.

Позитивная информация о Сибири, часто искаженная или заведомо ложная, постепенно прививалась в крестьянском сознании. По выражению И.А. Гурвича, «русскому мужику «нудно» стало... Мужичьи умы забродили той мыслью, что на востоке и земли мно-

¹ Соколовский Н. Мыза и деревня // Вестник Европы. 1895. Т. 4. С. 667.

го, и утеснений ни от кого нет»¹. Подобные представления о сибирских землях, утверждавшиеся первоначально в сознании небольшой части крестьянства, в условиях тесных производственных и бытовых контактов быстро становились достоянием широких масс. Описывая механизм образования коллективных иллюзий, Г. Лебон отмечал, что одним из общих свойств толпы является необыкновенная податливость внушению. Первое сформулированное внушение тотчас же передается вследствие заразительности всем умам, и немедленно возникает соответствующее настроение.

Важно отметить, что в процессе формирования общественного мнения о переселении и позитивных представлений о Сибири в орбиту крестьянской миграционной деятельности включались разнообразные земледельческие слои деревни: от безземельной и малоземельной «голытьбы», предполагавшей поправить пошатнувшиеся хозяйства путем вовлечения в сельскохозяйственный оборот пустопорожных земель, расположенных за Уралом, до весьма состоятельных и обеспеченных в земельном отношении крестьян, осознававших, что проблема малоземелья может отразиться в ближайшем будущем и на их потомстве. Воронежский губернатор в ответ на требование МВД предоставить сведения о причинах переселений во вверенной ему губернии указывал на преобладание среди переселенцев зажиточной категории крестьянства². Как следует из материалов орловского губернского присутствия, рассмотрение крестьянских прошений о переселении часто заканчивалось наложением отрицательной резолюции ввиду достаточной обеспеченности просителей. На этом основании было, например, отказано в переселении в 1898 г. четырем семьям крестьян Ливенского уезда, двум семьям Орловского уезда, двум семьям Кромского уезда³.

Проблема неопределенности, а также альтернативности выбора при полном отсутствии представлений о последствиях своих действий в условиях позитивного отношения крестьян к региону-реципиенту решалась ими, как правило, в пользу безусловной необходимости переселения, что находило отражение в крестьянских прошениях о переселении. Позиция крестьян в этом вопросе являлась особенно показательной в тех районах европейской полосы России, где неадекватность результатов труда производственным усилиям была выражена наиболее рельефно. Так, крестьянин Нижнедевицкой волости Землянского уезда Воронежской губернии Дмитрий Ялфимов, сожалея о своем уходе из деревни, объяснял свой поступок: «...бился, бился — ничего не поделаешь, хлебушка

¹ Гурвич И.А. Современная жизнь Сибири и ее нужды // Сибирский сборник. 1886. Кн. 2. С. 99-102.

² Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф.26. Оп. 22. Д. 68. Л. 14, 15.

³ Государственный архив Орловской области. Ф. 35. Оп. 1. Д. 123. Л. 73-82.

самому не хватает, скотинку пробавить нечем, лесу нет...»¹. Переселенцы из той же Воронежской губернии сообщали в местное по крестьянским делам присутствие: «Неурожаи разорили нас, и мы решили переселиться, хотя и жалко расставаться с родиной»².

Крестьянские прошения о переселении, содержащие настойчивые указания на бедственное экономическое положение, не были пустым звуком. Предпринятый на рубеже XIX – XX вв. А.И. Шингаревым опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда, с целью выяснения главных причин высокой смертности и малого прироста населения, привел автора к катастрофическим выводам и дал основание назвать русскую деревню – вымирающей³.

Симптоматично, что в своих умозаключениях А.И. Шингарев был не одинок. Вопрос о физических потенциях русского крестьянства, произрастающих из условий материальной жизни, стал предметом обсуждения на страницах отечественной журнальной прессы уже с середины 1870-х гг., достигнув своей акматической вершины к 1905–1906 гг. Точкой отсчета в изучении и анализе физических кондиций сельского населения России и черноземных ее губерний стали материалы осмотра новобранцев, регулярно проводившиеся воинскими присутствиями с 1874 г. Именно они в полной мере продемонстрировали те негативные процессы в крестьянском хозяйстве, которые наметились в пореформенный период и динамически развивались в последующие годы, отразившись в конечном итоге на состоянии здоровья и физических возможностях крестьянства. По имеющимся статистическим данным, с 1874 по 1883 г. в Европейской России из 7,5 млн призывников было забраковано 32,87 %, причем 16,34 % – по невозмужалости, 15,04 % – по болезненному состоянию и физическим недостаткам, 1,49 % – по малорослости⁴. В отчете медицинского департамента за 1877 год сообщалось, что на 520 221 человек, принятых на воинскую службу, 25,4 % призывников обладали различными физическими отклонениями, 18,1 % не имели общих признаков возмужалости. Из 1 400 000 мальчиков, родившихся в 1855 г., через 20 лет, к 1876 г., в живых осталось только 610 000. Из них 110 000 страдали от хронических болезней, а 100 000 не достигли к 20 годам возмужалости⁵. Не изменилась кардинально

¹ ГАВО. Ф. 26. Оп. 30. Д. 68. Л. 102.

² Там же.

³ Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. М., 2010. С. 217-223.

⁴ Белоглазов М.М. Вырождение населения Тамбовской губернии // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1905. Окт. С. 1520.

⁵ Там же.

общая картина и в следующий хронологический отрезок (1884–1889 гг.). Из осмотренных врачами в воинском присутствии молодых людей годными к воинской службе было признано 61,2 %. Отсрочку по слабосилию и невозмужалости получили 13,5 % призывников, освобождение от действительной службы по болезням и телесным недостаткам — 17,3 %¹. В целом, по 50 губерниям Европейской России к набору в регулярные части действующей армии за хронологический отрезок с 1874 по 1903 г. было призвано 20 064 000 человек, из которых в разряд забракованных медицинскими комиссиями воинских присутствий по недостатку роста, болезням, физическим недостаткам, а также получивших отсрочки по невозмужалости переведено 8,3 % всего прибранного контингента². По 7 губерниям Центрально-земледельческого района число осмотренных новобранцев за тот же период составило 4 700 700 человек, а уволенных по вышеуказанным основаниям 7,4% (подсчитано автором). При этом по отдельным годам (1889 г.) наибольший процент освобождений от воинской повинности по телесным недостаткам приходился на Воронежскую губернию (15,33 %), в Курской равнялся 14,54 %, в Тамбовской — 13,79 %, в Орловской — 11,12 %³. Значительная масса крестьянской молодежи черноземной полосы России в этот же период получила различные по времени отсрочки в связи с невозмужалостью (недостаточным физическим развитием). Таких призывников насчитывалось по Орловской губернии — 15,35 %; по Тамбовской — 14,93 %; по Курской — 13,11 %; по Воронежской — 11,84 % от всех лиц призывного возраста⁴. В 1905 г. медицинские комиссии черноземного центра признали годными к воинской службе 67,1 % новобранцев, а из забракованных 32,9 % около половины призывников были комиссованы, а остальные приняты в строй с оговорками либо получили отсрочки⁵. В этом же году комплексное исследование физических кондиций призываемых в армию показало, что при среднем росте в 37,5 вершков, объеме груди в 19 вершков и весе в 148 фунтов средний недовес новобранцев составлял 8,47 фунтов⁶, что связывалось с общим недостатком питания, когда под действием недоедания в организме человека происходят различные патофизиологические

¹ Маресс Л.Н. Пища народных масс в России // Русская мысль. 1893. № 10. С. 67.

² Подсчитано автором по: Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения средне-земледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч.1.

³ Анучин Д.Н. О географическом распределении роста мужского населения России. СПб., 1889. С. 99-100.

⁴ Там же. С. 104-105.

⁵ Белоглазов М.М. Указ. соч. С. 1512.

⁶ Белоглазов М.М. Указ. соч. С. 1521.

процессы, негативно влияющие на рост и взросление. Д.Н. Анучину, изучавшему проблему пригодности призывного элемента на воинскую службу, удалось установить процент не принятых в войска по недостатку роста в различных местностях России. По его заключению, более 2,0% молодых людей, забракованных воинскими присутствиями, являлись выходцами из Архангельской, Ковенской, Минской, Самарской, Вятской губерний, от 1,0 до 2,0%% негодных представляли черноземную полосу – Воронежскую, Орловскую, Курскую губернии¹.

Земские врачи С.А. Дедюлин, В.М. Обухов, Д.Н. Жбанков, уже упомянутый нами А.И. Шингарев, С.Н. Караманенко в работах, относившихся к 1880-м гг. XIX – началу XX в., констатировали стабильное снижение уровня жизни сельского населения, который проявлялся, прежде всего, в ухудшении качественного состава питания крестьян и, как следствие, развитии роста заболеваний костной системы и органов пищеварения на фоне традиционного эпидемиологического неблагополучия русской деревни, антисанитарного состояния жилищ и дворов, инспирировавших чудовищную смертность населения, в том числе детскую². В результате накопления сведений о состоянии крестьянских хозяйств и сельского населения черноземной полосы России, в том числе с опорой на итоги медицинского обследования народных масс по губерниям, появляются сенсационные статьи, посвященные вопросу о наметившейся тенденции к физическому вырождению сельского населения типично земледельческих губерний Европейской России. Наиболее категоричные в этом отношении суждения, безусловно, принадлежат перу М.М. Белоглазова, отмечавшему, что «...если бы когда-нибудь состоялась выставка типичных по губернии России больных, то экспонат Тамбовской губернии имел бы такой облик: трясущийся в лихорадочном ознобе, изъеденный сифилитическими рубцами, глухонемой, слепой, слабоумный с искривленным позвоночником субъект»³.

К числу сопутствующих условий, объясняющих твердую уверенность крестьян в необходимости переселения, следует отнести такие факторы, как существование консолидированной группы, объединенной общим интересом; равенство в статусе и влиятельности чле-

¹ Анучин Д.Н. Указ. соч. С. 64

² Дедюлин С.А. К вопросу о причинах физического вырождения русского народа. СПб., 1900; Обухов В.М. Экономические причины смертности и вырождения крестьянского населения Воронежской губернии // Журнал русского общества охранения народного здоровья. 1895. № 1; Шингарев А.И. Заболеваемость населения Воронежской губернии (1888-1902). Воронеж, 1906; Караманенко С.Н. О санитарном значении отхожих промыслов в России // Журнал русского общества... 1895. № 2.

³ Белоглазов М.М. Указ. соч. С. 1518.

нов этой группы; появление харизматических лидеров; пропорциональное распределение ответственности за предпринятые действия между всеми работоспособными членами коллектива. Наличие названных условий, их удачное сочетание, даже при существующих сомнениях отдельных индивидов в правильности выбора, в процессе групповой дискуссии способствовали выработке окончательного коллективного решения о переселении.

Социальными психологами была выявлена закономерность, при которой в ходе групповой дискуссии члены коллектива изменяют свои суждения в том направлении, к которому было первоначально склонно большинство индивидов, т. е. дискуссия экстремизирует стартовые индивидуальные предпочтения¹. Э. Дюркгейм, характеризуя феномен группового сознания, выявил в конце XIX столетия его интегрирующую роль и отличие от сознания индивида: «Группа думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были разъединены»². Таким образом, именно в группе и через группу субъекты теряют свои индивидуальные качества, превращаясь в массового человека.

Принятие крестьянами решений, связанных с риском, соответствовали стандартным установкам и принципам, свойственным традиционному обществу, так как внутри вновь образованной микрогруппы происходило распределение ответственности за конечный результат по схеме, аналогичной той, которая действовала и в границах крестьянского макрообъединения.

В этой связи нельзя не отметить, что укоренившееся в крестьянском сознании убеждение в намерении переселяться было окончательным и бесповоротным. Внутрисемейные раздоры, инициируемые женщинами, менее всего склонными к отрыву от домашнего очага, встречавших принятое обществом решение о переселении криками вроде «не дайте умереть мне в Окияне и Иртыше», решались «вероломными» способами. Мужья, видя такое несогласие, заявляли женам: «Если кто не поедет с мужем добром, то после будут гнать этапом, а гнать будут не так, как стражников, а в темных закрытых вагонах; и не прямо повезут к мужу на место, а будут, будто, возить более года по российским городам, пока не соберут всех таких, кто не поехал добросовестно с мужем одновременно...»³. Доводы правительственных чиновников, аргументы представителей общественности, предупреждения о трудностях пути и водворения, публикуемые в справочных книгах и прессе, ничего не могли изме-

¹ Костинская А.Г. Зарубежные исследования группового принятия решений, связанных с риском // Социальная психология: хрестоматия. М., 1999. С. 253.

² Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев, 1899. С. 91.

³ Беляков И.Е. Переселенец о Сибири // Русское богатство. 1899. № 3. С.5.

нить в крестьянском настрое на переселение. Крестьяне Судженского уезда Курской губернии в 1888 г. отправились в Томскую губернию, не дождавшись возвращения ходоков, без всякой надежды на пособие со стороны правительства, успокаивая себя мыслью, что «как сядем на чугунку, так уже не скинут...»¹. В воронежское уездное по крестьянским делам присутствие от местного исправника поступил рапорт следующего содержания: «По поручению присутствия от 7 февраля 1890 года мною было объявлено и разъяснено крестьянам села Калмычка Воронежского уезда, что никаких денежных льгот и пособий для переселенцев не установлено и переселение должно быть совершено за собственный счет, однако несмотря на все это, означенные крестьяне (26 семей) остались при прежнем своем намерении переселяться в Томскую губернию»². С. Пономарев, наблюдавший за переселенцами и их передвижениями в течение лета 1886 г., пришел к выводу, что переселение носит «мирской» характер, давно перестало являться простым гражданским актом и переросло в священное общественное дело. Он писал: «Были случаи, когда начальство и я отсоветывали партиям ехать в Сибирь. Мы указывали на факты. Отдельные крестьяне иногда соглашались; но чуть доходило до дела, все, как один поднимались: «Мы обществом снялись, обществом молились. Статочное ли дело товарищей бросать». Отдельно человека никогда не удастся склонить на переселение. Примеривается масса...»³.

Подобные ситуации были, по всей видимости, типичны для второй половины XIX—начала XX в. и попадали в поле зрения не только специалистов и непосредственных участников переселенческого дела, но и творческой интеллигенции. В литературных произведениях того времени, написанных на стыке художественной литературы и очерковой публицистики, очень четко прослеживается процесс структурирования миграционных настроений в крестьянской среде, как реакции на ухудшение экономического положения крестьянства, что в свою очередь способствовало формированию у последнего «измененного сознания», наиболее явными чертами которого было превышение оптимального уровня стресса, фрустрация, разрушение адаптационных барьеров.

Так, например, рассказ С. Каронина «Куда и как они переселялись», опубликованный впервые в 1880 г. на страницах журнала «Отечественные записки», отражает одну из злободневных тем общественно-политического дискурса пореформенного периода — судьбы и бытовых аспектов жизни российских землепашцев,

¹ Из провинциальной печати // Северный вестник. 1888. № 11. С. 195.

² ГАВО. Ф. 26. Оп. 31. Д. 57. Л. 113.

³ Пономарев С. Лето среди переселенцев // Вестник Европы. 1884. Т. 5. С. 148-150.

настроений в крестьянской среде в условиях активизации переселенческого движения на восточные окраины страны. Характерно, что именно в указанный период на страницах журнальной прессы наиболее «ожесточенно» муссировался вопрос о причинах роста миграционной активности земледельческого населения, соотношения уровня санкционированных и нелегитимных переселений, эскалации «бродяжнических» инстинктов и настроений в народной массе.

Главными действующими лицами рассказа являются жители деревни Парашкино, пребывающей в полном запустении. Хозяйственная разруха и обветшание дворов ввергает их в состояние индифферентности и апатии, о чем красноречиво свидетельствовало «...шаловное выражение лиц, бесцельность и беспричинность в разговоре, полнейшее отсутствие сознательности...»¹. В этой ситуации односельчанин парашкинцев солдат Ершов выступает с инициативой коллективного переселения на новые места. После недолгих размышлений крестьяне решают во чтобы то ни стало покинуть родную деревню и отправиться в Сибирь на поиски лучших мест.

Случай, произошедший с литературными героями С. Каронина, достаточно типичный для жителей русской деревни второй половины XIX в. Однако чрезвычайно важной в рассказе представляется авторская позиция, сообразно с которой участники событий наделены возможностью высказывать свое отношение к происходящим событиям, что отнюдь не типично для сухого документального источника, исключающего эмоциональную составляющую. Таким образом, писателю удалось вырваться за рамки одномерного восприятия переселенческой проблемы, в контексте которой народный порыв чаще всего рассматривался только лишь как прямой результат экономических девиаций. Справедливости ради отметим, что именно «крестьянская» (народническая) литература второй половины XIX столетия предпринимала довольно активные попытки поиска психологических оснований в обнаружении причин народного «переселенческого зуда», тогда как в специальных исследованиях по данной проблематике первоочередное внимание уделялось экономической стороне процесса.

Трактовка событий, разворачивающихся на страницах рассказа С. Каронина, с опорой на положения, теории и инструментарий, освоенные в лоне современного исторического и социально-психологического знания, может выглядеть следующим образом. В настоящий момент к разряду установленных и осмысленных историками факторов миграционной мобильности, с привлечением ма-

¹ Каронин С. Куда и как они переселялись // Крестьянские судьбы: рассказы русских писателей второй половины XIX века. М., 1986. С. 362.

териалов и подходов в сопредельных научных областях, относятся: наличие экстремальной ситуации, предполагавшей выбор между различными уровнями риска (остаться и умереть; уйти и выжить), существование консолидированной группы, объединенной общим интересом, равенством в статусе и влиятельности членов, выделение из группы харизматических лидеров, пропорциональное распределение ответственности за предпринятые действия между всеми работоспособными членами коллектива. Наличие этих условий, а также их сочетание, даже при существующих сомнениях отдельных индивидов в правильности выбора, в процессе групповой дискуссии способствовали выработке окончательного коллективного решения о переселении.

В рассказе С. Каронина указанные факторы безусловно присутствуют. Так, под экстремальными условиями жизнедеятельности человека понимаются измененные условия существования, характеризующиеся социально-психологическими ограничениями, наличием факторов риска, что формирует кризисную ситуацию, требующую от индивида таких действий, которые находятся на границе его адаптивных возможностей или даже превосходят имеющиеся у него резервы. Обращаясь непосредственно к отдельным фрагментам текста, можно обнаружить отчетливые следы экстремальной ситуации, неприемлемой в крестьянской среде даже с учетом эластичности жизненного стандарта российского землепашца: «...*труд их сделался случайным, непроеводительным, а потому ни для кого не пригодным...*», «...*положение их давно сделалось невозможным, а они уже и не думали из него выходить и употребляли все силы лишь на то, чтобы приспособиться к нему...*»¹. Население деревни, не добившись успеха в деле улучшения своего экономического положения, первоначально обнаружило выход из создавшейся трудной ситуации в обращении к состоятельным лицам и земской организации: «*Ходили они и к Колупаеву; однако им овладела тревога... Ему захотелось погубить их сразу... но на этот раз... парашкинцы получили по пуду муки и съели*»². «*Приходила им четыре раза земская ссуда, причем земство различило хлеб, назначенный на семена, от хлеба, назначенного на пропитание. Но парашкинцы не различали, — они получили ссуду и съели ее*»³. В итоге, безрезультативность попыток по практическому преобразованию травмирующей ситуации постепенно приводила к динамичному росту недовольства среди крестьян своим социально-бытовым положением, определявшегося идеей, в соответствии с которой отношение к жизни зависело не столько от реальных условий суще-

¹ Каронин С. Указ. соч. С. 359.

² Там же.

³ Там же.

ствования, сколько от представлений, какими эти условия должны быть. В данной ситуации происходило выделение и консолидация лиц крестьянского сословия, осознававших свое положение как следствие нарушения «высшей крестьянской правды», изменить которое можно было только путем переноса всего хозяйственного комплекса в иные, в большей степени отвечающие принципу справедливости условия существования. Однородность социального статуса жителей Парашкино также очевидна, что отмечено и самим автором: «...все это были люди сросшиеся с землей...Если земля худала, худали и жители, сидящие на ней...»¹.

Непосредственным толчком к началу обсуждения потенциальными мигрантами идеи о переселении становится появление неформального лидера или эксперта – солдата Ершова – человека опытного и бывалого. В характеристике С. Каронина Ершов представлен как человек беспочвенный, неукорененный. Побродив в молодости по свету и осев в деревне Парашкино, не имея угла и семьи, Ершов перебивался сезонными заработками, жил «то у попа заместо кухарки», «то вдруг делался нянькой у богатого мужика», «то уходил в Сысойск и там в подвалах ловил крыс, продавая шкурки на лайку»². Изобретательность и жизненная мобильность Ершова постепенно превратили его в народного вожака, а рассказы солдата о местах, где он бывал или гипотетически мог оказаться, носили приукрашенный характер и легко усваивались мифологическим сознанием деревенских жителей. Ершов разбередил самые уязвимые участки крестьянской души: «...хлеба там волюю, ешь, сколько душа просит; в лесах можно заблудиться; в лугах можно пропасть совсем; в реках рыбу прямо руками бери; чернозем – во!»³.

Энтузиазм Ершова в конечном итоге становится катализатором групповой дискуссии, в которой живое участие принимает все население деревни. Возвращаясь к тексту рассказа, стоит обратить внимание, что обсуждение возможности переселения сопровождалось и критическим отношением к данному акту. Так, крестьянин Фрол убеждал односельчан остепениться и хорошенько обсудить дело; уходу на новые места с различной степенью упорствовали староста и дедушка Тит, но первоначальное возбуждение, переросшее в коллективную галлюцинацию, отменить было уже невозможно: «...глаза у всех лихорадочно блестели, лица были взволнованные и безумные;... началось смятение»⁴.

¹ Там же. С. 356.

² Там же. С. 363.

³ Там же. С. 366.

⁴ Там же.

Подводя общие итоги, отметим, что формирование миграционной парадигмы в среде крестьянского населения Европейской России стало следствием качественных трансформаций в сознании представителей земледельческого сословия. Не отрицая того факта, что «земельный голод», «утеснения» стимулировали миграционную активность крестьянства, которая выражалась в земледельческом и неземледельческом отхожих промыслах, краткосрочных миграциях в более благополучные местности и переселениях на восточные окраины страны, существует немало примеров, подтверждающих, что, во-первых, миграционная мобильность сельского населения носила четко выраженный горизонтальный характер и проявлялась в сохранении крестьянством сословных признаков, а также в консервации жизненного уклада. Во-вторых, экономические трудности далеко не всегда открывали «миграционные шлюзы»: угроза голода, туманность хозяйственных перспектив на новых местах, высокий уровень общинной консолидации сдерживали, «привязывали» крестьян к местам их постоянного проживания.

С другой стороны, в укладе сельской жизни, главным образом в типично земледельческих районах России в пореформенный период, существовал ряд условий и предпосылок, предопределивших массовость переселенческого движения и гипертрофированную миграционную активность населения. К числу таковых относились высокая степень плотности населения, производственная и бытовая контактность, социальная гомогенность, привычка к коллективным действиям и принятию коллективных решений. Экономический фактор в данной ситуации играл роль своеобразного приводного механизма: он демонстрировал степень рискованности ситуации, сложившейся в сельской среде, приучал крестьянина не только существовать в кризисной ситуации постоянно, но и принимать рискованные решения с целью ее преодоления.

Влияние германофобских настроений на переселенческую политику в Сибири на рубеже XIX – XX вв.

Пореформенный период характеризовался «политикой сдерживания» крестьянских миграций на окраины Российской империи. Одной из основных причин этого была боязнь крупных землевладельцев возможного понижения арендных и покупных цен на землю, а также вздорожания рабочей силы. «Политика сдерживания» переселенческого движения привела к тому, что многие крестьяне самовольно, на свой страх и риск, отправлялись в малозаселенные районы Сибири. В 1881 г. были приняты «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли». Однако этот законодательный акт предоставлял право на переселение только тем крестьянам, «экономическое положение коих к тому вынуждает». Для получения соответствующих документов на переселение требовалось разрешение двух министров: министра внутренних дел и министра государственных имуществ. К тому же «Временные правила» не были обнародованы, «дабы не вызывать усиленного брожения»². Утвержденный в 1889 г. Закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» не облегчил условия переселения³. В 1892 г. «в виду обнаружившегося недостатка участков для водворения переселяющихся» циркуляром министра внутренних дел была приостановлена выдача разрешений на переселение⁴.

Подъем переселенческого движения начинается уже с середины 90-х гг. XIX столетия. С одной стороны, это было связано с отменой в июле 1894 г. циркуляра министра внутренних дел о приостановке выдачи разрешений на переселение⁵. С другой стороны, в эти годы начинается эксплуатация западных участков Транссибирской железнодорожной магистрали, что значительно облегчило передвижение крестьян в Сибирь. Сознвая необходимость заселения территории вдоль линии железной дороги, правительство становится на позиции допущения, но все же не поощрения, переселенческо-

¹ Вибей Петр Петрович – доктор исторических наук, директор Омского государственного историко-краеведческого музея.

² Якименко Н.А. Переселенческая политика царизма в 1861 – 1881 годах // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1981. С. 62.

³ ПСЗ. Собр. III. Т. IX. № 6198.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 1. Д. 177. Л. 1.

⁵ Там же.

го движения¹. Так, например, в одном из своих циркуляров от 16 февраля 1898 г. министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, сообщая губернаторам о введении нового тарифа, призванного снизить путевые издержки официальных переселенцев, вместе с тем обращал внимание на «необходимость устранять неправильные истолкования вновь принятой меры в смысле поощрения переселенческого движения»². В некоторые годы предпринимались даже попытки сократить число мигрантов.

В июне 1904 г. были приняты «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев», которые объявляли переселение свободным³. Однако правительство «поощряло» лишь переселенцев, живших в местах «с неблагоприятными условиями» или направлявшихся в районы, подлежащие заселению «в видах правительства». Остальная масса переселенцев относилась к числу непоощряемых. Они лишались права посылать ходяков и пользоваться льготами. Получение земли на новых местах им не гарантировалось. И хотя непоощряемые переселенцы не назывались теперь «самовольцами», положение их было ничуть не лучше.

Но и те крестьяне, которые могли попасть в категорию поощряемых, не всегда переселялись официально. Выдача разрешений по-прежнему была обставлена всяческими формальностями. Документы оформлялись часто небрежно, не всегда правильно в удостоверениях указывалось место назначения, что порой приводило к лишним затратам со стороны крестьян. Часто неверно выдавались ссуды, и эта выдача проводилась крайне медленно. Понятно, что многие крестьяне в результате всего этого либо не смогли получить разрешение на переселение, либо предпочитали не брать его вообще в надежде самостоятельно добраться и устроиться на новом месте.

Ситуация вскоре кардинально изменилась. В годы столыпинской аграрной реформы правительство стало всячески поощрять переселение крестьян, предоставив одновременно желающим переселиться целый ряд льгот. Изменение переселенческой политики и спад крестьянского движения главным образом и привели к значительному росту в эти годы числа мигрантов. Это было время, когда Сибирь являлась основным районом внутренней колонизации в Российской империи. Безусловно, справедлива оценка современных историков, считающих, что «по своей масштабности, степени воздействия и последствиям массовую крестьянскую миграцию в

¹ Там же. Д. 47. Л. 198 об.

² Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив г. Тобольска (ГУТО ГАТ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 393. Л. 12 об.

³ ПСЗ. Собр. III. Т. XXIV. № 24701.

Сибирь конца XIX – начала XX в. и производимое одновременно с этим землеустройство можно квалифицировать как переселенческую революцию»¹. Представители разных национальностей пришли в Сибирь не только с деньгами, вырученными при ликвидации хозяйств, скотом и инвентарем, но и хозяйственным опытом, трудовыми навыками, менталитетом.

В общем переселенческом потоке на новые земли отправились и немцы-колонисты из материнских колоний (Mutterkolonien) Поволжья, Новороссии, других регионов империи, основавшие в Сибири новые, дочерние колонии (Tochterkolonien). По своей конфессиональной принадлежности это были лютеране, меннониты, баптисты, католики. Причины, по которым немцы в конце XIX – начале XX в. добровольно переселялись в Сибирь, были различны. Но главным побудительным мотивом к переселению было малоземелье как абсолютное, так и относительное. На это справедливо указывали исследователи еще в конце XIX в. Так, А. Богдановский отмечал, что крестьянину было мало земли, когда, во-первых, при отсутствии побочных заработков или возможности взять в аренду землю он не мог со своего надела получить необходимый доход для содержания семьи; во-вторых, в семье было больше рабочих рук, чем требовалось для обработки надела; в-третьих, на собственном наделе он не мог вложить накопленный капитал в дело². Все эти обстоятельства имели место в немецких колониях в России.

Из южноросийских губерний переселялись колонисты, оставшиеся без земли в силу существовавшего там майоратного порядка наследования. Их переселение осуществлялось, как правило, при поддержке материнских колоний и главным образом на казенные земли. Из тех же губерний переселялись и зажиточные колонисты, которых привлекали дешевые сибирские земли. Они селились на купленных или арендованных у государства или Сибирского казачьего войска участках с целью создания на них фермерских хозяйств. Значительным по масштабам был поток мигрантов из поволжских колоний, основу которых составляли бедные крестьяне-общинники. Они селились, в основном, на переселенческих участках³.

Переселение немцев-колонистов из материнских колоний в Сибирь осуществлялось на общих со всеми российскими крестьянами основаниях. Переселенческие законы никоим образом не ограни-

¹ Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 94.

² Богдановский А. Общество и закон о переселениях // Северный вестник. 1892. № 5. С. 73.

³ См. об этом: Малиновский Л. В. Причины и обстоятельства миграции немецких колонистов на восток в XIX – начале XX в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 89 – 96.

чивали их права как граждан Российской империи. Единственным, пожалуй, исключением являлось высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 15 апреля 1896 г., по которому на Министерство внутренних дел возлагалась обязанность принимать зависящие от него меры к тому, «чтобы прибывающие в губернии Тобольскую и Томскую (кроме Алтайского горного округа) и генерал-губернаторства Степное и Иркутское переселенцы не русского происхождения были, по возможности, включаемы в состав обществ из переселенцев русского происхождения»¹. Это делалось для предотвращения создания в Сибири обособленных неславянских переселенческих анклавов.

На практике же переселение немцев в Сибирь было сопряжено со значительно большим количеством ограничений и было следствием распространившихся в России, начиная с 70-х гг., германофобских настроений, приведших, особенно в западных приграничных районах, к агрессивной политике русификации немецкого населения. Это явление приняло еще более негативный оборот в связи с образованием в 1871 г. Германской империи и ее внешней политикой. Российские националисты рассматривали немецких колонистов как «пятую колонну Германии» и усиливали нападки на них. Колонисты рассматривались российской стороной как «послушное и активное орудие» германизации России. Без оружия и кровопролития они-де захватят Россию, задавят ее экономически и духовно, присоив лучшие земли. В правящих кругах бытовал взгляд на то, что переселение немцев-колонистов в Сибирь не соответствует задачам русской колонизации и не должно ущемлять интересы русского крестьянства. В высказываниях высокопоставленных чиновников, ведавших переселенческим делом, мы неоднократно находим тому подтверждение.

Так, побывавший в Сибири в 1895 г. министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, обеспокоенный появлением близ Омска первых немецких переселенческих поселков и желанием Степного генерал-губернатора образовать из них отдельную волость, в своем всеподданнейшем докладе писал: «Необходимо, если вообще допускать их (немцев. — *П.В.*) водворение в Сибири, селить их если не в одних селениях с русскими, то, во всяком случае, в пределах одной волости и перемешивать немецкие селения с русскими»². Более определенно против переселения немцев в Сибирь высказывался обследовавший в 1899 г. переселенческие поселки в тарских урманах чиновник канцелярии Совета министров Со-

¹ ПСЗ. Собр. III. Т. XVI. № 1277.

² Прибавление к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 года. СПб., 1896. С. 78.

сновский: «Отдавая должную дань культурному значению основанных в тарских урманах эстонских, латышских и немецких поселков, нельзя в то же время не высказаться против излишнего увлечения “немецкой” колонизацией и, в особенности, против заполнения сплошных районов чуждыми нам по крови и духу элементами, ибо очевидно, что обеспечение последним возможности обособленного устройства в Сибири не может входить в задачи нашей колонизационной политики»¹.

Наконец, нельзя не привести мнение министра внутренних дел П.А. Столыпина, высказанное им в письме главноуправляющему землеустройством и земледелием А.В. Кривошеину по итогам их совместной поездки в Сибирь в 1910 г.: «Не говоря уже о том, что водворение немцев на казенных землях в то именно время, когда в Западной Сибири ожидают земельного устройства русские переселенцы, не соответствует интересам русских людей, я со своей стороны нахожу, что устройство этих лиц в Сибири и при том на землях казенных представляется с точки зрения государственных интересов совершенно не желательным»². Сетую на отсутствие в законе категорического запрещения водворять немцев-колонистов на казенных землях привлекательных для них Степных областей, П.А. Столыпин писал: «...я находил бы, со своей стороны, безусловно, необходимым, в ограждение интересов русского крестьянства и по соображениям государственной важности, принять меры против заселения Степных областей немцами-колонистами как элементом, не отвечающим задачам русской колонизации»³.

Обсуждался вопрос о переселении немецких колонистов в Сибирь и в Государственной Думе. Очень активны при этом были представители русской православной церкви, опасавшиеся, что русские переселенцы попадут под влияние немецких католиков, лютеран, баптистов, штундистов. Так, епископ Митрофан, депутат правых из Могилева, утверждал в марте 1911 г., что власти оказывают предпочтение немцам при переселении в Сибирь. Руководитель Акмолинского Переселенческого управления отклонил этот упрек, заявив, что для немецких колонистов не существует никаких привилегий; более того, они заселяются на тех же условиях, что и все остальные крестьяне. Лишь 4,4% земли в Акмолинской области находились во владении немецких колонистов⁴. Депутат Государственной Думы священник А.Л. Трегубов в своем выступлении предостере-

¹ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 408. Л. 14 об.

² Там же. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 304. 1910 г. Л. 19–19 об.

³ Там же. Л. 20.

⁴ Brandes, Detlef und Savin, Andrej. Die Sibirien deutschen im Sowjetstaat 1919–1938. Essen: Klartext Verlag, 2001. S.10.

гал от опасности перехода земель казачьих офицеров в пользование немецких колонистов, «которые не благо несут с собою, а несут с собою только смуту». Он призывал сделать все возможное для закрепления на переселенческих участках русских и не допускать усиления позиций немецких переселенцев¹.

Рассуждая о нежелательности немецкой крестьянской колонизации Сибири и Степного края, о необходимости защиты интересов русских переселенцев, об опасности распространения сектантских течений на восток России, представители высших эшелонов власти вместе с тем признавали заметную культурную роль, которую играли немцы в освоении новых земель. Тот же А.Л. Трегубов в 1913 г. в своих путевых заметках с восторгом описывал немецкие переселенческие поселки, которые он посетил в Кулундинской степи, Павлодарском уезде и близ Омска. Они «приятно поразили» его своей зажиточностью. «Великое благодеяние — самодеятельность, — писал депутат, — которая так развита в немецких общинах и которой, к сожалению, нет в обществах русских крестьян»². Немцев справедливо рассматривали как носителей более высокой культуры, способных не только освоить труднодоступные колонизационные районы, малопривлекательные для других переселенцев, но и поделиться опытом передовых методов хозяйствования среди местного населения.

Такая прагматичная позиция чиновников и депутатов Государственной Думы, во многом определявших переселенческую политику в России, в конечном итоге нашла свое отражение в циркулярах центральных и местных властей по вопросам переселенческой политики. Особое внимание в них уделялось областям Степного генерал-губернаторства, которые до начала заселения Кулундинской степи являлись одними из основных районов немецкой колонизации за Уралом. В январе 1895 г., то есть сразу же после начала переселения немцев в Степной край, Министерство внутренних дел направило Степному генерал-губернатору указания о прекращении их водворения в Акмолинской области. В обосновании этого запрета говорилось, что немецкие колонии в Европейской России обеспечены землей значительно лучше, чем большинство русских крестьян, поэтому переселенческие участки, образованные из казенных земель, не должны служить фондом для расширения немецкого землевладения в империи³. Но уже до этого генерал-губернатор Степного края барон М.А. Таубе предупредил водворившихся в

¹ Bruhl V. Die Deutschen in Sibirien. Eine hundertjährige Geschichte von der Ansiedlung bis zur Auswanderung. Bd. 1. Nürnberg; München, 2003. S. 94.

² «По новым местам»: Переселение в Сибирь в 1913 году, впечатления и заметки по поездке в заселяемые районы Сибири члена Государственной Думы А.Л. Трегубова. СПб., 1913. С. 29–30, 33, 36–37.

³ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 29. Л. 355.

Акмолинской области немцев, что «в случае прибытия в эту область новых колонистов, таковые будут выдворены из нее этапным порядком»¹. Осенью 1895 г. М.А. Таубе обратился в Министерство внутренних дел за разъяснением вопроса о судьбе прибывших в Степные области немцев-колонистов. В ответ на этот запрос МВД сообщило, что на основании Высочайшего повеления немецкие колонисты, прибывшие в 1895 г. в Степные области, должны быть устроены в крае наравне с другими самовольными переселенцами². В результате в конце XIX — начале XX в. в Степном крае возник целый ряд новых немецких переселенческих поселков.

Однако по мере нарастания миграционного потока росла и обеспокоенность местных властей участием в переселенческом движении немцев-колонистов. Первым высказался против немецкой колонизации генерал-губернатор Степного края Н.Н. Сухотин, указавший, «что желающих водвориться в Степном крае есть много и русских крестьян, устройство которых должно вызывать более забот вследствие малой обеспеченности их земель в Европейской России, почему к вопросу о водворении иноземцев следует относиться с осторожностью»³. В 1905 г. Н.Н. Сухотин уведомил Акмолинского губернатора, что он более не будет давать разрешений на устройство в области немцев⁴. Но с изданием закона от 10 марта 1906 г. о расширении переселенческого движения вновь назначенный генерал-губернатор И.П. Надаров вынужден был разъяснить переселенческим чиновникам, что немцы-колонисты должны водворяться на общих с другими крестьянами основаниях⁵. В 1907 г. вновь последовали ограничительные распоряжения. Сначала генерал-губернатор И.П. Надаров признал нежелательным дальнейшее водворение немцев в Омском уезде. Затем появились распоряжения, по которым для переселения немцев были закрыты Петропавловский и Кокчетавский уезды Акмолинской области⁶. В 1908 г. Семипалатинский губернатор А.Н. Тройницкий докладывал Степному генерал-губернатору, что признает «крайне вредным заселение Семипалатинской области немцами». В 1910 г. Особое совещание чинов Семипалатинской переселенческой партии под председательством того же Тройницкого обратилось в Главное управление землеустройства и земледелия с пожеланием, чтобы оно не допускало немцев в область, «ибо немцы считаются элементом вредным для пограничной

¹ Там же. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 29. 1895 г. Л. 6.

² Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 29. Л. 357–357 об.

³ Там же. Оп. 6. Д. 316. Л. 356–356 об.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 235. Л. 20 об.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 20 об.

⁶ Там же. Оп. 6. Д. 316. Л. 356 об.

области и умышленно не передающим культуру русским людям»¹. Эти соображения Семипалатинского губернатора были одобрены генерал-губернатором Степного края Е.О. Шмитом, после чего в Семипалатинской области допускалось лишь дозаселение немцами уже образованных участков. Генерал-губернатор Е.О. Шмит внес свою лепту в ограничение немцам свободы выбора мест водворения и в Акмолинской области, приказав заведующему Акмолинским переселенческим районом направлять их лишь в Акмолинский и Атбасарский уезды². В 1910 г. в письме на имя министра внутренних дел Е.О. Шмит писал: «В настоящее время водворение немцев производится преимущественно в южные районы Акмолинской области. Эти уезды поставлены в более тяжелые жизненные условия и поэтому только значительно высшая культура немцев может справиться с такими участками земли»³.

Мероприятия центральных и сибирских властей по ограничению миграций немецкого населения на восток были прямым следствием усиленно насаждавшейся шовинистическими кругами в России теории «немецкого засилья». Один из пиков антинемецкой истерии приходится на 1910 г., когда в газетах «Объединение», «Новое время», «Голос Руси», «Дело Отечества» и др. появился целый ряд публикаций, в которых авторы били тревогу по поводу «нашествия немцев» в Западную Сибирь. Инициатором и одним из авторов этих публикаций был действительный статский советник А.А. Папков, участвовавший в сенаторской ревизии Омского военного округа, осуществлявшейся под руководством графа О.Л. Медема⁴. В своей статье «Немецкое царство в Западной Сибири на развалинах казачьего владения» А.А. Папков писал: «Не впадая в преувеличение можно сказать, что Западная Сибирь в половине своей является немецкой страной, особенно Степной край. Здесь немецкие колонии идут полосой на юг от Петропавловска и образуют целую сеть вблизи Акмолинска. Все окрестности Омска заняты немецкими колониями, а также в десятиверстной казачьей полосе, вдоль Иртыша, офицерские участки почти все куплены немцами. В Павлодарском уезде Семипалатинской области немецкие колонии образуют две большие компактные группы, и сам Павлодар наполовину онемечен. Вся северо-западная часть Барнаульского уезда почти сплошь заселена немцами»⁵. Статья сопровождалась подробной картой с

¹ Там же. Оп. 4. Д. 1. Л. 363–363 об.

² Там же. Д. 235. Л. 21.

³ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 5959. Л. 12 об.

⁴ Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9476. Л. 15.

⁵ Объединение. 1910. № 21–22.

указанием немецких колоний в районе Сибирской железной дороги на участке Исилькуль — Омск.

Обвиняя органы власти в «полном попустительстве», авторы подобных статей в качестве основных аргументов использовали статьи 110 и 136 «Положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края», принятого 25 марта 1891 г. Суть их заключалась в том, что приобретение земель в Степном крае воспрещалось лицам, не принадлежащим к русскому подданству, и лицам нехристианского вероисповедания¹. Однако ссылка на эти статьи была не вполне корректной, ибо большинство из переселявшихся в Сибирь колонистов родились в России и имели русское подданство. Что же касается вероисповедания, то практически все они были представителями разных течений христианского вероучения: католицизма, лютеранства, баптизма, меннонитства.

Наличие среди переселявшихся в Сибирь немцев-колонистов большого числа сектантов вызывало у представителей православной церкви серьезные опасения, которые еще более усилились после принятия Манифеста 17 октября 1905 г. Забыв о законе от 15 апреля 1896 г., рекомендовавшем по возможности селить переселенцев нерусского происхождения совместно с русскими переселенцами, сибирские губернаторы и лица, ведавшие переселенческим делом, все чаще стали высказываться за их раздельное поселение. Так, заведующий переселенческим делом в Акмолинской области Цеклинский, обращаясь к крестьянским начальникам в 1913 г., призывал их обращать особое внимание на национальность и вероисповедание переводворяемых при выдаче разрешений на переводворение с одного участка на другой. Ссылаясь на циркуляры от 7 октября 1910 г. и от 28 мая и 6 июля 1911 г., он напоминал, что немцы и сектанты могут переводворяться лишь на участки, занятые исключительно их единоверцами². Тобольский губернатор Д.Ф. Гагман в своем письме в Переселенческое управление в 1910 г. сообщал, что он «признал необходимым на будущее селить переселенцев нерусской национальности и неправославных, при значительных их партиях, на отдельных от русско-православного населения участках». Он предложил даже установить квоту в 10%, которая ограничивала бы водворение нерусских переселенцев на православных участках³.

Еще дальше пошел Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит, который весной 1912 г. обратился к министру внутренних дел со

¹ ПСЗ. Собр. III. Т. XI. № 7574.

² ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9476. Л. 80 об.—81.

³ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1. Л. 387 об.

своими предложениями по ограждению православного населения от «тлетворного влияния сектантов». Он предлагал не только запретить совместное заселение переселенческих участков сектантами и православными, но и вообще территориально обособить их. Для этого Е.О. Шмит распорядился водворять вновь прибывающих переселенцев-сектантов на специально отведенных для них участках в Каркаралинском уезде Семипалатинской области. Туда же он собирался переводворить, в случае необходимости даже насильственно, уже живших в Степном крае переселенцев-сектантов. Согласившись с предложениями Степного генерал-губернатора о недопущении совместного водворения православных и сектантов, министр внутренних дел А.А. Макаров и главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин не могли все же не высказаться против крайне радикальных мер, связанных с насильственным переводворением крестьян. В переписке между собой они отмечали, что, во-первых, в переселенческом законодательстве нет никаких ограничений по водворению сектантов в Степном крае, а во-вторых, скопление их в одном Каркаралинском уезде вряд ли будет целесообразным¹.

Начало Первой мировой войны вызвало новый всплеск анти-немецких настроений в России. К этому времени, по мнению историка С.Г. Нелиповича, основанному на анализе отечественной историографии, правительство уже решило для себя вопрос о лояльности российских немцев. Эта лояльность «отождествлялась с ликвидацией этнокультурной самобытности, с полной ассимиляцией с русским народом»². Сразу же и совершенно определенно обозначил свое отношение к немецким колониям в новых условиях Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит. Его возмущал «немецкий сепаратизм», нежелание колонистов говорить по-русски. «...И это в то время, — восклицал генерал, — когда рядом туземное киргизское население, благодаря моим требованиям, постепенно начинает говорить по-русски и приобщается к русской культуре». Владелец немецкой фамилии, Е.О. Шмит положил начало ассимиляционной политике в отношении немцев в Сибири. Он призывал подведомственные ему полицейские органы к «репрессивной борьбе с колониями немцев внутри нашего отечества»³. Касаясь постановки школьного дела в немецких поселениях, генерал-губернатор писал: «Школа — это река, по которой должны вливаться русские начала в недра привезенной колонистами в наше отечество немецкой куль-

¹ Там же. Д. 1655. Л. 6–8.

² Нелипович С.Г. Проблема лояльности российских немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. М., 2000. С. 377.

³ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2695а. Л. 16.

туры. <...> Обрусение немца — дело государственной важности, оно должно дать благие плоды в будущем»¹.

Одним из первых шагов, предпринятых в России в деле борьбы с «немецким засильем», было переименование населенных пунктов, носивших немецкие названия. 15 октября 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков направил губернаторам циркуляр, которым предписывал выявить подобные селения и подготовить предложения по их переименованию. Наибольший размах этот процесс приобрел в Томской губернии, где в годы массового переселения крестьян возникло немало немецких поселков, которым давались имена, повторявшие названия немецких колоний в Европейской России. Так, в Орловской волости было выявлено 23, в Новоромановской волости — 11 поселков с немецкими названиями. По предложению заведующего водворением переселенцев в 1-м Кулундинском подрайоне им были даны новые названия, которые являлись либо русским переводом немецкого, либо соответствовали названию переселенческого участка. По мнению чиновника, переименование селений было необходимо «сверх прочих соображений, также в видах удобства русского населения, ибо немецкие названия трудно запоминаются»². Таким образом в Орловской волости название поселка Гнаденфельд было заменено на Мирное, Тиге — на Угловое, Шенвизе — на Дегтярку, Гальбштадт — на Полгород, Александрфельд — на Гришковку, Александркрон — на Кусак; в Новоромановской волости название поселка Шенфельд заменили на Желтенское, Гейдельберг — на Заячье, Розенфельд — на Малышевское, Блюменталь — на Маленькое и т. д.³ Подобные же предложения о переименованиях были подготовлены и во 2-м Кулундинском подрайоне по Славгородской и Троицкой волостям⁴. Причем в некоторых случаях местные власти организовали «добровольные» ходатайства о приобретении русских названий⁵.

Одной из самых популярных в кругах сибирской администрации в годы Первой мировой войны стала идея ликвидации немецкого землевладения и землепользования. Причем не последнюю роль в подогревании антинемецких настроений сыграла шовинистически настроенная пресса. Вместе с тем нельзя не отметить, что принятие законов о ликвидации немецкого землевладения и их осуществле-

¹ Там же. Л. 17–17 об.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 45. Д. 1242. Л. 2, 47.

³ Там же. Л. 47–48.

⁴ Там же. Л. 51–51об.

⁵ Маттис А. Э. «Борьба с немецким засильем» в годы первой мировой войны и немецкие колонии Томской губернии // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 59; Омский вестник. 1915. 23 нояб.

ние старались не допустить многие крупные землевладельцы в России. Они прекрасно понимали, что ликвидация немецкого землевладения создаст прецедент, за которым могут последовать попытки ликвидации частной собственности на землю вообще. Не случайно поэтому в одном из выступлений в Государственной Думе в 1914 г. известный историк и политический деятель кадет П.Н. Милюков, обращаясь к правительству и помещикам, произнес свою знаменитую фразу: «...колониетских земель мало, и тот, кто начнет с колониетских земель, тот непременно кончит вашими землями»¹.

После принятия Первого ликвидационного закона от 2 февраля 1915 г.² томский губернатор предписал всем крестьянским начальникам и уездным исправникам ознакомиться с текстом нормативного акта, приняв его к сведению и руководству³. После этого начался сбор сведений о проживающих в Томской губернии немцах и занимаемых ими землях. Запутанность текста закона и нечеткость определения критериев отнесения подпадавших под его действие немцев (происхождение или подданство) вызвали на местах много вопросов. В то же время алтайские лесничие получили циркуляр, которым им рекомендовалось «воздержаться от сдачи в аренду земли <...> лесничества немцам, хотя бы и русским подданным», а также предписывалось «всемерно стремиться к расторжению заключенных с такими лицами договоров, при малейшем нарушении со стороны их арендных условий». Несмотря на поток жалоб немцев-арендаторов на имя начальника Алтайского округа, доказывающих культурное значение их хозяйств, договоры с ними стали расторгаться. Учитывая, что немцы арендовали у Кабинета Его Величества всего лишь 10 439,11 десятин земли в малопригодных для земледелия районах, или 0,14% от всей площади земель, обрабатываемых на Алтае, абсурдность этих действий становится очевидной⁴.

Тем временем был принят следующий ликвидационный закон от 13 декабря 1915 г.⁵ К середине января 1916 г. сведения о немцах Томской губернии были собраны. В своих отчетах чиновники отмечали, что антирусских настроений и враждебности к России со стороны колонистов не выявлено. По наблюдению заведующего водворением переселенцев в 3-м Кулундинском подрайоне, до войны местное население «считало своим долгом быть в приятельских отношени-

¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Заседание 5. СПб., 1915. Стб. 504.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. Ст. 350.

³ Маттис А.Э. Указ.соч. С. 59.

⁴ Шайдуров В. Н. Сибирские немцы и первая мировая война // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2000. С. 63.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1915. Ст. 2749.

ях с немцами. <...> Война все перевернула...». В целом же следует отметить, что губернские власти относились к немцам достаточно лояльно¹.

17 июня 1916 г. состоялось заседание общего присутствия Томского губернского управления по вопросу о ликвидации немецкого землевладения. На нем было доложено, что в губернии проживало 32 семьи немцев германского и австрийского подданства. Пять семей из них в Змеиногорском уезде «ранее пользовались неправильно отведенными в надел общественными землями», но «уже приняты меры к ликвидации немецкого землепользования и обществам воспрещено передавать этим и другим немцам земли на будущее время». Сообщалось также, что в губернии проживало около 36 тыс. немцев русского подданства. 37 семей из них в Каинском уезде являлись собственниками земель. Это были меннониты, причисленные к губерниям Европейской России. Некоторые из них отбывали воинскую повинность в действующей армии в качестве санитаров. В отношении этих колонистов было сделано следующее заключение: «Если <...> иностранные подданные, которые приобрели в собственность недвижимые имущества в прежнее время, Высочайшими повелениями 2 февраля и 13 декабря 1915 г. не лично лишаются права владения ими, то, надо полагать, тем более не ограничиваются в этом праве русские подданные из иностранных выходцев». Общее присутствие предлагало местным чиновникам «строго наблюдать за точным исполнением» законов и потребовало «немедленно изъять из пользования немцев иностранного подданства земли и прочие недвижимые имущества»². Таким образом, немцы, являвшиеся российскими подданными, пока сохраняли за собой все права. Но тучи над ними сгущались.

В конце июля 1916 г. Особый комитет по борьбе с немецким засильем, ссылаясь на представление командующего войсками Омского военного округа, внес в Совет министров предложение расширить действие ограничительных законов на стоверстную полосу вдоль Сибирской железной дороги в пределах Тобольской и Томской губерний³. В результате 8 сентября 1916 г. действие ликвидационных законов от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. было все же распространено на Каинский уезд Томской и Тюкалинский и Ишимский уезды Тобольской губерний⁴. Причем Особый комитет по борьбе с немецким засильем в то время был очень озабочен вопросом: «не наблюдается

¹ Маттис А.Э. Указ. соч. С. 61–63.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 131. Л. 33–34 об.

³ Маттис А.Э. Указ. соч. С. 63–64.

⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 184 об. 1–85 об.; Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1916. Ст. 1955.

ли сосредоточения немецких поселений по линии железных дорог, а также по важнейшим грунтовым и водным путям сообщения»¹.

В соответствии с положением от 8 сентября 1916 г. владельцам частных хозяйств предоставлялся определенный срок для отчуждения принадлежавшего им недвижимого имущества «по добровольным соглашениям», после чего неотчужденное имущество должно было быть выставлено на публичные торги. При этом преимущественным правом приобретения этого имущества обладал Крестьянский поземельный банк². Но сразу после опубликования положения от 8 сентября 1916 г. «выяснилось», что земли, на которых расселены в большинстве своем немцы-колонисты в Сибири, им не принадлежат, а получены от Переселенческого управления. Таким образом, применение положения от 8 сентября 1916 г. привело бы к принудительной распродаже колонистами не принадлежащих им земель. Переселенческое управление, защищая свои интересы, разъяснило, что колонисты могут распоряжаться лишь постройками, возведенными на переселенческих участках, и высказалось за возмещение колонистам только стоимости этого имущества. Особый комитет по борьбе с немецким засильем вынужден был согласиться с этим мнением, а его председатель А. Стишинский предложил обратиться в Совет министров с ходатайством о внесении в положение соответствующих изменений³.

20 октября 1916 г. было утверждено положение Совета министров от 7 октября, которым устанавливался особый порядок прекращения немецкого надельного землевладения в Каинском уезде Томской губернии и в Тюкалинском и Ишимском уездах Тобольской губернии⁴. В соответствии с ним земли, отведенные немцам на основании правил о переселении 1912 г., должны были перейти в распоряжение Переселенческого управления. Земли, состоявшие во владении немцев в старожильческих селениях, должны были перейти в распоряжение этих обществ с одновременным исключением из них бывших владельцев. За изъятые у немцев земли предусматривалось вознаграждение в следующем размере: 20 рублей за десятину в Ишимском уезде, 21 рубль — в Тюкалинском уезде и 73 рубля — в Каинском уезде. За постройки и инвентарь предусматривалось вознаграждение по их действительной стоимости.

16 декабря 1916 г. Тобольское губернское управление объявило, что если в течение шести месяцев немцы, проживающие в Ишим-

¹ Маттис А.Э. Указ соч. С. 63–64.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 152.

³ Там же. Л. 155; Биржевые ведомости. 1916. 25 сент.

⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 203–206; Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1916. Ст. 2361.

ском и Тюкалинском уездах, не ликвидируют свое недвижимое имущество, то оно будет выставлено на публичные торги. К объявлению прилагался подробный список хозяйств, расположенных как на частных, так и на арендованных землях. В него попали хозяйства, находящиеся в колонии Петерфельд Ишимского уезда, крупное хозяйство И.Ф. Вибе в том же уезде. В Тюкалинском уезде предполагались к ликвидации меннонитские хозяйства на участках Бородинском, Десятириковском, Ивашкевича, Кирьяновском, Трусовском, Халдеевском и др. Такой же список, касающийся 30 меннонитских хозяйств, расположенных в Татарской волости Каинского уезда, был обнародован в начале 1917 г. в Томской губернии¹.

Настойчиво добивался ликвидации немецкого землевладения и землепользования в своем крае Степной генерал-губернатор Н.А. Сухомлинов. В письмах министрам внутренних дел князю Н.Б. Щербатову и А.Н. Хвостову он высказывал серьезные опасения по поводу того, что немецкие поселения на землях Сибирского казачьего войска располагались вдоль Сибирской железной дороги и по берегам Иртыша. Это, по его мнению, не могло гарантировать «железнодорожный путь от посягательств со стороны враждебных России элементов» и способствовать правильному и безостановочному железнодорожному и пароходному сообщению². Рисуя страшные картины «немецкого засилья», Н.А. Сухомлинов писал о существовании между немцами «особой политической связи и организации», о наличии особой почты и почтальонов для сношений друг с другом, наконец, о появившихся таинственных аэропланах, которые якобы скрываются в немецких колониях, где они получают бензин³.

История с аэропланом стала апогеем шпиономании в Сибири. Интересно отметить, что вражеские аэропланы часто фигурировали в различного рода сводках и отчетах и в других губерниях и областях империи. Но если в прифронтовых районах к подобного рода сообщениям можно было относиться серьезно, то применительно к Сибири они выглядели, по меньшей мере, нелепо. Ни один летательный аппарат того времени не смог бы преодолеть расстояние от фронта до глубокого тыла за Уралом. Тем не менее именно Степной генерал-губернатор инициировал кампанию по розыску и поимке аэроплана, умело используя ее для разжигания антинемецких настроений. 17 августа 1914 г. в газете «Омский телеграф» за подписью Н.А. Сухомлинова было опубликовано объявление, в котором он поиск «вражеского» аэроплана назвал «вопросом первостепенной

¹ ГУТО ГАТ. Ф. 335. Оп. 1(607). Д. 30. Л. 16; РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 131. Л. 36–36 об.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 358 об.

³ Там же. Л. 357а об.

государственной важности» и пообещал награду тому, кто сообщит о его местопребывании¹.

После публикации этого объявления в канцелярию Степного генерал-губернатора стали поступать многочисленные сведения разных лиц о полетах аэропланов. Примечательно, что до этого были известны лишь единичные заявления «очевидцев», видевших якобы аэроплан, подвергшиеся, кстати, сомнению со стороны одного из губернаторов. Публикация объявления дала новый толчок этой истерии. В справке, подготовленной в сентябре 1915 г. чиновником особых поручений при Степном генерал-губернаторе на основе заявлений «очевидцев», отмечалось, что большинство лиц сообщали, будто аэропланы скрывались на немецких заимках. «Весьма многие из заявителей, — говорилось в справке, — указывают на то, что видели аэроплан летающим или спускающимся вблизи паровой немецкой мельницы. Так, указывалось на мельницы: Герцена в Павлодаре, в пос. Звонарев Кут; мельницу Дика на заимке Трусова (в Тюкалинском уезде, верстах в 40 от г. Омска) и на ряд мельниц вблизи Михайловского имения (Каинский уезд)...». Комментируя эти заявления, автор справки делал вывод, что «...роль мельниц в качестве баз, где аэропланы могут получать запасы бензина и других припасов, — весьма вероятна». Особенно часто в заявлениях указывалась заимка Ф.Ф. Штумпфа, находившаяся на левом берегу Иртыша, недалеко от Омска².

Несмотря на то, что вражеский аэроплан так и не был найден, кампания по его розыску выполнила свою задачу. Образ врага, усиленно формировавшийся представителями местной администрации, еще сильнее стал отождествляться с сибирскими немцами-колонистами и предпринимателями.

В пользу ликвидации немецкого землевладения на землях казачьего войска Н.А. Сухомлинов выдвигал и такой довод, как ненависть казачьего населения к немцам. Он полагал, что с окончанием войны и возвращением с фронта казаков могут возникнуть «насильственные проявления народного негодования»³.

Однако подлинный смысл всех антинемецких выступлений генерал-губернатора становится понятным при анализе рапорта Н.А. Сухомлинова военному министру от 4 декабря 1915 г., в котором он, ходатайствуя о ликвидации немецкого землевладения и землепользования, высказывается за передачу этих земель в войсковой запас, что, по его мнению, «даст возможность войску удовлетво-

¹ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6059. Л. 5–5 об.; Омский телеграф. 1915. 17 авг.

² ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6059. Л. 224–228.

³ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 359.

рительную потребность в земле увеличивающемуся казачьему населению»¹.

Усомнившись в правдивости фактов, доносимых из Омска, министр внутренних дел А.Н. Хвостов все же обратился к И.Л. Горемыкину осенью 1915 г. с просьбой внести на рассмотрение ближайшего заседания Совета министров вопрос о ликвидации немецкого землевладения в Степном крае, так как «у ближайших органов русской правительственной власти силою вещей сложился взгляд на немецких колонистов, как на элемент, в любое время готовый к государственной измене»².

Не дожидаясь принятия решения в высших эшелонах российской власти, Н.А. Сухомлинов как Наказной атаман Сибирского казачьего войска, борясь с «немецкой обособленностью» и «корпоративностью», 4 сентября 1915 г. издал откровенно дискриминационный приказ № 2266 следующего содержания:

«1) немецкие колонии, находящиеся на территории войска, приписать к ближайшим станицам и поселкам и через поселковых и станичных атаманов подчинить войсковому начальству во всех отношениях, и только в чисто полицейском отношении, как-то: производство дознаний, протоколов о разного рода происшествиях и т. п. они остаются в ведении уездной полиции;

2) воспретить немцам-колонистам разговаривать по-немецки;

3) не допускать в колониях и хуторах никаких вывесок, объявлений и надписей на немецком языке;

4) возложить на станичных и поселковых атаманов неослабное наблюдение, чтобы все немцы-колонисты разговаривали только по-русски, не устраивали никаких сходов для обсуждения исключительно своих корпоративных интересов;

5) привлечь их к отбыванию земских общественных повинностей наравне с прочими разночинцами»³.

Данный приказ и ряд других документов позволяют говорить о том, что насильственная ассимиляция немцев в период Первой мировой войны была поставлена в ранг государственной политики.

Обращая прежде всего особое внимание на необходимость ликвидации немецкого землевладения и землепользования на казачьих землях, Н.А. Сухомлинов предлагал распространить действие ликвидационных законов на все частные и находящиеся в арендном пользовании земли на территории Сибирского казачьего войска, предоставив последнему право преимущественной покупки этих земель. Не останавливаясь на этом, Н.А. Сухомлинов ходатайство-

¹ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 2930. Л. 126.

² Там же. Л. 128 об.

³ Там же. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2930. Л. 206–206 об.

вал также о распространении ликвидационных законов и на переселенческие поселки, расположенные на государственных землях. Он утверждал, что переселенческая политика, ставившая своей целью «вливать в мало окрепшее в культурном отношении русское население чужеземный элемент более высокой культуры», была ошибочной. По его мнению, немцы-колонисты не оправдали возлагавшихся на них надежд «приспособить русское население к более усовершенствованным способам ведения сельского хозяйства». Той же точки зрения придерживались и переселенческие чиновники в Семипалатинской области, которые полагали, что нет никакой надобности оставлять немцев в дальнейшем в Степном крае¹.

Семипалатинский губернатор в ответ на запрос Степного генерал-губернатора предлагал целый ряд мероприятий по борьбе «с вредной, с государственной точки зрения, обособленностью немцев-переселенцев». По его мнению, следовало ликвидировать существовавшие в Степном крае немецкие волости путем раздела их на части и присоединения немецких поселков к русским волостям. Таким образом предполагалось создать ситуацию, при которой волостные старшины избирались бы исключительно из русских крестьян. Сельские старосты могли быть и немцами, но они должны были обязательно знать русский язык. Кроме того, Семипалатинский губернатор предлагал не допускать аренды немцами переселенческими земель у местного киргизского населения. Новые переселенческие участки он рекомендовал образовывать таким образом, чтобы они «обхватывали немецкие поселки» и селить на них надо было исключительно русских крестьян. Заканчивалась эта программа предложением распространить действие ликвидационных законов на Семипалатинскую область².

29 января 1916 г. в Петрограде состоялось совещание под председательством сенатора И.Е. Ильющенко, на котором рассматривался вопрос о применении ликвидационных законов в Степном генерал-губернаторстве. Рассмотрев проект Н.А. Сухомлинова, после продолжительных споров совещание признало «хотя и желательным, но преждевременным в хозяйственном отношении распространять ограничительные правила на весь Степной край»³.

И все же настойчивость сторонников ликвидации немецкого землевладения и землепользования привела к тому, что 6 февраля 1917 г. ликвидационные законы были распространены также на Асмолинскую и Семипалатинскую области, Барнаульский и Змеиногорский уезды Томской области и земли Сибирского казачьего во-

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 359–360, 364.

² ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2695а. Л. 14–20 об.

³ Омский вестник. 1916. 5 февр.

йска¹. Однако мера эта оказалась уже запоздавшей. После падения самодержавия 11 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление о приостановлении действия ликвидационных законов вплоть до решения Учредительного собрания².

Смена государственной власти в России привела к тому, что немцев в Сибири вновь стали рассматривать как хороших, рачительных хозяев, способных в трудную годину помочь отечеству. Департамент государственных земельных имуществ в своей телеграмме от 15 марта 1917 г., стремясь предотвратить возможное сокращение посевов в связи с распространением слухов о готовящейся ликвидации частновладельческих хозяйств, рекомендовал губернским и областным комиссарам разъяснить колонистам, что на них лежит гражданский долг направить все усилия к максимальному увеличению размеров посевных площадей³. В своем обращении к немцам-колонистам Тобольский губернский комиссар В.Н. Пигнатти сообщил о приостановке ликвидационного законодательства и призвал к патриотическим действиям: «В настоящее тяжелое для Родины время на вас лежит гражданский долг направить все усилия к обсеменению возможно большей площади своих земель, дабы способствовать тем укреплению нового государственного порядка и защите его от внешнего врага»⁴. Это воззвание было разослано в волостные правления, которые должны были раздать его колонистам под расписку.

Несмотря на весь пафос этого документа, на местах ликвидационные законы еще некоторое время по инерции продолжали исполняться. Поэтому в конце мая 1917 г. Департамент общих дел Временного правительства напомнил губернским комиссарам, что все дела по принудительному отчуждению земель немцев, имевших русское подданство, должны быть приостановлены. Если же землепользование уже было прекращено, оно должно быть возобновлено, по желанию сторон, на общем основании. Вместе с тем отмечалось, что применение законов от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. по отношению к подданным неприятельских государств следовало продолжать⁵. Но таковых в сибирских губерниях и областях было крайне мало.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. переселение немцев в Сибирь и их обустройство было сопряжено с целым рядом ограничений, инициированных представителями центральных и местных властей под влиянием насаждавшихся в обществе герmanoфобских настроений. Заботясь о том, чтобы немцы не создавали конкурен-

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917. Ст. 207.

² Вестник Временного правительства. 1917. 14 марта.

³ ГУТО ГАТ. Ф. 335. Оп. 608. Д. 1. Л. 273.

⁴ Там же. Оп. 1(607). Д. 30. Л. 120.

⁵ Там же. Л. 158–158 об.

цию русским крестьянам при выборе участков водворения, их направляли в наиболее трудные для освоения районы. При этом сибирская администрация рассчитывала, что благодаря своей настойчивости и трудолюбию немцы смогут закрепиться на непопулярных у переселенцев землях. Такой откровенный прагматизм местных властей в совокупности с явно недостаточной правительственной помощью не позволяли немецким переселенцам в полной мере реализовать свои колонизационные возможности. Кроме того, это провоцировало многих немецких колонистов на самовольное переселение в Сибирь. Ситуация усугубилась в годы Первой мировой войны, когда активно стали обсуждаться перспективы распространения ликвидационных законов на сибирские губернии и Степной край и предприниматься реальные шаги в этом направлении. В начале 1917 г. многие немецкие поселения, возникшие на частных и арендованных землях, оказались на грани уничтожения. И лишь свержение самодержавия предотвратило их гибель.

Тем не менее анализ развития немецких колоний в Сибири позволяет говорить о том, что модернизационные процессы, происходившие в то время в аграрной Сибири, протекали в немецких колониях более динамично и глубинно, чем в других сельских поселениях. В своих хозяйствах немцы использовали усовершенствованные орудия труда и сельскохозяйственные машины. Они внедряли прогрессивные способы обработки земли, разводили скот улучшенных пород, стремились расширить товарное производство.

Несмотря на сложные природно-климатические условия, очаги немецкой крестьянской колонизации появились и в отдаленных тарских урманах, и в безводных степных районах Омского и Барнаульского уездов. В большинстве своем колонистам удалось создать в Сибири экономически более крепкие хозяйства, чем те, которые были у них на родине. Они выгодно отличались от хозяйств других переселенцев, что убедительно подтверждается сельскохозяйственной статистикой и наблюдениями современников. Социально-экономическая структура немецких колоний в Сибири со временем становилась все более однородной. При этом господствующей была восходящая вертикальная социальная мобильность и общей тенденцией — процесс перехода хозяйств из низших в высшие социальные слои. В результате удельный вес сельской буржуазии в немецких колониях был значительно выше, чем в русских и украинских поселениях. Эта элита колонистского общества была не только наиболее модернизированной, но и наиболее авторитетной в хозяйственной и духовной жизни, именно она во многом предопределяла поведение основной массы колонистов в разных жизненных ситуациях.

Таких результатов колонистам удалось достичь благодаря своему экономическому потенциалу, более высокому уровню социально-экономической мотивации, с которой они пришли в Сибирь. Большую помощь дочерним меннонитским колониям оказывали материнские колонии. Немаловажное значение имели и другие факторы, в том числе и субъективные. Ментальность немцев нашла свое выражение в целом ряде своеобразных национальных черт. Колонисты отличались религиозностью и строгим следованием христианским заповедям, высоким уровнем образования, исключительным трудолюбием, рационализмом, развитым чувством хозяина своей собственности и почтительным отношением к собственности ближнего, взаимовыручкой и трезвостью. Все это усиливало их колонизационные возможности по сравнению с другими переселенцами и облегчало адаптацию к новым условиям.

Немцам принадлежит значительная заслуга в развитии фермерства в Сибири. За достаточно короткий срок они создали в Сибири несколько десятков средних и крупных фермерских предпринимательских хозяйств. Основными направлениями деятельности немецких предпринимателей были зерноводство и животноводство. Многие из немецких предпринимательских хозяйств стали в своих регионах передовыми по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, отличались высокой степенью механизации и селекционной работы. Представители немецкого сельскохозяйственного предпринимательства, составляя незначительную по численности группу сельской буржуазии Сибири, занимали очень важную нишу в социальной структуре общества и играли заметную роль в экономической и социально-культурной жизни края. Являясь наиболее авторитетными представителями немецкой диаспоры в Сибири, они, наряду с лидерами религиозных общин, выполняли консолидирующую роль в немецкой диаспоре.

Исследование членами Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества миграционного движения в Западную Сибирь и адаптации переселенцев в принимающем обществе

Расширение Российской империи на восток в XIX в. не ограничивалось чисто военно-стратегическими задачами, но являлось начальным этапом сложного процесса вхождения Азиатской России в единое национально-государственное пространство. Столкновение геополитических интересов великих держав на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. (как следствие «открытия» Китая и Японии) сыграло определяющую роль в выработке российской внешнеполитической стратегии, которая наряду с проведением серии внутренних реформ стала катализатором для переоценки роли азиатских окраин России: из дальних и глухих они могли в скором времени превратиться в новый фасад империи. В этой связи пространственный фактор приобретал особое значение как основополагающий для обеспечения обороноспособности страны². Имперские власти в срочном порядке стали искать адекватный ответ на данный исторический вызов: необходимо было выработать концепцию продвижения России в Азию и крепко присоединить эти территории. С приобретением новых территорий и установлением границ начался длительный процесс интеграции вновь присоединенных областей в общеимперское пространство.

Важнейшую роль в российском империостроительстве играли военные, чиновники и мирные крестьяне-переселенцы. Этот достаточно длительный по историческим меркам процесс, ускорившийся к середине XIX столетия, выдвинул на первый план «политику населения»³. Она предусматривала активное вмешательство со стороны имперских органов власти в этнодемографические процессы и миграционные потоки. Прежде чем начать претворять в жизнь «политику населения», необходимо было совершить научное «завоевание»⁴ перспективной территории, т. е. всесторонне

¹ Хорзов Евгений Анатольевич – магистрант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

² Кузнецова А.В. Дальний Восток в концепции естественных рубежей М.И. Венюкова // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века: научные доклады / под ред. А.В. Гладышева и Б.Б. Дубенцова. СПб.: Изд-во СПбИИ РАН «Нестор-История», 2006. С. 66.

³ Холквист П. Российская катастрофа (1914–1921 г.) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // Россия XXI. М., 1998. № 11–12. С. 30.

⁴ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: моногр. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. С. 16.

изучить ее. Об этом как о первостепенной задаче колонизации говорил М.И. Венюков¹. В 1845 г. по высочайшему повелению Николая I создается Императорское Русское географическое общество (далее — ИРГО), координировавшее программы для всестороннего изучения Отечества, и прежде всего для изучения его окраин. Обширность территории и неотрефлексированность положения азиатских территорий приводит к открытию там отделов ИРГО. В 1851 г. в Иркутске создается Сибирский отдел ИРГО (впоследствии Восточно-Сибирский), а в 1877 г. в Омске — Западно-Сибирский (далее — ЗСОИРГО). Именно сибирские отделы фактически взяли на себя задачу изучения Азиатской России для будущего переселения и водворения крестьян. В данной статье подробно охарактеризована деятельность ЗСОИРГО в этом направлении в период с 1877 по 1917 г., условно разделенный на три этапа: казнаковско-колпаковский (1877—1890 гг.), «золотое 15-летие» (1890—1905 гг.) и межреволюционное десятилетие (1907—1917 гг.).

Пореформенный период (1860—1870-е гг.) характеризуется усилением миграционных процессов на территории всей Российской империи, в первую очередь переселением крестьян. В это же время намечаются основные направления крестьянской колонизации: из Европейской России на Кавказ, в Новороссию, Сибирь, Среднюю Азию и Приамурье. Большое число самовольных переселенцев водворялось на юге Западной Сибири и на землях сибирских казаков. Обилие нераспаханной земли привлекало крестьян из аграрно-перенаселенных губерний Европейской России. Крестьянские общества данных губерний посылали «пытовщиков» (ходоков)² в Сибирь для выбора мест будущего водворения. Н.М. Ядринцев, совершая путешествие по Алтаю в 1878 г., отметил в своих путевых записках: «...все они [переселенцы в Барабинскую степь. — Е.Х.] обустроились и живут безбедно»³.

Однако центральные власти проводят непоследовательную политику в отношении крестьянского переселения в Западную Сибирь. Местные же власти в лице сибирских генерал-губернаторов и военных губернаторов вначале не придавали значения данному феномену, но, сознавая возможность увеличения налоговых сборов с вновь прибывших крестьян, негласно покровительствовали их переселению в Сибирь. Особенно плодотворной деятельностью в этой области отличался предпоследний западносибирский генерал-губернатор Н.Г. Казнаков. Понимая стратегическую значимость

¹ Кузнецова А.В. Указ. соч. С. 67.

² Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Зап. ЗСОИРГО. Омск, 1879. Кн. 2. С. 113.

³ Там же. С. 18.

вверенной ему территории, он стремился изучить ее возможности для окончательной интеграции Западной Сибири в имперское пространство.

Первое десятилетие существования ЗСОИРГО характеризуется становлением основных направлений его деятельности, в том числе и исследованием переселенческого движения в Азиатскую Россию. Его же по праву можно назвать периодом экспедиций. За 1878—1887 гг. только на экспедиции членов Отдела было потрачено около 9000 рублей¹ (на некоторые было выделено по 1000—1500 рублей). Это позволило членам Отдела совершить крупные экспедиции во многие районы, в том числе и за пределы Западной Сибири. Более половины указанной суммы пошло на исследование переселенческого движения в Западную Сибирь и сопряженных с ним отраслей знания (этнография, почвоведение, ботаника). Следует особо отметить экспедиции И.Я. Словцова, Н.П. Григоровского, Н.М. Ядринцева, Н.Н. Балкашина и Н.К. Хондажевского для изучения хозяйства крестьян-старожилов, переселенцев, торговых путей и географии сопредельных территорий.

В начальный период существования ЗСОИРГО заявил о себе как о перспективной научной организации с широкой, хотя и бессистемной правительственной поддержкой. Отдел сделал упор на исследование ресурсной базы крестьянского переселения (ботаника, почвоведение, гидрология). Указом от 18 мая 1882 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было расформировано, а Семипалатинская, Семиреченская и Акмолинская области образовали новое Степное генерал-губернаторство². Сложилась несколько парадоксальная ситуация: ЗСОИРГО находился в административном плане за пределами Западной Сибири, но это никак не отразилось на пространстве и тематике его исследований.

Лидер сибирского областничества Н.М. Ядринцев фактически стал основателем изучения крестьянской колонизации в рамках деятельности ЗСОИРГО. При достаточно сложных отношениях с властью, но благодаря личной заинтересованности генерал-губернатора Н.Г. Казнакова в нем и его знаниях о Сибири, он смог стать чиновником по особым поручениям и с помощью появившихся у него административных ресурсов начал комплексное исследование крестьянского переселения в Западную Сибирь. Относившийся на первых порах к Западно-Сибирскому отделу ИРГО весьма критически и даже с осуждением его «военно-чиновничьего» контингента, он все же становится его действительным членом. 25

¹ Семенов В.Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного русского географического общества. Омск, 1927. С. 15.

² Закон № 886 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1886. Т. II. С. 211-212.

октября 1877 года на общем собрании ЗСОИРГО, после приема в общество, Ядринцев заявил также о необходимости широкой программы этнографических исследований в Западной Сибири¹. Следуя поставленной цели, он в 1878 и 1880 гг. совершил на средства Отдела две крупные экспедиции на юг Томской губернии (Алтайский горный округ) для комплексного изучения края, в том числе и в колонизационном отношении. Во время первой поездки, в Бийске, Н.М. Ядринцев принял «обязательное приглашение сопутствовать Томскому вице-губернатору А.И. Дмитриеву-Мамонову в южный Алтай на Бухтарму»². В ходе незапланированного путешествия по южному Алтаю он дополнил свои наблюдения по самовольному заселению края крестьянами и собрал солидный материал о переселенцах, их быте, способах и характере передвижения. Наряду с этим он постарался изучить и оценить эффективность административной политики. Данная поездка, по выражению самого Н.М. Ядринцева, стала «пионерским обзором» в изучении не только Западной Сибири, но и переселенческого движения в этот регион³.

Стоя у истоков изучения крестьянской колонизации, он задал критерии исследования данного феномена, которыми впоследствии пользовались члены Отдела, изучавшие переселение в Западную Сибирь. Николай Михайлович рекомендовал исследователям изучать этот процесс в трех аспектах:

- причины и пути переселения с характером водворения;
- взаимоотношения с местными жителями;
- административная политика и возможности государственной поддержки переселенцев.

Впоследствии заметки Ядринцева под названием «Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ» были опубликованы в виде статьи-обзора в Записках ЗСОИРГО, благодаря чему он стал признанным авторитетом в области изучения крестьянской колонизации и получил негласный титул «друг переселенцев». Летом 1880 г. он совершил вторую поездку на Алтай. Кроме того, Ядринцев составил программы для изучения сельской общины в Сибири и быта инородцев⁴, необходимые для дальнейшего исследования феномена крестьянской колонизации. В 1882 г. он написал свой самый известный труд – «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении», в котором глава,

¹ Извлечения из протоколов заседаний ЗСОИРГО // Зап. ЗСОИРГО. Омск, 1881. Кн. 3. С. 2.

² Ядринцев Н.М. Поездка... С. 2.

³ Там же. С. 3.

⁴ Ядринцев Н.М. Программа исследования сельской общины в Сибири. Омск: Тип. окруж. штаба, 1879. 37 с.; табл.; Он же. Программа для описания сибирских инородцев. Омск: Тип. окруж. штаба, 1880. 24 с.

посвященная колонизации Сибири и современным ему переселениям в указанный регион, была написана на основе привлечения материалов, собранных во время двух его путешествий на Алтай¹. В своей книге автор отметил положительную роль в изучении крестьянской колонизации сибирскими отделами ИРГО².

1880-е гг. характеризуются активным изучением естественно-исторических условий и ресурсов для будущего заселения данной территории крестьянами. Усиление данного направления исследований членами ЗСОИРГО не случайно и объясняется тем, что в Отделе были специалисты в данной области знаний, особенно в ботанике. Следует отметить, что собственно переселенческая тематика отходит на второй план. В этот период ЗСОИРГО фактически берет на себя некоторые функции переселенческого управления в связи с отсутствием переселенческих госучреждений в Западной Сибири и Степном крае, тем самым «научное общество... было частью, подсистемой бюрократии, однако это не позволяет говорить об их полной тождественности»³. Члены Отдела при заинтересованности администрации края (в первую очередь степного генерал-губернатора) в таких исследованиях изучают ресурсную базу и колонизационную емкость территории для будущих массовых переселений крестьян. Многие наработки по ботанике, почвоведению, гидрологии, климатологии и этнографии впоследствии были использованы Переселенческим управлением для научного обоснования переселения крестьян из Европейской России в принимающий регион.

В связи с изменением приоритетов в исследованиях меняется формат экспедиционной деятельности: на первый план выдвигаются краткосрочные и не затрачивающие больших сумм (50—200 рублей на одну экспедицию) поездки-экскурсии в пределах Акмолинской области. Так, за это время Отделом были отпущены небольшие средства Янземирову для полевых исследований в Кокчетавском уезде, К.Л. Гольде и М.М. Сиязову — в окрестностях Омска. В этот же период Отдел с успехом участвовал в двух крупных выставках, где были представлены экспонаты по переселенческой тематике. В 1879 г. ЗСОИРГО принимал участие в антропологической выставке в Москве; в 1887 г. — на Сибирско-уральской

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом отношении. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1892. С. 190-242.

² Там же. С. 645.

³ Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX века: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов: материалы Междунар. Науч. коллоквиума. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. С. 59.

научно-промышленной выставке был награжден за представленные экспонаты и деятельность золотой медалью¹.

Начало 1890-х гг. характеризуется количественными и качественными изменениями в составе членов ЗСОИРГО. Например, в 1891/92 г. действительными членами и членами-сотрудниками Отдела стали более 50 новых лиц (в основном гражданских). Общие собрания стали проходить публично, содержание докладов все чаще касалось актуальных вопросов жизни Сибири (в первую очередь переселенческой тематики). Так, 14 декабря 1892 г. на общем собрании членов ЗСОИРГО был заслушан доклад В.А. Остафьева: «Возможно ли при существующих знаниях и данных о Западной Сибири определить количество свободных земель, пригодных для колонизации?»², впоследствии напечатанный в Записках ЗСОИРГО³. Он вызвал неподдельный интерес и его обсуждение было специально перенесено на следующее общее заседание⁴. 15 и 25 января 1893 г. действительным членом К.А. Вернером при большой аудитории был прочитан доклад: «Семиреченская область в сельскохозяйственном отношении»⁵.

В конце 1880-х гг. царское правительство создает специальные переселенческие структуры на всех уровнях, ведя систематический учет переселенцев, направлявшихся в Азиатскую Россию. 13 июля 1889 г. принимается закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли»⁶, который существенно расширил возможности для потенциальных переселенцев. В связи с резким ростом миграции в Западную Сибирь (как следствие неурожая и голода 1891/92 гг.), неразвитой инфраструктурой и недостатком выделяемых участков правительство вынуждено было в марте 1892 г. особым циркуляром ограничить действия данного закона⁷. Комитету Сибирской железной дороги и переселенческим структурам в связи со строительством Транссиба необходимо было широкомасштабное, планомерное изучение Азиатской России для оптимального размещения населения. 1890-е гг. и начало XX в. становятся «золотым 15-летием» в изучении переселенческого движения в Западную Сибирь и Степной край.

¹ Из истории Омска (1716–1917 гг.). Омск, 1967. С. 204.

² Западно-Сибирский отдел Русского географического общества. Ф. 86. Оп. 1. Д. 23. Л. 12.

³ Записки ЗСОИРГО. Омск, 1895. Кн. 18, вып. 2. С. 1-50.

⁴ Западно-Сибирский отдел Русского географического общества. Ф. 86. Оп. 1. Д. 23. Л. 14.

⁵ Западно-Сибирский отдел Русского географического общества. Ф. 86. Оп. 1. Д. 23. Л. 15-16.

⁶ Закон № 6198 // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1891. Т. IX. С. 535-538.

⁷ Справка о ходе законодательства о переселении и о движении переселенцев в 1887-1892 гг. (Составлена Земским Отделом Министерства Внутренних Дел) // URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/peres2/1-1.html> (Дата последнего обращения: 14.09.2010 г.).

К концу XIX столетия выделились приоритетные направления в исследовательской деятельности ЗСОИРГО: климатология, ботаника, этнография и хозяйство казахов, старожилов, переселенцев. Именно на эти исследования приходится подавляющее большинство экспедиций членов Отдела и последующих публикаций. Следует особо отметить экспедиции и статьи в Записках ЗСОИРГО В.А. Остафьева¹, А.А. Морозова², видного экономиста-народника К.Р. Качаровского³ и историка Е.Ф. Шмурло⁴. Авторы концентрируют свое внимание на частных проблемах (В.А. Остафьев) или на небольшом по площади районе (А.А. Морозов, Е.Ф. Шмурло). Следуя ядринцевской традиции, они в своих статьях выявляют причины, побудившие крестьян из Европейской России переселиться в Западную Сибирь, возможности наилучшей адаптации переселенцев и процессы их взаимодействия со старожилами и инородцами.

Наряду с изучением собственно крестьянской колонизации в 1890-е гг. активизируется изучение хозяйства и быта киргизов (казахов). Последняя четверть XIX в. ознаменовалась быстрым переходом кочевых киргизов к оседлому образу жизни и высвобождением на территории современного восточного Казахстана десятков миллионов десятин площадей, пригодных для земледелия. Эти земли были намечены Переселенческим управлением для колонизации и создания крупного зернового района. В связи с невозможностью исследования столь обширной территории в короткий срок переселенческие чины стали налаживать сотрудничество с ЗСОИРГО для получения необходимой информации о казахах. В предшествующий период деятельности Отдела эта тема фактически не рассматривалась. В Записках по данной проблематике было опубликовано только одно исследование⁵. Интерес к казахским степям члены ЗСОИРГО стали проявлять с 1893 г., когда Г.Е. Катанаев разместил на страницах Записок свое историческое исследование, касающееся представления русских служивых людей о данном регионе⁶. В дальнейшем им же была рассмотрена проблема взаимо-

¹ Остафьев В.А. Возможно ли при существующих знаниях и данных о Сибири определять количество свободных, годных и удобных земель для колонизации // Зап. ЗСОИРГО. Омск, 1895. Кн. 18, вып. 1-2;

Он же. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Там же.

² Морозов А.А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 г. // Там же. 1900. Кн. 27.

³ Качаровский К.Р. Переселенцы в Азиатской России // Там же. 1893. Кн. 16, вып. 1.

⁴ Шмурло Е.Ф. Описание пути между Алтайской станцией и Кош-Агачем в Южном Алтае // Там же. 1898. Кн. 23; Он же. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом // Там же. 1898. Кн. 25.

⁵ Зеланд Н.Л. Киргизы, этнологический очерк // Там же. 1885. Кн. 7, вып. 1-2.

⁶ Катанаев Г.Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в 17-18 столетиях, по показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам и исследованиям Западно-сибирских казаков и прочих служивых сибирских людей // Там же. 1893. Кн. 14.

действия кочующих киргизов с казаками на хозяйственно-бытовом уровне¹. Он выдвинул тезис о том, что происходит двустороннее влияние культур, опровергнув предположение об исключительной цивилизаторской миссии казаков в Киргизской степи. Среди других членов ЗСОИРГО в этой области заслуживают внимания исследования В. Михайлова², В. Шнэ³, Л. Чермака⁴ и Ю. Шмидта⁵. Во время проведения экскурсий к казакам эти ученые изучали в первую очередь изменения в быте и распространение у кочевников земледелия в процессе перехода к оседлому образу жизни. В это же время активизируется изучение сопутствующих направлений: климата, растительности, почв и гидрографии. Именно эти отрасли научного знания остро требовались для Переселенческого управления, Министерства земледелия и государственных имуществ и Комитета Сибирской железной дороги. На рубеже XIX—XX вв. между указанными государственными структурами и ЗСОИРГО возникло три вида взаимоотношений: 1) подрядные (в области исследования малоизученных районов Западной Сибири), 2) использование наработок членов ЗСОИРГО в виде экспертной оценки и чтения лекций для сотрудников по актуальным для них темам и 3) в области сельскохозяйственного просвещения.

Чаще всего взаимодействие происходило с Переселенческим управлением в связи с пересечением научных интересов, где реализовывались все три вида сотрудничества. С Комитетом Сибирской железной дороги в основном реализовывался второй вид взаимодействия. Иногда переселенческие чины просили руководство ЗСОИРГО выделить специалистов по определенному профилю для прочтения курса лекций по интересующей их тематике, возлагая на себя все расходы. Переселенческие органы сами выбирали лектора и время проведения чтений⁶. Так, с 24 февраля по 2 апреля 1903 г. выбранный Переселенческим управлением А.Н. Седельников прочитал курс лекций по геоботанике членам переселенческих партий⁷. Сотрудничество ЗСОИРГО с Сибирской железной дорогой

¹ Он же. Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке // Там же. Кн. 15, вып. 2. С. 20.

² Михайлов В. Киргизские степи Акмолинской области // Там же. Кн. 16, вып. 1.

³ Шнэ В. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // Там же. 1894. Кн. 17, вып. 1.

⁴ Чермак Л. Оседлые киргизы-земледельцы на р. Чу и заметки о пути через Голодную степь // Там же. 1900. Кн. 27.

⁵ Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области, с таблицами и картами // Там же. 1894. Кн. 17, вып. 2.

⁶ Ф. 86. Оп. 1. Д. 23. Л. 157-157 об.

⁷ Ф. 86. Оп. 1. Д. 23. Л. 159.

осуществлялось в виде участия членов Отдела в качестве экспертов в исследовательской программе его управления¹.

Третий тип взаимоотношений был реализован только с Переселенческим управлением в конце XIX в., так как для успешной адаптации крестьян на местах массового водворения требовалось знание местных климатических условий, типов почв, местных вредителей и болезней растений. Переселенческими чинами было решено создать сельскохозяйственный музей в Омске как крупном распределительном пункте, где крестьяне из Европейской России могли бы получить интересующую их информацию о крае. Сами члены ЗСОИРГО неоднократно заявляли о необходимости открытия подобного рода музея или отдела. В 1897 г. частные лица и МЗиГИ поддержали создание сельскохозяйственного отдела в музее ЗСОИРГО, а на следующий год министерство выделило 500 рублей для его обустройства². Музей стал исполнять функции просветительского центра для крестьян-переселенцев и был единственным заведением подобного профиля в Западной Сибири³, где «крестьяне помимо просветительских сведений, находясь в музее, [получали. — Е.Х.] еще и то, в чем они особенно сильно нуждаются: знание природы и условий жизни Западной Сибири вообще и Акмолинской области в особенности... Здесь они имеют возможность приобрести сведения о почве, злаках и травах тех мест, где собираются поселиться»⁴.

Кроме экспедиционной и просветительской деятельности, ЗСОИРГО участвует в различных выставках. В 1894 г. вице-председатель ИРГО П.П. Семенов просит ЗСОИРГО принять участие в торгово-промышленной выставке, которая должна была пройти в Нижнем Новгороде в 1896 г. Она напрямую была связана с переселенческой тематикой, так как ЗСОИРГО поручили оформление Степного отдела выставки, сформировав целостное представление об Акмолинской области, ее жителях и природных ресурсах. Организационная коллегия Выставки высоко оценила деятельность ЗСОИРГО и вручила его делегации диплом первой степени.

В 1896—1897 гг. ЗСОИРГО все накопленные и вновь поступающие средства направил на строительство капитального здания для музея, библиотеки и собраний, сократив расходы на другие направления, в том числе на финансирование экспедиций, а в некоторые годы полностью прекратив его. Большая часть внесенных в список этого периода экспедиций представляет служебные поездки членов

¹ Ф. 86. Оп. 1. Д. 119. Л. 10-10 об.

² Ф. 86. Оп. 1. Д. 158. Л. 23.

³ Там же. Л. 23-об.

⁴ Ф. 86. Оп. 1. Д. 158. Л. 6.

ЗСОИРГО на средства своих ведомств¹. Благодаря исследовательским наклонностям и близостью к Отделу командиромы сделали добытый ими краеведческий материал предметом докладов и обсуждения на общих собраниях членов с последующим его опубликованием в Записках. Таковы были поездки Г.Е. Катанаева, Ю.А. Шмидта, В.Ф. Королева, А.А. Александрова и П.Г. Богданова². С 1898 г. благодаря крупным денежным пожертвованиям В.Ф. Голубева появилась возможность организовать несколько экспедиций и поездок по Акмолинской области. В 1898 г. состоялась масштабная и богатая результатами экспедиция для исследования горько-соленых озер Омского уезда (Селеты, Теке и Кызыл-Как) в составе: Л.С. Берга, П.Г. Игнатова, В.С. Елпатьевского и В.Ф. Ладыгина, которая положила начало череде так называемых «озерных экспедиций» ЗСОИРГО. Экспедиция имела комплексный характер, но ее главной задачей была гидрологическая оценка степных районов Омского уезда для возможного использования этой территории для земледелия³. Одновременно с «озерными экспедициями» начал свою исследовательскую работу на Алтае А.Н. Седельников. В 1897—1898 гг. при скромной поддержке со стороны руководства ЗСОИРГО он, впоследствии ставший крупным краеведом-исследователем переселенческой тематики, совершил свои первые исследования.

Рубеж веков характеризовался ростом не только исследования собственно переселенческой тематики и смежных с ней дисциплин, но и кризисных тенденций, выразившихся в сложении полномочий предыдущего председателя ЗСОИРГО, отходе от активной деятельности и отъезде таких видных деятелей, как М.В. и С.П. Швецовы, А.В. Селиванов, А.А. Морозов, В.А. Остафьев, а также в грубом вмешательстве со стороны администрации Степного края, как продолжение личной конфронтации с генерал-губернатором М.А. Таубе, которое привело к расформированию Распорядительного комитета ЗСОИРГО (из него вышли И.И. Грибанов, Ю.И. Текер и С.И. Тейтель). Несмотря на организационный кризис, Отдел развивался, и в апреле 1902 г. было создано два подотдела — Семипалатинский и Алтайский. Своеобразным итогом деятельности второго периода стало празднование 25-летия основания ЗСОИРГО, состоявшееся 26 октября 1902 г. На юбилейном заседании присутствовал генерал-губернатор Степного края Н.Н. Сухотин и другие официальные лица. В заключительной части программы торжеств были зачитаны

¹ См. Отчет о деятельности ЗСОИРГО за 1897 год. Омск, 1899. 98 с.: табл.; Отчет о деятельности ЗСОИРГО общества за 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. Омск, 1902. 94 с.

² Известия ОРО ВОО «РГО». Омск, 2008. Вып. (12) 19. С. 23.

³ Записки ЗСОИРГО. Омск, 1901. Кн. 28; Федченко О. и Б. Список растений, собранных в Омском уезде в 1898г. В. Ф. Ладыгиным, Л. С. Бергом и П. Г. Игнатовым // Там же.

поздравительные телеграммы и обращения, среди которых следует особо выделить «поздравительные приветствия» от Министерства земледелия и государственных имуществ и руководства переселенческих отрядов. Данный факт подтверждал значимость ЗСОИРГО для указанных организаций и подчеркивал его роль в области исследования крестьянских переселений в Азиатскую Россию.

Окончание второго периода деятельности ЗСОИРГО совпало с Первой русской революцией, когда омская полиция вынуждена была в 1905 г. приостановить деятельность Отдела на год. Генерал-губернатор Н.Н. Сухотин, объясняя свои действия, направил вице-председателю ИРГО П.П. Семенову официальное письмо, в котором писал о вынужденности своей меры и возможном закрытии Отдела, так как последний перестал служить государственным целям и стал политически неблагонадежным¹.

Между тем второй период деятельности ЗСОИРГО был наиболее важным и плодотворным в области изучения переселенческой тематики, хотя члены Отдела в своих исследованиях не ставили глобальных задач, а решали частные проблемы. Благодаря накопленному за предыдущий период солидному материалу по научным дисциплинам, практическим результатам переселения, адаптации вновь прибывших крестьян, налаженным связям с государственными переселенческими структурами, ЗСОИРГО занял важное место в процессе оценки колонизационной емкости региона. В этот же период между переселенческими структурами и ЗСОИРГО наметилась научная специализация, которая в наибольшей степени проявилась в следующий период. 1906—1910 г. можно охарактеризовать как период «вынужденного простоя» ЗСОИРГО. Несмотря на то, что в этот период переселенческая тематика выводится за пределы исследовательской деятельности Отдела и концентрируется в рамках Переселенческого управления, за членами ЗСОИРГО остались исследования по гидрологии, геоботанике и почвоведению, а также сотрудничество на подрядной основе для изучения конкретных территорий².

В эти годы экспедиции и экскурсии чаще всего совершались одними и теми же лицами на средства ведомств, где они работали³, особенно Переселенческого управления в порядке выполнения заданий исследовательского характера. Таковы, например, поездки Н. Лебедева, М.М. Сязова, А.Н. Седельникова и Н.М. Здравомыслова⁴. Также значительно снизился объем издательской деятельности: было издано 6 томов «Записок» в 7 книгах, 3 неболь-

¹ Известия... Омск, 2008. Вып. (12) 19. С. 62.

² Ф 86. Оп. 1. Д. 158. Л. 20-21.

³ Записки ЗСОИРГО. Омск, 1903. Кн. 30. С. 1-28.

⁴ Семенов В.Ф. Указ. соч. С. 33.

ших по объему и достаточно схематичных «Отчета» - обобщивших результаты деятельности за несколько лет¹. Начало массовых переселений в Сибирь (как следствие реализации столыпинской аграрной реформы) с 1906 г. привело к снятию всех ограничений с ЗСО-ИРГО, так как власть остро нуждалась в его содействии. Между тем за время своего вынужденного бездействия Отдел утратил ведущее положение в исследовательской деятельности региона. В изучении переселенческой тематики последнее предреволюционное десятилетие характеризуется акцентом внимания на флоре и почвах юга Западной Сибири. Условно этот период можно назвать сиязовско-седельниковским, так как М.М. Сиязов и А.Н. Седельников становятся признанными лидерами, где-то даже оттеснив «патриарха» Отдела – Г.Е. Катанаева. Несмотря на сложные отношения с властью и небольшие официальные субсидии на свои экспедиции, это не снижало качества их исследований и активную публикацию результатов. Их экспедиции были, по сути, единственными исследованиями за пределами Акмолинской области до 1910 г.², а сами они оказались единственными авторами подобных статей в «Записках»³. Комплексный труд А.Н. Седельникова «Озеро Зайсан» был отмечен в Санкт-Петербурге и награжден малой золотой медалью ИРГО, повысив тем самым как статус самого автора, так и значимость Отдела в целом. Награда позволила укрепить авторитет А.Н. Седельникова и сделала его, 30-летнего человека, негласным лидером всего Отдела. Изредка в «Записках» по дисциплинам, связанным с переселением, печатаются работы и других членов ЗСОИРГО. Следует особо отметить статьи А.И. Корнеева о водном хозяйстве Акмолинской области⁴, П. Соломина – по метеорологическим наблюдениям⁵, М. Чорманова – о казахах (киргизах)⁶, И. Орлова и Н. Лебедева – по почвоведению⁷. В них авторы рассматривали разные компоненты природы Акмолинской области с точки зрения возможного их использования для колонизации. М.М. Сиязов и А.Н. Седельников в

¹ См.: Отчет о деятельности ЗСОИРГО за 1906, 1907, 1908 и 1909 гг. Омск, 1911. 40 с.; Отчет о деятельности ЗСОИРГО за 1910–1911 гг. Омск, 1912. 87 с.; Отчет о деятельности ЗСОИРГО за 1912 год. Омск, 1914. 47 с.: табл.

² Седельников А.Н. Краткий очерк об исследовании озера Зайсан в 1905 г. // Зап. ЗСОИРГО. Омск, 1906. Кн. 32; Сиязов М.М. К флоре окрестностей Томска // Там же. 1907. Кн. 33.

³ См.: Записки ЗСОИРГО. Омск, 1907. Кн. 33.

⁴ Корнеев А.И. Водное хозяйство в Акмолинской области // Зап. ЗСОИРГО. Омск, 1906. Кн. 32.

⁵ Соломин П. Наблюдения Омской метеорологической станции за 1904, 1905 г. // Там же; Он же. Наблюдения Омской метеорологической станции за 1904 и 1906 г. // Там же. 1907. Кн. 33.

⁶ Чорманов М. Заметка о киргизах Павлодарского края // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1906. Кн. 32.

⁷ Орлов И. Краткая пояснительная записка к схематической картограмме почв Атбасарского уезда // Там же. 1908. Кн. 34; Лебедев Н. К вопросу о почвенно-сельскохозяйственных условиях Акмолинской области // Там же.

области ботаники и Н. Лебедев и И. Орлов в области почвоведения стали для Переселенческого управления непререкаемыми авторитетами. Именно к ним в первую очередь обращались чины данной организации. Заинтересованность власти проявлялась и в том, что на собраниях выступили В.М. Лыщинский и М.Д. Глебов — специалисты Переселенческого управления — с докладами о технике и экономике переселенческого дела в Западной Сибири¹.

В 1911 г. благодаря проведению в Омске Первой западносибирской выставки ЗСОИРГО получил возможность презентовать свою деятельность и научные разработки в области переселения крестьян в Азиатскую Россию на общесибирском уровне. В последующие годы деятельность Отдела продолжала крепнуть: увеличивается число экспедиций и докладов. В это время в Западной Сибири шли споры об открытии за Уралом сельскохозяйственного вуза и естественно-исторического музея как перспективных учебных и научных учреждений для подготовки необходимых краю специалистов. Эти вопросы не обошли стороной и ЗСОИРГО. На общем собрании Отдела 23 мая 1913 г. акмолинский губернатор Д.Н. Неверов заявил, что в петербургских правящих кругах Омск, благодаря дружной совместной деятельности членов Отдела, признан вполне подготовленным к открытию в нем высшего сельскохозяйственного учебного заведения². Вскоре вопрос об открытии сельскохозяйственного института в Омске был решен, и ЗСОИРГО рассчитывал на пополнение своих рядов штатными научными сотрудниками (которых до этого в городе не было) и повышение своего исследовательского уровня в области изучения переселения и адаптации крестьян из Европейской России. Но начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война перечеркнула все запланированные ранее мероприятия. Деятельность ЗСОИРГО снова пошла на убыль в первую очередь в смежных с переселением дисциплинах. За три года войны до революции издали только одну книжку «Записок», посвященную 80-летию Г.Н. Потанина³, и том «Известий»⁴. 1914 г. становится рубежом для ЗСОИРГО не только из-за войны, но и вследствие других причин. В этот год уходят из жизни вдохновители и активные исследователи переселенческого движения: 8 января в Москве умирает Д.А. Клеменц, 26 февраля в Санкт-Петербурге — П.П. Семенов-Тянь-Шанский, 9 июля в Омске — М.М. Сиязов. С началом Первой мировой войны резко сократились ссуды Переселенческому управлению. Средства, выделяемые государством Западно-Сибирскому отделу, идут

¹ Известия ОРО РГО. Омск, 2008. С. 27.

² Известия ОРО ВОО «РГО». Омск, 2008. Вып. (12) 19. С. 28.

³ Записки ЗСОИРГО. Омск, 1916. Т. 38. С. 1-45.

⁴ См.: Известия ЗСОИРГО. Омск, 1915. Т. 3, вып. 1-2. 158 с.

на проект нового здания, в помощь фронту и на сохранение существующих коллекций Отдела. Происходит сокращение финансирования на исследование переселенческой тематики и смежных с нею дисциплин.

В целом третий период развития ЗСОИРГО в области исследований крестьянских переселений был неоднозначен. Собственно переселенческая тематика существенно сократилась, но в это же время активизируются исследования по смежным с ней дисциплинам. Несмотря на сложные взаимоотношения с властью и бурные политические события, руководство смогло сохранить основной научно-исследовательский потенциал Отдела. Сокращение в предвоенные годы территориальных рамок переселенческих исследований до административных границ Акмолинской области с немногочисленными экспедициями за ее пределы позволило членам ЗСОИРГО сконцентрироваться на изучении данного региона. Первая мировая война и последовавшие две революции 1917 г. вынудили Отдел перейти от изучения переселенческой тематики к решению текущих проблем, порождаемых бурными историческими событиями.

Создание на территории Западной Сибири научного учреждения — ЗСОИРГО — в последней четверти XIX в. было обусловлено совокупностью причин объективного и субъективного характера: особенностями социально-экономического развития региона, неравномерностью его исследования, заинтересованностью со стороны государственной власти, наличием интеллектуальной базы для создания подобного рода организации и деятельностью конкретных личностей, заинтересованных в его работе. При относительной разреженности исследовательского поля на столь обширной территории, ЗСОИРГО сумел сконцентрировать научный потенциал Западной Сибири и консолидировать труд отдельных ученых, дав возможность сосредоточить внимание на решении перспективных задач, наиболее соответствующих потребностям государства, сократив существенно сроки проведения научных изысканий и удешевив их, особенно в деле изучения переселенческого движения в Азиатскую Россию. Анализ внешних и внутренних связей ЗСОИРГО показал, что в процессе функционирования он оказался интегрированным в систему государственных, общественных и научных институтов — как в общеимперские, так и в местные. Тем самым ЗСОИРГО принимал на себя обязанности, выходявшие за рамки компетенции сугубо научной общественной организации, и превращался в некоторые периоды в административный орган для решения конкретных задач — особенно в изучении переселенческой тематики. Подводя итог, можно констатировать, что переселенческая тематика занимала важное место в исследованиях

членов Западно-Сибирского отдела, хотя не являлась его прямой обязанностью. Можно сказать, что «...Отдел часто сберегал переселенческим чинам района труд, время и деньги и приносил огромную пользу важному и живому Государственному делу — устройству переселения»¹. Члены Западно-Сибирского отдела ИРГО фактически взяли на себя работу по изучению колонизационной емкости и перспектив переселения в Западную Сибирь. Ими же был затронут очень важный аспект, от которого зависел успех водворения переселенцев в данный регион, а именно, они целенаправленно изучали взаимоотношения между переселенцами и коренными жителями.

¹ Ф. 86. Оп. 1. Д. 158. Л. 6.

Раздел 2. Демографические, миграционные процессы и система расселения

Внутренние миграции в Казахстане и проблема формирования «нового» городского пространства

В течение XIX–XX вв. в Казахстане складывалась этнически дифференцированная система расселения населения. В конце 80-х гг. XX в. казахи в массе своей проживали в сельской местности, большинство русских размещались в городах и занимали ведущие позиции в социально-профессиональной структуре республики.

После распада СССР ситуация не могла оставаться неизменной. Суверенное развитие Республики Казахстан предполагает ускоренную урбанизацию титульного населения. Количественное преобладание казахов в городах необходимо для подтверждения статуса государствообразующей нации. В 90-е годы XX в. ситуацию определяла эмиграция европейского населения, прежде всего городского. В первое десятилетие XXI в. миграционные процессы в Казахстане начали развиваться на эндогенной основе. Ведущим во внутренней миграции становится поток из села в город. В результате за годы суверенитета национальный состав городов Казахстана изменился. Большинство городского населения стали казахи.

В то же время вместе с сельским населением в города переносятся и культурные ценности, в значительной мере основанные на обычаях, традициях казахского народа. Нарастающий поток из села, таким образом, оказывает все большее влияние на процессы формирования «нового» городского пространства в Казахстане.

* * *

Свыше ста лет на динамику численности, национальный состав населения Казахстана огромное влияние оказывали внешние миграции. Большую часть столетия Казахстан активно принимал население, в основном из России. Но дело не только в количественных показателях. Внешние миграции внесли основной вклад в формирование этнически дифференцированных цивилизационных идентичностей, складывающихся из таких компонентов, как система расселения, культурно-языковая среда, особенности занятости населения и др.

¹ Алексеенко Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и проблем человеческого развития Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева (Усть-Каменогорск, Республика Казахстан).

Долгое время эти цивилизационные идентичности слабо соприкасались, существуя почти автономно. Наиболее многочисленные этнические группы Казахстана — казахи и русские — занимали свои социальные, экономические, территориальные ниши. Накануне независимости казахи в массе своей оставались сельскими жителями, концентрируясь на юге и западе республики. Значительная часть русских (европейцев в целом) проживала в городах, являясь большинством населения в северном, восточном, центральном Казахстане.

В 90-е гг. XX в. это равновесие было подорвано эмиграцией европейцев, с одной стороны, и миграцией титульного сельского населения в города — с другой. Но во многом процессы происходили на эмоциях, связанных с исчезновением привычного прошлого и неясностью суверенного будущего. Вследствие этого ситуация 90-х гг. XX в. вряд ли могла стать основой длительного миграционного тренда. Кризисы рано или поздно заканчиваются, ситуация стабилизируется, и на смену эмоциям приходит рациональное мышление.

В середине первого десятилетия XXI в. социально-политическая, социально-экономическая стабилизация в Республике Казахстан стала реальностью. Происходящие социальные процессы (миграционные в том числе) имеют в основе своей рациональный характер. Можно предполагать, что при условии сохранения базовых политических, социально-экономических приоритетов данные явления будут определять ситуацию в течение длительного времени.

Подтверждением наступления так называемого «рационального» этапа развития Казахстана является и то, что основные миграционные процессы развиваются на эндогенной основе. Доминирующим компонентом в общем миграционном обороте становится внутренняя миграция. Значение внешней миграции, игравшей в 90-е гг. решающую роль, сократилось.

Наибольшее значение во внутренних миграциях, как количественное, так и качественное, имеет поток «село-город», который в состоянии кардинально изменить суть дальнейшего существования обозначенных выше цивилизационных идентичностей. Вследствие этого актуально выяснение потенциала продуцирования данного миграционного потока, определение его возможностей влияния на европейскую городскую культуру

Обозначенная проблема будет показана в основном на примере Восточно-Казахстанской области, где она проявляется довольно выпукло. На востоке сосредоточена самая большая по численности русская этническая группа Казахстана, преимущественно проживающая в городах. Велик и удельный вес сельского населения (более 40% населения региона), представленного в большинстве своем

казахами. Довольно четко выражен и миграционный поток из села в город.

Рассмотрение набора объективных факторов урбанизации (в виду имеется чисто количественный показатель) необходимо начать, по мнению автора, с проблемы эволюции исторически сложившейся системы расселения населения, в первую очередь сельского.

Расселенческая структура, прежде всего сельская, в значительной мере является объективным отражением хозяйственной, экономической, социальной культуры населения, формировавшейся в разные исторические эпохи. Экономическая, социальная модернизация предполагает и адекватную темпам развития поселенческую структуру. Существовавшая до этого политика расселения постепенно приходит в несоответствие с избранным курсом. Должна формироваться новая поселенческая политика. Но из всего «сельского набора» существования самой инертной составляющей является, как правило, именно система расселения. Она держится до последнего. Эволюции системы расселения – очень болезненный процесс, не всегда адекватно воспринимающийся населением, в первую очередь автохтонным. Автохтоны часто связывают свою культуру («самость») именно с привычным местом обитания. Изменение поселенческой политики «сверху», исходящее только из логики государственных экономических приоритетов, быстро сказывается на социальной, миграционной активности населения.

Экономическая культура номадизма отражала географическую, климатическую, экологическую среду Казахстана. Адекватной была и система расселения: дисперсность, малые населенные пункты (стационарно существовавшие часто только в зимнее время). Подобная система была характерна в первую очередь для степной части Казахстана, и элементы ее (дисперсность, малые населенные пункты) в значительной мере сохранились до настоящего времени. На юге Казахстана существование малых населенных пунктов было экономически нецелесообразно в силу поливного земледелия. Здесь выгодны крупные населенные пункты.

Присоединение Казахстана к России привело к распространению в некоторых регионах земледельческой структуры расселения, представленной в основном европейским населением. Земледелием начинают заниматься и казахи. Но этот вид хозяйственной деятельности считается второстепенным. Основным по-прежнему является отгонное животноводство.

В XIX – начале XX в. основной деятельностью населения Казахстана являлось сельское хозяйство. Учитывая зависимость сельскохозяйственных традиций от природных условий, сформировалась

и этническая дифференциация системы сельского расселения¹. Русские, украинцы Восточного Казахстана проживали в Усть-Каменогорском, Бухтарминском, Павлодарском уездах, казахи — в Зайсанском, Каркаралинском. Городское население в массе своей представлено неказахским населением.

Расселенческие тенденции, формировавшиеся в течение длительного времени, получили логическое продолжение в советский период. И хотя в 30-е гг. XX в. социально-экономическая суть отгонного животноводства, являвшегося основой жизнедеятельности казахов, была фактически уничтожена, расселенческая система бывших кочевников в основе своей осталась прежней и характеризовалась дисперсностью и мелкопоселенностью. Располагались казахи преимущественно в южной, степной зоне Восточного Казахстана. Сельское европейское население проживало в лесостепной, северо-восточной части региона.

Таким образом, исторически сложившаяся система расселения в многонациональном обществе привела к этнической дифференциации расселения. «Южная» (казахская) и «Северная» (европейская) сельскохозяйственные зоны были довольно замкнуты, хотя с течением времени все большее значение получал смешанный вариант.

Казахстанские города не являлись в полной мере своего рода смычкой между городом и деревней. Исторически сложившаяся система сельского расселения почти не опиралась на формирующуюся систему городского расселения. Города и поселки городского типа выполняли в основном промышленные функции, вследствие чего долгое время не были привлекательны для казахского населения. Пополнялись они за счет местных сельских русских и миграции из-за пределов Казахстана, в основном из России.

¹ В конце XIX в. французский исследователь Западной Сибири Жюль Легра отметил: «Главное побуждение, движущее русским переселенцем, таково: найти вне родных пределов свободную землю большей площади, но привычных качеств. Если это житель лесной полосы, он согласится поселиться в Сибири не иначе как в лесу; если он привык к безлесному Черноземью, то будет способен переселиться только в степь. Причины этого кроются не только в чувствах; дело объясняется главным образом тем, что мужик, по недостатку образования, крайне консервативен, и к новым условиям хозяйства и жизни приспосабливается с большим трудом». См. об этом: Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI—начале XX в.: Сб. документов / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 144.

Данную закономерность подтверждают и более поздние наблюдения: «Великорус лесной и лесостепной полосы чувствует себя беспомощным в условиях степного ландшафта... Великорусы всегда оседают в хорошо знакомом им лесном и лесостепном ландшафте Сибири. Степь для них — необжитая и трудноуспеваемая земля, тогда как для украинца она является необходимым географическим условием для того, чтобы он имел возможность развернуть свою хозяйственную деятельность». См.: Бежкович А.С. Украинцы-переселенцы южной части Семипалатинской губернии // Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии. Л.: Изд. АН СССР, 1930. С. 5).

В результате, к концу 80-х гг. XX в. выявилась довольно четкая географическая, этническая, социальная, экономическая, культурно-языковая дифференциация населения. Казахи составляли большинство на аграрном юге области, который к концу советского периода становится практически моноэтничным (в 1989 г. удельный вес казахского населения составлял 87,3%, русского – 10,8%, других национальностей – 1,9%)¹. Вполне возможно, что именно моноэтичность, сохранение более высокого, чем в русскоязычных районах, статуса казахского языка являлись основными консолидирующими факторами. Большое, реальное значение имели традиции, обычаи казахского народа. Существовала определенная культурная среда со всеми своими особенностями. Среда эта вряд ли была жизнеспособной без государственной помощи. Поддержка осуществлялась при огромных для «советского режима» экономических издержках – дисперсность расселения, малые населенные пункты, низкая урожайность (территория в большей мере приспособлена для отгонного животноводства, а не земледелия), социальная сфера и т. д. Весь этот набор с социально-экономической точки зрения абсолютно бесперспективен и держался только на государственных дотациях.

Русские все более концентрируются в северной части ВКО (в 1989 г. удельный вес русских составлял здесь 83,0%, казахов – 9,0%, других национальностей – 8,0%)², в основном в городах. Здесь абсолютно доминирует русский язык, приоритетные социально-экономические ниши заняты в основе своей русскими.

В третьей группе районов, географически расположенных между «югом» и «севером», наблюдается примерное равенство численности казахов и русских (казахи – 49,8%, русские – 43,4%, другие национальности – 6,8%)³.

К концу 80-х гг. окончательно сформировались основные тенденции во внутренней миграции ВКО. Миграционный поток был направлен, прежде всего, в урбанизированный северный регион. В 1950–60-х гг. в массе своей поток был представлен русскими, впоследствии все большую роль играют казахи из так называемого «смешанного» региона. Знание русского языка, долгие годы совместного проживания с представителями европейских народов позволили им довольно спокойно адаптироваться в городах. Процесс урбанизации проходил на городской, русскоязычной основе. «Южный» казахоязычный аграрный регион становился все более эндогенным, отдавая лишь небольшую (но наиболее продвинутую) часть населения в другие регионы Казахстана и ВКО.

¹ Алексеев А.Н. Народы Восточного Казахстана. Усть-Каменогорск, 1994. С. 9, 16.

² Там же.

³ Там же.

Условия сельского существования советская экономика поддерживала с нарастающим трудом. Система расселения являлась одной из важных причин нерентабельности сельского хозяйства. Единственным выходом из ситуации виделось укрупнение сельских населенных пунктов: «Мелкопоселковость сельского расселения делает экономически нецелесообразным проведение ряда мероприятий по существенному повышению уровня благоустройства и общественного обслуживания сельского населения»¹.

В 1970–1989 гг. в результате политики укрупнения число сельских населенных пунктов сократилось в ВКО в 4,5 раза (4259 – в 1970 г., 915 – в 1989 г.). Происходило это, в основном, за счет уменьшения самых малых сел (с числом жителей от 1 до 100 человек) – с 3361 в 1970 г., до 96 в 1989 г., то есть в 35 раз. Население перемещалось в города или более крупные населенные пункты, в 1989 г. 69,2% сельского населения области проживало в селах с численностью населения от 1000 человек и выше. Численность населения в крупных селах (1000 и более жителей) увеличилась в 1970–1989 гг. на 13,9%, в мелких (менее 1000 жителей) – сократилась на 27,6%. Общая численность сельского населения региона уменьшилась на 3,1%².

Несмотря на все расселенческие эволюции, сельские населенные пункты в советское время входили в сельские агломерации (совхоз/колхоз – подхоз – сельский совет и т. п.) и были связаны друг с другом в административном, экономическом, культурном, образовательном и т. д. отношениях. «Отдельно взятое сельское поселение не в состоянии обеспечить жизнь человека, его обеспечивает в целом сельская агломерация»³.

После распада СССР система сельского расселения обрушилась. Прекращение государственных дотаций, переход к «рыночным» отношениям и ликвидация колхозно-совхозной системы уничтожили сложившиеся агломерации⁴.

Число сельских населенных пунктов продолжало сокращаться и в 90-е гг., но особенности процесса были другие. Удельный вес крупных сел (с числом жителей от 1000 человек и выше) в общих потерях составил 79,8%. Значительный урон понесли села с числом жителей от 1001 до 2000 человек (57,7% всех потерь сельского населения ВКО). Эти сельские населенные пункты более всего пострадали от

¹ Ходжаев Д.Г., Вишнякова В.С., Глубина Н.К. Эффективность расселения: проблемы и суждения. М., 1983. С. 24.

² Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. 1972. С. 172–175; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Казахской ССР. Численность и размещение населения (раздел 1, часть 3). Алма-Ата, 1991. С. 58–81, 310–337

³ Аитов Н.А. Отношения по расселению. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. С. 34.

⁴ Подробнее см.: Алексеенко А. Казахстанский путь модернизации: этнодемографический аспект// Вестник Евразии: независимый науч. журн. 2004. № 1 (24). С. 122–152.

«деколлективизации» начала 90-х гг. Именно они в основе своей являлись центрами совхозов/колхозов, формировавших сельские агломерации. Проблемы таких населенных пунктов ведут к дальнейшему разрушению расселенческой структуры, начинается «сыпаться» вся поселенческая иерархия¹.

Таким образом, катастрофические события 90-х гг. подорвали экономическую, социальную, расселенческую основу сельского хозяйства РК, что привело к массовым миграциям сельчан в города. В 1989–1999 гг. численность сельского населения ВКО сократилась на 14,2%². Уменьшалась численность как сельских русских (на 22,2%), так и казахов (на 5,9%)³. Но если казахи компенсировали потери в сельской местности значительным (на 38,8%) ростом числа городских жителей, то русские, вследствие эмиграции, несли потери на всех фронтах (сокращение на 24%). При этом в городах динамика потерь у русских была выше, чем в селах (24,5% против 22,2%)⁴.

В значительной мере объясняется это быстрой урбанизацией (при всей ее неоднозначности) казахов. Удельный вес казахов в городах ВКО увеличился с 20,8% до 33,1%. В 1999 г. 40% казахов области проживали в городах. Удельный же вес русских существенно снижается (с 69,2% до 59,9%), хотя по-прежнему основная их масса является городскими жителями (77,6%)⁵.

В начале XXI в. социально-экономическая ситуация в Казахстане стабилизируется. Некоторые явления (эмиграция прежде всего), определявшие ход событий в первое суверенное десятилетие, постепенно теряют прежнюю динамику. Тенденции существования сельского хозяйства вместе с тем остались прежними. Перспективы территориального, экономического развития были представлены президентом РК: «Мы должны сконцентрировать экономическую деятельность в развитых региональных центрах, способных стать «локомотивами» экономической и социальной модернизации, предусмотреть систему законодательных, экономических и административных мер. Нам нужна новая миграционная политика, чтобы использовать потенциал развитых региональных центров для общего сбалансированного регионального развития и возрождения депрессивных регионов»⁶.

¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по КазССР. Численность и размещение населения (раздел 1, часть 3). Алма-Ата, 1990. С. 58-81, 310-337; Численность и размещение населения в РК. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Т. 2. Алматы, 2000. С. 243-244.

² Итоги переписи населения 1999 г. по Восточно-Казахстанской области. Алматы, 2000. Т. 1. С. 14-19.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Назарбаев Е. Стратегия вхождения Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира // Казахстанская правда. 2006. 19 янв.

Вероятно, территориальная концентрация экономической деятельности в условиях Казахстана — единственно возможный выход из ситуации, сложившейся в сельском хозяйстве. Здесь преобладает мелкотоварное производство, которое не в состоянии осваивать достижения научно-технического прогресса, производить конкурентоспособную продукцию. В Казахстане более 80% голов скота и 50% поголовья птицы содержится в личном подсобном хозяйстве. Фактически произошел переход на парцеллярное хозяйство¹.

Оценку положения дел в сельском хозяйстве достаточно ограничить цитатой, извлеченной из проправительственной газеты «Казахстанская правда»: «Сельское хозяйство республики неконкурентоспособно из-за отсутствия инвестиций, устаревшей материально-технической базы, ножиц в ценах промышленной и сельскохозяйственной продукции, слабой инфраструктуры села, плохой постановки племенного животноводства и семеноводства, и как следствие этого низкой продуктивности, урожайности и производительности труда». Государство оказывает аграрному сектору финансовую поддержку, «...но на крайне недостаточном уровне, не обеспечивающем ему даже простого воспроизводства, особенно в животноводстве. Продолжение такой политики повлечет за собой массиванный импорт продовольствия и окончательно разорит казахстанских производителей»².

В первую очередь от перехода на рыночные отношения страдает животноводство, традиционная сфера деятельности казахов. Содержание крупного рогатого скота в настоящее время убыточно. Капиталовложения государства направлены на выращивание пшеницы, так как высока оборачиваемость капитала: «Весной посеял, осенью убрал и получил деньги. А ту же корову надо выращивать минимум три года, чтобы окупить затраты»³.

Таким образом, социально-экономические, территориальные планы государства предполагают решительно изменить существующую систему сельского хозяйства. Переход аграрного сектора на рыночные принципы приводит к сокращению потребности в рабочей силе. Село еще держится благодаря инерции семейно-бытовых, соседских, территориальных отношений. Но мероприятия государства по концентрации экономической и социальной деятельности в аграрном секторе привели к потере интереса к малым населенным пунктам. Они признаются неперспективными, социальные объекты не финансируются и ликвидируются (больницы, школы, клубы и т. п.) Миграционный отток из сельской местности видится объек-

¹ Там же. 2006. 24 нояб.

² Сейткасимов Г. ВТО: Даль становится близкой // Там же. 2007. 4 мая.

³ Аргументы и факты: Казахстан. 2007. № 3.

тивно неизбежным. Региональная (внутриобластная) миграция становится ведущим компонентом в структуре миграционных потоков. Очень четко тенденция проявляется в ВКО, в 2009 г. 60,9% миграционных перемещений происходило внутри области, тогда как по РК в целом – 48,0%. В межобластных перемещениях участвовали 24,6% мигрантов (по РК – 42,6%)¹. Более интенсивен в ВКО и миграционный обмен со странами дальнего зарубежья (вне СНГ), в основном из-за активного прибытия в регион оралманов (этнических казахов, репатриантов) из Китая. В целом, на ВКО приходилось в 2009 г. 46,6% прибывших в Казахстан из дальнего зарубежья².

Итак, в Восточно-Казахстанской области существенное большинство перемещений приходится на внутриобластную миграцию. Учитывая особенности расселения населения в регионе, можно предположить, что внутриобластные миграционные потоки носят выраженный этнический характер³.

В области существует пять точек притяжения внутренних мигрантов – города Усть-Каменогорск, Семей, Риддер, Курчатов и Глубоковский район. На 86,8% положительное сальдо миграции формируется здесь за счет перемещений казахов. Их миграционное преобладание характерно для всех административных единиц. Наибольшим предпочтением у внутренних мигрантов пользуются самые крупные города области – Семей (47,0% положительного сальдо региона) и Усть-Каменогорск (41,4%). Этнические предпочтения также ограничиваются этими городами – сюда из районов области прибывает 89,6% мигрирующих казахов (Семей – 51,7%, Усть-Каменогорск – 37,9%), 81,5% русских (Усть-Каменогорск – 71,8%, Семей – 9,7%) и 78,3% представителей других этносов (Семей – 48,6%, Усть-Каменогорск – 29,7%)⁴.

Наиболее активно население мигрирует из аграрных южных казахоязычных районов – 70,4% всех выбытий⁵. Таким образом, закономерности внутренней миграции на востоке Казахстана идентичны республиканским – сельское население стремится в крупные города. С учетом обозначенной выше этнической дифференциации расселения, во внутриобластном распределении народов происходят существенные изменения.

¹ Рассчитано по: Миграции населения Восточно-Казахстанской области за январь-декабрь 2009 г. / Департамент статистики ВКО. Усть-Каменогорск, 2010. С. 6.

² Там же.

³ Алексеенко А.Н. Этнодемографический аспект регионального развития Восточного Казахстана// Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 141-150.

⁴ Рассчитано по: Миграция населения... С. 6, 12-14.

⁵ Там же.

В «казахском» регионе наблюдается активное сокращение общей численности населения. В 1999 – 2009 гг. – на 12,4%. Сокращение происходило в основном за счет казахов (77,1% потерь). Их здесь стало меньше на 10,7%¹. Уменьшается численность и других этносов, но в силу малой представленности явление серьезного влияния на внутрирегиональные процессы не имеет.

В «русском» регионе наиболее высока динамика роста казахского населения (24,9% за 1999–2009 гг.). В то же время количество русских, как и представителей других народов, продолжает сокращаться (русских стало меньше на 13,9%, других народов – на 26,2%). В результате уменьшается и общая численность населения региона (на 8,6%)².

В «смешанном» регионе общая численность населения почти не изменилась. Убыль русских и представителей других народов (на 19,8% и 21,6% соответственно) компенсирована увеличением численности казахов (на 16,1%)³. Необходимо отметить, что рост числа казахов происходит исключительно в городе Семей. В других районах, входящих в данный регион, их численность сокращается.

Таким образом, в результате в основном миграционных перемещений, этническая карта Восточно-Казахстанской области постепенно приобретает новые очертания. Население все более смещается в ее северо-восточную часть, месторасположение так называемых «русскоязычного» и «смешанного» регионов. Точками притяжения являются наиболее крупные города – Усть-Каменогорск (современный областной центр) и Семей (бывший до 1997 г. областным центром). Русские концентрируются в Усть-Каменогорске и его окрестностях (74,5% русских ВКО в 2009 г. против 72,4% в 1999 г.). Казахи – как в Усть-Каменогорске (17,8% в 2009 г., 14,5% в 1999 г.), так и в Семее (35,1% и 31,1% соответственно)⁴.

Интенсивно теряет население южный, «казахский» регион, концентрировавшийся в советское время большинство представителей казахского народа. В суверенное время ситуация начинает меняться. Если еще в 1999 г. здесь проживало 54,5% казахов области, то в 2009 г. – 47,3%⁵. Малоподвижные ранее жители региона начинают активно покидать привычное место жительства и устремляются или на север области, или за ее пределы. С места сдвинулся солидный слой населения, в значительной мере сохранившего язык, обычаи,

¹ Рассчитано по: Итоги переписи 1999 г. по Восточно-Казахстанской области. Алматы, 2001. Т. 2. С. 43-48; Данные Департамента статистики ВКО.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

традиции, культуру казахского народа. Демографический потенциал южных районов велик (молодая возрастная структура, расширенное воспроизводство). При этом около половины казахов области все еще проживает здесь. Данный миграционный тренд, при сохранении ведущих детерминант социально-экономического развития РК, способен определять ситуацию длительное время.

В результате перемещения сельского населения в города все более актуальной становится многогранная проблема адаптации мигрантов в новых местах жительства: языковая, социальная, экономическая, культурная и т. п.

Наиболее остро, на взгляд автора, она развивается в г. Усть-Каменогорске. Это русскоязычный промышленный город с преобладанием соответствующих социально-экономических ниш. Внедрение в эту городскую среду для значительного числа сельских мигрантов затруднено из-за недостаточного знания русского языка, профессиональной подготовки.

Несколько иная ситуация в Семее. Во все годы существования (с начала XVIII в.) город был административным, культурным, торговым центром Восточного Казахстана (Семипалатинская губерния в конце XIX—начале XX в., Семипалатинская область в советское время). В Семипалатинске всегда был значительный удельный вес казахского населения (особенно в сравнении с Усть-Каменогорском) и велика роль казахского языка. И хотя в настоящее время город лишился «исторического» статуса административного центра и всех соответствующих преимуществ, — сельские мигранты выбирают его в качестве места жительства так же активно, как и областной центр — Усть-Каменогорск (в 1999-2009 гг. численность казахов в Семее увеличилась на 28,4%, в Усть-Каменогорске — на 27,6%).

В ВКО, таким образом, присутствует два варианта адаптации к городской жизни. В Усть-Каменогорске проблемы социального, экономического, культурологического свойства зачастую имеют национальную окраску. В Семее ситуация в целом иная. Здесь достаточно давно сложилась городская казахская культура (в Усть-Каменогорске она представлена в многократно меньшей мере). Приток сельских мигрантов ведет к потенциальному обострению внутриэтнических отношений (богатые–бедные, городские–сельские и т. п.). Семипалатинский сюжет при всех его особенностях внешне близок к российскому варианту формирования отношений между «местными городскими» и «понаехавшими сельскими». Во всяком случае, в процессе участвуют в основном представители «титульно-го» населения.

В Усть-Каменогорске на похожем социально-экономическом фоне большую роль играет этнический фактор, обладающий весь-

ма значимой особенностью — в роли «принимающего» общества выступает не титульное, в основном русское население, а функции «гостей» выполняют казахи. Возможности сосуществования общностей на городской территории, проблема «кто к кому должен адаптироваться» приводят к различным, весьма неоднозначным вариантам развития проблемы.

Итак, в конце XX—начале XXI в. тенденция миграционного давления сельского населения на города интенсифицируется в сравнении с последними десятилетиями советского периода истории. Но суть даже не в количественных показателях. Во второй половине XX в. сельские мигранты, прибывающие в города, принимали (добровольно или вынужденно) новые правила игры, основанные на доминировании русского языка, забвении национальных традиций и приобщались, таким образом, к «европейским» стандартам жизнедеятельности. В основе своей люди приезжали из этнически смешанных районов и в целом были готовы к новым вызовам (по причине хорошего знания русского языка, русскоязычного образования и т. п.).

В настоящее время ситуация иная. В города хлынуло население из южных, казахоязычных районов области, где по-прежнему сильны обычаи, традиции казахского народа, крепки позиции казахского (государственного теперь) языка. Основной причиной переезда в города являются экономические, социальные проблемы в сельской местности. Люди бегут от безысходности, от невозможности дальнейшего существования в селе. Из набора факторов, обеспечивавших ранее вполне комфортную жизнь в родных местах — обычаи, традиции, языковая среда, материальное положение, социальный статус — большинство планирует изменить только два последних, перенося оставшиеся в новое место жительства. Государственная политика по поддержке казахского языка (причем не только моральная, достаточно вспомнить список профессий, где его знание обязательно), возрождению народных традиций подтверждают правильность сделанного выбора. Более того, «архаический» набор, квалифицировавшийся в советское время как «пережитки», становится мощным социальным ресурсом. Причем в городах данный ресурс можно использовать гораздо более эффективно в силу того, что коренные горожане его в большинстве своем не имеют (в первую очередь — уровень знания государственного языка).

Таким образом, значительная часть «новых мигрантов» не только не готова, но и не планирует подстраиваться под существующие городские стандарты. В города все более активно переносится традиционный сельский блок, распространенный ранее лишь в местах компактного проживания казахского населения.

Довольно жесткую оценку данному явлению дают представители городской казахской интеллигенции. По мнению известного поэ-

та, общественного деятеля Олжаса Сулейменова: «Мы переживаем этап урбанизации. Этому способствовала неожиданная деколлективизация. Совхозы и колхозы разогнали, аулы опустели. Молодежь хлынула в города. В течение полутора десятка лет в городах нарастало сословие «аульных» казахов, которое конкурентно уступало городским... Население городов... стремительно пополняется за счет пустеющего села. Но при этом, как ни парадоксально, казахов в городах не становится больше. Больше заметно аргынов, адаевцев, конратов, уйсуней... В ауле традиционно сильно родоплеменное сознание. Если ты с детства погружен в никем не разбавленную казахскую среду, ты и не знаешь, что ты — казах. Этот обобщающий этноним в твоём сознании занимает не самое первое место. Прежде всего — имя рода, потом — племени. Таким образом, в Казахстане аул воспитывает родоплеменное сознание, город — национальное и вместе с тем интернациональное»¹.

Общественный деятель Ербол Курманбаев анализирует предварительные результаты урбанизационных явлений в Казахстане: «Эта масса... уже почти полностью переселилась из аулов в города, и процесс необратим... В мегаполисах идет вымывание образованных, интеллектуальных слоев из систем образования, здравоохранения, государственного управления, вообще из высокотехнологичных сфер... выходцы из аула уже легко берут верх. И какое-то время большая часть систем управления во всех сферах жизни будет оставаться на достаточно низком уровне»².

Выводы общественных деятелей подтверждаются и научными исследованиями. А.Т. Забирова предупреждает: «Большая часть первого и второго поколений мигрантов... будет маргинализироваться, люмпенизироваться, создавая тем самым угрозу внутренней стабильности государству и социальному порядку в обществе»³. К каким последствиям может привести маргинализация общества, продемонстрировали события в Киргизии в апреле 2010 г.: «Киргизские события убедительно показывают, что маргинализация элиты еще более опасный процесс, чем маргинализация общества. Отсюда клановость, регионализм, тотальная коррупция, которые именно и подвели Кыргызстан к угрозе гражданской войны»⁴.

Можно привести еще массу мнений казахской городской «русскоязычной» интеллигенции, наиболее чутко реагирующей на последствия «урбанизационных» процессов в Казахстане. В ответ национал-

¹ Сулейменов О. О земле, нации и «господствующим высотам» // Свобода слова. 2010. 11 февр.

² Курманбаев Е. Эволюция Homo kazakhstanicus // Свобода слова. 2009. 9 апр.

³ Забирова А.Т. Этносоциальные факторы миграции казахов в Астану и Алматы и ее этнополитические последствия: Автореф. дисс. д-ра социологических наук. М., 2004. С. 32.

⁴ Карин Е. Киргизские уроки // Время. 2010. 22 апр.

патриоты, набирающие все большую популярность в Казахстане¹, приводят один, достаточно весомый, на их взгляд, аргумент. Олжас Сулейменов, в частности, получил следующую оценку: «Сулейменов – русскоязычный, а такие и готовы предать родную землю»²

Итак, в настоящее время вопрос соприкосновения цивилизационных идентичностей на городском поле Казахстана последовательно и многогранно рассматривает казахская городская «русскоязычная» интеллигенция. Это не случайно, так как суть проблемы «свой-чужие» все более концентрируется в эндогенной казахской среде: «...Улт-патриотическое движение формируется в основном из «аульных». Интернациональное, космополитическое – из городских. Кто из них «настоящий казах»? Что важнее для такого определения – уровень знаний языка или национальное сознание?»³

Ускоренная модернизация на общественно-политическом суверенном фоне вполне может привести к обратному эффекту – архаизации общества, реставрации традиционных отношений. Ранее эти отношения концентрировались в сельской местности, но в результате массовой миграции сельского населения, идущей параллельно с эмиграцией европейцев, все более распространяются в городах. Можно сказать, что в городе встретились казахское прошлое и казахское настоящее. Современные казахи находятся в разных исторических эпохах. И представители этих эпох претендуют на одни и те же социальные, политические роли. Поэтому вопрос о будущем Казахстана так волнует казахскую городскую интеллигенцию. Она явно опасается варианта: «будущее Казахстана – это его прошлое».

Русская (европейская в целом) общественная, научная мысль данные проблемы почти не рассматривает, локализуясь на отдельных сюжетах, в основном языковых, ономастических. Инициаторами этих сюжетов являются лидеры каких-либо общественных движений – русских общин, казачества и т. п. Да и мнение «европейской диаспоры» всерьез уже не принимается в силу потери былого демографического преимущества.

Точка зрения, представленная городской казахской интеллигенцией оставляет не так много шансов «европейскому» варианту существования Казахстана. Но мнения эти все таки, представляют гипотетическую возможность развития событий. Это взгляд на про-

¹ «Относительная популярность в политической тусовке маргинально-радикальных взглядов... поражает, что абсолютные маргиналы, не способные ни к организации, ни к политике, ни к жизни, позиционируются как самые принципиальные и честные» (Сарым А. Ради чего??? Время. 2010. 22 апр.).

² Свобода слова. 2010. 18 марта.

³ Сулейменов О. Указ. соч.

блему «сверху», бытовые нюансы встречи и сосуществования «двух миров» авторы не изучали.

Необходимо отметить, что приведенные выше варианты рассмотрения темы концентрируются в казахстанских центральных изданиях с различными оттенками оппозиционности. В областных, тем более районных СМИ эти вопросы практически не поднимаются, вследствие чего выявление региональных особенностей проблемы затруднено. Региональный аспект темы многогранен, тенденции ее развития в какой-либо отдельно взятой области не могут служить общеказахстанским критерием.

Автором предпринята попытка рассмотрения проблемы на примере Восточно-Казахстанской области. В основу были положены статистические результаты исследования «Языковая и этническая ситуация в Восточно-Казахстанской области», проведенного Институтом анализа и прогнозирования Восточно-Казахстанской области. Исследование основано на двух срезах (2008 и 2010 гг.), выборка — 1100 респондентов. Основным оценочным критерием избрана языковая ситуация, детерминирующая весь спектр общественно-политических проблем.

Исследование выявило, что происходит сужение сферы применения казахского языка. Характерно это, прежде всего, для казахов. Если в 2008 г. 80% казахов общались с ближайшим окружением на казахском языке, то в 2010 г. — 59%. Использование казахского и русского языков меняется в зависимости от сферы общения, при этом присутствует довольно заметная возрастная динамика (табл. 1).

Таблица 1

Степень употребления казахского и русского языков
среди трех поколений (%)

	на казахском языке						на русском языке					
	старшее поколение		среднее поколение		младшее поколение		старшее поколение		среднее поколение		младшее поколение	
	2008	2010	2008	2010	2008	2010	2008	2010	2008	2010	2008	2010
думают	47,0	42,8	42,9	32,2	39,6	32,8	45,4	47,3	50,6	54,6	40,7	55,3
общение в семье	46,6	43,4	45,4	37,3	40,3	34,4	44,8	46,7	47,5	50,2	39,7	51,1
общение с друзьями	39,4	36,9	34,4	26,6	29,6	26,4	43,4	45,0	48,3	49,8	40,8	51,3
общение с коллегами	32,7	32,0	26,9	25,2	27,0	26,4	44,6	46,2	49,5	50,5	39,0	50,1
общение в общественных местах	29,9	29,2	23,5	21,1	24,3	21,6	44,7	46,3	49,0	49,8	39,3	48,6

Из таблицы видно, что влияние русского языка возрастает во всех сферах жизни. При этом заметны возрастные эволюции. Так, динамика критерия «думаю на русском языке» у молодого поколения в 8,5 раза выше, чем у старшего поколения (и в 4,5 раза, чем у среднего поколения своих родителей). Следует отметить, что наибольшее значение степени употребления русского языка у всех поколений наблюдается в вариантах «думаю на русском языке», «общаюсь в семье на русском языке». По этим же вариантам – наибольшие потери казахского языка. Видимо, это ключевые параметры, детерминирующие другие критерии. Нарастание влияния русского языка происходит за счет казахского, значение которого повсеместно снижается.

Вполне возможно, налицо признаки процесса «русификации». Причем явление, в отличие от «советской русификации», развивается на добровольной основе, отражая эволюцию социальных процессов в обществе. Довольно четко происходящее объяснил О. Сулейменов: «Законы не могут ускорить объективные исторические процессы развития языка, в данном случае – казахского. Он отлично передает весь объем культурных и экономических понятий кочевой цивилизации, накопленных тысячелетиями... люди, чтобы не отстать в конкурентной борьбе, вынуждены активней использовать языки, более приспособленные к требованиям современных профессий. Казахский язык всегда был вне конкуренции в животноводстве. Но и то не в стойловом, а в отгонном. Сейчас он находит все большее применение в строительстве, в горнорудной промышленности, в торговле, в образовании, в гуманитарных дисциплинах. Пока еще мало в точных, фундаментальных науках... Все это очевидная реальность. Искусственно ускорить победу казахского языка в соревновании с русским нельзя»¹.

С другой стороны, все более заметным становится интерес к казахскому языку русских Восточного Казахстана. Если в 2008 г. изучать казахский язык в близкой перспективе планировали 22,8% респондентов, то в 2010 г. – 32,5%. Наиболее важные причины, побудившие русских изучать государственный язык, следующие: связываю свою жизнь с Казахстаном (31,6%); хочу понимать, что говорят окружающие казахоязычные граждане (31,6%).

Таким образом, в настоящее время в Казахстане, в том числе и Восточном, интенсивно конструируется новое городское пространство. Особенностью этого пространства является то, что его осваивает и видоизменяет сельское население, переносящее в новое место жительства традиционные ценности казахского народа. В результате притока из сельской местности, с одной стороны, и эмиграции

¹ Там же.

европейского населения — с другой, этнический состав городов существенно меняется. Большинство городского населения становятся казахи. «Мало кто обратил внимание на то, что за 15 лет казахи стали подлинно урбанизированной нацией не только по статистике, но и по существу... сегодня же во всех сферах бизнеса, менеджмента, информационно-технологической сфере, в наиболее престижных сферах широко представлено городское казахское население. Этот сдвиг принципиально важен для понимания того, что происходит в обществе. Уровень национального статуса и национальной самооценки казахов стал соответствовать статусу государствообразующей нации»¹.

Разнонаправленные тенденции освоения городского пространства набирают ход. Варианты дальнейшего развития событий представляются автору следующим образом.

— Казахское сельское население, занимая в городах «освободившиеся» социальные ниши, постепенно начинают соответствовать своему новому социальному статусу. Городское пространство адаптирует бывших сельских жителей.

— Ускоренная урбанизация приводит к архаизации городов. Традиции, обычаи, распространенные в сельской местности, подчиняют себе и городское пространство².

— В представленном диапазоне присутствует масса промежуточных, регионально дифференцированных вариантов.

В любом случае новое городское пространство будет отличаться от существующего в настоящее время и уж тем более от городского пространства советского периода.

¹ Назарбаев Н. В каждом сердце — родная страна: речь на 12-й сессии Ассамблеи народов Казахстана // Казахстанская правда. 2006. 25 окт.

² «Новейшая история есть проникновение городских отношений в деревню, тогда как в древнем мире, наоборот, имело место проникновение деревенских отношений в город» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 46. Ч.1. С. 470).

Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ

«В Улан-Удэ, как мне кажется, приезжие сельчане снимают домики на окраине или квартиры третьего сорта. У родственников жить не уютно, теперь ведь не 90-е лихие. Мне кажется, тогда было в порядке вещей приехать к тете и сказать: «Здрасьте. Я поживу у вас маленько. Я скоро уеду». И прожить год, пока не выгонят. Сейчас на это смотрят по-другому. Свое личное пространство стало очень уж своим, скоро будет как в Америке – отношения отношениями, а квартплата – это бизнес. Как-то так».

Информант, 23 года

«Сельские мигранты, они все разные, у них у всех пути разные, те же взгляды на город [...] Вообще все по-разному, какой-то там единой стратегии, схемы, нет. Единственная схема такая: если кто-то в город переселяется, обязательно за ним тянутся его родственники из деревни, родня, земляки, все [...] В порядке вещей. Это вот однозначно, что все тянутся на уже имеющуюся какую-то базу».

Информант, 30 лет

Введение: фокус и схема исследования

Основной замысел настоящей статьи – определить, как и где в Улан-Удэ предпочитают (вынуждены) жить сельские мигранты, вслед за этим понять – сформировались ли за последние двадцать лет более или менее устойчивые направления их расселения в городе. Наконец, нам будет важно определить, как сельская миграция в целом видоизменила физическое и социальное пространство Улан-Удэ в постсоветский период его истории. Освоение социального пространства города в данном случае рассматривается как «присвоение» мигрантом определенной географической и социальной области *внутри* города², а также его (мигранта) включение во внутригородские коммуникативные сети (или как вариант – игнорирование этих сетей, образование собственных).

¹ Бреславский Анатолий Сергеевич – аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ).

² Даже если эта область расположена на его окраине и, возможно, маргинальна для «истинно» городского сообщества.

Статья включает в себя четыре проблемно-тематических блока, сформированных в соответствии со схемой исследования и анализа полученных данных¹. В первом разделе - «Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии» — представлен социолого-статистический и административно-законодательный контекст миграционных процессов в республике. В нем, в частности, определяется то, как вопросы сельско-городской миграции обозначены в местном академическом и административно-политическом дискурсе. Внимание сфокусировано на количественном измерении (демографической статистике) миграционных потоков из села в город, а также на анализе официальной позиции республиканских и городских властей в отношении 1) сельских мигрантов в городе и 2) тех сельских территорий, которые вместе с городским округом — город Улан-Удэ образуют неинституализированную городскую агломерацию. Во втором блоке — «Постсоветский Улан-Удэ в дискурсе сельских мигрантов» на основе записанных интервью и материалов включенного наблюдения² выявляются символические образы города, конструируемые в смысловых границах повседневных дискурсов сельских жителей в ситуации миграции. Логическая перспектива этого блока заключается в том, чтобы выявить соотношение представлений сельских мигрантов об Улан-Удэ с их стратегиями расселения в черте города. Собственно, эта задача решается в третьем блоке — «Сельские мигранты в Улан-Удэ: практики расселения». Оба раздела призваны задать микроуровень анализа — зафиксировать максимально широкий спектр практик расселения сельских мигрантов в городе. Наконец, в четвертом блоке — «Сельская миграция и трансформация городского пространства» — рассматривается то, как за постсоветский период под воздействием сельской миграции видоизменился физический / культурный ландшафт Улан-Удэ, как произошедшие изменения оцениваются городским сообществом, включая административную власть, «истинно» городских жителей и сельских мигрантов.

¹ Исследование было реализовано в 2009-2010 гг. и включало два этапа. Первый этап — анализ нарративов академического и административного дискурсов, касающихся сельско-городской миграции в Бурятии. Второй этап — «полевой» - запись нарративных и фокусированных интервью с информантами (всего — 23 интервью) — лицами, переехавшими в Улан-Удэ из сельских районов Бурятии в период с 1989 по 2009 г., а также сбор визуальных данных — поиск и съемка «сельских» ландшафтов в Улан-Удэ.

² Из 23 лет 17 я прожил в пос. Баргузин — административном центре МО «Баргузинский район» Республики Бурятия. Район сельский, находится в северной части республики, в 350 км от ее столицы — г. Улан-Удэ. При этом последние 6 лет я периодически бываю в Баргузине, в основном в период новогодних и летних каникул, имею возможность наблюдать за происходящими в поселке и районе социальными изменениями.

Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии

Задача раздела — на основе статистических данных¹ и аналитических обзоров осуществить историческую реконструкцию миграционных процессов в Бурятии из сельской местности в г. Улан-Удэ в период с 1991 по 2009 г. Рассмотрим и политико-правовой контекст миграционных процессов, механизмы регулирования миграции, республиканские и городские проекты в этой области². В качестве аналитических обзоров нами были использованы в первую очередь академические исследования, но также и материалы, официальные доклады, отчеты государственных и муниципальных учреждений республики за соответствующий период.

Стоит отметить сразу, что проблематика «сельско-городской миграции в постсоветской Бурятии» при своей очевидной социальной и политической актуальности не получила, на наш взгляд, достаточного внимания со стороны регионального научного сообщества. Количество работ, посвященных собственно миграции из села в город, сравнительно невелико. При этом имеющиеся исследования опираются преимущественно на анкетные опросы сельских студентов, обучающихся в Улан-Удэ³, либо, к примеру, фокусируются на изучении мигрантов из этнических сельских общин⁴. Общая характеристика миграционных процессов в постсоветской Бурятии также

¹ Сбор статистической информации в республике ведет Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия (e-mail: sekretar@brt.fsgs.ru; Internet: <http://www.burstat.gks.ru/>) (15.04.2010). В данном исследовании мы опирались в основном на данные из ежегодных статистических сборников «Миграция населения Республики Бурятия». См., напр.: Миграция населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-02 / Бурятстат. Улан-Удэ, 2009.

² Информативными с этой точки зрения оказались следующие электронные ресурсы: сайт Администрации г. Улан-Удэ (режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/>) (15.04.2010), официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия (режим доступа: <http://www.egov-buryatia.ru/>) (15.04.2010).

³ См., напр.: Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005; Гунтыпова Э.С. Миграционные процессы в Республике Бурятия на современном этапе: по материалам исследования студентов и молодых специалистов: дис. ... канд. социологических наук / Бурятский гос. ун-т. Улан-Удэ, 2005; Итыгилова Л.М. Миграционные настроения молодежи Бурятии: выпускники вузов и «репатрианты» // Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия): материалы междунар. семинара. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 94-101; Гунтыпова Э., Шулунова Р. Миграция и высшее образование (по результатам опроса в Бурятской сельхозакадемии) // Вестник Евразии. 2006. № 2 (32). С. 47-61.

⁴ См., напр.: Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 163-184.

обозначена в сравнительно небольшом количестве работ¹, большая часть которых появилась уже в 2000-е гг.

Итак, рассмотрим ключевые показатели и тенденции. Социально-демографическое развитие Бурятии в интересующий нас период с 1991 по 2009 г. сохраняло преимущественно характеристики депопуляции. С 1991 г. по 2008 г. численность жителей республики сократилась с 1052,0 тыс. до 959,5 тыс. человек (на 92,5 тыс. человек)². Основным фактором снижения численности населения была не естественная убыль, а именно миграционный отток. К примеру, в течение 2002 г. потери населения составили 5,9 тыс. человек, в том числе за счет естественной убыли — 1,6 тыс. и миграционного оттока — 4,3 тыс. человек³. Превышение смертности над рождаемостью в республике продолжалось с 1991 по 2007 г., при этом данные за 2007–2009 гг. указывают уже на положительную динамику⁴. Между тем прогнозы Бурятстата в отношении численности населения республики на ближайшие десятилетия указывают на постепенное возвращение к тенденции депопуляции. Относительное благополучие в 2007–2010 гг. вновь сменится периодом убытия. Так, к 2031 г. население с 960,5 тыс. человек (2010 г.), как ожидается, уменьшится до 952,8 тыс. человек. Причем если численность городского населения уменьшится, то сельского, наоборот, увеличится⁵.

Количественное измерение миграции в республике в разрезе муниципальных образований (далее также — МО) зачастую выявляет вариативность в наложении общереспубликанских социально-демографических тенденций на реалии тех или иных ее сельских районов⁶ и двух городов — Северобайкальска и Улан-Удэ. С 1992 г.,

¹ См., напр.: Будаева Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия. 2002. 1 нояб. С. 4; Козулин А.В. Миграционные процессы в Бурятии на современном этапе: основные тенденции и пути регулирования // Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия): материалы междунар. семинара. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 80–91; Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995; Петонов В.К. Миграционные процессы и миграционная политика в Республике Бурятия: 1960–1990-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2008.

² Миграция населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-02 / Бурятстат. Улан-Удэ. 2009. С. 6.

³ Информация о миграции населения Республики Бурятия в 2002 г. в разрезе муниципальных образований [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://egov-buryatia.ru/index.php?id=883&print=1&no_cache=1 (17.04.2010).

⁴ Естественное движение населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-04 / Бурятстат. Улан-Удэ. 2009. С. 6–7.

⁵ Предположительная численность населения Республики Бурятия до 2030 г.: стат. сб. № 02-03-00 / То же. С. 4.

⁶ Бурятия сегодня включает в себя 21 сельский район. Именно на районном уровне (а не, например, поселенческом) выстраивается вся система официальной статистики. Исключение составляют городские поселения, которых в республике два — МО «Северобайкальск» и МО «Улан-Удэ», статистика по которым ведется отдельно.

когда была достигнута максимальная численность населения республики, процесс депопуляции отмечается во всех муниципальных образованиях. В тоже время динамика этого процесса, а также соотношение факторов естественной убыли и миграционного оттока заметно отличаются в различных районах. Так, в год Всероссийской переписи (2002) при уменьшении общей численности населения в республике миграционный прирост был зафиксирован в шести МО: г. Северобайкальске, Иволгинском, Закаменском, Мухоршибирском, Окинском и Тарбагатайском районах. Хотя в большинстве из указанных МО прирост и не превышал 100 человек¹. Миграционная привлекательность Иволгинского и Тарбагатайского районов (в последнем уровень миграционного прироста оставался положительным с 1992 г.) объясняется их близостью² к столице республики – главному центру внутриреспубликанского миграционного притяжения – г. Улан-Удэ. При этом локальным центром на севере Бурятии продолжает выступать г. Северобайкальск. Однако миграционный прирост местного населения сопровождается убылью населения из окружающих город Северо-Байкальского и расположенного рядом Муйского районов республики³. Значительный миграционный отток наблюдается в Джидинском, Заиграевском, Кяхтинском, Тункинском районах (в 2002 г. – 300–500 человек). В оставшихся десяти районах, согласно статистическим данным, также существует миграционная убыль⁴. В количественном измерении наименее благоприятные миграционные тенденции характерны для столицы Бурятии. В 2003 г., к примеру, на г. Улан-Удэ пришлось 52,3 % всей миграционной убыли из республики⁵. При этом «если промышленный и транспортный узел Улан-Удэ проигрывает в миграционном обмене с центральными, экономически развитыми районами страны, то сельские районы значительно проигрывают в обмене со столицей республики. Население русской национальности в основном перемещается в центральные и южные районы страны

¹ Информация о миграции населения Республики Бурятия в 2002 г. в разрезе муниципальных образований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://egov-buryatia.ru/index.php?id=883&print=1&no_cache=1 (17.04.2010).

² Длительность автомобильной поездки от этих районов до г. Улан-Удэ – в среднем 40–80 минут.

³ При этом Северо-Байкальский и Муйский районы вместе с г. Улан-Удэ в 2002 г. находились в тройке лидеров по уровню дохода на душу населения. См.: Информационные материалы социальной сферы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=879> (17.04.2010).

⁴ Миграция населения Республики Бурятия. Статистический сборник № 02-03-02 / Бурятстат. Улан-Удэ. 2009. С. 15.

⁵ Информационные материалы социальной сферы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=879> (17.04.2010).

[...] Население бурятской национальности в основном мигрирует из села в город, из дальних районов в пригородные»¹.

К середине 1990-х гг., когда в аграрный сектор окончательно пришла разруха, а в большинстве сельских поселений (поселков) республики прекратили работу практически все госпредприятия, жизнь большинства сельчан лишилась «городского налета» - относительного инфраструктурного благополучия, сформированного в последние советские десятилетия². «Институты, которые в недавнем прошлом работали на “сближение деревни с городом”, детские и врачебные учреждения, парикмахерские и другие коммунально-бытовые службы [...] прекратили свое существование [...] Жизнь сельчан лишилась не только городского “налета”, сельское население осталось без самых элементарных услуг – медицинской помощи, возможности приобретать продукты питания и предметы первой необходимости [...] сокращение или полное исчезновение транспортных сообщений и вместе с тем дороговизна проезда способствовали “изоляции” жителей отдаленных сел от “внешнего” мира»³. Оказавшись в подобных условиях, сотни сельчан, в основном трудоспособного возраста, решились на переезд в город Улан-Удэ. В обратном направлении – из Улан-Удэ в сельские поселения – как в 1990-е гг., так и в первом десятилетии 2000-х гг. выезжает значительно меньшее количество людей. «Во внутрирегиональном перемещении населения отмечается преобладание миграционных потоков, ориентированных из сельских поселений в городские [...] особой притягательностью обладает г. Улан-Удэ»⁴.

В силу в основном экономических барьеров значительная часть сельчан оседает на окраинах города и в пригороде. Пригородом для Улан-Удэ (что отличает его, к примеру, от Иркутска) выступают исключительно сельские поселения⁵, входящие в состав приграничных к столице сельских районов (в первую очередь Иволгинского, Тарбагатайского, Заиграевского, Прибайкальского). Повседневная жизнь части из обозначенных сельских поселений за последние двадцать лет настолько срослась с «городом», что это, пожалуй, дает возможность назвать их частью Улан-Удэ⁶. Одновременно, в период

¹ Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей. . . С. 18.

² Более подробно о мотивах переселения см.: Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей. . . С. 51-67; Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства. . . С. 164-169.

³ Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства. . . С. 165.

⁴ Будаева Ц.Б. Указ. соч. С. 4.

⁵ Второй город республики – Северобайкальск – располагается на противоположной (иркутской) стороне оз. Байкал.

⁶ Отличительный пример – п. Сотниково, входящий в состав Иволгинского района РБ.

с 1990 по 2009 г. значительно расширились границы самого городского округа — город Улан-Удэ. За счет плановой и нерегулируемой застройки территории городских окраин в некоторых микрорайонах почти вплотную слились с сельским пригородом. Своего рода неинституализированная «агломерация» постепенно формируется на уровне социальных, в том числе деловых сетей, подкрепляется микропроектами частного бизнеса (строительством на территориях городских окраин крупных супермаркетов, расширением маршрутов внутригородских пассажирских перевозок, развитием производственных отношений между городом и деревней в сельскохозяйственной сфере и пр.). Вместе с тем на уровне публичных дискуссий, в нормативно-правовом поле вопрос о формировании агломерации или какой-либо другой формы объединения города и пригородных территорий сегодня не стоит. Для этого, очевидно, не сформировались предпосылки, прежде всего экономического характера.

Кратко хотелось бы остановиться на вопросах, связанных с переездом горожан — жителей Улан-Удэ в сельские поселения республики¹. Представляется достаточно очевидным, что число горожан, поменявших квартиру на дом в деревне, в изучаемый период было значительно меньше тех, кто пытался, продав сельский дом, купить жилье в черте города. Вместе с тем постоянно увеличивающаяся плата за коммунальные услуги, желание жить в более благоприятных экологических условиях, «на земле», ежегодно подталкивает часть горожан к переезду за пределы Улан-Удэ, обычно в близлежащие села и поселки, в том числе входящие в состав городского округа. Часть из них имеет возможность обеспечить на новом месте комфортные условия для жизни, сопоставимые с «городскими», другим (не очевидно, кого здесь больше) — не получается выйти за рамки «сельского минимализма». Кто-то из горожан строит коттедж в престижном пригородном микрорайоне, а кто-то вынужден жить в более стесненных жилищных условиях, нежели ранее. В этом смысле достаточно сложно говорить о том, происходит ли сегодня за счет миграции горожан процесс урбанизации сельского пригородного пространства. «Более городскими» становятся, пожалуй, лишь окраинные районы города, которые в советские годы вовсе не считались «городом». Сегодня, во многом благодаря инициативам крупного частного бизнеса и политики мэрии, эти территории и местные сообщества постепенно включаются в городское социальное пространство, формируя в целом более органичное дополнение к городу, нежели сельский пригород. Перспективы формирования

¹ В условиях отсутствия какой-либо статистики подобных перемещений будем опираться на материалы собранных интервью и опыт включенного наблюдения. См. также: Матвеева А. Меняю квартиру в Улан-Удэ на домик в деревне // Номер один. 2005. 1 июня.

транслокального пространства, связывающего Улан-Удэ и сельскую Бурятию задают сегодня в основном именно сельские мигранты, приезжающие в город и сохраняющие многочисленные связи с селом¹.

Итак, общее состояние миграционных процессов в Бурятии в период с 1991 по 2009 г. может быть определено как достаточно негативное; уровень миграционной убыли в большинстве сельских районов превышает уровень прибытия, по имеющимся прогнозам данная ситуация существенно не изменится в три ближайших десятилетия. При этом в целях сдерживания миграционной убыли, закрепления населения на местных территориях Народных Хуралом РБ² совместно с Правительством РБ был разработан и принят ряд нормативно-правовых актов (НПА). Часть из них не только установила общие принципы и политические задачи в области миграционного развития, но и предполагала программы действий по изменению проблемной ситуации³. При этом на республиканском уровне, равно как и на уровне администрации г. Улан-Удэ, согласно имеющимся у нас данным, не было разработано каких-либо НПА, программ, которые бы определяли механизмы активного регулирования миграции из сельской местности в г. Улан-Удэ. Иными словами, сельские жители республики, решив переехать в Улан-Удэ, с одной стороны, не располагают возможностью включиться в какие-либо специально разработанные для них программы, а с другой стороны, и не ограничены в возможностях расселения в городе. Каких-либо официальных административных барьеров, препятствующих или ограничивающих перемещение сельских жителей в город Улан-Удэ сегодня нет⁴. Вместе с тем актуальными при переезде и расселении в Улан-Удэ для многих сельских мигрантов остаются другие группы барьеров, прежде всего адаптационные, информационные и экономические. О них – в следующих разделах.

¹ Об этом см.: Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства ... С. 163-184.

² Народный Хурал – высший орган представительной власти республики.

³ См., напр.: Постановление Правительства РБ от 29.04.2002 г. «Концепция демографического развития Республики Бурятия на период до 2010 г.» (включает раздел «Миграция и расселение») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sibnews.info/section9i/sortwt/okdoke7glcпуhi.htm> (17.04.2010).

⁴ Строгие ограничения, запрещающие сельским жителям перемещаться в города, как пишет Б. Жимбиев, существовали в республике до начала 1960-х гг., этот подход сохранял свою силу в течение всего советского периода. См.: Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. London: The White Horse Press, 2000. Pp. 59-60.

Постсоветский Улан-Удэ в дискурсе сельских мигрантов

Практики миграции, как и другие социальные практики, рассматриваются нами как относительно устойчивые формы социальной деятельности. Каждая практика в этом смысле представляет собой артикуляцию разнообразных социальных элементов, включая и дискурс¹. Будучи неотъемлемым элементом миграционной практики, (миграционный) дискурс воспроизводит и изменяет множественные значения относительно места выбытия и места прибытия, фиксирует и актуализирует случаи «удачной» и «неудачной» миграции, формирует воображаемые идентичности, сообщества мигрантов и т. д. В исследуемом нами случае – миграции из сельской местности Бурятии в г. Улан-Удэ – дискурсом, в наибольшей степени влияющим на формирование миграционных стратегий, является повседневный дискурс самих сельских жителей. Он основывается преимущественно на их собственных знаниях – представлениях, стереотипах, мифах, образах и прочих интерпретациях относительно «переезда в Улан-Удэ»². Иными словами, в своем желании (потребности) переехать в Улан-Удэ мигранты из сельской местности обыкновенно опираются на знания и опыт, которые проговариваются ими в многообразных повседневных беседах, разговорах, спорах и т. п. В сельских поселениях нет агентств недвижимости, осуществляющих консультации по покупке-аренде жилья в Улан-Удэ, лишь в последние годы благодаря сотовым операторам и госпрограммам стал доступен Internet, которым пользуются все еще лишь единицы, местное телевидение помимо стоимостных оценок улан-удэнской недвижимости также не предоставляет какой-либо систематической информации о возможностях расселения в городе.

«Нет, мы не искали особенно информацию (об Улан-Удэ. – А.Б.) о районах, домах, возможностей у нас не было, да и у своих лучше же. Все исключительно, всю информацию – через наших знакомых в Улан-Удэ [...] сходили в агентство, сначала сняли квартиру, а через три месяца начали оформлять уже свою квартиру на Восточном (микрорайон Улан-Удэ. – А.Б.) [...] конечно, в основном переезжают те, кто что-то знает, кто в Улан-Удэ бывал, у кого дети там учились, учатся, кто сам учился – помнит город. Хотя вот он быстро меняется. То, что я училась в пединституте (ныне – Бурятский госуниверситет. – А.Б.), и сейчас – это две разные вещи, все намного дороже, сложнее взять [...] так, наобум, вряд ли кто едет, учитывая, что у нас люди в основ-

¹ Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. С. 115-116. См. также: Fairclough N. The dialectics of discourse [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ling.lancs.ac.uk/profiles/263> (26.03. 2010).

² Данный тезис выражает нашу гипотезу, основанную на материалах записанных интервью и включенного наблюдения.

ном осторожничают. Просто взять и переехать — это вряд ли. Все равно надо сначала решить, где можно будет работать, жить, у кого первое время пожить. Все надо обсудить, желательно с теми, кто у тебя в Улан-Удэ живет, знакомыми, родственниками или хотя бы с теми, кто уже переехал, как мы сделали» (информант, 41 год).

Переезд в Улан-Удэ в дискурсивном измерении начинается с определения того, что такое Улан-Удэ? Для большинства сельских жителей республики Улан-Удэ еще с советских лет — единственный город республики¹. Вот почему, отвечая на вопрос: «Куда едешь?», мы говорим: «В город!» и понимаем, что речь идет именно об Улан-Удэ². И если для «коренных» городских жителей актуальным является разграничение Улан-Удэ на «собственно город» и окружающие его рабочие поселки, бывшие слободские поселения³, то для «среднего» сельчанина подобное деление с явной символической градацией, на наш взгляд, не характерно. Важное исключение в этом смысле составляют жители сельских районов, находящихся в непосредственной близости от Улан-Удэ⁴, которые включены в активную маятниковую миграцию со столицей республики. Их восприятие города зачастую более дифференцировано, более компетентно. Иначе говоря, они знают Улан-Удэ лучше.

«Дома у себя мы особо никуда и не ходим. Да и некуда, в кафе в основном — это пьяницы да молодежь. Кинотеатров нет, развлечений нет. У нас и в районном центре особо ничего такого нет, чтоб нормально отдохнуть. Только на природу разве, но это только летом. А зимой только дома сидеть, в основном, так и живут: дом-работа. Мы хорошо — на своей машине, в городе работаем, я, муж, дочь вот тоже окончила в прошлом году БГУ и сейчас пытается устроиться. В город всю неделю и ездим, здесь ведь работы нет. Дочка водит нас, развлекает [...] сейчас-то я и сама стала разбираться по городу, где что, магазины, конечно, в основном, ну и по районам тоже [...] мы давно так-то думаем, как бы переехать, варианты смотрим-ездим, хорошо, есть возможность — живем рядом» (информант, 48 лет).

¹ Хотя, напомним, сегодня городским поселением является и Северобайкальск, находящийся, правда, с противоположной от основной части республики стороны оз. Байкал. До муниципальной реформы начала 2000-х гг. городом считался и Гусиноозерск, входящий сегодня в состав сельского МО «Селенгинский район».

² Исторический контекст возникновения данного представления, связанный с процессами урбанизации в советской Бурятии, представлен у Н. Карбаинова: Карбаинов Н.И. «Городские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в пространстве города) // Вестник Евразии. 2004. №2 (25). С. 170-183.

³ См. об этом: Амоглонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун., 2008. С. 232.

⁴ Это в первую очередь жители Заиграевского, Иволгинского, Прибайкальского и Тарбагатайского районов республики.

В целом же восприятие / воображение Улан-Удэ сельскими жителями, как показало исследование, организовано в достаточно однородных, упрощенных конструктах. Это связано с тем, что «реальным» знанием о городе, адекватным его современному состоянию, располагают немногие сельские жители республики, что связано в первую очередь с достаточно низким уровнем их поездок в столицу. Информанты, не имеющие намерений в ближайшем будущем переезжать в Улан-Удэ, в основном говорят о городе весьма абстрактно, как о «месте возможностей», «месте, где есть будущее, жизнь» в отличие от их «неперспективных», «скучных» деревень и поселков. Для многих сельских мигрантов, и в первую очередь для самой многочисленной их группы – молодежи¹ – город Улан-Удэ до 16-17 лет (окончание школы и поступление в ССУЗы, вузы) – это во всех смыслах terra incognita, что-то, находящееся рядом, что может быть на слуху, но что сложно назвать знакомым.

«Впервые в Улан-Удэ я приехал, когда учился в 10 классе. Это была олимпиада. Если бы не она, я бы увидел Улан-Удэ только через два года. Был очень доволен, что поеду, это был такой праздник, ведь я вообще никогда в городе не был и вообще нигде особо не был [...] Понятно, что тогда я приехал, нас везде за ручку водили, все показывали, я ничего не запомнил, где был, в каком месте города. Вообще не разбирался. Через пару лет только понял, когда уже стал (в Улан-Удэ. — А.Б.) учиться. А тогда, в 2002-м получается, мне все казалось дико, необычно: бомжи роются, вор-карманник на рынке, светофоры, трамваи, зебры (на дорогах. — А.Б.), здания выше трех этажей. Хотя я и сам из поселка городского типа, у нас ничего такого нет. В общем, Улан-Удэ был для меня очень новым местом [...] Я думаю, мало кто из наших, кто учился со мной в школе, был до 11 класса в городе. Разве что девчонкам надо было ездить, платья покупать на выпускной. Мне костюм знакомые привезли, померили в Улан-Удэ на своем сыне. Сейчас, возможно, стали больше ездить в Улан-Удэ, поскольку все стало более-менее стабильно, деньги появились. Но раньше, до начала 2000-х, я думаю, точно, в основном видели Улан-Удэ, только когда приезжали поступать, а родители так вообще с советских лет его не видели» (информант, 24 года).

Подобное, достаточно отстраненное знание об Улан-Удэ в ситуации потенциальной миграции формирует дополнительные, прежде всего информационные и психологические барьеры. Обычно они преодолеваются за счет не менее распространенных среди сельских мигрантов представлений о том, что Улан-Удэ – это «близкий», «свой» город, устроиться в котором во многих отношениях будет проще, чем, например, в остальных городах, регионах страны. Боль-

¹ См., например: Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей... С. 22.

шинство из сельских мигрантов в период переезда актуализируют свои личностные (родственные, земляческие, дружественные и пр.) связи с жителями Улан-Удэ. Это оказывается возможным, поскольку значительное количество современных улан-удэнцев либо сами родились в сельской местности, либо имеют родителей (и т. д.) – «бывших» сельчан, на поддержку которых рассчитывают «новые» мигранты.

Итак, представления об Улан-Удэ в среде сельских мигрантов, как показало исследование, выстраиваются вокруг следующих основных смысловых точек:

- 1) Улан-Удэ, будучи в дискурсивном измерении «единственным городом республики», обладает в этом смысле наибольшей миграционной притягательностью по отношению к малоперспективной сельской Бурятии. Сельчане-мигранты рассматривают «город» как место, где сконцентрированы позитивные полюса общественной жизни всей республики – развитый рынок труда, институты высшего образования, сферы культуры и досуга, благоприятная социальная и инфраструктурная среда и пр.
- 2) Представление об Улан-Удэ в среде сельских жителей было и в целом остается отстраненным, внешним, интуитивным, слабо отражающим реалии постсоветских изменений. Это особенно характерно для жителей отдаленных от столицы республики сельских районов и для первого постсоветского десятилетия в целом. Знание о городе у сельчан подчас предельно локализовано, что выражается, к примеру, в ограниченности списка знакомых людей и мест. Вместе с тем развернувшиеся в последние 15-20 лет процессы массового¹ переселения сельских жителей в Улан-Удэ с каждым годом упрощают проблему «информационного голода», которая встает практически перед каждым новым мигрантом.
- 3) В представлениях мигрантов-сельчан Улан-Удэ - это сообщество, в котором они могут рассчитывать на социальную лояльность и в котором проблемы социокультурной адаптации будут для них менее острыми, чем, к примеру, в других регионах страны. Подобные представления не в последнюю очередь опираются на примеры успешных стратегий переселения, которыми мигранты делятся в своей среде.

Обозначенные тезисы, конечно же, выражают лишь контур, смысловые границы восприятия Улан-Удэ сельскими жителями. Понятно, что «ощущение» мигрантами города может в действительности разительно отличаться от случая к случаю. Было бы грубой

¹ В сравнении с тем, что было в последние советские десятилетия.

ошибкой говорить об однородности как самих представлений, так и гомогенности сообщества мигрантов — сельских жителей республики. Это сообщество отнюдь не однородно и, как отмечали сельчане-информанты, восприятие ситуации миграции в среде потенциальных мигрантов изначально множественно. Очевидная общность «сельского происхождения» не должна здесь вводить в заблуждение. Сложно говорить и о том, насколько схожими являются миграционные представления жителей отдельных сельских районов, сельских поселений республики, людей, принадлежащих к одному поколению, прошедших схожие пути социализации, имеющих схожий уровень достатка, причисляющих себя к одной этнической группе и пр. Возможно, ответ на этот вопрос можно найти в серии более детальных обследований за счет организации соответствующих исследовательских кейсов. В настоящий момент имеющиеся аналитические исследования и характер собираемой статистики, на наш взгляд, не позволяют решить эту задачу. В этом смысле, решая главную задачу данного исследования — выявить направления расселения сельских мигрантов в Улан-Удэ в целом, мы не будем дополнительно разделять сообщество сельских мигрантов на какие-либо подгруппы, соотносить эти группы с отдельными направлениями расселения.

Сельские мигранты в Улан-Удэ: практики расселения

Задача раздела — из всего множества зафиксированных в ходе исследования направлений, «маршрутов» расселения сельских мигрантов в Улан-Удэ выявить более или менее устойчивые, характерные для изучаемого периода (1991-2009 гг.). Здесь мы отталкиваемся от сформулированного выше предположения о том, что на процесс расселения сельских мигрантов существенное влияние оказывают имеющиеся у них знания и представления «о переезде в Улан-Удэ», «в город», полученные ими до переселения. И здесь необходимо сделать важное уточнение: когда речь заходит о реальном, а не воображаемом, представляемом переезде, на формирование стратегий расселения начинают воздействовать и иные факторы, прежде всего, наличие у мигрантов — сельских жителей необходимого экономического и социального капитала для обустройства в городе¹. Отметим сразу, что влияние этих факторов может и не быть определяющим².

¹ Опираемся на понимание (экономического и социального) капитала П. Бурдьё. См., напр.: Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Том 3. № 5. Ноябрь. С. 60-74.

² К примеру, совсем не очевидно, что сельская семья, располагающая значительным экономическим капиталом, будет стараться переехать в город, так же как не очевидно, что, перебравшись в город, она поселится в удобной благоустроенной квартире, а не в собственном доме на окраине.

Владение достаточным экономическим капиталом, в нашем случае наличными средствами, — это, в сущности, единственное, что нужно было для покупки жилья в Улан-Удэ с первых лет его постсоветской истории. Одновременно у самих горожан с началом Перестройки появилось законное право сдавать в аренду свои квартиры, дома и комнаты¹. При этом финансовая возможность приобрести жилье в Улан-Удэ в первые годы 1990-х была ненамного, но все же реальней, чем, к примеру, сегодня. Именно поэтому многим из тех сельских жителей, кто приобрел недвижимость до острого роста цен в середине-конце 1990-х гг., решить эту задачу сегодня было бы намного сложнее. *«Отцу предложили хорошую возможность в Улан-Удэ, в администрации города, мы, не долго думая, переехали. Ну как... думали, конечно. В принципе все прикинули они, все оказалось реально. Рисковали. Дом продали свой, небольшое хозяйство (в Закаменске. — А.Б.) и, помню, совсем немного добавили и купили квартиру здесь, на Борсоева. До сих пор живем [...] Нет, сейчас такую квартиру с хорошим ремонтом сложно кому-то из села купить, таких зарплат в деревне нет, хотя опять же чиновники, предприниматели могут»* (информант, 36 лет).

К середине 1990-х гг., когда стало очевидно, что аграрный сектор экономики, вокруг которого организовывалась социальная жизнь большинства деревенских жителей, вступил в конечную фазу стагнации, потребность в выстраивании новых жизненных стратегий значительно возросла. При этом миграционные стратегии, как отмечали наши информанты, все еще считались достаточно «диковинной» практикой, поскольку решение о кардинальной перемене места жительства, «места жизни», расходилось с распространенными культурными нормами и ценностями.

«Когда мы только стали думать о переезде, дико было даже подумать, что вот надо будет бросить дом, уехать вообще куда-то. Мы, конечно, были в шоке некотором. В принципе уже знали, где можно будет купить дом (в Улан-Удэ. — А.Б.), договорились с людьми. Но переезжать все равно было как-то... Считай, никогда и не жили больше нигде, все в одном поселке, а сейчас уезжаем. Особо нас там никто не ждал, все нужно было начинать почти с начала. О будущем думать. Опять же сейчас не жалею [...] Нет, мало кто решается в Улан-Удэ ехать, особенно тогда, после перестройки. Что в городе, с одной стороны, делать? Работы не было особо. Дом так просто не купишь. Зарплаты нет, она маленькая, все в долг жили, кто - как. Все жили — думали, на что есть, как детей накормить, основное купить. По-

¹ В советские времена в городе существовала ограниченная система обмена, арендаторства и бартерных отношений с жильем. Аренда жилья считалась спекуляцией, подлежала уголовному наказанию. См. Zhimbiev B. Op. cit. P. 101.

нятно, что переезжать так - с бухты-барахты в город никто не стал. В деревне хоть земля есть, огород. Знаешь, что можешь что-то посадить, картошку ту же. А в городе все покупать надо [...] в основном, кто инициативный был, тот и переезжал, а сколько вон сейчас до сих пор живут в деревнях, в грязи, стиваются на пенсии и пособия. Те, кто уезжал, ехали тоже не в Улан-Удэ все, а в основном в районный центр. Там было более-менее благоприятно, какую-то работу можно было найти. Жилье проще купить, свое перевезти. Все-таки район свой, знакомое все, знакомые есть, можно прожить, подняться. А в Улан-Удэ не каждый поедет, предпочитают в основном у себя (в районе. – А.Б.) отсидеться. Кто может – это в основном кто деньги имеет и связи хоть небольшие в Улан-Удэ» (информант, 45 лет).

Сегодня наличие экономического капитала продолжает играть определяющую роль в реализации сельскими жителями стратегии расселения в Улан-Удэ. При этом реальной финансовой возможностью приобрести, к примеру, благоустроенную квартиру хотя бы в околоцентральной районе, обладают сегодня единицы. Продажа добротного 3-4-комнатного дома в любом из сельских районных центров республики вместе с хозяйственными постройками (зимовьем, баней, кладовыми и т. п.) не позволяет в подавляющем большинстве случаев приобрести 2-3-комнатную благоустроенную квартиру в Улан-Удэ, причем даже в черте города.

«Стоит только взглянуть в газету, газеты объявлений, понятно, сейчас стоимость деревенского жилья и городского не сопоставима, деревенские не могут купить квартиру, это нереально. Хороший дом со всем хозяйством, с мебелью даже продают максимум за 800-900 тыс. рублей. Ну это у достаточно состоятельных или хозяйственных людей. Но это, если повезет найти покупателя, ну и дом должен быть о-очень хороший, в поселках таких единицы, в деревнях вообще нет. Обычно – 300-500 тыс. максимум - нормальные дома. Так вот, на 800-900 тыс. сейчас ты в Улан-Удэ двушку благоустроенную квартиру не купишь, нереально. Все от миллиона и до, а на 300-400 тыс., что максимум могут деревенские собирать, вообще нереально» (информант, 34 года).

Именно экономические барьеры, создаваемые рынком городской недвижимости, были и остаются главным препятствием для переезда потенциальных мигрантов из сельской местности в Улан-Удэ. Большинство из тех, кто все же решается¹ переехать, по крайней мере, в первые годы пребывания в Улан-Удэ приобретают жилье в отдаленных от центральной части города микрорайонах, в поселках, входящих в состав городского округа и пр. Обычно жильем для

¹ Переезд в Улан-Удэ для большинства из сельских мигрантов (особенно в случае «семейных» переездов) до сих пор не рутинное, не рядовое решение, скорее – рискованное и подчас вынужденное.

«новых» горожан становятся одноэтажные или реже двухэтажные (многоквартирные, барачного типа) деревянные дома с небольшим участком в так называемом «частном секторе» того или иного городского микрорайона. Специфика же наиболее отдаленных микрорайонов практически по всей территории Улан-Удэ — в их транспортной недоступности (замкнутости), крайне слабой развитости социальной и бытовой инфраструктуры, а также в целом неблагоприятном социальном окружении.

«В Улан-Удэ, как мне кажется, приезжие сельчане снимают домики на окраине или квартиры третьего сорта [...] сам я где только ни жил, но в основном по окраинам» (информант, 23 года). *«Покупают в основном неблагоустроенные дома на окраинах города, в рабочих поселках, вне центральной части Улан-Удэ, где купить сложно. Потом стараются перебраться в более благоприятные с точки зрения инфраструктуры и безопасности районы»* (информант, 35 лет, специалист агентства недвижимости). *«Сельские в основном живут на что позволяют средства. Снимают частные дома, они от 3 тыс. руб. Нам не привыкать ходить за водой, топить печь. И не проблема ездить далеко на работу, так как работа в городе — на вес золота. Многие готовы жертвовать своим временем, лишь бы зарабатывать и жить. Со временем, кто раскручивается на работе, берут ипотеку или просто кредиты. Или перевозят свои дома и ставят в ближайших районах города — Иволга, Сотниково, да и те же нахаловки по Улан-Удэ, о которых сейчас говорят. У меня на работе муж с женой приехали с села, она начинала с менеджера отдела маркетинга, за 5 лет стала коммерческим директором, взяла ипотеку. Ну это редкость, конечно»* (информант, 42 года).

Реальным решением жилищной проблемы для многих сельских семей становится аренда (покупка) городской дачи и ее переобустройство. Уже с конца 1980-х гг. по сей день в улан-удэнских дачных кооперативах происходит активное преобразование летних домиков в отапливаемое «полноценное» жилье, на участках появляются гаражи, бани. Большинство дач находится в черте города, некоторые в 15–20 мин от его центра, здесь есть электричество, место для разведения небольшого огорода, пробурены скважины. Это делает дачи достаточно привлекательным и удачным вариантом для сельских мигрантов.

«На тех же дачах живет, ну, больше половины не дачников, сколько сельских мигрантов. Вот у нас, например, уже половина поселка — сельские мигранты [...] Маршруты городские ходят, да, вот почему там много их (сельских мигрантов. — А.Б.) появилось. Я думаю, что они сейчас везде живут. Их привлекают именно те ДНТ (дачные некоммерческие товарищества. — А.Б.), в которых есть возмож-

ность приватизации. Потому что цена дачного участка по сравнению с реальным жилищным участком, который выделяется под жилищное строительство, вообще несоизмеримо мала. Вот, например, в «Автомобильной» мы недавно смотрели хороший кирпичный дом зимнего варианта. Самая высокая цена — 280 тыс. Это недалеко, это к Восточному близко. В принципе тоже в структуру города может войти. Это самая максимальная цена, больше там никто не просит [...] Там очень много живет семей постоянно» (информант, 30 лет).

Не менее распространенной практикой является постройка дома «с нуля» на купленном или, если нет возможности, самовольно захваченном участке, а также перевоз сельского дома в город (пригород). Частный сектор на окраинах Улан-Удэ за последние 10-15 лет значительно расширился именно за счет реализации сельскими жителями подобных стратегий. В некоторых местах, где в советские годы были широкие поля, пустыри, сегодня можно увидеть построенные сельскими «горожанами» новые микрорайоны. При этом здесь может отсутствовать необходимая бытовая и социальная инфраструктура — электрическая сеть, водоканалы, магазины, аптеки и пр.

Сельчане, особенно на начальном этапе расселения, часто вынуждены жить в стесненных условиях. Имея ограниченный семейный бюджет, они занимаются преимущественно решением задач физического выживания. Существенной оказывается поддержка деревенских родственников и друзей как из места выбытия, так и тех, что уже переехали в Улан-Удэ и живут рядом. Не всегда, но достаточно часто сельские мигранты из одного поселения, района, переезжая в Улан-Удэ, селятся рядом. Это решает часть проблем с адаптацией на новом месте, позволяет коллективно решать индивидуальные и групповые задачи по налаживанию быта, поиска работы и пр. Не во всех случаях поддержка сельских друзей, родственников, земляков считается само собой разумеющимся делом, между тем в ней редко отказывают.

«Сельские мигранты, они все разные, у них у всех пути разные, те же взгляды на город [...] Вообще, все по-разному, какой-то там единой стратегии, схемы нет. Единственная схема какая: если кто-то в город переселяется, обязательно за ним тянутся его родственники из деревни, родня, земляки, все [...] В порядке вещей. Это вот однозначно, что все тянутся на уже имеющуюся какую-то базу» (информант, 30 лет).

До сих пор мы рассматривали случаи, когда в результате переезда в Улан-Удэ сельчане приобретали, строили себе жилье в городе. Между тем в структуре исследуемой миграции такого рода стратегии не составляют подавляющего большинства среди прочих миграци-

онных историй. Не менее характерными в нашем случае в последние два десятилетия остаются практики аренды, временного съема жилья, в которые включена преимущественно главная группа мигрантов из сельской местности — трудоспособная молодежь (в основном от 17 до 35 лет). Экономические барьеры рынка недвижимости, а также достаточно высокая конкуренция на городском рынке труда, в действительности, не позволяют многим сельчанам, прибывающим в Улан-Удэ, обучающимся, активно работающим в городе, приобрести собственное жилье. И здесь обыкновенно срабатывает одна из трех стратегий — люди либо обращаются за временной помощью к городским родственникам, знакомым, живущим в городе, либо идут в агентство за съемной квартирой (комнатой, домом и пр.), либо, что не менее характерно, первое время живут у своих родственников, земляков, уже перебравшихся в город.

«Большая же часть мигрантов, в том числе маятниковых, как ты говоришь, не имеет возможности купить себе жилье. Снимает комнаты, квартиры, где придется, опираются на помощь родственников, многие живут у них первое время, а потом пытаются сами снимать. Первые годы — всегда либо к родственникам, либо к знакомым. Сколько деревенских студентов приезжает и селится у своих теток, дядек! Понятно, кто-то в центре, кому-то меньше повезло [...] взрослые, понятно, уже не пойдут особо к родственникам, самостоятельно должны жить. Пытаются квартиры снять. Это тоже все по деньгам зависит, кто как зарабатывает. Кто-то может в центре жить, а кто-то в кварталах или в Восточном и, допустим, ездить через весь город. А так, если на квартиру денег нет, на житье, то считай обратный билет в деревню. Много кто приедет, отучится, попытается пожить и обратно к себе в село. В городе надо много работать, хорошо получать, чтобы хотя бы здесь жить, а чтобы жить в удовольствие, на перспективу, это надо быть не знаю кем и хорошо работать. Или обеспеченных родителей» (информант, 27 лет).

Социальный капитал сельчан, их семей, в частности «полезные знакомства», «связи», родственники в городе — все это порой играет решающую роль в судьбе сельского мигранта, однако не каждого и не всегда. К родственникам обращаются чаще на этапе приезда, «на первое время», в особенности когда речь заходит о жилищном устройстве детей в городские образовательные учреждения. Достаточно часто этап проживания «у городских родственников» предвещает «самостоятельную жизнь».

«Начала учиться в 2004-м. Поселилась в центре города, на ул. Коммунистической. Я жила со своей сестрой и ее семьей, муж и сын. Выбор был связан с его отсутствием. Во-первых, чтобы снимать квартиру, необходимы средства — определенная сумма денег, коих у меня на тот

момент не было, во-вторых, это как-то безопаснее и спокойнее было на тот момент — чтобы не сбилась с пути истинного» (информант, 23 года, Тункинский район). *«Сначала был поселок Сокол у двоюродной сестры, затем поселок Восточный у тети, затем Саяны с Булатом (однотруппник. — А.Б.) и Ко, затем общага БГУ, затем снимал комнату на Ключевской, затем с девушкой — на Гагарина, затем в БГУ, причины в основном в том, что так было проще [...] В Улан-Удэ, как мне кажется, приезжие сельчане снимают домики на окраине или квартиры третьего сорта. Уродственников жить «неуютно», теперь ведь не 90-е лихие. Мне кажется, тогда было в порядке вещей приехать к тете и сказать: «Здравствуйте. Я поживу у вас маленько. Я скоро уеду. И прожить год, пока не выгонят. Сейчас на это смотрят по-другому. Свое личное пространство стало очень уж своим, скоро будет как в Америке — отношения отношениями, а квартплата — это бизнес. Как-то так»* (информант, 23 года).

Итак, можно ли, опираясь на обозначенные в разделе тезисы, выявить наиболее характерные, сущностные черты, присущие процессам расселения сельских мигрантов в постсоветском Улан-Удэ? При всем многообразии практик расселения, представлений о городе, возможностей тех или иных мигрантов, «типичных» и «нетипичных» историй, которые нами были собраны, можно с достаточной уверенностью сказать «да». Направления расселения все же лежат в ограниченном «коридоре возможностей», который задается уровнем материального достатка того или иного мигранта¹. Для прошедших двадцати лет постсоветского этапа сельско-городской миграции характерно в этом смысле преобладание группы мигрантов трудоспособного возраста со средним уровнем достатка. Основными зонами их расселения стали территории одноэтажной (реже двухэтажной) деревянной застройки преимущественно на окраинах города — в отдаленных от центральной части Улан-Удэ микрорайонах и поселках, в частном секторе, в дачных кооперативах. Подобная тенденция характерна, как показало исследование для сельских мигрантов, живущих как в арендуемом жилье, так и для тех, кто имеет свою собственную жилую недвижимость.

Сельская миграция и трансформация городского пространства

В данном — заключительном — разделе хотелось бы дать некоторые комментарии относительно воздействия сельской миграции на физическое пространство постсоветского Улан-Удэ. В начале 2000-х гг., в особенности на волне активной борьбы мэрии против само-

¹ Как сказал один из информантов, «всех усредняют деньги, поэтому все живут одинаково».

вольных построек в отдельных частях города, «проблема превращения города Улан-Удэ в Понаехоловск»¹ на некоторое время вышла за рамки «скептических бесед адептов городской идентичности», став одной из публично обсуждаемых тем. Наиболее остро негативное влияние сельских мигрантов на формирование городской застройки и городского имиджа (одного из планируемых туристических центров Байкальской зоны) было публично обозначено именно в начале 2000-х гг., когда мэрия начала решительную кампанию по борьбе с самостроем, расположенным в пос. Солдатский, вблизи городского аэропорта, в пос. Комушка и др. Постепенно в «проблему самоволок» включились местные отделения общероссийских партий, СМИ², представители религиозных движений, появились первые социальные исследования «нахаловок»³. В итоге к 2007–2008 гг. часть домов была снесена, в отношении остальных было решено применить политику правового урегулирования, преимущественно в форме узаконивания жилья.

Одним из итогов шумной кампании стало то, что нахаловки *увидели*, они в короткий период стали заметными, завеса над их повседневной жизнью, малознакомой большинству горожан, была приподнята. При этом самоволки, которые показывали в новостных передачах, о которых писали в местных газетах, были в основном заселены именно сельскими мигрантами. В связи с этим публично «нахаловки» приобрели «сельское лицо». Вместе с тем вполне очевидно, что далеко не все зоны незаконного и нерегулируемого самостроя в городе заселены сельскими мигрантами. Где-то по соседству с сельскими жителями строят дома и «коренные» горожане⁴. Этот факт был в целом проигнорирован, как и то, что на городской имидж ни в меньшей степени, чем сельский самострой у дороги в Аэропорт (пос. Солдатский), влияют расположенные в самом центре города невзрачные деревянные микрорайоны (Зауда, Нижняя батарейка и пр.), в подавляющем большинстве не обладающие исторической ценностью.

¹ Краюхин К. Улан-Удэ превращается в Понаехоловск // Номер один. 2006, 23 авг.

² См.: напр.: Капустина Е. «Нахаловку» будут разбирать «химики» // Информ полис. 2001, 7 нояб.; Шишкина В. За «самоволки» возьмутся всерьез // Номер один. 2007. 26 дек.; Галлас А. Город будет бороться с «самоволками» // Номер один. 2008, 18 июня; Садыкова И. В конце июня приставы снесут 47 «самоволок» // Номер один. 2008, 16 июля; Санжиев П. Амнистия для самовольщиков // Номер один. 2009, 29 апр.

³ См., например: Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Давыдов В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: Хабаровский науч. центр ДВО РАН, 2006. С. 129–154; Карбаинов Н.И. «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // Социс. 2007. № 11. С. 136–139.

⁴ К примеру, в пос. Комушка, мкр. Загорск, мкр. Левый Берег и пр.

Не будет преувеличением сказать, что Улан-Удэ физически и социально сформировался в советский период своей истории. И все это время образующееся городское сообщество нуждалось в жилье, которого никогда не хватало. С началом индустриализации 30–50-х гг. XX в. численность горожан резко возросла — от 20,5 тыс. в 1923 г. до 125,700 в 1939 г. Впоследствии во многом за счет строительства новых предприятий оно лишь продолжало расти. В 1993 г. численность горожан составила уже 364,8 тыс. людей¹. Столь значительный прирост стал возможен за счет массового притока специалистов, квалифицированных и чернорабочих, из центральных регионов страны. В меньшей степени он опирался на потенциал внутриреспубликанской миграции, в частности из села в город. Несмотря на то, что массовое индустриальное строительство сопровождалось все увеличивающимся плановым жилищным строительством, жилья, мест для размещения прибывающих рабочих и специалистов не хватало. Очереди на предоставляемое государством жилье не уменьшались даже в периоды массовых многоэтажныхстроек в 1960-х гг. и в позднесоветский период. Реакцией на острый кризис жилья уже с 1930-х гг. становится массовое нерегулируемое возведение вблизи индустриальных предприятий, в рабочих поселках, на окраинах города одноэтажных индивидуальных деревянных домов. В них одни из горожан жили и надеялись получить от государства благоустроенное жилье, другие — старались обустроить быт на долгосрочную перспективу. В итоге к началу 1990-х гг. не менее трети городской территории имело «сельский» облик. В 1990–2000-е гг. городские окраины и сельский пригород еще больше приблизились друг к другу. Город разрастался, люди приобретали (и незаконно захватывали) участки, перевозили на них свои дома, покупали новые срубы.

Следует отметить, что часть сельчан, приезжая в Улан-Удэ, как двадцать лет назад, так и сейчас, имеет возможность и приобретает благоустроенное жилье в центральной и относительно благополучной части Улан-Удэ. При этом одни из сельчан, очевидно, привносят в пространство города «сельский образ жизни», другие — нет. До сих пор сложно говорить и о том, сложился ли в Улан-Удэ «городской образ жизни», и, если «да», то каковы границы его локализации. В этом смысле сложно судить о том, насколько сельская миграция в постсоветский период истории Улан-Удэ видоизменила культурное пространство города.

В последнее время, по прошествии периода массового выбытия сельчан из «умирающих» деревень республики, выезд на постоянное место жительства «в город» становится, как говорят информанты, более обдуманым, взвешенным. Возможно, это говорит о том, что

¹ Zhimbiev B. Op. cit. P. 48.

и этап спонтанной миграции наименее обеспеченных сельчан, малопризывательный для городского сообщества, в целом пройден.

«Раньше вот говорили, понаехали деревенские со своим лачужками. Мы так посмотрели, сейчас довольно-таки много деревенских, которые в город приезжают и сразу покупают квартиры, довольно много. У нас даже, знаешь, в домах так проходишь, соседи купили квартиру. А вы откуда? Мы из деревни. Раз на другом этаже: вы откуда? Мы из деревни. Да и вот так помотришь в тех же поселках, такие домины отгрывают. Далеко не бедные» (информант, 30 лет).

Заключение: выводы и перспективы исследования

Масштабы и специфику постсоветской миграции сельских жителей в столицу республики, как представляется, сложно уловить, опираясь исключительно на современную официальную статистику и те немногие сегментарные обследования, которые были приняты исследователями в основном за последнее десятилетие. Данную статью в этом смысле предлагаем рассматривать в качестве вводного, постановочного исследования. Вместе с тем, опираясь на имеющиеся статистические данные, научные аналитические обзоры, материалы записанных интервью и включенного наблюдения, мы можем обозначить некоторые тезисы, которые, как представляется, в целом адекватны изучаемой ситуации.

1). Социально-демографическое развитие Бурятии в интересующий нас период с 1991 по 2009 г. сохраняло преимущественно характеристики депопуляции. Основным фактором снижения численности населения республики в эти годы была не естественная убыль, а именно миграционный отток. Общее состояние миграционных процессов в Бурятии в период с 1991 по 2009 г. может быть определено как достаточно негативное: уровень миграционной убыли в большинстве сельских районов превышал уровень прибытия. По имеющимся статистическим прогнозам данная ситуация существенно не изменится в три ближайших десятилетия. В разрезе муниципальных образований общереспубликанские тенденции развития миграции проявляются неодинаково. В части сельских районов, преимущественно в тех, что расположены вблизи столицы республики – Улан-Удэ, в течение 1990-х гг. и первого десятилетия 2000-х гг. количество выбывших граждан не превышало число прибывающих. Основным центром притяжения во внутриреспубликанской миграции является столица Бурятии – г. Улан-Удэ. Между тем на республиканском уровне, равно как и на уровне Администрации г. Улан-Удэ, до настоящего времени не разработано каких-либо нормативно-правовых актов, программ, которые бы определяли ме-

ханизмы активного регулирования миграции из сельской местности в Улан-Удэ, отсутствуют и какие-либо проекты по формированию городской агломерации. Иными словами, сельские жители республики, решив переехать в Улан-Удэ, с одной стороны, не располагают возможностью включиться в какие-либо специально разработанные для них программы, а с другой стороны, и не ограничены в возможностях расселения в городе.

2). Представления об Улан-Удэ в среде сельских мигрантов, как показало исследование, выстраиваются вокруг следующих основных смыслов: Улан-Удэ, будучи в дискурсивном измерении «единственным городом республики», обладает наибольшей миграционной притягательностью по отношению к малоперспективной сельской Бурятии; представление об Улан-Удэ в среде сельских жителей было и в целом остается отстраненным, внешним, достаточно интуитивным, слабо отражающим реалии постсоветских изменений. При этом в представлениях мигрантов-сельчан Улан-Удэ — это сообщество, в котором они могут рассчитывать на социальную лояльность и в котором проблемы социокультурной адаптации будут для них менее острыми, чем, к примеру, в других городах, регионах страны.

3). При всем многообразии практик расселения, представлений о городе, возможностей тех или иных мигрантов, их «типичных» и «нетипичных» историй, направления расселения все же лежат в ограниченном «коридоре возможностей», который задается прежде всего уровнем материального достатка того или иного мигранта. Для прошедших двадцати лет постсоветского этапа сельско-городской миграции характерно преобладание группы мигрантов трудоспособного возраста со средним уровнем достатка. Основными зонами их расселения стали территории одноэтажной (реже двухэтажной) деревянной застройки преимущественно на окраинах города — в отдаленных от центральной части Улан-Удэ микрорайонах и поселках, в частном секторе, в дачных кооперативах. Подобная тенденция характерна для сельских мигрантов, живущих как в арендуемом городском жилье, так и для тех, кто имеет свою собственную жилую недвижимость.

4). Воздействие сельской миграции на физическое пространство Улан-Удэ в постсоветский период его истории не поддается однозначному определению. С одной стороны, публично обсуждаемая в последнее десятилетие «проблема нахаловок» в черте Улан-Удэ формирует в городском сообществе негативную оценку сельской миграции, которая часто оказывается «вне» закона и «вопреки» городскому образу жизни. Массовая нерегулируемая индивидуальная застройка за последние двадцать лет (особенно в последние годы), действительно, привела к возникновению в черте города (в основ-

ном по окраинам) целых «самовольных» микрорайонов, которые, что особенно артикулирует мэрия, вредят имиджу города, утяжеляют и без того весомые списки проблем части внутригородских микрорайонов. С другой стороны, не все самовольные дома — сельские, часть из них строилась самими горожанами для своих семей. К тому же одни из сельчан привносят в пространство города «сельский образ жизни», а другие, очевидно, — нет. Не вполне очевидны последствия постсоветской сельской миграции в отношении физического ландшафта Улан-Удэ еще и потому, что он был и остается поселением, в котором не менее трети территории занимают зоны одноэтажной индивидуальной деревянной застройки¹.

¹ В связи с этим некоторые иронично называют Улан-Удэ «большой деревней» — «Улановкой».

«Таджики» в пригородах Иркутской агломерации

Иностранные трудовые мигранты давно стали привычной и, кажется, уже неотъемлемой частью жизни сибирских регионов. Постоянная потребность региональной экономики в рабочих руках, конъюнктура рынков, демографическая ситуация, некоторая либерализация российского миграционного законодательства — все это объективно повышает привлекательность Сибири для временных трудовых мигрантов из-за рубежа. Соседство с КНР и что немаловажно — удаленность Сибири от федерального центра порождает огромное число мифов и ложных представлений, опасений — реальных и надуманных о численности и степени иностранных мигрантов, прежде всего — китайцев.

Иными словами, Сибирь уже основательно «освоена» иностранными мигрантами как в реальности, так и в «виртуале» — мифах, стереотипах, бытующих в массовом сознании. При всей разности этих «миров» объединяет их общность пространства, в котором собственно и протекают миграционные и связанные с ними процессы. Это пространство Города² — пространство социальное, экономическое, культурное, ментальное, даже правовое. Немногочисленные миграционные исследования, вне городской среды, выполняются в жанре case-studies и, как правило, связаны с изучением специфической группы мигрантов и/или уникального миграционного опыта³. В результате, невольно складывается представление о том, что пространство Города остается едва ли не единственным, где происходит взаимодействие мигрантов и принимающего общества.

Безусловно, города Сибири являются средоточием жизни в регионе. Здесь сконцентрировано около 71% населения в Сибирском федеральном округе и более 74% жителей Дальневосточного федерального округа⁴. Здесь протекает основная экономическая, социальная, культурная жизнь региона. Характер внутрирегио-

¹ Григоричев Константин Вадимович — кандидат исторических наук, административный директор МИОН при ИГУ.

² Трансграничные мигранты и принимающее общество: практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009; Адаптация экономических мигрантов в регионах России: практики формальные и неформальные. Иркутск, 2009 и др.

³ См. напр.: Троякова Т.Г. «Корейская деревня» в Приморье: один из проектов «национального возрождения» // Этнографическое обозрение. 2008. №4. С.37-43.

⁴ Здесь и далее, если не указано иное, статистическая информация приводится по данным Центральной базы статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ — URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>.

нальной миграции (прежде всего, ее пространственные векторы) ведут к росту городского пространства, вследствие чего пространство Города все более явно выходит за пределы административной черты городов. Собственно городские округа (этим статусом обладают центры субъектов Федерации и немногочисленные прочие крупные и средние города) постепенно все более тесно включают в свою орбиту прилегающие сельские районы, формируя сложное субурбанизированное пространство. В полупатриархальное пространство сельского пригорода входит мир Города, привнося множество новых, не свойственных ранее явлений, процессов, социальных групп. Логичным следствием этого должно стать и появление в пригородах и значительных групп иностранных трудовых мигрантов, связанных как с Городом, так и с Пригородом.

Такой подход позволяет, на мой взгляд, поставить обширный комплекс исследовательских проблем. Идет ли процесс проникновения иностранных трудовых мигрантов в пригороды крупных сибирских городов? Появляются ли здесь заметные группы гастарбайтеров из ближнего и дальнего зарубежья? Сколько их и кто они? Складываются ли новые, отличные от городских, модели и механизмы взаимодействия между мигрантами и местными сообществами, в том числе и органами местного самоуправления? Насколько специфика субурбанизированного пространства тормозит или ускоряет процесс взаимной адаптации?

Пространство Иркутской агломерации — города Иркутск (575 тыс. чел), Ангарск (240 тыс. чел) и Шелехов (около 50 тыс. чел) и входящих в нее сельских районов вполне типично для многих сибирских областных/краевых центров. Основная часть сельских территорий, примыкающих к областному центру и другим городам агломерации, лежит в пределах Иркутского сельского муниципального района. По численности населения рассматриваемый район является крупнейшим в области (около 72,3 тыс. чел.) и превосходит прочие муниципальные районы в 1,2 — 17,2 раз. Основная часть населения Иркутского района проживает в пригородной зоне (в радиусе 25–30-минутной транспортной доступности в областной центр) и процесс его концентрации продолжается: за 2007–2009 гг. доля жителей района, проживающих в ближних пригородах, выросла с 72,1% до 80,4%. Пригородное положение обуславливает высокую миграционную привлекательность района как для населения других муниципальных образований, так и для жителей г. Иркутска, переезжающих в близлежащие населенные пункты района. В результате в районе сформирован устойчивый миграционный прирост (более 10%), что дает ежегодное увеличение

численности населения района на 1–1,5%. В основе миграционного прироста численности населения в районе лежит движение населения в пределах области и, прежде всего, в пределах Иркутской агломерации. Основным донором для района является г. Иркутск (около 57% всего прироста). Приток мигрантов из других городов Иркутской агломерации (Ангарск и Шелехов) минимален и существенного влияния на миграционную ситуацию не оказывает.

Иными словами, пространство Иркутского сельского района, во всяком случае его пригородной зоны, представляется вполне подходящим «полем» для разработки поставленных исследовательских проблем. И здесь возникает проблема метода. Имеющийся массив статистических данных позволяет очертить лишь общий «контекст» – динамику миграционных процессов в районе в целом, изменение распределения населения по территории района и т. п. Дальнейшие исследовательские шаги неизбежно связаны с использованием методов качественной социологии, прежде всего – экспертных интервью. В течение весны-лета 2010 г. мною была проведена небольшая серия (8 интервью длительностью 25–90 минут) подобных интервью с представителями локальных администраций, местного бизнеса. Недостаточный массив полевых материалов пока не позволяет сколько-нибудь уверенно строить итоговые выводы и тем более – пытаться их генерализировать. Данный текст для меня носит характер скорее постановочный и своей задачей в нем я вижу лишь формулировку рабочих гипотез.

Иностранные трудовые мигранты: Сколько их? Кто они?

Присутствие иностранных трудовых мигрантов в Иркутском районе, точнее его пригородной части, достаточно четко очерченной радиусом 30-40-минутной транспортной доступности от областного центра, становится в последние годы все более заметным. Однако попытка определить если не численность, то хотя бы масштабы их присутствия в поселениях района, наталкивается на серьезные сложности. Обращение к данным государственной статистики фактически бессмысленно, поскольку она отражает данные лишь о мигрантах, пребывающих в районе более 6 месяцев и что самое важное – вставших здесь на миграционный учет по месту пребывания. Так, например, по данным Иркутстата в 2007 г. в населенные пункты Иркутского района прибыло всего 22(!) человека из Узбекистана и 8(!) – из Таджикистана. Иными словами, если принять за основу данные госстатистики об иностранных мигрантах в районе, то придется признать визуальные признаки их присутствия не более чем миражами.

Немногом больше ясности в этот вопрос вносит и обращение к данным учета иностранных мигрантов УФМС по Иркутской области. Так, например, согласно данным миграционной службы, число иностранных трудовых мигрантов, официально работающих в Иркутском районе в 2005–2006 гг., не превышало 330–340 человек (4,8–5,7% от общего числа иностранных рабочих в области)¹. К сожалению, с 2007 г. учет иностранных мигрантов по Иркутскому району объединен с учетом по г. Иркутску. В результате «район растворен в городе» и выделить иностранных мигрантов, прибывающих в пригород, уже практически невозможно.

Пожалуй, единственный, но крайне важный факт, который можно выявить из этого массива данных, — это значительно более высокое число иностранных мигрантов в Иркутском районе, чем в других сельских муниципальных районах области. По числу официально трудящихся иностранных граждан район занимает третье место в области, уступая лишь г. Иркутску и Бодайдинскому району. В последнем случае важнейшим работодателем являются предприятия золотодобычи, сконцентрированные на северо-востоке Иркутской области.

Тем не менее описанные данные не позволяют определить ни численность иностранных мигрантов, ни их размещение по достаточно обширной территории района. Обращение к представителям местных и районной администраций приводит к неожиданному открытию. Ни на одном уровне местного самоуправления нет сколько-нибудь ясного представления ни о численности, ни о структуре, ни о размещении иностранных мигрантов в районе.

Отсутствие полномочий и каких-либо правовых инструментов для работы с мигрантами в муниципалитетах первого уровня оставляет сотрудникам последних в качестве источников информации лишь визуальные наблюдения и «ощущения».

«Примерно так знаем, что порядка вот так 200 китайцев, наверняка, есть на территории. Ну именно вот на ощущениях, что они вот появляются». — «А хотя бы общее представление о том, сколько их тут в сезон бывает, есть? 100? 500? 1000? Хотя бы порядок оценить можно? — «Это невозможно. Нам бы знать хотя бы примерное их [иностранных мигрантов. — К.Г.] количество, чтобы они, может быть, приходили, даже какую-то отметку ставили. Символически, может быть, даже. Чтоб мы знали, какое количество людей другой национальности, другой страны проживают на нашей территории в период строительства. Чтобы просто иметь представление, что происходит на нашей территории. Сколько их на самом деле, сколько бригадиров, сколько бригад... для информации».

¹ По данным текущего учета УФМС по Иркутской области.

Районная администрация, на первый взгляд, имеющая большие возможности для получения подобных сведений, на деле информирована в данной сфере немногим больше. Однако здесь причиной складывания информационного вакуума, наряду с отсутствием полномочий, стало широкое распространение посреднических бизнес-практик. Получение квот на привлечение иностранных рабочих концентрируется в руках лишь нескольких фирм, которые официально и «ввозят» рабочих. Дальнейшее же распределение иностранных трудовых мигрантов по территории района и предприятиям совершенно непрозрачно как для муниципалитетов, так и для миграционной службы. Косвенные свидетельства о подобной практике администрация района получает, как правило, лишь при чрезвычайных происшествиях, несчастных случаях с мигрантами. Проводимые при этом проверки нередко показывают, что мигрант, въехавший по приглашению и квоте для работы на сельскохозяйственном предприятии Иркутского района, оказывается занятым на стройках областного центра.

«У нас есть ряд фирм, которые делают заявки на иностранную рабочую силу. Но теперь среди них стали фирмы, которые набирают не для себя. Они набирают для последующей реализации на рынке труда. И мы не знаем следов — где они [мигранты. — К.Г.] потом. <...> Т.е. они просто эти квоты выбирают и потом продают. Продают они фактически на сельхозработы или строительным фирмам — мы не знаем.

Но происходит, например, несчастный случай на стройке. Там расследование. И получается — фирма зарегистрирована у нас в районе, а строительные работы ведет в городе Иркутске. И эти мигранты наши, оказывается, там».

Важно и то, что прямого интереса в получении информации о присутствии и занятости иностранных мигрантов на территории района, сколько-нибудь приближенной к действительности, у районной администрации нет. Мигранты, прибывающие и работающие в индивидуальном порядке, не образующие юридического лица, просто не интересны муниципалитетам второго уровня (администрации района), «не волнуют» их.

«Меня бы [как сотрудника районной администрации. — К.Г.] волновало, если бы они [иностранцы мигранты — К.Г.] приняли некую форму агрегированную, стали бы регистрироваться здесь как юридические лица — для того, чтобы собирать налоги. Это было бы идеально. Они же не получают муниципальных услуг. Но тем не менее платили бы налоги».

Иными словами, информированность органов местного самоуправления, включая администрацию района, о присутствии

иностранных мигрантов на территории района ограничивается констатацией факта — «они у нас есть». Сколь угодно отчетливого представления о численности и размещении иностранных трудовых мигрантов в районе местная власть¹ не имеет. И если на низовом уровне (сельские поселения) сохраняется хотя бы общий интерес к получению информации о численности мигрантов, то на районном уровне мигранты и власть живут де-факто в параллельных плоскостях. Такая ситуация подразумевает и крайне неполную информацию о структуре прибывающих в район иностранных мигрантов.

При всей неосведомленности власти (муниципалитетов всех уровней) о численности и структуре мигрантов представители администрации (как и другие представители местного сообщества) довольно уверенно разделяют их на две укрупненные группы. 1. «Китайцы» — мигранты из КНР, проживающие преимущественно в прилегающих к городу населенных пунктах. 2. «Таджики» — собирательное название для группы, в которую включают мигрантов из постсоветских стран Центральной Азии (преимущественно из Таджикистана и Узбекистана). Подчеркну, что название группы, бытующее в местном сообществе, воспринимается не как этноним, а именно как обозначение широкой мигрантской группы, включающей представителей различных этнических групп и выходцев из разных государств². Здесь я буду использовать термин «таджик», «таджики» не в этническом его значении, а именно как собирательное обозначение категории иностранных трудовых мигрантов, прибывших из Центральной Азии. Эти группы достаточно жестко разделяются как в представлениях власти (местных администраций), так и в обыденной жизни. Причем критерием для этого выступает отнюдь не этнический фактор, а скорее гражданская (по стране происхождения) принадлежность. Так, в большинстве интервью «китайцы» противопоставляются «нерусским», «таджикам» и даже «гастарбайтерам».

Несмотря на длительное соседство с сельским сообществом, предполагающим в иных случаях складывание неформальных, «человеческих» отношений, китайцы остаются максимально закрытой группой. Ее члены стремятся к максимальной минимиза-

¹ В строго формальном смысле муниципалитеты, о которых здесь идет речь, органами государственной власти не являются. Однако и в представлениях местного сообщества, и в системе отношений с органами государственной власти и бизнесом они — муниципалитеты — выступают именно низовым уровнем власти.

² Трансформация в массовом сознании этнонима «таджик» в иное, более широкое понятие для обозначения мигрантских групп описано В.И. Дятловым: Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. Астана. 2009. №1 (1). С. 147.

ции контактов с местным населением и властью. Как следствие, эта группа остается и для местных жителей, и для администрации «черным ящиком», привычным, но мало понятным элементом повседневной жизни. Материалы о «китайцах», полученные мною в интервью отрывочны, и нередко противоречивы и не позволяют делать сколько-нибудь обоснованных суждений об этой мигрантской группе. Поэтому здесь я не буду подробно останавливаться на характеристике «китайцев», а сосредоточусь на анализе отношений местного сообщества и власти с «таджиками».

«Таджики»: ночью все кошки серы?

Собирательное обозначение этой группы мигрантов, основанное на критерии их занятости и места в экономической жизни местного сообщества, предопределяет ее гетерогенность. «Таджики» как мигрантская группа крайне неоднородна: в нее включаются мигранты, совершенно разные по этнической и гражданской принадлежности, продолжительности пребывания в изучаемом районе и т. д. Этническое происхождение этих мигрантов нередко не совпадает с гражданской принадлежностью, а формальные характеристики по длительности пребывания в России (как критерий градации на постоянных и временных мигрантов) нередко противоречит характеру их занятости, системе налогообложения и т. д. (подробнее об этом далее). В связи с этим мне представляется невозможным и некорректным структурировать эту группу по традиционным критериям, используемым в миграционном и статистическом учете.

Более перспективным подходом для выделения внутренней структуры этой группы иностранных мигрантов, на мой взгляд, может быть использование аналогии с устоявшимися категориями «белых» (полностью легальных) и «серых» (полулегальных, непрозрачных) бизнес-схем. Обозначение этих категорий, при некоторой их искусственности, давно вошли как в научный язык, так и в терминологический аппарат административно-управленческой практики. Отталкиваясь от указанной аналогии, в группе «таджиков» можно выделить две подгруппы:

«Белые «таджики» — трудовые мигранты, которые находятся в стране на законных основаниях, официально трудоустроены, получают «белую» заработную плату, словом — полностью легализованы.

«Серые «таджики» — «гастарбайтеры», законность пребывания и занятости которых непрозрачны и частично или полностью нелегальны. Представители этой подгруппы, как правило, не имеют

официального трудоустройства, юридически оформленных отношений с работодателями, а нередко — и разрешения на трудовую деятельность в РФ.

«Белые таджики»: от постоянных «временных» к временным «постоянным»

Появление «белых «таджиков», как особой подгруппы временных трудовых мигрантов, во многом определено интересами бизнеса, вынужденного лавировать между конъюнктурой рынка труда и изменяющимся миграционным законодательством. С одной стороны, характер демографических и миграционных процессов в Сибири (да и в стране в целом) предопределяет неизбежность привлечения трудовых мигрантов. С другой — кардинальное изменение миграционного законодательства России, пережившего в постсоветские годы несколько этапов, связанных со сменой парадигмы миграционной политики, связывали привлечение иностранных рабочих с серьезными рисками. Однако логика развития производства, требующая привлечения большого числа рабочих, и минимизации связанных с этим издержек сделали, на мой взгляд, легальное привлечение иностранных рабочих неизбежным процессом.

Исследования второй половины 2000-х гг. показали достаточно явный интерес бизнеса (в том числе — мелкого и среднего) к использованию именно временных мигрантов. Постоянные мигранты, оседающие в местах локализации производств и становящиеся постоянными сотрудниками предприятий, могут быть предпочтительнее для бизнеса в связи с возможностью роста их квалификации, профессионализма, адаптированности к местной специфике, в том числе и условий труда. Но издержки, связанные с социальным обустройством таких мигрантов, высоки и могут окупиться лишь в долгосрочной перспективе. Временные мигранты — заметно дешевле (как правило, и в оценке их труда) и не влекут комплекса проблем социального характера. Но часто их недостаточная квалификация, отсутствие профильного образования, «непроверенность» являются серьезными рисками для бизнеса, особенно связанного с использованием достаточно сложной и дорогой техники и оборудования.

В качестве решения, похоже, сформировались вполне устойчивые связи бизнеса¹ с мигрантами. Ежегодный наем на работу

¹ Представляется, что здесь можно вести речь о малом и среднем бизнесе. Мигранты для крупного бизнеса являются скорее обезличенной «рабочей силой», непосредственные, индивидуализированные отношения с которой выстраивать невозможно, да и нецелесообразно. Для него скорее характерны устойчивые связи с теми или иными посредниками, «поставляющими» рабочих-мигрантов.

одних и тех же или, по крайней мере, части нанимаемых рабочих-мигрантов позволил установить вполне личные контакты с ними. «Адресным» становится и подбор рабочих на каждый сезон, что позволяет учитывать конъюнктуру рынка.

«Мы созваниваемся. Сколько мне людей надо. Допустим, вот в прошлом году был кризис, мы вызывали только четверых. Т.е. мы не могли их обеспечить работой, не было денег и всего остального. И мы вызывали только четверых. В этом году я сам звонил, так — «привезжай сам, вези того, того, того — по именам». Т.е. мы с ними давно работаем, я знаю, кого надо привезти, кто у меня будет работать, кого я найму, кого я обеспечу работой».

Работающие в течение 10 и более лет на одном и том же предприятии временные рабочие-мигранты освоили и специфику труда, и технику, используемую в работе. Зарекомендовав себя как вполне надежные работники, они, сохраняя статус временного иностранного мигранта, фактически становятся постоянными рабочими.

«Вот они приехали, поработали и уехали. Ни забот, ни хлопот. Т.е. они как бы написали заявление на отпуск, месяц им положено, да плюс на три месяца они пишут без содержания. И четыре месяца мы их не видим. Октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль — вот пять месяцев. Бывает, у меня люди в декабре уезжают и позже уезжают. Некоторые — три-четыре человека всегда в зиму остаются, работают. Ну, есть какая-то мелочевка — там, там, там. А основная-то масса уезжает».

В этом двойственном статусе (временные мигранты и одновременно — постоянные рабочие) таджики оказываются чрезвычайно выгодны местному бизнесу. Обеспечивая работодателю все выгоды постоянного персонала (необходимый уровень квалификации, сложившаяся репутация, приспособленность к местным условиям), они в то же время сохраняют и все выгоды найма временных рабочих — отсутствие комплекса социальных обязательств (детские учреждения, трудовая занятость взрослых членов семьи, иные издержки), возможность регулирования численности работающих в зависимости от сезона и конъюнктуры, минимальные расходы на обеспечение быта.

Очевидно, выгодно такое положение и самим мигрантам. Постоянная работа с гарантированным уровнем зарплаты, официальное трудоустройство с легальным и, что возможно важнее, — организованным, коллективным решением всех вопросов по регистрации и получению разрешения на работу, не требующим индивидуальных усилий и обращения к услугам тех или иных посредников.

Для них посредником между ними и государством в лице ФМС становится их работодатель.

«Они приехали, сдали документы в отдел кадров, и здесь единственное мы их всех собираем кучей — повезли, они кровь сдали, пишем бумагу — потому что там очередь, как в Мавзолей, всегда. Пишем бумагу, я их провожу без очереди сам лично. Они сдают эту кровь. Потом кто-то из них едет забирает эти анализы. Все... и начальник отдела кадров едет и оформляет все остальное. Они только едут, получают разрешение на работу».

Пожалуй, единственный очевидный минус в таком положении дел для мигрантов — это необходимость уплаты значительных налогов, которые начисляются на заработную плату нерезидентов страны. Однако длительное и официальное трудоустройство решает и эту проблему: пребывая на территории России более полугода и имея легальную трудовую занятость, «таджики» становятся резидентами РФ. При этом размер удерживаемых с них налогов не многим отличается от таковых, взимаемых с российских граждан¹.

«На сегодняшний день они все как бы уже резиденты, потому что они уезжают домой, уезжают как бы в отпуск. Большую часть времени года они находятся здесь. Они сейчас все резиденты, это первое время из них высчитывали по 30% подоходного и все остальное. А сейчас они так же получают зарплату».

Поскольку «документами, подтверждающими фактическое нахождение физических лиц на территории РФ, могут являться справки с места работы, выданные на основании сведений из таблицы учета рабочего времени, копии паспорта с отметками органов пограничного контроля о пересечении границы, документы, оформленные в порядке, установленном законодательством РФ»², такое официальное трудоустройство позволяет заметно нивелировать разницу в доходах при «белой» и «теневой» занятости иностранных мигрантов.

Отсутствие реальной конкуренции со стороны местного населения за эти рабочие места привело к формированию не только взаимного интереса работодателя и «белых «таджиков», но и все более заметной взаимозависимости. Если для мигрантов эта зависимость становится «возможностью», некоторой гарантией трудоустройства и заработка, то для бизнеса вместе с преимуществами она несет и риски. Финансовые, организационные и другие вложе-

¹ Налоговыми резидентами признаются физические лица, фактически находящиеся в Российской Федерации не менее 183 календарных дней в течение 12 следующих подряд месяцев // Налоговый кодекс Российской Федерации, ст. 207, п.2. (в ред. Федерального закона от 27.07.2006 № 137-ФЗ).

² Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. URL: http://www.nalog.ru/index.php?topic=stat_nal_rez.

ния в организацию системы найма «белых «таджиков» в сочетании с отсутствием реальной конкуренции за рабочие места со стороны местного населения ведут к тому, что иностранные рабочие становятся (или уже стали) критическим фактором для устойчивости местного бизнеса.

«Если представить — вдруг сейчас запретят приезжать и работать [«таджикам». — К.Г.] — без них справитесь или нет?» — «Сложно будет. Ну будем стараться, не без этого, но очень сложно. Скажем так, если одного — двух уволить, то ничего страшного. А если уволить сразу всех сейчас — то все...»

Иными словами, легальное использование иностранных трудовых мигрантов в мелком и среднем бизнесе в условиях узкого и/или весьма специфичного рынка рабочей силы в пригороде, устраняя одни проблемы (прежде всего, в сфере взаимоотношений с государством), формирует новые риски, слабо осознаваемые властью и лишь постепенно формулируемые представителями бизнес-сообщества. Эти риски и их «осознание», возможно, свидетельствуют о том, что процесс взаимной адаптации мигрантов и местного сообщества, по крайней мере, в данной сфере входит в новую фазу, в которой «взаимный интерес» дополняется (меняется?) «взаимной зависимостью».

«Это уже становится традицией» — «серые «таджики»

Продолжая аналогию с бизнес-схемами, формирование этой группы «таджиков» имеет вполне легальную базу (законный въезд в страну), на основе которой формируются легальные, полуполюгальные и вовсе незаконные практики. Вероятно, большинство мигрантов этой группы въезжают в Россию на вполне законных основаниях. Однако дальнейший характер их пребывания в области и трудовая деятельность уже не фиксируются в учете официальных органов и становятся мало прозрачными для власти. Говорить о теневой составляющей жизни и деятельности «серых «таджиков» пока достаточно сложно (хотя эта составляющая, вероятно, довольно значительна). «Прозрачная» же часть их деятельности в пространстве Пригорода открыта и вполне поддается наблюдению и анализу.

Основной сферой трудовой деятельности «серых «таджиков» в пригороде является строительство и ремонт, а также подсобные работы. Основной причиной появления «серых «таджиков» в сельских населенных пунктах пригорода стал массовый приток горожан, главной целью которых является строительство жилья — домов и усадеб. Став в последнее десятилетие для Города едва ли не главной рабочей силой в строительной сфере, «таджики» появи-

лись в пригороде вместе с волной «состоятельных людей» на рубеже 1990-х и 2000-х.

«Городские они привлекают либо строительную организацию небольшую, но в основном — это иностранная рабочая сила. Есть такие иностранные бригады, которые закрепились, закрепились здесь, и они уже здесь в принципе находятся много лет. Иногда уже до 10 лет здесь проживают, они уже зарекомендовали себя здесь положительно, и они известны».

Преобладание «таджиков» в строительном бизнесе пригорода во многом определяется спецификой ведущегося здесь строительства, в котором преобладают небольшие частные объекты — малоэтажные жилые дома и подворья. Крупный строительный бизнес региона, широко использующий рабочих из КНР, не заинтересован в этом сегменте рынка. Как следствие, китайцы-строители не составляют конкуренции «таджикам».

«Сезонные рабочие, конечно, вот таджики». — «Вы сказали «таджики». Таджики — это люди из Таджикистана? По национальности таджики? Или это какое-то собирательное название?» — «Скорее — это собирательное, да, потому что так это их не определишь. Ну, знаем, сталкивались с бригадами строителей. Как правило, они идут именно оттуда, из Таджикистана».

Формальных, оформленных официальным договором отношений с работодателем у большинства «серых «таджиков» нет, что собственно и дает основание для выделения этой подгруппы. Как индивидуальный, так и коллективный (бригадный) наем на работу происходит неофициально, в большинстве случаев по рекомендации.

«А «таджиков» — их официально как-то нанимают?» — «Нет, официально нет. Принято — по словам, по рекомендации. Посмотрели, кто из знакомых строил? Так, вот этот, вот этот, вот этот. Какую бригаду порекомендуешь? Того! Дают сотовый телефон, все, и начинают знакомство. Здесь это по рекомендации. Ну есть, конечно, объявления на магазинах, на столбах, ну это существует везде и всегда».

Примечательно, что неофициальный порядок найма «таджиков» предпочитают не только частные лица, но и администрации сельских поселений, предпочитающие использовать их услуги для небольших ремонтных работ, выпаса сельского стада, благоустройства территории. Важно, что администрации (муниципалитетов первого уровня) здесь выступают как низовой уровень власти, формально следующие законодательству, но на деле реализующие совсем иные практики.

«Вы с ними [«таджиками». — К.Г.] договор заключаете, видимо?» — «Ну договор такой... «междусобойчик». — «А эти договоры, они все такие «междусобойчики», как вы говорите, правильно?» — «Да». — «Неофициально, скажем так?» — «Неофициально, конечно, да». — «А официально это невозможно сделать или это не нужно просто?» — «Нам это не нужно официально, а они сами решают, какие договорные отношения устанавливать. И жители сами решают».

Причины, подталкивающие местную власть к «неформальным», т. е. фактически теневым, «серым» схемам взаимодействия с «таджиками», представляются вполне очевидными. С одной стороны, это жесткие ограничения Бюджетного кодекса и связанных с ними федеральных законов, соблюдение которых в полном объеме не только усложняет решение любого хозяйственного вопроса, но растягивает эту процедуру на несколько месяцев. Относительно непродолжительный строительно-ремонтный сезон и требование расходования средств до конца финансового года делают подобные проволочки крайне нежелательными для местных администраций. Более того, отсутствие каких-либо официальных документов о найме иностранного рабочего (или бригады) де-юре означает отсутствие и каких-либо отношений муниципалитета с мигрантами по известному принципу «нет человека — в этом случае мигранта, — нет проблемы».

«То есть формально администрация к этому [найму «таджиков». — К.Г.] отношения как бы не имеет?» — «Да». — «Это удобнее или почему так? Почему неофициально?» — «Ну, получается, что здесь спрос рождает предложение. То есть, есть спрос, люди работают, люди строят... Ну это как-то мы даже не заостряемся, конфликта нет, проблемы нет...»

С другой стороны, сами мигранты, имеющие статус нерезидентов России, не заинтересованы в официальных трудовых отношениях, поскольку такой статус обязывает выплачивать подоходный и иные налоги по повышенным ставкам. Совпадение интересов мигрантов, местной власти и местного сообщества в целом выталкивает их взаимоотношения в сферу неформальных практик, в теневую, «серую» зону деловых отношений. Этому способствует значительно менее формализованная повседневность сельского пригорода, где многие деловые отношения традиционно строятся на личных отношениях, а не на формальных договоренностях.

Традиционная «неформализованность» повседневности сельского пригорода и взаимное нежелание юридического оформления взаимодействия «заказчиков» и «работников» (а значит, и обозначения жестких рамок этих отношений) дают широкие возможности для самоорганизации «серых таджиков». Этому же спо-

собствует специфика строительного рынка пригорода — разбросанность «объектов» по различным населенным пунктам, нередко значительно удаленным друг от друга. В результате в пригородах Иркутской агломерации формируется довольно сложная трехуровневая организация работы «серых «таджиков». Низовой ее уровень представлен рядовыми работниками, организованными в бригады. Возглавляют бригады более квалифицированные работники, как правило, выполняющие более квалифицированные виды работ, непосредственно организующие выполнение работ на «объекте» и формирующие второй уровень организации — «бригадиров».

Если эти два уровня вполне традиционны для организации неформальных рабочих бригад и распространены и в городе, то третий (верхний) уровень специфичен для пригорода, а его появление вызвано необходимостью распределения «объектов» между бригадами в нескольких населенных пунктах. Представители этого уровня, обозначенные респондентами как «мастера», «мастера-бригадиры», немногочисленны — по оценкам представителей сельских администраций «в сезон» на территории муниципального образования, включающего 4-5 населенных пунктов с общим числом жителей около 5-6 тысяч человек, работает 4-5 таких «мастеров».

«Сейчас стало модно организовывать группы. Они [«мастера». — К.Г.] привозят большое количество групп (по ситуации, конечно) и развозят эти группы по всему муниципальному образованию, раскидывает данные группы. Ездит на машине, гоняет, проверяет их работу, вот так вот кольцует».

В функции «мастеров», помимо распределения («раскидывания») бригад, входит выполнение высококвалифицированных работ, заключение договоров, денежные расчеты с заказчиком и бригадами.

«Он [«мастер», «мастер-бригадир». — К.Г.] контролирует день оплаты и соответственно в день оплаты собирает деньги именно он. Не раздают деньги работникам непосредственно, собирает деньги именно он и отдает их работникам, как он считает нужным. И оставляет себе энную долю».

Формирование подобной узкой группы может свидетельствовать о складывании мигрантской элиты, своеобразной «рабочей аристократии». Она формируется из наиболее предприимчивых и адаптированных к местным реалиям мигрантов, концентрирующих в своих руках ключевые функции по организации экономического взаимодействия «серых «таджиков» и местных сообществ. Представители этой «прослойки» заметно отличаются от рядовых рабочих как внешне, так и по уровню доходов.

«Как правило, они [«мастера». — К.Г.] более опытные такие, более квалифицированные. Ну это я по своей личной практике говорю. Они более знающие, они хорошо говорят, хорошо одеваются и т. д.». — «Я знаю, что мастера очень хорошо зарабатывают. Вот эти вот, которые являются мастерами, бригадирами. Они зарабатывают очень хорошо». — «А очень хорошо — это какой порядок, можно хотя бы представить?» — «Ну, сотни тысяч они зарабатывают за летний период, сотни тысяч».

Концентрация в руках описанной группы важнейших организаторских и финансовых механизмов экономической деятельности позволяет предполагать, что она (группа «мастера») выполняет для «серых «таджиков» функции посредников, аналогичные тем, которые выполняют в отношении «белых «таджиков» работодатели. Имеющегося полевого материала пока недостаточно для того, чтобы говорить о складывании (или отсутствии) системы полулегальных и нелегальных практик и отношений между мигрантской элитой и рядовыми мигрантами (в частности, клиентельной зависимости, покровительства и т. п.). Однако само наличие сложно организационной структуры мигрантской группы и узкой группы лиц, выполняющих в ней функции посредников, дает питательную среду для складывания подобной системы, с одной стороны, облегчающей процесс адаптации мигрантов в принимающем обществе, а с другой — дистанцирующей рядовых мигрантов от прямого взаимодействия с местными сообществами. В пользу подобного предположения свидетельствует и ряд косвенных признаков: посредничество в оплате труда, случаи обмана рабочих со стороны «бригадиров» и «мастеров», отсутствие открытых конфликтов по подобным поводам — стремление «решить все внутри».

«У них знаете, такая система — они набирают там бригады, обещают большие зарплаты. Как правило, опыта у них [рабочих. — К.Г.] нет. <...> И вот привозят их сюда, а оплата же идет по факту. Деньги получает бригадир. А он говорит им — денег нет, плохо отработал. И те вынуждены правда-неправдами добираться до дома с горем пополам. И на этом вот зарабатывает бригадир, а «кидалово» оно сейчас имеет некоторые обороты». — «А эти ситуации, о которых вы сказали, на вас, на администрацию не выплескиваются?» — «Нет, нет. Нет. Вот интересно, но нет». — «Они это решают там где-то внутри, сами?» — «У себя. Либо они пытаются на работодателя выходить. Но они не конфликтуют, они боятся потерять работу. Тут ведь только маленько высунулся... Потом ведь какие-то формальные прописки по 2 тысячи рублей в одной квартире, где прописано 150 человек, вот. И это нас не касается, у них там своя жизнь такая. Что-

то свое там. Организация там... У них там свой образ жизни. Едят свою пищу, у них там свое все. Свое, свое, свое».

Формирование подобной структуры организации работы «серых «таджиков», которая сложилась всего за 10-12 лет, на мой взгляд, является крайне важным фактом. Он позволяет говорить о том, что процесс взаимной адаптации иностранных трудовых мигрантов и местного сообщества в пригороде идет заметно быстрее, нежели в городах. Специфика пространства Пригорода благоприятствует большей вариативности этого процесса, возникновению широкого спектра практик (вероятно, со значительным преобладанием неформальных) и как следствие – более глубокой интеграции мигрантов и местного сообщества.

Если «белые «таджики» стали критическим фактором для устойчивой деятельности местного бизнеса, то «серые «таджики», похоже, стали неотъемлемой частью экономической жизни остальной части принимающего сообщества в Пригороде. И с этой точки зрения присутствие «таджиков» воспринимается позитивно на всех уровнях муниципальных администраций. Позитивное влияние на развитие поселений признают и сотрудники представительских органов муниципалитетов (районной Думы), для которых антимигрантская риторика традиционно является выигрышной картой в предвыборной борьбе.

«Строительные бригады эти [«таджики». – К.Г.], с одной стороны – это скорость, качество, кто ж скажет, что это плохо. С другой стороны, от них особых проблем не вижу, не скажу, что проблемы от них».

Реализация большинства проектов в сельских поселениях, даже самых незначительных, практически все частное строительство планируется и реализуется исключительно с привлечением «серых «таджиков». Спектр «объектов», на которых используется труд «серых «таджиков» крайне широк – от сооружения дощатых торговых киосков до реставрации церкви.

Подобная практика стала привычной, повседневной и воспринимается как само собой разумеющаяся. Более того, формируется все более явное предпочтение в выборе между местными и иностранными рабочими в пользу «серых «таджиков». И выбор этот диктуется не только дешевизной мигрантского труда, но и массой других факторов: сложившейся репутацией, готовностью к любой работе, ответственностью, трезвостью.

«Они такие, что мы к ним обратимся, когда нам нужно. Например, сколотить киоски для рынка мы взяли нерусского парня. Он сколотил, бесппроблемно! Съездил, гвозди купил, деньги взял, сколотил. Нам нравится. Сейчас вот мы будем стелу делать к 60-летию по-

беды. Так мы не говорим, что где бы нам взять «Ивана Ивановича» да найти! Мы говорим, где бы нам взять нерусского парня, чтобы он нам сделал фундамент, потом камень устанавливать и т. д., и т. д. Это уже становится традицией».

Эта «традиция» отражает проигрыш местных строительных бригад в конкуренции со строителями-«таджиками». Бригады строителей из местного населения уже практически не встречаются и воспринимаются местным сообществом как воспоминание из «колхозного прошлого». Исключение составляют лишь наиболее сложные строительные специальности, специфичные для условий Сибири, прежде всего – печники.

«Это уже ушло в небытие – бригады строительные свои [местные. – К.Г.], и, как правило, они сейчас если и существуют, то это предприимчивый какой-то местный житель, он набирает такую вот по ситуации нужную бригаду. Допустим, кто-то там хорошо брус кладет, кто-то хорошо ложит печь, ну и т. д. Т. е. вот такие вот бригады по ситуации. А постоянной бригады из местных жителей, чтобы она постоянно работала и к ним обращались – я не знаю...»

Иными словами, местное население оказалось постепенно вытесненным с рынка строительства. Не имея ощутимых преимуществ в профессиональных качествах, местные рабочие начинают прибегать к этномиграционному фактору в конкуренции с «серыми «таджиками». В районе масштабных строек в пригородах Иркутска все чаще встречаются объявления от строительных бригад, в которых подчеркивается их «русский», «местный» состав (рис. 1). Однако оценить, насколько эффективно использование этого фактора, крайне сложно. Пока же строительно-ремонтная сфера экономической жизни Пригорода прочно связана с «таджиками», и ее устойчивость, похоже, напрямую зависит от присутствия мигрантов.

Заняв обширную экономическую нишу, вписавшись в местное сообщество, «таджики» начинают все активнее «вписывать» местное сообщество в свою жизнь. Пожалуй, наиболее ярким и неожиданным проявлением этого процесса является наем мигрантами местного населения в качестве чернорабочих на поденную работу. Как правило, в качестве таких поденщиков нанимают неквалифицированных местных жителей из неблагополучной социальной среды. Наем всегда носит поденный характер и не предполагает сколько-нибудь длительного участия «копалок» в работе бригады «серых «таджиков».

Рис. 1. Объявление в районе дачно-коттеджного массива в 7 км от Иркутска, август 2010 г.

«К сожалению, к большому сожалению, если иностранцы берут в свои бригады русских мужчин, то это те мужчины, которые вот, знаете, не сильно умелые — «копайки», «копалки» вот называют. Вы знаете, вот те, которым невозможно доверить сложную работу... А всегда, когда работы строительные, есть работы «копальные», можно сказать, для того чтобы положить фундамент, нужно вначале выкопать ров, где-то это техника, где-то ручная работа. <...> И вот, кто такие «копалки» — те, кто мешает раствор там палкой, ну ... почему-то русские, как правило, на подмоге. А так, чтоб постоянно в бригаде был... — я по крайней мере не могу сказать».

Отчетливым маркером такой формы взаимодействия мигрантов и местного сообщества стало устойчивое понятие «копалки», «копайки». Возникший, вероятно, в строительных бригадах «серых «таджиков», он уверенно расшифровывается местным населением как *«те, кто не могут самостоятельно качественно сделать, <...>*

разнорабочие, которые носят — «унеси-принеси», выкопай, поддержи» и используется в большинстве случаев для обозначения местных («русских») поденщиков у «таджиков». Закрепление и довольно широкое использование этого понятия, на мой взгляд, свидетельствует о том, что этап первичной адаптации «таджиков» (не индивидуально каждого, разумеется, а в качестве новой социальной группы в местном социуме) закончился. Если ранее «таджики» искали свое место в принимающем сообществе, то ныне, прочно заняв найденную нишу в экономической жизни Пригорода и фактически монополизировав ее, мигранты все более уверенно пытаются изменить сложившиеся правила игры.

В последние два года, несмотря на экономический кризис и рост безработицы, услуги «таджиков» (прежде всего — «серых») резко подорожали. Стоимость работ выросла в 1,5-2 раза, а иногда и больше. Причем нередко длительный торг не дает результатов — бригада (точнее, выступающий от ее лица «бригадир» или «мастер») или отдельные мигранты, подрабатывающие «на стороне» помимо основной работы, предпочитают отказаться от заказа, но не снижают запрошенную цену. Столь смелые, даже рискованные шаги, как мне представляется, могут быть сделаны лишь на фоне осознанной монополии и, как следствие, зависимости местного сообщества от мигрантов. Примечательно, что это произошло на фоне весьма благоприятной для местной экономики ситуации с трудовыми ресурсами. Численность населения трудовых возрастов до последних 2-3 лет была максимально высока и даже росла. Уровень безработицы же на селе достаточно высок для того, чтобы теоретически подтолкнуть безработных к работе в тех отраслях, которые сейчас заняли мигранты. В перспективе же численность населения трудоспособных возрастов будет очень быстро сокращаться, что создаст еще более благоприятную конъюнктуру для иностранных рабочих.

* * *

Сделанные наблюдения, позволяют прийти к нескольким выводам. Несмотря на их предварительный — в силу недостаточной пока основы для генерализации - характер, они представляются достаточно важными для понимания динамики взаимной адаптации иностранных мигрантов и принимающего общества в сибирских регионах.

Как видно, процесс взаимодействия иностранных мигрантов и принимающего общества вышел за пределы пространства Города.

За городской чертой он не только не затормозился в силу меньшего объема рынка, более низкой платежеспособности сельского населения и тому подобных факторов. Напротив, он приобрел новые, отличные от городских, формы и, похоже, заметно большую динамику. В основе этого явления — более широкий спектр путей и механизмов взаимной адаптации мигрантов и местного сообщества в Пригороде крупного города, чем собственно в Городе или Селе.

Менее формализованная жизнь Пригорода способствует более высоким темпам адаптации и большей степени взаимной интеграции иностранных мигрантов и местного сообщества. Интересы иностранных рабочих и местного сообщества (в том числе и администраций муниципалитетов нижнего уровня), по крайней мере, в экономической сфере, здесь достаточно близки. В отличие от позиции государства, сохраняющего (несмотря на существенную либерализацию) контрольно-ограничительную логику миграционной политики в отношении трудовой миграции, местная власть прямо заинтересована в присутствии иностранных мигрантов, прежде всего — «таджиков».

Вполне очевидна и заинтересованность местной власти в максимальном уходе от контрольных и ограничительных мер, которые сложились в рамках действующей системы приема иностранных трудовых мигрантов. Эти меры зачастую не только ничего не дают муниципалитетам — как административным органам и местным сообществам в целом, но и, напротив, затрудняют решение повседневных проблем и текущих вопросов. В результате складывающееся противоречие выталкивает местные сообщества и местную власть в сферу неформальных практик взаимодействия с иностранными трудовыми мигрантами.

Глубина и степень взаимной адаптации иностранных трудовых мигрантов (в частности, «таджиков») и местного сообщества в Пригороде выводит на повестку дня проблему «дня без мексиканца»¹, а применительно к Сибири — «дня без «таджика». Местные сообщества и, прежде всего, локальный малый и средний бизнес только начинают осознавать сформировавшуюся взаимозависимость. В системе же государственной власти и местного самоуправления ни на низовом, ни на каком-либо ином уровне эта проблема не только не ставится, но даже и не осознается.

Между тем сложившаяся система отношений может свидетельствовать о начале нового этапа в процессе взаимодействия иностранных трудовых мигрантов и местного сообщества. Этапа, на

¹ Jeffrey H. Cohen. Where do they go? "A day without Mexican", a perspective from south of the border // Migration letters, 2006. Vol. 3. N 1. April. Pp. 77-86.

котором вопросы «нужны или не нужны мигранты?» и «на каких условиях они нам нужны?» могут стать уже неактуальными, а на повестку дня выйдет более жесткий вопрос — «Можем ли мы жить без «таджиков?»».

**Раздел 3. Использование «богатства недр»
и миграционные режимы: неформальные
практики адаптации мигрантов
в исторической динамике**

О природе институциональных изменений: неформальные хозяйственные практики мигрантов на российском Дальнем Востоке

«История имеет значение. Она имеет значение не просто потому, что мы можем извлечь уроки из прошлого, но и потому, что настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов общества»¹, — так начинается предисловие к русскому изданию классической работы Д. Норта, на которую ссылается, наверное, добрая треть современных исследователей общественных наук.

Что такое непрерывность институтов общества? *Институты* — есть взаимодействия «формальных правил, неформальных ограничений и способов инфорсmenta, то есть порядка обеспечения действенности этих ограничений»². Можно сказать иначе, что *институциональные ограничения* — это набор имеющихся у актора (будь то правительство или мигрант) возможностей, определяемых формальными правилами (законами, указами и т.п.) и легальными способами их поддержания (полиция, таможенный контроль и др.), а также неформальными ограничениями. Неформальные ограничения³ разделяются на индивидуальные моральные принципы и, что важнее, социальные нормы, т. е. разделяемое группой, сообществом понимание того, что допустимо и что нет. Таким образом, каждый раз, делая выбор в пользу какого-то хозяйственного решения (*провезти контрабанду?*), актор оказывается между институциональными ограничениями (*таможенниками и тюрьмой, одобрением группировки и стыдом*), которые, кстати, позволяют снизить проблему неопределенности и неполноты информации при обосновании решения. Выбор в пользу какого-то решения напрямую зависит от *мотивации*, которая не всегда задается максимизацией прибыли в духе «*Homo economicus*», а также от *природы координации*⁴ между акторами, которая может иметь характер принуждения, анархии, сотрудничества и т. п. *Возвращаясь к примеру с контрабандой, предположим, что мотивацией к ее осуществлению является обеспечение своей*

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / фонд экон. книги «Начала». М., 1997. С. 12.

² North D. The Role of Institutions in Economic Development. UNECE Discussion Paper Series. 2003. № 2.

³ О большем значении социальных норм в сравнении с формальными правилами см.: Posner R. A., Rasmusen E. B. Creating and Enforcing Norms, With Special Reference to Sanctions// International Review of Law and Economics. 1999. 19b (3)a. Pp. 369–382.

⁴ О механизмах координации см.: Тевено Л. Множественность способов координации: Равновесие и рациональность в сложном мире/ пер. с фр. А. Олейника // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 69–84.

семьи едой, а выполняет эту задачу бездетный и молодой член семьи по принуждению/давлению со стороны своей семьи, лица, наделенного большими правами контроля.

Другой пример обоснования и выбора решения, определяющего хозяйственную жизнь региона и влияющего на жизнь двух стран, представлен далее – в работе Т.Н. Сорокиной о «Сахалинском инциденте». Вступивший в должность приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти «занял самую жесткую позицию в деле ограничения китайской иммиграции» и принял «обязательным постановлением» изменение в существующих паспортных правилах. Бесспорно, действия Гондатти были ограничены существовавшими формальными ограничениями (актами по поводу миграционного законодательства) и способами их поддержания (среди которых большое значение имела деятельность МИД), а также и неформальными правилами (спектр которых очень широк – о некоторых из них см. в статье Т.З. Позняк) и их последствиями (вероятно, одно из основных – жесткая экономическая зависимость Благовещенска от поставок из Маньчжурии, о которых так ярко пишет Т. Сорокина). Ключевыми же механизмами выбора решения об институциональной новации, конечно, стали мотивация приамурского генерал-губернатора («строгая регистрация китайцев для избавления от “заведомо нежелательных засельщиков”» и «лишний доход казне»).

Зависимость от траектории предшествующего развития – есть непрерывность развития институтов общества, которая имеет характер инкрементный/постоянный, а также дискретный/прерывистый. Постоянный характер развития указывает на эволюционность развития общества: даже если в один день поменялась большая часть формальных правил, неформальные (*определяемые культурой, традициями и т. д.*¹) продолжают жить. Они постоянно изменяются, трансформируются, адаптируются, но не позволяют начать строить институциональную структуру общества «с чистого листа». В свою очередь, прерывные институциональные изменения (*шоковая либерализация и прочие «прелести» перехода к рынку в РФ – яркий пример таких изменений*) не могут быть полностью дискретными. Именно зависимость от прошлого (*неприятие частной собственности, большая доля «черного рынка» в постсоветской России*) не позволяет легко внедрить новые институты². Вообще, революционные, дискретные

¹ Эта «культурная определенность» хорошо соотносится с концепцией «укорененности», предложенная Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 68.

² Анализ причин слабой приживаемости рыночных институтов, возможные отклонения и технологии, позволяющие надеяться на повышение эффективности институционального дизайна см.: Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24-50.

институциональные изменения редко дают тот результат, на который рассчитывают дизайнеры, именно из-за того, что действующие неформальные ограничения трансформируют «приживляемый трансплант»¹.

Несколько примеров зависимости от траектории предшествующего развития дает статья Н. Рыжовой. В частности, показано, что принимаемые институциональные новации в области природоохранного законодательства современной России слабо учитывают траекторию развития неформальных правил, вводятся так, будто строительство нового социального порядка в рыболовстве или охоте происходит «с нуля», чем создают основу для закрепления в целом экстралегального характера институционального развития.

Очень важно, что *зависимость от траектории предшествующего развития*² не означает неотвратимость и неизбежность последовательности событий, а лишь указывает на сужение набора имеющихся альтернатив³.

При этом *долгосрочные институциональные изменения* – это результат накопления бесчисленных краткосрочных решений политических и экономических агентов. Те выборы, которые они делают, отражают их субъективное понимание внешней информации. Поскольку внешняя информация всегда неполна, не приходится надеяться, что будет выбрано самое эффективное решение, но иногда, впрочем, это может происходить.

Таким образом, изучение институциональных изменений предполагает: систематизацию институциональных ограничений (формальных и неформальных правил); понимание побудительных мотивов принятия решений (природы координации и мотивации); выявление причины дискретных институциональных изменений; анализ «остатков», т. е. тех неформальных ограничений, которые продолжают существовать после принятия дискретных институциональных решений.

История имеет значение?.. Или более точно и в духе классической работы Д. Норта – *зависит ли развитие современных институтов, определяющих или ограничивающих экономический рост рос-*

¹ Трансплант – т. е. импортируемый институт.

² Концепт т. н. «path dependency» неоднократно становился объектом критики в том смысле, что, конечно, исследователи согласны с тезисом о значимости истории. Но оценка причинно-следственных связей – задача отнюдь не тривиальная. Количество экзогенных параметров практически не позволяет сделать это доказательно. Об этой и других сложностях применения концепта см.: David, Paul A. Path dependence, its critics and the quest for 'historical economics' // P. Garrouste and S. Ioannides (eds), *Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present*, Edward Elgar Publishing, Cheltenham, England, 2000.

³ О зависимости от траектории предшествующего развития, а также обсуждение, почему после прохождения некоторой точки процесс действительно может становиться необратимым, см.: Arthur W.B. *Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events* // *The Economic Journal*. 1989. Mar. V. 99, № 394.

сийского Дальнего Востока, от траектории предшествующего, исторического развития этого региона? Ответ, очевидно, положителен, если рассматривается временной континуум: то, что происходило в 2000-х напрямую связано с 1990-ми. А если исторические события отстоят друг от друга на 100 лет? Да к тому же разорваны революциями, войнами, коллективизациями, перестройками и прочими институциональными потрясениями? Возможно, ответ опять очевиден и теперь отрицателен в том смысле, что даже при очевидной похожести исторических сюжетов нет никакой зависимости позднего института от раннего.

Конечно, чтобы ответить на вопрос о зависимости и сделать это убедительно, потребовалось бы *последовательно* изучить политические, экономические и правовые системы, влиявшие на колонизацию Дальнего Востока с середины XIX в. до наших дней, исследовать переплетение взаимосвязанных формальных и неформальных правил и способов их инфорсmenta. Показать существовавшие альтернативные варианты, стимулы и ограничения, приведшие к предпочтению политическими и бизнес-элитами одних институциональных решений перед другими.

Понятно, что такая сверхзадача если и может быть выполнена, то для изложения результатов понадобится больше одного раздела сборника, да, впрочем, и не одна книга. Мы ограничились наш интерес к институциональной динамике только теми институтами, что так или иначе связаны с внешними миграционными процессами Дальнего Востока.

Некоторые шаги в реализации интереса представлены на страницах этого сборника в эмпирических сообщениях об изменении институциональных режимов границы и неформальных практиках мигрантов современной и дореволюционной России.

В работах А.В. Алепко, Н.Ж. Ивановой и Т.З. Позняк показан спектр неформальных практик и выявлены некоторые побудительные мотивы принятия мигрантами повседневных экономических решений, составляющих в конечном итоге процесс эволюционного институционального развития. Попытка увидеть, как принимаемые мигрантами решения отражаются в СМИ, представлена в тексте М.Н. Ковальской. Целесообразность включения такого эмпирического сообщения в логику нашего анализа обосновывается тем, что деятельность мигрантов, отражаясь и тем самым становясь разделяемым принимающим обществом *знанием*, становится дополнительным неформальным ограничением для их последующего выбора и косвенно, но, возможно, даже в большей степени для выбора властями решений в их отношении.

Попытки выявления причин дискретных институциональных решений, принимаемых властями, и, что еще важнее, направлений трансформации неформальных ограничений после принятия таких решений, представлены в работе Н.П. Рыжовой и двух текстах Т.Н. Сорокиной.

Изменения правил перехода границы для китайцев в Приамурском крае в 1911–1912 гг. и «Сахалинский инцидент»

В данной статье на примере детального изучения одной законодательной новации, касающейся правил перехода границы китайцами и инициированной приамурским генерал-губернатором без санкций на то центральных властей и без согласования решения с Министерством иностранных дел, показано, как институциональные изменения влияют на жизнь местного населения и к каким следствиям в международных отношениях приводят.

Основные этапы иммиграционной политики приамурских властей

С момента присоединения Приамурья и Приморья к России до Первой мировой войны включительно отношение русских властей к присутствию в крае китайских подданных прошло длительный и сложный путь, который условно можно подразделить, используя для обозначения слог приамурской администрации, на несколько вех: *«привлечения»*, *«стеснения»*, *«ограничения»* и вновь *«привлечения»*.

Первый период так называемого «вынужденно благоприятного отношения» продолжался в течение первого двадцатилетия владения краем и был обусловлен действием правил 26 марта 1861 г. Новый период начался с высочайше утвержденного 26 января 1882 г. мнения Госсовета, по которому все установленные правилами 26 марта 1861 г. на двадцатилетний срок льготы по землевладению и по освобождению от всяких налогов были продлены лишь для русских подданных, а главной «стеснительной» мерой на долгие годы стал закон 17 мая 1888 г. и так называемые «правила о порядке выдачи китайским подданным русских билетов» или, проще говоря, паспортная система. Политика ограничения притока иммигрантов из соседних восточных стран началась после «злополучной» войны 1904–1905 гг. с проекта «ограничения наплыва желтой расы» П.Ф. Унтербергера, обсуждение которого в конечном итоге вылилось в принятие закона 21 июня 1910 г., и дальнейших попыток выработки уже иммиграционного законодательства.

«Проект иммиграционного закона для областей Дальнего Востока» последнего приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, составленный накануне Первой мировой войны, потерпел фиаско в результате изменившегося в центре взгляда на китайскую имми-

грацию в условиях мобилизации военного времени — после призыва в армию нужда в рабочих не только на Дальнем Востоке, но и в остальной России настолько обострилась, что правительство решило временно приостановить действие мероприятий, направленных на ограничение пользования трудом китайских рабочих. Если использовать слог официальных документов той эпохи, проблема «ограничения наплыва желтой расы» во время войны сменилась необходимостью выработки «условий применения в Империи труда желтых рабочих», иначе, вновь началось их «привлечение». Круг замкнулся.

Понятно, что выделение этих основных вех очень условно и грани между ними весьма зыбки и расплывчаты, особенно между «стеснением» и «ограничением», поскольку, по сути, это одна и та же политика, с одинаковыми целями и методами, но в разных условиях и масштабах. Ограничение притока китайских иммигрантов в дальневосточный регион России было одной из трудноразрешимых проблем, с которой приходилось сталкиваться в разной степени всем, без исключения, приамурским генерал-губернаторам. Регулирование процессов вселения и проживания выходцев из Срединной империи в дальневосточных областях России всегда являлось важнейшим направлением иммиграционной политики приамурских властей, ядро которой составляли выработка определенного порядка перехода государственной границы и паспортная система. Почти каждый приамурский генерал-губернатор пытался привнести в эту систему свои изменения, пытаясь учесть потребности времени, но используя опыт своих предшественников.

В течение длительного времени условия вселения китайских подданных в дальневосточных областях России определялись особыми правилами, введенными еще при первом приамурском генерал-губернаторе бароне А.Н. Корфе в середине 1880-х гг. (с 1 мая 1885 г. в Приморской области и с 1 августа 1886 г. — в Амурской). Согласно этим правилам, доступ китайцев в пределы Приамурского генерал-губернаторства разрешался только через определенные пограничные заставы. При переходе границы каждый китайский подданный был обязан предъявить национальный паспорт для наложения визы, уплатив за это 30 коп. По визированному национальному паспорту можно было проживать в пределах Российской империи в течение одного месяца со дня наложения визы, после чего необходимо было «выбрать» русский билет, уплатив за него 1 руб. 20 коп. Тогда же бароном А.Н. Корфом был установлен дополнительный сбор в 30 коп. на покрытие канцелярских расходов, связанных с введением паспортной системы, при этом основной сбор зачислялся в государственную казну, а дополнительный оставался в распоряже-

нии местных губернаторов. Китайские подданные, не имевшие национальных паспортов или русских билетов, высылались за границу как бродяги. Русский билет выдавался на один год, затем его надо было обменять на новый с уплатой предусмотренных правилами пошлин. За уклонение от своевременного приобретения русского билета предусматривался штраф в размере 5 рублей¹.

Поскольку установленные высшей местной властью правила законной силы не имели, А.Н. Корф инициировал в Петербурге принятие закона 17 мая 1888 г., по которому приамурскому генерал-губернатору, «в виде опыта на 10 лет», предоставлялось право «облагать проживающих в крае корейцев и китайцев, если они не владеют недвижимою в крае собственностью и не производят в нем торговых оборотов, особыми сборами по его, губернатора, усмотрению»². С изданием этого закона, составившего статьи 344 и 345 Учреждения Сибирского, правила о паспортном сборе с китайцев не только получили законодательное подтверждение, но и с 1889 г. были распространены также и на корейцев.

Паспортные правила с течением времени изменялись, главным образом в части размеров сборов, повышение которых традиционно вызывало большое неудовольствие китайской стороны, также регулярно дискутировался порядок перераспределения сборов и уточнялись места перехода границы. Так, по инициативе военного губернатора Приморской области, которую одобрил и поддержал генерал-губернатор С.М. Духовской, сбор с китайцев в середине 1890-х гг. был увеличен до 5 руб. при сохранении штрафа в прежнем размере. Новый сбор складывался из: налога в казну (4 руб. 10 коп.), сбора на канцелярские расходы (30 коп.) и гербового сбора (60 коп.). Эти правила были введены с 1 января 1894 г. в Приморской области и с 1 января 1895 г. — в Амурской.

По прошествии 10 лет действие закона 17 мая 1888 г. регулярно продлевалось — сначала ежегодными «Высочайшими повелениями», а затем, по закону 21 июня 1910 г., «впредь до введения в действие общего иммиграционного закона»³, который так и не был принят. Закон 21 июня 1910 г. хотя и несколько ограничивал экономическую деятельность китайцев, но совершенно не позволял регулировать их допуск к проживанию в русских пределах. Поэтому закон 17 мая 1888 г. долгое время оставался, по сути дела, единственным средством ограничения притока иммигрантов, причем, по общему признанию, малоэффективным.

¹ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 47. Л. 71-73.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 23. Л. 377.

³ Там же. Л. 366.

Паспортные правила, регулировавшие прибытие и проживание в Приамурье выходцев из Китая, оказались совершенно несостоятельными в борьбе с их ежегодно увеличивавшимся наплывом, так как фактически не исполнялись. Зачастую китайские подданные переходили границу в более удобных для них местах, минуя пограничные заставы, оставались незамеченными в тайге или просто откупались от преследований русской полиции. Предусмотренная правилами льгота проживания в крае без русского вида на жительство в течение одного месяца приводила к тому, что многие китайцы, даже перейдя границу в положенном месте с визированием национального паспорта, разбрелись по краю и не выкупили русских билетов. Замечание о том, что «значительное число китайцев уклоняется от выборки установленных билетов» — одно из наиболее часто встречающихся в разного рода донесениях лиц и учреждений, ответственных за выдачу русских паспортов, и представлениях губернаторов областей и приамурских генерал-губернаторов по этим вопросам. Л. Богословский, автор записки «Крепость Владивосток и китайцы», подсчитал, например, что «по данным официальной статистики паспортный сбор за 1907 г. исчислялся в 200 тыс. рублей, а должен быть (в соответствии с количеством китайцев, проехавших через Владивосток. — Т.С.) не менее 800 тыс. рублей¹. Очень распространенными явлениями были проживание по чужим билетам и подделка паспортов. Высылка за границу обнаруженных безбилетных китайцев давала незначительные результаты, так как отправленные на родину нарушители обычно через пару месяцев возвращались обратно. Местные власти признавали, что «вся постановка дела надзора за китайцами и взимания с них сборов страдает серьезными дефектами»².

Тем не менее такая система, несмотря на усиленные попытки приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера в 1908-1909 гг. ввести новые правила, просуществовала до назначения в 1911 г. главным начальником края шталмейстера двора его императорского величества Н.Л. Гондатти, который по вступлении в должность занял самую жесткую позицию в деле ограничения китайской иммиграции. Новый приамурский генерал-губернатор своей властью изменил некоторые положения существующей системы, чем вызвал, с одной стороны, массу протестов китайского правительства, с другой — недовольство Министерства иностранных дел тем, что распоряжения были изданы без предварительной консультации с ним, что привело к внешнеполитическим осложнениям, в частности, к так называемому «Сахалинскому инциденту» 1912 г. — мало-

¹ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 566. Л. 185.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 45. Л. 5.

известному, но очень поучительному эпизоду в русско-китайских отношениях.

«Сахалинский инцидент» – это события, происшедшие в китайском местечке Сахалин (Хэйхэ), расположенном напротив Благовещенска, летом 1912 г. после введения приамурской администрацией новых правил перехода границы порубежными жителями в Амурской области. С одной стороны, это был, казалось бы, малозначительный инцидент, «бой местного значения». С другой стороны, в решение этого конфликта были вовлечены с двух сторон не только местные пограничные власти, но и высшее начальство края, дипломатические миссии и правительства в лице глав внешнеполитических ведомств, а местное русское население вновь заговорило о «желтой опасности», вспоминая события 1900 г. и готовясь к войне. Кроме того, этот эпизод весьма поучителен для понимания роли китайцев в жизни дальневосточной окраины и служит прекрасной иллюстрацией к экономической зависимости русского Приамурья от Китая, особенно Маньчжурии. А его разрешение показало, что в очередной раз возобладали политические «государственные» интересы над «обывательскими» интересами населения дальневосточной окраины. Обширная переписка по этому вопросу, составляющая довольно объемное дело «О правилах перехода границы» в фонде Тихоокеанского стола Архива внешней политики Российской империи¹ и будет в центре нашего внимания.

«...для избавления края от заведомо нежелательных засельщиков»

Вступив в должность приамурского генерал-губернатора, Н.Л. Гондатти сразу же обратил внимание на то, что при получении русского вида на жительство китайцы уплачивали 60 коп. гербового сбора, тогда как по новому уставу его сумма составляла 75 коп. Он возбудил ходатайство об изменении размера паспортного налога, и вопрос этот быстро был разрешен правительством «в положительном смысле», то есть в июне 1911 г. паспортный сбор был увеличен еще на 15 коп. и стал составлять, таким образом, 5 рублей 15 коп. А в следующем году был изменен и порядок уплаты сбора, вызвавший протесты китайской стороны. Чем же были вызваны изменения?

Крупные беспорядки в Китае в 1911-1912 гг., связанные с событиями Синьхайской революции, вызвали усиленное движение в Приамурье китайцев, «рассчитывавших получить здесь и покой, и обеспеченный кусок хлеба». Н.Л. Гондатти предполагал, что из-за

¹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. 139 л.

вступления в силу закона 21 июня 1910 г.¹, запрещавшего труд иностранцев на казенных работах, «китайцам предстояло обмануться в своих ожиданиях, и поэтому краю грозила опасность быть наводненным безработными, пополняющими, как этому есть много доказательств, ряды самого неблагонадежного элемента, из которого обыкновенно составляются хунхузничьи шайки, партии охотников-хищников, истребляющих естественные богатства края, и, наконец, кадры самых разнообразных преступников, на что указывает население тюрем края»².

Поэтому он и счел необходимым немедленно, до начала навигации 1912 г., принять какие-либо специальные меры к устранению опасности, «грозившей мирному течению местной жизни». С этой целью в начале апреля 1912 г. обязательным постановлением приамурского генерал-губернатора была изменена ст. 4 существующих паспортных правил, разрешавшая китайцам в течение месяца жить в пределах Приамурского края по визированному национальному паспорту³. Теперь прибывавшие в край китайцы обязывались выбирать русские билеты тотчас по вступлении на русскую территорию. Нововведение это, по мнению Н.Л. Гондатти, давало, во-первых, лишний доход казне, поскольку лишало китайцев возможности в течение льготного месяца разбрестись по краю, а стало быть, более или менее легко избежать обязательства выборки русских билетов, так как «следить при существующих условиях полицейской службы в крае за проживающими в нем китайцами почти невозможно», а во-вторых, и в главных, таким путем создавалась строгая регистрация китайцев, что было особенно важно для избавления края от «заведомо нежелательных засельщиков»⁴. Реакция на это нововведение последовала незамедлительно.

Телеграммой от 18 апреля 1912 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов сообщал Н.Л. Гондатти, что к нему обратился китайский поверенный в делах с просьбой об отсрочке применения изданного генерал-губернатором постановления, обязывающего китайцев выбирать русский вид на жительство тотчас по приезде во Владивосток, так как выехавшие с родины купцы, незнакомые с новым распоряжением, оказываются в «тяжелом положении». В заключение министр спрашивал, считает ли Гондатти возможным исполнить

¹ Закон 21 июня 1910 г. вступал в силу с 1 января 1911 г.

² Там же. Л. 99.

³ Приведем полностью эту статью «Правил о порядке выдачи в Приморской области китайским подданным русских билетов»: «4) По китайскому паспорту, визированному вышесказанным порядком, китайский подданный имеет право прожить беспрепятственно в пределах Российской империи в течение одного месяца, считая со дня наложения визы. По истечении этого срока он обязан взять русский билет у одного из лиц, упомянутых в следующем пункте» (РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 47. Л. 71.).

⁴ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л. 99.

просьбу китайского поверенного. На что главный начальник края незамедлительно телеграфировал: «Решительно признаю невозможным не только отменить, но даже видоизменить свое обязательное постановление относительно срока выборки китайцами видов на жительство. Подробности письмом. Гондатти»¹.

В дополнительном письме в МИД от 7 мая 1912 г. он объяснил, что его распоряжение было вызвано «безусловной необходимостью», приведя вышеуказанные аргументы об ущербе казне и упорядочении регистрации китайцев. Удовлетворить просьбу китайского поверенного в делах об отсрочке распоряжения он признал «безусловно невозможным». Почему? Основная масса китайцев прибывала в край ежегодно в весенние месяцы через Владивосток, а поскольку в текущем году это движение уже началось, то «представлялось особенно важным внести новый порядок немедленно, иначе он потерял бы на этот год значительную часть своего значения».

Гондатти также сообщал, что после установления нового порядка к нему обратился китайский генеральный консул во Владивостоке с ходатайством, чтобы правило это не распространялось на купцов, проезжающих через нашу территорию лишь транзитом. Для таких купцов он просил установить особые бесплатные удостоверения, дающие им право жительства в крае в течение полумесячного срока. Генеральный консул мотивировал свою просьбу тем, что во Владивосток морем приезжает много «купцов-переселенцев», следующих далее по Уссурийской и Китайской Восточной железным дорогам транзитом в пограничную с Россией Маньчжурию. Гондатти, как следует из письма, в удовлетворении этого ходатайства отказал по двум причинам: во-первых, потому что «крайне трудно» было проследить за тем, чтобы транзитные пассажиры не оставались в крае, уклоняясь от регистрации и выборки русских паспортов, а во-вторых, он полагал, что «способствовать колонизации Маньчжурии путем предоставления китайским переселенцам легкого и удобного проезда через Приморскую область совершенно не в наших интересах»².

В начале июня в МИД поступила секретная телеграмма уже из Пекина, из Императорской миссии, от действительного статского советника В.Н. Крупенского по поводу протеста, заявленного китайским министром иностранных дел против новых правил, введенных для китайцев на русской границе. Поводом к протесту послужила жалоба китайского генерального консула во Владивостоке на то, что русские власти требуют от переходящих границу или приезжающих на пароходах китайцев «немедленной выборки рус-

¹ Там же. Л. 1-2.

² Там же. Л. 3-4.

ского билета с уплатой значительного сбора, чего не существует относительно других иностранных подданных». Китайский министр просил отменить эти правила, так как «новые мероприятия не соответствуют принципу сближения двух наций». Глава Императорской миссии, считая, что в своем протесте китайцы «переносят дело на принципиальную почву и ставят вопрос о распространении на них принципа наиболее благоприятствуемой нации», испрашивал указаний, как отвечать китайскому МИДу («Вайбубу»), и разрешить ли российским консульским представителям официально сообщить текст новых правил местным китайским властям. При этом В.Н. Крупенский посетовал на то, что правила эти остаются «до сих пор неизвестными Императорской миссии»¹.

В ответ одновременно, 9 июня, были отправлены две секретные телеграммы министра иностранных дел: одна – приамурскому генерал-губернатору Гондатти в Хабаровск, другая – в Российскую миссию в Пекине Крупенскому. Уведомляя генерал-губернатора об официальном протесте китайского правительства, Сазонов заверил его, что протест будет отклонен («Мы, конечно, отвергнем протест...»), но при этом попенял ему за проявленную инициативу без совета с МИДом («...задача Министерства иностранных дел облегчилась бы, если бы Вы, ранее принятия мер, хотя бы бесспорно не противоречащим трактатам, ознакомляли Министерство и Миссию в Пекине с Вашими предположениями. Задачи, преследуемые Вами, от этого не пострадали бы, а мы могли бы легче сгладить трения с Китаем, что важно с точки зрения нашей общей политики»). И просил срочно отправить в Миссию текст правил, поскольку без них невозможно было дать обоснованный ответ².

Во второй же телеграмме В.Н. Крупенскому были даны инструкции, как отвечать представителям китайского внешнеполитического ведомства. Сначала С.Д. Сазонов напомнил, что подобные протесты против паспортного сбора уже неоднократно ранее предъявлялись китайским правительством, но оно никогда не могло обосновать их определенной ссылкой на трактаты, «ибо принцип наибольшего благоприятствования для Китая не обязателен в договорах его с нами». А затем рекомендовал объяснить китайскому министру, что дополнительный сбор идет на экстренные санитарные меры, проводимые исключительно в отношении китайцев («не применяющихся к туземцам и другим иностранцам»). И было бы несправедливо возлагать на государство расходы, которые оно вынуждено производить ради иностранцев. Что же касается немедленного взыскания сбора при переходе границы, то такой порядок введен из-за массо-

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Л. 6.

вого уклонения китайцев от его уплаты («пользуются льготным месяцем, чтобы ускользнуть от регистрации»)¹.

Пока Министерство иностранных дел и Российская миссия реагировали на протесты китайской стороны по поводу изменения ст. 4 паспортных правил, посыпались новые ноты, гораздо более «энергичные», спровоцированные еще одним нововведением приамурского генерал-губернатора.

По распоряжению Н.Л. Гондатти в марте 1912 г. специальным совещанием был выработан новый порядок перехода границы порубежными жителями до этого, по его мнению, фактически неурегулированный. Он считал, что это совершенно необходимо «при установившихся оживленных сношениях по делам ежедневной необходимости русских с китайскими пределами и китайцев с нашими», тем более что под видом приграничных жителей в край проникали большей частью обитатели внутренних областей, не имевшие национальных паспортов и не помышлявшие потому о выборке русских билетов. Они и составляли контингент беспаспортных и незарегистрированных китайцев, т. е. «элемент далеко неблагоприятный», который, разойдясь по Приамурью, делал контроль за ним со стороны полиции, при ограниченности ее состава, совершенно невозможным.

Этот новый порядок перехода границы порубежными жителями, не распространяющийся на лиц, прибывающих на пароходах или по железной дороге, заключался в следующем: пропуск приграничных китайцев по сельскохозяйственным и другим надобностям разрешался только по специальным пропускным билетам, составленным на русском языке, выдаваемым китайскими пограничными властями. Эти пропуска были действительны только в 50-верстной пограничной полосе в течение трех дней и оплачивались 75-копеечным гербовым сбором при переходе границы. Вопрос о том, какие именно пограничные власти Китая должны выдавать билеты на переход границы, губернатору предстояло решить совместно с пограничным комиссаром. Переход границы по этим билетам допускался через таможенные пункты («исключительно через пункты нахождения таможенного надзора»), где таможенные чиновники должны были взыскивать гербовый сбор и штемпелевать предъявляемые билеты, а при обратном следовании за границу — отбирать их. Виновные в переходе границы, минуя таможенные посты, привлекались к ответственности по ст. 1038 Устава таможенного, а просрочившие билеты без уважительных причин, как беспаспортные, подлежали передаче ближайшему полицейскому чиновнику, который также должен был письменно удостоверить и «уважительность» просрочки билета. Для

¹ Там же. Л. 7-8.

установления на границе контроля за соблюдением правил и порядка регистрации переходящих границу китайцев в таможенных учреждениях губернатор должен был «войти в сношение с начальником таможенного округа»¹.

«Обнаглевший поселок...»

Новые правила были разосланы губернаторам пограничных областей в виде «инструкции приамурского генерал-губернатора» от 2 мая 1912 г., а вступить в силу должны были с 1 июля этого же года. Начавшееся их претворение в жизнь в назначенные сроки и привело к «Сахалинскому инциденту», а необходимость уплаты 75-копеечного гербового сбора послужила непосредственным поводом к нему. Реакция местного китайского населения на взимание таможенниками нового сбора при переходе границы была довольно бурной.

Свидетелем этих событий оказался находившийся здесь в командировке правитель канцелярии Комитета по заселению Дальнего Востока тайный советник Г.В. Глинка. Вот как он описывает их в своей телеграмме главноуправляющему землеустройством и земледелием, которую он отправил 5 июля, уже покинув Благовещенск: «...оставил Благовещенск большой тревоге, общем смущении. Настояния начальника края провести наконец в жизнь закон о паспортах китайцев и устранить обход его, похожий на глумление над нашими законами, вызвали недовольство сахалинской толпы, не желающей подчиняться необходимости брать или паспорт или временные свидетельства, сопряженные с расходом на марки 75 коп. Обнаглевший поселок осмелился задержать силой, вопреки распоряжению паспортного даотая, если правдивы его заявления, все находящиеся на китайской стороне продовольственные грузы и гурты монгольского скота, назначенные для города и на север, принадлежащие русским, оплаченные уже русскими деньгами. Дошло до прекращения свободного сообщения с китайским берегом. Местный дипломатический агент бездействует. Местная власть лишена решительности освободить русское имущество от насилия. В виду самого Благовещенска при наличии военной силы и даже близости нашей канонерки, которую можно вызвать через сутки, все ожидают разъяснений, указаний из Хабаровска, где необходимо для принятия мер соглашение двух начальников. Телеграфные сношения благодаря особой медленности телеграфа здесь, требуют часто несколько суток. Наличие скота в городе не превышает ста голов, суточная потребность более 80. Завтра город останется без мяса, отправка скота на север на дорогу, где тысячи рабочих, остановлены.

¹ Там же. Л. 73.

Все это последствие самовольства ничтожного поселка. Тяжелое у многих удручающее чувство побуждает сообщить вам эти сведения. Глинка»¹. Копия этой телеграммы была передана в МИД С.Д. Сазонову.

Позднее более подробно эти события были изложены в донесениях российскому посланнику в Пекине и в первый департамент МИДа вице-консульства в Айгуне. По сообщению вице-консула В.К. Никитина от 14 июля, «брожение среди китайцев началось не сразу по введении 75-коп. сбора, а лишь с 3 июля, когда новое ограничение было оценено по достоинству»². На китайском берегу в Сахаляне скопилась значительная толпа рабочих, мелких торговцев, не желавших платить новый сбор, и силой задержали все находившиеся на китайской стороне уже оплаченные продовольственные грузы и гурты монгольского скота, предназначенные для Благовещенска и области, принадлежавшие русским скототорговцам. Вице-консул не «бездействовал» — несмотря на болезнь, он пытался оказать на местного даотая, недавно переселившегося на постоянное место жительства из Айгуни в Сахалян, «должное воздействие в целях побудить китайские власти занять спокойное положение до решения вопроса в окончательной форме». Более того, даотай пообещал вице-консулу и пограничному комиссару оказать содействие к беспрепятственному пропуску на русскую сторону уже закупленного скота, его даже начали перегонять для погрузки на баржи, но тысячная толпа китайцев разогнала весь гурт, не допустив его до погрузки, а сам даотай едва не пострадал при этом. Благовещенские власти оказались не в состоянии освободить грузы.

Поражает, как быстро в стихийное сопротивление толпы сахалянского городского самоуправления и местное отделение коммерческого общества сумело внести элементы организованности. Как писал В.К. Никитин, «начавшись среди рабочей массы, скопившейся здесь за последнее время в избытке, оно перекинулось затем в среду городского самоуправления и в общество по защите национальных интересов». Уже утром 4 июля было созвано заседание, в котором участвовали представители китайского купечества, администрации и других слоев общества. Заседание это постановило бойкотировать русские товары, ввозимые на китайский берег, и прекратить вывоз в Благовещенск овощей и других продуктов, а также избрать делегатов и отправить их в разные пункты по Амуру и Сунгари, поручив им вести энергичную пропаганду о проведении аналогичных мер.

¹ Там же. Л. 13. Часть знаков препинания и предлогов, которые в источнике заключены в скобки дешифровщиком телеграммы, здесь приведены без таковых, и несколько пропущенных знаков препинания расставлены автором.

² Там же. Л. 32.

Кроме того, эти делегаты должны были убедить население не давать дров и провизии русским пароходам, а лесные заставы не должны были пропускать лес, предназначенный к сплаву в Благовещенск «на вольную продажу». В Харбин отправили трех видных представителей с поручением организовать там бойкот, а именно не давать русским пароходоладельцам грузов, не продавать никаких зерновых продуктов, повысить для русских цены и не покупать их товаров¹.

Китайцы ударили по самому слабому месту – зависимости Благовещенска и области (прежде всего района строительства Амурской железной дороги) от китайского продовольствия, прежде всего в снабжении мясом. 5 июля военный губернатор Амурской области созвал экстренное совещание из представителей различных ведомств, чтобы выяснить, «насколько отзовется в населении китайский бойкот». Выяснилось, что в городе имелось около 300 голов скота, из которых 200 было предназначено для войск и потребностей «Амурки», на остальные 100 мог рассчитывать город (при точной потребности, как писал Глинка, «более 80» голов), то есть население и войска должны были остаться без мяса. На мясо, хлеб и овощи цены в Благовещенске поднялись в первый же день осложнений и продолжали ползти вверх, что вызывало, по донесению вице-консула, «всеобщее неудовольствие при настроении, которое близко можно назвать угрожающим»². На экстренном совещании Биржевого комитета составили срочную телеграмму приамурскому генерал-губернатору, в которой описали всю ситуацию и просили принять незамедлительные меры.

Тем временем в Сахалине происходили мелкие столкновения между толпой, продавцами овощей и полицией. Торговцы овощами терпели убытки и пытались тайно отправить их на русскую сторону, а толпа наказывала «штрейкбрехеров». Во время стычек полиция даже пустила в ход оружие, правда без трагических последствий для кого-либо, но благовещенские обыватели, памятуя события 1900 г., опасались «попадания пуль рикошетом в город», была поднята шумиха в прессе. Прекратился также сбыт китайского золота в русские банки (раньше ежегодно китайцы продавали до 400 пудов).

Любопытно, что вице-консул предвидел подобное развитие событий, во всяком случае в его донесении то и дело встречаются фразы «как и следовало ожидать...» или «предположения относительно возможности нежелательных последствий от внезапно принятой приамурским генерал-губернатором меры стеснения перехода границы китайскими жителями не замедлили оправдаться» и т. п.

¹ Там же.

² Там же. Л. 31.

Кроме того, к его донесению были приложены самые разные вырезки из благовещенских газет по горячим следам событий, под заголовками «Конфликт», «К бойкоту», «Бойкот» и т. п. с очень широким спектром реакции местного населения на них — от беспристрастного «новостийного» изложения событий до серьезной критики приамурского начальства. Одни давали советы, как выкрутиться из сложного положения с продовольствием. Например, были предложения поставлять мясо из Монголии через Сретенск, овощи покупать у корейцев («без овощей обойдемся — есть у корейцев»), а хлеб привозить из Западной Сибири. Поскольку «коммерсанты из боязни убытков не рискнут на выписки» хлеба (так как сибирский хлеб обойдется значительно дороже маньчжурского), то хлебные запасы должно сделать городское самоуправление. Самым серьезным считался вопрос о топливе для пароходов — 50% всех дровяных запасов находилось на китайской стороне¹.

Других больше интересовал вопрос, «как повлияет тактика китайцев на русское правительство: вынудит ли его отменить ограничения или заставит прибегнуть к другим мерам?», и они пытались прогнозировать ситуацию. Высказывались предположения, что бойкот не был «задуман самим населением», а организован по приказу из Пекина и не может продлиться долго, так как он невыгоден самим китайцам («он бьет по карману китайцев»). Автор статьи «Бойкот» (некий «R.»), например, писал: «Допустим, что рубль окажется бессильным и не ускорит прекращения бойкота и китайцы осуществят свои угрозы задержки скота. Не нужно быть пророком, чтобы предугадать, что последует дальше. При настоящем соотношении сил русское правительство не пойдет на уступки, даже под угрозой занятия китайской территории. А китайцы, думается, не настолько ослеплены, не настолько переоценивают свои силы, чтобы допустить до такого финала»².

Третьи высказывали мысли по поводу несвоевременности этой меры и их прогнозы были иными. Например, автор заметки «Маньчжурия и Амур» за подписью «Баян» выступил с критикой новых мероприятий приамурского генерал-губернатора. С одной стороны, автор относит Н.Л. Гондатти к разряду государственных деятелей крупной величины, обладающих «недюжинным умом и большим опытом», пишет, что меры, проводимые им, «поражают обывателя своей энергичностью и зачастую даже парадоксальностью», и «было бы большим легкомыслием отнести эти меры к разряду тех несуразных административных экспериментов, которыми так богата русская жизнь». Более того, он горячо приветствует стремление

¹ Там же. Л. 34.

² Там же. Л. 36.

шталмейстера Гондатти вырвать Приамурье «из постоянной рабской зависимости от Китая, которая сказывается на каждом шагу». (Речь идет об экономической зависимости.) Но, с другой стороны, оценивая последние нововведения, автор считает их незаконными, поскольку паспорта и все документы, относящиеся к ним, свободны от гербового сбора.

Приведем заключительную образно-критическую часть статьи полностью: «Таким выходом Гондатти признал немедленное удаление китайцев с русской территории, где они живут за наш счет, обогащая свою страну. Гондатти решил удалить ту причину, которая мешает успешной колонизации края, но... Приамурью нужна серьезная операция — это верно, — но не нужно забывать, что врач только тогда имеет право приступить к ампутации, когда у него под рукой достаточно перевязочного материала, и он уверен, что больной не изойдет кровью. В данном случае Приамурье — больной с ампутированной рукой, исходящий кровью. Шталмейстер Гондатти, изгоняя китайцев в то время, когда Приамурье переживает наисерьезнейший момент своей жизни, делает промах. Он останавливает жизнь края в тот момент, когда она наиболее интенсивно пульсирует. Экономическая война китайцами объявлена в тот момент, когда у нас не только нет никаких боевых запасов, но нет даже патронов на первый бой. Нет сомнения, что мы потерпим поражение»¹. В итоге прогноз автора, скрывавшегося под псевдонимом «R», оказался более точным.

«...вступить в переговоры относительно отмены всех новых распоряжений»

После 1 июля протесты по поводу 4-й статьи стали уже не актуальны, так как в Российскую миссию посыпались новые жалобы. Посланник В.К. Крупенский в телеграмме управляющему МИД от 9 июля сообщал: «Ныне Вайбубу обратился ко мне с двумя ногами, в коих, не касаясь более вопроса об уменьшении льготного срока для обмена национальных паспортов на русские китайцами, приезжающими в Приамурье, он энергично протестует против введения с 1 июля новых правил о переходе границы порубежными жителями, на которые китайское правительство не может согласиться и просит отпустить арестованных нашими властями за несоблюдение этих правил китайцев, так как подобная мера не соответствует постановлениям договоров о свободной торговле в 50-верстной полосе». Поскольку Крупенский считал, что эти правила действительно не соответствуют договору 1881 г. о торговле с Китаем («казалось бы

¹ Там же. Л. 37.

идут в разрез...»), он просил снабдить его указаниями, как на сей раз отвечать китайскому правительству¹.

Началась активная переписка Российской миссии в Пекине с двумя внешнеполитическими ведомствами (китайское правительство подавало одну за другой ноты против новых правил, упирая на их несоответствие трактатам, а посланник у российского МИДа испрашивал инструкций, как отвечать на эти ноты, и, со своей стороны, предъявлял претензии «Вайбубу» по поводу самоуправства населения Сахалина), а также между министром иностранных дел, российским посланником и приамурским генерал-губернатором по поводу новых правил (двое первых более всего добивались, чтобы Гондатти им прислал текст правил, а последний отстаивал необходимость их введения).

Все ноты («сообщения») китайского министра иностранных дел, которые В.Н. Крупенский представлял в МИД, примерно одинаковы — в них содержались, как правило, донесения пограничных китайских начальников (гиринского или хэйлунцзянского) о новых правилах, доведенных до их сведения пограничным комиссаром, ссылки на трактаты, в соответствии с которыми «порубежные подданные обеих стран должны иметь свободу передвижения» в 50-верстной полосе, упреки к российским властям за то, что они «неожиданно» вводят «чрезмерные ограничения в условия прибытия китайцев в русские пределы и перехода границы», тогда как Китай никаких ограничений не создавал. И в заключение сообщают, что министерство не может согласиться на новые правила и просят отменить их «во имя дружбы». Например, в сообщении от 6 июля китайский министр заявлял, что не признает требования русских властей о выборе билетов порубежными жителями и что «действия эти вызывают серьезное и справедливое негодование китайских подданных и противоречат вложенному в основу договорных постановлений между обоими государствами принципу дружеских отношений»².

Докладывая о событиях в Сахалине главе правительства В.Н. Коковцеву (телеграмма от 6 июля), Гондатти пояснил, что несмотря на недовольство жителей Сахалина, точное соблюдение установленных правил представляется ему «безусловно необходимым в видах ограждения вверенного ему края от наплыва разного рода преступного элемента из Маньчжурии и Монголии», тем более что правила эти были сообщены им 24 мая нашему посланнику в Китае и возражений с его стороны не вызвали. В.Н. Коковцев обратился

¹ Там же. Л. 16.

² Там же. Л. 22-23, 24-25, 42 и др.

с просьбой в МИД сообщить свое мнение по этому поводу¹. А.А. Нератов, товарищ министра иностранных дел, в свою очередь, запросил посланника в Пекине: «Приамурский генерал-губернатор телеграфирует, что правила были сообщены Вам и возражений не вызвали. Какие положения правил могут противоречить договору с Китаем?»².

В.Н. Крупенский ответил, что 24 мая приамурский генерал-губернатор прислал ему лишь копию своего предписания губернаторам от 2 мая с изложением временно установленных правил перехода границы порубежными китайцами. Его заключения при этом не спрашивалось. Из письма он понял, что правила эти введены в действие тогда же, а не предполагались к введению с 1 июля, как это теперь оказалось. Протест китайцев, полученный им одновременно с письмом генерал-губернатора, не касался правил для порубежных жителей, поэтому он и не возражал против них, тем более что генерал-губернатор основывал их на требованиях «безусловной необходимости». По мнению посланника, три пункта правил противоречили договорам: во-первых, требование обязательной выборки свидетельств на русском языке; во-вторых, взимание 75-коп. сбора и, в-третьих, ограничение тремя днями пребывания китайцев в русских пределах. Он предполагал, что китайцы, вероятно, не будут возражать, исходя из паспортной практики, только по первому пункту. В.Н. Крупенский также сообщил о донесении вице-консула в Айгуне В.К. Никитина, из которого следовало, что все участники комиссии, собранной военным губернатором по поводу новых правил, высказались против этой меры, считая, что она вредно отразится на интересах русских жителей, так как левый берег Амура находится в экономической зависимости от порубежных китайцев. Никитин просил, чтобы «наши пограничные власти никаких ограничительных мер против китайцев не принимали без предварительного сообщения проекта их на заключение комиссии»³.

Поскольку приамурский генерал-губернатор настаивал на своем и основывал требование об уплате 75-коп. гербового сбора на двух статьях Устава о гербовом сборе, не считая его противоречащим договору с Китаем 1881 г., Крупенский просил указаний у министра иностранных дел, «должен ли он ответить китайцам в смысле отзыва шталмейстера Гондатти».

Русская сторона, считая действия китайцев «незаконными и противными международному праву», требовала пропустить грузы без всяких условий, а китайские власти связывали это дело напрямую с новыми правилами перехода границы, особенно акцентируя

¹ Там же. Л. 15-16.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 29.

внимание на том, что это инициатива снизу, что «местные торговцы пришли в законное негодование по поводу мер, стесняющих пограничную торговлю, и для китайских властей является крайне затруднительным силою принудить их»¹. Поэтому, по мнению китайской стороны, единственный выход из положения — отменить гербовый сбор, вернуться к прежнему порядку. Российский посланник в Пекине, со своей стороны, получив инструкцию не связывать это дело с новыми правилами (поскольку скот и товары были закуплены до 1 июля), на все ноты неизменно отвечал, что «самоуправство» сахалинского населения является следствием «попустительства местных властей» и не может быть оправдываемо ссылкой на новые правила, и просил предписать местному даотаю принять меры для немедленного пропуска задержанных русских товаров и скота.

Так «перепирались» больше двух недель, пока наконец по инициативе китайской стороны не было найдено компромиссное решение: поскольку китайские власти не могли принудить раздраженное китайское население перевозить продукты на левый берег Амура, они предложили русским купцам самим переправиться через реку за товарами и обещали пропустить их обратно, но с условием, после разрешения этого дела вступить в переговоры относительно отмены всех новых распоряжений. Как следует из телеграммы В.Н. Крупенского от 19 июля в МИД, китайцы просили его воспользоваться этим «наипростейшим способом разрешения настоящего дела и вступить в переговоры относительно отмены всех новых распоряжений»².

Таким образом, инцидент был улажен или, как позднее писал об этом Н.Л. Гондатти, «...недовольство это скоро улеглось, и пограничные сношения приняли нормальное течение»³. Переписка об отмене новых правил затянулась затем на долгие месяцы. 24 августа 1912 г. российский посланник в Пекине официальной нотой уведомил китайское правительство об отмене 50-верстной пограничной полосы с 1 января 1913 г.⁴ и получил от министра иностранных дел

¹ Там же. Л. 38.

² Там же. Л. 45.

³ Там же. Л. 101.

⁴ Осенью 1911 г. из-за наступавшего срока окончания действия торгового договора между Россией и Китаем, заключенного в 1881 г., начались переговоры в Петербурге по его пересмотру. 25 октября российское правительство вручило китайскому уполномоченному свои контрпредложения. Это приблизительно совпало с началом Синьхайской революции в Китае. Цинское правительство, отвлеченное своими неурядицами, оставило эти предложения без ответа. Российское правительство неоднократно напоминало китайцам о том, что надо довести переговоры до конца, но безуспешно. 24 августа 1912 г. российский императорский посланник послал ноту с уведомлением, что российская сторона будет считать Петербургский договор 1881 г. остающимся в силе на новый 10-летний срок, то есть до 7/21 августа 1921 г. В этой ноте и было заявлено об отмене 50-верстной пограничной полосы с 1 января 1913 г. (АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1037. Л. 3-14.).

инструкцию затягивать переговоры о правилах перехода границы до этого срока.

С сентября 1912 г. последовали протесты от пограничных властей Гиринской провинции против введения новых правил. Российский консул в Гирине князь Д.В. Мещерский просил главу Миссии в Пекине связаться по этому поводу с китайским правительством, так как, по заявлению даотая, местные власти не могли согласиться «на принятие наших мер без предписания из Пекина». В.Н. Крупенский спросил, «какого образа действий держаться относительно протестов китайцев против новых правил и в каком отношении эти правила находятся к сделанному нами заявлению китайскому правительству об отмене с 1 января 1913 г. 50-верстной полосы»¹. Ответ министра иностранных дел С.Д. Сазонова (телеграмма от 21 сентября) был чрезвычайно любопытным. Оказалось, что «заявлением об упразднении льготной полосы предполагалось помочь ликвидировать вопрос об этих правилах». Поскольку в министерстве так и не было текста внесенных в правила изменений, они до сих пор не имели возможности судить «о правильности» протеста китайцев. С.Д. Сазонов вообще считал «нежелательным отменять раз введенные правила», поэтому было принято решение «затянуть вопрос до 1 января 1913 г., когда с отменой льготной полосы мы получим свободу действий в вопросе о переходе китайцами нашей границы»².

Таким образом, получается, что введенные по инициативе Н.Л. Гондатти без санкции правительства новые правила перехода границы для китайцев и отсутствие их текста в министерстве оказали самое непосредственное влияние на принятие решения об отмене 50-верстной полосы.

В ответ на еще одну попытку Гондатти объяснить, что именно и почему он изменил в существующих правилах (письмо от 5 августа 1912 г.), министр иностранных дел «журил» приамурского генерал-губернатора: «Не касаясь существа изменения, я лишь укажу на последствия, которые произошли вследствие введенных изменений в систему перехода нашей границы китайцами. Несомненно, если бы до издания правил, представили бы на одобрение Министерства иностранных дел, то было бы легко избежать нежелательных инцидентов, как последний случай в Сахалине. До сих пор не получено текста вновь изданных Вами правил, каковые вызвали столь упорный и горячий протест китайского правительства. Не имея возможности из-за отсутствия изданных распоряжений определенно высказаться по их существу, я могу лишь на основании донесений наших представителей в Китае вынести заключение, что некоторые

¹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1027. Л. 67.

² Там же. Л. 69.

положения правил идут наперекор действующим договорам». С.Д. Сазонов указывал на крайнюю необходимость сообщать проектируемый текст новых постановлений, касающихся иностранцев и «могущих затрагивать договоры», на заключение в МИД и Миссию в Пекине, прежде чем проводить их в жизнь¹.

Но, несмотря ни на какие протесты и даже угрозы китайских дипломатов, упреки министра иностранных дел и российского посланника в Пекине, непонимание ближайших коллег из приамурской администрации, Н.Л. Гондатти твердо стоял на своем, не желая идти на уступки², снова и снова убеждая правительство в том, что условия перехода китайцами границы во вверенном ему генерал-губернаторстве представляется ему «единственными», отвечающими интересам Приамурского края, «будучи в то же время освящены практикой и основаны на духе закона империи»³. Спустя почти два года после введения изменений в порядок перехода границы китайцами, шталмейстер Н.Л. Гондатти с удовлетворением отмечал, что этого времени вполне хватило, чтобы достаточно ясно доказать, насколько новые требования оказались целесообразными на практике и «оправдали предположения, имевшиеся в виду при их выработке».

¹ Там же. Л. 53.

² Единственной уступкой можно считать продление действий пропускных билетов для порубежных жителей до 5 дней. В феврале 1914 г. Н.Л. Гондатти сообщил в МВД и МИД: «В настоящее время, в виду выяснившийся недостаточности 3-дневного срока упомянутых пропускных билетов, что особенно замечается русскими в сезон сенокосения, заготовки дров, леса и пр., я признал возможным продлить действие этих билетов, как для китайцев, так и для русских, до 5 дней, причем последним в отдельных случаях пропуски могут быть выдаваемы и на более продолжительные сроки до 1 месяца; во всем остальном практика пропуска через границы порубежных китайцев остается без изменения» (Там же. Л. 101).

³ Там же.

Формальные и неформальные экономические практики иммигрантов на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.)

Массовый приток иммигрантов из бывших союзных республик, Китая и других зарубежных стран стал важным фактором экономического развития России. Несовершенство законодательной базы и практики регулирования миграций и адаптации мигрантов привели к таким негативным последствиям, как криминализация иммигрантских сообществ, активное включение их в неформальную экономику, усиление антииммигрантских настроений в обществе. Исследователи подчеркивают тесную связь между этнической и неформальной экономикой в России, часто оставляя без внимания вопрос – является ли участие иммигрантов в неформальной экономике (включая криминальные сферы) их особенностью или в той же мере характерно и для представителей принимающего общества.

Обращение к этой проблеме на примере российского Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. не случайно, ведь спецификой заселения региона был массовый приток иммигрантов из сопредельных азиатских стран. Численность выходцев из Китая, Кореи и Японии в Амурской и Приморской областях на 1 января 1894 г., по данным официальной статистики, составляла около 46 тыс. чел. (16,1% населения)², а к 1 января 1914 г. – уже 160,4 тыс. чел. (16,6%)³. Нелегальная миграция, особенно в период сезонных работ, радикально увеличивает эти цифры.

Особенности хозяйственной деятельности и экономической адаптации азиатских иммигрантов, их роль в развитии региональной экономики во второй половине XIX – начале XX в. достаточно хорошо изучены в исторической литературе⁴. Это дает возможность

¹ Позняк Татьяна Зиновьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

² Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1895. С. 5.

³ Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915. Прил. 1; Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1912-1913 гг. Благовещенск, 1915. Табл. 1.

⁴ Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX в.). Омск, 1999; Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004.; Позняк Т.З. Социокультурная и экономическая адаптация японцев на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) // Векторы культуры Тихоокеанской России: история и современность. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 30-47; Позняк Т. З. Азиатские иммигранты на Дальнем Востоке России: особенности экономической адаптации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Шестые Гродковские чте-

сосредоточиться на неформальных практиках экономической адаптации китайских иммигрантов и причинах их широкого распространения, а также на сравнительном анализе использования неформальных практик в своей хозяйственной деятельности разными группами иммигрантов и русским населением. Проведение подобного сравнительного исследования затрудняется отсутствием в источниках соответствующих статистических данных, поэтому судить о данном явлении можно только на основе анализа разрозненных фактов.

По мнению ряда исследователей, неформальная экономика делится на два качественно разнородных блока: теневая и домашняя. Мы сосредоточим свое внимание на теневой составляющей, включая криминальные практики. К ней можно отнести хозяйственные практики, совершаемые в обход формальных институтов, при этом возможно не тотальное, а селективное их игнорирование. Бреши игнорируемых норм часто заполняются нелегальной или полунелегальной системой правил, дублирующих корпус официальных норм, и даже установлением квазиконтрактных нелегальных отношений с легальными и нелегальными партнерами¹.

В фокусе исследовательского внимания две основные группы мигрантов: отходники, прибывавшие в регион для сезонных заработков, но иногда остававшиеся на два-три года, и иммигранты, жившие на российской территории десятилетиями. Они выезжали на родину лишь время от времени, но сохраняли с нею довольно тесные деловые и родственные связи (мелкие и средние предприниматели, владельцы недвижимости, прислуга, служащие частных компаний и пр.).

Экономическое поведение и практики хозяйственной конкуренции

Экономика региона в значительной степени зависела от их труда в обрабатывающей и добывающей промышленности, в портовых

ния: материалы межд. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке». Хабаровск, 2009. Т. 1. С. 112-121; Тамура Айка. Японская иммиграция на российский Дальний Восток во второй половине XIX – первой трети XX в. (по источникам и литературе на японском языке): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007; Белоус Б.С. Хозяйственная деятельность японских иммигрантов на юге Дальнего Востока России и политика администрации Приамурского края (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007; Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60-90-е годы. Владивосток, 2000; Петров А.И. Корейская диаспора в России. 1897–1917 гг. Владивосток, 2001.

¹ Барсукова С.Ю. Неформальная экономика и сетевая организация пространства в России // Мир России. 2000. № 1.

погрузо-разгрузочных работах, в строительстве, на муниципальных работах по благоустройству городских улиц, ассенизации, водоснабжению. Это было обусловлено, в первую очередь, нехваткой русских рабочих, дальностью пути и дороговизной их доставки из европейской части России. Кроме того, по мнению современников, преимущественное использование китайского труда было связано со снижением издержек предпринимателя из-за минимальных потребностей китайских рабочих. При найме иммигрантов исключались также расходы на доставку рабочих в регион, не требовалось обеспечение их жильем и питанием. В противном случае эти расходы должен был нести подрядчик, высчитывавший их впоследствии из заработка рабочих, либо артель, вскладчину арендуя жилье, нанимая повара и закупаая продовольствие.

Российские предприниматели жаловались на «бестолковость» китайских рабочих: незнание русского языка, законов создавало трудности при найме на работу и при ее выполнении. Спасением была артельная организация труда. Должности подрядчиков и старшин занимали, как правило, китайцы, прожившие какое-то время на российской территории, выучившие необходимые азы русского языка, знакомые с особенностями организации тех или иных работ, с российским законодательством, наладившие связи среди российских предпринимателей и чиновников. Они оговаривали вопросы найма и оплаты, руководили работами артели, включая распределение по рабочим местам и пр. Наниматель, которому гарантировалось исправное исполнение работ в оговоренные сроки и в нужном объеме, вступал в отношения не с каждым отдельным рабочим, а с китайским подрядчиком или старшиной¹.

Дискуссия между сторонниками и противниками применения иностранного труда велась на протяжении всего рассматриваемого периода, обе стороны высказывали множество аргументов за и против. И даже если большинство так называемых достоинств азиатских иммигрантов были не реальными преимуществами, а только стереотипными представлениями, они глубоко проникли в среду предпринимателей и влияли на их предпочтения при выборе рабочей силы.

Важным конкурентным преимуществом была общинная взаимопомощь. Благодаря этнической солидарности китайцы получали предпочтение при найме на работу на предприятия земляков, нуждающимся оказывалась материальная поддержка, а также помощь в

¹ Вильчинский Ф.Л. Рабочие силы промышленных предприятий Приморской области: стат. исслед. Владивосток, 1904. С. 8-9; Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Тр. Амурской экспедиции. СПб., 1912. Вып. 11. С. 54-60; Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. Вып.2. СПб., 1912. С. 89-101; Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897. С. 58-59.

бытовом обустройстве, информационном обеспечении. Д.И. Шрейдер обратил внимание на «странную» солидарность, распространенную среди китайцев: те из них, кто уже нашел себе работу, кормили, содержали тех, кто работу еще не нашел¹. По словам Ф.Л. Вильчинского, китайские купцы оказывали благотворительную помощь рабочим, оставшимся без работы². Подобная взаимовыручка существовала, впрочем, и среди других иммигрантских общин (немцев, корейцев, японцев и др.). А также и среди русских сетей, объединявших родственников, земляков, лиц одного социального круга, представителей некоторых религиозных общин. Отличались, вероятно, масштабы распространения и степень включенности представителей разных этнических групп в данное взаимодействие.

На российском Дальнем Востоке основой экономического успеха иммигрантов, вне зависимости от их этнической принадлежности, был поиск и успешное освоение пустующих рыночных ниш, а не вытеснение местных предпринимателей. Региональная экономика складывалась одновременно с притоком переселенцев из России и иммиграцией из зарубежных стран. В экономической сфере иммигранты были поставлены во многих отношениях в равные юридические условия с местными предпринимателями. При этом иммигрантские сообщества успешно использовали ряд преимуществ.

Одной из составляющих успеха было проживание в регионе значительного числа соотечественников. Большая часть китайских предприятий ориентировалась на удовлетворение собственных нужд общины — создание харчевен, закусовых, постоянных дворов, шлюпочных мастерских, лавок по продаже национальной одежды и обуви, львиная доля потенциальных доходов от этой деятельности ускользала от российских и европейских предпринимателей.

Освоение некоторых рыночных ниш (не всегда престижных и высокодоходных), даже монополизация некоторых из них китайцами и корейцами, произошло в результате не только более высокой деловой активности, но и более низкой стоимости работ. Китайские предприниматели часто выигрывали торги, проводившиеся городскими управами на подряды по выполнению работ по ассенизации, освещению и благоустройству улиц в дальневосточных городах за счет предложения наиболее низкой стоимости их исполнения.

Современники отмечали, что конкурентные преимущества китайцев в торговле складывались за счет целого ряда организационных и управленческих приемов и способов ведения дел: участия служащих в прибылях; взаимного кредитования; снижения издержек путем исключения расходов на рекламу, страхование, аренду

¹ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 76-79.

² Вильчинский Ф.Л. Указ. соч. С. 5.

жилья; уменьшения затрат на отопление, освещение, ведение документации, аренду складских помещений и многое другое¹. Выстраивались патерналистские отношения «хозяин — рабочий». Создание у работников иллюзии общей заинтересованности в деле позволяло усиливать эксплуатацию и минимизировать расходы.

Этническая консолидация и групповая мобилизация играли не последнюю роль в экономической адаптации иммигрантов в заведомо неблагоприятных условиях иноэтничного окружения с неизвестными правилами и нормами поведения, ведения бизнеса, чужого языкового пространства. Консолидация выступала средством, обеспечивавшим доступ к первоначальному капиталу для открытия собственного дела, включенность в необходимые сети: оптовик — розничные торговцы, производитель услуг, товаров, торговец — потребитель и пр. Даже китайская прислуга была включена в систему корпоративных связей и использовала их для личного обогащения. «Бои» — китайская прислуга, в основном мальчики подросткового возраста — покупали товар для хозяев, в домах которых они служили, в тех лавках на базаре или в магазинах, где им платили комиссионные, зарабатывая на этом сами и давая заработать торговцам, с которыми они были связаны родственными или земляческими узами².

Китайцы интуитивно или осознанно выбирали те виды торговли, ремесленной или сервисной деятельности, которые позволяли минимизировать конкуренцию со стороны русских предпринимателей или других групп иммигрантов. Они делали ставку на наиболее востребованные потребителями услуги и зачастую монополизировали их за счет низкой цены, выдавливая конкурентов, а затем вновь повышали цену. По свидетельству В.В. Граве, китайцы, используя свою фактическую монополию в мелочной торговле и солидарность, устраивали «стачки на цены даже на предметы первой необходимости, сбавляя цену на менее ходовой товар»³. Нарушители, т. е. те, кто либо не снижал, либо не повышал цены вместе со всеми, подвергались наказаниям вплоть до остракизма, побоев. Это касалось не только торговли, но и других сфер деятельности. Масштаб распространения подобных практик среди китайцев, однако, не стоит преувеличивать.

Важную роль в мобилизации сил, налаживании корпоративных связей играли национальные общества. Среди китайцев эти функ-

¹ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 23-24; Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке // Тр. Амурской экспедиции. Вып. 8. СПб., 1911. С. 189; Граве В.В. Указ. соч. С. 28-30; Сорокина Т.Н. Указ. соч. С. 67.

² Граве В.В. Указ. соч. С. 52; Дальний Восток. 1895. 16 апр., 25 июня.

³ Граве В.В. Указ. соч. С. 35-36.

ции выполняли торговые палаты и общества взаимопомощи. Региональные чиновники озабоченно констатировали, что «общества, как легальные, так и нелегальные, объединившись между собой, представляют серьезную силу, с которой приходится считаться и местному купечеству и администрации. Благодаря прочной организации этих Обществ, китайцы прекрасно осведомлены о положении рынка, о кредитоспособности русских торгово-промышленных фирм и т. п. Такая осведомленность и тесная связь китайцев ставит их в весьма выгодное положение сравнительно с русскими купцами»¹.

Подобные практики были распространены и среди японцев. Они объединялись в профессиональные или земляческие общества, причем участие в них было делом не совсем добровольным². Одной из их функций было лоббирование интересов своей группы, устранение конкурентов: «...японцы, будучи организованы по профессиям, издают обязательные для всех товарищей по торговле и труду цены, ниже каковых, под страхом репрессий со стороны общества не может ни работать, ни торговать ни один японец. А это не может не отражаться на русском населении путем искусственно поднятых и вздутых японцами цен. Проведение в жизнь таких мер, как бойкот, возможно лишь при существовании подобного общества»³. Нарушители подвергались всеобщему «остракизму» вплоть до разорения. Это способствовало развитию собственного бизнеса и устранению конкурентов из других этнических групп.

Клановость, корпоративность была характерна и для молокан в Амурской области. Большинство их торговых домов или товариществ состояли из представителей одной большой семьи, близких или дальних родственников, лиц, связанных брачными узами, причем браки, как правило, заключались в рамках молоканской общины. Было развито взаимное кредитование, объединение капиталов и имущества, стремление к монополизации некоторых сфер деятельности. Они практиковали сговор с целью повышения цен и устранения конкурентов. Летом 1885 г. в Амурской области вследствие засухи случился неурожай зерновых. Цены на хлеб на местных рынках сразу выросли, в чем не последнюю роль сыграли молокане, фактически монополизировавшие хлебную торговлю. Согласно заявлению гласных (депутатов городской думы) в благовещенскую управу, хлеботорговцы лишали население возможности покупать хлеб непосредственно у крестьян⁴. Приемы молокан описал базар-

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 868. Л. 3.

² Граве В. В. Указ. соч. С. 204.

³ Бо. Устав общества японцев, проживающих во Владивостоке // Вестник Азии. Харбин, 1911. № 9. С. 77.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 299Л. 49-49 об.

ный староста Г. Файнберг в заявлении в управу от 12 июля 1885 г.: «... торгующие в ларях на базаре молокане, имея сторожевые посты на устье реки и караулы почти у всех их дорог по коим привозится в город мука скупают всю ее у крестьян и китайцев и затем произвольно берут цены, какие им желательно, так при покупке пайзы по 2 руб. 40 коп. за пуд продают по 3 руб. 30 коп., яричную, покупая 2 руб. и 2 руб. 20 коп., продают 2 руб. 70 коп.»¹.

Неформальные практики адаптации

Помимо относительно законных способов успешного ведения дела, китайцы использовали и незаконные. Они уклонялись от уплаты пошлин на торгово-промышленное предприятие или уплачивали налоги, не соответствующие его разряду. Будучи прекрасно осведомлены об особенностях русского законодательства и организации взыскания налогов и штрафов в случае их неуплаты, а также неспешности российской системы судо- и делопроизводства, китайцы виртуозно использовали это в своих интересах. Во время санитарных проверок и полицейских облав азиатских кварталов выявлялись прачечные, харчевни, парикмахерские и постоянные двory, не только не соблюдавшие санитарных норм, но и работавшие без надлежащих документов². В ходе генеральной проверки³ торговых заведений Владивостока в январе 1909 г. в Корейской слободке были выявлены 4 китайские харчевни и 11 небольших киосков по изготовлению и продаже китайских лепешек, работавших без документов на право ведения торговли⁴.

¹ РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 299Л. 50-50 об.

² Граве В.В. Указ. соч. С. 31-32; Мацокин П.Г. Оценка данных производств в японских, китайских и европейских ремесленно-промышленных заведениях гор. Владивостока за 1910–1911 гг. // Вестник Азии. Харбин, 1911. № 10. С. 6-7.

³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 334. Л. 6-7.

⁴ Во второй половине XIX в. лицо, занимавшееся предпринимательской деятельностью, должно было покупать так называемые торговые документы. Они делились на патентные и билетные. Торговые патенты (с 1865 г. свидетельства) делились на три разряда: оптовые, розничные и мелочные. Кроме того, были еще свидетельства на развозной торг, мещанские промыслы и приказчицы 1 и 2 классов, последние соответственно должны были приобретать предприниматели на своих служащих – приказчиков. Кроме свидетельств, предприниматели должны были выкупать билеты на каждое заведение – магазин, лавку, склад и т.п. Свидетельства 1-го разряда давали право без билетов иметь три заведения, 2-го разряда – одно. В 1898 г. был издан закон о промысловом налоге, согласно которому все виды предприятий и личные промысловые занятия облагались налогом. Он делился на основной и дополнительный. Основной налог взимался путем выборки промысловых свидетельств (которые различались в зависимости от вида деятельности, размеров оборотов и прибыли, класса местности). Для торговых предприятий было установлено пять разрядов, для промышленных – восемь. Дополнительный налог с капитала платили с предприятий, обязанных публичной отчетностью – акционерные общества. (см. подробно, напр.: Старцев А.В. Торгово-промышленное законодатель-

Однако незарегистрированные торгово-промышленные заведения часто открывали и русские предприниматели. Нелегальные заведения выявлялись как в ходе проверок, так и в результате поступивших в городскую управу заявлений. Во Владивостоке в феврале 1875 г. в управу поступила жалоба от содержательницы бани жены подпоручика Угрецова на существование в Матросской слободе нескольких бань, хозяева которых не имеют необходимых документов¹. Благовещенский мещанин Н.А. Курносков, содержатель постоялого двора, жаловался в управу 23 января 1889 г., что Е. Селезнев, Г. Черняев, О. Рузайкин, Н. Мякишев, К. Коршуков, П. Сулов, Г. Тутаков, Полежаева, Тутов, Ф. Палакин, А. Кольцов содержат постоянные дворы без документов². Налицо, с одной стороны, попытка незаконного предпринимательства, с другой — устранение недобросовестных конкурентов с помощью жалоб в управу. В ходе проверок выявлялись и иные нарушения — работа в лавках родственников — братьев, детей владельцев заведений без наличия у них приказчиных свидетельств или других документов на торговлю³.

Китайцы использовали разные виды откровенного мошенничества: продавали некачественный, испорченный и залежалый товар под видом хорошего, из середины куска ситца вырезали несколько аршин, из каждого мешка муки отсыпали по несколько фунтов и продавали как полный, вкладывали для веса в товар камни. Дальневосточные газеты пестрели сообщениями о подобных «плутнях» китайских торговцев⁴.

Русские торговцы, и даже крупные торговые дома, не гнушались такими же приемами или изобретали собственные. На начальном этапе освоения региона в условиях дефицита товаров среди русских торговцев широко практиковались спекуляции, продажа некачественных и залежалых товаров, накопление товаров на складах в ожидании окончания сезона подвоза и продажа его по завышенной цене, закупка пушнины у коренных народов по заниженной цене или неэквивалентный обмен на товары и пр.⁵. Примеров можно привести великое множество. В марте 1871 г. во Владивостоке отставной матрос Кузьма Школьников, временный купец второй гильдии, «продал жителям поста мясо больной и околевшей скотины»⁶. Распространенной уловкой были распродажи. В марте

ство и социально-правовой статус предпринимателей в России в XVIII – начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 1995. С. 8-15).

¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 4. Л. 176.

² РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 415. Л. 28-28 об.

³ РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 138. Л. 27; Д. 429. Л. 33-34.

⁴ Граве В.В. Указ. соч. С. 30-31; Сорокина Т.Н. Указ. соч. С. 74.

⁵ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. Владивосток, 1949. С. 45-47.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

1894 г. в Никольске-Уссурийском торговый дом «И.Я. Чурин и К^о» устроил грандиозную распродажу, сбывая явно залежалый и некачественный товар. Автор статьи в местной газете красочно описывал: «Публика, введенная в искушение скидкой от 25 до 75%, первые дни валом валила, приступом брала магазин. ... Но поговорка «дорого, да мило, дешево, да гнило», справедливая всегда, оправдалась и в данном случае. Один почетный отец семейства купил дюжину флаконов одеколона по 50 копеек за штуку, пришел домой, раскупорил один — бросил, раскупорил другой — бросил, третий, четвертый и т. д. до последнего; последний оказался годным — заплачено-то ведь 6 рублей. Вот так дешевка. Другой купил фуражку и только надел ее на голову, как она расплзлась в разные стороны»¹.

Китайцы широко практиковали хищническую и бесконтрольную добычу природных ресурсов (морской капусты, морепродуктов, женьшеня, пантов, древесного гриба, пушнины) и контрабандный вывоз добытого в Китай. С другой стороны, затраты на торговлю в России также удешевлялись за счет реализации контрабандных товаров. Вследствие слабого надзора, большинство товаров иностранного и китайского происхождения китайские торговцы ввозили для торговли в рамках 50-верстной полосы беспошлинной торговли, но затем они расходились по всему краю и поступали в китайские лавки.

Весьма выгодным занятием было производство и контрабанда ханшина из Маньчжурии². Спирт производился и проникал в Приморскую область главным образом с пограничной китайской территории, где были устроены специальные склады и он продавался не только оптом, но распивочно и на вынос в мелкой посуде. Контрабандой активно занималось приграничное население по обе стороны границы, но главными контрабандистами были русские, а китайцы и корейцы им уступали почти вдвое³. Казаки в приграничной полосе ввозили ханшин как для личного потребления, так и на продажу, они неоднократно оказывали вооруженное сопротивление чинам таможенной стражи⁴.

Другим примером «выгодного преступного бизнеса» может служить хунхузничество. Хунхузами называли организованные преступные сообщества — банды, занимавшиеся разбоем в Северном Китае и южных районах российского Дальнего Востока. Хунхузы занимались похищением людей с целью выкупа; разбоем и грабе-

¹ Коляда А.С., Кузнецов А.М. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету. Уссурийск, 1997. С. 77-78.

² Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк историческо-этнографический // Зап. Приамур. отд. ИРГО. Т. X. Вып. I. Хабаровск, 1914. С. 137.

³ Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1915. С. 104-105.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 719. Л. 4-6 об.

жом, объектами которого становились торговые лавки, ремесленные мастерские азиатских предпринимателей, китайские и корейские шаланды с грузами, почтовые телеги, пассажиры в поездах и пр. Банды хунхузов нападали на села, казачьи станицы, таможенные посты, китайские и корейские фанзы в окрестностях селений. Целью хунхузов были, как правило, китайские купцы и их имущество, однако, они не гнушались и более мелкой «добычей» — рабочими-приискателями, земледельцами¹.

Использование преступных способов добывания средств для жизни не было исключительно китайской чертой. Организация банд с целью грабежа, разбоя, регулярных поборов с населения практиковалась и среди русских. Показательным, но далеко не единичным примером может служить банда Григория Воловика, действовавшая на Сучане и долгое время терроризировавшая не только жителей своего села Уноши, но и окрестностей. Начальник Ольгинского уезда Н.И. Краснорепов, возможно, несколько сгущая краски, писал в рапорте военному губернатору Приморской области М.М. Манакину: «Под предводительством Григория Воловика эта шайка, совершая кражи, убийства, грабежи среди китайцев и корейцев, а также крестьян в Сучанском районе, держала население Сучанской долины в постоянном страхе... Селение Уноши, худшую часть общества коего составляли члены этой шайки, слыло разбойничьим селением, проходить и проезжать которое не решались смельчаки»².

Сравнительная дореволюционная статистика по поводу соотношения русского и китайского нелегального предпринимательства отсутствует. Проанализировав информацию по делам, переданным из гражданской подсудности в военные суды в течение 1911 г. в Приморском генерал-губернаторстве, автор выявила 21 действовавшую в регионе банду, среди них было 12 китайских и 9 «русских»³. Среди «русских» встречались и интернациональные шайки, состоявшие из выходцев с Кавказа, китайцев, русских, белорусов, поляков и др. Вне зависимости от этнической принадлежности они орудовали одинаково жестоко, не останавливаясь перед пытками и убийствами; практиковали сходные методы — засады и грабежи на таежных тропах, по которым двигались приискатели; вооруженные нападения на почтовые обозы; разбой в китайских и корейских селах и зимках. Почерк их был столь однотипен, что в периодической печати они иногда именовались хунхузами вне зависимости от национальной принадлежности бандитов.

¹ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 154-165; РГИА ДВ. Ф.702. Оп.4. Д.38. 18 л.; Д.725. 266 л.; Д.747. 235 л.; Далекая окраина. 1909. 21 мая, 9, 10, 11 июня; 1910. 11, 30 июля, 4 авг. и др.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 719. Л. 238 об.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 719. Л. 373.

В дальневосточных городах был широко развит и такой неформальный сектор экономики, как нелегальная проституция, содержание игорных домов и притонов для опиекурения. Содержание домов терпимости и занятие проституцией было деятельностью, формально допустимой согласно российским нормативным документам при условии регистрации в полиции и прохождения проститутками медицинских осмотров¹. Спрос на данные услуги в регионе был обусловлен особенностями состава населения — преобладанием мужчин в трудоспособном возрасте (военных, ссыльнопоселенцев, иммигрантов). Эта деятельность позволяла извлекать неплохие доходы и составляла одну из наиболее прибыльных сфер занятости японцев. Японские публичные дома были неотъемлемым элементом не только каждого дальневосточного города, но и ряда крупных сел и постов, служивших местами дислокации войск. Наряду с легальной проституцией процветала и нелегальная. В основном она практиковалась в китайских притонах и в официальной статистике отражалась редко. В 1911 г. в ходе полицейского осмотра во Владивостоке был составлен список публичных домов на территории Пекинской, Алеутской улиц и Косого переулка, основном районе проживания китайцев и японцев. Здесь находилось 50 притонов с не менее чем 250 девушками, в том числе 4 японских заведения с 22 проститутками, остальные — китайские². В 1912 г. в городах Приморской области были выявлены 478 китайских, 348 японских и 22 «европейские» проститутки³.

В местных газетах в разделе криминальной хроники часто встречались сообщения об облавах в китайских притонах и судебных делах. В 1910 г. в окружном суде Владивостока слушалось дело о 14-летней китаянке, которая содержалась в тайной комнате при харчевне, подвергалась побоям и издевательствам⁴. Этот случай не был уникальным. Девушки часто обманом или насильно вывозились из Китая, продавались родителями за долги. Доходы от нелегальной проституции превышали доходы от легальной, так как владельцы притонов не уплачивали налогов, не тратились на содержание лечебницы и медицинское обслуживание девушек, на аренду помещений и создание надлежащих условий труда, а возможно, и не платили жалованье проституткам, трудившимся на положении рабынь.

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 41-44 об., 114-126.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 286. Л. 349; Тютюник В.В. Врачебно-полицейский надзор за проституцией на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX в.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2005. № 1 (5). С. 97.

³ Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков. Иркутск, 2003. С. 40.

⁴ Далекая окраина. 1910. 21 мая.

Многолетние попытки региональной администрации поставить под врачебно-полицейский надзор китайскую проституцию встретили активное противодействие со стороны китайского сообщества и так и не увенчались успехом¹.

Содержание нелегальных домов терпимости не было исключительно китайским занятием, а практиковалось и среди русских. Одно из подобных русских заведений было выявлено в 1879 г. в ходе генеральной проверки торговых и промышленных заведений Благовещенска². В доме мещанина Голоушкина на Никольской улице был обнаружен дом терпимости, который содержался благовещенским мещанином Николаем Киричанским: «Внутреннее помещение дома разгорожено перегородками, в которых живут женщины, занимающиеся проституцией». В момент проверки в заведении находились посетители, распивавшие спиртные напитки. В ходе дознания было выявлено, что хозяин не только содержал нелегальный притон, но и продавал спиртные напитки и табачные изделия без документов на право ведения торговли и уплаты акцизов³.

Популярность среди китайцев азартных игр и употребления опиума позволяла предприимчивым соотечественникам зарабатывать на них немалые деньги. По данным комиссии, назначенной Приамурским генерал-губернатором для обследования «игорного бизнеса» китайцев, в 1897 г. доход хозяина игорного дома составлял около 500 руб. в месяц⁴. О широком распространении подобного предпринимательства говорят многочисленные сообщения в местной прессе о полицейских облавах в азиатских кварталах дальневосточных городов, в ходе которых выявлялись опиекурельни и банковки⁵.

Эти виды «незаконного предпринимательства» влекли за собой иные источники получения нелегальных доходов. После русско-японской войны Владивосток потрясло несколько громких коррупционных дел, когда на скамье подсудимых оказались «организованные преступные группировки», включавшие чинов полиции и китайцев — переводчиков, и содержателей притонов⁶. Материалы этих дел содержат немало примеров, во-первых, широкого вовлече-

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 233-237.

² РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 138. Л. 5-26.

³ РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 138. Л. 28-28 об.

⁴ Синиченко В.В. Указ. соч. С. 38.

⁵ Банковки — игорные дома или притоны, где играли в незаконные азартные игры на деньги. Получили свое название от распространенной китайской игры — банковки — «я-бао», или «бао-хе-цзы» (см.: Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк историческо-этнографический // Зап. Приамур. отдела ИРГО. Т. 10, вып. 1. Хабаровск, 1914. С. 150).

⁶ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989. С. 85; Граве В.В. Указ. соч. С. 121; Далекая окраина. Владивосток, 1910. 18, 19, 22 сент.; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. 237 л.; Д. 670. Л. 241.

ния в криминальные практики не только китайцев, но и представителей принимающего общества, во-вторых, «успешной» адаптации китайцев к требованиям принимающего общества, в-третьих, «плодотворного» межкультурного взаимодействия между чиновниками и представителями китайской общины.

В конце 1908 г. многочисленные жалобы и обвинения в незаконных поборах, поступавшие военному губернатору Приморской области В.Е. Флугу и Приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру, вынудили последнего начать детальную ревизию деятельности полиции Владивостока. Был послан чиновник особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе, статский советник В.В. Перфильев, который завершил проверку к середине февраля 1909 г. и представил ее результаты в двух докладах генерал-губернатору (о Китайском собрании и системе поборов с банквоков от 15 и 16 февраля 1909 г.). На их основании в конце марта 1909 г. по распоряжению военного губернатора Приморской области было начато предварительное следствие по делу о взятках и поборах во Владивостокской полиции, в апреле 1910 г. дело было передано в суд, а в сентябре рассматривалось на выездной сессии Иркутской судебной палаты во Владивостоке. Целый ряд должностных лиц (полицеймейстер Владивостока Г.И. Лединг, помощник полицмейстера Г.К. Петров, губернский секретарь П.А. Кельбедин, пристав Владивостокской городской полиции И.С. Вакуров, околоточный надзиратель В.В. Новицкий) и китаец Джан Хо Лин обвинялись в сборе неустановленных законом поборов с существовавших во Владивостоке китайских игорных домов. Судя по материалам следствия, ежедневная выплата с каждой банквоки была 3 руб., что в сумме составляло 1500 рублей в месяц, которые распределялись между полицейскими в зависимости от чина. В случае отказа платить означенный сбор, игорное заведение закрывалось. В результате судебных разбирательств осудили только помощника полицмейстера Петрова и пристава Вакурова к 1,5 годам и китайца Джан Хо Лина к 8 месяцам тюрьмы. Вина остальных осталась не доказанной, адвокаты настаивали, что обвинения владельцев банквоков являются наговорами из-за борьбы, которую полиция ведет в городе с игорным бизнесом и опекурением¹.

Сохранившиеся в РГИА ДВ материалы – переписка, материалы следствия, проверок – не позволяют достоверно судить, кто виноват в этом деле, а кого только оговорили, однако, они вполне отчетливо свидетельствуют, что организованные преступные группировки существовали, взяточничество, сокрытие преступлений и тесное взаимодействие между чинами полиции и содержателями притонов

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 191-194 об.; Далекая окраина. 1910. 18, 19, 21, 22 сент.

были обычной практикой в городе. В пользу того, что взяточничество, поборы и иные злоупотребления полицейских чинов были широко распространенным явлением, а не единичным случаем говорит тот факт, что подобные следственные дела возбуждались неоднократно в дальневосточных городах.

Выводы

Таким образом, неформальная экономика была уделом не только китайцев, но и других групп иммигрантов, а «принимающее» население также нередко уклонялось от исполнения формальных требований и вовлекалось в криминальные практики.

Не только китайцы, но и японцы в торгово-промышленной сфере использовали в своих интересах развитую в их среде солидарность, взаимопомощь и взаимную поддержку, корпоративные связи. Азиатские иммигранты на российском Дальнем Востоке использовали целый ряд адаптивных практик, позволявших получать преимущества в конкурентной борьбе «за место под солнцем». Китайцы и корейцы снижали стоимость своего труда за счет уменьшения расходов на проживание, питание, одежду. Артель была важной составляющей процесса адаптации иммигрантов, обеспечивая, с одной стороны, облегчение организации труда через использование посредника — подрядчика, старшины, имеющих необходимый опыт, связи и знание языка, а с другой — снижение издержек через коллективное бытовое обустройство, питание, наем жилья, взаимопомощь в случае болезни или отсутствия заработка у кого-либо из членов артели. Однако артели были вполне традиционным способом организации труда и для русских.

Этническая солидарность, корпоративность, способность к самоорганизации во всех ее проявлениях — артели, земляческие, благотворительные, торговые и профессиональные общества и объединения — широко использовались именно азиатскими иммигрантскими общинами. Но не только иммигрантские сообщества, но и некоторые религиозные общины русских (например, молокане) использовали фактор групповой мобилизации для вытеснения конкурентов. В качестве рычагов использовались такие формальные и неформальные практики, как ценовой сговор, кредитный ресурс, объединение капиталов, сверхэксплуатация членов общины (родственников, земляков) под прикрытием патерналистских или партнерских отношений и пр.

Использование полулегальных и легальных (но сомнительных с точки зрения морали) способов обогащения — продажа некачественных или испорченных товаров, спекуляция в условиях дефи-

цита, ценовой сговор, неэквивалентный обмен — было явлением распространенным как среди иммигрантов, так и принимающего общества.

Китайские иммигранты и представители принимающего общества широко использовали и целый ряд преступных практик и незаконных способов обогащения — неуплата налогов, контрабанда, мошенничество, организация притонов для опиекурения, азартных игр, нелегальная проституция, грабеж и кражи чужого имущества, в том числе через организацию банд, и пр. Китайские иммигранты были широко вовлечены в криминальные экономические практики, в ходе которых налаживали тесное взаимодействие с должностными лицами разного уровня. Часть чиновников стремилась не пресекать подобные практики, а извлекать личную выгоду из их распространения. Эти явления были лишь частично следствием неразвитого правосознания иммигрантов или нежелания соблюдать российские законы, а по большей части были вызваны желанием быстро заработать, поскольку нелегальные ниши позволяли иммигрантам (да и представителям принимающего общества) выживать и создавать капиталы быстрее и успешнее, чем правовые.

Китайские неформальные практики в горной промышленности Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX в.

Включение Приамурья и Приморья в состав российских владений происходило в условиях крайнего недостатка здесь рабочей силы. Зарождавшейся горной, прежде всего, золотой, промышленности нужны были рабочие. Но они, по мнению официальных лиц российской администрации, не могли пополняться за счет переселенцев, призванных для сельскохозяйственного освоения обширных территорий края. Поэтому на российском Дальнем Востоке стали активно использовать «желтый» труд, труд временных мигрантов, которые, выезжая на родину, неформально вывозили часть золота с собой. Об этой и других неформальных практиках и пойдет речь в данной статье.

Динамика развития золотопромышленной отрасли и использование «желтого» труда

В первое десятилетие действия «Правил для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» (1861 г.) из Европейской России на дальневосточную окраину ежегодно переселялось лишь 1–1,5 тыс. человек. Особенно медленно заселялись наиболее благоприятные в климатическом отношении южные районы Приморской области. По данным Ф.Ф. Буссе, в 1863–1870 гг. в Южно-Уссурийский край переселилось лишь 2266 российских крестьян, труд которых мог использоваться в хозяйстве региона. Рабочих рук для некрестьянского освоения территории не хватало катастрофически. Это создавало необходимость привлечения рабочей силы из-за границы.

Заселение края колонистами из западных стран было невозможно, так как стимулом для их переселения было получение земельных участков в собственность, к тому же они не были ориентированы на принятие российского подданства, а это не отвечало геополитическим и стратегическим интересам российского правительства².

¹ Аленко Александр Валентинович – доктор исторических наук, профессор Хабаровского государственного института искусств и культуры.

² Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С. 128-129; Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск, 1913. С. 1, 103; Военный сборник. 1903. № 6. С. 222.

Свободное использование иностранных рабочих на горнопромышленных предприятиях края ограничивалось китайцами. Использование труда китайских рабочих было разрешено положением Комитета министров от 23 июля 1865 г. о разрешении частного золотого промысла в Амурской и Приморской областях, а также составленного в связи с этим законом пункта 5 приложения 2-го к статье 661 Устава горного, разрешавшего их использование в частной горной промышленности Приамурского края. Другие иностранцы допускались на прииски в качестве рабочих, но по «отдельным, каждый раз испрашиваемым разрешениям» Восточно-Сибирского генерал-губернатора¹.

Первый опыт использования китайских рабочих в 1880 г. на приисках Зейской и Ниманской золотопромышленных компаний был неудачен, однако события последовавших лет создали благоприятные условия для их привлечения.

Во-первых, в 90-х гг. XIX в. началась массовая миграция китайцев в Приамурский край. Ее причиной была деятельность цинского правительства, направленная на заселение сопредельных с российским Дальним Востоком безлюдных районов Северо-Восточного Китая. Пытаясь в какой-то степени разрядить внутренний экономический кризис и в то же время укрепить границу с российским Дальним Востоком, китайское правительство объявило о свободном переселении своих подданных в Маньчжурию и отменило все законы и положения, в той или иной степени стеснявшие переселение китайцев в этот район. Многочисленные китайские переселенцы, прибывавшие в Северную Маньчжурию, не получали должной материальной помощи, не обеспечивались заработком, оказывались не в состоянии распахивать целинные земли, поэтому многие из них были вынуждены искать работу за границей. В первую очередь на российской территории Приамурья, пользуясь указом императора Канси от 1860 г. о праве выезда за границу подданных Китая, а также возможностью беспрепятственного перехода недостаточно охраняемой российской границы.

Во-вторых, эффективность золотодобывающей промышленности края в значительной степени снизилась в результате выработки разведенных богатых месторождений золота. «Хозяйский» (в современных терминах – промышленный) способ добычи золота стал неэффективным, поскольку он требовал больших финансовых затрат на предварительную разведку месторождений, строительство золотопромывальных машин, заготовку инвентаря, материалов, про-

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства... 1865 г. втор. пол. СПб., 1865. Ст.485; АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 923. Л. 30. Записка Приамурского генерал-губернатора о порядке допуска иностранных рабочих на горнопромышленные предприятия. 1899 г.

довольствия, строительство дорог, перевозку рабочих на прииски. Малейший просчет мог привести золотопромышленника к убыткам. Менее богатые месторождения могли разрабатываться самостоятельно старателями-золотничниками (в современных терминах – кустарный способ). Поэтому сдача таких приисков в аренду золотничникам в большинстве случаев оказывалась выгодной их владельцам. Золотничники сами производили предварительную разведку месторождения, строили себе жилища, сооружали простейшие золотопромывальные устройства, приобретали инструменты и заготавливали продовольствие. К 90-м гг. XIX в. «золотничный» способ стал в крае преобладающим (количество приисков в Амурской области с 1890 по 1900 г. увеличилось с 44 до 206¹ – и при этом количество крупных месторождений не увеличивалось). Увеличению роли «золотничного» способа способствовал, среди прочего, и приток дешевой рабочей силы в виде китайских отходников.

По данным Л.И. Галлямовой, к 1900 г. на приисках российского Дальнего Востока трудилось более 6 тыс. китайских и корейских рабочих, составлявших 40% всех рабочих². В результате массового притока на приамурские прииски китайской рабочей силы, которым дальневосточные золотопромышленники стали отдавать предпочтение перед русскими из-за стоимости их труда, т. е. в целом экономии на издержках, на петербургской бирже высоко поднялись паи малоизвестных амурских золотопромышленных компаний. До того их хозяева потеряли всякую надежду на получение прибылей от разработки золотоносных площадей с низким содержанием золота. Красноречивой оценкой труда «желтых» рабочих служат слова амурского предпринимателя Д.В. Дулетова, который сказал, что «никакая машина не может выбрать крупичицы золота, рассеянные в трещинах каменной почвы прииска, откуда их выскребают китайцы»³.

После Русско-японской войны в результате быстрого роста населения дальневосточных городов, развития промышленности, сельского хозяйства и строительства многочисленных военных объектов спрос Приамурского края на рабочие руки вновь резко возрос. Удаленность и слабая заселенность края делали весьма проблематичными доставку и использование рабочей силы из Европейской России. В связи с этим Приамурье оставалось естественным рынком для

¹ Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1896. № 3. С. 58.

² Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток, 2000. С. 102.

³ Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1896. № 3. С. 59; Протоколы заседания съезда золотопромышленников Амурского и Буреинского горных округов в 1914–1915 гг. Благовещенск, 1915. С. 51.

предложения труда китайскими и корейскими отходниками, которые буквально наводнили край. Только во Владивостоке к 1 января 1909 г. числилось иностранцев желтой расы — 33280 чел. (в основном, это были мужчины), тогда как русское население составляло 30883 чел. мужского пола¹. На одних только золотоносных приисках края их численность с 1908 по 1910 г. поднялась с 47,4% до 82,3% от общего числа рабочих и составила в 1910 г. более 20 тыс. чел.².

Такое положение не могло не беспокоить администрацию Приамурского генерал-губернаторства. В 1908 г. П.Ф. Унтербергер утвердил правила, запрещавшие въезд китайских рабочих в край без выкупа русских паспортов. Однако вследствие ходатайства совета съезда золотопромышленников Зейского горного округа о допуске китайских рабочих в район добычи золота без русских паспортов, поданного на имя министра внутренних дел, решение Приамурского генерал-губернатора в 1909 г. было отменено. Государственный совет также отклонил принятый Государственной думой в 1909 г. законопроект «О мерах против наплыва в Приамурский край китайцев и корейцев»³.

Несмотря на это, учитывая удаленность, слабую заселенность и пограничное положение региона, Приамурская администрация неоднократно пыталась ограничить приток «желтых рабочих». Генерал-губернатор края П.Ф. Унтербергер писал, что «наплыв желтых в корне парализует русскую колонизацию Приамурья и поэтому все мероприятия правительства должны быть направлены к тому, чтобы устранить вредные от этого последствия... Желтый вопрос — один из самых болезненных на нашем Дальнем Востоке и разрешение его по обстоятельствам времени не терпит отлагательства». Однако на состоявшемся в связи с этим в ноябре 1909 г. заседании Совета министров В.Н. Коковцов заметил, что «следует быть очень осторожным с устранением рабочих желтой расы, так как это может повлечь за собой значительные удорожания и замедления, и исполнения таких неотложных мероприятий каковы постройка Амурской железной дороги и постройка Владивостокской крепости»⁴.

¹ Рабочий рынок Приамурья в 1911 // Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. СПб., 1912. Вып. 2. С. 3.

² Там же. С. 4; Собрание узаконений и распоряжений правительства... СПб., 1908. Отд. 1. Ст. 1403; Там же. СПб., 1910. Отд. 1. Ст. 1290.

³ РГИА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 173. Л. 2. Директор-распорядитель Верхне-Амурской золотопромышленной компании министру внутренних дел 25 апреля 1909 г.; Там же. Л. 24. Петербургский градоначальник Фитингофу 1909 г.

⁴ Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 94–95; РГИА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 173. Л. 2, 12, 24. Переписка барона Фитингофа с министром внутренних дел и петербургским градоначальником за 1909 г.; РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 39. Л. 167. Выписка из протокола заседания Совета министров от 28.11.1909 г.

Благодаря использованию труда «желтых» старателей в Верхне-Амурской золотопромышленной компании в сезон 1909-1910 гг. на «золотничных» работах было получено 154 109 руб. чистой прибыли, в то время как «хозяйские» работы дали убыток в 6788 руб. В очередной сезон 1910–1911 гг. компания получила 345 080 руб. прибыли и 484 735 руб. убытка, который вновь ей принесли «хозяйские» работы. О большей эффективности труда «золотничников» говорит тот факт, что в Амурском горном округе к началу 1912 г. из 100 пудов добывавшегося золота 75 пудов приходилось на добытое золотничниками¹.

С назначением в 1911 г. приамурским генерал-губернатором Н.Л. Гондатти в регионе стали проводиться более жесткие ограничительные меры в отношении китайских рабочих, что вызвало многочисленные ходатайства амурских золотопромышленников и купцов. Доводами золотопромышленников в пользу «желтого труда» было то, что китайцы работают на тех приисках, где невыгодны «хозяйские» работы и механическая добыча вследствие низкого содержания золота. Другой аргумент состоял в том, что из русского населения нельзя найти желающих наняться на приисковые работы, в связи с чем русские старатели составляют не более 33%. Доводами купечества было то, что «благосостояние амурской торговли» всецело зависит от успешной деятельности местных золотопромышленников. Получая эти многочисленные прошения, министр торговли и промышленности предложил Н.Л. Гондатти приостановить высылку китайцев, не имеющих русских паспортов, и последний отсрочил свое распоряжение до 15 августа 1912 г.².

В 1913 г. на основании ходатайств съездов дальневосточных золотопромышленников в Государственную думу был внесен законопроект о разрешении труда китайских рабочих в золотопромышленности дальневосточной окраины без выкупа русских паспортов до окончания постройки Амурской железной дороги. А в декабре 1913 г. в связи с этим министр торговли и промышленности подписал постановление, разрешавшее нанимать на золотые промыслы Приамурского генерал-губернаторства иностранных рабочих до завершения строительства Амурской железной дороги на срок не более пяти лет³. В результате этих мер доля «желтых рабочих» в 1913

¹ РГИА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 131. Л. 137-142. Справка Амурского горного округа 1912 г.

² РГИА, Ф. 57. Оп. 1. Д. 173. Л. 30-44. Ходатайства и телеграммы совета съезда Зейского горного округа, правления Верхне-Амурской ЗПК, торговых домов «Чурин и К^о» и «Лукин и К^о» о разрешении допуска китайцев в золотопромышленность Приамурья за 1911 г.; Там же. Ф. 34. Оп. 44. Д. 2631. Л. 1-26; То же за 1911 г.; Там же. Л. 24-25. Министр торговли и промышленности Н.Л. Гондатти 15 ноября 1911 г.; Золото и платина. 1911. № 20. С. 493.

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 73 а. Д. 301. Л. 35. Копия постановления министра торговли и промышленности от 22.12. 1913 г.

г. составила в этой отрасли 87,6% (по сравнению с 1908 г. возросла на 39,3%) от общей численности рабочих.

Развитие ведущей отрасли дальневосточной экономики – золотодобывающей промышленности – в годы Первой мировой войны также было сложным и во многом противоречивым. С одной стороны, война потребовала громадных денежных средств, а с другой, вызвала мобилизацию людских ресурсов. Призыв приисковых рабочих в армию не замедлил сказаться на производительности дальневосточных золотопромышленных предприятий уже в 1915 г. За это время добыча золота в Амурской и Приморской области сократилась по сравнению с 1914 г. более чем на 110 пудов. В результате отправки на фронт более квалифицированных рабочих на приисках дальневосточных горных округов сворачивались наиболее капиталоемкие работы. В 1915 г. из 441 дальневосточного прииска эксплуатировалось лишь 44¹.

В связи со сложившимся положением Комиссия по золотым делам в ноябре 1914 г. рассмотрела вопрос о мерах по облегчению допуска китайских отходников на золотые промыслы Приамурья. В Амурской области предлагалось учредить «Бюро китайских приисковых рабочих», которое должно было определять необходимое число рабочих для золотых промыслов края и осуществлять их ввоз из Китая. Предполагалось также отменить визирование китайских национальных паспортов, разрешить отсрочку уплаты денег за русские билеты, установить для китайских рабочих свободный переход с прииска на прииск и т. д. Однако Приамурский генерал-губернатор в конце 1914 г. принял новые меры к ограничению «желтого» труда. В ответ на действия Н.Л. Гондатти, 2-й Всероссийский съезд золотопромышленников и Постоянная совещательная контора золото- и платино-промышленников подписали ходатайство перед Министерством торговли и промышленности об отмене ограничительных мер для въезда на российский Дальний Восток китайских рабочих. А в 1916 г. на очередном съезде российских золотопромышленников была зачитана записка С.Ю. Витте, в которой он предлагал, в связи с продолжавшейся войной, в числе первостепенных задач дать право свободного доступа в Амурскую область китайских рабочих².

Продолжавшаяся война требовала огромных расходов, поэтому российское правительство вынуждено было признать золотодобы-

¹ Там же. Оп. 58. Д. 813. Л. 38. Справка горного департамента о состоянии золотопромышленности Восточной Сибири. 1915 г.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 73 а. Д. 301. Л. 13. Записка С.Ю. Витте, зачитанная на 3-м Всероссийском съезде золотопромышленников, 1916 г.; Горные и золотопромышленные известия. 1915. № 8. С. 113; Золото и платина. 1915. № 3-4. С. 41.; Там же. 1916. № 9-10. С. 139.

вающую промышленность региона как отрасль, работающую на оборону. На основании принятого 15 сентября 1916 г. закона рекомендовалось не только нанимать, но и выписывать китайских и корейских рабочих. Российским консульским учреждениям в Китае вменялось в обязанность регистрировать национальные паспорта китайских рабочих. Кроме того, «желтым» рабочим предоставлялось право трехмесячной отсрочки для выкупа русских билетов¹.

В последовавшие 1917–1920 гг. золотые прииски Приамурья разрабатывались в основном посредством труда китайских отходников.

Китайский труд и неформальные практики

С самого начала их использования в горнопромышленной отрасли, китайские рабочие жили по своим законам и правилам, практически не подчиняясь русской администрации. Стихийно возникавшие на таежных приисках слободы, управлялись так называемыми «китайскими подрядчиками». Эти неформальные руководители из числа китайцев осуществляли запись вновь прибывавших рабочих в старательские артели за определенную плату, в значительной степени повышавшуюся при отсутствии у желавшего получить работу русского паспорта. Наиболее влиятельные подрядчики располагали сотнями таких рабочих, ставя в зависимое положение российских владельцев приисков. С наступлением холодов большая часть «желтых» отходников возвращалась на родину, вынося значительную часть добытого золота за границу. По сообщениям журнала «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще», тайный сбыт забайкальского и амурского золота в Китай в 1893 и 1894 гг. составлял до 500 пудов в год. Вынесенное с русской территории золото активно скупалось отделениями английского Гонконг-Шанхайского банка в Тяньцзине, Шанхае и Гонконге².

В 1900 г. вынос золота в Китай несколько уменьшился, когда по ходатайству управляющего Благовещенским отделением Государственного банка правительство России разрешило свободно покупать дальневосточным отделениям русских банков драгоценные

¹ АВПРИ, Ф. 327. Оп. 579. Д. 168. Л. 10–19. Переписка министра иностранных дел с приамурским генерал-губернатором о найме китайских и корейских рабочих. 1917–1920 гг.; РГИА. Ф. 37. Оп. 73 а. Д. 301. Л. 138. Выписка из положения Комитета министров от 15.09.1916 г. Несколько ранее, 21 мая 1916 г. Приамурское продовольственное совещание разрешило российским рыбопромышленникам, арендаторам вневенционных промыслов использовать до 75% иностранных рабочих. Кроме того, эти российские предприниматели получали право фрахтовать иностранные суда (см.: РГИА. Ф. 398. Оп. 74. Д. 30372. Л. 29–30, 37).

² Вестник золотопромышленности... 1893. № 13. С. 204; 1893. № 15. С. 241; 1894. № 10. С. 189; 1896. № 3. С. 59.

металлы от частных лиц без предоставления ими каких-либо документов и провозных свидетельств. Однако после Русско-японской войны, когда в Маньчжурию были завезены значительные суммы русских бумажных денег, утечка золота в Китай вновь увеличилась и составляла, по данным уполномоченного торговли и промышленности А.Н. Митинского, от 75 до 125 пудов в год¹.

Выносу драгоценного металла за границу способствовала в первую очередь широкомасштабная хищническая добыча его китайцами, распространившаяся по всей территории Приамурья. Попав в кабалу к своим «подрядчикам» и пользуясь отсутствием должного контроля со стороны русских хозяев и горной администрации, китайские рабочие оплачивали свои долги краденым золотом. Кроме того, владельцы приисков при расчете с китайскими старателями в целях получения большей прибыли пользовались расчетными листками, которые нигде не учитывались и не представлялись горной инспекции. Утаенное старателями и хозяевами приисков золото активно скупалось на приисках спиртоносами, затем тайно доставлялось ими в Благовещенск, откуда по высокой цене через агентов айгуньских закупочных контор уходило в Китай (см. таблицу).

Таблица

Объемы неучтенного золота на русском Дальнем Востоке
в 1911—1915

Годы	Количество золота		
	По золотозаписным приисковым книгам	По отчетам золотосплавочных лабораторий	Неучтенное золото
1911	492 п. 2 ф.	1064 п. 34 ф.	572 п. 32 ф.
1912	441 п. 38 ф.	1028 п. 30 ф.	587 п. 8 ф.
1913	405 п. 24 ф.	1102 п. 24 ф.	697 п. 1 ф.
1914	464 п. 1 ф.	1227 п. 8 ф.	762 п. 33 ф.
1915	368 п. 6 ф.	977 п. 18 ф.	608 п. 28 ф.

Таблица составлена по: Доклады Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию 1921 года. Владивосток, 1922. С. 117-118.

Пересылка и перенос золота осуществлялась также самими китайскими золотничниками в большинстве случаев с незарегистрированных приисков, где трудились никем не учтенные «желтые» старатели. Утечка утаенного вольноприносительского золота из Приамурья в Китай согласно статистике американских таможен-

¹ Митинский А.Н. Материалы положений о нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. СПб., 1911. С. 263.

ных инспекторов в Пекине, Нанкине и Шанхае составил в 1911 г. — 1411 пуд. 31 фунт, а в 1912 г. — 1617 пуд. 2 фунта¹.

Одновременно с ростом в 1910-х доли труда «желтых» старателей в горной промышленности региона наблюдалось постепенное повышение количества добывавшегося золота. Однако в то же время масса и стоимость добытого на одного рабочего драгоценного металла ежегодно сокращалась. Так, если в 1892 г. стоимость добытого золота на одного рабочего в Амурской области составляла 2334 руб., то в 1908 г. — 622 руб. Через китайских сезонных рабочих продолжалась широкомасштабная утечка добытого золота за границу. В глухой амурской тайге китайцы самостоятельно, без разрешения русских властей продолжали поиски золота и разработку незарегистрированных месторождений. В приисковых китайских поселениях также процветало курение опиума, азартные игры, нередко были разбои, грабежи и забастовки².

Зная об этом, чиновники тем не менее не могли остановить использование «желтого» труда не только потому, что этого не хотели русские промышленники, но и потому, что понимали, насколько экономика края зависит от китайцев. Чиновник особых поручений при Переселенческом управлении А.А. Панов справедливо утверждал, что «желтый труд имеет громадное значение в экономической жизни Приамурья»³.

Либерализация правил найма иностранных рабочих, а также распространение труда старателей в 1916 г. приостановили падение добычи золота в регионе. Однако широкое применение «желтого» труда привело к резкому увеличению незаконного выноса золота в Китай. По данным Благовещенского отделения Сибирского торгового банка, из одного только Зейского горного округа в 1915 г. за границу ушло около 70 пудов золота. Утечка золота была во многом спровоцирована Германией. Немецкие агенты вдоль всей дальневосточной границы России с Китаем устроили ряд скупочных контор, приобретающих у китайских отходников приамурское золото по более высокой цене, чем за него платили русские скупщики и банки. По секретным сведениям российской миссии в Пекине, за-

¹ Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1902. № 5. С. 86; Доклады Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию. Владивосток, 1922. С. 117.

² РГИА. Ф. 37. Оп. 44. Д. 2631. Л. 24. Справка Верхне-Амурской золотопромышленной компании о производстве и результате работ за 1909–1911 г.; Общий обзор отраслей горной и горнозаводской промышленности. СПб., 1915. С. 23; РГИА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 131. Л. 91–111. Переписка правления постоянной совещательной конторы золото- и платинопромышленников с частными золотопромышленными предприятиями Восточной Сибири за 1909–1912 гг.; Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. СПб., 1912. Вып. 2. С. 77–78, 81; Митинский А.Н. Указ. соч. С. 263.

³ Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. СПб., 1912. Вып. 2. С. 63.

ведущего сунгарийской таможенной брандвахты, пограничного комиссара Амурской области, российских консулов в Маньчжурии и разведывательных сводок штаба Приамурского военного округа, все скупленное на российской границе золото переправлялось агентам немецких банков в городах Мукдене, Даляне, Чанчуне, Тяньцзине и Шанхае¹.

Выводы

Труд приисковых рабочих-китайцев играл важную роль не только для развития золотопромышленности региона, но и всей экономики русского Дальнего Востока. Однако добыча золота осуществлялась китайцами вручную при помощи примитивных инструментов, без выполнения необходимых технических условий. У рабочих не было соответствующей квалификации и передовых технологий.

Более того, в результате использования желтого труда в российском Приамурье получила широкое распространение хищническая добыча золота. Пользуясь безлюдностью огромных территорий, китайские старатели свободно переходили на незарегистрированные прииски и вели ни кем неконтролируемую добычу. Значительная часть добытого ими металла уходила за границу вместе с заработанными ими деньгами, что способствовало отливу значительной доли российского капитала за границу.

Успешно конкурируя с русскими рабочими, китайские отходники побуждали российских предпринимателей обходиться примитивным, но в то же время дешевым трудом, который предполагал превращение российских владельцев приисков в мелких торговцев-перекупщиков. Регулирование процесса допуска китайских рабочих в горную отрасль осуществлялось зачастую непродуманными мерами, которые приводили к сокращению объемов производства, сокращению добычи золота в регионе, а также к росту преступности среди китайских рабочих. Сложное экономическое положение страны в годы первой мировой войны заставило российское правительство разрешить массовый допуск китайских рабочих в Приамурье.

Актуальность поднятой проблемы сохраняется и в наши дни, когда для успешного и комплексного развития региона требуется достаточно емкий рынок рабочих рук. Однако вопрос привлечения

¹ АВПРИ. Ф. 327. Оп. 579. Д. 80. Л. 257-258. Справка Сибирского торгового банка от 21.01.1916 г.; Там же. Д. 147. Л. 3-57. Переписка МИД с консульскими учреждениями в Китае, военными, пограничными и таможенными учреждениями Приамурского генерал-губернаторства. 1915 г.; Материалы по изучению Приамурского края. Вып. XXIV. По отчетам окружных горных инженеров за 1914 и 1915 гг. Хабаровск, 1916. С. 63; Приамурские ведомости. 1916. 11 июня.

труда китайских рабочих в экономику Дальнего Востока России требует внимательного подхода, научно обоснованных экономических расчетов, а также учета социально-исторического опыта отношений России с Китаем.

**«Взаимное соглашение о спирте и опиуме»:
опыт совместной борьбы России и Китая
с контрабандой в начале XX в.**

«Нельзя не удивляться предприимчивости китайцев. Одни из них охотятся за оленями, другие ищут женьшень, третьи соболюют, четвертые заняты добычей каборожьего мускуса, там видишь капу-столовов, в другом месте ловят крабов или трепангов, там сеют мак и добывают опий и т. д. Что ни фанза, то новый промысел: ловля жемчуга, добыча какого-то растительного масла, ханшина, корней острогала, да всего и не перечтешь. Всюду они умеют находить источники обогащения. Вопрос труда отходит у них на второй план, лишь бы источник этот был неиссякаем»², — так писал В.К. Арсеньев о китайских промыслах в Уссурийском крае, многообразии которых предопределяло неоднозначное отношение к ним русских властей.

Все занятия китайцев на русском Дальнем Востоке условно можно подразделить на два основных вида — законные и незаконные или дозволенные и недозволенные. Политика приамурской администрации по отношению к ним заметно различалась. К законным отнесем: земледелие, работу по найму в различных отраслях хозяйства и ремесла, торговлю, промысел морской капусты, рыболовство, каботаж и извозный промысел. Они облагались различными денежными сборами по установленным расценкам, такими, например, как обязательная выборка «гильдейских свидетельств», дававших право на занятие торговлей, правила выкупа билетов на право рубки леса и денежный сбор за его сплав по Зее в Амур, налог на промысел морской капусты «по 5 коп. золотом с каждого пуда» и т. п. Одновременно проводилась политика ограничения некоторых вполне легальных занятий, вплоть до полного их запрещения: с 1 декабря 1910 г. был запрещен каботаж, по закону 21 июня «желтый труд» на казенных предприятиях, аренда казенной земли и др. Кроме того, проводилась политика вытеснения отдельных категорий китайского населения («зазейских маньчжур», оседлых земледельцев в Приморье).

Все остальные занятия (самостоятельная разработка золотосодержащих россыпей, китайские способы охоты, промысел дубовых грибов и женьшеня, торговля ханшином и проч.) считались недо-

¹ Сорокина Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им Ф.М. Достоевского.

² Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. Хабаровск, 1984. С. 275-276.

зволненными¹, хотя и были широко распространены. Местные власти выработали целый комплекс мер для борьбы с недозволенной хозяйственной деятельностью, главнейшей из которых было введение паспортной системы — определенного режима вселения и пребывания китайцев в русских пределах. Правила вводились как средство ограничения наплыва выходцев из Китая в Приамурье и одновременно использовались в борьбе с лицами, уклонявшимися от выборки свидетельств на право занятия каким-либо промыслом. В качестве инструмента по ограничению миграции паспортные правила оказались малоэффективными. Они давали некоторый фискальный эффект, пополняя казну сборами с китайских подданных. Однако они давали правовую основу для выселения нарушителей, что являлось едва ли не единственным средством борьбы с хищнической эксплуатацией природных богатств края.

Из всего многообразия неформальных практик китайских подданных на Дальнем Востоке остановимся на двух: контрабандной торговле спиртом и производстве опиума. Борьба с ними составляла предмет особой заботы как приамурской администрации, так и китайских властей.

«Заклятые враги»

Производство алкоголя и спаивание русского населения китайскими «спиртоносами» были постоянной «головной болью» приамурских властей, и борьба с «неуловимыми распространителями» запрещенного товара началась с момента присоединения Приамурья и Приморья. Китайскую водку — *ханшин* (в Уссурийском крае ее называли *сули*) было запрещено привозить в пределы Российской империи еще «на основании Высочайше утвержденного 2 апреля

¹ Старший чиновник особых поручений П.П. Аносов в своей записке «Об устройстве китайского населения», составленной по поручению первого приамурского генерал-губернатора барона А.Н. Корфа в октябре 1885 г., предлагал подразделить все китайское население в Южно-Уссурийском крае на 6 основных групп по роду деятельности, а именно: «1) на занимающихся сельским хозяйством; 2) занимающихся ловлей морской капусты и трепангов; 3) занимающихся рыбной ловлей; 4) занимающихся ремеслами; 5) занимающихся каботажем и водяным перевозным промыслом; и 6) занимающихся торговлей». Все же другие виды деятельности, открытые и тайные, он предлагал вообще запретить. Одни промыслы, такие, например, как самовольная добыча золота или производство ханшина, запретить, поскольку они не дозволены вообще никому, в том числе и русским, а другие, такие как поиск женьшеня и кореньев, грибной промысел, запретить потому, что из-за них в тайге сооружаются фанзы, служащие базами для хунгузов («воспротив положительно все остальные промыслы, которыми они до сих пор открыто, или тайно занимались на нашей территории, которые частью недозволены вообще у нас и русским, а другие как поиски жан-сина, грибов, кореньев, хотя сами по себе безвредны, но влекущие за собой устройство жилищ в глухих местах, вне контроля администрации и служащих поэтому притону всякому бродячему люду»). См. об этом: РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 6. Л. 49.

1862 г. мнения Гос. Совета»¹. Тем не менее контрабандная торговля ханшином была широко развита. Русские власти не раз обращали на это внимание цинского правительства и пограничных чиновников.

Предпринимались и различные меры борьбы с этим злом. Сначала полицейским чинам предоставлялось право лишь конфисковать и уничтожать контрабандный напиток и приспособления к его производству, что на практике оказалось совершенно недостаточным. С 1 ноября 1889 г. вступило в силу распоряжение приамурского генерал-губернатора, по которому кроме уничтожения ханшина предполагалось отбирать и продавать с аукциона задержанные повозки, лошадей с упряжью, лодки, то есть все средства его транспортировки. Вырученные от продажи конфискованного имущества деньги должны были идти на вознаграждение «поимщиков»². Это постановление хоть и несколько усилило контроль, но в целом не оказало существенного влияния на сокращение торговли спиртными напитками. Более того, нередко имели место случаи, когда местные жители, задерживая китайцев с контрабандной водкой, не сдавали ее властям для уничтожения. В станице Игнашино, например, судя по заметке в благовещенской газете, один из жителей задержал у себя в огороде китайца с несколькими четвертными банками спирта. Контрабандист был арестован и «посажен в кутузку», а отобранный напиток исчез неизвестно куда. Газета по этому поводу иронизировала: «...очевидно, отбирающие выпивают сами. Это уже, выходит, не конфискация, а грабеж под предлогом искоренения контрабанды. Для любителей дешевой выпивки теперь стало хорошо. Можно даром достать «спотыкаловки-харбинки», лишь бы поймать «ходичку» с баночкой «сиводая»³.

П.Ф. Унтербергер, почти десять лет занимавший пост военного губернатора Приморской области и пять лет приамурского генерал-губернатора, безусловный знаток края, объяснял неэффективность мер борьбы с распространением контрабандного спирта тем, что «ни русское, ни тем более китайское население преследованию ханшина не сочувствовало, первое — вследствие того, что ханшин обходится дешевле русской водки и был крепче последней, а второе — потому что оно издавна привыкло у себя дома к употреблению этого напитка»⁴. Дело в том, что акцизного сбора с мелочной продажи ханшина в Маньчжурии, как и во всем Китае, не существовало. Винокуренные заводы только платили налог с каждого перегонного куба, независимо от крепости изготавливаемого напитка. Контра-

¹ РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Л. 616.

² Там же.

³ Амурский край. 1909. 7 окт.

⁴ Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1865–1898. СПб., 1900. С. 222.

бандный ханшин не облагался акцизными пошлинами и в России, поскольку торговля им была запрещена. Поэтому он был гораздо дешевле русской водки. Судя по сообщениям газеты «Дальний Восток», в середине 90-х годов XIX в. бутылка русской водки стоила 1 рубль и дороже, а «местный лавочник-манза Яшка» продавал такую же бутылку ханшина по 40 коп.¹

Укрепление границы, учреждение в разных местах края пограничных караулов, таможенных постов и корчемной стражи, разъезды вдоль границы, аресты «спиртоносов», конфискация их товаров и средств их транспортировки, облавы и высылка задержанных беспаспортных китайцев и т. п. вели к некоторому сокращению контрабанды, но в целом не приносили желаемых результатов. Дешевизна китайского ханшина и его большая крепость по сравнению с русской водкой были теми препятствиями, о которые разбивались все попытки по искоренению пьянства среди русского населения и инородцев. При заинтересованности русского населения в дешевой китайской водке контрабанда ее оказывалась неистребимой.

Особенно остро встал этот вопрос в начале XX в. со строительством Амурской железной дороги, когда напротив русских пристаней на Амуре, на китайском берегу, стали возникать целые поселки, в которых сосредоточивалась торговля спиртом. Маньчжурская водка, по мнению инженеров-строителей, была «закрытым врагом» Амурской дороги. Начальник Амурской экспедиции Н.Л. Гондатти телеграфировал в Петербург в октябре 1910 г., что из-за контрабандной торговли китайской водкой по линии строившейся железной дороги «спивается все русское население, как пришлое, так и коренное — казачье и крестьянское». Он предложил в качестве меры, «могущей облегчить борьбу с развитием пьянства в среде русского населения Приамурского края», соглашение с пекинским правительством «о воспрещении торговли спиртными напитками на правом берегу Амура»². Комитет по заселению Дальнего Востока под председательством П.А. Столыпина одобрил это предложение, что нашло отражение в журнале «Об организации торговли крепкими напитками по линии строящейся Амурской железной дороги и об усилении надзора за движением контрабанды из Китая в пределы Империи»³. Комитет принял решение просить министра иностранных дел «войти... в сношения с Дайцинским правительством по вопросу о воспрещении последним производства и продажи спиртных

¹ Дальний Восток. 1895. 13 янв.

² ГАХК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

³ Там же. Л. 53-56.

напитков в прилегающей к Амуру полосе или обложении китайского спирта соответственным акцизом»¹.

Таким образом, региональные и центральные власти пришли, наконец, к выводу, что при большой протяженности пограничной линии и многочисленности пунктов производства и продажи ханшина пресечь контрабанду только усилиями таможенной и корчемной стражи едва ли возможно. Гораздо большее значение имело бы соглашение с китайскими властями о запрещении производства и продажи спирта в пограничной полосе на китайской стороне. Для такого соглашения имелась благоприятная почва. Если приамурская администрация и правительство России были обеспокоены распространением пьянства среди русского населения, то китайские власти были озабочены курением их подданными опиума, значительная часть которого выдывалась на плантациях Приамурского края.

Культура мака с целью получения опиума была занесена в край выходцами из Срединной империи. До начала 80-х гг. XIX в., если верить В.В. Крестовскому, опиум для проживавших в Приамурье китайцев доставляли владивостокские иностранцы, занимавшиеся перевозкой их промысловой продукции. Они выменивали хищнически добытое «вольными старателями» золото на опиум, который привозили из Шанхая². По мере заселения края русскими переселенцами и распространения практики аренды земли китайцами у русских опиум не только стали производить на месте, но и начали вывозить в Китай. Запрещение посевов мака в Китае и рост цен на производимые из него наркотические вещества привели к тому, что предприимчивые китайцы стали переселяться на русские территории, где без всякого стеснения выращивали это растение. Бывало, что земли под посевы мака распахивались в глухой тайге, подальше от надзора русских властей. Так, например, летом 1910 г., как сообщала газета «Далекая окраина», один из преследователей хунхузов в бассейне рек Сучана и Судзухэ наткнулся на падь длиной в 20 и шириной около 4 верст, где проживали высланные за нарушение паспортных правил китайцы. Они более 10 лет зимой занимались добычей пушнины, а летом — посевами мака и выделкой опиума³.

Но для занятия опиумным промыслом совсем не обязательно было забираться далеко в тайгу. Во многих деревнях и станицах Приморья лучшие участки земли сдавались в аренду китайцам под посевы мака. По данным приамурского генерал-губернатора, в 1910

¹ Там же. Л. 56.

² Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. I. Вып. I. С. 320-321.

³ Далекая окраина. 1910. 17 июля.

г. в Приморской области китайцами было засеяно маком 306 десятин земли, в том числе в Ольгинском уезде — 120 десятин. Но уже в следующем году только в этом уезде было засеяно маком около 700 десятин. В 1912 г. маковые плантации Побережного подрайона Приморской области занимали 3,5 тыс. десятин. С увеличением площадей, засеваемых маком, росла и арендная плата за землю. К 1903 г. она с 14-15 рублей выросла до 50 рублей, а к 1913 г. достигала уже 200 рублей, не считая жалованья, которое китайцы платили хозяевам за охрану полей от хунхузов¹. Высокая арендная плата, в свою очередь, стимулировала сдачу наделов русскими землевладельцами в аренду китайцам. Причем крестьянское и казачье население сдавало под посевы мака свои лучшие земли. В Цимухинской волости были известны случаи, когда крестьяне сдавали под посевы мака уже засеянные хлебом пашни — и поля, покрытые зелеными всходами, просто перепаживались заново². Таким образом, увеличение площадей маковых плантаций совершалось в ущерб русскому земледелию, которое с таким трудом насаждалось в крае русским правительством. Уменьшение посевов хлеба приводило к усилению зависимости края от Маньчжурии, не говоря уже о том, что сдача в аренду земли отрицательно действовала на русское население, отвлекая его от занятия земледелием, а безделье и доступность опиума повышали угрозу приобщения его к опиекурению³.

Помимо этого, маковые плантации привлекали хунхузов. По сведениям чиновника особых поручений П.Я. Полетики, в Полтав-

¹ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 24. Л. 76.

² Макосеяние в Уссурийском крае // Зап. Приамурского отдела Императорского общества востоковедения. Вып. II. Хабаровск, 1913. С. 267.

³ Во всяком случае, уже в 90-е гг. XIX в. в местной прессе начинают появляться сообщения о приобщении к опиекурению русских обывателей. Так, газета «Дальний Восток», возмущаясь распространением во Владивостоке «никем не преследуемого курения опиума», дым от которого чувствовался «чуть ли не в каждой лавке Алеутской улицы», писала: «К сожалению, опиекурение понемногу приобретает права гражданства и среди русских — поговаривают, что на Сучане и в Шкотовой покуривают его не только некоторые молодые люди, но даже и старики» (Дальний Восток. 1895. 21 апр.). Или опубликованные этой же газетой в рубрике «Из жизни окраин» корреспонденции из южноуссурийского села Петровка о распространении опиекурения среди русских крестьян. В 1893 г. в Петровке поселился китайец Тинкуй, открывший пивную лавку. Постепенно он начал предлагать местным жителям опиум как средство от разных болезней или просто давал желающим покурить его даром. Несколько крестьян втянулись в это дело до того, что один из них, прокурился год, умер, другой, имея 6 малолетних сыновей, за один месяц прокурил «быка в 30 руб.» и т.п. Заканчивалась эта статья словами: «Грустно, читатель!» (Дальний Восток. 1896. 18 февр.). Примерно через полтора месяца жители Петровки вновь написали в газету. Оказывается, они рассчитывали, что после их первой корреспонденции опиекурильня в Петровке будет закрыта, но дело ограничилось приездом из Шкотовой священника, который сделал внушение курильщикам. Хозяин же опиекурильни Тинкуй, как сообщала газета, «в ус не дует, даже выразил желание крестьянам снять у них клочок земли под посев мака для выделки опиа, а то привозной из города — дорог» (Дальний Восток. 1896. 10 апр.).

ском участке, который более походил на «китайское царство, чем на русское», в 1913 г. было засеяно маком около 500 десятин земли¹. Китайцы-арендаторы всю приграничную полосу казачьих наделов застроили так называемыми импаниями — крепостями с башнями и бойницами. Крепости эти были довольно большие, рассчитанные приблизительно на 100 человек каждая. Когда П.Я. Полетика обнаружил в них вооруженных винтовками китайцев, то начальник казачьего участка объяснил ему, что оружие арендаторы держат для защиты от хунхузов. Опиумный промысел, таким образом, привел к сооружению на русской пограничной территории вооруженных китайских крепостей, что, конечно, было недопустимым с точки зрения государственной безопасности.

Почти весь производившийся в крае опиум контрабандным образом вывозился в Китай. По данным русского консула в Чифу, в 1897 г. вывоз опиума из Приморской области в Китай достиг 200 пудов² и ежегодно увеличивался. Опиумная контрабанда из России служила лишним поводом для предъявления претензий со стороны пекинского правительства.

«Медлить с этим делом нельзя»: законопроект по борьбе с опиекурением

Запрещение посевов мака и производства опиума на российских приграничных территориях русским правительством могло бы стать компенсацией за запрещение производства и продажи спиртных напитков в пограничных с Россией провинциях Китая. Путь к заключению соглашения оказался очень длинным и трудным. Соединение спиртовой и опиумной проблем, зависимость решения одной от другой сильно осложняло дело.

Министерство иностранных дел еще до обращения Комитета по заселению Дальнего Востока вступило в переговоры с китайским правительством по этому вопросу, причем по инициативе цинских властей, обратившихся с просьбой о содействии в борьбе с контрабандным ввозом опиума в Китай из Приамурья. Но тогда, как сообщил Комитету тайный советник Аргиропуло, русские дипломаты не дали никаких обещаний пекинскому правительству, опасаясь, что «воспрещение маковых посевов подорвет благополучие местных хозяйств, занятых выделкою макового масла»³. Министерство иностранных дел считало вообще нецелесообразным заключать подобное соглашение с Китаем. По мнению российской миссии в

¹ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 746.

² РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 24. Л. 75.

³ ГАХК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

Китае, даже если в Пекине сочувственно отнесутся к предложению российского правительства, трудно будет рассчитывать на фактическое соблюдение запретов местными китайскими жителями. Состав местных цинских пограничных властей не давал оснований надеяться на успешное проведение в жизнь предписаний центрального правительства. Поэтому дипломатическое ведомство полагало, что запрещение посевов мака на русской территории Амура, стеснив одну из отраслей местной промышленности, не даст в то же время России никаких реальных выгод.

Комитет по заселению Дальнего Востока, не разделяя опасений Министерства иностранных дел, счел недопустимым отказываться от заключения соглашения с Китаем из-за того, что местные власти соседнего государства окажутся неподготовленными к проведению его в жизнь. Комитет высказался за продолжение переговоров с Китаем. Российская миссия в Пекине предложила китайским властям оказать содействие в борьбе с контрабандным ввозом спирта в Россию в обмен на принятие российским правительством мер против посевов мака в Приамурье.

До этого времени приамурская администрация никаких специальных мероприятий по ограничению производства опиума в крае не проводила, за исключением ограничения китайской аренды земли у крестьянского и казачьего населения края. Губернаторы областей, правда, периодически издавали распоряжения, запрещавшие сдавать китайцам землю именно под посевы мака, но они не имели практического значения, кроме повышения цен за аренду. Распоряжения эти касались только китайцев, что давало возможность свободно обходить их русским, которые либо прикрывали сынов Поднебесной, либо сами занимались производством мака и опиума, поскольку «это производство незатейливо и доступно каждому»¹. Кроме того, запрещение посевов не уменьшало производства опиума, так как из населенных мест оно переносилось в тайгу.

Но в мае 1910 г. председателю Комитета по заселению Дальнего Востока П.А. Столыпину было подано составленное по материалам донесений администрации Приамурского генерал-губернаторства и дальневосточных газет представление о развитии опиекурения и производства опиума в Приамурье². Судя по газетным публикациям, местная администрация и общественность были обеспокоены распространением среди русского населения опиекурения, которое уже можно было встретить повсюду в крае — и во Владивостоке, и на Сахалине, и в Николаевске, и в Благовещенске. Опиекурильни стали открываться не только в китайских кварталах, как было раньше,

¹ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.

² Там же. Л. 4-7.

но и в местах проживания русского населения. В ряде публикаций содержался упрек в адрес местной администрации, что она проглядела зарождение в крае целой промышленности по производству опиума, и призывы принять меры к его искоренению, что соответствовало интересам русского и китайского правительств.

П.А. Столыпин, ознакомившись с этим представлением, 16 августа 1910 г. наложил резолюцию: «Медлить с этим делом нельзя. Прошу немедленно снестись с министром юстиции по вопросу о выработке законопроекта о воспрещении посевов мака и об уголовной репрессии за нарушение воспрещения»¹. Одновременно перед Министерствами иностранных дел и торговли была поставлена задача добиться от китайского правительства принятия мер против контрабандного ввоза спирта в русские пределы в обмен на жесткие меры русских властей против производства опиума в Приамурье.

Китайские власти осенью 1911 г. сообщили русскому консулу в Гирине, что в Гиринской и Хэйлунцзянской провинциях были приняты меры, запрещавшие местному населению ввозить спирт в русские пределы. О введении этого запрета были расклеены объявления, текст которых российская миссия в Пекине передала приамурскому генерал-губернатору в октябре 1911 г. Первая часть объявления касалась строгого запрещения самовольно сеять мак и выделывать опиум для ввоза его в Китай. Здесь сообщалось о согласии русских властей принять на себя обязательства «искоренить опиум до конца, если китайские власти запретят продавать русским спирт». Вторая часть объявления касалась обязательства китайской стороны: «Так как русские власти согласились помочь нам в запрещении курения опиума, мы обязуемся запретить привоз спирта для укрепления дружественных отношений. Теперь объявляем купцам, жителям и другим людям для сведения, что наши китайские власти согласились на просьбу русских властей о запрещении ввоза спирта и вина в пределы России. Если впредь хитрые купцы, имея в виду свою выгоду, будут самовольно ввозить спирт и вино в пределы России и продавать, то таковые будут там схвачены и товары их (спирт и вино) конфискованы. Если же такие купцы будут схвачены русскими, то на товары их будет, по усмотрению, наложен штраф. Это будет вина их самих (т. е. купцов), и они не могут сказать, что не были заранее предупреждены. Все должны внимательно руководствоваться этим»². Но расклеиванием объявлений дело и ограничилось.

Представление с резолюцией П.А. Столыпина было передано на обсуждение в министерства и ведомства, входившие в состав Комитета по заселению Дальнего Востока. Все министры и начальники

¹ Там же. Л. 4.

² Там же. Л. 28-29.

управлений согласились с необходимостью принятия мер. Только министр юстиции тайный советник И.Г. Щегловитов считал, что бороться с опиекурением и производством опиума одним только запрещением посевов мака в законодательном порядке будет очень трудно из-за слабой заселенности края и недостаточного полицейского надзора. Законопроект, с его точки зрения, необходимо было расширить статьями, касавшимися потребления и распространения этого наркотика.

Опиекурельни как таковые встречались в Приамурье редко, но зато почти во всех постоянных дворах, харчевнях, пивных, лавках были специальные комнаты с нарами вдоль стен, предназначенные для курения опиума. Опиекурение процветало в бараках для рабочих, во всех китайских квартирах, владельцы которых, как правило, являлись и торговцами опиума. Осуществлять надзор за ними было чрезвычайно трудно, так как опиекурение и содержание опиекурелен законом не запрещались. Поэтому министр юстиции предложил «наряду с запрещением сеять мак, воспретить, по примеру японского законодательства, изготовление, приобретение, хранение и сбыт курительного опия и сосудов для курения, а равно предоставление помещения под опиекурение, установив за нарушение заключение в тюрьме от 2 до 8 месяцев»¹. Он считал также, что нельзя ограничивать действие закона пределами одного Приамурского края, а необходимо распространить его на всю Российскую империю. Кроме того, поскольку содержатели китайских тайных опиекурелен, игорных и публичных домов давали взятки местной полиции, предлагалось предусмотреть в законе ответственность полиции за слабый надзор за подобными заведениями.

Некоторые чиновники канцелярии Комитета по заселению Дальнего Востока, озадаченные необходимостью выработки законопроекта о запрещении производства опиума, сомневались, что он будет иметь какое-либо практическое значение, и вот почему. Русское население пока лишь косвенно участвовало в развитии опиумного промысла, сдавая землю в аренду китайцам и корейцам под посевы мака. Следовательно, нарушителями проектируемых правил были бы исключительно иностранцы. Китайцы фактически безнаказанно занимались в России опиумным промыслом, строго запрещенным в Китае, чтобы избежать ответственности перед своими законами. Подданные Поднебесной империи, нарушившие российские законы, должны быть судимы по правилам, применяемым к русским подданным. Но нормы российского и китайского права, особенно в части ответственности за нарушения, настолько различны, что самые строгие кары по русским законам в понятии китайцев

¹ Там же. Л. 23.

граничили бы с безнаказанностью. Поэтому некоторые составители законопроекта предлагали договориться с китайским правительством об исключении из российской юрисдикции китайских подданных, избличенных в распространении опиума, и передачи их китайским властям для суда по законам Китая. Они считали, что «эта мера будет иметь более устрашающее значение, чем кормежка их за счет казны по русским тюрьмам»¹.

Принятие этого предложения фактически означало бы предоставление китайским подданным права экстерриториальности и консульской юрисдикции, что противоречило статусу России как великой державы. Поэтому оно было отклонено и не нашло отражения в законопроекте.

Все вышесказанные предложения были доведены до сведения приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти в ноябре 1911 г. (после убийства П.А. Столыпина) новым председателем Комитета по заселению Дальнего Востока действительным статским советником В.Н. Коковцевым.

Приамурский генерал-губернатор, соглашаясь с предложенными мерами, счел необходимым «установить ответственность не только лиц, производящих посевы (это исключительно китайцы и корейцы), но и всех частных лиц, обществ и учреждений, имеющих в своем владении или пользовании земли, если на них будут обнаружены посевы мака, хотя бы произведенные другими лицами»². По мнению генерал-губернатора, эта мера заставит население наблюдать за землями, широко раздававшимися в аренду китайцам и корейцам заведомо под посевы мака.

После всестороннего обсуждения, так или иначе учитывая все предложения, высказанные заинтересованными ведомствами и приамурской администрацией, канцелярия Комитета по заселению Дальнего Востока приступила к выработке законопроекта о борьбе с развитием опиекурения в дальневосточных областях России, обсуждение которого состоялось в межведомственной комиссии 30 ноября 1912 г.³

Сущность законопроекта сводилась к установлению уголовной ответственности и денежных штрафов не только за производство посевов мака в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области, но и за опиекурение, хранение, приобретение и сбыт опиума, трубок и приспособлений для опиекурения в пределах всей Российской империи. В связи с этим необходимо было внести некоторые изменения и дополнения в действующее российское законо-

¹ Там же. Л. 10.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Л. 41.

дательство, в частности, в Уложение о наказаниях, Устав таможенный и др. За производство посевов мака виновные подвергались заключению в тюрьму от 1 до 6 месяцев и денежному взысканию в размере 300 руб. за каждую десятину посева. Виновные в изготовлении, приобретении, хранении и сбыте опиума подвергались тюремному заключению от 4 месяцев до 1 года и 4 месяцев и денежному штрафу не более 500 руб. Такое же наказание предусматривалось и для лиц, предоставляющих свои помещения под опиекурение. Выявление и предание суду виновных в производстве и распространении опиума возлагалось на полицию, крестьянских начальников, лесничих, заведующих оброчными статьями и чинов акцизного надзора¹.

Поскольку межведомственная комиссия правом законодательной инициативы не обладала, законопроект был представлен в Государственную думу Министерством земледелия 6 марта 1913 г., но одобрен не был. По словам члена Государственной думы А.М. Черносвитова, докладчика по законопроекту, к этому документу в думе наблюдалось отрицательное отношение из-за запрещения посевов мака на Дальнем Востоке². Это запрещение, не вытекавшее из требований международной опиумной конвенции, по мнению многих депутатов Думы, не соответствовало задачам ведомства земледелия, обязанного поощрять развитие ценных культур, а не стеснять его. В думе было высказано мнение, что степень развития посевов опиумного мака не представляет в настоящее время никакой угрозы, и А.М. Черносвитов, выступая за отклонение законопроекта в данном виде, предложил изменить его в части, касавшейся посевов мака.

Возможно, на депутатов повлияло в какой-то степени мнение уполномоченного Министерства иностранных дел в Амурской экспедиции В.В. Граве, который считал нецелесообразным с государственной точки зрения преследование опиекурения. Он не разделял опасения, что курение опиума получит широкое распространение среди русского населения, так как это очень дорогое удовольствие и «русскому крестьянину нет никакой нужды покупать дорогое опьяняющее вещество, когда у него всегда под рукой своя русская дешевая водка». Более того, В.В. Граве предлагал официально разрешить содержание ориекурилен в крае, чтобы положить конец развращавшему влиянию на полицию взяток от хозяев этих заведений. Разрешение курения опиума, с его точки зрения, было выгодно и с чисто фискальной стороны, так как получаемый полицией тайный сбор будет обращаться в доход казны путем взимания акциза. В.В. Граве доказывал, что посевы мака не следовало бы запрещать, поскольку почва в Приамурье благоприятна для его возделывания, доказа-

¹ Там же. Л. 54.

² Там же. Л. 74.

тельством чему служило большое количество дикорастущего мака на лугах края. Зачем же запрещать выращивание культуры, которая приносит хороший доход? Наконец, торговля опиумом способствовала тому, что китайцы оставляли свои заработанные деньги в России. На основании всего этого В.В. Граве пришел к выводу, что для запрещения опикурения, приносящего вред лишь проживавшим в крае китайцам, нет достаточных оснований. Если и издавать запретительный закон, то только в случае получения компенсации от китайского правительства в виде принятия им мер против провоза в Россию контрабандного спирта¹.

С другой стороны, сторонники принятия закона, запрещавшего производство и курение опиума, к каковым прежде всего относилась местная администрация, в частности, сам приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти, высказывали прямо противоположное мнение о несомненной опасности для населения Приамурья опиумного промысла и вреда маковых плантаций для сельского хозяйства Дальнего Востока. Местные власти были обеспокоены ростом посевов мака в крае, особенно после издания закона 21 июня 1910 г. Много китайских подданных, не имевших возможности найти работу в городах, устремились в сельскую местность, что оказало влияние на увеличение посевов мака. Кроме того, решительные действия против производства опиума были необходимы как средство в борьбе с контрабандным ввозом спиртных напитков из Китая.

В итоге, проект закона по борьбе с опикурением не получил одобрения Государственной думы², не говоря уже о местном населении, получавшем значительные выгоды от сдачи земли в аренду китайцам под посевы мака. Китайские власти отказывались предпринимать какие-либо меры и идти на подписание соглашения, пока русские власти не запретят посевы мака и производство опиума. Кроме того, на ходе переговоров сказывалась и политическая ситуация в Китае, связанная с событиями Синьхайской революции, сменой власти, политической нестабильностью в стране и т. п. В итоге до первой мировой войны соглашение так и не было подписано. Удалось только запретить с 1911 г. открывать винокуренные и водочные заводы, а также склады спирта в полосе отчуждения КВЖД, но только около границы.

¹ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Тр. Амурской экспедиции. СПб., 1912. Вып. XI. С. 123.

² Не одобренный Государственной думой законопроект был передан в комиссию по судебным реформам, которая до начала Первой мировой войны даже не приступила к его обсуждению.

«Наилучший способ» борьбы с контрабандой спирта

Возобновление переговоров с китайским правительством произошло уже во время войны по инициативе русской стороны. Военный губернатор Приморской области генерал-лейтенант А.Д. Сташевский во всеподданнейшем отчете за 1914 г. обращал высочайшее внимание на «большую угрозу» со стороны китайцев и корейцев, являвшихся «проносителями контрабандного спирта из-за границы». Губернатор сообщал: «Арестные помещения области заполнены китайцами и корейцами, обвиняемыми в водворении в наши пределы контрабандного спирта. Борьба с этими желтыми спиртоносами крайне затруднительна. Уездной полицейской стражи в области нет, а штаты корчемной и таможенной стражи далеко недостаточны для охраны всей нашей границы с Маньчжурией, на территории которой чуть не через каждый десяток верст вдоль нашей границы имеется или кабак или завод для гонки спирта. Обилие контрабандного спирта, водворяемого в область, и отсутствие средств для борьбы с этим явлением сводят на нет все запретительные меры против пьянства. Приемлю смелость всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что наилучшим способом для борьбы с водворением в наши пределы контрабандного спирта было бы заключение особого соглашения с китайским правительством, в силу которого последнее обязалось бы убрать с нашей границы вглубь Маньчжурии верст на сто все кабаки и заводы»¹.

В Генеральный штаб поступали тревожные сигналы от командующего войсками Приамурского военного округа. В телеграмме военному министру командующий сообщал: «...в то время, когда повсеместно в России воспрещена всякая продажа спиртных напитков, на территории КВЖД такая торговля разрешена и производится в больших размерах, а так как дорога эта граничит с Приамурским военным округом, то спирт и водочные изделия в огромных количествах проносятся в пределы округа, почему по всей линии, от Пограничной до Никольск-Уссурийского, кишат контрабандисты, особенно китайцы. Спирт свободно проникает к нижним чинам в округе, не говоря уже про воинские эшелоны, следующие по КВЖД, ибо несмотря на обязательное постановление Управляющего дорогой о воспрещении отпуска нижним чинам спиртных изделий из заведений, производящих раздробительную продажу, нижние чины всегда найдут возможность приобрести спиртные напитки через посредство частных лиц»².

¹ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 923. Л. 8.

² АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1754. Л. 33.

Таким образом, по инициативе приамурской администрации, уже в условиях военного времени, «в связи с повсеместными мерами в империи по искоренению пьянства и продолжающимся провозом спирта в Приамурье», активизировалась деятельность по заключению соглашения с китайским правительством. Все перипетии переговоров по выработке проекта русско-китайского соглашения и дипломатические коллизии, сопровождавшие эти переговоры, отражены в документах, составивших объемное дело в фонде «Китайский стол» Архива внешней политики Российской империи¹.

В декабре 1914 г. приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти обратился к министру земледелия А.В. Кривошеину с ходатайством ускорить издание закона о мерах борьбы с производством опиума, проект которого был разработан Комитетом по заселению Дальнего Востока еще в ноябре 1912 г. Не получив одобрения в Государственной Думе, он был положен под сукно. Н.Л. Гондатти подчеркивал, что задержка в издании закона не только «пагубно отражается на развитии сельского хозяйства, а также на борьбе с хунхузами, которых привлекают маковые плантации», но, главное, этот закон был совершенно необходим как инструмент в деле борьбы с распространением пьянства, так как, несмотря на запрещение продажи спиртных напитков в условиях военного времени, население пограничных областей продолжало потреблять контрабандный китайский спирт². Китайское правительство, со своей стороны, не собиралось принимать никаких мер против контрабандной торговли спиртом, пока русские не проведут аналогичных мер в отношении опиумной контрабанды, а у приамурской администрации не было для этого законодательной базы. Более того, многие казаки считали, что запрещение сдавать землю в аренду китайцам под посевы мака, в условиях, когда из-за мобилизационных мероприятий половина семей в станицах осталась без работников, приведет к разорению их хозяйств. Даже слухи о том, что скоро будет принят закон, воспреещающий производство опиума, вызвали множество жалоб с их стороны, примером которых может служить докладная записка отставного войскового старшины Алексея Шестакова, представленная генерал-губернатору в феврале 1915 г. В ярких красках описывая ухудшение положения казачьих хозяйств в станице Полтавская в связи с мероприятиями местных властей по ограничению китайской аренды земли, старшина, выражая общее мнение своих односельчан, писал: «Если теперь будет запрещен желтый труд и посев мака, то как будут чувствовать себя бойцы, зная, что их хозяйства

¹ Там же. 663 л.

² РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 24. Л. 101.

разоряются», и просил остановить «разорительную ломку до возвращения казаков домой»¹.

Жалобы не поколебали решимости приамурской администрации и в результате настойчивых ходатайств генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, Министерство земледелия сочло возможным (на основании «ст. 87 Осн. Гос. Законов») забрать из Государственной Думы законопроект о мерах борьбы с опекурением на Дальнем Востоке «в связи с настоятельностью спешного его проведения». Министр земледелия А.В. Кривошеин телеграммой уведомил Н.Л. Гондатти, что 22 мая 1915 г. Совет министров принял «представление о мерах борьбы с опекурением в редакции известного законопроекта»², которое 7 июня было подписано царем. После высочайшего утверждения Закон «О мерах борьбы с опекурением» был опубликован в собрании узаконений от 17 июня 1915 г. под номером 170. Кроме того, спустя некоторое время, были изданы два обязательных постановления управляющего КВЖД (от 19 декабря 1915 г. и 3 февраля 1916 г.), преследующих ту же цель — «борьбу с опекурением в полосе отчуждения вверенной ему Дороги»³. С принятием закона против опекурения в Приамурье у русских дипломатов появился крупный козырь в переговорах с пекинским правительством по выработке соглашения о запрещении производства и продажи спирта в пограничной полосе.

22 августа 1915 г. в Пекине произошел обмен нотами между российским императорским посланником и министром иностранных дел Китайской Республики. Китайское правительство, в ответ на запрещение русских властей в Забайкальской, Амурской, Приморской областях и на территории КВЖД культуры мака и ввоза в Китай опиума, изъявило согласие на принятие следующих мер: «1) В 50-верстной пограничной полосе Гиринской и Хэйлунцзянской провинций запретить всякую торговлю, ввоз и вывоз спирта и спиртных напитков иностранного производства, равно как и продажу русским и ввоз в русские пределы спиртных напитков, а также не допускать устройства новых винокуренных заводов и винных лавок; 2) принять аналогичные меры в полосе отчуждения КВЖД»⁴. Выработка же всех деталей соглашения, а также контроль за исполнением китайцами своих обещаний были возложены на генерального консула в Харбине «по соглашению с китайскими властями».

Эти пекинские ноты и были положены в основу двустороннего соглашения, работа над которым продолжалась еще почти целый

¹ РГИА. Ф. 395. Оп. 2. Д. 3169 д. Л. 1-5.

² РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 24. Л. 137.

³ АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1754. Л. 366.

⁴ Там же. Л. 37-38.

год. Выработка окончательного текста соглашения затягивалась из-за бесконечных препирательств с китайской стороной по каждому пункту и негативного отношения управления КВЖД.

Управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д.Л. Хорват фактически сразу после достижения договоренности о выработке соглашения (в октябре 1915 г.) высказал ряд сомнений в возможности его претворения в жизнь. К чему сводились его аргументы? Основной целью соглашения являлось прекращение доступа спирта и изделий из него в русские области. Управляющий КВЖД опасался, что ограничительные меры будут «непопулярны среди населения Маньчжурии, нанесут ущерб китайскому населению, так как большинство культурных злаков — гаолян, чумиза, перерабатываются на спирт». Кроме того, еще осенью 1914 г., когда министр финансов распорядился, чтобы управление КВЖД запретило открытие новых винокуренных заводов и складов в пределах всей полосы отчуждения дороги, приходилось считаться с тем, что на дороге расположен ряд открытых для международной торговли пунктов (Харбин, Маньчжурия и др.). Управление дороги сомневалось, имеет ли оно право запрещать торговлю спиртными напитками проживавшим здесь иностранцам, и запросило по этому поводу внешнеполитическое ведомство. Министр иностранных дел С.М. Сазонов тогда ответил, что «иностранцы с правами экстерриториальности имеют несомненное право открывать в полосе отчуждения КВЖД винокуренные заводы»¹. Поэтому Д.Л. Хорват был считать соглашение с китайским правительством «лишенным серьезного практического значения», полагая, что в деле борьбы с пьянством в Приамурье и Забайкалье реальных результатов можно достичь лишь в том случае, «если бы Китайское Правительство и все державы, подданные которых живут в Китае по законам своих стран, согласились запретить выделку и употребление спирта по всей Маньчжурии и ввоз его в Маньчжурию, без этого все мероприятия в этой области не могут быть с успехом проведены в жизнь». Сомневаясь в возможности прекратить в Маньчжурии иностранную торговлю спиртными напитками, генерал отмечал: «Трудно предполагать, чтобы национальности, кои признали для себя обязательным помянутый договор, сочли бы для себя возможным отказаться от продажи и употребления спиртных напитков, ибо не участвуя в данном соглашении с Китаем, они едва ли пожелают принести в жертву интересы подданных своих стран ради одной только пользы русского населения; а при таких условиях полного прекращения продажи спирта и спиртных напитков как на территории дороги, так и в полосе отчуждения, невозможно будет достигнуть и мера эта, не достигая своей цели, сведется лишь к на-

¹ Там же. Л. 34.

несению крупного ущерба местным русским промышленникам и торговцам, благосостоянию Харбина и других линейных поселков, являющимся оплотом нашей колонизации Маньчжурии — в пользу коих поступают значительные суммы от обложения соответствующих предприятий». Следовательно, соглашение было невыгодно ни китайскому, ни русскому населению Маньчжурии.

В целом, прогноз управляющего КВЖД был неутешительным — он предвидел, что практическое осуществление соглашения цели не достигнет, но зато вызовет значительные расходы «на усиление с нашей стороны местного полицейского надзора», приведет к созданию контрабандных органов и значительно «осложнит задачи нашей местной администрации и отношения с Китаем»¹.

Много разногласий приходилось преодолевать и в переговорах с китайским правительством. Текст соглашения выработывался на русско-китайском совещании в Харбине весной 1916 г., где русскую делегацию возглавлял императорский российский генеральный консул в Харбине В.В. Траутшольд, а китайскую — биньцзянский даоинь и комиссар по иностранным делам Ли Хунмо. Российская сторона была заинтересована в скорейшем заключении соглашения, чтобы успеть до начала навигации по Амуру, а китайцы, напротив, «тянули резину».

Протоколы заседаний (от 5 марта, 2 апреля и др.) этого совещания и переписка В.В. Траутшольда с российским посланником в Пекине и Министерством иностранных дел свидетельствуют о трудном, подчас драматичном ходе работы совещания. Достаточно сказать, что после длительных, сложных переговоров, жарких споров, бесконечных препирательств с китайской стороны, когда наконец-то, казалось бы, проект соглашения был готов и уже получил одобрение в Петербурге и в Пекине, на заключительном заседании совещания, в последний момент, после предложения В.В. Траутшольда приступить к подписанию проекта, китайцы отказались это сделать. Ли Хунмо заявил, что он получил инструкции от своего Министерства иностранных дел «пересмотреть некоторые из статей для внесения поправок». Поскольку русские участники совещания уже подписали проект, В. Траутшольд «категорически» отклонил мотив китайской стороны, заявив, что поправки надо было вносить во время обсуждения проекта в Пекине. Тогда Ли Хунмо выдвинул второй мотив: так как пекинскими нотами предусматривалась выработка «взаимного соглашения о спирте и опиуме», то работы совещания не могут считаться законченными, пока не будет выработан проект соглашения об опиуме, и предложил немедленно приступить к его обсуждению. В. Траутшольд отказался и от рассмотрения этого вопроса, ссылаясь

¹ Там же. Л. 38-40 а.

на то, что Россия уже оказывает Китаю «самую деятельную помощь» в деле борьбы с опикурением. В своем донесении в МИД о заключительном совещании В.В. Траутшольд очень ярко описывал, как они парировали «атаки китайцев», «перешли в наступление и стали стыдить их», убеждая, что «отказаться от подписания статей ими же принятых — это равносильно отказу от честного слова», как это «недобросовестно и неблагоприятно»¹. В конце концов, китайцы пообещали подписать проект одновременно с протоколами совещания, когда те будут готовы.

«...мы все свое получили, ничего не уступили...»

Результатом работы харбинского совещания стало подписание 8 мая (здесь и далее все даты даны по старому стилю) 1916 г. русско-китайского соглашения «о запрещении производства и торговли спиртом в пограничной с Россией 50-верстной полосе Маньчжурии». Соглашение это состояло из 14 статей, в которых самым подробным образом оговаривались различные запретительные мероприятия по пресечению торговли алкоголем. Правда, вместо пятой статьи, самой спорной, об окончательной редакции которой не удалось договориться, пока был прочерк с пометкой в скобках: «Эта статья имеет быть установлена по соглашению между Вайцзяобу (МИД Китая. — Т.С.) и Императорской Российской Миссией в Пекине».

Первые четыре статьи касались ввоза, вывоза, производства и торговли спиртом в пограничной полосе. В прилегающую к русской границе порубежную 50-верстную полосу Гиринской и Хэйлунцзянской провинций запрещалось ввозить любые спиртные напитки («безразлично какого изготовления»), за исключением ханшина. В Россию же запрещался ввоз вообще всех алкогольных напитков («всяких: спирта, спиртных напитков и вин»), в том числе и ханшина. В пограничной полосе запрещались также покупка, продажа, хранение, перевозка и переноска спиртных напитков и не допускалось их изготовление, а все существовавшие здесь винокуренные и водочные заводы, винные склады и лавки подлежали закрытию. Имевшиеся к моменту закрытия запасы спирта могли быть беспрепятственно вывезены за 50-верстную полосу в пределы Китая в шестимесячный срок. Статья 6 предусматривала ответственность виновных в нарушении соглашения и вознаграждение «в установленном размере» лиц, способствовавших обнаружению виновных. Найденные спиртные напитки «со всеми служащими для изготовления, хранения и перевозки аппаратами и принадлежностями» под-

¹ Там же. Л. 277-289.

лежали конфискации и направлялись «в ближайшие соответствующие правительственные учреждения для уничтожения».

Следующие четыре статьи (7–10) касались производства и торговли ханшином. В соглашении оговаривалось, что объемы производства ханшинных заводов, уже существующих в пределах пограничной с Россией 50-верстной полосы Гиринской и Хэйлунцзянской провинций, должны быть строго ограничены количеством, потребным для нужд китайского населения. Причем список заводов, с указанием размера производительности каждого из них, китайское правительство должно дополнительно представить в шестимесячный срок со дня вступления соглашения в силу. Открытие же новых ханшинных заводов, кроме перечисленных в этом списке, не разрешалось. Не допускалось также и открытие новых ханшинных лавок и складов, а объемы торговли китайской водкой могли увеличиваться лишь в соответствии с ростом населения пограничной полосы, «не выходя из пределов нормы душевого потребления в 12 гинов на душу ежегодно». Запрещался не только вывоз ханшина из 50-верстной полосы в Россию, но и продажа его русским подданным в пределах пограничных китайских провинций. Надзор за точным исполнением этих статей соглашения возлагался на китайские правительственные учреждения, в чьем ведении находился контроль над ханшинными заводами, складами и лавками; они должны были не только вести точный учет привозному и производившемуся на месте ханшину, но и «установить внешние признаки, отличающие поступающий в продажу ханшин от алкоголя всякого другого изготовления».

Китайское правительство брало на себя обязательство провести аналогичные меры «против алкоголизма» в зоне отчуждения КВЖД, по мере получения надлежащего уведомления от управления дороги. Чтобы распространить положения соглашения на иностранных подданных в зоне отчуждения КВЖД, открытой для иностранной торговли, российское и китайское правительства договорились сначала обсудить этот вопрос с правительствами иностранных держав.

В заключение китайские власти брали на себя обязательство не препятствовать, а, напротив, оказывать всяческое содействие русским чинам, если возникнет необходимость посетить пограничные районы указанных в соглашении провинций для получения каких-либо сведений. Русские же власти, со своей стороны, обещали сообщать о том заблаговременно. Кроме того, по просьбе русских властей ответственные китайские учреждения должны были предоставлять в их распоряжение все необходимые подробные справки

«по делу борьбы с алкоголизмом» и «следить за тем, чтобы постановления настоящего соглашения никем не нарушались»¹.

Соглашение было подписано императорским российским генеральным консулом в Харбине В. Траутшольдом и комиссаром по иностранным делам Ли Хунмо. Спустя некоторое время, 27 июня 1916 г., российский посланник в Пекине и китайский управляющий Министерством иностранных дел обменялись нотами, из которых следовало, что русское и китайское правительства утвердили харбинское соглашение и договорились, что оно вступит в силу через два месяца, то есть 27 августа.

Здесь же содержался и окончательный вариант пятой статьи, которая была отредактирована следующим образом: «Перевозка на судах по р. Сунгари от Харбина до впадения ее в Амур в качестве товара всякого спирта в каких бы то ни было количествах воспрещается. Воспрещение это не распространяется ни на ханшин, ни на остальные вина»². Именно такую редакцию статьи, считая упоминание о Сунгари очень важным, упорно отстаивал В. Траутшольд в спорах с китайцами, и он был очень доволен итоговыми результатами. Получив от посланника в Пекине тексты обменных нот, он написал в МИД: «Очень рад, что наша работа, наконец, получила санкцию обоих правительств, что она одобрена целиком без изменений и что единственная спорная статья, пятая, принята в желательной для нас редакции, на которой мы настаивали. Если Харбинское соглашение является лишь детальной разработкой Пекинских нот от 22 августа 1915 г., то 5 статьей мы безусловно приобрели нечто совершенно новое, не предусмотренное теми Пекинскими нотами. В них ведь о р. Сунгари вовсе не упоминалось. ...Одним словом, мы все свое получили, ничего не уступили и остается только надеяться, что соглашение останется не только на бумаге, но принесет те плоды на деле, которых мы от него ожидаем»³.

Позднее это соглашение вошло в «Собрание Указаний и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате» от 19 августа как 1791-я статья.

После утверждения соглашения необходимо было довести его содержание до всеобщего сведения. С этой целью для русских подданных в пограничной полосе были изданы консульские обязательные постановления в Айгуне, Харбине и Гирине. Китайское население и китайские суда по Сунгари оповещались распоряжениями китайской администрации, причем договорились, чтобы на китай-

¹ Там же. Л. 454-457.

² Там же. Л. 455.

³ Там же. Л. 48-49.

ских нарушителей налагалось взыскание не меньше, чем предусматривалось российскими консульскими постановлениями.

Чтобы судить о том, в каком виде информация о запретах и размерах штрафов доводилась до населения, в качестве примера приведем полностью содержание обязательного постановления вице-консула в Айгуне от 10 августа 1916 г.: «Императорское Российское Вице-Консульство в Айгуне доводит до всеобщего сведения о нижеследующем: 1) В пределах входящей в Айгуньский консульский округ 50-верстной пограничной с Амурской областью полосы Маньчжурии русским подданным воспрещается: выделка, покупка, продажа, хранение, перевозка и переноска какими бы то ни было способами спирта, спиртных напитков и вин, безразлично какого изготовления; 2) Имеющиеся ко времени сего запрещения в пределах означенной полосы запасы спирта, спиртных напитков и вин, принадлежащие русским подданным, должны быть вывезены за эту полосу в пределы Китая за шестимесячный срок со дня опубликования настоящего обязательного постановления; 3) Подвоз на русских судах в ту же полосу всяких спирта, спиртных напитков и вин, в каких бы то ни было количествах и безразлично какого изготовления, также воспрещается, равно как и всякая перевозка таковых по пограничному водному пространству какими бы то ни было способами, как в летнее, так и в зимнее время; 4) Виновные в нарушении сего русские подданные подвергаются денежному штрафу не свыше 500 руб. или аресту до трех месяцев; 5) обнаруженные в нарушении сего постановления: спирт, спиртные напитки и вина, со всеми служащими для изготовления и перевозки аппаратами и принадлежностями, подлежат конфискации и уничтожению; 6) Настоящее постановление вступает в силу с 27 августа (9 сентября) 1916 г. Императорский Российский Вице-Консул В. Никитин»¹.

Подписанное соглашение современники восприняли неоднозначно. Одни скептически относились к нему, в духе Хорвата, не верили в возможность его практического осуществления, считая, что «ограничительные меры ущерб нанесут, но не дадут реальных компенсаций». Другие понимали, что это соглашение, конечно, не сможет «вполне гарантировать нас, что контрабандного водворения спирта в наши пределы из Маньчжурии более не будет», но надеялись, что оно хотя бы «затруднит доставку» алкоголя, а самое главное — с помощью усиления уездной полиции и увеличения штатов корчемной стражи откроет возможность «успешной борьбы с этим злом». Трудно судить о реальных последствиях соглашения и эффективности предпринятых на его основе ограничительных мероприятий, поскольку история не отпустила времени, чтобы проверить,

¹ ГААО. Ф. 53 и. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

чья оценка оказалась ближе к действительности. Во всяком случае, даже несмотря на то, что соглашение опоздало к началу навигации, по свидетельству земельного отдела КВЖД, количество спирта, отправленного на Амур весной-летом 1916 г., значительно сократилось по сравнению с прежними годами благодаря одному только слуху о том, что в течение лета может последовать запрещение перевозки спирта и торговли им в пограничной полосе. Как справедливо на это отреагировал В. Траутшольд: «Вот уже первый благой результат нового соглашения»¹.

¹ АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1754. Л. 49.

Неформальная экономическая деятельность китайских мигрантов в 2000-е (на примере Республики Бурятия)

Экономическая деятельность китайских мигрантов в современной России нередко определяется в терминах «неформальной» или даже «криминальной». Впрочем, было бы странно полагать, что это явление — исключительно «китайское». Из научных публикаций, как и из материалов СМИ, мы знаем, что неформальная экономика в разных ее проявлениях — характерная проблема как для России, так и для других стран с переходной экономикой. Впрочем, не удалось ее полностью ликвидировать и в наиболее развитых странах мира. Однако, похоже, что мигранты — временные или постоянные — оказываются в состоянии выбора между легальной и нелегальной экономической деятельностью чаще. Чтобы понять, почему так происходит, важно постоянно накапливать эмпирический материал, пытаться провести исторические параллели, отмечать и анализировать любые изменения в формальности экономического поведения, связанные с социальными, институциональными, экономическими причинами.

Глобальный экономический кризис конца 2000-х гг. предоставляет для этого интересную возможность. Ведь очевидно, что чисто экономические проблемы, связанные с сокращением спроса, ростом цен и безработицы, закрытием предприятий, неминуемо приведут к изменениям в социальной организации общества. Можно предположить, что одни группы (в нашем случае плохо защищенные законодательством группы китайских предпринимателей в России) окажутся под ударом большим, чем другие.

Таким образом — данная статья представляет собой попытку отследить некоторые изменения, произошедшие с китайскими предпринимателями в Бурятии в результате глобального экономического кризиса. Динамику процесса автор может наблюдать благодаря своей продолжительной работе в фирме, занимающейся переводами документов для китайцев. Методами работы послужили неформальные интервью и включенное наблюдение.

¹ Иванова Наталья Жамсаевна — кандидат исторических наук, независимый исследователь. Индивидуальный предприниматель, сфера деятельности — оказание переводческих услуг (Улан-Удэ).

Организация китайского бизнеса и основные экономические практики (ситуация, сложившаяся к 2008 г.)¹

На территорию Бурятии, также как и в другие регионы РФ, китайские предприниматели начали проникать вместе с товарным потоком, который они по меткому выражению В.Г. Гельбраса, «обслуживали». Однако уже к концу 90-х гг. XX в. челночная торговля товарами народного потребления перестала быть главной сферой их занятости. Она послужила стартом для многих крупных предпринимателей, а затем стала неосновным и относительно мало доходным бизнесом для одних или даже «брошена» другими в поисках новых рыночных ниш.

Китайцы стали открывать в Бурятии магазины строительных материалов, различного рода оборудования, запчастей для автомобилей и других видов товаров. В городе стали открываться автомастерские, гостиницы, сауны, кафе, рестораны, строительно-отделочные фирмы, ателье и т. п. Часть из них работала на обеспечение нужд общины, другая обслуживала местное население.

Более успешные и предприимчивые китайцы стали вкладывать деньги в скупку цветных металлов, шкур животных и других природных ресурсов. По мнению одного из моих информантов, китайского предпринимателя, ужесточение миграционного и иного контроля приводило к еще большей ориентации китайцев на сырьевой бизнес, который гораздо труднее контролировать.

Предъявляемый китайцами спрос на ресурсы «вовлек» в неформальное природопользование местных жителей и фирмы. Среди них: конторы, обслуживающие экспортные сделки китайцев, включая рабочих, бухгалтеров, управленцев и т. п.; сельские жители, заготавливающие для китайцев сырье (лес, рыбу, шкуры животных, кедровый орех); водители автобусных маршрутов; переводчики; чиновники, берущие взятки у китайцев.

Отдельные группы мигрантов скупали вторсырье (например, пластмассу, металлолом), рыбу, шкуры животных, струю кабарги, желчь медведя, рога изюбра, женьшень и многие другие товары, совершенно нецененные местными жителями. Интерес вызывали даже золошлаки, образующиеся в скоплениях воды на городских ТЭЦ, используемые в производстве строительных материалов.

Сформировались особые схемы скупки сырья. Кедровый орех отправлялся в провинцию Цзилинь, откуда отправлялся в Гонконг и далее расходился в другие страны. Нефрит скупался китайцами

¹ См. подробнее: Иванова Н.Ж. Китайские предприниматели в Бурятии. Бизнес-сети и сообщества // Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск: Оттиск, 2009.

и отправлялся в провинцию Ляонин или в г. Чжэнпин (провинция Хэнань). В Чжэнпине из него делали украшения и продавали в другие страны мира, преимущественно живущим там китайцам. Такая специализация была связана с социальной солидарностью, стимулирующая людей к тому, чтобы вести бизнес со своими земляками (выходцами из одного города, уезда, района), родственниками, членами одной корпорации. Разного рода профессиональные корпорации получили широкое распространение еще в средневековом Китае. Во многих случаях они располагали множеством эффективных средств для того, чтобы контролировать положение дел. В Бурятии 2000-х ситуация с китайским бизнесом складывалась подобным образом – особенно заметными были тесные земляческие связи внутри фуцзяньской, чжэнпинской, наньтунской (город в провинции Цзянсу) групп китайцев. «Фуцзяньцы» контролировали рынок леса, «наньтунцы» – строительства. В них происходило разделение на более мелкие родственные группы (не обязательно кровные), которые совместными усилиями вели бизнес. Такого рода объединения позволяли китайцам использовать традиционные приемы для контроля своего поля деятельности. Они могли устанавливать свои цены на товары, манипулировать местными партнерами, в случае необходимости использовать бойкоты. Обычно в любой группе имелся «старший» – «баньчжан» («дуйчжан», «лаода» и т. п.), которого выбирали по старшинству или уровню компетентности. В случае равенства всех членов для представления интересов группы, старший выбирался по доле участия или возрасту. Впрочем, и неродственные конкурирующие группы земляков в случае возникновения серьезных трудностей также старались оказывать друг другу поддержку.

Важными звеньями неформальной китайской экономики в России стали *посредники*. (Посредниками мы называем людей, которые помогают в организации бизнеса для китайцев в России.) Приезжая впервые в Россию для того, чтобы заработать деньги, китайцы первым делом обращались за помощью к таким лицам, обладающим необходимыми знаниями об особенностях ведения местного бизнеса, налаженными каналами для организации коммерческих сделок или трудоустройства. Некоторые мигранты, собираясь в Россию, старались узнать о самых знаменитых и успешных посредниках, находясь еще в Китае. А приезжая, искали этих людей и обращались с просьбой взять их под свое покровительство. Специфичные требования ограничивали круг людей, которые могли бы оказывать подобные посреднические услуги, но деятельность посредников оказалась жизненно важной в связи с конфиденциальностью многих услуг для китайцев. Наиболее успешные из посредников стали известными и влиятельными людьми внутри китайской общины. У посредников

концентрировалась информация о большинстве видов китайского бизнеса. Являясь крупными дельцами, посредники имели возможность контролировать остальных членов своей общины и регулировать направления деятельности. Они же, по их словам, выполняли функцию переходного звена между принимающим обществом и общиной.

В деловой практике китайцев также широко применялся институт подставных лиц. В.И. Дятлов отмечал, что регистрация предприятия на подставное лицо — одна из самых простых и эффективных схем организации бизнеса. Институт подставных лиц — классическое явление, оно широко и повсеместно использовалось в странах Востока. Это эффективный способ обхода массы ограничений, существующих для неграждан или представителей дискриминируемых меньшинств, средство для уклонения от уплаты налогов. С течением времени этот институт становится механизмом для интеграции с влиятельными кругами принимающего общества¹.

Институт подставных лиц стал едва ли не единственной возможностью организации бизнеса для китайцев. Из интервью с россиянкой-переводчицей «Г»: *«Я работала два года в одной компании. Потом меня уволили. А через два дня ко мне приехали конкуренты моих бывших хозяев и пригласили на работу. Они сразу оформили на меня фирму [которая занималась крупными экспортными операциями и имела серьезные проблемы с налогами. Купили машину, права. Я заключаю сделки, представляю интересы фирмы. Вся ответственность на мне [вплоть до уголовной, которую неоднократно пытались ей вменить]. Мне платят зарплату, даже когда я не работаю, работа у нас сезонная. Боятся, что я могу их бросить. А с настоящими хозяевами фирмы я познакомилась только в прошлом году в Китае. Те, с кем я работаю в Улан-Удэ, — лишь представители хозяев, а я, получается, директор фирмы»*².

Таким образом, в китайской среде выделилось два типа хозяев. С одной стороны, реальные собственники капитала, с другой — представители и доверенные лица китайских компаний и фирм, также граждане КНР. Они не считали себя наемными работниками и действительно таковыми не являлись, ведь их связывала с компанией или фирмой более сложная система отношений, определяемая нормами семейного бизнеса, далеко не всегда мелкого³. Дополнительным типом собственников в этой сложной хозяйственной системе

¹ Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000. С. 134.

² ПМА 2005 — интервью с «Г», россиянка, 23 года.

³ Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004. С. 116-117.

стали местные подставные лица, часто не осознававшие полной ответственности за свою деятельность.

Желание вести бизнес без подставных лиц наталкивалось не только на изощренное законодательство, но и на бюрократически-коррупционные барьеры. В интервью, данном автору работы, одна переводчица рассказала, как к ней обратился китаец с просьбой добиться разрешения санитарно-эпидемиологической станции для открытия парикмахерской, к открытию которой все уже было готово. Переводчица обратилась в эту инстанцию, собрала все необходимые документы, оценила полное соответствие нормам, тем не менее разрешения они не добились. Обратились к адвокату, который после недолгих консультаций объявил, что не станет браться за это дело. Он мотивировал свой отказ тем, что он, конечно, добьется разрешения, но в следующую свою проверку они придут и закроют парикмахерскую по другой причине. Китаец понес ощутимые убытки и вскоре сменил рыночную нишу. Более опытные китайцы прокомментировали этот случай так: «*Заплатил мало*».

В связи с изменениями в законодательстве¹ в системе розничной торговли начались значительные перестановки.

Часть китайцев начала поспешно оформлять разрешения на временное проживание и вид на жительство в Российской Федерации, используя для этого самые разнообразные возможности. Наличие такого документа значительно облегчало оформление разрешения на работу. Полностью же легальное оформление разрешения на работу оказалось слишком сложной процедурой, требующей таких усилий, что они расценивались китайцами как невозможные.

Другая же часть собственников этого бизнеса зарегистрировала свои торговые места на местных продавцов. К примеру, нередко на рынке можно было увидеть объявления: «Требуется продавец. Паспорт – Россия». Паспорта россиян часто использовались для оформления даже самых обычных сделок: регистрации автомобилей, сим-карт, оборудования, недвижимости. На вопрос китайца, желавшего купить и зарегистрировать автомобиль в Бурятии, о том, как это сделать, следовал удивленный ответ более опытных людей: «зарегистрируй на россиянина!» Это стало обычным явлением.

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и о признании утратившим силу отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 22 декабря 2006 г. № 783» от 18.07.2006 N 110-ФЗ // Рос. газ. 2006. 20 июля. № 156; Постановление правительства «О порядке определения исполнительными органами государственной власти потребности в привлечении иностранных работников и формирования квот на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности в Российской Федерации» от 22 декабря 2006 г. № 783.

Изменились ли экономические практики под воздействием экономического кризиса

Может ли ухудшение экономической ситуации привести к изменению экономического поведения? Вероятно, да. С одной стороны, из-за снижения потребительского спроса и необходимости покрывать большие издержки, бизнесы могут в большей степени начать выбирать нелегальные практики. С другой стороны, государство, оказавшись в сложной ситуации, может принять пакет антикризисных мер, направленных на облегчение налогового бремени, доступа к кредитным ресурсам или снижение барьеров доступа к организации бизнеса, каким-то рынкам и т. п. Впрочем, то же государство, обеспокоившись наполнением бюджета, может сориентироваться на повышение давления на предпринимателей. В результате — бизнес может получить либо стимулы к большей, либо к меньшей степени легализации. Оставляя за скобками внешние стимулы, рассмотрим, как же повел себя китайский бизнес. Вышли ли китайские предприниматели из тени? Или наоборот, еще больше в нее спрятались?

В период с конца 2008 по 2010 г. разорилась или свернула свой бизнес в России значительная часть китайских предпринимателей. Из-за кризиса разорились строительные фирмы, упали масштабы вывоза леса и прочих природных ресурсов. Общий упадок экономики способствовал еще большей криминализации сырьевых видов бизнеса. Участились случаи «кидания» китайцев местными партнерами, рэкета, грабежа. В связи с этим некоторые предпочли не рисковать собственной безопасностью и уехали. Существенно сократилось количество торговцев, ввозящих товар из Китая. Это было связано с ростом цен в Китае, ужесточением таможенных законов, уменьшением покупательной способности населения.

Однако часть китайцев осталась в Бурятии, продолжив свою предпринимательскую деятельность. Одной из главных проблем оставшихся стало существенное сокращение выдачи квот на выдачу разрешений на временное проживание (РВП), а также квот на привлечение иностранной рабочей силы. Торговцы с рынков, работники предприятий общепита, лесозаготовители пытались оформлять РВП или вид на жительство (ВЖ), ведь получив это разрешение, они могли бы спокойно работать на территории России.

Появились посредники, обещающие помощь в оформлении подобных документов. Причем никто не мог гарантировать 100%-ный результат. Цена за услуги варьировалась от 70 тыс. руб. до 150 тыс. рублей. Работали посредники, естественно, по предоплате, в случае неудачи деньги не возвращались. Такие услуги могли оказывать люди, имеющие связи с чиновниками необходимых государственных

ных органов. Они помогали китайцам надлежащим образом оформить документы и сдать их в Управление Федеральной миграционной службы (ФМС) по Республике Бурятия (РБ). Дальше вопрос о выдаче или отказе рассматривался соответствующими органами, но существовала возможность подтолкнуть этот процесс. Услуги этих посредников оказались весьма востребованными, практически каждый мелкий предприниматель, лишенный возможности легально находиться в России, обращался к ним.

Впрочем, неформальные схемы уже перестали действовать в связи с перестановками в государственных органах. Многим китайцам было отказано.

Еще одной возможностью для продолжения бизнеса являлось получение разрешения на работу, но и эти квоты были сокращены. Лю (31 год), владелец торговой точки в Улан-Удэ, живет с 2005 года вместе с женой. *«Когда стало известно, что на 2010 год квот не будет, мы стали все искать выход. Обычно нам всегда все оформляла Т. (россиянка, посредник), мы работали под ее ИП. Она нам делала разрешения на работу. Мы все организованно подали документы для оформления РВП через нее. Договорились на цене 70 тыс. рублей. Плюс все расходы, связанные с переводом, легализацией документов, мы несли за свой счет. Первого октября 2009 г. приостановили прием документов. Мы успели сдать вовремя. Потом началось непонятное что-то. Министр МВД (по РБ) ушел в отставку. Нам отказали и сказали, что денег не вернут. Мы с женой потратили 150 тыс. рублей».*

Были и такие предприниматели, что пытались оформить РВП законным путем, без посредников. М. (27 лет) переводчик, директор фирмы, экспортирующей лес в Китай, россиянка: *«Мы пытались оформить РВП сами, так как у нас фирма новая и квот мы, естественно, не получили. Мы подавали документы, но в ФМС нас постоянно отпирывали, то было что-то оформлено неправильно, то еще какие-то проблемы возникали. В итоге, мы не получили ни квот, ни РВП».* Фирма прекратила свое существование в этом году. На вопрос, почему не привлекли местную рабочую силу для лесозаготовки, получили следующий ответ: *«Мы честно пытались нанимать местных рабочих. Обращались в центр занятости, нанимали людей. Но наши люди не готовы к таким условиям труда. Они должны работать в лесу, жить в тяжелых условиях, валить деревья. Естественно, что такой труд оплачивается выше. Но наши рабочие совершенно не нацелены на результат, они немного поработают и отдыхают. Много пьют, и сами не выдерживают такой работы».*

Еще одной лазейкой для китайцев оставался метод оформления учредительных документов на подставных лиц. И въезд на территории РФ по туристическим или деловым визам, которые, конечно,

не дают права на ведение бизнеса в РФ. С этой практикой стали активнее бороться постоянные рейды сотрудников ФМС на рынках и других местах возможного пребывания китайских мелких предпринимателей. Понятно, успешность рейдов не была «гарантированной»: торговцы, как и прежде, быстро скрывались с мест торговли, как только проходил слух об очередном рейде. Слух о рейде должен был как-то *дойти* до торговцев.

Другими словами, барьеры в виде сокращения числа выдачи квот не смогли остановить предпринимательских практик. Они лишь *удобрили* почву для взяточничества в государственных органах.

Одной из главных причин неформальной деятельности самих китайцев остается нацеленность на краткосрочные проекты и прибыли, не требующие больших временных затрат и потому не столь рискованных. Например, не требует больших временных затрат, сложных расчетов и усилий «сырьевой» бизнес (т. е. ориентированный на скупку природных ресурсов). Занимаясь скупкой сырья, не нужно покупать себе жилье или находить постоянное. РБ не является для большинства китайцев инвестиционно привлекательным регионом и, следовательно, регионом, пригодным для длительного проживания. Чаще всего проживание и работа в РБ – временный этап их жизни. Конечно, есть совершенно немногочисленная группа китайцев, нацеленная на постоянное проживание в Бурятии. Как правило, это очень успешные предприниматели, обладающие крупными предприятиями. У большинства из них есть российское гражданство, *российские* жены (русские, бурятки, т. е. *рожденные* в СССР/РФ), их дети, конечно, также имеют российское гражданство. Это люди, приехавшие в РФ одними из первых, практически полностью адаптировавшиеся к среде, свободно говорящие по-русски, знакомые с высокопоставленными чиновниками. Таких – меньшинство.

Строительный бизнес – наиболее организованный, легко контролируемый и потому наиболее легальный. Число китайских фирм, занятых в строительстве, за последнее время существенно сократилось. Удар кризиса по строительной отрасли не мог не оказаться ощутимым – действительно, для того чтобы строить, нужны финансовые ресурсы, ставшие проблемой.

Чжан, бригадир, на протяжении пяти лет работающий с одной фирмой (т. е. являющийся бригадиром¹), в 2010 году не получил заказов. Приезжал лишь для того, чтобы забрать деньги, причитающиеся ему за прошлые годы. Долг, не погашенный до сих пор, состав-

¹ Подробное описание схем строительного бизнеса см.: Рыжова Н. Взаимная экономическая адаптация китайских рабочих и их российских работодателей в трансграничном городе // Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск: Оттиск, 2009.

вил приличную сумму. Он не отказался от возможности вернуться в Россию на заработки. Но сейчас это невозможно, ведь не выплатив рабочим заработанные деньги, он не может заставить их работать. Искать другие заказы, т. е. не работать с фирмой-должником, он также не может: *«Они мне сами говорили, чтоб я подыскивал себе частных заказчиков. Но это опасно. ФМС контролирует нас. Штрафы большие. Поэтому и невозможно. Фирма разорилась, а я остался с долгами. Частично недвижимостью со мной рассчитались. Но это только часть большого долга. Недвижимость я продам, но опять нужно время»*.

Впрочем, выбытие с рынка мелких китайских фирм во многом произошло и по другой причине — они не получили квот на привлечение иностранной рабочей силы и не смогли найти приемлемую альтернативу. Конечно, эта участь постигла не всех: российские строительные компании, работавшие на федеральных заказах, кризиса не почувствовали. Китайцы, работающие с ними, тоже. Так, к примеру, для строительства физкультурно-спортивного комплекса были выданы дополнительные квоты для китайских рабочих.

Скупка природных ресурсов: ореха, рыбы, дикоросов, нефрита — наименее контролируемый и наиболее криминализированный бизнес. Он имеет сезонный характер, для его ведения китайцам совершенно не требуется легализация: время пребывания на территории РФ ограничено. Все сделки неофициальны: нужен посредник, китаец, знающий этот бизнес, или проверенный россиянин, имевший опыт в данной сфере. При их содействии находят поставщиков необходимого товара, прорабатывают схемы доставки в Китай. При помощи посредника разрешаются вопросы жилья, регистрации по месту пребывания, организации бытовых условий, связи, транспорта, питания и т. п.

Из интервью с Н. (россиянка, 31 год) : *«Мой муж несколько лет работал с китайцами (покупающими нефрит). Он помогал им с покупкой и отправкой нефрита. Они даже жили у нас в квартире несколько месяцев. Он возил их на своей машине, договаривался со всеми местными партнерами. Жаль только он язык их не понимал. Так на пальцах и изъяснялся. Платили ему то много, то мало. Видимо, в зависимости от сделок. А потом он попросил зарплату. Они и решили 50 тыс. рублей в месяц. А потом они уехали и больше не приезжают. Видимо, боятся»*.

Понятно, что такой человек имел невысокую степень вовлеченности в их бизнес (он не имел представления, куда дальше идет товар, по какой цене продается и какова конечная прибыль его клиента). Поэтому его труд оплачивался невысоко.

Несколько выше оценивается и оплачивается труд переводчика, заменяющего «настоящего» посредника. Переводчик в сырьевом

бизнесе обеспечивает поиск поставщиков, транспорта, складов, рабочих, жилья, представительских фирм. Китайцы лишь *подбрасывают* информацию. Н. (переводчик, 28 лет.): *«Они меня нашли через знакомых. Им поручились, что мне можно доверять. Позвонили мне заранее, чтоб я их встретила, подыскала квартиру. Они сразу купили машину, которую оформили на меня, все сим-карты тоже, естественно, на меня оформили. Регистрацию тоже им оформляла я. Мы дали бегущую строку на телевидении о том, что закупаем орех. Когда товар стал поступать, мы сняли склад. Иногда выезжали за товаром в районы. За пару месяцев они собрали товар и уехали».*

Другое дело посредник, вовлеченный в бизнес: он должен иметь свою долю. Обычно это китаец, проживающий в Бурятии, отлично владеющий русским языком. Как правило, имеющий в собственности российскую недвижимость, где можно поселить или зарегистрировать своих клиентов. Обязательно наличие одного или нескольких автомобилей. Собственно именно посредник в этом случае контролирует весь процесс: он знает у кого какая доля, как делить прибыли или издержки. Он сам скупает товар, организует его доставку в Китай, решает таможенные вопросы.

Случай С. (китаец, 39 лет) живет в Бурятии. Женат на россиянке. На него было зарегистрировано несколько автомобилей и несколько десятков сим-карт. Он имел собственную долю в скупаемом нефрите, знал всех продавцов нефрита в РБ и за ее пределами. К его услугам обращалось множество китайцев, приезжающих за этим товаром. Стоит ли говорить, что прибыли он имел высокие. Из интервью (03.2010.): *«Я не собираюсь оставаться в России. Рынок нефрита криминализировался. Непонятно, кто имеет полномочия продавать нефрит китайцам. Вроде бы это дело взяли под государственный контроль. А пока ситуация не прояснится, рулят одни бандиты. Они очень настойчиво пытались взять меня под их контроль. Угрожали много раз, били, пытались убить. Я уже не хочу здесь оставаться. Я достаточно заработал».* По словам его соотечественников, он уже приобрел несколько предприятий в Китае и сейчас живет там.

Некоторые китайцы продолжили скупку нефрита в Бурятии, но это требует контактов с криминальными кругами. Перевозки приостановлены, лицензии на торговлю отозваны: бизнес приобрел совершенно криминальную репутацию. А разрешение криминальных проблем для китайцев возможно только вне привлечения правоохранительных органов. Любое обращение к ним сразу вызывает вопросы к самим потерпевшим. Что они делают в Бурятии? По каким документам въехали? Какие цели преследуют? Понимая свое бесправное положение в России, китайцы всячески избегают

таких вопросов — т. е. избегают контактов с правоохранительными органами.

В других видах сырьевого бизнеса криминальная составляющая также повысилась.

Среди китайцев, живущих в РБ, известны отдельные лица, имеющие криминальный авторитет. Чаще всего, это люди, имеющие криминальное прошлое (до приезда в Россию). Они занимаются рэкетом своих земляков, разрешением разного рода споров и разногласий. Кроме того, зачастую они работают в тандеме с местными криминальными кругами. Общий упадок экономики региона, понижение доходов населения привел к увеличению числа грабежей и рэкета китайцев.

Таким образом, данное исследование вновь подчеркивает, что давление со стороны государства лишь закрепляет и усиливает процессы ухода в «тень».

Бизнес по-китайски: трудовая деятельность китайских мигрантов на страницах иркутских газет

Приток китайских мигрантов в Иркутск начался с открытием границ для «свободной» торговли. Находившаяся в условиях товарного дефицита страна активно и с желанием откликнулась на предлагаемое китайскими бизнесменами изобилие. Это было время стихийной «челночной» торговли, развитию которой способствовала и плохо организованная работа служб миграционного контроля. Вступая в новые для еще советского человека «товарно-денежные отношения», жителям города пришлось учиться взаимодействовать с китайскими мигрантами, формировать свое к ним отношение, обеспечивать ежедневные коммуникации. Важное место в этом процессе – формировании мнений и трансляции образов – занимали газеты. Риторичку городских иркутских изданий, ориентированных на массового читателя, мы и будем исследовать, преследуя цель изучения дискурса иркутских СМИ о трудовой деятельности китайских мигрантов. Для чего рассмотрим, как СМИ города репрезентируют основные сферы трудовой деятельности китайских мигрантов, механизмы их адаптации в принимающем обществе, особенности создания и ведения бизнеса; покажем, как это влияет на формирование образа китайского трудового мигранта; определим основные стратегии, фобии и мифы, которые конструируются изданиями.

Источники и методы. Издания выбраны исходя из популярности, тиража и территории охвата. По итогам исследования, проведенного в 2009 г. среди иркутской аудитории в возрасте от 18 лет и старше, степень доверия к городским СМИ распределилась следующим образом: лидирующую позицию заняла газета «Пятница», получив 28,8% от всех голосов; чуть меньше – «Аргументы и факты в Сибири» (24,6%); в тройку лидеров также вошла газета «СМ Номер один» с «уровнем доверия» 19,4%; а газета «Копейка» заняла почетное четвертое место – 16,5%. Три из четырех газет принадлежат издательскому дому «СМ Номер один». Почти все издания распространяются на территории города и области и представляют собой самостоятельные коммерческие издания с собственной информационной политикой.

¹ Ковальская Мария Николаевна – сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования, главный специалист отдела спецпроектов и web-портала управления по информационной политике, связям со СМИ и общественностью администрации г. Иркутска.

«*СМ Номер один*» возникла в результате объединения газет «Номер один» — представителя иркутской «желтой» прессы и до этого популярной либеральной «Советской молодежи». Долгое время газета пыталась сохранить наследие «Молодежки», печатая аналитические материалы, но в конкурентной борьбе конца 90-х «аналитика» проиграла, уступив «желтому формату». «Газета учитывает интересы всех слоев населения, поэтому на ее страницах можно найти самые разные материалы — от репортажей с посевной до собственных расследований по наиболее закрытым для журналистов темам», — говорится на сайте издания. «СМ Номер один» распространяется в Иркутске и Иркутской области. Выходит с 1997 года. Тираж 13,5 тысяч экземпляров. В Улан-Удэ с 1999 года издается самостоятельное издание этой группы компаний, газета «Номер Один»¹. Материалы, вышедшие в улан-удэнском издании, нами тоже учитывались. Их изучение позволяет расширить географические рамки исследования.

«*Пятница*» — основной конкурент «СМ Номер один». Начала издаваться с 2000 г. Ее тираж составляет более 16 тыс. экземпляров. Газета ориентирована на разновозрастную аудиторию. По мнению иркутских журналистов, наиболее «сильная» из трех изданий. Зачастую материалы этой газеты цитируются в *иркнете*, являются предметом публичных интернет-дискуссий. Выходит в Иркутской области, позиционирует себя как городской таблоид. Редакция газеты говорит о себе так: «...газета о людях и том, как они живут. Ежедневник поднимает на своих страницах темы, по-настоящему актуальные и важные для жителей Иркутска и Иркутской области. Редакция на страницах «Пятницы» ограждает своего читателя от всего наносного, бесполезного и неинтересного»².

«*Копейка*» — областная газета, ориентированная на массового читателя различного возраста. Позиционирует себя как доступная, недорогая газета. Ее тираж составляет около 25,5 тыс. экземпляров. Номера всех газет дублируются на сайте холдинга, что в значительной мере увеличивает потенциальную читательскую аудиторию. Многие материалы по теме исследования легко обнаруживаются в поисковых системах рунета. Столь высокая доступность расширяет «сферу влияния» этих газет.

Были проанализированы номера газет, вышедшие в период с 2004 по 2009 г., всего более 600 выпусков. Из них 80 затрагивают тему исследования (более 13%). Следует отметить, что в центре внима-

¹ За год работы газета вошла в первую тройку лидеров бурятских изданий. Журналисты газеты пытаются максимально полно охватить все события, произошедшие за неделю в городе Улан-Удэ и Республике Бурятия.

² <http://pressa.irk.ru/friday/info.html>

ния почти половины материалов лежал информационный повод, а остальные были написаны по сезонному принципу. Так, например, в 2005 г. основным поводом для публикации материалов по интересующей нас теме послужил перенос рынка «Шанхай». Не прошли мимо иркутской прессы и события мирового масштаба, связанные с темой миграций или политической позиции Поднебесной, беспорядки во Франции, отношения Тайваня и Китая. Большое место в информационном поле занимали материалы, иллюстрирующие рейды специальных служб – Федеральной миграционной службы (ФМС), Отдела по борьбе с экономическими преступлениями (ОБЭП) и сотрудников Комитета по управлению потребительским рынком администрации города Иркутска.

В исследовании применялись контент и дискурс-анализ текстов. Первый использовался на подготовительном этапе для выделения основных характеристик и определения маркеров. Анализ дискурса позволил сфокусировать внимание на смысловой нагрузке текстов, основных клише, образах и стереотипах, используемых журналистами для раскрытия темы. Ключевыми маркерами для отбора материалов послужили слова: китаец, китайский рынок, Китай, гастарбайтер. Анализируя тексты СМИ, мы обращали внимание на внутреннее устройство материалов, на механизмы и средства, используемые периодическими изданиями для конструирования и трансляции образа китайского мигранта, а также на контекст, в котором этот образ «живет». Именно изучение контекста дает возможность рассмотреть не только основные характеристики, но и выделить градацию статусов во взаимоотношениях мигрантов и принимающего сообщества.

Результаты исследования. Самый популярный жанр, используемый при обращении к «китайской» тематике, – журналистское расследование. *Добывая*¹ информацию, авторы, как следует из текстов, буквально рискуют жизнью, внедряясь, как шпионы, в скрытый от обывателя мир китайских трудовых мигрантов. Подобные целенаправленные поиски зачастую приводят к конструированию или актуализации мифов и фобий. Так, в одной из улан-удэнских гостиниц был найден чайнатаун, состоящий из нескольких китайских ресторанов (1). А китайцы находятся под действием наркотических средств (2, 3).

(1) На этом наша экскурсия по китайскому кварталу в здании «Одона» завершилась. Упомянутый «отель», можно сказать, имеет статус официального чайна-тауна. И обнаруженные нами неизвестные большинству горожан буфеты в нем имеют, скорее всего, законное

¹ Здесь и далее курсивом, жирным шрифтом – выделено автором.

происхождение, чего нельзя сказать о тех заведениях, где нам удалось побывать несколько позже¹.

(2) «Новинки своей медицины китайцы распространяют не только на будущий урожай, но и на людей. В Марково летом китайцы нередко берут на работу местных школьников, пенсионеров. Перед рабочим днем всем дают таблетки — чтобы не уставали. Что за таблетки, никто не знает, но все послушно их глотают — работать-то хочется. Ольга Шестакова уверена, что это какой-то наркотик»².

(3) «Китайцы постоянно находятся под кайфом, и они непредсказуемы. У меня есть эти таблетки, которые они пьют. Я не верю в безобидность этих таблеток. Если кто серьезно заинтересуется ими, я могу дать на анализ»³.

В текстах часто встречаются не только оценки экспертов, самих журналистов, но и простых обывателей, таких же, как и читатели газеты. Комментарии с негативными коннотациями расположены в публикациях ниже положительных или нейтральных, что способствует усилению отрицательного восприятия материала и формированию соответствующего мнения. Тексты пишутся авторами в доверительном тоне, с использованием ярких экспрессивных характеристик. Многие заключения не подтверждены данными, а зачастую просто сделаны на «глазок», с использованием вводных слов («по всей видимости», «скорее всего»): «Замечаем трех женщин, по всей видимости, легкого поведения, если судить по их внешнему виду и некитайскому происхождению — выдает речь. Воздух спертый, глаза режет от клубов табачного дыма, в котором чувствуется примесь чего-то наркотического... задерживаться здесь нет никакого желания, да и отсутствие пистолета в кармане — тоже веская причина»⁴. Трудовая деятельность китайских мигрантов транслируется журналистами по-разному. Для одних это бизнес, для других — конкуренция на рынке труда, для третьих — нелегальная миграция, четвертых — экспансия. При этом почти все авторы отмечают специфические «китайские» черты, способствующие активному ведению трудовой деятельности: «Бизнес для энергичных, сообразительных и предприимчивых китайцев — святое. Наверное, это то самое главное дело, ради которого они появились на свет. Заниматься бизнесом для большинства китайцев как дышать, но попробовали бы они заикнуться об этом во времена Мао Цзэдуна!»⁵

¹ Номер один. 2004. 10 марта.

² СМ Номер один. 2006. 23 февр.

³ СМ Номер один. 2006. 13 июля.

⁴ Номер один. 2004. 10 марта.

⁵ Копейка. 2006. 14 июня.

Можно выделить и основные сферы занятости китайских мигрантов, упоминаемые в СМИ. Это — лесная промышленность, овощеводство, ресторанный бизнес и торговля. К концу 2007 года начинают появляться материалы, связанные с работой на городских стройках, но в основном они сообщают об инцидентах, связанных с несчастными случаями и правонарушениями. Самое пристальное внимание журналисты уделяют сфере торговли, работе китайцев на городском рынке «Шанхай» и овощеводству.

Обобщенные характеристики являются средством формирования образа китайского мигранта, этакой «ломовой лошадки». С одной стороны, они трудолюбивы, неприхотливы, с другой — нечистоплотны, являются разносчиками заразы. Китайцы — это «выходцы из Китая»¹, «заезжие торговцы»², «наши гости»³, «юркие продавцы»⁴, «китайские аграрии»⁵. А появление мигрантов в регионе — это неконтролируемая стихия: *«Иркутск и другие города области в последние годы захлестнула волна незаконной трудовой миграции из Китая, КНДР, Таджикистана, Киргизии и других стран»*⁶.

Китайская трудовая миграция рисуется нелегальной (1), а рабочая сила неквалифицированной (2):

(1) *«Визы у иностранцев не просрочены, но всех документов мы не видели, — говорит Александр Верхоглядов, начальник отдела миграционного контроля УФМС России по Иркутской области. — Они официально приглашены заниматься овощеводством, чего, как мы с вами видели, не происходит. Китайцы грузят капусту, занимаются продажей. А ведь согласно постановлению правительства России с января 2007 года иностранным гражданам запрещается заниматься торговлей на территории Российской Федерации»*⁷;

(2) *«Ни о какой технике безопасности китайцы не ведают. Навыкам стропальщика тоже не обучены»*⁸.

Для определения сферы трудовой деятельности журналисты прибегают к клишированным характеристикам: китайцы-овощеводы (1), китайцы-плотники (2), китайцы-повара (3), китайцы-торговцы (4), китайцы-грузчики (5) и, как правило, почти всегда китайцы-нелегалы (6):

¹ Копейка. 2004. 12 нояб.

² Пятница. 2006. 24 нояб.

³ СМ Номер один. 2005. 27 янв.

⁴ СМ Номер один. 2006. 29 июня.

⁵ СМ Номер один. 2006. 23 февр.

⁶ Пятница. 2005. 18 марта.

⁷ СМ Номер один. 2008. 31 янв.

⁸ Копейка. 2004. 26 марта.

(1) «... **китайские овощеводы настоящие волшебники сельского хозяйства**»¹;

(2) « Это такая экзотика — **повары-китайцы**? Ведь можно и русских научить готовить то, что готовят **китайцы-плотники**».

(3) «Во многих кафе **повара-китайцы** вообще не соответствуют квалификационным требованиям, не имеют национальных дипломов»².

(4) «**Китайские торговцы на рынке «Парус» ничего не слышали о том, что им осталось работать до апреля, а потом придется собирать вещички и — на выход**»³.

(5) «Мы предположили, что молодой китаец узнал не самую лучшую сторону жизни, ведь его **соотечественникам-трудягам** не очень-то сладко живется в России. Но Ваня встретил наше замечание широкой улыбкой. Оказалось, что условия жизни и труда **грузчика-китайца** воле его не шокировали»⁴.

(6) «И еще одна из главных претензий аграриев из областной администрации к **китайским огородникам-нелегалам** — экономическая: они вывозят из России не деньги, заработанные на продаже некачественных овощей, а лес»⁵.

В текстах прослеживается не только профессиональная принадлежность, но и отношение к труду таких работников: «...**больше я китайской рабсилой не пользуюсь**»⁶ или «**Пребывание китайских крестьян в Иркутске немногим отличается от положения чернокожих рабов на американских плантациях**»⁷. Подробно описывается быт китайских рабочих. Рассказы полны деталей из их нечеловеческой жизни, скорее даже среды «обитания»:

(1)«**Обитают наемные рабочие** рядом с погрузкой в сарайчике-теплушке размером два на два метра. Все жилище — четыре железные кровати, стол и электроплитка. Над каждой кроватью котомка с вещами. Эти люди готовы в любой момент сорваться с места в поисках нового куска хлеба»⁸;

(2)«**Чем начинил китаец свои позы, так и остается загадкой. <...>гадкий плов, и сомнительные позы все же пользуются спросом, причем как у постоянных обитателей «шанхайки», так и у обычных покупателей**»⁹;

¹ Номер один. 2005. 11 мая.

² Пятница. 2005. 18 марта.

³ Пятница. 2006., 24 нояб.

⁴ СМ Номер один. 2009. 3 дек.

⁵ СМ Номер один. 2006. 22 июня.

⁶ СМ номер один. 2005. 28 апр.

⁷ Пятница. 2010. 27 авг.

⁸ Копейка. 2004. 26 марта

⁹ СМ Номер один. 2006. 29 июня.

(3) «Сотрудники миграционной службы, проверяющие строительные объекты, удивляются, до какой степени может доходить **неприхотливость китайцев**. Иностранцы порой живут в ими же построенном цокольном этаже или в сколоченном из досок **уличном бараке**, редкие фирмы предоставляют им общежитие»¹;

(4) «...работники капустного склада здесь не только обедают, ужинают, но и живут. В отдельной комнате мы видим пять спальных мест – на деревянный пол накинута тонкая одеяльца. Вызывает изумление **готовность китайцев жить в местах, для жизни совершенно не приспособленных**. В комнате немножко теплее, чем на улице. Да и комнатой назвать это сложно – скорее **решетчатая беседка, обитая полиэтиленовой пленкой**. <...> По словам сотрудников миграционной службы, китайцы живут даже в теплицах, где выращивают овощи»².

Условия содержания китайских рабочих если и регламентируются законами, то практически никем не контролируются и потому не соблюдаются. Как правило, нарушения выявляются единично, в ходе проверок УФМС.

Пребывание китайских мигрантов оценивается журналистами не только в качественных (1), но и количественных характеристиках (1,2,3):

(1) «Скрытая, **многочисленная**, хорошо организованная и неподконтрольная местной власти китайская диаспора, состоящая главным образом из китайцев-нелегалов — не самый лучший пример сотрудничества»³;

(2) «По словам Александра Ширяева, ведущего специалиста информационного отдела Управления федеральной миграционной службы по Иркутской области, в настоящий момент **большинство граждан из КНР работают в строительстве, а на рынках их немного**»⁴;

(3) «Сколько китайцев живет сегодня в Иркутске и области? Боюсь, точного ответа на этот вопрос не знает никто. Председатель здешнего китайского общества г-н Линь называет число **30 тысяч**. — В городе? — Нет, в области. Я думаю, **цифра занижена минимум в пять-семь раз**»⁵.

Оказывают влияние на формирование дискурса СМИ и события, связанные с изменениями российского законодательства. Так, в апреле 2007 г. вступил в силу закон, ограничивающий тор-

¹ СМ Номер один. 2007. 24 мая.

² СМ Номер один. 2008. 31 янв.

³ СМ Номер один. 2004. 10 марта.

⁴ Пятница. 2006. 24 нояб.

⁵ Копейка. 2006. 14 июня.

говлю иностранных граждан на рынках, ранее были введены квоты на иностранную рабочую силу. Если в публикациях 2004 — начала 2006 г. китайский мигрант выступает достаточно обособленно — как самостоятельный актор дискурса, то в конце 2006-го¹ ситуация заметно меняется. Этнические составляющие все больше уходят на второй план, лидирующие позиции занимают такие понятия, как мигрант, иностранный рабочий, гастарбайтер (т. е. из этнического дискурс становится «мигрантским»): *«Главным событием прошлой недели стал пакет правительственных постановлений, касающийся взаимоотношений между «коренным населением» России и так называемыми гастарбайтерами. С 1 апреля 2007 г. ни один иностранец не сможет устроиться на работу ни на одно предприятие розничной торговли — будь то магазин, рынок или уличный лоток. Корреспонденты «Пятницы» побывали на двух иркутских рынках «Парус» и Vazar, где много продавцов-иностранцев. Мы попытались выяснить, как относятся к инициативе правительства приезжие торговцы, местные покупатели и вообще народ»*².

Торговля. Признается и позиционируется журналистами как «традиционная» деятельность китайских мигрантов. Как правило, это торговые точки на рынках «Парус», «Маньчжурия» и особенно «Шанхай»: *«...Присутствие бывших жителей Поднебесной здесь, что называется, на каждом шагу: китайцы строят дома, растяг огуры и капусту и торгуют, торгуют, где только можно (и где нельзя тоже торгуют). Такова уж природа этого деятельного и прагматичного народа. Здесь, в Иркутске, мы ежедневно встречаем китайцев, и не только на пресловутой «шанхайке». Впрочем, судя по всему, так же активно они заселяют и другие сибирские города, другие российские регионы, включая Москву (экспансия)»*³.

Для конца 90-х — начала 2000-х гг. торговля являлась привычным видом трудовой деятельности китайцев. Они начинали как трудовые маятниковые мигранты, приезжая в Иркутск в качестве «челноков»: «Торговля, рыночная специализация китайцев — для иркутян вещь само собой разумеющаяся, не требующая доказательств»⁴, а торговля на рынке «Шанхай» стала наиболее популярной темой журналистских поисков и расследований.

Китайцы охотно торгуются, рынок товаров активно и быстро откликается на изменчивую моду. Продаются подделки не только из-

¹ С января 2007 г. вступает в силу закон о запрете торговли на рынках иностранным гражданам.

² Пятница. 2006. 24 ноябр.

³ Копейка. 2006. 14 июня.

⁴ Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: «Наталис», 2000.

вестных мировых брендов, таких как Adidas и Nike, но и российских производителей.

Рыночные отношения — наиболее простая и частая форма взаимодействия принимающего сообщества и китайских мигрантов. Повод для любви и ненависти, повод для конструирования отношений и смыслов. Здесь особенно остро ощущается противопоставление *свои/чужие*. Если у русских товары, то у китайцев «шмотки», «кустарные тряпки»: *«Мелкие китайские торговцы перед отъездом на родину скидывали ширпотреб практически за копейки: джинсы можно было купить по 150—200 рублей, футболки — по 50, мужские кофты по 250, а обувь на все сезоны стоила от 100 до 350 рублей»*¹.

Ярко прослеживается и двоякое отношение к этому виду деятельности китайских мигрантов со стороны властей и потребителей. С одной стороны, это официальная позиция власти — служб, отвечающих за потребительский рынок в городе, а с другой — отношение жителей города, посещающих этот рынок. Так или иначе, оба мнения сходятся по нескольким пунктам: 1) товары у китайцев дешевые, а значит, на них всегда найдется покупатель; 2) без китайских товаров большая часть жителей города и области лишится возможности дешево одеваться. Такие же оценки присущи и материалам, опубликованным в соседней Бурятии: *«Для нашей республики, где почти сорок процентов населения живет за чертой бедности, а примерно столько же находится у грани этой самой черты, дешевый китайский ширпотреб имеет особенно большое значение. Для малоимущих не очень качественные, но недорогие товары из Китая были настоящим спасением»*².

Трансформации, связанные с введением новых законов, касающихся ограничения торговли, стали дополнительным стимулом для сюжетов СМИ о системе подставных лиц в этой сфере. Уже в конце 2006 г. на страницах газет появляются сообщения о русских продавцах на китайских точках на рынке «Шанхай». Формально точку «держат» китайцы, но все операции с деньгами может выполнять только продавец — посредник между владельцем товара и покупателем. Автоматически из торговца и дельца китайский предприниматель переходит в категорию «работодателя, хозяина»: *«На каждом шагу покупатель натывается на объявления, написанные от руки ручкой или фломастером: «Требуется русский продавец. Паспорт обязателен». Тут же отпечатанные типографским способом официальные предупреждения о запрете иностранцам торговать — и предложения фирм получить разрешение на работу. — У тебя паспорт есть? — Есть, он у меня всегда с собой. — Завтра выходи на работу. — В девять или в*

¹ Там же.

² Номер один. 2006. 1 марта.

десять? — В девять. Подобные диалоги можно услышать во многих павильонах. **Китайцы стали работодателями** и усиленно ищут наемных сотрудников. Русских. Правда, говорят, русские уже успели обмануть **заграничных хозяев: поработали один день и исчезли с вырубкой**¹.

Газеты отмечают случаи, когда мигранты продолжают торговую деятельность ради выгоды и наживы, тем самым нарушая законы: **«Как известно, китайцам запрещено заниматься торговой деятельностью на территории нашей страны, однако искушение зарабатывать неплохие деньги с помощью торговли для иностранцев слишком велико, поэтому хоть они и рискуют возможностью своего въезда на территорию РФ, но оставлять свою незаконную деятельность не собираются»**².

Помимо вещевых рынков, китайцы занимаются торговлей и на плодоовощных базах. Статьи этого блока детально иллюстрируют рейды сотрудников миграционной службы на такие предприятия с целью проверки документов. Повествования нередко содержат комические сюжеты: **«По словам сотрудников миграционного контроля, граждане КНР, работающие на базе по Толевой, 4, — народ ловкий, ведь с проверкой к ним приезжают уже не в первый раз. При появлении людей в форме, китайцы кубарем скатывались с вагонов и бежали вдоль железнодорожных путей к болотам. Однако омоновцы, заранее зная об их маневре, отрезали им пути отступления. Выходцев из Поднебесной выуживали из-под бревен, находили залегшими в болотных кустах, а одну китайскую девушку с трудом удалось выманить из туалета, где она надеялась спрятаться от проверки»**³.

Овощеводство. Публикации о китайском овощеводстве встречаются в газетах всего исследовательского периода. Незаконный захват земель, запрещенные удобрения, их использование сверх положенной российскими стандартами нормы — вот основная риторика текстов. Можно выделить две стратегии развертывания историй. С одной стороны, это **захват** — захват земли, рынков сбыта, рабочих мест, а с другой — это нарушение существующих норм — использование подкормки для увеличения урожайности сельхозкультур, провоз запрещенных удобрений, многие из которых так и не удалось проверить на содержание вредных веществ.

Незаконный провоз удобрений — **контрабанда**, интересно, что, освещая эти сюжеты, журналисты вновь обращают внимание читателя на количество китайских мигрантов: **«...если каждый по мешочку в кармане провезет, то им как раз на урожай хватит»**⁴. Урожайность

¹ Копейка. 2007. 4 апр.

² СМ Номер один. 2009. 3 дек.

³ Номер один. 2008. 25 сент.

⁴ СМ Номер один. 2005. 28 апр.

китайских хозяйств значительно превышает аналогичные показатели «коренного населения». При этом в материалах газет говорится всего о двух-трех китайских наемных работниках, которые трудятся на «китайских фермах и колхозах», и иногда даже на плантациях: «<...>Китайцы работают на своих **плантациях** незаконно...<...>Все остальные **китайские «колхозы»** являются нелегальными»¹.

Русский «мужик», нанимающийся на аграрную работу, превращается в батрака, работающего за копейки: «...время от времени китайцы нанимают **русских батраков**»². К тому же высокая урожайность подрывает существование наших овощеводов на нашей земле: «Подходит сезон ранних овощей. Аграрии прогнозируют, что большинство овощей на наших землях будут выращены китайцами. Необыкновенно высокие урожаи, **в корне подрывающие существование наших овощеводов**, связаны с непонятными манипуляциями»³.

Организация подобных хозяйств проста, а доля в аграрном производстве повышается: «Официально, в Бурятии из 800 гектаров, на которых выращиваются овощи, около 120 га возделывают граждане КНР. Еще больше возделывается на совместных с жителями Бурятии предприятиях. Вообще, **овощеводства в Бурятии без китайцев в настоящее время практически нет**»⁴.

Ответственных лиц на таком предприятии найти сложно. В лучшем случае один из работников бегло говорит по-русски. Он является старшим и имеет полномочия вести переговоры, улаживать возникающие проблемы с органами власти: «На стук в дверь из одного из домов вышел китаец, он связался с кем-то по сотовому телефону, и дверь с обратной стороны открыли. — Хозяина нет, он в Китае, — сообщил представителем власти китаец, охраняющий теплицы. Житель Поднебесной живет в тепляке, расположенном вблизи теплиц. Из его слов стало ясно, что он охраняет теплицы в отсутствие хозяина»⁵.

Документы такой бригады зачастую находятся у работодателя. Рабочий не имеет никаких прав и полностью подчиняется человеку, его нанявшему. По существующему законодательству работодатель обязан обеспечить своего сотрудника не только заработной платой, но и приемлемыми условиями труда, проживания, а также социальными гарантиями. Как следует из материалов СМИ, данная часть соглашения очень часто не соблюдается и становится основополагающей при приеме на работу — китаец неприспособлен и работает

¹ СМ Номер один. 2006. 22 июня.

² Там же.

³ Номер один. 2005. 11 мая.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

за копейки. Прослеживаются в текстах и связи по сбыту товара: «... *Продукцию китайцев скупают кавказцы и всю зиму продают*»¹.

Основное действие, которое разворачивается в текстах про сельское хозяйство, это сокрытие, нарушение закона: «...*чем китайцы удобряют свои саженцы, неизвестно. Они когда обрабатывают — никому не показывают, а потом все сжигают, и никаких следов не остается. А нам что скрывать? Мы пользуемся органикой, селитрой — в мизерных дозах. <...> А китайцы что делают? До последнего ее (селитру) подсыпают — до кочана, чего делать по нашим агрохимическим нормативам совсем нельзя*»².

Интересно, что в некоторых публикациях происходит смешение смыслов в дихотомии *свои/чужие*. Противопоставление *мы и они* работает не только в паре русский — китаец, но и в паре китаец — китаец: конструируется оппозиция *эти/те*. Используются уточняющие характеристики: «наши же китайцы», «местные китайцы», «иркутские китайцы» (эти) и «далекие китайцы», «соплеменники» (те). Подобные приемы авторы применяют в формировании оправдательных стратегий, когда первая категория (свои) является более приемлемой для сообщества, чем вторая (чужие) и распространяется на место производства товара: «...*иногда конкуренцию далеким китайцам составляют «наши же» китайцы, местные, которые занимаются овощеводством в пригороде Иркутска, на нашей иркутской земле, с применением их, китайских, технологий. Местные китайцы, обосновавшиеся вокруг Иркутска и создавшие свои фермы и хозяйства, здесь вплотную конкурируют со своими соплеменниками <...>. Иркутские продавцы отмечают, что в этом году «иркутские китайцы» садили очень хорошие сорта: томаты были большие, мясистые и очень вкусные. Нравились и покупателям, и коммерсантам*»³. Степень «родства» опосредуется понятием «наша земля - иркутская», соответственно и овощи, выросшие на этой земле, — тоже наши.

Общепит. Китайский ресторанный бизнес активно развивался в Иркутске в начале двухтысячных, сейчас этот процесс заметно пошел на спад, что отмечают и сами ньюсмейкеры⁴. Сократилось и количество обращений к теме китайского общепита в СМИ, основные материалы газет были опубликованы до 2006 г. Впрочем, ресторанов с китайскими названиями и антуражем в городе по-прежнему немало. Владельцами таких заведений являются как китайцы, так и русские, а зачастую владеют «совместно». Последнее диктуется сложностями по оформлению бизнеса: «*Бизнес официально записан*

¹ СМ Номер один. 2005. 28 апр.

² Там же. 15 мая.

³ СМ Номер один. 2004. 7 окт.

⁴ Пятница. 2004. 6 мая.

на русских, потому что у настоящих хозяев-китайцев нет российского гражданства»¹.

По мнению журналистов, появление большого числа точек китайского общепита в Иркутске — часть общемировых тенденций и вполне ожидаемое явление: «**Сеть ресторанов и кафе китайской кухни опутала все крупные города мира. Несколько лет назад бум диковинной еды захватил и столицу Восточной Сибири**»², а их количественные оценки колеблются от 20 до 90 заведений³. Неоднозначное отношение авторов текстов прослеживается и к самому определению этого бизнеса: что это — ресторан, кафе или «кафешка»?

Этот вид трудовой деятельности китайских мигрантов преподносится иркутскими изданиями с двух позиций. С одной стороны, это использование характеристик, определяющих гастрономические пристрастия китайского народа. Красочно описываются блюда из тухлых яиц, гусениц и пресмыкающихся, которых наша традиционная кухня не предусматривает: «...китайцы увлекаются экзотической пищей и с удовольствием едят кошек, енотов, обезьян, ящериц и крыс», подкрепляя это словами самих китайцев о том, что они «едят все, что на четырех ногах, кроме стола, все, что летает, кроме самолета, все, что на двух ногах, кроме родителей, и все, что с волосами, кроме расчески»⁴.

Как правило, китайские работники, с удовольствием употребляющие такую «нерусскую еду» представляются как существа, способные поглощать и переваривать любые, даже несовместимые с жизнью продукты: «...китайцев, способных, кажется, переваривать гвозди в жидком азоте»⁵.

Блюда сопровождаются вызывающими названиями «Три писка крысы для мандаринов» или «Утонченное блюдо — суп из кошки». С другой стороны, детально прорисовывается журналистами закулисная жизнь такого бизнеса, определяемая как антисанитарная: «...грязь, мухи, вонь — вот главные составляющие... китайского ресторана»⁶.

Китайские повара в Иркутске — неквалифицированные работники. Многие из них не имеют специального поварского образования, являются плотниками, рабочими — кем угодно, но не людьми, умеющими хорошо готовить: «Как правило, повара приезжают отнюдь не интеллигентные. У некоторых даже нет поварского удосто-

¹ Там же.

² Копейка. 2004. 20 февр.

³ Пятница. 2004. 6 мая; Копейка. 2004. 20 февр.

⁴ СМ Номер один. 2006. 14 сент.

⁵ Номер один. 2004. 10 марта.

⁶ СМ Номер один. 2006. 29 июня.

верения. <...> Они приезжают на заработки на несколько месяцев, у многих китайцев на родине остаются семьи. Есть настоящие повара, а могут быть и плотники. Главное, чтобы они были китайцами, которых можно научить готовить»¹. Наем неквалифицированных поваров — решение владельца. Это позволяет значительно сэкономить на оплате труда работников. Они обслуживают русских, а вот сами китайцы предпочитают специально привезенные продукты (1), и профессиональных поваров (2):

(1) «<...> Сами китайцы ходят в китайские рестораны в Иркутске? - Да. Но им готовят отдельно. Для них специально другие продукты закупаются».

(2) «В ресторанах местные китайцы тоже, конечно, любят поужинать, но только в тех, где повара их земляки, это первое, и второе, где соблюдаются строгие рецепты традиционной кухни, проверяется все опытным путем и передается по сарафанному китайскому «радио»².

По мнению журналистов, китайские рестораны и кафе зачастую выполняют двойную функцию. С одной стороны, это бизнес, с другой — интеграция в местное сообщество. Кафе становятся своеобразным центром жизни: здесь происходит обмен опытом, ресурсами, контактами среди китайских мигрантов: *«Большинство предпринимателей предпочитают собираться в каком-нибудь недорогом, маленьком кафе (ресторанчике?). Таким заведениям трудно дать точное название. Там есть главное - домашняя китайская пища, приготовленная умело и с любовью (на кухне обычно суется и муж, и жена - семейный бизнес), а еще возможность обсудить свои дела, волю наговориться, не стесняясь в выражениях и не оглядываясь на время. Здесь же происходит обмен опытом, знающие местные реалии старожилы наставляют новичков, но конфликтных ситуаций с властью не удастся миновать ни тем ни другим»³.*

Лес. Это единственная сфера деятельности, в которой труд китайцев рассматривается и преподносится как **бизнес**: *«Много леса — хорошо решать дела, вот и вся китайская стратегия. Большой русский лес — большой китайский бизнес»⁴. Условия ведения этого бизнеса диктуются и насаждаются китайцами во вред российскими предпринимателям. Они специально сбивают цены (1), загоняют русских в нечеловеческие условия (2):*

(1) «... Китайские бизнесмены «опустили» наш лес»⁵.

¹ Пятница. 2004. 6 мая.

² Номер один. 2004. 10 марта.

³ Копейка. 2006. 21 июня.

⁴ Там же.

⁵ Номер один. 2004. 6 окт.

(2) «Лес в Бурятии **помогает выжить** сотням людей. И поэтому цена на лес является для них поистине жизненно важным вопросом. Последний месяц преподнес им очень неприятный сюрприз. Рыночные волны на рынке леса в РБ, конечно, бушуют непрерывно. Однако нынешний катаклизм на рынке, падение закупочных цен в два раза — самый крупный в обозримом прошлом. Как легко догадаться, **на понижение сыграли китайские предприниматели**. <...> У нас китайцы сами решают, — жалуются сдатчики леса. — Сегодня говорят одну цену. Завтра приходишь — настолько-то ниже»¹.

Активно используется авторами текстов и дихотомия *свои/чужие*, где наши — лесозэкспортеры, а китайцы — скупщики, что автоматически присваивает представителям Китая более низкий статус. Работа русских здесь одобряется, чего нельзя сказать про китайцев. Китайцы вынуждают российских предпринимателей нарушать законы, подделывать документы. Для русских — это выживание, для китайцев — нажива: «<...> Как легко догадаться, на понижение сыграли китайские предприниматели.<...> К слову сказать, цены прошлого сезона были для республики рекордными. Такие **деньги нашим лесозэкспортерам скупщики из КНР не предлагали никогда**. <...> **Оказываются, так решили китайцы**»².

Китайские мигранты, занятые в этой сфере на черной работе, называются обывателями «бамбуками»³ — пустыми, выглядящими одинаково. Данная характеристика не только принижает ценность человеческой жизни, но и указывает на существование жестких иерархических взаимоотношений как с работодателем, так и русскими рабочими: «Как же они работают-то без касок, в одних вязаных шапочках? — допытываюсь у крановщика. — А если лесина сорвется и упадет, кто отвечать будет? — Никто. **Что с ними сделается, они же «бамбуки»**. Так их все называют. Даже соплеменники, нанимающие на работу»⁴.

Как правило, работа китайских предпринимателей лесозэкспортеров — незаконная. Способствуют этому наши соотечественники. Тем не менее вся ответственность за разворовывание «зеленого золота» Сибири возлагается на китайских «дельцов»: «**Остатки собственных лесов, маньчжурские дубы и сосны, считанные гектары тем-**

¹ Там же.

² Там же.

³ Бамбук — прочная древесина, используемая в строительстве мостов и зданий. Является сырьем для производства продуктов питания. На молодежном сленге бамбук — нехороший человек, муфлон, башмак, редиска. Существуют пословицы, поговорки и другие крылатые выражения со словом бамбук. «Так не гнется бамбук!» — вьетнамский лозунг времен войны с США. «Куриль бамбук» — русское сленговое выражение, означающее бездеятельность.

⁴ Копейка. 2004. 26 марта.

нохвойных — ели и пихты — **рубить там категорически запрещено**. Национальное богатство, зеленое золото все-таки. **Зато в России...**¹.

Развивая подобную стратегию, в одной из статей авторы легализуют и оправдывают криминальные схемы контроля над экспортом леса в одном из городов области: «**В результате скупку леса в соседних областях во многом контролируют серьезные криминальные авторитеты**. В этом, безусловно, есть свои минусы, однако криминал, заботясь о своих доходах, не позволяет покупать лес по дешевке ни китайцам, ни кому другому. Криминал умеет сделать предложение, от которого трудно отказаться. **«Социальная защита» продавцов леса** — это тот редчайший случай, когда простой народ и криминал едины. Хотя, конечно, делают это они не бесплатно. В Бурятии авторитеты с мышлением такого почти «государственного» масштаба отсутствуют»².

Посредничество. Кроме того, отражаются в текстах и неформальные посреднические практики, которые также можно выделить в отдельный, самостоятельный вид работы. Это и трудоустройство китайских мигрантов, подбор персонала для кафе, отделочных работ. Лица, ведущие такую деятельность, называются журналистами «маклерами»³, а самими китайцами «капитана»: «...их обманывают все кому не лень, обманывают сами **китайские «капитаны»** (люди, которые берут на себя различные посреднические функции). И они все покорно терпят. У китайцев вообще очень сильно развито сословное воспитание. И любой **начальник** для них является **непререкаемым авторитетом**. Поэтому начальник управляет всем: их временем, интересами, он решает, читать им газету или нет, смотреть или нет телевизор...»⁴.

Как правило, они достаточно хорошо говорят по-русски, имеют русское образование, а также привычное (адаптированное) русскому уху имя: «**Люба** — тоже китаянка, но в отличие от своих соотечественников, живущих при коттедже в качестве разнорабочих, она неплохо знает русский язык и имеет вид на жительство. Люба — это адаптированный вариант имени от **Либо**, так на самом деле зовут эту женщину <...> она здесь не живет, а только **помогает решать проблемы китайским работягам**»⁵.

Через этих лиц происходит наем рабочих, их регистрация, получение разрешения на труд, а также оплата. В их функции входит решение всех возникающих проблем и вопросов, в том числе с официальными структурами. Существуют и специализированные фирмы, обеспечива-

¹ Номер один. 2004. 6 окт.

² Там же.

³ Копейка. 2004. 20 февр.

⁴ Пятница 2010. 27 авг.

⁵ СМ Номер один. 2008. 27 нояб.

ющие поиск и трудоустройство китайских мигрантов: «...в Иркутске есть **своеобразные конторы по найму китайских рабочих**. Эмигранты зарабатывают себе на жизнь, подыскивая теплые местечки для своих же земляков»¹.

Посредники первыми приезжают на подотчетный им объект, в случае если там возникают проблемы с проверяющими органами: «Тут же подъезжает на машине уже знакомый нам по предыдущим рейдам китаец по имени Андрей. Он отлично знает русский язык, проживает в поселке Урик и является официальным представителем фирмы, реализующей плодово-овощную продукцию, где трудятся китайские продавцы»².

Нередки случаи, когда посредники обманывают ради наживы не только русских, но и китайцев: «<...> **китайцев серьезно кинул их же земляк**. Он **пригласил их** - естественно, нелегально — на работу в Ангарск к предпринимателю Сергею и **попросту исчез, получив деньги**, которые должны были пойти на зарплату честным китайским строителям»³.

Выводы

Иркутские СМИ транслируют не только мнение обывателей и экспертов, но и официальный дискурс власти, формируя тем самым отношение жителей к китайским мигрантам. В целом, деятельность китайцев рассматривается как негативный фактор, где основная проблема — это конкуренция на рынке: труда, услуг, товаров. Присутствуют в текстах также и нейтральные, иногда даже сочувствующие оценки, но на общем фоне они заметно проигрывают. Издания активно используют в дискурсе дихотомию «*мы/они*», где мигранты однозначно попадают в категорию чужой. Пространство дискурса — **наша родная земля**, в которой *мы* и *они* вынуждены сосуществовать и бороться за выживание. Такая борьба зачастую представлена военными терминами — противостоять, дислоцировать. Чем больше *мы* — жители Сибири — остаемся в бездействии, тем проще *им* захватить *нашу* землю: «**Восточную Сибирь китайцы заселяют особенно охотно: бескрайние сибирские просторы (1 человек на 1 квадратный километр) притягивают их почище любого магнита. Но осесть предпочитают в городах — так проще начать свое дело, свой бизнес**»⁴.

¹ Копейка 2004. 20 февр.

² СМ Номер один. 2008. 25 сент.

³ СМ Номер один. 2006. 24 авг.

⁴ Копейка. 2006. 14 июня.

Основная стратегия пребывания китайских мигрантов — это *экспансия*: трудовая, территориальная, государственная и даже пищевая. Экспансия преподносится газетами как свершившийся факт, прописная истина, подкрепляемая ссылками на многочисленное присутствие китайцев в стране и регионе: «многомиллионная диаспора»¹, «крупнейший народ мира»².

Исследуя тексты иркутских СМИ, мы выделили основные сферы деятельности китайских мигрантов. Это — торговля лесом, овощеводство, общепит и торговля на рынках. Так же встречаются единичные упоминания о китайских автосервисах, работе на стройках, криминале, но в общем дискурсе такие материалы теряются. Лес — это единственная сфера трудовой занятости китайцев, которая расценивается и преподносится в газетах, как бизнес, пускай и нелегальный. Китайцев обвиняют в хищническом отношении к нашим ресурсам, вина же русской стороны зачастую замалчивается. Негативные оценки сопровождают те сферы деятельности, с которыми простым обывателям приходится сталкиваться ежедневно — это розничная торговля и овощеводство. С одной стороны, это близость и доступность информации для журналистов, а с другой — «продаваемость» и востребованность темы.

Количественные оценки пребывания китайских работников в Иркутске и Иркутской области делаются журналистами на «глаз», а комментарии экспертов — сотрудников УФМС, представителей китайских обществ подвергаются авторами материалов сомнению.

Согласно Лакло и Муфф (Laclau и Mouff)³ журналисты, транслируя мнения и оценки о китайских мигрантах, выступают в дискурсе как «представители» группы — «*мы*». Существование этой группы становится возможным только при противопоставлении себя (мы) другим группам (они/китайцы). Это деление определяет не только статусы, но и дальнейшее социальное действие участников дискурса, формирует неформальные ограничения и влияет на принятие ими последующих решений, что в большей степени воздействует на представителей местного сообщества, нежели мигрантов. Последние менее подвержены влиянию из-за своей культурной изолированности — отсутствия возможностей читать русскоязычные газеты и участвовать в создании информационного поля. Тем не менее мигранты становятся участниками ежедневной

¹ Копейка. 2006. 5 июля.

² Копейка. 2006. 14 июня.

³ См. подробнее: Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод/пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2004.

коммуникации, которая опосредуется существующими в СМИ оценками и интерпретациями.

Столь богатый материал дает возможности для других исследовательских сюжетов: динамика дискурсов в отношении китайских мигрантов, ее взаимосвязь с информационными поводами, а также детальное изучение неформальных практик по каждой из сфер деятельности.

Природные ресурсы российского Дальнего Востока: институциональные изменения и экстралегальные практики

В 2009 г была принята «Стратегия развития Дальнего Востока и Байкальского региона», подчеркивающая, что концентрация ресурсов «общемирового значения» делает Дальний Восток привлекательным для всех государств, и особенно стран азиатско-тихоокеанского региона. Также в стратегии указано на важность создания *особой*, т.е. отличающейся от остальной России, *нормативно-правовой базы*: «в этой связи требуется формирование нормативной правовой базы, определяющей особые условия ценовой, тарифной, таможенной, налоговой <...> и финансово-бюджетной политики, которая обеспечивает экономический рост»².

Таким образом, за регионом закрепляется сырьевая специализация в АТР и *говорится о необходимости институциональных новаций (особых условий разных политик)*. И то и другое справедливо, однако современный опыт институциональных реформ России показывает, что из-за слабого учета сложившихся к моменту введения новаций неформальных ограничений, импортируемые/ конструируемые институты нередко оказываются неэффективными, либо вовсе деструктивными.³ Обсуждая с этой точки зрения конкретно институциональные новации в сфере использования природных ресурсов, следует, видимо, задуматься над малоизученным феноменом экстралегального природопользования в сибирских и дальневосточных регионах: нелегальные заготовки леса, контрабанда рыбных и морепродуктов, браконьерские практики добычи объектов флоры и фауны. Наиболее исследовано к настоящему моменту экстралегальное лесопользование⁴, а экстралегальный экспорт дикоросов, нефрита,

¹ Рыжова Наталья Петровна, канд.экон.наук, доцент, сотрудник Центра социологических исследований Научно-образовательного центра Амурского государственного университета, г. Благовещенск

² Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.12.2009 № 2094-р

³ Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов// Экономическая наука современной России, 2001. № 3.

⁴ Шейнгауз А.С. Природопользование российского Дальнего Востока в аспекте связей с Северо-Восточной Азией: проблемы и перспективы // Вестник ДВО РАН, 2005. №3; Crowley R.M. Stepping onto a moving train: the collision of illegal logging, forestry policy, and emerging free trade in the Russian Far East// Pacific Rim Law & Policy Journal April, 2005. № 14. P.425-453.

дериватов, море- и рыбо- продуктов — темы, остающиеся актуальными скорее для журналистских¹, нежели научных текстов.

Опубликованные — в основном в рамках юридических наук — работы нередко содержат указание на особый характер экономической мотивации китайских предпринимателей, занятых в этих сферах деятельности: «*Особое беспокойство вызывает варварское отношение к дикой природе России со стороны граждан Китая, временно находящихся в Российской Федерации. Уже давно не является секретом, что одной из основных целей значительного количества посещающих Дальний Восток граждан Китая является если не само браконьерство, то скупка у местного населения животных, растений, их частей и дериватов, добытых незаконным путем, для последующего контрабандного вывоза*»². Мне незнакомы исследования, выполненные на российских эмпирических материалах и сфокусированные на *сравнительном* изучении экономической мотивации иностранных предпринимателей, ведущих свою деятельность в России. И в работах, указывающих на незаконную деятельность как на цель, практики китайских предпринимателей не сравниваются с практиками предпринимателей России или других стран. При таком развороте проблемы, когда одна сторона — «потерпевшая», а другая — «хищница», применяющая *«архаичные технологии»*, аналитическая проекция искажена. Ведь в реальности наряду с китайским «рыболовом-браконьером» фигурирует российский «рыбак с сеткой», а вместе с китайским «контрабандистом» усердно трудится российский «теневой заготовитель» пушнины и древесины.

В данной работе — систематизация экстралегальных практик природопользования, связанных с экспортом природных ресурсов в Китай, попытка объяснения властных институциональных решений и оценка трансформации неформальных ограничений после принятия таких решений.

Основным источником служат официальные публикации федеральной службы безопасности (ФСБ) и федеральной таможенной службы (ФТС) Российской Федерации, размещенные на соответствующих сайтах в сети Интернет⁴. Решение о выборе этих баз опре-

¹ Комсомольская правда (газета), 2002. 26 сентября. (Фалалеев М. Под туманные разговоры о российской «рыбной мафии» реальные китайские мафиози поставили на поток контрабанду уникальных биоресурсов Амура); Тихоокеанская звезда (газета), 2000. 28 октября. (Пимин А. Особенности китайской национальной рыбалки) и многие другие.

² Ляпустин С.Н., Фоменко П. В. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке России: Учебное пособие. Владивосток: Изд-во «Апельсин», 2003.

³ Подольский С., Готвинский В. «Дорогие гости» Приамурья или «китайская угроза» России?// Русский дом, 2007. №3 (<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36246>).

⁴ Отбор случаев осуществлялся на официальных сайтах указанных служб (<http://www.fsb.ru/> и <http://www.customs.ru/ru/>) по ключевым словам «Китай» и «ресурс» (за период 2001-2009 гг полностью и за 9 мес. 2010 г). Из этой выборки отбирались те тексты, в которых сообщалось о приграничных нарушениях в сфере рыбных ресурсов — общее количество таких случаев оказалось равным 18.

деляется тем, что обе службы официально отвечают за репрезентацию ведущейся в России борьбы с контрабандой и другими практиками незаконного оборота природных ресурсов. Эта репрезентация ограничена многими объективными и субъективными факторами, например, внутренними по таможенному управлению или внешними, т.е. пришедшими из федерального центра, установками по поводу частоты и характера связей с общественностью. Впрочем, эти же ограничения могут интерпретироваться как преимущества базы, в свете решения поставленных задач – поскольку формальные правила поддерживаются не только конкретными силовыми действиями, но и соответствующими дискурсивными практиками. Соответственно изменение частоты официальных сообщений о наказаниях или содержащиеся в сообщениях указания на увеличение количества преследований, как и изменения строгости наказаний¹ могут рассматриваться как сигналы, направляемые для корректировки экстралегальных практик.

Другими важными источниками для систематизации экстралегальных практик послужили аналитические отчеты, доклады, публикации экспертов².

1. Инфорсмент прав собственности на природные ресурсы и экстралегальные практики

Несколько теоретических полей определяют концепты, используемые в работе. А именно: формальные и неформальные правила и их инфорсмент, экстралегальные практики, в том числе в природопользовании, и теория прав собственности, в частности на природные ресурсы.

¹ «Лу Гуйсян был приговорен к 2 годам лишения свободы с отбытием наказания в колонии-поселении. Отметим, что наказание в виде лишения свободы за контрабанду биоресурсов применяется впервые (выделено мной – НР). Как правило, преступники отделяются штрафами, либо условными наказаниями» (http://www.customs.ru/ru/press/news_dvtu/printable.php?id286=10249&print=1).

² В т.ч. 1) по рыбным ресурсам – публикации Тихоокеанского научно-хозяйственного рыбохозяйственного центра: Новомодный Г., Золотухин С., Шаров П. Амурские рыбы: богатство и кризис. Аналитический обзор. Владивосток: Изд-во «Апельсин», 2004. 2) По прочим объектам флоры и фауны – монографии WWF и Владивостокского филиала Российской Таможенной академии: Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XXI в.). РТА; WWF. Владивосток: ВФ РТА, 2008; Ляпустин С.Н., Первушина Н.В., Фоменко П.В. Незаконный оборот объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке (2007–2009 гг.). WWF, TRAFFIC, РТА. Владивосток: Издательство «Апельсин», 2010. 3) По лесным ресурсам – публикации Информационного сайта FOREST.RU (<http://www.forest.ru/>). По золотодобыче – 4) публикации Информационного сайта «Золотодобыча» (<http://zolotodb.ru/about#>) Иркутского научно-исследовательского института благородных и редких металлов и алмазов.

Основные концептуальные подходы институциональной экономической теории, задающие теоретическую рамку статьям этого раздела и объясняющие, что мы понимаем под формальными и неформальными правилами и их инфорсментом, представлены во введении к разделу сборника. Здесь следует сделать замечания по поводу использования в статье термина «экстралегальность» и контекста его применения в исследовательском поле по неформальной экономике. Действительно, существуют различные термины для определения деятельности, выходящей за рамки легальности (неформальная, неучитываемая, внелегальная, криминальная, теневая, неофициальная, иррегулярная и т.п.). Области их применения различаются, хотя многие концепты пересекаются. Актуальным для данного исследования подходом является то, что неформальность не имеет негативной оценки и воспринимается как свидетельство динамичного характера предпринимательской активности людей, которую «централизованные структуры пытались у них отнять»¹. Либо даже как реакцию населения на негибкое поведение государства, выживающего за счет делегирования малочисленной элите привилегий легального участия в экономической деятельности².

Отсюда применение термина «экстралегальный» — т.е. существующий помимо действующих легальных норм, но не обязательно вопреки им, кажется мне особенно точным. Концепт подчеркивает, что уклонение от уплаты налогов, захват участка для добычи золота, незаконные рубки и браконьерство — есть следствие сопротивления давлению государственных правил, давлению «хищнического государства», и возможность получения прибыли путем уклонения от этого давления. А.Портес так описывает результаты чрезмерного давления: «...широкое государственное регулирование открывает возможности получения прибыли именно путем уклонения от исполнения этих расплодившихся правил: введение запретов на потребление определенных товаров, как правило, провоцирует создание их нелегального производства и распределения; жесткий контроль валютного курса ведет к возникновению черного валютного рынка; широкое регулирование, призванное защитить рабочую силу, побуждает фирмы — а зачастую и самих работников — всячески искать обходные пути»³.

Кроме того, концепт «экстралегальности» помогает четче специфицировать термины «экстралегальные практики» (практики, осу-

¹ Hart K. The Idea of Economy: Six Modern Dissenters // Beyond the Marketplace: Rethinking Economy and Society / R.Friedland, A.F. Robertson (eds.). N.Y.: Aldine de Gruyter, 1990. P. 158.

² De Soto H. The Other Path / Translated by J. Abbott. N.Y.: Harper and Row, 1989.

³ Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы// Экономическая социология, 2003. Т. 4. № 5. С.45.

ществляемые вне легальных норм) и «неформальные ограничения» (социальные нормы и индивидуальные моральные принципы). В отечественной научной литературе концепция «экстралегальности» не получила широкого распространения, однако она не является, конечно, новацией и активно используется в международной исследовательской практике. Далее мы будем обсуждать экстралегальность природопользования, одним из примеров применения термина к подобному объекту изучения является работа Siegel S. и Veiga M¹.

Исследования, проведенные в странах с переходной экономикой, показывают, что изменение формальных правил, попытки импортировать (имитировать) институты, определяющие экономическую жизнь общества, кардинальное изменение привычных общественных норм, трансформация бывших нелегальных практик в легально приемлемую и приветствуемую экономическую деятельность, привели к распространенности в этих странах неформальной экономики². Россию и Китай эти «побочные эффекты» перехода к рынку также не обошли стороной, экстралегальная активность развивается не только в сфере, традиционно наиболее «подходящей» для этого: в торговле, общественном питании, сфере обслуживания, но и в сфере природопользования³.

Конечно, экстралегальное природопользование не является исключительной практикой, встречающейся только в Китае (или в приграничных регионах России); в той или иной степени оно распространено в развитых и развивающихся странах и в странах с переходной экономикой. Например, описаны практики браконьерского лова в Канаде⁴, исследованы ситуации нелегальной добычи алмазов, золота, контрабанда леса в странах Африки⁵ и др. Как следует из академических и экспертных публикаций⁶, экстралегальное при-

¹ Siegel S. Veiga M. Artisanal and small-scale mining as an extralegal economy: De Soto and the redefinition of "formalization" // Resources Policy, 2009. Vol. 34, Is. 1-2, Pp. 51-56.

² Johnson S., Kaufmann D., Shleifer A., Goldman M.I., Weitzman M.L. The Unofficial Economy in Transition // Brookings Papers on Economic Activity, 1997. No. 2. Pp. 159-239.

³ Количество кустарных, «серых» предприятий, добывающих различные природные ресурсы в Китае к началу 21 в. достигало 250 тыс., что в десятки раз превосходило аналогичный показатель любой страны мира (Report for discussion at the Tripartite Meeting on Social and Labour Issues in Small-scale Mines. International Labour Office. Geneva, 1999. 17-21 May)

⁴ Bodiguel C. Fishermen facing the commercial lobster fishery licensing policy in the Canadian Maritime Provinces: origins of illegal strategies, 1960–2000 // Marine Policy, 2002. Vol. 26. Is. 4. pp. 271-281.

⁵ Report for discussion at the Tripartite Meeting on Social and Labour Issues in Small-scale Mines. International Labour Office. Geneva, 1999. 17-21 May.

⁶ Hentschel T., Hruschka F., Priester M. Projekt-Consult GmbH. Global Report on Artisanal & Small-Scale Mining. IIED, WBCSD, 2002.

родопользование в большей степени характерно для развивающихся, нежели развитых стран. Причины многочисленны — и бедность, и технологическая отсталость, и слабость политических институтов. Объяснение причин распространенности экстралегального природопользования нередко видится исследователям в неэффективном законодательстве или его неэффективном применении¹.

Впрочем, качество законодательства и легальный (т.е. принуждение через суды, штрафы) инфорсмент не определяют полностью, или даже в большей степени, решение проблемы экстралегального природопользования. Сопоставляя роль формальных правил (например, их подвижности в процессе рыночного перехода) и социальных норм (скажем, длительности приживаемости импортированного легального права) с точки зрения их влияния на развитие неформальной экономики, авторы соглашались с тем, что «ответственность» социальных норм выше. О том, что социальные нормы имеют большее значение, нежели легальный инфорсмент можно судить по повседневым примерам. Логичнее ожидать, что ежегодно повторяющийся экстралегальный массовый вылов нерестовой рыбы скорее случится в обществе, где практика браконьерства морально приемлема, опирается на традиционные нормы хозяйствования, нежели в обществе, где рыбная ловля сетями — социально исключаемая и исторически забытая аномалия.

Нередко поиск причин распространенности экстралегального природопользования ведется в русле концепций теории прав собственности, которые хуже определены в странах с переходной экономикой и развивающихся странах. На экономический смысл прав собственности одним из первых обратил внимание Рональд Коуз в широко известной «теореме». Согласно ей, экстерналии (расхождения между издержками и выгодами) появляются лишь тогда, когда права собственности нечетко определены. Нечеткость прав собственности порождает конфликты между получателями выгод и издержек: например, воздух, загрязняемый выбросами из трубы завода — издержки несет население, живущее вокруг, а выгоды имеют собственники завода. По мнению Коуза и его последователей, путь к преодолению экстерналий лежит в до-определении прав собственности. Поскольку если пучок прав собственности (разделяемый на право владения, пользования, управления, доход, возможность передачи, остаточную стоимость и др.²) разделен между разными субъектами, то кто заставит всех собственников избегать оппорту-

¹ Acheson J.M. Institutional Failure in Resource Management // Annual Review of Anthropology, 2006. Vol. 35. pp. 117-151.

² Honore A.M. Ownership // Oxford Essays in Jurisprudence, 1961. № 107, pp. 112-24.

нистического поведения? Ведь желание получить дополнительную ренту — выглядит разумнее, нежели отказ от нее.

Таким образом, изучая особенности экстралегальных практик природопользования, следует задуматься над мотивациями, которые поддерживают их существование и над эффектами, которые дают попытки коррекции оппортунистического экономического поведения. А желая понять и объяснить властные институциональные решения в отношении природных ресурсов Дальнего Востока, мы должны, прежде всего, акцентировать внимание на определении прав собственности и уровне государственного давления.

2. Систематизация экстралегальных практик¹

Общее количество отобранных случаев, т.е. сообщений федеральных таможенной и службы и службы безопасности, семьдесят восемь. Реже всего о контрабанде природных ресурсов службы сообщали в 2001-2002 гг. (по три раза), больше всего упоминаний пришлось на 2009 год (шестнадцать раз), за половину 2010 года в базу попало 7 случаев. Чаще всего о пресечении контрабанды сообщали Приморские органы безопасности и таможни (более половины всех случаев), а реже всего — Иркутские и Алтайские (по одному сообщению). Среди наиболее часто упомянутых в связи с раскрытием контрабанды населенных пунктов: Полтавка (7 случаев), Уссурийск (6), Забайкальск и Хабаровск (по 5), Биробиджан, Благовещенск и Пограничный (по 4). Конечно, по этим данным было бы некорректно говорить о том, что самая «криминализируемая граница» находится в Приморском крае (Полтавке и Уссурийске), а самая спокойная — в Иркутской области или на Алтае², но можно сделать вывод о степени информационной открытости, и использовании этой открытости для целей поддержания легального порядка.

¹ Автор понимает, что методологически корректнее было бы типизировать практики на основании полевых социологических исследований, т.к. альтернативные источники, на основании которых можно было бы выполнить эту работу, очень ограничены и, некоторые из них, так сказать «ангажированы». Можно предположить, что такое социологическое исследование — благодатная почва с точки зрения возможности получения новых знаний об изучаемой хозяйственной деятельности. Однако на примере с доступом к «золотому полю» вскрылась едва ли не бесперспективность этой проектной идеи, или, как минимум крайняя сложность. Поэтому приведенные ниже типизации практик выполнены на основании контент-анализа уже упомянутой базы ФСБ/ФТС, публикаций WWF, сообщений СМИ, а также немногочисленных интервью, которые удалось получить по этим чувствительным темам. Включенное наблюдение так или иначе реализовывалось по повседневным практикам лесопользования, охотничьего и рыбного промысла.

² С другой стороны, большее количество случаев по Приморью, в сравнении с Иркутской областью логично, учитывая, что в Приморье расположены приграничные пункты пропуска, и Приморье же обладает всеми ресурсами, контрабандно вывозившимися в КНР (морепродукты, рыба, лес, папоротник и т.п.).

В 48 случаях службы сообщили, что на контрабанде пойман гражданин Китая и в 1 гражданин Казахстана, в 15 – россиянин, в остальных 14 – действовали смешанные (российско-китайские группы) группы.

Ресурсы, по контрабанде которых сделаны сообщения:

- рыба и икра, осетровых и чистиковых пород, а также морепродукты (43,9%);

- объекты дикой флоры (женьшень, папоротник); фауны (лягушка, олень, кабан, пушнина; дериваты) (27,9%);

- лес и лесопродукты (20,5%);

- минералы (золото, нефрит) (7,7%).

Однако, в отличие от этих цифр, отражающих официальную репрезентацию соответствующими службами своей деятельности, таможенная статистика по нелегально экспортируемым в Китай ресурсам, указывает, что среди них преобладает древесина, как по стоимости, так и по количеству регистрируемых на таможне нарушений.

2.1. Экстралегальный промысел рыбы и морепродуктов

В официальных сообщениях ФСБ и ФТС именно эти практики преобладают: причем основная доля сообщений приходится на рыбу (18 раз), на втором месте находится трепанг (11 раз). В основном службы сообщали о задержании китайских граждан (24 из 34 случаев).

Промысел рыбы и морепродуктов (трепанг, краб и морской гребешок), ведущийся в обход формальных правил, на приграничном Амуре, в реках амурского бассейна, а также в прибрежных морских водах, конечно, имеет давнюю историю¹.

Поскольку экстралегальные экономические действия направлены на избежание издержек, связанных с соблюдением законов и административных правил, то можно сказать, что экстралегальный промысел на приграничной реке начался в момент создания в Российской империи формальных правил использования природных ресурсов Дальнего Востока. Конечно, на рубеже 19–20 вв. существовали *нелегальные* (т.е. нарушающие законодательство), криминальные кросс-границные практики: в частности, связанные с добычей китайскими подданными особо ценных пород рыб во внутренних российских водах и эксплуатацией для этих целей коренного населения. Однако до 1 января 1913 г., т.е. до отмены 50-верстной полосы беспошлинной торговли, рыбный промысел в р.Амур носил скорее *внезаконный* (т.е. нерегулируемый действующим законодатель-

¹ Ляпustin С.Н. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке. Исторический аспект// Вестник ДВО РАН, 2006. №5. С.170–174;

ством) характер: китайцы заготавливали, скупали и беспощадно вывозили любые, в т.ч. рыбные ресурсы¹.

Вводившиеся в советский и другие периоды запреты способствовали созданию экстралегальных практик: *«По нашей оценке эффективность действия всех этих запретов очень слабая. ... когда его было действительно не много (до середины 90-х годов), прилов желтощека рыбаки не выпускали (глупо выпускать мертвых или полумертвых рыб). Кроме того, за каждым рыбаком не уследишь, а желтощек у многих жителей Амура считается деликатесом. Так как официально продавать «краснокнижные виды» в советское время было сложно, желтощек из уловов рыболовецких предприятий растаскивался по домам рыбаков²».*

«Растаскивание по домам» являлось лишь одной из форм неформальной экономики советского времени³. Унесенная домой рыба (также как и любой другой товар) становилась предметом денежных и неденежных форм обмена. Однажды возникшая экстралегальная практика со временем закреплялась, а изменение формальных правил (например, переход к рынку) лишь создавал почву для ее трансформации. Действительно, в период развала экономики, когда дальневосточные рыбаки также как и другие рабочие, месяцами не получали заработную плату, механизм выживания формировался сам собой. В результате этого и других причин разнообразные экстралегальные практики, закреплялись.

Основные экстралегальные практики современного рыболовства на Дальнем Востоке включают:

связанные с **выловом** (в коммерческих и некоммерческих целях):

- взятничество контролирующих лиц, обеспечивающих экстралегальный промысел;
- вылов без оформления документов для личного потребления, в т.ч. запрещенных видов рыб, запрещенными средствами лова и т.п.;
- использование и присвоение права неограниченного промысла представителями коренных и малочисленных народностей в промышленных целях;
- мелкопромышленный вылов незарегистрированными бригадами (организующийся как в РФ, так и в КНР);

¹ Ляпустин С.Н., Фоменко П. В. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке России: Учебное пособие. Владивосток: Изд-во «Апельсин», 2003.

² Новомодный Г., Золотухин С., Шаров П. Амурские рыбы: богатство и кризис. Аналитический обзор. Владивосток: Изд-во «Апельсин», 2004. С.19.

³ Каценелинбойген А. Цветные рынки в Советском Союзе // Экономическая теория преступлений и наказаний. Реферат. журнал. Вып. 4. Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. Часть 2. Статьи. Библиография. М.: РГГУ, 2002.

- не соблюдение пограничного режима, постанровка сетей в российских водах;

- реципрокные обмены с контролирующими лицами (инспектора, ответственные за легальный инфорсмент, могут промышлять рыбу сами и на уровне личных договоренностей устанавливать «допустимые» и «недопустимые» формы нарушений; силу таких неформальных контрактов определяют «ты мне – я тебе» связи, далекие от денежных обменов);

связанные с *реализацией*:

- закупка экстралегально добытой рыбопродукции, «легализация» через использование поддельных документов, для отправки ее в Китай;

- контрабанда икры, в т.ч. живой оплодотворенной, для потребительских целей и целей разведения;

- контрабанда рыбопродукции, в т.ч. запрещенной к вылову СИТЕС¹;

- экстралегальная доставка рыбопродукции к местам продаж;

- обработка рыбы, морепродуктов, икры в мелкопромышленных целях (разделка, посол, расфасовка), без оформления соответствующей документации на ведение этого бизнеса;

- создание предприятий, занимающихся незаконным оборотом рыбопродукции, в т.ч. зарегистрированных на подставных лиц;

- торговля без документов или по поддельным документам (в т.ч. под видом конфискованной рыбоохранными организациями продукции).

Исследование экстралегальной экономики всегда сталкивается с задачей оценки ее объемов в абсолютном и/или относительном выражении. По данным Амуррыбвода² браконьерский вылов в реке Амур превышает легальный в 2-3 раза. Вероятно, эти оценки неточны. Так, официальный лов амурской кеты в 1999 году менее 1 тыс.т., однако по методически обоснованным оценкам специалиста ТИПРО³, потребительский лов осенней кеты на участке Амура, протяженностью в 1200 км в 1990-е годы составлял около 9 тыс. тонн. То есть разрыв составляет уже 9 раз, но к этому необходимо добавить экстралегальный оборот осетровых, включая икру, а также и дру-

¹ СИТЕС – Convention of International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora – Конвенция по международной торговле вымирающими видами дикой фауны и флоры.

² Кошелев В.Н. Островский В.И. Овсянников В.П. Семенченко Н.Н. Пресноводные и морские биоресурсы Хабаровского края // Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Хабаровского края в 2008 году». Мин-во эконом. развития и внешних связей Хабаровского края, Хабаровск (рукопись). http://www.adm.khv.ru/invest2.nsf/ecology_ru/2731E837E08BA4F4CA25767300197269?OpenDocument

³ Новомодный Г., Золотухин С., Шаров П. Амурские рыбы: богатство и кризис. Аналитический обзор. Владивосток: Изд-во «Апельсин», 2004.

гой рыбы (ауха, желтошека, сома и т.п.). По минимальным оценкам ТИПРО, нелегальный вылов только осетра и только в русле в 1990-е составлял не менее 750 т. Таким образом, превышение экстралегального оборота рыбы над официально регистрируемым составляет не менее 10 раз.

О масштабах экстралегального кросс-граничного оборота некоторых рыбопродуктов можно судить по данным таблицы 1. Основной объем выявленных попыток незаконного перемещения через таможенную границу приходится на Китай, незначительное количество выявленных правонарушений – на российско-корейское направление¹.

Таблица 1.

Объекты флоры и фауны, задержанные таможенными органами ДВ РФ при попытке их незаконного перемещения через таможенную границу в 2006-2009 гг.

Виды	Продукция	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	Всего
Дальневосточный трепанг (<i>Apostichopus japonicus</i>)	трепанг сушеный	636 кг	342,32 кг	326 кг	140 кг	1444,32 кг
	трепанг живой	-	3,8 кг	-	-	3,8 кг
Амурский осетр (<i>Acipenser schrenckii</i>), русский осетр (<i>Acipenser guldenstadti</i>), калуга (<i>Huso dauricus</i>)	мороженая продукция	2,64 кг	более 4 т	94 кг	2,1 кг	4098,74 кг
	хорда осетровых	-	56 кг	-	-	56 кг
	рыло осетровых	-	136 кг	-	-	136 кг
	икра осетровая, соленая	1855,1 кг	3 кг	-	-	185861 кг
	икра осетровая, оплодотворенная	58,8 кг	-	-	-	58,8 кг

Источник: Ляпустин С.Н., Первушина Н.В., Фоменко П.В. Незаконный оборот объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке (2007–2009 гг.). Влад-сток: Изд-во «Апельсин», 2010. С.13-16.

Исследователи статистически доказывают, что Китай постоянно использовал биоресурсы приграничных рек более активно, чем Россия, что объясняется, конечно, большей населенностью китайских земель². Но, несмотря на большую активность китайских рыбаков,

¹ Ляпустин С.Н., Первушина Н.В., Фоменко П.В. Незаконный оборот объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке (2007–2009 гг.). WWF, TRAFFIC, РТА. Владивосток: Издательство «Апельсин», 2010. с.12.

² Новомодный Г., Золотухин С., Шаров П. Амурские рыбы: богатство и кризис. Аналитический обзор. Владивосток: Изд-во «Апельсин», 2004. С.28.

их хозяйственная деятельность во внутренних водах в основном лежит в рамках формальных правил, закрепленных в китайском законодательстве. В России, напротив, экстралегальный вылов превышает официальный, а объем браконьерского лова, в особенности в отношении запрещенных к вылову осетровых постоянно повышается.

С точки зрения законодательства между деятельностью российских любителей и промысловых бригад¹ есть принципиальные различия, и они стали значительнее после институциональных новаций. Однако китайские рыбаки, промысляющие на российской территории, не могут быть отнесены к «любителям» в любом случае. Тем не менее, мотивационная логика крайне важна для институционального анализа. Поэтому попытаемся понять, насколько экстралегальное рыболовство носит коммерческий или частный² характер.

Из 34 сообщений в 16 ФСБ и ФТС указали на то, что поймана группа лиц. Однако из сообщения далеко не всегда понятно, является ли данное нарушение проявлением индивидуальной стратегии или оно обеспечивает реализацию отдельной операции в деловой схеме. Например, в следующей цитате сообщается о конкретном «китайском гражданине», вместе с тем, объем и цена вывозимой партии указывает на коммерческий характер операции:

«сотрудники УФСБ по ЕАО пресекли вчера попытку контрабандного вывоза в Китай крупной партии амурского осетра и калуги. В одном из частных домов в Биробиджане было обнаружено 1300 килограммов рыбы. По словам хозяина дома, рыбу спрятал китайский гражданин, пообещав вывезти груз на этой неделе в КНР. Офицер УФСБ по связям с общественностью Сергей Дорофеев сообщил, что стоимость рыбы, которую китаец, вероятнее всего, приобрел у браконьеров, оценивается примерно в 130 тыс. рублей. В Китае она на порядок дороже»³.

¹ Любители – люди, осуществляющие вылов рыбы в некоммерческих – в спортивных или для нужд личного потребления – целях; в ограниченных объемах; при наличии специальных документов (рыболовного билета, а в некоторых случаях – лицензии на вылов определенных видов рыб). Промысловики ведут вылов рыбы в коммерческих (для дальнейшей перепродажи) целях. Используют для этого специальные средства по вылову, приемке, переработке, перегрузке, транспортировке и хранению уловов и продуктов переработки водных биоресурсов. Право пользования водными биоресурсами возникает на основании разрешения на добычу (вылов) водных биоресурсов, договора пользования рыбопромысловым участком. Маркирование деятельности китайских рыбаков термином «любительский» условно – т.к. они не являются гражданами РФ и не могут формально быть любителями.

² Коммерческий характер – т.е. для дальнейшей продажи; индивидуальный – вылов для обеспечения домашнего хозяйства.

³ <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id=10311774@fsbComment.html>.

С другой стороны, если сообщается, что поймана группа нарушителей, это не указывает на их принадлежность к коммерческой структуре:

«к трем месяцам лишения свободы приговорены судом Амурской области за нарушение государственной границы России двое граждан Китая. В областном УФСБ сообщили, что в июне китайцы были задержаны пограничниками в Свободненском районе на 118-м километре верхнего Амура у российского берега в момент браконьерского лова рыбы. У нарушителей были изъяты весельная деревянная лодка и орудия лова. Суд назначил нарушителям наказание в виде лишения свободы на три месяца с отбыванием срока в колонии-поселении. С учетом содержания под стражей в ходе предварительного следствия срок заключения осужденных уже истек. Поэтому они были освобождены и покинули территорию России¹».

Качественный контент-анализ показывает, что лучше типизировать экстралегальные практики на две группы в зависимости от мотивации, а не количества участников, на частные и коммерческие. Самой распространенной практикой *частного* (т.е. некоммерческого) использования приграничных природных ресурсов китайцами является рыбная ловля у противоположного (российского) берега. Стремление китайских рыбаков вести вылов рыбы на российской территории объясняется тем, что в КНР бывшие рыбные угодья значительно зарегулированы дамбами и ухудшены промышленными загрязнениями, дикие популяции рыб легально, практически не лимитируемо вылавливались долгие годы как в промышленных объемах, так и для нужд домохозяйств, в результате многие виды рыб исчезли. С российской стороны легальный промысел всегда оставался лимитированным, а промышленные и сельскохозяйственные загрязнения ниже.

Среди экстралегальных коммерческих практик – организация фирм (бригад), ведущаяся с лицензионными нарушениями, с нарушениями в способах найма работников, практиками ухода от таможенных и налоговых сборов и т.п. Организованные бригады могут быть смешанными или моноэтническими:

«На Дальнем Востоке на реке Амур в Смидовическом районе Еврейской автономной области пограничниками пресечена попытка вести лов кеты группой браконьеров, состоящей из пяти китайцев и трех россиян. ... Как выяснилось, организовал интернациональную группу браконьеров один из местных предпринимателей. Он нанял китайцев, прибывших на российскую территорию по визам, но не имевших право находиться в погранзоне, пообещав им солидное

¹ <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id=10315092@fsbComment.html>.

вознаграждение в случае удачного лова лосося. Задержанные браконьеры переданы для разбирательства правоохранительным органам¹».

Начиная с 2004 г, в регулировании рыбного промысла произошли серьезные изменения; они были направлены на повышение контроля, снижение нелегального промысла, разделение любительского и промыслового рыболовства – т.е. на ужесточение законодательства, путем внесения принципиальных, кардинальных изменений. В 2004 принят ФЗ N 166 «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», а с ним и другие нормативные акты (в частности, регламентирующие получение промышленных квот и разрешений, определение участков и т.д.). А в 2006 – Водный кодекс РФ от 03.06.2006 N 74-ФЗ.

Официальные базы ФСБ и ФТС «отреагировали» на институциональные новации увеличением количества сообщений о раскрытых нарушениях (в 2004 и особенно в 2006 гг.). На 2006 г пришлось около трети всех сообщений. Наиболее вероятным объяснением этого служит изменение способов инфорсmenta (в т.ч. как через большее усердие в поимке нарушителей, так и через более широкое информирование «широких масс»).

Однако тот факт, что экстралегальные практики продолжили существовать после принятия этих институциональных решений «налицо»; а по базе сообщений ФТС и ФСБ можно судить об изменениях *объемов* экстралегальных операций (в сторону их значительного увеличения к концу наблюдаемого периода). В целом сравнение сообщений начала и конца 2000-х указывает на изменение способов организации экстралегальной деятельности – от единичных нарушений в небольших масштабах до крупных организованных групп. В 2002 г крупной партией трепанга была партия в 2 т, а в 2009 г в одном сообщении информировали о нескольких 20- тонных партиях.

Сообщение 2002 г: *«Крупная партия контрабанды - сушеного трепанга - задержана в Приморском крае на российско-китайской границе. <...> Грузовик был задержан на таможенном посту Полтавский и доставлен в Уссурийский таможенный терминал. В одной из стенок контейнера сотрудники таможни обнаружили тайник. В нем, по предварительным подсчетам, находилось около 2 т сушеного трепанга, который был расфасован в мешки по 15-20 кг. Последний раз столь крупная партия сушеного трепанга была задержана около двух лет на-*

¹ <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id=10314924@fsbComment.html>.

зад. Контейнер конфискован, по факту контрабанды возбуждено уголовное дело¹».

Сообщение 2009 г: «Сразу 6 уголовных дел возбуждено дознавателями Дальневосточной оперативной таможни в отношении преступной группы, осуществлявшей контрабандный вывоз сушено-вяленого гребешка. <... > Тогда было возбуждено первое (по данной группе – НР) уголовное дело против двух россиян, изготовивших поддельные документы и пытавшихся по ним вывезти в Китай **партию сушеного гребешка весом около 20 тонн**. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении этих граждан было возбуждено еще 10 уголовных дел, а затем были собраны доказательства того, что контрабандой гребешка занималась **целая организованная группа** и были установлены функции каждого члена группы. Так, организатором совершения преступления является гражданин Китая, который финансировал незаконные перемещения товара к себе на родину, а также давал указания российской гражданке, входившей в преступную группу, подготавливать поддельные документы, необходимые для таможенного оформления товара. А два российских гражданина осуществляли незаконный промысел и переработку гребешка, а также организовывали перемещение гребешка с острова Сахалин в Приморский край. Затем они передавали товар своей подельнице, занимавшейся подготовкой документов для таможенного оформления и непосредственно таможенным оформлением гребешка с предоставлением в таможенные органы поддельных документов. За время своей преступной деятельности группа смогла вывезти с помощью поддельных документов сушено-вяленого гребешка на сумму свыше 3 миллионов рублей²».

Таким образом, в хищническом использовании рыбных ресурсов активно участвуют и китайцы, и россияне. Экстралегальные практики рыболовства основываются на традициях и исторической преемственности, следовательно, существуют социальные нормы, обеспечивающие легитимность (признание) экстралегальных правил. Спектр мотиваций участников кроссграничных обменов достаточно широк и включает как коммерческие установки, так и мотивации личного потребления. Ужесточение легального инфорсmenta не влияло на экстралегальные практики (либо влияло даже в сторону ухудшения ситуации).

2.2. Объекты дикой флоры и фауны

Другие объекты дикой флоры и фауны, помимо рыбы и морепродуктов, также являются объектом экстралегальных кросс-граничных

¹ http://webserver.customs.ru/ru/sea_activity/actions/index.php?&date286=200510&id286=8625

² <http://dvtu.customs.ru/ru/reviews/index.php?&date695=200906&id695=25964>

практик. В 2000–2010 гг. с территории Дальнего Востока экстралегально вывозились в Китай объекты дикой фауны, такие как лягушка, олень, кабан, пушнина и дериваты (17,6% сообщений в базе ФСБ и ФТС); и дикой флоры, в т.ч. женьшень, папоротник (10,3%). В базе ФСБ и ФТС преобладают сообщения о задержании граждан КНР: 21 случай против 1 случая задержания гражданина РФ.

В этом смысле очевидна историческая «преемственность» экстралегальных практик, поскольку и 100 лет назад богатые природные ресурсы активно вовлекались в коммерческий оборот в обход действовавших формальных правил как непосредственно китайцами, так и русскими переселенцами¹.

В настоящее время браконьерский промысел имеет место на всех территориях Дальнего Востока, этим видом хозяйственной деятельности занимаются «жители населенных пунктов в сельской местности»; «охотники-любители, имеющие высокопроходимый автотранспорт»; «военнослужащие и пограничники, <...> проходящие службу на погранзаставах или в отдаленных гарнизонах»². В Хабаровском крае и Еврейской автономной области идет браконьерская охота на лося, буроного и гималайского медведя, кабаргу, соболя, осетровые и лососевые виды рыб; в Приморском крае — на гималайского медведя, кабаргу, амурского тигра, трепанга, лососевые виды рыб; в Амурской области — на осетровые виды рыб, речную выдру и т.д.³. Конечно, не весь экстралегальный промысел ведется для дальнейшего сбыта продукции в Китай — часть потребляется домашними хозяйствами непосредственных охотников, часть — продается на внутреннем рынке.

Типизация экстралегальных практик, связанных с оборотом объектов дикой флоры и фауны буквально повторяет практики, перечисленные выше — по промыслу рыбы и морепродуктов, хотя отличается их распространенность по отношению друг к другу. Если в практиках, связанных с добычей и оборотом рыбы самые частые сообщения о *кросс-границных* нарушениях связаны с нарушением пограничного режима, то о нелегальном пересечении границы для заготовки лягушек, желчи и т.п. сообщают гораздо реже:

¹ См. в этом сборнике тексты Т.З.Позняк Формальные и неформальные экономические практики иммигрантов на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX в.); Т.Н.Сорокиной «Взаимное соглашение о спирте и опиуме»: опыт совместной борьбы России и Китая с контрабандой в начале XX в.

² Ляпустин С.Н., Первушина Н.В., Фоменко П.В. Незаконный оборот объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке (2007–2009 гг.). WWF, TRAFFIC, РТА. Владивосток: Издательство «Апельсин», 2010. С.25.

³ Там же. С. 24.

«В изолятор временного содержания Хасанского погранотряда доставлен китаец, которого накануне задержали с помощью сторожевой собаки. Пограничники отправили на имя командующего Цзилиньским военным округом КНР требование ужесточить контроль за границей¹»; «Два китайских браконьера, ставившие капканы на оленьих тропах, задержаны в понедельник в Приморье пограничниками в уссурийской тайге²»; «Трех китайских сборщиков папоротника, нелегально перешедших границу на юге Приморья, задержали российские пограничники. Две женщины и мужчина доставлены в изолятор временного содержания Хасанского погранотряда для проведения разбирательства³».

Объекты флоры и фауны вовлечены в экстралегальный кросс-границный оборот преимущественно через их заготовку (скупку) для дальнейшей отправки в Китай. Объявления о скупке и продаже лап и желчи медведя, мускуса кабарги, дикорастущего женьшеня публикуются в амурских, приморских и хабаровских газетах и на сайтах сети Интернет. Пресечение кросс-границных экстралегальных практик происходит в основном при таможенных проверках в рамках таможенных пунктов:

«Сотрудники Хасанского таможенного поста <...> обнаружили в конструктивных полостях автобуса 22 цилиндрических целлофановых брикета с дериватами (жир лягушки), скрытыми от таможенного контроля. <...> такая крупная партия — почти 27 кг, задерживается впервые. По самым скромным подсчетам рыночная стоимость лягушачьего жира может составить более 1,8 миллиона рублей»; «В пункте пропуска через российско-китайскую границу «Пограничный-железнодорожный-грузовое» в Приморье пресечена попытка контрабандного вывоза в Китай медвежьих лап. <...> На одной из платформ, груженной лесом, среди бревен были найдены три пакета, в которых находились девять медвежьих лап⁴».

Самыми распространенными товарами, задержанными на таможне в 2001–2010 гг., были дикорастущий женьшень и дериваты (мускус кабарги, лапы медведя и т.п.). Понятно, что экстралегальные практики в отношении обоих продуктов опираются на культурные традиции восточной медицины, и столь же очевидно, что для большей части россиян эта продукция не имеет внутренней ценности, что в отсутствие свободного рынка на эти товары, способствует

¹ <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id=10314002@fsbComment.html>, 11К

² <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id=10313794@fsbComment.html>

³ <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id=10314371@fsbComment.html>

⁴ <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id%3D10316364@fsbComment.html>

весьма специфическому методу ценообразования и, как следствие, возможности получения дополнительной прибыли.

Информация, позволяющая сделать выводы об объемах экстралегального оборота объектов флоры и фауны, практически отсутствует. Поскольку невозможно оценить реальные объемы промысла для личного потребления без оформления документов (лицензий), свыше оформленных документов, браконьерства в отношении запрещенных объектов флоры и фауны, браконьерства в запрещенных местах. Некоторую оценку можно получить, лишь анализируя данные по предотвращенным случаям контрабанды (таблица 2), но нельзя надеяться на то, что эти случаи покрывают определенный процент экстралегального кросс-границного обмена, напротив, можно ожидать, что реальные масштабы этого сектора неформальной экономики существенно больше.

Инфорсмент в отношении регулирования оборота объектов исчезающей фауны в настоящее время относительно мягок, в частности, для возбуждения уголовного дела сумма выявленного нарушения должна превышать 1500 тыс.руб. В последние годы не было значительных изменений, напрямую касающихся регулирования этого вида хозяйственной деятельности.

В легальном регулировании промысла и оборота объектов дикой фауны произошли существенные изменения, с принятием закона «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов» (209-ФЗ от 24 июля 2009 г), а также в связи с изменениями в лесном кодексе. Закон «Об охоте» также как и другие нормативно-правовые акты в сфере природопользования стал *принципиальной институциональной новацией*, поскольку изменил основную мотивацию охотничьей деятельности, акцентировав коммерческую составляющую (практически введя необходимость приватизации охотничьих угодий) и «забыв» о традиции и культуре охотничьего промысла в РФ, о том значении, которое *«имеет лес, река, пастбища и сельхозугодия для жителей сельской местности, особенно в удаленных регионах страны»*¹.

¹ Дискуссию по поводу Закона «Об охоте» см., например, http://piterhunt.ru/library/articles/ofitsialno/khoteli_kak_luchshe_a_poluchilos_kak_vsegda.htm

Таблица 2.

Объекты флоры и фауны, задержанные таможенными органами ДВ РФ при попытке их незаконного перемещения через таможенную границу в 2006–2009 гг.

Виды	Продукция	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	Всего
Бурый медведь (<i>Ursus Arctos</i>), гималайский медведь (<i>Ursus thibetanus</i>)	лапы	94 шт.	720 шт.	7 шт.	16 шт.	837 шт.
	шкура бурого медведя	1 шт.	-	1 шт.		2 шт.
	клык медведя	-	-	1 шт.		1 шт.
	желчь медведя	5 шт.	7, 295 кг	5 шт.	1 шт.	11 шт. и 76295 кг
	сердце медведя	1 шт.				1 шт.
	жир медведя	-	6 кг	-		6 кг
Дальневосточные лягушки (<i>Rana semipalmata</i>)	жироподобное вещество лягушки	2 кг	100 г	27,9 кг	120 г	30,12 кг
	части лягушек	-	39,7 кг	900 г	-	40,6 кг
	живые	200 шт.	-	-	-	200 шт.
Олени (<i>Cervidae</i>) (северный (<i>Rangifer tarandus</i>), пятнистый (<i>Cervus nippon</i>) олени, изюбрь (<i>Cervus elaphus</i>))	шкуры	-	91 шт.	-		91 шт.
	пенис	48 шт.	4 шт. и 1,8 кг	26 шт. и 3,58 кг	1 шт.	79 шт. и 5,4 кг
	панты	5 кг	-	-	5,9 кг	10,9 кг
	рога	231, 5 кг	-	3 шт.	1 шт.	231,5 и 4 шт.
	губы, нос оленей	8 шт.	200 кг	-		200 кг и 8 шт.
	хвосты оленей	1 шт.	-	-		1 шт.
	сердце оленя	-	1 шт.	-	1 шт.	2 шт.
семенники оленей	2 шт.	-	-		2 шт.	
Женьшень (КК) (<i>Panax ginseng</i>)	корни	1 шт.	35 кг	243 шт.	603 корня (4791 г)	847 корней и 35 кг

Источник: Ляпустин С.Н., Первушина Н.В., Фоменко П.В. Незаконный оборот объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке (2007–2009 гг.). Влад-сток: Изд-во «Апельсин», 2010. С.13–16.

«В Сибири, ничего не поделаешь, половина населения — охотники и рыболовы, и они крайне озабочены судьбой своих охотничьих угодий, которые, в связи с принятием данного законопроекта, должны будут подвергнуться приватизации, встревожены настолько, что разработали свой законопроект, и он уже принят в первом чтении»; «ни одна экологическая организация, ни одно охотхозяйство из регионов не поддержали законопроект об охоте. Закон ломает всю систему охотничьих хозяйств в России, и в этой системе ни одно охотничье хозяйство на аукционе не сможет приобрести угодья. Кроме богатых

людей в этом законе никто не заинтересован. Законопроект разработан не в пользу настоящих охотников, он ориентирован на богатых, на денежные мешки, браконьеров и так называемых «вертолетчиков». Законом вводятся нормы, кардинально меняющие порядок предоставления права пользования объектами животного мира и среды их обитания»¹.

Введение новых формальных правил не отразилось на сообщениях ФТС и ФСБ об экстралегальных практиках: информирование в 2004 и 2010 гг. практически одинаково. Информация о суммах ущерба не сообщалась до 2005 г. Средний размер оцененного ущерба составил 1297 тыс.руб., самый большой ущерб был оценен в 7500 тыс.руб. (кстати, он зарегистрирован в 2010 г):

«С начала августа сотрудниками таможен региона было пресечено 4 попытки контрабанды женьшеня. По трем из них были возбуждены дела об административных правонарушениях, в связи с небольшими объемами предмета контрабанды, а также одно уголовное дело, возбужденное сотрудниками Уссурийской таможни в отношении гражданина Китая, пытавшегося вывезти более 2 килограммов корня, стоимостью свыше 7,5 с половиной миллионов рублей»².

Ляпуста С.Н. и др.³ сообщают о росте уголовных дел, возбужденных по фактам контрабанды объектов фауны и флоры, что свидетельствует, по мнению авторов, «о повышении качества работы оперативно-розыскных подразделений таможен ДВТУ и Дальневосточной оперативной таможни». На наш взгляд, это также может указывать на рост контрабанды, на неэффективность принимаемых институциональных решений, на другие внешние причины, такие как снижение общего уровня жизни населения, повышение количества безработных и т.п.

Таким образом, в регионах Дальнего Востока распространено экстралегальное природопользование в отношении объектов флоры и фауны; эти практики основываются как на российских, так и китайских культурных традициях. В экстралегальную добычу на уровне повседневной обыденности вовлечено население, что предполагает опору на укорененные социальные нормы. Экстралегальный кроссграницный оборот мотивирован также извлечением ресурсной ренты коммер-

¹ Там же.

² http://www.customs.ru/ru/press/news_dvtu/index.php?id286=33757

³ Ляпуста С.Н., Первушина Н.В., Фоменко П.В. Незаконный оборот объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке (2007–2009 гг.). WWF, TRAFFIC, РТА. Владивосток: Издательство «Апельсин», 2010. С.8.

ческими структурами. Изменения, произошедшие в формальном регулировании охотничьего промысла, носили инкрементный характер; нет оснований ожидать, что они смогут мгновенно изменить существующие неформальные ограничения.

2.3. Экстралегальное лесопользование

В базе ФТС и ФСБ о практиках, связанных с экстралегальным вывозом древесины сообщали 15 раз. Большая часть сообщений пришла на 2009 и 2010 гг. В основном на контрабанде «попадают» граждане РФ, имеющие зарегистрированный бизнес.

Этот вид экстралегального природопользования в сибирских и дальневосточных регионах исследован и описан в литературе относительно лучше других¹; предложено несколько вариантов систематизации экстралегальных практики, в т.ч. недокументированные и документированные. Первые, в частности, включают²:

- заготовки леса местным населением для собственных нужд;
- рубки, осуществляемые гражданами или незарегистрированными бригадами с целью последующей продажи древесины;
- рубки, осуществляемые компаниями вблизи от официально разрабатываемых участков, либо в труднодоступных местах, редко посещаемых проверяющими органами в большем объеме, чем это отражено в разрешительной документации;
- рубки, ведущиеся нелегально по схеме «официальных выборочных рубок»;

А также рубки незаконные, но проводящиеся при наличии документов:

- получение разрешений на рубки леса в участках, где это запрещено, либо не предусмотрено действующим законодательством;
- получение разрешений на ведение лесозаготовок с нарушением действующих правил;
- внесение заказных изменений в лесохозяйственную документацию, позволяющих по формальному признаку проведение рубок, запрещенных до внесения этих изменений.

Экспортеры леса (как китайские, так и российские), используют вышеуказанные практики для заготовки древесины, либо ску-

¹ См., например, о типизации практик и мотивации к неформальному лесопользованию: Неформальная экономика лесопользования: участники, практики, отношения (на основе материалов исследования Иркутской области)/ Под ред. И. Олимпиевой, О. Паченкова, З.Соловьевой. МОНФ. Серия «Независимый экономический анализ». Москва, 2005.

² В данном случае под «документированными» понимаются те, что осуществляются с оформлением документов, но при этом они могут не включаться или включаться частично в статистический учет. Морозов А. Краткий обзор незаконных рубок леса в России (формы и методы незаконных рубок) (<http://www.forest.ru/rus/publications/illegal/>)

пают заготовленную таким образом древесину, а затем применяют экстралегальные практики для вывоза товара:

- представление при экспорте леса двойных, тройных договоров комиссии,
- легализация незаконно купленного леса посредством формального проведения его через несколько продавцов-покупателей,
- завышение количества леса, проходящего через таможенную, в сравнении с оформленными документами и другие.

Распространенная деловая схема состоит в том, что и экспортером и импортером является одна и та же китайская компания, для чего регистрируется китайская фирма-«однодневка». Она осуществляет заготовку и поставку леса, используя спектр обозначенных выше экстралегальных практик, экспортные цены, как правило, ниже мировых, ниже внутреннего китайского рынка и даже нередко ниже себестоимости заготовки леса («минимизация» налога на прибыль).

Начиная с 2007 г, лесное законодательство существенно изменилось, был введен новый Лесной кодекс, основной целью которого было повышение доходности использования лесных ресурсов. Основу новаций лесного законодательства составляла передача полномочий с федерального на региональный уровень, а также возложение в виде обременений (в обмен на неуточненные преференции) всего комплекса лесохозяйственных работ на арендатора. Кодекс тут же стал объектом для критики со стороны бизнеса (и не только лесного, но и крупных госкорпораций – поскольку большая часть энергетической, а также нефтяной и газовой инфраструктуры проходит через лесные угодья).

Также изменилось законодательство в области регулирования экспорта. Так ставка экспортной пошлины на круглый лес составляла 6,5% таможенной стоимости до июля 2007 г, после чего она должна была подняться до 20%, с апреля 2008 г – 25%; а с января 2009 г должна была составить 80%. Глобальный экономический кризис помешал введению запретительных пошлин (рост остановился на уровне 15%). Эти институциональные новации привели к сокращению объемов производства – в основном из-за сокращения объемов экспорта, резкому обострению социальных проблем и росту безработицы в лесных поселках, общему упадку лесного сектора. Например, в Амурской области в 2009 г физический объем экспорта сократился на 64%, Япония, Гонконг и Южная Корея перестали покупать амурскую древесину, а доля Китая выросла до 98%. Поскольку более развитые страны традиционно предъявляют большие требования к подтверждению легальности древесины, это становится еще одним стимулом для увеличения экстралегальных оборотов.

В целом весь комплекс институциональных изменений не привел к ожидавшимся результатам:

«Экспорт круглого леса и пиломатериалов по-прежнему является одним из наиболее криминальных направлений. Так, только в течение 2009 года Иркутской таможней на канале экспорта леса было возбуждено 4 уголовных дела. Одно уголовное дело возбуждено по ч. 4 ст. 188 УК РФ «Контрабанда» (предметом преступления по нему стали пиломатериалы, контрабандный вывоз которых был налажен преступной организованной группой). Три уголовных дела были возбуждены по ст. 193 УК РФ «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте», где экспортируемым товаром были лесоматериалы¹».

На заседании президиума Государственного совета по вопросам совершенствования государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды директор Всемирного фонда дикой природы Российской Федерации отметил следующее:

«Мы знаем, каковы были последствия внедрения Лесного кодекса – в разы выросли нелегальные рубки, только по самым официальным данным, анализ спутниковых снимков показывает еще гораздо более тяжелую картину²».

ФТС и ФСБ стали сообщать о выявленных нарушениях в лесопользовании в 2009 и 2010 гг. значительно чаще, чем ранее (более половины случаев пришлось именно на эти два года); в основном информация касалась пунктов пропуска, расположенных в Хабаровском и Приморском краях. Максимальная сумма ущерба – 19,5 млн. руб., минимальная – 65 тыс. руб., средний размер ущерба – около 6 млн. руб. Все информационные сообщения свидетельствуют о нарушениях по провозу древесины через пункты таможенного контроля. Лишь одно сообщение свидетельствовало о провозе вне зоны таможенного контроля, причем провоз осуществлялся индивидуальным лицом (гражданин Казахстана вывозил на автомобиле КАМАЗ 32 куб.м. пиломатериалов помимо пункта таможенного контроля в районе зоны Михайловского таможенного поста Алтайской таможни). Как правило, объемы экстралегальных сделок существенно выше: в среднем по всем случаям – около 3 тыс. куб.м. (информация о самом большом нарушении – 10,5 тыс. куб. леса).

В основном выявленные нарушения были сделаны зарегистрированными на граждан РФ фирмами (обществами с ограниченной ответственностью), но так или иначе в заметках фигурировало указание на совместную с гражданами Китая деятельность. Следующее информационное сообщение, является, видимо, наиболее

¹ <http://stu.customs.ru/ru/reviews/printable.php?&date695=200907&id695=26911&print=1>

² <http://www.kremlin.ru/transcripts/7872>

«репрезентативным», что подтверждается результатами наших полевых исследований, проведенных ранее:

«Отделом дознания Хабаровской таможни возбуждено сразу 10 уголовных дел по ч. 1 ст. 188 УК РФ (Контрабанда). Предметами преступления стали лесоматериалы различных, в том числе ценных, пород. В большинстве случаев в Китай вывозились ясень и дуб, были так же липа, осина, береза, ель. Весь товар, а это - примерно 5,5 тысяч кубометров, от имени российского общества с ограниченной ответственностью в течение 2007 года был перемещен из России в КНР с обманным использованием документов. Общая стоимость предметов преступления составила более 17,5 миллионов рублей¹».

Таким образом, жесткая мотивация экстралегального лесопользования – в ориентации на получение и максимизацию ресурсной ренты зарегистрированными бизнесами, а ужесточение формальных институциональных ограничений дает иные, чем планировалось эффекты. Одним из значимых является повышение социальной нестабильности и безработицы в удаленных регионах.

2.4. Драгоценные металлы и поделочные камни

Кроссграничные экстралегальные обмены с металлами и минералами в наименьшей степени представлены в официальных базах ФСБ и ФТС: о них сообщали 6 раз, и все сообщения пришлись на 2008 и 2009 гг. Основным объектом контрабанды стало золото, но также сообщали о незаконном вывозе нефрита, серебра и платины.

Экстралегальная добыча минеральных ресурсов (Artisanal and Small Scale Mining) известна во всем мире, хотя она преобладает в странах догоняющего развития, и, судя по немногочисленным источникам, начала активно развиваться в странах с переходной экономикой². Как показывают исследования, ведущиеся по всему миру, в кустарном способе добычи экстралегальная составляющая значительно выше, чем в промышленном способе³. Именно кустарная добыча чаще становится источником для экстралегального вывоза драгоценных металлов и драгоценных/ поделочных камней.

¹ http://customs.ru/ru/press/news_dvtu/index.php?id305=3771&date286=200803&id286=18909

² Grayson R. Gold recovery in buckets in Kyrgyzstan – the term 'bucketing'// World Placer Journal. 2006, V.6, P.42-51. Grayson R. Gold recovery in wooden trays in Russia – the term 'lotoking'// Ibid. P.22-35; Peter W.U. Appel, P.W.U. Small-scale mining – hazards and opportunities in Kyrgyzstan and Mongolia. Geological Survey of Denmark and Greenland Bulletin, 2005. № 7. P.77-80

³ Thomas Hentschel, Felix Hruschka, Michael Priester. Projekt-Consult GmbH. Global Report on Artisanal & Small-Scale Mining. IIED, WBCSD, 2002.

При освоении Дальнего Востока русские переселенцы вовлекались в «свободный», вне-институциональный оборот золота; эта деятельность вначале была освобождена от формальных ограничений¹.

Впоследствии, уже с появлением формальных правил и развитием золотопромышленной отрасли кустарная добыча по-прежнему преобладала: «“хозяйский” (в современных терминах — промышленный) способ добычи золота стал неэффективным. <...> Менее богатые месторождения могли разрабатываться самостоятельно старателями-золотниками (в современных терминах — кустарно). <...> К 90-м гг. XIX в. «золотничный» способ стал в крае преобладающим²». Кустарная добыча золота, без оформления специальных документов, а также «вынос» золота с официально зарегистрированных рудников, входили в одну из сфер хозяйственной экстралегальной деятельности китайцев в кон. XIX — нач. XX вв.³.

В послереволюционный период для решения проблемы криминального оборота золота и пополнения золотовалютных запасов были введены следующие институциональные новации: «в крупных поселках открыты золотоприемные кассы»; выдача разрешений на старательство любому человеку, «не имеющему уголовного прошлого» непосредственно местными органами власти; приемка золота «и от старателей, и от вольноприносителей»⁴; стимулирование населения к поиску и добыче золота льготами⁵. После второй мировой войны украденное, добытое или найденное золото можно было сдать в золотоприемные кассы⁶. Эти либеральные институциональные рамки существовали до 1954 г., хотя институциональное давление к ликвидации вольностей началось раньше — со снижения приемной цены на золото, принятого постановлением Совмина СССР «О мерах по снижению затрат на добычу золота»⁷.

¹ Афанасьев П.Ю., Трубников Н.Б. Виток золотой спирали. Благовещенск. 2008

² См. в этом сборнике: Алепко А.В. Китайские неформальные практики в горной промышленности Дальнего Востока России в конце XIX — начале XX вв.

³ Там же.

⁴ Старатель получал лицензию на уже известный участок, на котором есть золото, и работал в заданных границах. А вольноприноситель мог искать золото без лицензии.

⁵ Кавчик Б.К., Кавчик Р.Б. Проблемы существования незаконной добычи и оборота золота в России и пути их решения. Доклад на конференции 11.05.10 <http://zolutodb.ru/articles/docs/discuss/10224>; Кавчик Б.К. Как увеличивали золотодобычу при Сталине// ОАО «Иргиредмет». Золотодобыча, №126, Май, 2009

⁶ Об экстралегальных практиках в до- и советское время и истории развития институтов золотодобычи см.: Афанасьев П.Ю., Трубников Н.Б. Виток золотой спирали. Благовещенск. 2008; На золотых промыслах Дальней России. К истории золотодобычи на юге Российского Дальнего Востока. Благовещенск, РИО, 2003, 272 с.

⁷ Кавчик Б.К. Непромышленная добыча золота может быть разрешена в России уже в этом году. Но не разрешена...// ОАО Иргиредмет. Золотодобыча, №123, Февраль, 2009. <http://zolutodb.ru/articles/docs/discuss/10023>

Кстати, был выбран классический механизм институционального давления с точки зрения стимулов, влияющих на введение институциональных новаций, т.е. один из двух, описанных Нортон: изменение соотношения цен и культурных пристрастий. Хотя и цена определялась, конечно, не рынком, а государством.

Впоследствии были введены жесткие меры контроля над нелегальным оборотом валютных ценностей (в т.ч. золота); под нелегальный оборот попадали любые операции с промышленным золотом, помимо сдачи его на аффинаж, а кустарная добыча была полностью исключена. При этом строгость наказаний¹ и другие способы инфорсменты (например, курирование добычи, охраны, транспортировки золота с каждого прииска на аффинажный завод сотрудником КГБ) исключили золото из свободного оборота. Криминальные практики (воровство), конечно, продолжали существовать, но были исключением.

Типы экстралегальных пользователей (а не типизация практик, как по прочим видам хозяйственной деятельности, описанным выше) включают²:

- Расхитителей; как правило, это сотрудники промышленных предприятий, продающие похищенное промышленное золото с предприятий;

- Индивидуальных самозанятых, «хищников»; это население прилегающих к месторождениям поселков, ведущее кустарную добычу без оформления документов (лицензий);

- «Старателей»³ - «хищников»; это организации, не имеющие официального разрешения (лицензии), на разработку золота на данном участке;

- «Старателей», ведущих добычу на основании разрешения, выданного «держателем лицензии», но сдающих часть золота «на стору», помимо «держателя лицензии»;

¹ Так нарушения правил оборота валютных ценностей «наказывались лишением свободы на срок от трех до восьми лет с конфискацией имущества или без конфискации, с обязательной конфискацией валютных ценностей. <...> Те же действия, совершенные лицом, ранее судимым за преступления, предусмотренные настоящей статьей, а равно спекуляция валютными ценностями или ценными бумагами в крупных размерах наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества» (УК РСФСР, 1960).

² Для уточнения были использованы материалы экспертных интервью. В качестве экспертов выступили 1) геолог с 40-летним стажем, бывший руководитель старательской артели; 2) бывший сотрудник охраны золотопромышленных объектов.

³ Разделение на «старателей» и «держателей лицензии» подразумевает, что и те и другие являются легально зарегистрированными предприятиями, но вторые имеют официально оформленные лицензии, а первые получают разрешение на использование, как правило, части этой лицензии. «Старатели»/«артель старателей» в золотодобыче – не является организационно-правовой формой, т.е. добровольным объединением физических лиц.

- «Старателей» и «держателей лицензии», ведущих добычу за границами формально определенного участка;
- «Держателей лицензии», продающих золото «на сторону», т.е. не сдающих его на государственный аффинажный завод;
- Посредников, т.е. скупщиков и продавцов золота по экстралегальным схемам в РФ и за рубежом.

Начало экстралегальному обороту золота было положено в 1990-х гг.¹, когда во время пост-реформенного кризиса государство не всегда своевременно рассчитывалось за золото, сданное на аффинаж, с предприятиями.

Принятые Законы «О Недрах» (1992 г.) и «О Драгметаллах и драгоценных камнях» (1998 г.) были ориентированы на законодательное регулирование крупных месторождений золота, т.к. включали многостадийную разведку, разработку ТЭО временных и постоянных кондиций, утверждение запасов в ГКЗ или ТКЗ, согласование проектов, утверждение технологических потерь и т.п. Техногенные участки, мелкие участки, особенно в отдаленных районах, до которых невыгодно строить дороги, косовые (т.е. речные) россыпи в промышленный оборот введены не были. Однако они начали экстралегально разрабатываться бывшими рабочими тех приисков, запасы на которых закончились и предприятия закрылись и жителями близлежащих поселков². Наиболее часто на официальных встречах разного уровня, в материалах СМИ в этой связи обсуждаются регионы Сибири и Дальнего Востока (Бурятия, Магаданская, Иркутская, Амурская области, Хабаровский край).

Возможность введения в оборот участков с непромышленными запасами для работы на них частными лицами, без регистрации предприятий и получения лицензии, обсуждается в Думе с 1999 г (т.н. «закон о вольноприносительстве»). В 2003 г был принят Закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (№41-ФЗ), который разрешил добывать золото на техногенных и мелких россыпях. Но для этой деятельности по-прежнему требовалась лицензия, для получения которой необходимо было подготовить от 23 до 26 документов, с их обязательным утверждением в федеральных органах власти³. Официально декларируемая мотивация для принятия «закона о вольноприносительстве» связана с необходимостью обеспечения работой и легальными средствами к существованию жителей удаленных регионов, для которых подобные формальные барьеры фактически перекрывают возможность легализации веду-

¹ Афанасьев П. Ю., Трубников Н. Б. Виток золотой спирали: Из истории золотодобычи на юге Российского Дальнего Востока. Благовещенск: Зей, 2008.

² Кавчик Б.К., Кавчик Р.Б Проблемы существования незаконной. . .

³ Электронное издание «Вслух». <http://www.vslux.ru/node/5182> («Не того закона ждали»)

щегося экстралегального промысла. Нежелание власти пропускать это законодательство связано с давлением крупного бизнеса, опасениями центральных властей по поводу потери контроля над доходами, декларация возможного роста нелегального оборота – из-за появления стимулов к воровству промышленного золота.

Объемы нелегального оборота золота, по сообщениям СМИ, составляют от 10% (15-20 т в год – по оценкам Союза Золотопрмышленников России) до 30-50%% (по оценкам «Союза участников рынка драгоценных металлов и драгоценных камней»)¹. В настоящее время возможности легализовать (сдать на аффинаж) кустарно или «за пределами лицензии» добытое золото ограничены, следовательно, часть его должна реализовываться за пределами страны.

Оценки объемов нелегального кросс-граничного обмена на российско-китайском направлении нам не встречались, однако о том, что золото контрабандно вывозится в Китай свидетельствует ряд сообщений, и судя по датам опубликования информации, этот вид деятельности актуализировался после 2005 г:

*«Уголовное дело в отношении двух граждан Китая <...> Во время следственных действий сотрудниками областного Управления ФСБ были изъяты **2,5 кг самородного золота**»; «**Более 2 кг лома серебра** изъято у гражданина Китая на таможенном посту Полтавка Уссурийской таможни»; «11 ноября при попытке пересечения российской границы задержан житель Забайкальского края, у которого изъято **6,48 кг промышленного золота**»; «гражданин КНР попытался пронести под одеждой и в ботинках в Китай **3435 г россыпного золота**»; «у гражданина Китая, выезжавшего к себе на родину, нашли **3,5 кг незадекларированного золота**»; «принял от неустановленного следствием лица предложение незаконно перевезти за денежное вознаграждение через таможенный пост драгоценный металл в виде **самородного россыпного золота**»; «чистого золота 998 пробы в этой партии насчитывается почти **3 кг**. Его приобрел китаец по имени Дун Люфан у неустановленного лица»; «Осенью прошлого года гражданин КНР купил в Благовещенске почти **1 кг драгоценного металла** за 8,5 тысяч долларов. «В четверг, 11 ноября, на Благовещенской таможне задержали гражданина КНР, пытавшегося вывезти в Поднебесную около **2 кг промышленного золота**»².*

На официальных сайтах ФСБ и ФТС сообщалось лишь о некоторых из этих случаев. Один из них – рассказывает о жителе Забайкальского края, которого использовали в качестве курьера для

¹ Электронное издание «Росбалт.RU». <http://www.rosbalt.ru/2010/09/21/773778.html> («Накануне золотой лихорадки»)

² Электронное издание «Ювелирные новости» <http://www.jewellerynews.ru/>

перевозки золота. В заметке, размещенной на сайте ФСБ, подробности не сообщаются, а из других источников следует, что курьера использовали «вслепую»:

«Житель Забайкальского края пытался вывезти в Китай в тайнике, оборудованном в легковой машине, 6,48 кг контрабандного шлихового золота, нарушитель задержан на границе сотрудниками УФСБ, сообщил сотрудник пресс-службы УФСБ по Забайкальскому краю. По данному факту следственным подразделением УФСБ возбуждено уголовное дело, сказал собеседник агентства¹».

Еще одно сообщение указывает на отсутствие «четкой специализации» у перевозчика:

«Ночной китайский рейсовый автобус стал настоящей находкой для забайкальских таможенников. Похоже, по принципу «где наша не пропадала» гражданин Китая — водитель рейсового автобуса - решил вывезти на свою Родину 400 гр. медвежьей желчи, полкило мускуса кабарги, 200 тыс. рублей, три кортика советского производства, золотые слитки и самородное россыпное золото общей массой 276,68 гр.²».

Можно сделать вывод, что собственники перевозимого товара не участвовали в схемах доставки, а сопоставление с другими нашими исследованиями позволяют предположить, что схемы доставки формируются посредниками, а не покупателями товара.

Таким образом, в спектр мотиваций экстралегальной добычи золота входит обеспечение средствами к существованию населения, проживающего в удаленных поселках. Институциональные изменения для признания права частной добычи золота, лоббируемые некоторыми регионами (в частности, Магаданской областью), но отклоняемые центральными властями на протяжении 10 лет, являются по сути смягчающими, что противоречит общей тенденции изменения формальных правил в области природопользования. Кроме того, предлагаемые новации опираются на существующие неформальные ограничения, хотя и не обладают признаками «непрерывности». Активное вовлечение золота в кросс-границный российско-китайский обмен имеет, видимо, непродолжительную историю.

3. Выводы

В целом можно сказать, что формальные рамки использования природных ресурсов стали более жесткими в 2000-х. Единственным исключением является законодательство в сфере оборота золота и

¹ <http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.html?id%3D10435442@fsbComment.html>

² <http://stu.customs.ru/ru/activity/just/detail.php?from695=6&id695=6270&i695=52>

драгоценных камней, где в последние десять лет предпринимались попытки снижения легальных барьеров. Но это законодательство оставалось нелиберальным со времен постсоветской России. На примере экстралегальной экономической деятельности в лесопользовании, рыбном и охотничьем промысле, рыболовстве выявлено, что усиление легального давления государства не способствовало их легализации. На примере предлагаемых и регулярно отклоняемых институциональных новаций в сфере золотодобычи, опирающихся на неформальные ограничения (сложившиеся социальные нормы и правила), показано, что мелкомасштабная, кустарная деятельность по использованию природных ресурсов противоречит интересам крупных госкорпораций или поддерживаемых государством компаний. Больше внимание к созданию легальных рамок, адекватных интересам крупного бизнеса, связано, в том числе, но не только, с существенно большими суммами потенциально генерируемых крупным бизнесом доходов для федерального бюджета. Правительство, ориентированное на увеличение централизации, не готово также создавать легальные рамки для мелкого бизнеса, т.к. это означает расширение прав и свобод региональных и местных властей.

Что касается четкости спецификации прав собственности, то это тема для другого исследования, поскольку для многих природных ресурсов, рассматривавшихся в этой статье (речных, лесных) характерна т.н. проблема ресурсов общего пользования («common pool resources»), разрешение которой состоит в решении дилеммы общественного выбора, в согласовании социальных и частных интересов. Попытки снижения проблемы охотничьего браконьерства через спецификацию прав собственности, например, введение новым Законом «Об Охоте» формального права приватизации охотничьих ресурсов, выглядит бесперспективно, т.к. вновь не учитывает систему сложившихся неформальных социальных отношений.

И наконец, основной вывод в свете задач данного сборника: наличие китайского рынка сбыта выступало стимулом¹ для кросс-граничных акторов (россиян и китайцев практически в равной степени) к реализации коммерческого, но не оформленного легально,

¹ Впрочем, спектр мотиваций к экстралегальному природопользованию, включая сам промысел, а также продажу ресурса, не формируется только наличием рынка сбыта, но также и внутренними проблемами тех поселений, где эта деятельность наиболее развита: отсутствие работы в удаленных поселках, в частности. Следует отметить, что также как с правами собственности, здесь также необходимы дополнительные исследования, уточняющие, насколько экстралегальное природопользование в этих поселках зависит от таких возможных мотиваций проживающего там населения, как «социальная зависимость от советского прошлого», «отсутствие работы и средств к существованию», «нера реализованные надежды на государственную опеку» и т.д.

использования природных ресурсов. Рост объемов контрабанды, изменение деловых схем в сторону их укрупнения — явные индикаторы этого процесса. Нет оснований ожидать снижения объемов экстралегальных кросс-граничных обменов в связи с ужесточением формальных правил.

Раздел 4.
Дiasпоральные стратегии и практики

Исторические особенности формирования и деятельности диаспорных институтов в Сибири (XIX – начало XX в.)

Феномен диаспоры² привлекает внимание растущего числа ученых, политиков и чиновников. Знаковым является издание с 1999 г. журнала «Диаспоры», на страницах которого находят широкое обсуждение теоретические и прикладные аспекты изучения проблемы³. Признается несостоятельность господствовавшего прежде скептицизма в отношении будущего этнических групп и диаспор, которые, как оказалось, гораздо глубже включены в социальные структуры локального, регионального и транснационального уровней, чем можно было ожидать⁴. «Доминировавшая еще до недавнего времени форма раздельно-компактного проживания социокультурных обществ меняется на дисперсную («диаспорную») организацию человеческих сообществ», складывается «новая картина мира, связанная с превращением планеты в единый социокультурный организм»⁵.

Диаспоры образуются, как правило, в результате дробления этносов в условиях социальных катаклизмов на их исторической родине: войн, революций, религиозных преследований, голода, этнических конфликтов, распада многонациональных государств, неблагоприятной экономической ситуации, других событий, создающих угрозу жизни, имущества, коллективным и индивидуальным правам представителей той или иной этнической или конфессиональной группы.

¹ Нам Ирина Владимировна – доктор исторических наук, профессор Томского государственного университета.

² Существует несколько вариантов определения понятия «диаспора». Первый – это своего рода классическое, изначальное его толкование, означающее евреев, рассеянных со времен Вавилонского плена (586 г. до н.э.) и даже с еще более ранних времен, в областях греческого культурно-языкового ареала (отсюда и употребление греческого слова «diaspora» – «рассеяние»), а затем и в иных регионах. Постепенно слово «диаспора» стало истолковываться и как общее определение для религиозных и этнических общностей, подобно евреям «рассеявшимся» из первоначальных метрополий (ранние христиане, армяне, греки, украинцы, корейцы и др.).

³ См., например: Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры, 1999. № 1. С. 8-23; Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Там же. 2004. № 3; Шнирельман В. Мифы диаспоры // Там же. 1999. № 2-3; Мелконян Э. Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) // Там же. 2000. № 1-2; Попков В. «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина // Там же. 2002. № 1; Тишков В. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Там же. 2003. № 2.

⁴ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162-163.

⁵ См.: Полоскова Т. Современные диаспоры: внутривосполитические и международные аспекты. М., 2002. С. 4.

Всякая диаспора — это пространственная сеть, предполагающая наличие не одного, а многих очагов расселения частей того или иного этноса в инородной среде вне территории своего происхождения, зачастую в разных государствах. К типологическим характеристикам диаспоры относят сохранение этнического самосознания, наличие ментальной обоюдной связи диаспоры и материнского этноса даже в случае утраты его языка и религии, незавершенность интеграции в инородной социально-политической и культурной среде нового ареала обитания, наличие собственной «ниши» в экономике страны-реципиента и специфической социально-профессиональной структуры; присутствие «национальной идеи», иногда связанной с возвращением на историческую родину или с желанием ее воссоздать; либо с сохранением или созданием национального самоуправления (автономии)¹. Поддержание и воспроизводство диаспоры осуществляется через сложное взаимодействие социальных институтов и явлений, основным элементом которых чаще всего служат религиозные общины, стимулирующие деятельность национальных школ, культурных организаций, средств массовой информации и т. п.

Таким образом, понятием «*диаспора*» обозначается часть этноса, проживающая вне исторической родины, сохраняющая представление о единстве происхождения и стремящаяся сохранить идентичность и этнокультурные характеристики, отличающие ее от принимающего общества, создавая с этой целью национальные институты — церковь, школу, различные организации (культурно-просветительные, благотворительные, спортивные, военные, кооперативные) и, как их завершение, органы национального самоуправления и автономии. Диаспоры можно рассматривать, во-первых, «как особый исторический феномен, возникавший чаще всего вследствие различных катаклизмов»; во-вторых, «как результат сознательного выбора образа жизни — в рамках индивидуально-экзистенциального проектирования жизни или какого-то социального проекта»².

Феномен диаспоры предполагает ее понимание не как некоего статичного, раз и навсегда данного состояния, а как растянутый во времени процесс, «процесс развития от «еще недииаспоры» через «собственно диаспору» к «уже недииаспоре, причем различных типов...»³. В развитии диаспоры различают несколько стадий: выжи-

¹ См.: Дятлов В.И. Диаспора как исследовательская проблема // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск, 1994. С.10-13; Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С.34-37; Полоскова Т. Указ. соч. и др.

² Полоскова Т. Указ. соч. С. 40.

³ Арутюнов С.А. Диаспора — это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 77-78.

вания, образования и структурирования общины, зрелости и упадка¹. По нашему мнению, этот процесс может пройти все эти стадии, но может быть прерван в результате неблагоприятных социально-экономических или политических обстоятельств, например государственной политики.

Актуализация феномена диаспоры требует его изучения в историческом времени и пространстве. Особый интерес представляют восточные районы России, ставшие в последней четверти XIX – начале XX в. территорией миграционных процессов как добровольного (переселенческое движение, трудовая миграция, иммиграция), так и принудительного характера (административная, политическая и уголовная ссылка, эвакуация населения, депортации и беженство в годы Первой мировой войны). В результате здесь сформировались многочисленные группы мигрантов (украинцев, поляков, евреев, немцев, латышей, эстонцев, корейцев и др.) На их долю приходилось, в частности, около 19% сельского населения Алтайской и Томской губерний. Из них около 11% составляли украинцы, около 3% – белорусы, чуть меньше 1% – мордва и поляки, 0,6% – немцы, 0,4% – латыши, 0,2% – эстонцы². Среди сельского населения Омского уезда Акмолинской области процент национальных меньшинств был еще выше: украинцы – свыше 40%, немцы – 6,6%, поляки – 0,8%, в то время как русские составляли здесь лишь около 30% населения³.

Для мигрантских этнических групп в Сибири было характерно преимущественно распыленное, дисперсное размещение в иноэтничной среде. Но сложились и относительно компактные анклавы, к примеру, в Омском уезде Акмолинской области (немцы и украинцы), в Барнаульском уезде Томской губернии (также немцы и украинцы), на Дальнем Востоке (украинцы и корейцы).

Значительную долю составляли этнические меньшинства в городах Сибири. Так, национальный состав населения Омска выглядел следующим образом: русские – 75,4%, украинцы – 9,2%, поляки – 3,5%, татары – 3,1%, евреи – 2,7%, немцы – 2,4%⁴. Примерно таким же был национальный состав других крупных городов Сибири.

Попав в иноэтничную среду, национальные меньшинства втягивались в новые хозяйственные и культурные связи. Это делало неизбежным либо их постепенную ассимиляцию, либо аккультурацию, сопровождавшуюся потерей большего или меньшего числа этноо-

¹ Левин З.И. Менталитет диаспоры. М., 2001. С. 40.

² Проценты подсчитаны автором на основании анализа поселковых и групповых итогов переписи 1917 г. // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 239. Оп. 17. Д. 1–19).

³ Обзор Акмолинской области за 1914 год. Омск, 1913. Ведомость 1. Проценты подсчитаны автором.

⁴ Там же.

бразующих признаков, и формирование комплекса диаспоральности, т. е. приобретение новых качеств и свойств — умение найти свое особое место, свою нишу в системе разделения труда и социальных ролей, особые культурные и психологические характеристики, специфическая ментальность¹, отличавшаяся как от иноэтнического массива, в который волею судьбы мигранты оказались включены, так и от того этнического материка, от которого они откололись.

Необходимыми элементами диаспоризации мигрантских обществ являлось создание институтов, способных обеспечить им успешную и безболезненную адаптацию к новым условиям проживания без утраты конфессиональной и этнической идентичности.

1. Конфессиональные институты. До конца XIX в. жизнедеятельность мигрантских этнических сообществ в Сибири концентрировалась преимущественно вокруг конфессиональных институтов (синагоги, костелы, кирхи), не ограничиваясь, однако, чисто религиозными интересами, ибо включала и такую форму, как благотворительность. В крупных городах и административных центрах Сибири открывались церкви практически всех традиционных для России религиозных конфессий. К примеру, в Омске для лютеран действовала евангелическо-лютеранская кирха, построенная в 1792 г. В 1862 г. на средства ссыльных поляков был выстроен римско-католический костел. Для лиц иудейского вероисповедания имелись две синагоги². Костелы, кирхи, синагоги, молельные дома были не только центрами религиозной жизни, это были и социальные институты, выполнявшие интегрирующую функцию в диаспоре.

Признаки еврейской общинной жизни обнаруживаются уже в первой трети XIX в. В 1813 г. в Тобольске имелось организованное погребальное братство (хевре-кадиша), имевшее пинкос (книгу записей), а в 1818 г. местная община выстроила молельню. В Каинске в это время евреи имели молельню и кладбище³. В Томске ссыльные евреи в середине 1830-х гг. ходатайствовали об устройстве еврейской молитвенной школы. Для нее было приобретено здание, но в связи с приостановлением в 1837 г. переселения евреев в Сибирь, разрешение на ее открытие не было получено⁴. Но к 1866 г. в Томске имелись уже две еврейские молитвенные школы. Одна располагалась по Магистратской улице, вторая — Каминерская — по Подгорному переулку, получив название по имени каинского купца 2-й гильдии М.Г. Каминера, исходатайствовавшего в 1859 г. разрешение на ее устройство в Томске. Третья синагога, возникшая первоначально как во-

¹ Дятлов В.И. Диаспора как исследовательская проблема... С. 12.

² Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 279.

³ Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. С. 9.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 35. Л. 11–16, 18, 24–28.

енная молитвенная школа на средства местной общины из числа отставных нижних чинов из бывших кантонистов, получила название Солдатской. В 1902 г. вместо деревянного здания синагоги по Магистратской улице была возведена хоральная синагога, которую стали называть «Каменной». В 1907 г. было построено новое деревянное здание на кирпичном фундаменте для Солдатской синагоги на Нечаевской улице (ныне Фрунзе)¹. К началу XX в. молитвенные дома и синагоги существовали в Омске², Мариинске, Каинске, Татарске, Барнауле, Новониколаевске и в других городах Западной Сибири.

В Красноярске с 1822 г. существовала молитвенная школа, а с 1824 г. — еврейское кладбище. По воспоминаниям старожилов, к 1893 г. уже не менее 60 лет существовал молитвенный дом в Ачинске и едва ли не с 1820-х гг. — в Канске, хотя официальное разрешение было получено только в 1882 г. Еврейская община — с синагогой, еврейским кладбищем, большинство памятников на котором датированы 1840—1850 гг., существовала в с. Кутулик Балаганского уезда Иркутской губернии³. В Нижнеудинске молитвенный дом был уже в 1861 г. Еврейская религиозная община в Иркутске оформилась к середине XIX в. В 1877 г. были избраны ее первые официальные лица (ученый еврей, староста молитвенного дома и казначей), составившие духовное правление. В 1886 г. была построена каменная синагога, долгое время единственная в Восточной Сибири⁴.

Одну из основ общинной жизни евреев составляла благотворительность, предписываемая и регламентируемая еврейским религиозным законом — Галахой. Во второй половине XIX — начале XX в. именно на ее идее строилась община, структурно состоявшая из целого ряда благотворительных организаций, существовавших при синагогах, талмуд-торах, еврейских училищах. Их финансирование осуществлялось в основном за счет внутренних общинных средств и за счет пожертвований⁵.

В Томске благотворительное общество имелось уже в 1886 г., в 1887 г. открылась еврейская богадельня, а в 1911 г. на средства купца И.С. Быховского был построен дом призрения престарелых и бедных евреев им. Исаака и Лидии Быховских. Устроенный по образцу

¹ Каменная синагога была закрыта в 1929 г., а Солдатская — в 1930 г. Последняя синагога — Каминерская была закрыта в декабре 1948 г. Только 20 декабря 1999 г. здание Каменной синагоги было возвращено религиозной общине.

² В Омске было 2 синагоги (см.: *Весь Омск: Справочник-указатель на 1911 год*. Омск, 1911. С. 84, 85).

³ Кальмина Л. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. — февраль 1917 года). Улан-Удэ, 2003. С. 9—10.

⁴ Рабинович В.Ю. Еврейские общественные организации в дореволюционном Иркутске // *История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока*. Томск, 2000. С. 53.

⁵ Эльяшевич Д. Еврейская благотворительность (К осмыслению исторического опыта) // *Еврейская благотворительность на территории бывшего СССР. Страницы истории*. СПб., 1998. С. 8-9.

домов призрения Германии, он считался одним из лучших в Сибири¹. В Иркутске действовали Общество призрения престарелых евреев, созданное в 1905 г., Благотворительное общество помощи еврейскому ссыльному элементу (1907 г.), Благотворительное общество пособия бедным евреям (1909 г.)², Общество охранения здоровья еврейского населения³. Общества пособия бедным евреям имелись в Красноярске, Енисейске, Канске и Ачинске⁴, во Владивостоке⁵. Они выделяли денежные пособия, предоставляли приют, иногда работу, помогали одеждой, едой, оказывали медицинскую помощь, устраивали престарелых и неимущих в богадельни, малолетних — в сиротские дома, убежища, училища.

Там, где возникала польская община, по возможности строился костел⁶, который был центром духовной и общественной жизни не только поляков, но и литовцев, белорусов, латышей и немцев римско-католического исповедания. Начиная с 1830-х гг. католические приходы возникли практически во всех крупных сибирских городах. Одним из первых был римско-католический костел во имя Покрова Пресвятой Богородицы в Томске, который был построен патером (куратором) Бернардинского ордена ксендзом Ремигием Апанасевичем в 1833—1832 гг., освящен 1 октября 1833 г. и назван в честь Пресвятой Девы Марии Розарии. В 1896 г. костел был значительно расширен бывшим ссыльным, настоятелем томского костела с 1883 по 1899 г., ксендзом Валерианом Громадзским⁷. Его стараниями была основана первая польская библиотека, организовано католическое благотворительное общество, положено начало строительству интерната для польских детей. В 1891 г. В. Громадзкий совершил путешествие в Рим, где получил благословение папы Леона XIII для Томского прихода. После его отъезда на Украину настоятелем при-

¹ См.: Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885-1917 гг. / Л.А. Кутилова, И.В. Нам, Н.И. Наумова, В.А. Сафонов. Томск, 1999. С. 10, 49.

² Рабинович В.Ю. Еврейские общественные организации. . . С. 54; ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 856. Л. 16, 42.

³ Адрес-календарь Иркутской губернии. Иркутск, 1916. С. 149, 152.

⁴ Орехова Н.А. Общества пособия бедным евреям в Енисейской губернии (конец XIX — начало XX в.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Красноярск; Биробиджан, 2003. С. 162.

⁵ Сагитова И. Еврейская диаспора Приморского края (вторая половина XIX — начало XX века // Прикоснувшись к истории. Еврейская диаспора Дальнего Востока России. XIX—XXI века. Владивосток, 2000. С. 35—36.

⁶ На всей территории России структуры Римско-католической церкви подчинялись могилевскому архиепископу.

⁷ Адрианов А.В. Костел в Томске // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Т. 1. Томск, 2002. С. 303; Федоров Ю. Римско-католическая церковь (польский костел) // Сибирская старина. Томск, 1997. № 12. С. 27—28; Ханевич В. Сибирские ксендзы // Там же. Томск, 1995. № 9. С. 32—35.

хода стал литовец Иосиф Демикис¹. В Омске костел был построен в начале 1860-х гг., а свой окончательный облик получил в 1910–1911 гг. В начале XX в. римско-католические костелы имелись также в Тобольске и Нерчинске².

Католический приход в Красноярске был учрежден по распоряжению администратора Могилевской архиепархии 1 августа 1837 г. Но лишь через 20 лет, в 1857 г., благодаря добровольным пожертвованиям прихожан и стараниям курата прихода монаха Бернардинского ордена Викентия Бельского был построен деревянный храм. В 1911 г. также на добровольные пожертвования было построено новое здание костела³.

Первый и единственный католический приход на Дальнем Востоке возник еще в 1860-е гг. в Николаевске-на-Амуре, затем он был перемещен во Владивосток. Его ксендз обслуживал всю паству региона. Разрешение на строительство костела было получено только в 1898 г., после возведения и освящения православного Успенского собора, так как из-за имевшейся уже к тому времени лютеранской кирхи православное духовенство опасалось распространения «иноверной пропаганды среди православного населения». В 1900 г. был построен небольшой костел, но через 2 года он сторел. Сразу же был создан комитет по строительству каменного храма, которое завершилось в 1921 г.⁴ Есть сведения о существовании в начале XX в. костела в Благовещенске.

С началом польской крестьянской миграции в Сибирь костелы возводятся и в сельской местности. В 1908 г. были выстроены костел и дом приходского священника в селе Белосток Томской губернии, в 1913 г. закончена постройка костела в соседней польской деревне Маличевка⁵. По просьбе жителей католический митрополит направил в Белосток отца Иеронима Церпенто, который исполнял обязанности сельского пастыря до 1913 г. Позднее настоятелем храма стал отец Михаил Михосенок, служивший до 1923 г., когда он был изгнан польскими коммунистами. Священнослужители учили мо-

¹ Мосунова Т.П. Томский римско-католический приход в XIX в. // Сибирско-польская история: актуальные вопросы. Иркутск, 2001. С. 180–182.

² Вольский З. Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. СПб., 1908. С. 132.

³ Емельянов С.М. Из истории Красноярского костела (1857 – начало 1990-х гг.) // Сибирско-польская история: актуальные вопросы. Иркутск, 2001. С. 188–190; Доброновская А.П. Красноярский католический храм: на перекрестке эпох // История и культура поляков Сибири. Красноярск, 2006. С. 17–20.

⁴ Этномиграционные процессы в Приморье /А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королева и др. Владивосток, 2002. С. 51.

⁵ Ханевич В.А. Судьба села – судьба России // Сибирский Белосток. Томск, 1998. С. 23.

лодежь не только Закону Божьему, но и польскому языку, основам культуры¹.

При костелах создавались благотворительные общества, которые объединяли всех католиков. Так, в 1893 г. при томском католическом костеле возникло римско-католическое благотворительное общество². Только за три года его существования (1895—1898) число его членов выросло в 25 раз: 6 почетных и 156 действительных членов; было собрано для постройки приюта 10 755 руб.³ На попечении общества находились приют для детей-сирот, открытый в 1900 г.⁴, и школа, в которой в 1908 г. обучались 32 мальчика и 31 девочка⁵. Регулярно велась не только благотворительная, но и культурно-просветительная работа. Все устраиваемые обществом вечера, концерты, спектакли проводились, как правило, на польском языке, с использованием национальных костюмов, с исполнением национальных танцев⁶.

Польское благотворительное общество св. Иосифа Обручника в Новониколаевске возникло по ходатайству настоятеля католического костела. Его задачи были такими же, как у томского общества⁷. Римско-католические благотворительные общества существовали в Омске (с 1898 г.), Иркутске (с 1898 г.)⁸, Тобольске (с 1897 г.)⁹, Красноярске¹⁰. В 1899 г. в Тобольске открылось Общество пособия бедным римско-католического вероисповедания¹¹. В 1916 г. в Новониколаевске было организовано польское благотворительное общество «Огниво», занимавшееся распространением литературы общеобразовательного и нравственного содержания, оказанием материальной и нравственной помощи всем нуждавшимся римско-католикам. Их снабжали одеждой, пищей, приютом, выдавали денежное пособие, содействовали в поиске работы, престарелых устраивали в богадельни, дома призрения, малолетних — в сиротские дома, неимущим предоставлялись средства для возвращения на родину и т. п.¹²

¹ Масярж В. Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX - начале XX в. // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 247.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4502. Л. 3.

³ Сибирская жизнь. 1898. 18 апр.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4502. Л. 21.

⁵ Обзор Томской губернии за 1908 год. Томск, 2009. Ведомость № 19.

⁶ См.: Национальные меньшинства Томской губернии...

⁷ Сибирская жизнь. 1909. 9 дек.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2619. Л. 21—21 об.

⁸ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 856. Л. 2 об.

⁹ Вольский З. Указ. соч. С. 243.

¹⁰ Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 год. Красноярск, 1916. С. 80.

¹¹ Адрес-календарь Тобольской губернии на 1904 год. Тобольск, 1904. С. 86.

¹² Алтайское дело. Новониколаевск, 1916. 11, 18 окт.

До 1909 г. для католиков в Сибири не существовало специальной административной единицы. В Западной Сибири действовали три крупных прихода — Тобольский, Омский, Томский, их настоятели именовались куратами и подчинялись могилевскому архиепископу. В мае 1909 г. жизнь католиков ознаменовалась приездом в Сибирь викарного епископа И. Цепляка, посетившего Омск, Курган, Новониколаевск, Томск, Иркутск и другие города Сибири. В Томске весь путь его следования от вокзала до костела был устлан цветами¹. Епископ поставил перед МВД вопрос об образовании Сибирской католической епархии, но его предложение было отклонено на том основании, что «представленный в Государственную думу законопроект о римско-католических монастырях и конгрегациях» тогда еще не был рассмотрен законодательными учреждениями. Созданию в Сибири «особой конгрегации» для католиков воспротивился генерал-губернатор Степного края, обратившийся к П.А. Столыпину с докладной запиской, в которой высказал опасения, что это может привести к усилению «пропаганды католицизма среди православного населения края». Но учитывая необходимость упорядочения жизни сибирских католических приходов, в 1909 г. были учреждены Омский, Томский и Иркутский деканаты², подчинявшиеся непосредственно могилевскому архиепископу³. На должность омского декана был назначен с оставлением в занимаемой должности курат омского костела ксендз А. Билякевич⁴. Томский деканат возглавил магистр теологии И. Демикис.

Формирование в Сибири лютеранских приходов и учреждение пасторских должностей было связано с приглашением иностранных специалистов. Старейший самостоятельный лютеранский приход на Алтае был учрежден в 1750 г. (по другим сведениям — в 1751 г.)⁵, т. е. после того, как туда в 1737 г. прибыла большая группа иностранцев — знатоков горного дела. Одновременно для их детей была организована горнозаводская школа⁶. Увеличение числа служащих инославного исповедания, вызванное строительством в середине XVIII в. Пресногорьковской и Кольвано-Воскресенской оборо-

¹ Сибирская жизнь. 1909. 18 марта, 7, 16 мая.

² Деканат — область внутри епархии.

³ См.: Недзельюк Т.Г. П.А. Столыпин о значимости поддержки Переселенческим управлением переселенцев-католиков в Сибири // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX - начало XX в.). Новосибирск, 2002. С. 78; Она же. Политико-правовые условия существования Римско-католической церкви в России (вторая половина XVIII — начало XX в. // Жить законом: Правовое и правоведческое пространство истории. Новосибирск, 2003. С. 66–67.

⁴ Лебедева Н.И. Костел и католическая община Омска: исторический очерк // Сибирско-польская история: актуальные вопросы. Иркутск, 2001. С. 183–184.

⁵ Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск, 1908. С. 123.

⁶ Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа (XVIII — 1938 г.). М., 2000. С. 54.

нительных линий, привело к возникновению лютеранских приходов в гарнизонах. В 1767 г. были учреждены должности полевых (позже дивизионных) лютеранских проповедников в административных центрах (Иркутске, Тобольске, Оренбурге). Казна начала финансировать строительство и содержание молитвенных домов и церквей лютеран. Известно, что первым на государственный счет был выстроен деревянный молитвенный дом в 1786 г. в Барнауле, в 1792 г. — кирха в Омске, которая хотя и была построена на средства прихожан-военных, в дальнейшем также получала государственную поддержку со стороны военного министерства¹. В 1826 г. началась постройка лютеранской деревянной церкви в Иркутске².

В начале XIX в. с созданием централизованной системы управления Евангелическо-лютеранской церковью в России, окончательным оформлением Генеральной консистории (1819 г.), созданием консисториальных округов, утверждением Устава церкви (1832 г.) оформились лютеранские приходы для постоянных жителей края: в Тобольске, Томске, Барнауле, Омске, Иркутске. В XIX в. здесь уже имелись каменные лютеранские кирхи, построенные взамен деревянных: в Омске — с 1792 г., в Барнауле — с 1861 г.³, в Иркутске и Томске — с 1864 г.⁴ Лишь в Тобольске оставалась деревянная церковь, возведенная в 1860 г. Эти административные центры стали и местом пребывания лютеранских пасторов⁵.

Во второй половине XIX — начале XX в. с присоединением новых территорий (Дальний Восток) и началом массовых переселений немецких колонистов в Сибирь в организации лютеранских приходов произошли изменения. В 1865 г. был учрежден приход в Амурской и Приморской областях, которые до этого находились в ведении иркутского пастора⁶. В 1903 г. был образован приход в Новониколаевске⁷. В 1908 г. Омский приход был поделен на три части: Омский, св. Петра (включал Акмолинский уезд, центр прихода в Акмолинске) и св. Иоаннеса (для жителей немецких поселков Александровской волости Омского уезда с центром в с. Александровка). В 1890-е гг. в связи с тем, что количество лютеран-военнослужащих значительно

¹ Там же. С. 56.

² Иркутская летопись (летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова) / С пред., доб. и прим. И.И. Серебренникова. Иркутск, 1911. С. 232.

³ По другим сведениям, каменная церковь во имя Св. Павла в Барнауле была выстроена в 1860 г., а до этого времени (с 1786 г.) там функционировал молитвенный дом. См.: Памятная книжка Томской губернии на 1908 г. С. 123.

⁴ Закладка Лютеранской церкви (кирхи) во имя Св. Марии в Томске состоялась 4 июля 1859 г. См.: Адресно-справочная книга «Весь Томск»... С. 31.

⁵ Черказянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 58.

⁶ Там же. С. 61.

⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 57. Л. 1, 8.

сократилось и преобладающим стало гражданское население, были окончательно ликвидированы должности дивизионных проповедников¹.

По состоянию на 1908 г. в Сибири имелось 7 протестантских (евангелическо-лютеранских и реформатских) приходов (Тобольский, Омский, Томский, Красноярский, Иркутский, Забайкальский, Амурско-Приморский). Резиденциями пасторов были соответственно: Тобольск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита, Благовещенск².

Пасторы Сибири были, как правило, выпускниками богословского факультета Дерптского университета, владели несколькими языками. Кандидат богословия при сдаче экзамена на право занятия места пастора в приходе, кроме испытаний по богословским наукам, проходил аттестацию по педагогике, особенно по методике начального обучения. Такая подготовка давала возможность привлекать пасторов для работы и в светские учебные заведения. Так, в середине XIX в. на должность учителя по немецкому языку в томской гимназии был приглашен дивизионный лютеранский проповедник А. Тецлав, который обслуживал военных в Барнауле и Томске. Совмещение им проповеднической и учительской деятельности в Томске стало одним из поводов временного переноса в 1851 г. официально-местопребывания пастора из Барнаула в Томск. Окончательно резиденция пастора была переведена из Барнаула в Томск в 1889 г. С этого времени Томск становится центром лютеранского прихода Томск — Барнаул³.

Накануне 1917 г. в район Томского евангелическо-лютеранского прихода⁴ входили Томская губерния и Семипалатинская область. Последним дореволюционным пастором, судя по архивным документам, был Л. Гессе, резиденция которого оставалась в Томске. С 1916 г. обслуживание лютеранских поселков в Барнаульском уезде осуществлял пастор-адъюнкт Я. Штах, в Семипалатинской области — беженец из Ковенской губернии пастор А. Нейман⁵. Обслуживание немцев-католиков находилось в ведении священников-поляков⁶. В

¹ Черказянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 61.

² Вольский З. Указ. соч. С. 132.

³ Черказянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 59, 63.

⁴ С 1751 по 1908 г. приходом заведовали 11 пасторов. По состоянию на 1908 г. его возглавлял кандидат университета Рудольф Карлович Дальтон, утвержденный Московской лютеранской консисторией в 1904 г. Одновременно он состоял учителем Закона Божия при Томском коммерческом училище, частной гимназии Миркович и немецкой приходской школе.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 189. Л. 4–5; Stach J. Meine Feuertaufe. Erlebnisse eines evangelischen Diasporapfarres in Sibirien. St. Gallen. Buchhandlung der evangelischen Gesellschaft. 1924. S. 32–35, 68.

⁶ Stach J. Das Deutschtum in Sibirien, Mittelasien und dem Fernen Osten. Stuttgart, 1938. S. 102.

Орловской, Леньковской, Златополинской, Славгородской волостях и в Славгороде образовались меннонитские приходы¹.

На Дальнем Востоке первым лютеранским пастором был Люмпертер, уроженец Лифляндии, который прибыл во Владивосток в 1880 г. Его сменил пастор А. Леста, родом из Эстонии, служивший с 1914 по 1921 г. Евангелическо-лютеранская община Приморья в 1905 г. объединяла 1715 немцев, 693 латыша, 673 эстонца, 36 финнов, 26 шведов и 11 армян. Деревянная лютеранская церковь одной из первых появилась во Владивостоке, в начале XX в. была построена каменная церковь².

Жизнедеятельность лютеранских общин Сибири включала благотворительность. В Томске в 1905 г. было открыто Евангелическо-лютеранское дамское благотворительное общество. Дамы-лютеранки ставили своей целью доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных евангелическо-лютеранского вероисповедания в губернии без различия пола, возраста, звания и состояния. Общество устраивало благотворительные вечера, спектакли, концерты, лотереи и т.п., на собранные средства содержало приют для призрения детей-лютеран и лютеранское частное начальное училище, открывшееся в 1906 г.³ По всей вероятности, общество дам-лютеранок в Томске было единственным на всю губернию. Косвенным свидетельством этому является безрезультатность поиска в немецкой среде в годы Первой мировой войны обществ, «имеющих целью объединение немецкого элемента на почве узконациональных интересов и даже проведение германских национальных тенденций»⁴.

2. Светские организации. В начале XX в. происходит изменение содержания, форм и масштабов общественной жизнедеятельности национальных меньшинств, повышается уровень их этнической консолидации, возникают светские формы самоорганизации. Этому способствовало изменение политической ситуации в стране, обусловленное революционными событиями 1905-1907 гг., изданием Манифеста 17 октября 1905 г., в котором провозглашалось право на свободу собраний и объединений. Принятые 4 марта 1906 г. «Временные правила об обществах и союзах», определяя границы их взаимоотношений с государством, обусловили быстрый рост и национально-культурных организаций.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 189. Л. 2, 5, 8, 9 об., 14-15, 18-19, 36.

² Этноэмиграционные процессы в Приморье. . . С. 51.

³ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149, Л. 264, 274-275; Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1912-1913 год, изданная Г.В. Чавыкиным. Томск, 1912. С. 81, 100-101; Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. Томск, 1915. С. 141.

⁴ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 245, 261-264; Д. 161. Л. 245-246.

Включается в общероссийские национально-культурные и политические процессы еврейское население Сибири. Возникают светские культурно-просветительные организации — отделения Общества распространения просвещения среди евреев (ОПЕ)¹, Еврейского литературного общества (ЕЛО)²; филантропические — отделения Общества охранения здоровья еврейского населения и др. Первым открылось отделение ОПЕ в Томске³. Здесь еще в 1891 г. была основана касса ОПЕ⁴. До осени 1908 г. ОПЕ имело в Томске своего уполномоченного. Весной 1909 г. инициативная группа евреев обратилась в комитет ОПЕ в Петрограде с запросом о возможности открыть отделение в Томске. 25 января 1910 г. градоначальник С.-Петербурга известил томского губернатора, что по ходатайству Петербургского комитета ОПЕ в Томске открывается его отделение. В начале 1911 г. при томском отделении образовался кружок дам⁵. ОПЕ в Томске было довольно многочисленным, насчитывая в 1913 г. 156 членов, к началу 1915 г. — 163. Общество имело представителей в 21 населенном пункте Сибири — Ачинске, Боготоле, Благовещенске, Баргузине, Владивостоке, Енисейске, Иркутске, Каинске, Красноярске, Мариинске, Новониколаевске, Омске, Петропавловске, Сретенске, Семипалатинске, Тайге, Тисуле, Тобольске, Харби-

¹ Общество распространения просвещения среди евреев возникло в России в 1863 г. Его первым председателем был банкир барон Е. Гинзбург, а затем его сын — барон Г. Гинзбург. ОПЕ выделяло пособия учащимся евреям, покупало книги для еврейских училищ и библиотек, давало деньги на научные издания, открывало начальные еврейские школы и подготавливало для них учителей. По уставу ОПЕ в его задачи входило: «способствовать распространению среди евреев русского языка, издавать и содействовать другим к изданию полезных сочинений, переводов и периодических изданий на русском, так и на еврейском языках, имеющих целью распространять просвещение среди евреев, и поощрять пособиями юношество, посвящающее себя наукам и образованию».

² Еврейское литературное общество было открыто в 1908 г. в Петербурге и имело отделения во многих городах России. ЕЛО основывало библиотеки, устраивало доклады о творчестве еврейских писателей и поэтов, литературные диспуты, выдавало пособия нуждающимся литераторам и т.п. В 1910 г. отделение ЕЛО открылось в Томске (ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 100; Сибирская жизнь. 1910. 6, 26 февр., 4 марта; 1911. 18 янв.), в 1911 г. — в Иркутске, где оно сразу же привлекло в свои ряды около 150 чел. (Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 343).

³ Подробнее см.: Нам И.В. Деятельность обществ распространения просвещения среди евреев в Сибири (1910–1917 гг.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Материалы IV региональной науч.-практ. конф., 25–26 августа 2003 г. Красноярск, 2003; Гончарова Е.З. Деятельность «Общества для распространения просвещения между евреями в России» в Томске на рубеже XIX–XX вв. (по материалам периодической печати) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Красноярск, 2007.

⁴ Сибирская жизнь. 1898. 16 марта.

⁵ РГИА. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 1117. Л. 116, 134–139; Сибирская жизнь. 1910. 20 февр.; 1917. 28 янв.

не, Николаевске-на-Амуре, Чите¹. Открывшееся в 1913 г. отделение ОПЕ в Иркутске насчитывало около 170 членов².

ОПЕ вело широкую культурно-просветительную и образовательную деятельность. В целях «распространения просвещения между евреями в России, поощрения литературы и доставления пособий учащим и учащимся» открывались школы, библиотеки, общеобразовательные и специальные курсы, всякого рода чтения, музеи, выставки, издавались книги и периодика³, устраивались литературные и благотворительные вечера, читались доклады по истории и культуре еврейского народа. Главным направлением его деятельности было воспитание национальных чувств «в духе обычаев и нравов еврейского народа». На это указывает тематика лекций, прочитанных в Томском и Иркутском отделениях: «Развитие идеи монотеизма у еврейских пророков», «Законодательство Моисея», «Культурная работа евреев в диаспоре», «Эволюция евреев в рабстве по Библии», «Хасидизм, его сущность, возникновение и распространение», «С.Г. Фруг – певец народной скорби и возрождения», «Теория духовного сионизма», «Еврейская история как источник национального самопознания»⁴ и т. п.

В мае 1914 г. в Томске открылась первая в Сибири библиотека-читальня ОПЕ. В ноябре 1915 г. были открыты курсы для взрослых евреев, рассчитанные и на местное население, и на беженцев, которые особенно в них нуждались, так как почти все не знали русского языка. Но этого было явно недостаточно: численность беженцев-евреев в Томске постоянно возрастала и к началу 1917 г. перевалила за тысячу. Несмотря на то, что для детей-беженцев была открыта специальная школа, где преподавание велось на еврейском языке (идиш), многие дети обучались в переполненном еврейском училище, потому что родители хотели, чтобы их дети научились говорить по-русски. Поэтому 25 июля 1916 г. на совместном заседании комитетов ОПЕ и Общества помощи жертвам войны было решено открыть в южной части города училище, объявив его открытым как для детей беженцев, так и небеженцев⁵. В декабре 1916 г. газета «Сибирская жизнь» сообщала, что Томское отделение ОПЕ содержит второе еврейское училище, библиотеку, оказывает помощь евреям, учащимся учебных заведений разного уровня; еженедельно про-

¹ Сибирская жизнь. 1914. 4 февр.

² Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Указ. соч. С. 340–341, 343–344; ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 856. Л. 109–116; Ф. 417. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 856. Л. 111.

⁴ Войтинский В.С. Горнштейн А.Я. Указ. соч. С. 344; ГАИО. Ф. 34. Оп. 8. Д. 285. Л. 2, 21, 24; Сибирская жизнь. 1914. 4 февр.; 1915. 14 нояб.

⁵ Сибирская жизнь. 1915. 17 нояб.

водит собеседования общества, открыло общество ремесленного труда. Для сплочения и объединения деятельности всех еврейских организаций в Томске было решено организовать еврейский народный дом¹.

С возникновением в еврейской среде политических течений — сионизма, «культурного автономизма», социал-демократического движения (Бунд) — жизнедеятельность еврейского сообщества все более окрашивается в политические тона. Это находит отражение и в жизни сибирских общин². Особенно заметной была деятельность сионистов. Известный сибирский сионист А.М. Евзеров позднее вспоминал, что сразу после I сионистского конгресса (1897 г.) на квартире иркутского купца Файнберга стала собираться еврейская молодежь для того, чтобы познакомиться с книгой Л. Пинскера «Автоэмансипация»³. Постепенно к ним стали присоединяться и люди постарше. В итоге сформировался кружок, члены которого начали совершать регулярные поездки по другим сибирским городам, распространяя сионистскую литературу⁴.

Сионистские кружки появляются и в других городах Сибири. Влияние сионистов в начале XX в. было заметным среди евреев Омска, Томска, Иркутска и других городов⁵. Сибирские делегаты присутствовали на сионистских конгрессах, из самых глухих мест Сибири перечислялись деньги в различные сионистские фонды. Томские газеты в 1902 г. сообщали о собраниях Каминерской синагоги. Собрания посещало несколько десятков человек⁶. Всего в это время в Томске насчитывалось свыше 200 шекеледателей, т.е. плативших «шекель»⁷, в Чите — около 500. По свидетельству современника, сионисты имели большое влияние на еврейские общины в деле устройства образцовых хедеров, просветительной работы⁸.

¹ Сибирская жизнь. 1916. 11, 16 дек.

² Подробнее см.: Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009. С. 83–87.

³ Леон Пинскер (1821–1891) своим сочинением «Автоэмансипация. Призыв русского еврея к соплеменникам» (1882) во многом предвосхитил идеи вождя сионистского движения Т. Герцля. Именно Пинскеру принадлежит приоритет в постановке учения политического сионизма на теоретическую основу. Он также первым предложил практическую программу, которая позднее, в существенной своей части, была принята политическим сионизмом.

⁴ См.: Мучник Ю.М. Из истории евреев в досоветской Сибири: очерки. Томск, 1997. С. 35–36.

⁵ Евсеев Е.С. Из истории сионизма в царской России // Вопросы истории. 1973. № 5. С. 68.

⁶ Сибирская жизнь. 1902. 22 сент., 20, 22 окт.

⁷ Шекель — название монеты в древнем Израильском царстве. Сионисты взяли его в качестве символического обозначения ежегодного взноса. Уплата «шекеля» была главным признаком принадлежности к сионизму.

⁸ Островский Ю. Указ. соч. С. 43.

Осенью 1902 г. 9 сионистских кружков возбудили ходатайство о разрешении созвать в Томске сионистский съезд¹. Он открылся 27 января 1903 г.². Делегаты из Иркутска, Омска, Томска, Читы, Красноярска, Канска, Каинска, Баргузина, Боготола, Мариинска, Нерчинска, Адрианова и Кабанска рассмотрели многие вопросы культурной жизни сибирских евреев³. Один из известных лидеров российских сионистов Е.В. Членов, сообщая об этом событии в Вену, подчеркивал, что теперь можно говорить о существовании в этом регионе настоящей сионистской организации⁴. Съезд признал необходимым устройство всесибирских съездов каждые полтора-два года, однако война с Японией и революция 1905–1907 гг. приостановили деятельность сионистов. В 1912–1915 гг. наметилось оживление их деятельности, распространение их влияния на Ачинск, Канск, Красноярск, Бодайбо и др. В конце декабря 1912 г. в Иркутске состоялся второй сионистский съезд. Все 18 его участников были арестованы⁵.

Сионистская идеология и практика вступали в противоречие со многими сторонами внутренней и внешней политики властей. В то же время царская администрация возлагала на сионизм определенные надежды, усматривая в нем противовес бурно развивавшемуся еврейскому рабочему движению. Лидеры сионизма постоянно подчеркивали свою лояльность царскому режиму, всячески демонстрируя удаленность от «политики». Уделяя основное внимание пропаганде переселения в Палестину, они считали участие в политической жизни в диаспоре, в том числе и в России, крайне вредным. Сионистская работа заключалась в распространении «шекелей», продаже банковских акций и сборе пожертвований для Национального фонда. Надеясь в скором времени заполучить «чартер», сионисты воздерживались от практической работы как в Палестине, так и в диаспоре.

В условиях революционных потрясений 1905–1907 гг. российские сионисты изменили эту позицию. Организацией в Вильне, где находился тогда ЦК российских сионистов, была принята резолюция, которая обозначила перелом в отношении к участию в общеполитической борьбе. Отказ от тактики невмешательства в политическую жизнь России подтвердил III съезд сионистов в Гельсингфорсе (ноябрь 1906 г.), который признал ближайшей политической зада-

¹ Сибирская жизнь. 1902. 22 окт.

² Сибирский вестник. Томск, 1903. 29 янв.

³ Островский Ю. Указ. соч. С. 43.

⁴ См.: Мучник Ю. Указ. соч. С. 36.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. ДП 00. 1912. 44 ч. 27. Л. 1, 45, 8; ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 833. Л. 1.

чей деятельное участие в освободительном движении, поскольку «в странах диаспоры национальные организации могут развиваться только при условии их признания со стороны государств, каковое возможно лишь при демократическом устройстве этих стран...»¹.

Изменение тактики не могло не сказаться на ужесточении политики царской администрации по отношению к сионистскому движению, которое и ранее существовало без легальной базы. В 1907 г. Сенат принял решение о запрете сионистских организаций, мотивируя свое решение тем, что их деятельность, выражавшаяся в активной борьбе с существующими условиями правовой жизни еврейского населения, ведет к национальному обособлению и «к обострению национальной вражды с коренным местным населением»². Указ Сената создавал прецедент для всех аналогичных случаев. На его основании МВД разослало всем губернаторам секретный циркуляр (№ 48 от 21 декабря 1907 г.) с указанием не разрешать никаких сионистских организаций и принять меры к запрещению деятельности Национального фонда³.

Эти решения послужили основанием для возбуждения уголовного преследования против группы сионистов в Красноярске, арестованных в ночь с 18 на 19 марта 1914 г. Дело красноярских сионистов вызвало широкий общественный резонанс. Об их освобождении из-под ареста ходатайствовал депутат Государственной думы Челноков⁴. Следствие растянулось почти на два года, а суд состоялся лишь 16 февраля 1916 г. Дело слушалось в Красноярском окружном суде. Подсудимые виновными себя не признали. Защите удалось убедить членов суда, что в их деятельности не было состава преступления. Определением Красноярского окружного суда дело красноярской группы сионистов было прекращено, а все обвиняемые по суду оправданы⁵.

Социалистическую идеологию привносили в еврейскую среду политические ссыльные, члены Бунда. К моменту Февральской революции бундовских организаций в Сибири было только две — в Иркутске и Канске⁶. Деятельность бундовцев в Иркутске выражалась в организации забастовок на кожевенном заводе Фукса, где работало много рабочих-евреев и ссыльных. Члены организации работали

¹ Цит. по: Бухбиндер Н.А. История еврейского рабочего движения в России. Л., 1925. С. 355.

² См.: Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977. С. 267; Локшин А. Формирование политики (Царская администрация и сионизм в России в конце XIX — начале XX в.) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1992. № 1. С. 54–55.

³ Маор И. Указ. соч. С. 268.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП 00 7 д-во. Д. 519. Л. 39–40.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП 00. 7 д-во. Д. 519. Л. 64; ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 1356. Л. 12; Сибирская мысль. 1916. 24, 25 февр.

⁶ Сибирская советская энциклопедия (ССЭ). Т. 1. Стб. 399.

среди евреев-беженцев, используя устраиваемые еврейскими общественными организациями собрания для пропаганды своих взглядов. По инициативе бундовцев 28 января 1917 г. в Иркутске было открыто отделение Еврейского литературно-художественного общества им. Переца¹, в котором устраивались доклады на литературные темы, затрагивавшие злободневные политические вопросы. Иркутская группа поддерживала связь с руководством партии, получая от них партийную печать и литературу. Действовала организация взаимопомощи политических ссыльных. Фонд помощи составлялся из средств, присылаемых московской бундовской группой «Красного Креста», из самообложения членов иркутской группы, а также из средств, получаемых путем устройства лотерей и спектаклей. Группа Бунда в Канске, в которую входили 15 ссыльных, широкой работы в массах не вела, ограничиваясь внутрикружковой работой².

И сионисты, и бундовцы имели сходные взгляды на проблему национального самоуправления евреев в России в форме экстерриториальной национально-персональной автономии на основе реформированной еврейской общины.

Стремление к сохранению этнической идентичности и этнокультурной самобытности и к самоорганизации в этих целях было присуще и самой многочисленной диаспоре — украинской. Украинская интеллигенция стремилась создавать культурно-просветительские организации — громады, клубы, «Просвіты». Попытка создания украинского кружка под названием «Просвіта» («Просвещение») в июле 1908 г. имела место, например, в Томске. Как сообщал начальник Томского губернского жандармского управления губернатору, он предназначался «для ознакомления членов этого кружка с историей развития и современного положения Малороссии». При кружке предполагалось устроить библиотеку как легальной, так и нелегальной литературы. В числе «легальных основателей» кружка в донесении были названы профессор Томского университета по кафедре русского права И.А. Малиновский, известный своими либеральными взглядами, инженер Томского округа путей сообщения Сидоренко, инженер Жмых и доктор Балтовский³. Но в условиях правительственной реакции эта инициатива не могла получить поддержки властей. Как раз в это время, летом 1908 г., Сенат санкционировал отказ в регистрации украинской «Просвіты» Полтавским губернским присутствием. Отказ мотивировался тем, что поставленная этим обществом цель — помощь культурно-просветительному развитию местного украинского населения — заключает в себе се-

¹ Сибирь. 1917. 31 янв., 14 февр.

² Сибирский вестник Бунда. Томск, 1917. № 1. С. 6.

³ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 216. Л. 24.

паратистские настроения и может привести к нежелательным последствиям¹.

В Иркутске до революции 1917 г. существовал украинский литературно-музыкально-драматический кружок «Громада». Его целью были содействие «серьезной разработке украинской музыки и украинского драматического искусства», ознакомление широкой публики с украинской литературой, музыкой и украинским сценическим искусством, собирание и записывание украинских старинных и современных песен и мелодий². В сентябре 1905 г. в газетах сообщалось о создании в Томске кружка любителей драматического малороссийского искусства³. В 1916 г. образовался «украинский гурток» в Красноярске, вынужденный «скрываться под сенью общества трезвости» в качестве одной из его подкомиссий⁴. В Харбине в 1907 г. возник «Украинский клуб», во Владивостоке в 1907–1908 гг. — Студенческое общество украинцев, в Никольск-Уссурийске в 1910 г. организуется общество «Просвита». Но разрешение на легальную деятельность на Дальнем Востоке было получено только в Благовещенске, где в 1911 г. был утвержден устав «Украинского клуба»⁵. После роспуска студенческой громады во Владивостоке при Народном доме образовался полулегальный кружок, главной задачей которого было содействие национальному просвещению с помощью спектаклей и распространения литературы на украинском языке. Начиная с 1909 г. украинской общественностью во Владивостоке ежегодно устраивались вечера памяти Т. Шевченко — Шевченковские свята, различные литературно-музыкальные мероприятия, концерты, спектакли.

С конца XIX в. в Сибирь и на Дальний Восток стали приезжать украинские театральные труппы. Первое упоминание о них относится к 1898 г., когда пресса сообщила о концерте малороссийской труппы И. Яворского и К. Мирославского⁶. По этому поводу местный критик писал: «Наш Уссурийский край с его Полтавками, Черниговками, Никольскими, Спасскими и т. д. тесно связан кровным родством с югом Европейской России, с Малороссией, откуда он получил большую часть теперешнего русского населения... Мало-

¹ См.: Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1991. С. 343.

² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 97. Л. 1; Ф. 600. Оп. 1. Д. 856. Л. 7.

³ Национальные меньшинства Томской губернии... С. 30.

⁴ Свободная Сибирь. Красноярск, 1917. 2 апр.

⁵ См.: Свит И.В. Украинский Дальний Восток (Зеленая Украина). Ч. 2: Харбин, 1934. С. 17–18; Черномаз В.А. Национально-культурное развитие украинского населения Дальнего Востока в начале XX в. // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX веке. Владивосток, 1999. С. 22–24.

⁶ В сентябре 1898 г. после смерти Мирославского труппа перешла под управление Василенко и Сабина (см.: Национальные меньшинства Томской губернии... С. 20).

российское наречие, быт, нравы Малороссии, ее, безусловно, музыкальные, художественные мотивы, — все это, несомненно, должно интересовать и нравиться публике». Позднее появились театральные кружки, в которых участвовали представители украинской интеллигенции, военные и служащие¹. Начиная с 1908 г. в Сибири и на Дальнем Востоке проходили гастролы труппы украинских артистов под руководством К.Л. Кармелюка-Каменского².

В развитии культурно-просветительной самодеятельности национальных меньшинств власти увидели угрозу государственной целостности России. Циркуляром МВД от 20 января 1910 г. за подписью П.А. Столыпина был наложен запрет на создание национальных культурно-просветительных организаций. Отметив, что с изданием Временных правил об обществах и союзах «стало наблюдаться особое движение к культурно-просветительному развитию отдельных народностей на почве пробуждения узкого национально-политического самосознания и образование для этой цели целого ряда обществ под самыми разнообразными наименованиями, имеющих целью объединение инородческих элементов на почве их исключительно национальных интересов», П.А. Столыпин заключил, что они «ведут к усугублению начал национальной обособленности и розни и потому должны быть признаны угрожающими общественному спокойствию и безопасности». Местным властям рекомендовалось «при обсуждении ходатайств о регистрации... инородческих обществ, в том числе украинских и еврейских, ...в каждом отдельном случае подробно останавливаться на вопросе о том, не преследует ли такое общество вышеуказанных задач и в утвердительном случае неукоснительно отказывать в регистрации их уставов». Одновременно предлагалось «тщательно ознакомиться с деятельностью уже существующих инородческих обществ и в подлежащих случаях возбудить установленным порядком вопрос об их закрытии»³.

На основании этого циркуляра летом 1911 г. было закрыто Еврейское литературное общество в Петрограде и 120 его отделений, а вместе с ними томское и иркутское, одновременно с украинскими и польскими культурными организациями, за «побуждение» «узкого национально-политического сознания и усиление национальной обособленности». Тобольское губернское по делам об обществах присутствие в 1909—1910 гг. четыре раза рассматривало, каждый раз отказывая в регистрации Салтыковско-Тюкалинского латышского общества. В качестве основания для отказа указывалось то, что

¹ Этномиграционные процессы в Приморье... С. 54–55.

² Национальные меньшинства Томской губернии... С. 39.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1341. Оп. 405. Д. 615. Л. 11–11 об.; ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 74.

общество создается для удовлетворения нужд и потребностей латышей, в то время как согласно ст. 6 Устава его членами могли быть лица всех званий и вероисповеданий¹.

Культурно-просветительные организации в начале XX в. возникают среди католиков — поляков и литовцев. В Томске в 1907 г. в Технологическом институте возникло польско-литовское землячество, целью которого являлось оказание помощи местным студентам полякам и литовцам и культурно-просветительная работа среди местного населения. Кружком регулярно проводились благотворительные национальные вечера на польском и литовском языках. В конце 1905 г. в Томске открылась польская библиотека, к 1911 г. в ней насчитывалось около 4000 томов книг преимущественно на польском, а также на русском, немецком и французском языках, выписывалось до 20 названий газет и журналов².

В Иркутске в 1906 г. возникла польская культурно-просветительная организация — общество «Огниво». В 1911 г. к нему присоединилось литовское общество «Рута», которому губернские власти не разрешили функционировать самостоятельно³. Иркутское «Огниво» ставило своей целью содействие «улучшению материальных, нравственных и духовных условий жизни своих членов»⁴. В Омске в декабре 1916 — январе 1917 г. образовалось общество «Огниско» («Очаг»)⁵.

Этнокультурная жизнь поляков в Сибири проявлялась и в стремлении к созданию собственной периодической печати. В 1916 г. в Новониколаевске стала издаваться на польском языке еженедельная газета «Głos Siberji» («Голос Сибири»). Но уже в октябре этого года она была закрыта, поскольку ее направление было признано вредным, угрожающим государственному порядку⁶. Вместо нее с октября 1916 г. предполагалось издание на русском языке газеты «Новониколаевский листок», цель которой обозначалась как ознакомление «русской публики» с польским вопросом, «обслуживание общественных нужд поляков»⁷.

В период Первой мировой войны возникла необходимость создания специальных организационных структур, занимающихся оказанием помощи беженцам. В местах их размещения создавались губернские (областные), уездные и городские совещания и комитеты,

¹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 405. Д. 615. Л. 2–10, 14.

² Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1912–1913 год, изданная Г.В. Чавыкиным. С. 154.

³ См.: Масырж В. Поляки в Восточной Сибири... С. 18; Новоселова М.Р. Польско-литовское общество «Огниво» (1906–1921 гг.) // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск, 2001. С. 309.

⁴ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 856. Л. 3 об., 8, 44.

⁵ Омский вестник. 1917. 5 янв.

⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6928. Л. 121–122, 135–136 об., 153–153 об.

⁷ Алтайское дело. 1916. 28 сент.

которые ведали общей координацией нужд беженцев и непосредственным попечением эвакуированных «русского» происхождения (великороссов, малороссов и белорусов). Помощь нерусским беженцам оказывалась национальными организациями: Центральным обывательским (гражданским) комитетом губерний Царства Польского (ЦОК, ЦГК), Польским обществом помощи жертвам войны (ПОПЖВ), Центральным латышским комитетом, Еврейским комитетом помощи жертвам войны (ЕКОПО) и др. В Сибири, как и в других регионах размещения беженцев, были созданы отделения этих комитетов. Национальные организации обеспечивали материальные и культурно-духовные потребности беженцев, включая языковое общение, поддержку национальных и религиозных традиций, выполняя тем самым консолидирующую роль в их среде¹.

Корейцы стремились к объединению в организации, которые зачастую выполняли функции самоуправления. Основанное на традициях общинности, корпоративности, самоуправление было способом выживания в чужеродной этнической и культурной среде. Жандармский ротмистр Бабыч писал в рапорте начальнику Иркутского ГЖУ: «Не имея официально признанного органа для заведования общественными делами, они всеми силами стремятся к осуществлению заветной мечты — *иметь общественное самоуправление* (выделено мной. — И.Н.). На этой почве возникла полуофициальная выборная должность «переводчика-посредника». Будучи утвержден в этой должности полицией, он имел возможность представлять русской администрации разные ходатайства, получать справки в русских учреждениях. Это поднимало его престиж в глазах корейского населения, и он, в большинстве случаев, являлся бесконтрольным старшиной корейского населения².

«Воспитанные на началах групповых организаций», корейцы стремились к объединению в особые сообщества. Одним из первых было общество «Сек-Чжон-Кон-Сен-Хой» («Благотворительное общество среди трудящихся»), возникшее в 1900 г. в Благовещенске. Фактически «Сек-Чжон-Кон-Сен-Хой» преследовало не только благотворительные цели, но и выполняло функции общественного самоуправления. В постановлении собрания, состоявшегося 15 сентября 1900 г., необходимость образования общества мотивировалось тем, что в отличие от родины, где «корейцы прилежно занимаются четырьмя основными отраслями человеческих знаний: грамотой, земледелием, строительством и торговлей...», в Приамурском крае они «превратились в необузданных людей». В 1911 г. полиция произвела обыск в помещении общества, изъяв устав общества, списки

¹ Подробнее см.: Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири. . . С. 97-100.

² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 14 об.

его членов и другие документы. Все руководители общества были высланы. Но общество продолжало существовать тайно. Его руководителем, по агентурным сведениям, являлся переводчик-посредник М.И. Ким¹.

Те же функции самоуправления и нравственного совершенствования выполняло общество молодых «Мен-Сен», организованное в 1907 г. В постановлении о его открытии говорилось: «После сотворения мира Бог сотворил человека, который дороже других творений и, между прочим, имеет две ступени: старшую и младшую... Старшие братья открыли общество под названием «Консен», в чем виден нравственный порядок. Подражая этому, мы, молодые, тоже организуем кружок под наименованием «Мен-Сен» с благотворительной целью. Будучи членами этого общества, мы должны вести себя благопристойно и быть внимательными к правам других, обращаться с любовью к младшим, а также с почтением к старшим. Мы, молодые, должны следовать за добродетельными людьми и помнить, что существуют старшие, почему между нами должны быть отличные отношения». Общество было закрыто после ряда обысков в 1911 г., но в следующем году его деятельность возобновилась явочным порядком, тайно².

Если деятельность этих обществ не получила еще освещения в литературе, то об обществе «Кукминхве» (Корейское национальное общество) писали многие³. Оно занималось просветительской деятельностью, приобщая корейцев к западной культуре, издавало газету «Синхан минбо» («Новая Корея»)⁴, которая распространялась в США, Корею и в Приамурье⁵. Конечной целью было восстановление независимости Кореи. По данным «Синхан минбо», к концу 1909 г. в России было создано 12 его отделений (во Владивостоке, Никольск-Уссурийске, Имане, Хабаровске, Иркутске, Благовещенске и в некоторых других местах). В течение 1910 г. отделения возникли во многих селениях Сучанского, Посыетского и Никольск-

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 14 об. – 15.

² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 14 об. – 15. Л. 15 – 15 об.

³ Общество «Кукминхве» возникло в январе 1909 г. в Сан-Франциско в результате объединения Североамериканской корейской общественной организации и Корейской ассоциации на Гавайских островах (эти организации насчитывали вместе около 4 тыс. членов). Общество имело центральные и территориальные правления, на местах создавались региональные отделения с числом членов не менее 15 (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 15 об.; Григорцевич С.С. Корейцы русского Дальнего Востока в антияпонской освободительной борьбе (1906–1919) // Вопросы истории. 1958. № 10. С. 149). По другим данным, общество возникло в феврале 1910 г. (см.: Пак Б.Д. Освободительная борьба корейского народа накануне Первой мировой войны. М., 1967. С. 140).

⁴ «Синхан минбо» – еженедельная газета среднего формата на четырех страницах – издавалась на корейском языке (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 16).

⁵ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 15 об. – 16; Григорцевич С.С. Указ. соч. С. 148.

Уссурийского уездов. В этом же году в Чите был образован главный комитет, руководивший всеми отделениями на территории России¹. Общество также выполняло функции самоуправления. Об этом свидетельствует тот факт, что в число должностных лиц Читинского общества, кроме председателя и его помощника, входили прокурор, полицмейстер, пристав, стражник и бухгалтер. В начале 1915 г. в Сибири насчитывалось 33 отделения общества «Кукминхве». При всех его отделениях существовали сберегательные кассы, куда все члены сдавали ежемесячно по 30 копеек. Лица, не участвующие в уплате взносов, из членов общества исключались. Рассылались строгие указания не давать исключенным «ни воды, ни огня». Средства, предназначавшиеся «для усиления в будущем влияния нации», в том числе и экономического, вносились в Государственный банк или сберегательную кассу при почтово-телеграфной конторе².

С деятельностью «Кукминхве» связано распространение среди корейцев Дальнего Востока пресвитерианства. Под его прикрытием вели активную пропаганду американские миссионеры корейского происхождения. Во Владивостоке в старой и новой корейских слободках существовали два пресвитерианских молельных дома. В 1911 г. в связи с их деятельностью разразился публичный скандал, в результате которого один из проповедников принял православие, другие спешно покинули пределы России³.

Активное участие в деятельности «Кукминхве» первоначально приняли некоторые лидеры корейского патриотического движения на русском Дальнем Востоке. Но вскоре выяснилось, что часть его руководства попала под влияние американской пресвитерианской миссии и развернула среди корейцев не только антияпонскую, но и антироссийскую пропаганду с целью воспитания людей, духовно тяготеющих к Америке. Поэтому активисты антияпонского движения выступили против проамериканской ориентации руководства общества. Попытки использовать общество в проамериканских интересах вызвали противодействие и со стороны русскоподданных корейцев. С 1911 г. в связи со смягчением политики администрации края по отношению к корейцам общество начинает терять влияние, а его деятельность ослабевает. Но во многих районах Восточной Сибири, особенно в местах наибольшего сосредоточения корейцев, а также в глухих таежных местах и на приисках Зейского и Буреин-

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 1 об., 16–16 об.; Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965. С. 75; Пак Б.Д. Освободительная борьба... С. 140; Григорцевич С.С. Указ. соч. С. 149.

² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 8, 16 об., 17.

³ Этноэмиграционные процессы в Приморье... С. 52.

ского округов отделения общества продолжали тайно существовать вплоть до 1917 г.¹

В 1911 г. корейские общественные деятели решили воспользоваться изменившейся ситуацией для создания легального общества. Эта идея была поддержана и властью. Чтобы воспрепятствовать тайной агитации против России, проводившейся верхушкой «Кукминхве», власти на Дальнем Востоке позволили открыть легальное общество «Квонопхве» (Общество развития труда). Ходатайствуя перед военным губернатором Приморской области об утверждении его устава, начальник жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги Щербаков писал: «В настоящее время... общество это («Кукминхве». — И.Н.) быстро развивается в ущерб русскому влиянию на умы корейцев... Очевидно, какая-то сильная рука направляет действия этого общества и, конечно, не в пользу России... Только разрешением русскими властями устава легального корейского общества, о чем они неоднократно просили, мы можем спасти наших корейцев от влияния на них японцев и американцев и навсегда привязать их к России»².

Разрешение на открытие «Квонопхве» было получено в конце 1911 г., и 6 декабря во Владивостоке состоялось учредительное собрание. Функции и задачи общества были весьма широкими, оно должно было развивать в народе любовь и уважение к труду, стремиться «научить его соблюдать экономию в жизни, насаждать просвещение, воспитывать понятия и чувства, присущие гражданам великой России». Обществу разрешалось открывать сельскохозяйственные, промышленные и промысловые предприятия, учреждать школы, библиотеки и читальни, устраивать беседы и чтения, издавать газеты и журналы на корейском языке³. Руководители общества пытались также добиться участия корейцев в местном самоуправлении⁴.

Сфера влияния общества была довольно значительной. Начав свою деятельность во Владивостоке, оно открыло отделения в Никольск-Уссурийске, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре, Имане, в селах Ново-Киевском, Владимиро-Александровском, Таудеми, Гродекове, урочищах Анучино и Барабаш⁵. К лету 1914 г. отделения «Квонопхве» были открыты в 13 населенных пунктах При-

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 821. Л. 17; Григорцевич С.С. Указ. соч. С. 149; Пак Б.Д. Освободительная борьба... С. 141.

² Цит. по: Пак Б.Д. Освободительная борьба... С. 142. См. также: Григорцевич С.С. Указ. соч. С. 149.

³ Пак Б.Д. Освободительная борьба... С. 142.

⁴ Сим Хон-Енг. К истории корейских общественных организаций в России в первой четверти XX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 76.

⁵ Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994. С. 191.

морской области; число его членов достигало 8 579 чел.¹ «Общество» развернуло широкую просветительскую и экономическую деятельность. Во Владивостоке открылась корейская библиотека, где по воскресным дням устраивались лекции и беседы для населения. С апреля 1912 г. начала выходить газета «Квоноп синмун» («Газета развития труда»). «В целях обеспечения вновь принимаемых в русское подданство корейцев средствами к существованию и учреждения в центре их поселения сельскохозяйственной школы» обществу удалось добиться разрешения на отвод надела из свободных казенных земель по течению р. Иман².

Руководители антияпонского движения использовали эту легальную организацию и как средство освободительной борьбы. С 1913 г. одним из ее руководителей стал Ли Дон Хви, который вместе с Ли Чжун Хо, избранным к тому времени председателем «Квонопхве», организовывал партизанское движение в пограничных с Кореей районах Приморья и Маньчжурии³. В начале августа 1914 г. Япония предъявила русскому правительству материалы об антияпонской деятельности членов «Квонопхве» и потребовала его закрытия. 7 августа по распоряжению военного губернатора Приморской области А.Д. Сташевского деятельность «Квонопхве» во Владивостоке была запрещена⁴. Были закрыты и все его отделения. Но в Никольск-Уссурийском и других уездах Приморской области они продолжали нелегально действовать вплоть до лета 1917 г.⁵

Создавались и другие организации корейцев. Например, в Иркутске в 1916 г. возникло общество «Родина»⁶. Из накопленного опыта самоорганизации логически вытекала необходимость создания общенационального объединения, которое было бы способно защищать социальные и политические права и интересы корейцев, как русских, так и иностранных подданных. Но в условиях самодержавия это было неосуществимо. Возможности для воплощения этой идеи появились только после февраля 1917 г., когда с отменой всех вероисповедных и национальных ограничений народы России получили свободу национально-культурной и политической самоорганизации.

3. Национальные школы. Первой официально зарегистрированной городской немецкой школой в Сибири стала двухкласс-

¹ Григорцевич С.С. Указ. соч. С. 150.

² Пак Б.Д. Освободительная борьба. С. 142.

³ Там же. С. 143; Григорцевич С.С. Указ. соч. С. 150.

⁴ Григорцевич С.С. Указ. соч. С. 150–151; Пак Б.Д. Освободительная борьба... С. 145–152; Петров А.И. Корейская диаспора в России. 1897–1917 гг. Владивосток, 2001. С. 298.

⁵ Пак Б.Д. Освободительная борьба. С. 144; Григорцевич С.С. Указ. соч. С. 150.

⁶ ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 1398. Л. 1–2.

ная школа в Томске при церкви Св. Марии, открытая пастором Альфредом Келлером 13 ноября 1896 г. Она имела статус частного училища третьего разряда, курс обучения соответствовал курсу начального училища Министерства народного просвещения (МНП). Первоначально программа включала преподавание Закона Божия (священная история, катехизис, пение гимнов), арифметики, географии, русского и немецкого языков. В 1900 г. к этим предметам добавились геометрия, краткая всеобщая история, история России, французский язык, естествоведение, чистописание, рисование, рукоделие и гимнастика. Поначалу пастор Келлер, имевший звание кандидата богословия Дерптского университета, был и законоучителем, и единственным учителем, но с января 1897 г. русский язык, арифметику и географию начала преподавать русская учительница. В 1900 г. в штате школы, которая к этому времени была уже двухклассной (при открытии — одноклассной), числилось, кроме самого пастора, 5 учительниц, из них три учительницы лютеранского исповедания получили образование в учебных заведениях Германии и Прибалтики, две православные учительницы — в Сибири; в 1909 г. — три учителя со средним и начальным образованием. В школу принимали детей лютеранского исповедания не моложе 8 лет, обучение было платным. Девочки и мальчики обучались совместно, при условии, чтобы возраст девочек не превышал 12 лет, и сидеть они должны были на отдельных скамьях¹. Учеников было немного — от 20 до 35 в 1897 — 1914 гг.

В начале XX в. городские немецкие школы существовали в Омске (приходская школа при лютеранской церкви Св. Екатерины и частное меннонитское училище 3-го разряда Д.П. Вибе)² и в Иркутске. К тому, что о них рассказывается в работе И.В. Черказьяновой³, следует добавить, что еще до образования школы пастора В. Сиббуля в Иркутске существовало Евангелическое училище при Евангелическом обществе (1891 г.), в котором обучались дети и лютеран, и православных. Преподавались языки (русский, немецкий и французский), математика, география, естествоведение, пение, рисование и рукоделие. Школой заведовал Г.Я. Стумберг, почетным попечителем был В.В. Гувелякен, одновременно являвшийся чле-

¹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 920. Л. 1–12; Обзор Томской губернии за 1896 г. Томск, 1897. С. 50–51; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1897 год. Томск, 1897. С. 198; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1900 год. Томск, 1900. С. 171; Сибирская жизнь. 1900. 5 мая; Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 62, 63.

² ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 2467. Л. 1–7, 69–69 об.; Весь Омск... С. 66–67.

³ Подробно см.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 64–67, 91–92.

ном церковного совета и попечителем евангелическо-лютеранской церкви¹.

Немецкие начальные школы в сельской местности возникали в условиях интенсивного переселенческого движения. В конце XIX в. они появились в Акмолинской области, Омском и Акмолинском уездах, в первое десятилетие XX в. — на Алтае и в Семипалатинской области. Зарегистрированных немецких школ к началу XX в. в Сибири было немного. Основная их масса появилась после 1909 г.² К 1 сентября 1915 г. в Омском уезде официально действовала 21 немецкая школа, в Акмолинском — 3. В Томской губернии большая часть немецких школ была сосредоточена в Барнаульском уезде. Здесь первые 16 школ были официально зарегистрированы учебным ведомством только в 1915/16 учебном году. В действительности они появились гораздо раньше. В 1912 г. во время статистического обследования переселенцев этого района было установлено наличие школ в 38 немецких поселках Ново-Романовской, Подсосновской и Орловской волостей, построенных на общественные средства³.

В начале XX в. МНП начало преобразовывать немецкие школы в Сибири в министерские, рассматривая их как один из инструментов быстрого овладения немцами русского языка. Этот процесс затронул только лютеранские и католические школы и не коснулся меннонитских школ в силу их большей обеспеченности и самостоятельности. Первые немецкие министерские одноклассные училища в Сибири были созданы в начале 1900-х гг. в селах Александровка и Новинка Омского уезда на базе лютеранских школ. В министерские школы назначали русских учителей, которые вели все предметы, кроме немецкого языка и Закона Божьего. Эти уроки проводил немецкий преподаватель или кистер⁴. К 1917 г. министерские школы были открыты в самых крупных лютеранских и католических селах Сибири⁵.

Немецкое население сопротивлялось форсированному насаждению русского языка. Практиковался бойкот «русской школы», открытие альтернативной «тайной» школы, стремление избежать регистрации имевшихся школ. Так, в Александровке родители просто не отпускали детей на уроки русского языка и арифметики, проходившие в первой половине дня, так как их проводил русский учитель. На этих уроках присутствовали 15–20 чел. После обеда с детьми занимался кистер — помощник пастора, он вел занятия по

¹ Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 год. Иркутск, 1891. С. 10.

² Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 117.

³ Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). С-Пб., 2004. С. 99–100.

⁴ Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 118.

⁵ Черказьянова И.В. Школьное образование... С. 121.

немецкому языку и Закону Божьему. Здесь уже занималось 60–80 учащихся. Жители села Романовского Акмолинского уезда в конце 1909 г. отказались от дальнейшего содержания министерской школы в знак протеста против назначения русского учителя. В наказание училище было перенесено в другой поселок¹.

Революционные события 1905–1907 гг. внесли некоторые изменения в жизнь немецких школ. В связи с принятием 17 апреля 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости» последовало ослабление русификаторской политики. Положением Совета министров от 23 марта 1907 г. было разрешено в школах бывших немецких колонистов преподавание на немецком языке, но разрешение распространялось лишь на училища, содержащиеся на местные средства. С подавлением революционных выступлений эти уступки стали сворачиваться. Развернулась борьба с «тайными» школами. В Сибири она достигла своего апогея в 1910–1911 гг. Речь шла о школьных заведениях, которые не прошли официальную регистрацию, либо в которых продолжалось преподавание на немецком языке, а также в различных формах домашнего обучения на родном языке детей².

На особом положении находились школы для детей-меннонитов. Указ 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» трактовался властями как закон, запрещающий инославные секты, к которым были отнесены меннониты. Закон породил неразбериху и с открытием самостоятельных школ для детей этой категории населения. Тем не менее меннониты находили возможности обойти этот указ. В Омском уезде, например, в 1910–1911 гг. меннонитские школы были учреждены под названием евангелическо-лютеранских.

Активность меннонитов в устройстве школ вызывала настороженность местной администрации. Особенно жесткая политика проводилась в Томской губернии. Ссылаясь на Закон о сектантах, губернатор неоднократно отказывал меннонитам Барнаульского и Каинского уездов в открытии школ. Так, в 1914 г. было отклонено ходатайство учителя П.П. Тевса об открытии частной школы для меннонитов в селе Славгородском – волостном центре Барнаульского уезда. В 1915 г. в Барнаульском уезде девять из пятнадцати школ работали, не имея санкции со стороны МНП. Вплоть до 1917 г. вопрос о правомочности существования меннонитских школ не был окончательно решен³.

¹ Там же. С. 109.

² См.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 123.

³ См.: Черказьянова И.В. Школьное образование... С. 132–133; Кутилова Л.А. Школа на родном языке как фактор сохранения этнической целостности в среде меннонитов-переселенцев в Сибири // Американский и сибирский фронт. Томск, 1997. С. 175–179.

С началом Первой мировой войны проблема немецкой школы еще более обострилась. Из всех факторов, ранее определявших развитие немецких школ (политических, экономических, духовных), сохранил свою роль лишь фактор политический. Высочайше утвержденным указом от 24 декабря 1914 г. преподавание всех предметов в немецких начальных училищах было переведено на русский язык, за исключением Закона Божьего и природного языка учащихся. В одноклассных училищах и первых классах прочих начальных училищ допускалось использование родного языка учащихся в качестве вспомогательного. С принятием этого указа на местах усилились гонения против «тайных» школ, началось привлечение виновных к уголовной ответственности. В Томской губернии обострилась ситуация с меннонитскими школами, действовавшими без официального разрешения. В течение 1914/15 учебного года немецкие школы подверглись многочисленным инспекторским проверкам, в ходе которых оценивалось, в первую очередь, преподавание русского языка и усвоение его учащимися. В 1915–1916 гг. проводится тотальный учет всех немецких школ империи, замена немецких учителей на русских, происходит усиление административных мер против тыловых школ¹.

В целом же, несмотря на ограничение преподавания родного языка и многочисленные препятствия дореволюционная немецкая школа в Сибири находилась в сравнительно лучшем положении по отношению к другим группам переселенцев-лютеран — латышей, эстонцев, литовцев и др.

Первая школа в лютеранских колониях открылась в Рыжково. Преподавание велось на эстонском, латышском и финском языках. Первым учителем был пастор Пундани, в 1861 г. его сменил учитель Ануш, основавший первый в селе певческий хор. В начале XX в. в Рыжковской колонии существовало уже две школы — латышская и эстонская, находившиеся на государственном обеспечении. Преподавание по-прежнему велось на трех языках, но поскольку учителей не хватало, поселенцы прибегали к помощи ссыльных. На эстонском языке преподавал ссыльный Рейман, на латышском — Сула, на финском — Фрепин². В начале XX в. в Тюкалинском уезде Тобольской губернии — местах компактного проживания финнов, эстонцев и латышей — действовали 4 лютеранские школы: Чухонская, Рыжковская, Рижская и Гельсингфорская³.

¹ Подробно см.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 127–138; Она же. Школьное образование... С. 138–161.

² Лоткин И.В. Формирование и развитие латышских и эстонских культурных институтов в Западной Сибири (XIX – первая половина XX в.) // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 1996. С. 130.

³ Черказьянова И.В. Школьное образование... С. 93.

Первая латышская школа в Восточной Сибири была создана в 1879 г. в д. Нижняя Буланка. Известно имя первого учителя – католического священника Адольфа Фрейса¹. Латвийский историк В. Краснайс отмечал, что «...в Сибири колонисты строили латышские школы, о которых заботились власти, в то время как в Центральной России забота о своих школах была на плечах самих колонистов, и поэтому многие дети оставались без образования»².

В действительности положение школ в переселенческих поселках выходцев из Прибалтики не было столь благополучным. Они были далеко не везде, а их открытию местное начальство всячески противодействовало. Так, в 1911 г. переселенцами-эстонцами поселка Николаевского Канского уезда было возбуждено перед Переселенческим управлением ходатайство об открытии одноклассной школы МНП, которое было оставлено без ответа. Отсутствие школ приводило к резкому падению уровня грамотности. В том же поселке Николаевском в момент переселения в Сибирь приходилось 34 неграмотных из 260 чел., что составляло 13,1%. Через 15 лет среди жителей поселка насчитывалось уже 272 неграмотных из 587 жителей, т. е. 46,34%³.

Там, где национальные школы все же открывались, преподавание родного языка подвергалось систематическим ограничениям. Родной язык преподавался, например, только в 40% эстонских школ за пределами Эстонии⁴. В начале XX в. в Енисейской губернии в латышских и эстонских колониях и на переселенческих участках, заселенных латышами и эстонцами, было открыто несколько министерских школ. Поскольку переселенцы в большинстве своем не знали русского языка, учителями назначались лица, владевшие латышским и эстонским языками, обучение в первые два года велось на родном языке, а русский язык преподавался в качестве учебного предмета. На третьем и четвертом году обучения преподавание всех предметов, кроме Закона Божьего и церковного пения, переводилось на русский язык, а родной язык преподавался в качестве учебного предмета. Но с появлением в 1913 г. циркуляра министра просвещения Кассо, запрещавшего преподавание в «инородческих» школах родного языка, местное учебное начальство приказало изъять из программы родной язык⁵. Опираясь на это распоряжение,

¹ Петроченко К.В. Латышская национальная школа в Сибири: этапы формирования и перспективы развития // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 2003. С. 197.

² Петроченко К.В. Указ. соч. С. 197.

³ Сибирская жизнь. 1914. 2 апр.

⁴ Маамяги В. А. Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940 гг.). М., 1990. С. 31.

⁵ Сибирская жизнь. 1914. 16 апр.

инспекторы народных училищ запрещали преподавание учебных предметов на родном языке и в школах для детей беженцев¹.

В начале XX в. по инициативе римско-католических благотворительных обществ и костелов в Иркутске, Омске, Томске, Тобольске, Новониколаевске и других городах открывались начальные училища, относившиеся к ведомству МНП, к разряду «городских приходских училищ». Они существовали на средства общины, за счет личных пожертвований и благотворительности. Содержание такой школы в среднем составляло 1500 руб. в год. Количество учебных мест колебалось от 25 в Тобольске до 81 в Омске². Открытию таких школ власть всячески препятствовала, опасаясь, что они будут способствовать сохранению «духа национальной отчужденности» и «враждебности ко всему русскому». По мнению попечителя Западно-Сибирского округа В. Флоринского, самой действенной мерой против этого является русская школа, поскольку «при совместном обучении детей-католиков и православных легче всего примиряется вероисповедная рознь и сглаживаются национальные предубеждения». Отдельные католические школы, по мнению В. Флоринского, «будут стремиться к целям совершенно противоположным, и в общегосударственном смысле едва ли желательны, так как они будут препятствовать слиянию молодого католического поколения с господствующею русскою народностью»³.

В школах при римско-католических приходах дети католиков могли получить элементарные знания своего языка и законов веры, а также общеобразовательных предметов на русском языке. Как можно судить по годовым отчетам Омского римско-католического общества за 1910 и 1911 гг., программа омского училища включала Закон Божий, русский и польский языки, арифметику, историю и географию. Причем преподавание польской истории и географии и русской истории проводилось отдельно. В 1910 г. были введены практические занятия ремеслами и, по настоятельному желанию детей, изучение (на необязательной основе) немецкого языка. С 1911 г. в программу вошли также природоведение и гигиена. Римско-католические приходы и школы создавались и в сельской местности, в местах компактного проживания католиков. Так, в 1911 г. переселенцами из Королевства Польского была организована школа в деревне Вершина Иркутской губернии. На ее открытие МНП, переселенческим и губернским правлениями было выделе-

¹ Сибирская жизнь. 1915. 29 нояб.

² Титова Т.Г. Католические учебные заведения в Западной Сибири // Моя Сибирь: Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002. С. 58.

³ ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 735. Л. 2.

но безвозмездное пособие в размере 3 тыс. руб. Обучение велось на польском языке¹.

Но далеко не во всех переселенческих поселках удавалось открыть начальные школы. Во многих из них существовали «тайные школы», когда обучением детей польскому языку занимались ксендзы. Так было, например, в польском селе Белосток Томской губернии. Занятия проводились тайно и нерегулярно. Ксендз учил детей правильно говорить, читать молитвы и писать по-польски. Школа была открыта только после Февральской революции 1917 г. и действовала до 1937 г.².

В годы Первой мировой войны стали создаваться школы для детей беженцев. Осенью 1915 г. было открыто низшее частное училище для детей беженцев-поляков в Томске с правом преподавания родного языка «под ответственным наблюдением» преподавателя томского Алексеевского реального училища Ф.Р. Дульского. При открытии школа была рассчитана на 20 детей, но уже в октябре их число достигло 180, а в 1916 г. было принято уже 312 детей. Летом 1916 г. для польских детей была организована летняя колония в окрестностях Томска (д. Заварзино)³. В этом же году была открыта школа для детей беженцев-поляков в Новониколаевске. Она располагалась в новом школьном здании при римско-католическом костеле и была устроена по типу школ Царства Польского с тремя отделениями. Обучалось 140 детей, заведовал школой ксендз Юркевич⁴.

Школы для детей беженцев открывались и другими национальными организациями. В 1915 г. в Томске открылась частная литовская школа, в которой в 1915/16 учебном году бесплатно обучалось 42 мальчика и 37 девочек⁵. В 1916 г. латышскими комитетами помощи беженцев были открыты начальные школы в Томске и Новониколаевске⁶. Местное учебное начальство пыталось запрещать преподавание на родном языке (польском, латышском, литовском). Потребовалось вмешательство министра народного просвещения графа П.Н. Игнатьева, который обратился с циркулярным предписанием к попечителям округов, подтверждавшим, что школы для детей-беженцев могут существовать в соответствии с теми особенностями в отношении языка преподавания, порядка обучения и т.

¹ Волкова В.Н. Национально-культурное движение народов Сибири в контексте российской модернизации начала XX века //Национально-культурная политика в Сибирском регионе в XX в. Новосибирск, 2004. С. 15.

² Ханевич В.А. Белостокская трагедия. Томск, 1993. С. 147.

³ ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97. Л. 65–66, 145, 312, 316; Сибирская жизнь. 1915. 28, 30 окт., 4 нояб.; Томский вестник. 1915. 31 окт.

⁴ Алтайское дело. 1916. 23 авг.; Сибирская жизнь. 1916. 28 авг.

⁵ Утро Сибири. 1916. 6 авг.; Сибирская жизнь. 1916. 10 авг.

⁶ Алтайское дело. 1916. 11 авг., 24 сент.

п., которые предусмотрены узаконениями, действовавшими в тех местностях, откуда беженцы прибыли¹.

Особое положение занимала дореволюционная еврейская школа. Она была преимущественно конфессиональной, создавалась по инициативе общины и содержалась за ее счет. До середины 1870-х гг. еврейские дети получали национальное образование в талмуд-торах — начальных бесплатных школах для бедных и осиротевших мальчиков, в которых все преподавание сводилось к обучению беглому чтению по молитвеннику. Изучение еврейского языка преследовало преимущественно конфессиональные цели. Русский язык не преподавался вовсе или преподавался бессистемно «случайными» лицами, например, учениками местных гимназий, как это было в Иркутске. Несмотря на примитивность обучения в талмуд-торах, они послужили исходной базой для открытия полноценных начальных национальных школ².

В 1874 г. на базе талмуд-торы было открыто первое в Сибири одноклассное еврейское училище III разряда в Томске. Училище было открыто при содействии томского губернатора А. Супруненко, задавшегося, по его словам, «мыслью обрусить проживающих здесь в значительном количестве евреев». С этой целью все преподавание в училище, включая Закон Божий, велось на русском языке³. В училище обучались мальчики из бедных еврейских семей. В 1876 г. открылось женское отделение, просуществовавшее до 1887 г. В дальнейшем томская община многократно поднимала вопрос об открытии женского училища, но безрезультатно. Обучение в училище было бесплатным. Ученики снабжались также бесплатно учебными пособиями и письменными принадлежностями. Сначала училище помещалось в одном здании с богадельней и талмуд-торой, пока для него на средства купчихи Е.Л. Фуксман не было выстроено в 1896 г. деревянное здание, а в 1911 г. купцом И.Л. Фуксманом по проекту архитектора Т.Л. Фишеля было выстроено новое каменное двухэтажное здание. В перспективе предполагалось открыть при училище ремесленное отделение⁴.

Первоначально основной задачей училища было дать еврейским детям знание еврейских молитв и Библии на русском языке. Постепенно религиозно-приходское училище трансформировалось в национально ориентированное учебное заведение. В 1884 г. были введены краткая история еврейского народа, катехизис на русском языке, гимнастика; в 1895—1897 гг. — методическое пение, теория

¹ Сибирская жизнь. 1915. 29 нояб.

² См.: Кальмина Л.В. Еврейские общины... С. 311—312.

³ ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 669. Л. 1—3, 7, 8—8 об.; Ф. 125. Оп. 1. Д. 429. Л. 3; ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11293. Л. 7.

⁴ Ю.О. Еврейское училище в г. Томске. Томск, 1912. С. 13, 17—18.

музыки, особое внимание уделялось обучению еврейскому письму, еврейской истории, изучению молитв и Закона Божия. В 1905—1906 гг. программа изучения еврейских предметов была расширена с 33 до 63 часов в неделю (42 часа — на русские предметы), срок обучения увеличился с 3 до 4 лет, был введен натуральный метод преподавания еврейского языка, который в 1912 г. сменился так называемым «переводным» (на русский язык) методом. Одновременно расширяется программа изучения истории евреев, Библии и Закона Божьего, обязательным становится знакомство с талмудической агадой¹.

Окончившие курс училища поступали в ремесленные городские училища (в 1909 г. в Королевском ремесленном училище обучалось 12 еврейских мальчиков), наиболее способные — в гимназию. В 1897 г. при училище открылась первая и единственная в Сибири женская субботняя школа, в которой занимались ученицы в возрасте от 12 до 35 лет. По окончании школы они поступали учиться либо в повивальную школу, либо на общеобразовательные курсы, либо экзаменовались за 4—6-й класс гимназии. Содержавшаяся на средства частных пожертвований, школа просуществовала до 1908 г.² В 1903—1908 гг. дети состоятельных родителей в Томске имели возможность получать национальное образование в образцовом хедере, который был открыт по инициативе сионистского кружка³. В 1916 г. в Томске открылось второе еврейское училище — смешанное для мальчиков и девочек⁴.

Формально не запрещая евреям иметь национальные школы, учебное начальство ставило всевозможные преграды к их открытию. Некоторые общины добивались права обучения детей в национальном духе в течение не одного десятилетия. Так, в 1890 г. было отказано в открытии частного хедера в Тобольске местному раввину Х. Аршону. Тобольский губернатор мотивировал свое «несочувствие» открытию училища отсутствием в городе лиц, имевших право преподавания еврейских предметов и «трудностями надзора за учением на еврейском языке»⁵. Генерал-губернатор Восточной Сибири барон Фредерик отклонил просьбу иркутских купцов, возбудивших в 1879 г. ходатайство об открытии еврейского училища на том основании, что оно может способствовать «обособлению еврейских детей от другого населения в Иркутске»⁶. Вплоть до 1897 г.

¹ Ю.О. Указ. соч. С. 17.

² Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1900 год... С. 170; ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 161. Л. 20—20 об.; Ф. 126. Оп. 1. Д. 1053. Л. 2—2 об.

³ Ю.О. Указ. соч. С. 15—16.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 23. Л. 32.

⁵ ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 418. Л. 1—5.

⁶ См.: Кальмина Л.В. Еврейские общины... С. 313.

еврейское училище в Иркутске существовало на нелегальном положении. Имея на момент открытия статус частного начального училища для детей неимущих и сирот, в 1907 г. оно было преобразовано в начальное общественное бесплатное училище. В 1903–1904 гг. для него было построено по проекту Д.Р. Магидея новое здание. В 1899 г. в училище открылось женское отделение, в 1908–1910 гг. – ремесленные классы (сначала для девочек, затем для мальчиков), которые давали возможность получения профессии¹. В 1916 г. в Иркутске было уже три еврейских училища: мужское (зав. – П.Г. Шнейдер), женское (зав. – Ю.Л. Помус), двухклассное частное еврейское училище Розы Бейлин².

Попытки открытия еврейских школ предпринимались и в других городах Сибири, где имелись относительно многочисленные и организованные еврейские общины. В 1901 г. открылось еврейское училище в Омске, в 1902 г. – частное мужское еврейское училище в Мариинске, содержавшееся преимущественно на пожертвования частных лиц и частично – за счет платы за обучение. Преподавание в Мариинском училище велось на русском языке, за исключением Закона Божия и древнееврейского языка³. В 1900 г. группой евреев-коммерсантов было открыто начальное еврейское училище для детей неимущих евреев и бесприютных сирот в Канске⁴. В 1915 г. оно было реорганизовано в светскую начальную школу с трехлетним сроком обучения⁵. 16 августа 1903 г. состоялось освящение вновь построенного двухклассного еврейского училища в Красноярске⁶. Открытое как частное, Красноярское училище уже в 1905 г. имело статус общественного. К 1 января 1907 г. в Енисейской губернии было уже пять училищ: в Красноярске, Енисейске, Канске и два в Ачинске⁷. Но позднее число училищ, указываемое в официальных изданиях, колеблется от двух до четырех. Вероятно, это было связано с нестабильностью положения еврейских школ. Можно также предположить, что два одноклассных училища в Ачинске были слиты в одно⁸. Долгим был путь к открытию еврейских училищ в Чите

¹ Подробнее см.: Кальмина Л.В. Еврейские общины... С. 313–316; Полищук Ф., Скалер А. След их останется неизгладимым (Благотворительная деятельность евреев Иркутска второй половины XIX – начала XX века) // Еврейская благотворительность на территории бывшего СССР. СПб., 1998. С. 88–91.

² Адрес-календарь Иркутской губернии... С. 110–112.

³ Сибирский торгово-промышленный календарь. СПб., 1905. Отд. I. С. 235; Отд. III. С. 257; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. С. 271, 364.

⁴ Сибирская жизнь. 1900. 14 авг.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 23. Л. 87.

⁶ Сибирская жизнь. 1903. 22 авг.

⁷ Статистический обзор Енисейской губернии за 1906 год. Красноярск, 1907. С. 80.

⁸ См.: Статистический обзор Енисейской губернии за 1911 год. Красноярск, 1912. С. 59; Статистический обзор Енисейской губернии за 1912 год. Красноярск, 1913. С. 62; Статистический обзор Енисейской

(1903–1912 гг.) и Верхнеудинске (1903–1908 гг.) В 1909 г. в Верхнеудинске открылась талмуд-тора, в 1911 г. — образцовый хедер. За счет пожертвований еврейского купечества в 1909 г. было открыто еврейско-русское училище в Баргузине¹.

Всего, по официальным данным, в Сибири и на Дальнем Востоке в 1911–1912 гг. действовало 21 еврейское училище разных типов (хедеры, талмуд-торы, школы при синагогах, русско-еврейские училища), в которых обучалось 532 ученика. Наибольшее число школ (11) было открыто в Забайкальской области². Когда в 1916 г. готовилось совещание по вопросу еврейской школы в Сибири, в список городов, которые, как предполагалось, изъявят желание принять в нем участие, вошли Омск, Томск, Красноярск, Мариинск, Канск, Каинск, Верхнеудинск, Чита, Баргузин и Харбин³.

Число детей, обучавшихся в еврейских школах Сибири, было невелико. Так, в 1909 г. в Омском училище обучались 21 мальчик и 19 девочек⁴, в Мариинском в 1909 г. — 28 мальчиков, в 1914 г. — 24⁵. В еврейских школах Енисейской губернии в 1905 г. официально значилось 150 учащихся, в том числе в губернском училище — 57, в 1911 г. — 60, в 1913 г. — 66, в 1914 г. — 98, в 1915 г. — 93⁶. Самыми крупными были еврейские училища в Томске и Иркутске. Хотя в отдельные годы численность учащихся в этих учебных заведениях снижалась, в целом они развивались достаточно стабильно и динамично.

Содержались еврейские учебные заведения, как правило, на частные пожертвования, на средства общин, на доходы от благотворительных вечеров, спектаклей, концертов и т. п. Особенно весом был вклад купцов-меценатов. В Томске, например, купчиха Е.Л. Фуксман в течение многих лет снабжала обучавшихся в училище детей одеждой (шубами, валенками и фуражками), собирала пожертвования и сама вносила на нужды училища немалые средства. Осенью 1902 г. во время посещения бедных еврейских семей она простудилась, заболела и в феврале 1903 г. умерла. Она завещала

губернии за 1913 год. Красноярск, 1914. С. 67, 68; Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 год. Красноярск, 1915. С. 65; Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 год. Красноярск, 1916. С. 73.

¹ См.: Кальмина Л.В., Кураc Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX в. — февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 1999. С. 113–115; Кальмина Л.В. Еврейские общины... С. 317–320.

² См.: Волкова В.Н. Указ. соч. С. 14.

³ См.: Кальмина Л.В. Еврейские общины... С. 323.

⁴ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. С. 271, 364.

⁵ Там же. С. 271; ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2467. Л. 272.

⁶ Статистический обзор Енисейской губернии за 1906 год... Ведомость № 8; Статистический обзор Енисейской губернии за 1911 год... Ведомость № 8; Статистический обзор Енисейской губернии за 1913 год... С. 68; Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 год... Ведомость № 8; Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 год... Ведомость № 8.

училищу 5500 руб. с тем, чтобы проценты с них ежегодно шли на приобретение одежды и обуви для беднейших учеников¹. Однако этих средств не хватало, благотворительная помощь не покрывала всех потребностей развивавшихся еврейских школ. Поэтому общины добивались включения еврейских школ в общешкольную сеть. Чаще всего безуспешно. Не удалось добиться включения еврейских училищ² в 1916 г. в городскую школьную сеть Томскому хозяйственному правлению³. Даже немногие школы, которым это удавалось, далеко не всегда содержались на государственный счет. Так, Омское еврейское училище, которое с момента своего образования в 1902 г. было включено в сеть народных училищ Акмолинской области, средств на свое содержание до революции не получало⁴. Отсутствие государственной поддержки и стабильного финансирования делало положение еврейских школ крайне неустойчивым. Из-за нерегулярного поступления средств постоянно существовала угроза их закрытия.

Трудности становления еврейской национальной школы в Сибири были связаны также с отсутствием подготовленных учительских кадров. Не испытывая особых затруднений в поиске преподавателей общеобразовательных дисциплин, школы зачастую оставались без учителей «еврейских» предметов. Обычной практикой было приглашение учителей из Европейской России, реже — направление на учебу в учительские институты черты оседлости местных уроженцев. К примеру, сретенский раввин Г. Граус, ходатайствуя об открытии еврейского училища, отмечал, что среди местных евреев нет никого, кто мог бы «обучать законам веры иудейской, чтению и произношению молитв на своем родном языке». Поэтому он просил разрешения выписать учителя из черты оседлости⁵. Ходатайствуя об открытии еврейского училища в Тобольске, раввин Х. Аршон также признавал, что учителей, имевших право преподавания «еврейских» предметов (древнееврейский язык, закон еврейской веры и библейская история) в Тобольске не было. Он рассчитывал добиться разрешения на допуск к преподаванию специальных еврейских дисциплин людей, не имевших на то права, под его непосредственным надзором либо, в крайнем случае, взять их преподавание на себя⁶. Далеко не всегда эти ходатайства удовлетворялись. Так, было отка-

¹ Ю.О. Указ. соч. С. 11.

² Одновременно правление ходатайствовало об открытии в Томске второго смешанного начального училища.

³ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 23. Л. 27–29; Утро Сибири 1916. 12 авг., 3 сент.; Сибирская жизнь. 1916. 24 авг.

⁴ Дело Сибири. Омск, 1917. 20 окт.

⁵ Кальмина Л.В. Еврейские общины... С. 322.

⁶ ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 418. Л. 3–4.

зано в приглашении учителей из Европейской России еврейскому училищу в Томске, когда в конце 1910/11 учебного года оно осталось без учителей¹.

В преддверии революционных потрясений необходимость реформирования всей системы образования осознавалась как властью, так и обществом. Накануне войны Особым совещанием при МНП были разработаны основы школьного образования для инородческого, инославного и иноверческого населения. Совещание полагало, что «благоприятное разрешение этого вопроса возможно только при введении всеобщего образования в Империи», причем первоначальное образование инородцы должны получать в своих школах, с преподаванием в них на местном языке (вопрос о конфессионально-инородческой школе), но с обязательным изучением русского языка. Дальнейшее же образование должно вестись в правительственных школах, где, однако, «должно быть обеспечено религиозное обучение инославных и иноверных учащихся». «Другим средством, располагающим инородцев к правительственной школе», признавалось допущение обучения в ней инородческих языков, имеющих письменность и литературу. Для развития просвещения на окраинах среди инородцев в «духе усвоения русского национального самосознания» предполагалось привлечь к этому местные общественные силы. С этой целью проектировалось передать решение некоторых вопросов школьной жизни не только административным лицам, но и общественным учреждениям: училищным советам, попечительным советам учебных заведений при попечителях учебных округов².

Проект нового закона о начальной школе в течение четырех лет обсуждался в III Государственной думе, в педагогической печати, на местных съездах по народному образованию. В декабре 1913 – январе 1914 г. в Петрограде был созван I Всероссийский съезд по вопросам народного образования. Мысль о созыве такого съезда в педагогических кругах возникла еще в 1901 г. Но только в 1912 г. удалось добиться разрешения МВД на его проведение, а в следующем году было утверждено и специальное положение. Работа съезда проходила в нескольких секциях и комиссиях: организация начальной школы, общие вопросы обучения и воспитания, подготовка народных учителей, вопросы инородческой школы и др.

В заседаниях комиссии по организации образования в местностях с инородческим населением иногда участвовало до тысячи че-

¹ Ю.О. Указ. соч. С. 16–21.

² Малиновский Н.П. Законодательство об инородческой школе // Инородческая школа. Пг., 1916. С. 152–153.

ловек¹. По итогам ее работы была принята общая резолюция, которая сформулировала основные условия развития национальной школы: осуществление всеобщности, обязательности и бесплатности обучения с обеспечением прав меньшинств; обеспечение интересов всех народностей при составлении школьных сетей; отмена всех национальных и вероисповедных ограничений, вредно отражавшихся на образовании народностей и национальных меньшинств; введение преподавания на родном языке учащихся в дошкольном, школьном и внешкольном обучении и воспитании, а также изучение родного языка как отдельного предмета; предоставление частным лицам и обществам права открывать и содержать национальные общеобразовательные и специальные школы с родным языком преподавания; обеспечение национальных школ учителями, в совершенстве владеющими языком местного населения; открытие педагогических учебных заведений и курсов для подготовки учительских кадров для национальных школ и др.²

В 1915–1916 гг. новым министром просвещения графом П.Н. Игнатьевым была предпринята реформа народного образования. Уже 17 января 1915 г. он выступил в Думе с программной речью о состоянии образования и перспективах его развития. Главной бедой он назвал «пленение школы государством» и высказался за возвращение школы народу. Начавшаяся либерализация национально-школьной политики коснулась, главным образом, высшей и средней школы, в меньшей степени она затронула низшее звено. Для начальной национальной школы было признано право преподавания на «материнском» языке. Однако реформа Игнатьева так и не была завершена. Либеральный курс министра подвергся яростным нападкам со стороны ультраправых, все его попытки решить в рамках своего ведомства проблемы еврейской или немецкой школы встречались в штыки. Травля министра закончилась его отставкой 27 декабря 1916 г.³

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. этнические мигрантские сообщества Сибири находились на стадии образования и структурирования диаспорных институтов. Вслед за Европейской Россией здесь возникают светские культурно-просветительные и филантропические организации, представлявшие почти всю этническую палитру империи. Начинают издаваться газеты для меньшинств, расширяется сеть национальных школ. Некоторые меньшинства (евреи) включаются и в политические формы самоорганизации. Активизация общественной деятельности вела к перемещению

¹ Ососков А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). М., 1982. С. 172.

² Иногородская школа... С. 117–118.

³ Черказьянова И.В. Школьное образование... С. 152–153.

центра общественной жизнедеятельности меньшинств от религиозных учреждений к культурно-просветительным организациям и обществам, которые брали на себя часть функций, принадлежавших ранее церкви. Последующие социальные катаклизмы (революция, гражданская война, эксперименты по социалистическому переустройству общества), предоставив первоначально новые возможности для развития диаспорных институтов, выразившиеся в попытках создания в 1917–1918 гг. национального самоуправления евреев, украинцев, корейцев, эстонцев, литовцев и латышей в форме национально-персональной (культурной) автономии, в дальнейшем привели к их полному разрушению.

Этническая идентичность и идентификация переселенческих групп Западного края в Сибири (последняя четверть XIX—XX вв.)

К середине XIX в. сибирское население имело устойчивую внутреннюю структуру, к которой приходилось приспосабливаться переселенцам из других регионов России. Переселенческий контингент не был един в сословном и этническом отношении, поскольку помимо крестьянского населения прибывали и группы с более высоким социальным статусом — казаки, однодворцы, мещане и дворяне, которые также принимали участие в аграрной колонизации Сибири. Происходило столкновение различных социальных систем: в Европейской России среди крестьянского населения высоким социальным статусом обладали так называемые дворяне-земледельцы (чиншевая шляхта), панцирные бояре и однодворцы, а в Сибири — старожильческие группы (казаки, чалдоны, кержаки). Переселенцам приходилось переключаться на статусную систему сибиряков. Начиная с середины 80-х гг. XIX в. количество переселенцев неуклонно росло, что позволяло создавать свою собственную, альтернативную старожильческой социальную среду и не стремиться к слиянию со старожилами. С этого времени наблюдается противостояние двух сибирских миров — старожильческого и переселенческого, — которое имеет в каждом локальном сообществе свои одновременно особенные и типические черты.

Распознавание (идентификация) чужого сообщества и его культуры проходило в форме стереотипизации — выявления наиболее характерных качеств, приписываемых сообществу в целом. В результате этого процесса складывается комплекс групповых прозвищ и дразнилок, устойчивых лексем, маркирующих как переселенческие, так и старожильческие группы населения. На интенсивность процесса идентификации влияло прежде всего социально-экономическое положение групп, вступающих в контакт. Земельная теснота, порождающая взаимное недовольство и усиливающая межгрупповые контакты, подстегивала процессы идентификации.

В процессах идентификации групп были задействованы и государственные структуры, в том числе представители церкви. Со стороны государства этническая идентификация выражалась, прежде всего, в учете и классификации населения. Причем система учета населения местными государственными структурами не всегда со-

¹ Крих Анна Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент Сибирской автомобильно-дорожной академии (г. Омск).

ответствовала этнополитическим задачам центральной власти. В результате этого можно наблюдать расхождения этнической идентификации населения в местных (окружных) статистических материалах и официальных опубликованных статистических таблицах. Первые советские переписи (1920 и 1926 гг.) должны были придать этносоциальному разнообразию населения строгий национальный порядок, которому соответствовало бы административно-территориальное устройство.

В данном исследовании рассматриваются различные варианты идентификационных процессов польско-белорусских переселенческих групп Среднего Прииртышья. Западные губернии Российской империи являлись зоной польско-белорусско-русских языковых контактов, католическо-православной конкуренции и польско-русского социокультурного соперничества. В то же время для сельской части населения этого региона наиболее актуальной являлась локальная, местечковая идентичность, которая выводила человека за пределы вышеуказанных противостояний.

После восстаний в Польше 1830-1831 гг. и 1863 г. в российском обществе активно обсуждалась проблема этнической идентификации населения западных губерний империи, которая изначально имела политизированный характер. Велись споры об этнической принадлежности белорусскоязычных крестьян-католиков, которые до 1860-х гг. в официальных статистических изданиях записывались поляками, а затем их стали считать белорусами. В первые десятилетия существования советской власти, в рамках политики коренизации, наблюдается обратное явление: стремление идентифицировать польское население, прибывшее в Сибирь с вошедших в состав БССР территорий, в качестве белорусов. Подобные попытки белорусизации поляков вызывают ответный процесс – самообрусение польского населения, – теперь уже поляки записываются в официальных документах русскими.

Становление этнической идентичности белорусскоязычного населения западных губерний России во многом зависело от конкурирующих идентификационных процессов, агентами которых выступали разные этнополитические силы, действующие для этого различные комбинации языковых, конфессиональных и социальных критериев. Процесс складывания белорусского национального самосознания не закончился к началу XX в. Региональный характер идентичности не был преодолен и с обретением независимого государства в 1918 г.¹

¹ Чаквин И.В., Терешкович П.В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIX – начало XX в.) // Советская этнография. 1990. № 6. С. 50–51.

Проблема формирования белорусской идентичности стала актуальной и для Сибири, поскольку в течение XIX — первых десятилетий XX в. сюда прибывает значительное число переселенцев из западных, «белорусских» губерний России. Поэтому особое звучание имеет вопрос о формировании белорусского самосознания переселенцев и их потомков в Сибири (в то время как на их родине этот процесс завершен не был), и о том, как протекал процесс идентификации в сибирских условиях, где его агентами выступало русское старожильческое и переселенческое крестьянское население, православные священники, местная администрация.

Пути обрусения польских диаспор

Как уже отмечалось, после событий 1863 г. в Польше идентификационные процессы по отношению к населению Западного края получили новый импульс и создали еще один критерий польской этнической идентификации — причастность к восстанию. Всех осужденных за косвенное или прямое участие в восстании в официальной документации называли «поляками», «польскими повстанцами», а ссылаемых на поселение в Сибирь — «польскими переселенцами», — вне зависимости от социальной, конфессиональной и этнической принадлежности. После амнистии 1883 г. некоторые сосланные в Сибирь «поляки», а также их потомки поселились в Среднем Прииртышье, образовав отдельные деревни — Деспотзиновку в Баженовской волости Тюкалинского округа, пос. Поляки в Аевской волости и пос. Верхне-Урозайский в Седельниковской волости Тарского округа.

По устным историческим преданиям, собранным А.Ф. Палашенковым в 1952 г., пос. Поляки был основан повстанцем 1863 г. Григорием Козьмой и назывался так по национальности его жителей¹. Современные потомки основателя деревни припоминают о «революции», случившейся в Польше, в результате которой их предки бежали в Сибирь². На причастность к польскому восстанию указывает отметка в списке домохозяев 1914 г. (!) о принадлежности семей Козьма к ссыльнопоселенцам и лицам, причисленным к обществу без приемных приговоров³. Потомки Григория Козьмы считают своего предка дворянином, однако архивными документами это не подтверждается. В Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. все представители этого семейства были названы государственными крестьянами⁴.

¹ ГУ ИС А. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 10. Л. 45.

² МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163–7. К. 6.

³ ГУ ИС А. Ф. 183. Оп. 5. Д. 9. Л. 75–76 об.

⁴ ГУТО ГА в г. Тюбальске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1961. Л. 206–406.

Основатели пос. Поляки — семья Козьма — прибыли из Гродненского уезда Гродненской губернии, остальные жители — Семенюки, Пригодские, Бажуки и Лукашевичи — переселились из Бельского уезда этой же губернии¹. Перепись 1897 г. учла в пос. Поляки 14 чел. об. п. католического вероисповедания, 26 чел. об.п. православных. «Справочная книга Омской епархии» зафиксировала «бывших униатов» из Царства Польского в приходе с. Чередовского, к которому относился пос. Поляки². Упоминание униатов в церковном источнике и их отсутствие в материалах переписи можно объяснить тем, что официально униатская церковь была уже упразднена и всех униатов записывали православными. Все католики по материалам 1897 г. принадлежали к двум семьям — Лукашевичей и Козьма. Среди представителей семейства Козьма были и православные: католик Клементий Григорьев Козьма (1861 г.р.) был женат на местной уроженке православной Оксинье Васильевне (1868 г.р.), поэтому, согласно российскому законодательству, их дети официально значились православными³, но, вероятнее всего, считались поляками.

Информант из семьи Козьма считает себя по национальности полячкой, хотя ее отец — поляк, а мать — белоруска, а то, что в паспорте она записана русской, считает неправильным и объясняет тем, что «теперь всех пишут русскими»⁴. В этом примере прослеживаются особенности этнической идентификации поляков в советское время, обостренно воспринимаемые представителями группы, стремившейся к сохранению своей этнической идентичности. Обратный характер носят высказывания информанта из семьи Приготских, считающего себя по национальности русским, исходя из принципа «прежде так писались и я пишу»⁵. Однако информант заметил, что «старые люди еще писались поляками, а братья у меня с 1921 и 1922 г. уже русскими писались»⁶. При этом следует учитывать, что все представители семейства Приготских по переписи 1897 г. являлись православными, а их родным языком был русский⁶. Упоминание информантом в своем рассказе о том, что «поляки в деревне были православные», может свидетельствовать о принадлежности этой семьи к униатской церкви, чьи последователи считались поляками.

Среди жителей пос. Поляки была семья Бажуков, которая пришла из д. Белки Дубяжинской волости Бельского уезда Гроднен-

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1961. Л.206-80б.

² Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. С. 807.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1961. Л. 20б.

⁴ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-7. К. 8.

⁵ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 2002-5. К. 85.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1961. Л. 60б.

ской губернии¹ и первое время жила в д. Никольской Аевской волости Тарского округа. В метрических книгах конца XIX — начала XX в. и в переписи 1897 г. Бажуки записаны православными. Для нашей работы интересно то, как информанты из семьи Бажуков идентифицировали своих предков, а через них и себя. Одна представительница этой семьи назвала себя и своих предков белорусами². В пос. Поляки белорусов называли *барабульниками* за то, что «они картошки много садили»³. Мать другого информанта из этой же семьи вышла замуж в д. Никольскую, где ее, как приехавшую из «польской деревни», стали называть полячкой, а вслед за ней — мужа и детей, поэтому информант считает себя и своих родственников поляками⁴. Так члены одной семьи стали принадлежать к разным национальностям.

С момента образования пос. Поляки в 1885 г. и до 1926 г. его население росло медленно: в 1897 г. — 24 чел. м.п. и 16 чел. ж.п., в 1914 г. — 33 чел. м.п., в 1926 г. — 41 чел. м.п. и 38 чел. ж.п.; в 1937 г. — 87 чел. м.п. и 90 чел. ж.п. С 1897 по 1914 г. в пос. Поляки подселилось всего две семьи — Колпаковы и Федорчуки. Колпаковы были по национальности русскими, *вятскими*, в 1914 г. в их семье было всего 4 чел. м.п.⁵. Федорчуки прибыли в поселок из д. Никольской вслед за Бажуками и являлись крестьянами из Гродненской губернии. Таким образом, в 1914 г. основную часть населения деревни составляли поляки — четыре семьи Козьмы (16 чел. м.п.), одна семья Приготских (4 чел. м.п.) и одна семья Лукашевичей (4 чел. м.п.). Таким образом, с 1914 по 1926 г. мужская часть населения увеличилась всего на 8 чел., и, казалось бы, мы вправе ожидать, что к моменту переписи 1926 г. должно было сохраниться преобладание поляков. Но материалы переписи фиксируют белорусов в качестве «численно преобладающей национальности»⁶, а спустя еще 11 лет в «Похозяйственной книге д. Поляки за 1937 г.» все население без исключений значится русским⁷ (см. табл.).

Аналогичные метаморфозы произошли с населением пос. Уразайского Седельниковской волости Тарского округа. Поселок Уразайский был основан в 1893 г. добровольными переселенцами из Минской губернии. Основателями являлись десять семей мелкой чиншевой шляхты из различных местечек Борисовского и Игу-

¹ ГУ ИСА. Ф. 16. Оп. 6. Д. 400. Л. 130 об.

² Информант родилась в 1930 г. в д. Поляки: МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 2002–5. К. 78.

³ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 2002–5. К. 85.

⁴ Информант родилась в 1935 г. в д. Поляки: МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 2002–5. К. 86.

⁵ ГУ ИСА. Ф. 183. Оп. 5. Д. 9. Л. 74об.

⁶ Список населенных мест Сибирского края. Т. 1. Новосибирск, 1928. С. 54.

⁷ ГУТФ ИСА. Ф. 60. Оп. 1. Д. 21. Л. 29–63.

менского уездов Минской губернии: Антона Фомина Бабицкого, Людвиг Иосифов Скуратовича и семьи его брата Антона, Виктора Адамова Скуратовича, Михаила Игнатьева Юшкевича, Адама Андреева Антоневи́ча, Антона Муравского и Петра Иванова Муравского, Адольфа Иванова Константиновича и Станислава Карлова Лукашевича, а также одна крестьянская семья Николая Ульянова Чистова¹. Большинство переселенцев в религиозном отношении являлись католиками (кроме Бабицких и Чистовых, которые были православными). Католическая шляхта в западных губерниях Российской империи, как правило, имела польское этническое самосознание, чему в немалой степени способствовала официальная политика имперских властей, ставящих знак равенства между понятиями «католик» и «поляк»².

По устным историческим преданиям, хранящимся в семье Скуратовичей, основатели пос. Уразайского принимали участие в восстании пана Волдаевского в начале 1860-х гг., проходившего на территории Польши, и были сосланы за это в Сибирь. После амнистии в 1883 г. они вернулись на родину, но не смогли там устроиться и решились на переселение в Сибирь. Многие фамилии жителей поселка — Константиновичи, Скуратовичи, Муравские — встречаются в списках высланных в 1864 г. повстанцев Минской губернии³. Факт участия в восстаниях, в которых отстаивалась независимость Польши, в глазах центральных властей являлся неотъемлемым элементом идентификации с польским этносом.

Основатели поселка были единым родственным коллективом, объединенными отношениями свойства. Этим объясняется наличие крестьянской семьи Николая Чистова в обществе шляхтичей — он был женат на потомственной дворянке Анне Михайловой Юшкевич, а его сестра Ксения была замужем за дворянином Антоном Иосифовым Скуратовичем⁴. После переписи 1897 г. в поселок переселяются еще четыре семьи: шляхтичей Станислава Карловича Лукашевича и Бронислава Александровича Скуратовича, последний

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2405. Л. 1-11об.

² Борисенко Ю.А. Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 119; Виск Т.Р. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 гг. // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М., 2005. С. 597-598; Шинкевич С., Заринов И.Ю. Поляки Российской империи и СССР: историческая справка и характеристика современной ситуации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1992. Сер. А. Док. № 27. С. 5–6.

³ В 1868 г. в г. Ишиме находился в ссылке «политический ссыльный из дворян» Минской губернии Игуменского уезда околицы Володуды Яков Иосифов Скуратович и его жена Юзефа (в девичестве Бобровских). См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 4. Д. 242. Л. 7.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2405. Л. 3об., 10 об.

приехал к сестре Марье Александровне (в замужестве — Муравской), семья мещанина Ивана Францевича Татаржицкого, которая была связана родственными отношениями с Константиновичами и Юшкевичами, а также крестьянская семья Ивана Гавелко¹, которая породнилась с Бабицкими. Потомки этих переселенцев в 1934 г. были записаны поляками².

Таким образом, процесс миграции мелкой шляхты из Беларуси в Сибирь продолжался и в начале XX в. На родине большинство из них не имело собственной земли и арендовало земельные участки у помещиков. И хотя чиншевики (как называли их в правительственных документах) в целом жили богаче, чем бывшие крепостные крестьяне, их положение было более неустойчивым. В условиях возрастания цен на землю и перехода помещичьих хозяйств на капиталистические рельсы хозяйствования крупные землевладельцы часто разрывали невыгодные им арендные соглашения и сгоняли с обжитых участков бывших братьев по шляхетскому сословию. Об этом свидетельствуют прошения, которые обездоленные чиншевики подавали губернским властям. Например, шляхтич из застенка Чеботка Беличанской волости Игуменского уезда Минской губернии Бронислав Бабицкий писал губернатору в 1908 г.: «В виду необходимой надобности заставляю меня проехать в Сибирь, как не имеющего ни одного клочка своей земли, а с арендуемой помещик вытесняет. Я же проситель, имеющий громадное семейство в числе шести человек мужского пола и пяти женского. Другими средствами не могу, как торговля и тому подобно, мастерства не знаю, лишь исключительно хозяйство»³. В феврале 1909 г. шляхтич Юлиан Ивашкевич из Волосевичской волости Борисовского уезда также обратился с прошением к начальнику губернии: «От роду я занимаюсь хлебопашеством и ни к какому другому занятию либо торговли я не способен, арендую землю, но в последнее время арендная цена произвольно стала повышаться помещиками до того, что решительно нет возможности проживать, а потому я решил выехать в Тобольскую губернию Тарского уезда, где живут моя сестра и племянник на

¹ Возможно, что Гавелки были родом из деревни Довголенки Крипнянской волости Белостокского уезда Гродненской губернии. В апреле 1865 г. из этой деревни были высланы в Томскую губернию «за неповиновение местным властям» 12 крестьян, среди которых были Иван Рохов Гавелка и его сын Иван - НИАБ в Гродно. Ф. 3. Оп. 1. Д. 43. Л. 60б. В момент проведения переписи 1897 г. семья И.Р. Гавелки (в материалах переписи — Говелко) проживала в д. Ботвиной Такмыкской волости Тарского округа, где имела значительная группа поляков (58 человек), переселившихся преимущественно из гродненской губернии (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2442. Л. 64 об.).

² ГУТФ ИСА 719. Оп. 1. Д. 1. Л. 29, 30-32 об., 34 об., 42 об, 43 об.

³ НИАБ в Минске. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 1565. Л. 54.

занятых участках земли. Между тем я ни имею никаких средств на выезд, так как я крайне беден»¹.

Название поселка, который был основан минскими дворянами-поляками, было дано межевой партией по названию небольшой таежной речки, на берегах которой был выделен участок под поселение. Жителей поселка название «Урайский» не устраивало, так как они хотели, чтобы название поселения отражало их особый социальный статус. К тому же в этом районе существовал еще один поселок с таким же названием, заселенный переселенцами из Вятской губернии. Чтобы устранить путаницу, второй поселок стали называть Урай-Коряковский, а поселение минских дворян — Верхнее-Урайский, или Поляки. По устным историческим свидетельствам, в начале XX в. Владислав Антонович Скуратович от имени всех жителей пос. Урайского послал ходатайство в Санкт-Петербург с просьбой переименовать поселение в Минско-Дворянское. После долгих разбирательств разрешение на переименование поселка было дано.

В истории с переименованием поселка прослеживается стремление зафиксировать свою социальную принадлежность, сделать ее видимой для окружающего, преимущественно крестьянского населения. Стремление сохранить свою социальную идентичность было связано с активным заселением Тарского округа в начале XX в. крестьянами-переселенцами из Минской и Могилевской губерний. Причем из Минской губернии основная масса переселенцев прибывала из Игуменского и Борисовского уездов, т. е. из тех мест, откуда были родом чиншевики.

Вторым фактором, подтолкнувшим минских дворян к активным действиям по защите своей идентичности, стали браки с крестьянками. Принадлежность к привилегированному сословию, осознание своего высокого социального статуса и католическое вероисповедание значительно ограничивали выбор поляками брачных партнеров. В этих условиях первое время проживания в Сибири дворянские семьи заключали браки преимущественно между собой. Например, дворянин Людвиг Михайлович Юшкевич (1881 г.р.) был женат на дворянке Констанции Викторовне Скуратович (1886 г.р.), а его племянник Петр Карлович Юшкевич (1908 г.р.) женился на мещанке Констанции Адамовне Татаржицкой². Однако не всегда удавалось найти подходящую партию в своем кругу. К примеру, после смерти жены Бронислав Александров Скуратович был вынужден в 1899 г. жениться вторично, так как у него на руках оставался 2-летний сын. Его второй женой стала Христина Иванова Лапоть — православная

¹ НИАБ в Минске. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 1927. Л. 135.

² Там же. Л. 35, 37.

девушка из семьи крестьян-переселенцев пос. Поречья¹. Все же о широком распространении браков с православными крестьянками можно говорить лишь применительно к первой трети XX в.

Сближению с православным крестьянским населением способствовал образ жизни потомков польских шляхтичей в Сибири, который ничем не отличался от крестьянского быта. Не искушенный в вопросах социальной принадлежности населения пос. Уразайского священник В. Раев Николаевской церкви с. Нагорного, к чьему приходу относился этот поселок, записал в 1897 г. православного дворянина Степана Антоновича Бабицкого крестьянином². Батюшке указали на его ошибку, и в последующих метрических записях С.А. Бабицкий везде значился как «потомственный Дворянин». Однако в 1918 г. в метриках младшие сестры и брат Степана Бабицкого значились все-таки крестьянами.

По переписи населения 1897 г. в пос. Уразайском проживало 66 человек обоего пола, из которых 52 человека были римско-католического исповедания, а 14 человек были православными³. Если выявить религиозную принадлежность населения переписчику не составило труда, то вопрос о родном языке явно поставил его в тупик. У многих католиков в графе «родной язык» первоначально стояла помета «М.Р.», что означало «малорусский», однако в большинстве случаев эта надпись была исправлена на «польский». Внося в бланки переписных листов последние семьи — Чистовых, Лукашевичей и Муравских, переписчик окончательно запутался: у православного крестьянина Николая Чистова и у его детей сведения о родном языке были исправлены трижды. В окончательном варианте Н. Чистов и его дети говорили на малороссийском языке, а его жена — католичка и дворянка — на польском⁴. Эта путаница была вызвана отказом на официальном уровне признавать белорусский язык в качестве самостоятельного, его считали разновидностью русского или малорусским языком в зависимости от ситуации.

Поселок Уразайский в качестве примера попал в «Инструкцию к составлению племенных карт...» 1917 г., где положения переписи 1897 г. о вероисповедании и родном языке населения пытались перевести в национальную категорию. В итоге получилось, что 50 человек в поселке были поляками, а 14 человек — русскими⁵.

¹ ГУ ИСА. Ф. 16. Оп. 13. Д. 72. Л. 59 об.-60.

² ГУ ИСА. Ф. 16. Оп. 13. Д. 64. Л. 30.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2405. Л. 1-11 об.

⁴ Там же. Л. 10 об.

⁵ Инструкция к составлению племенных карт, издаваемых комиссией по изучению племенного состава населения России. Пг., 1917. С. 22–23.

За период с 1897 по 1926 г. население поселка заметно увеличилось, что было связано с подселением ряда новых семей (упомянутых выше Б.А. Скуратовича, С.К. Лукашевича, И.Ф. Татаржицкого, И. Гавелко), которые в более поздних источниках указаны поляками по национальности. В материалах переписи 1926 г. в пос. Минско-Дворянском, где проживало 153 человека обоего пола, численно преобладало белорусское население¹, а по материалам Похозяйственной книги за 1934 г. в поселении минских дворян проживало 169 человек обоего пола, из которых 153 человек по национальности были поляками². Почему же население, считавшее себя поляками до переписи 1926 г. и после нее, в материалах самой переписи оказалось белорусским? Видимо, перепись 1926 г. в большей степени отражала пожелания центральных властей, для которых польская национальность выглядела неблагонадежной. Похозяйственные книги составлялись местными работниками сельсовета, которые учитывали мнения самих жителей. Для последних же польскость отождествлялась со шляхетским происхождением и римско-католической верой, а белорусская национальность с православием и крестьянским происхождением. Подобные стереотипы бытовали и среди мелкой шляхты в самой Беларуси. Правда, дворяне Бабицкие, которые были православными, писались «беларусами».

В начале 1920 г. при отделе народного образования исполнительного комитета Омского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов создается подотдел просвещения национальных меньшинств (нацменов), который состоял из семи секций: киргизо-татарской, украинской, немецкой, латышской, эстонской, польской и еврейской³. Чтобы определить фронт просветительских работ, сотрудники этого подотдела были вынуждены собирать по крупицам информацию, пользуясь непроверенными источниками, о количестве в губернии соответствующих секциям национальностей. В результате, «по приблизительным данным», как было сказано в «Докладе о состоянии просвещения национальных меньшинств... с 1 августа 1920 г. по 1 июня 1921 г.» в Омской губернии поляков насчитывалось 31 700 человек⁴. Цифра была явно завышена, в последующих отчетах подотдела просвещения национальных меньшинств за 1921 г. количество поляков в губернии оценивалось

¹ Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928. Т. 1. С. 34.

² ГУТФ ИсА. Ф. 719. Оп. 1. Д. 1. Л. 28-44.

³ ГУ ИсА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1133. Л. 38 об.

⁴ Там же. Л. 38. Современные исследователи - представители польских национальных обществ - склонны приводить эту цифру без каких-либо комментариев, как соответствующую истинному положению дел, см.: Леончик С.В. Добровольное переселение крестьян из Люблинской губернии в Западную Сибирь в начале XX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Омск, 2010. Ч. 2. С. 396.

в 11 000 человек¹. Однако и эти данные, как отмечали чиновники наробраза, «лишь приблизительные». Постоянные оговорки о приблизительности статистических данных по национальному составу Омской губернии связаны с провалом первой советской переписи населения 1920 г., результаты которой так и не были обнаружены.

В соответствии с национальной политикой советской власти представители одной национальной группы должны быть организованы в национальные сельсоветы. Однако к 1927 г. в северных районах Омской губернии – Тарском округе, где проживало 2166 поляков, не было организовано ни одного польского национального сельсовета². В то же время в Тарском округе насчитывалось 2093 эстонца, 1943 латыша, 364 финна, для которых в округе было создано три латышских национальных сельсовета, два эстонских и один финский. Судьбу поляков в Тарском округе разделили чуваша, которых насчитывалось чуть больше – 2923 человека, но которые также не имели собственных национальных хозяйственно-административных объединений³. Отсутствие польских сельских советов можно было бы объяснить дисперсным расселением поляков в рассматриваемом округе, о котором позаботились еще имперские власти, считавшие польский этнос политически неблагонадежным. Однако в результате добровольного переселения поляков в начале XX в. некоторые деревни превратились в центры польской диаспоры, как это произошло с д. Гриневици (Ильчук) Атирской волости Тарского округа⁴. Более того, как было показано на примере поселков Поляки и Минско-Дворянском, польское население в буквальном смысле переписывали в белорусское.

В 1930-х гг. в рамках общегосударственной политики велась кампания против «врагов народа», в результате чего целый ряд польских семей из пос. Минско-Дворянского был репрессирован. Спасти от репрессий не помогло и революционное прошлое предков минских дворян. После Второй мировой войны сибирские потомки минской шляхты стали менять в официальных документах национальность с польской на русскую⁵.

Таким образом, на протяжении долгого времени переселенцы в поселке Минско-Дворянском стремились сохранить шляхетскую идентичность и не допускать чужих в свою среду. И только в середи-

¹ ГУ ИСА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1133. Л. 76.

² ГУТФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Бережнова М.Л., Крих А.А. Гриневици: польское кладбище «русской» деревни // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Омск, 2010. Ч. 2. С. 432.

⁵ См.: Крих А.А. Судьба минских дворян в Сибири: смена этнической идентичности // Омский научный вестник. 2006. № 6 (41). С. 10–13.

не XX в. начинается размывание этого полужакрытого сообщества, представители которого постепенно переселяются в иные населенные пункты и принимают русскую идентичность, так как прежние положительные стороны обособления постепенно утратили свое значение и, когда в 1930-1945 гг. группа оказалась под угрозой исчезновения, ею был сделан выбор в пользу идентификации с русским населением.

Белорусизация «белорусов» в Сибири

С конца XIX в. увеличивается количество переселений крестьян из Западных губерний России в Сибирь. По «Материалам для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет», с конца 1870-х по 1893 г. в Тарский округ прибыло 20 семей из Гродненской губернии и 19 семей из Минской губернии, в Тюкалинском округе поселилось 63 семьи из Витебской губернии, 36 – из Минской, 14 – из Ковенской, 10 – из Гродненской и 7 семей из Виленской губернии¹. Если в 1880-х гг. по данным «Списка населенных мест Сибирского края», в Тарском округе было образовано всего семь населенных пунктов, то в 1890-е гг. переселенцы основали 72 поселка, а в первые двадцать лет XX в. – 304 населенных пункта, в которых к моменту переписи населения 1926 г. преобладало белорусское население². Однако, как видно из приведенных выше примеров, к материалам переписи 1926 г. следует относиться с большой осторожностью.

Основная масса белорусских переселенцев проживала в Тарском округе, преимущественно в таежном районе³. Выходцы из белорусских губерний образовывали своеобразные «кусты» деревень, связанные не только близостью географического расположения, но также хозяйственно-бытовыми контактами и родственными отношениями. В конце XIX в. ряд переселенческих поселков, основанных выходцами с белорусских земель, образовался на стыке Бергамской и Нагорно-Ивановской волостей Тарского округа. В 1893 г. была образована д. Алексеевка затем, в 1897 г. были основаны Калачевка и Поречье, годом позже – Каваза и Бекмес, в 1906 г. появилась Игоревка (Сухая Грива). Основателями этих деревень являлись выходцы преимущественно из Минской и Могилевской губерний (см.

¹ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). М., 1897. Т. II. С. 30.

² Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928. Т. 1. С. 5-74.

³ Бережнова М.Л. Белорусы в Омском Прииртышье: о влиянии расселения на сохранение этногенетической памяти // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 140-141.

табл.). Исключение составляет д. Бекмес, появившаяся благодаря витебским переселенцам. В ходе стольпинской аграрной миграции в данном районе образовался целый ряд хуторов, просуществовавших до 1950-х гг. — Куликовка, Николаевка, Петровка-1 и Петровка-2, Молодцово.

Как и в случае с образованием пос. Минско-Дворянского, основатели вышеназванных деревень представляли собой родственные группы из 3-4 семей. Первопоселенцами современного с. Поречья Муромского района Омской области являлись четыре семьи — Хроменки (Афременок), Войтовичи (Байтовичи) Боршевские (Барановские)¹ и Гринкевичи. Первые две семьи переселились из д. Логи Великодолецкой волости Борисовского уезда Минской губернии², возможно из этой же деревни приехали Барчевские и Гринкевичи, (достоверно известно только то, что они прибыли из Великодолецкой волости). На момент переселения семьи Хроменков и Войтовичей являлись братскими: переселялся старший женатый брат (в возрасте от 27 до 33 лет) с маленькими детьми (от года до семи лет) и его младшие неженатые братья. Позднее к ним приезжали родители с младшими детьми и родственники жены.

По материалам переписи 1897 г., в религиозном отношении основатели Поречья были православными, родным языком указан малоросский. В окружных материалах, предваряющих итоговые результаты переписи 1926 г., население поселка состояло из 513 человек, из которых 492 человека были русскими и 21 человек — поляками³. В опубликованных результатах переписи 1926 г. большинство населения поселка Поречье было признано белорусским⁴. В материалах похозяйственных книг этническая ситуация в Поречье также выглядела не столь однозначной. В Похозяйственной книге за 1940 г. не все главы семей смогли определиться со своей национальной принадлежностью, поэтому у многих семей попросту отсутствуют какие-либо записи в графе «национальность». Можно также наблюдать, как члены одной и той же семьи, но живущие разными домохозяйствами, идентифицировали свою национальную принадлежность по-разному — одни записывались белорусами, другие — русскими. Чем можно объяснить такую этническую «растерянность» потомков минских переселенцев? На наш взгляд, объясняется это

¹ В скобках дано написание фамилий по переписи 1897 г.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. Лл. 70, 71, 72, 74.

² См.: Новоселова А.А. Потомки белорусских переселенцев в деревнях нижнего и среднего течения р. Тары // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII-XX вв.): тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Новосибирск, 2003. С. 266.

³ ТФ ГУ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 30б.

⁴ Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928. Т. 1. С. 32.

тем, что этноним «белорусы» жителям Поречья до определенного момента (возможно, появления переписчика в 1926 г.?) был неизвестен.

Деревни Поречье и Калачевка составляли единый брачный круг, несмотря на то, что основатели Поречья прибыли из Борисовского уезда Минской губернии, а первопоселенцы Калачевки были родом из Трубчевского уезда Орловской губернии, Черниковского уезда Могилевской губернии, а также из Витебской и Виленской губерний. Поречье быстро превращалось в крупную зажиточную деревню. Здесь же находилась начальная школа. В итоге Поречье стало центром белорусских поселков округи. Пореченцы получили прозвище *бульбаши* из-за огромных огородов, засаженных картофелем. В то же время калачевцы от соседей-пореченцев получили прозвище *сачки калачевские*, указывающее на леность его обладателей. Поскольку основатели д. Калачевки прибыли из различных губерний, они поселились на разных концах деревни. Неслучайно калачевцы имели несколько этнонимов: их называли и *хохлами*, и *самоходами*, и *лапотниками*¹. Обилие прозвищ, напряженные отношения между деревенскими краями — все это сильно отличалось от ситуации в Поречье, которое было основано выходцами из одних мест.

Далеко от Поречья, в урмане располагался пос. Хмелевский, основанный в 1896 г. преимущественно семьями из Могилевской губернии Черниковского уезда². Жители этого поселка промышляли лесозаготовками, за что получили характерное прозвище *дятлы*. Жителей д. Бекмес, прибывших из Витебской губернии в 1898 г., более поздние белорусские переселенцы называли *кицы* или *кацаны*³, т. е. термином, которым в западных губерниях России называли русских. В то же время соседнее русское население и тех и других называло хохлами⁴ (недаром переписчики в 1897 г. дружно идентифицировали наречие белорусских переселенцев как малорусское).

Современные потомки переселенцев считают себя русскими, припоминая, что их предки назывались *российскими*, так как «приехали из Расеи»⁵. Данное высказывание характерно для многих потомков переселенцев из белорусских губерний. Оно свидетельствует о том, что топоним «Белоруссия», используемый в письменных источниках XIX в. для обозначения территории Витебской, Моги-

¹ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 2002-5. Л. 8, 30, 35, 39, 41, 65-67.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2406. Л. 1-20.

³ МАЭ ОмГУ. Ф. I. П. 163-1. К. 18.

⁴ Почему белорусов в Среднем Прииртышье называли хохлами, см.: Крих А.А. Сибирские «хохлы»: к вопросу об этнической принадлежности // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 27-28.

⁵ Бережнова М.Л. Особенности материальной культуры «российских» Муромцевского района Омской области // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995. Т. 1. С. 81.

левской, восточной части Минской губернии и иногда для Смоленской губернии¹, самим жителям этих губерний был неизвестен. Поэтому после переселения в Сибирь для самоидентификации использовались либо губернские названия — *минцы, могилы, вытепаны, смоленины*, либо термин, производный от более обобщенного наименования зауральской части Империи, *российские*². *Областные прозвища — топонимы — использовались самими переселенцами в качестве самоназваний в условиях отсутствия поблизости старожильского населения. При наличии среди соседей старожилов — чалдонов или кержаков, которые выступали внешним идентификационным фактором, переселенцы, как правило, назывались общими для всей Сибири терминами — российскими, лапотниками или хохлами.*

В ситуациях, когда в одной деревне уживались выходцы из разных белорусских губерний, которые соседствовали со старожильскими населенными пунктами, областные прозвища населением не употреблялись. Для идентификации переселенцев старожилами использовался широкий набор этнической терминологии. К примеру, *чалдоны* из деревень Крайчиковой и Михайловки современного Колосовского района Омской области называли жителей соседней д. Александровки, чьи потомки переселились из Виленской, Витебской, Гомельской, Минской и Могилевской губерний, *хохлами* и *самоходами*. Сами же переселенцы дали друг другу прозвища, характеризующие особенности говора выходцев из разных белорусских краев — *эны* и *визюли*³.

Таким образом, переселенцы из белорусских губерний в Сибирь, встраиваясь в новую этносоциальную структуру, воспроизвели два идентификационных сценария: 1) создание локальных прозвищ, характеризующих жителей одного населенного пункта, прибывших из разных губерний и имевших локальные культурные отличия, прежде всего в говоре; 2) слияние мелких переселенческих групп в более крупную этническую общность, какой они представ-

¹ Смоленчук А.Ф. Белорусская историография второй половины XIX - начала XX века и становление национальной идеологии // Славяноведение. 1999. № 5. С. 61.

² По аналогии с термином *российские* бытовал топоним *сибиряки*, который не употреблялся собственно русскими старожилами Сибири. Последние предпочитали использовать для самоидентификации прозвище *чалдоны* или местечковое название *родчие*, схожее по смыслу с термином *тутэйшыя*, который в свою очередь употреблялся для самоидентификации белорусскими крестьянами. *Сибиряками* называли себя либо потомки переселенцев середины XIX в., чтобы выделять себя из волны мигрантов рубежа XIX—XX вв., либо те уроженцы Сибири, которые волею случая оказались в зауральской части России, например в годы Первой мировой войны или Великой Отечественной войны. Об употреблении термина *сибиряки* см.: Крих А.А. Грани этнической идентичности белорусов: панцирные бояре—литва—сибиряки // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание: сб. науч. тр. Омск, 2005. С. 234–240.

³ МАЭ ОМГУ им. Ф.М. Достоевского. Ф. I. П. 2006-8. Л. 57, 59, 60, 61, 64.

лялись в глазах сибиряков-старожилов, что нашло отражение в терминах *российские, хохлы и самоходы*. Следует отметить, что в этих вариантах этнической идентификации не было места национальной терминологии. Переход на национальный категориальный аппарат происходит в 1920-х гг. на уровне центральной и окружной статистики, а на местах систематическое приучение к национальной терминологии начинается с 1934 г., с появления похозяйственных книг, где отдельной графой должна была прописываться национальность главы семьи.

В начале 1920-х гг., когда формировались основные направления национальной политики в Омском регионе, переселенцы из белорусских губерний из-за локальности, вненациональности идентичности не рассматривались в качестве объекта приложения государственных усилий. В первых отчетах о проделанной работе подотделом просвещения национальных меньшинств белорусы упоминались в числе «других национальностей» в одном ряду с мордвой, чувашами и цыганами¹. В 1920 г. всех вместе взятых «других национальностей», по неполным данным подотдела, насчитывалось 20 тысяч человек². Таким образом, в начале 1920-х гг. никакой организационной работы среди белорусов со стороны государственных учреждений просвещения не велось.

К середине 1920-х гг. ситуация резко меняется. В Тарском округе создается 12 белорусских сельсоветов, предпринимаются попытки создания белорусских национальных школ. Обратной стороной активизации национальной политики является статистический учет населения, который в отношении белорусов приобрел свои специфические черты. По окружным материалам 1926 г., в Тарском округе проживало 15 283 белоруса³, в 1927 г., когда еще не были известны окончательные результаты переписи 1926 г., в окружных источниках количество белорусов было увеличено в 1,3 раза, что составило 20 073 человека⁴, в соответствии с печатным вариантом результатов переписи 1926 г. в Тарском округе проживало 43 757 белорусов⁵.

Сравнивая два статистических источника – сведения о национальных меньшинствах Тарского округа, составленных в окружном центре в г. Таре и характеризующих ситуацию на 1 января 1926 г., и официальные материалы переписи 1926 г., опубликованные в виде таблиц в 1928 г., можно выявить приемы, при помощи которых количество белорусов в Тарском регионе было увеличено в 3 раза.

¹ ГУ ИСА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 1133. Л. 38, 72.

² Там же. Л. 76.

³ ГУТФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 7, 13. Без учета г. Тары.

⁴ Там же. Л. 21.

⁵ http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1292.

Одним из таких приемов стало приписывание населения ряда поселков, имеющих смешанный польско-белорусский состав, с превалированием польской составляющей, к белорусам. Так, в поселках Коршуновка и Минско-Дворянский, по итоговым материалам переписи 1926 г., проживало преимущественно белорусское население¹, хотя, по сведениям окружных властей, основное население этих поселков составляли поляки². Для записи поляков в белорусы большое значение придавалось месту выхода польских переселенцев: поляки, переселившиеся из Минской и Гродненской губерний, имели больше шансов быть записанными белорусами, так как эти губернии вошли в состав образовавшейся в 1918 г. БССР. К примеру, поляков, переселившихся из Варшавской, Виленской, Ковенской, Люблинской, Плотской и Радомской губерний и составлявших большинство населения поселка Десподзиновского в Баженовской волости Тюкалинского округа³, никто в белорусы не записывал.

Однако только за счет приписывания поляков к белорусам значительно увеличить количество последних едва ли удалось бы, хотя явно прослеживается тенденция к искусственному сокращению числа польского населения в регионе: по данным окружной статистики, количество поляков с января 1926 г. по июнь 1927 г. сократилось в 1,2 раза, т.е. на 347 человек⁴. Большинство населения тарских деревень, записанное в итогах переписи 1926 г. белорусским, в окружных статистических отчетах значилось русским. К примеру, в уже упомянутых деревнях Поречье и Игоревке, по окружным материалам, проживало преимущественно русское население, в то время как в официальных материалах переписи эти деревни считались белорусскими⁵. Напомним, что в Поречье и Игоревке переселенцы конца XIX в. назывались *российскими*, поэтому в окружных статистических материалах они были записаны русскими, так как в середине 20-х гг. XX в. советские чиновники даже регионального уровня прекрасно понимали, что нет никакой «российской» национальности. Так осуществлялся перевод локальной этнической идентичности на систему национальной идентификации. Таким образом, по окружным статистическим сводкам, белорусы проживали лишь в 8 из 39 сельских советов Тарского округа⁶. Белорусские сельсоветы располагались в урманной части округа и были заселены переселенцами преимущественно в начале

¹ Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928. Т. 1. С. 26, 34.

² ГУТФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 3 об, 4.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2820.

⁴ ГУТФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 22.

⁵ ГУТФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 3 об; Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928. Т. 1. С. 32.

⁶ ГУТФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 9-11 об.

XX в. Эти переселенцы получили название *самоходы*, а их потомки, по материалам этнографических экспедиций начала XXI в., называли себя белорусами (см. таблицу).

Несмотря на проделанные усилия по организации национальных белорусских сельсоветов и школ, краевые чиновники вынуждены были констатировать, что «... из состава национальных меньшинств белорусы и украинцы почти совершенно обрусели, поэтому нет надобности вести среди них работу на их родном языке, да и сами они от этого отказываются...»¹. По этой причине в деревнях Тарского округа в конце 1920-х гг. отсутствовали национальные школы для белорусского населения. Тем не менее в ряде ситуаций учителя сыграли решающую роль в идентификационном процессе: потомки переселенцев конца XIX в., проживающие в деревнях Александровка современного Колосовского района и Поречье Муромцевского района Омской области, признавались, что стали считать себя белорусами после того, как учитель географии/истории рассказал им о схожести жителей данных деревень с белорусским населением Минщины и Гомельщины.

Таким образом, группы западного населения России, связанные с политическими процессами в Польше и преследуемые властями, в Сибири стремились к изоляции и сплоченности, но из-за малочисленности отгородиться от окружающей инокультурной среды не смогли. В конце XIX в. увеличился поток переселенцев из Северо-Западного края, в результате чего удалось воссоздать такую же социокультурную ситуацию, как на родине, где высоким социальным статусом обладали дворяне-католики. Незначительное количество мелкой шляхты вне зависимости от путей попадания в Сибирь в конце XIX в. получило возможность поддерживать польскую идентичность за счет соседствующего привычного белорусскоязычного крестьянства. В 1920-х гг. в ситуации, когда Польша получила независимость и стала проводить антисоветскую политику, принадлежность к польскому этносу становится опасной, и, с одной стороны, сибирские власти изыскивают способы занизить численность поляков в регионе, с другой стороны, с 1930-х гг. само население, спасаясь от репрессий, меняет свое прежнее этническое самосознание на русское. При этом, предложенный властями вариант идентификации с белорусским населением поляками отвергается, так как белорусскость ассоциировалась с низким социальным статусом и воспринималась как принадлежность к крестьянству.

¹ ГУТФ ИСА. Ф. 112. Оп. 1. Д. 974. Л. 22.

Соотношение критериев идентификации с идентичностью населения Среднего Прииртышья (конец XIX – XX в.)

Населенный пункт, год образования	Место выхода из Европейской России	Религиозная и социальная принадлежность	Идентификация по статистическим материалам	Экзотонимы (прозвища)	Этническая идентичность и эндонимы в конце XX в.
д. Поляки, 1885 г.	Гродненская губ. Брестский и Гродненский у.	Католики и православные, крестьяне	1897 г. – поляки и русские 1926 г. – белорусы 1937 г. – русские	поляки, барабульники	Поляки, белорусы, но все «русские по паспорту»
д. Верхнее-Урайская (Минско-Дворянск), 1893 г.	Минская губ. Игуменский у.	Католики, дворяне	1897 г. – поляки, малороссы 1926 г. – белорусы 1937 г. – русские	поляки	Поляки, русские
д. Алексеевка, 1893 г.	Виленская губ. Диданский у., Минская губ. Борисовский у., Могилевская губ. Мстиславский и Черниковский у.	Православные, крестьяне	1926 г. - белорусы	москали, хохлы, российскийские	Родители – белорусы, сами - русские
д. Николаевка, 1895 г.	Минская губ.	Православные, крестьяне	1926 г. – белорусы	синегуты, синяки	Деды – белорусы, сами – русские, сибиряки
с. Поречье, 1897 г.	Минская губ. Борисовский у.	Православные, крестьяне	1897 г. – малороссы 1926 г. – белорусы 1940 г. – белорусы	бульбаши, российскийские	Белорусы, русские

д. Калачевка, 1897 г.	Орловская губ. Трубчевский у., Витебская и Виленская губ., Могилевская губ. Черниковский у.	Православные, крестьяне	1926г. – русские 1946г. – русские	хохлы, лапотники, самоходы, сачки калачевские	белорусы и русские, российский
д. Александровка, 1898 г.	Виленская, Витебская, Гомельская, Минская и Могилевская губ.	Православные, крестьяне	1926 г. – белорусы 1940 г. - русские	гэны, хохлы, зизюли	Белорусы и русские – это одно и то же.
д. Ново-Троицк, 1898 г.	Витебская губ.	Православные, крестьяне		вытепаны	Белорусами были предки, нынешнее поколение уже русские
д. Быган, 1898 г.	Витебская и Минская губ.	Православные, крестьяне	1926 г. – белорусы 1940 г. - русские	самоходы	Белорусы по национальности, а по паспорту – русские
д. Ново-Князевка, 1900 г.	Виленская и Гродненская губ.	Православные, крестьяне	1926 г. - белорусы	самоходы	Русские
д. Игоревка, 1906 г.	Минская губ. Борисовский у., Могилевская губ. Мстиславский, Рогачевский и Черниковский у.	Православные, крестьяне	1926 г. - белорусы	российские	Русские
д. Загранное, 1910 г.	Витебская губ.	Православные, крестьяне	1926 г. - белорусы	самоходы, российскийские	Белорусы
д. Тимофеевка, 1910 г.	Витебская и Могилевская губ.	Православные, крестьяне	1926 г. - белорусы	бульбаши	Белорусы
д. Победоносное, 1923 г.	Витебская и Минская губ.	Православные, крестьяне	1926 г. - белорусы	самоходы	Бабушки и дедушки – белорусы, а сами – русские

Немцы Томска в конце XIX – начале XX в.: религиозная и общественная жизнь

Религиозная и общественная сферы жизни имеют особое значение для мигрантов, оказавшихся в иноэтничном и инокультурном окружении, где удовлетворение религиозных нужд и активное участие в общественной жизни заметно затрудняются. Мигранты сталкиваются с отсутствием храмов и священнослужителей, недоброжелательным отношением со стороны «местной церкви», нетерпимостью принимающего общества, неимением возможности организовывать собственную общественную жизнь и участвовать в общественной жизни местного населения. Чем больше подобных препятствий, тем сложнее мигранты приспосабливаются к новому социальному и культурному окружению. Именно поэтому по организации религиозной и общественной жизни мигрантов можно судить о характере их адаптации к новым социокультурным условиям.

От того, насколько мигрант может удовлетворить свои религиозные нужды, во многом зависит степень его психологического комфорта, что, в свою очередь, может влиять на его поведенческие реакции и реализацию той или иной адаптационной стратегии. Этот же показатель демонстрирует, какой политики по отношению к мигрантам придерживается государство. Интенсивность общественной жизни может свидетельствовать о наличии или отсутствии изоляционистских установок у мигрантов, степени их сплоченности и включенности в местную общественную жизнь. Именно эти сферы демонстрируют, насколько успешно пришлое население интегрируется в принимающее общество или, напротив, ограждается от него.

Анализ религиозной и общественной жизни немцев Томска в конце XIX – начале XX в. может позволить сделать выводы относительно характера их социокультурной адаптации. Хронологические рамки конца XIX – начала XX в. были выбраны потому, что именно в это время у томских немцев складывается целый ряд религиозных и общественных институтов, деятельность которых и будет рассмотрена в данной статье.

Основным источником, содержащим информацию о религиозной и общественной жизни томских немцев, является местная периодическая печать. Особого внимания в этом смысле заслужи-

¹ Алишина Галина Николаевна – ассистент кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета. Аспирантка заочной формы обучения исторического факультета Томского государственного университета.

вает «Сибирская жизнь», как крупнейшая частная ежедневная газета, выходявшая в Томске в конце XIX — начале XX в. Здесь нашли свое отражение многие аспекты жизни сибирского общества, в том числе деятельность различных конфессиональных и этнических сообществ.

Говоря о религиозной и общественной жизни томских немцев, следует непременно отметить, что консолидирующим фактором для них была общая конфессиональная, а не этническая принадлежность. Так сложилось, что абсолютное их большинство исповедовало лютеранство, а центром их религиозной и общественной жизни являлась евангелическо-лютеранская кирха Св. Марии, построенная в 1864 г.¹ Немцы были основными прихожанами кирхи, и соответственно из них по большей части состояла томская лютеранская община. Это подтверждается, например, тем, что идея создать «немецкий клуб» родилась на лютеранском музыкально-танцевальном вечере, «на котором собралось почти все лютеранское общество г. Томска»². Таким образом, между томскими лютеранами и томскими немцами того периода вполне можно поставить знак тождества, поскольку это в большинстве своем одни и те же люди. Эта оговорка необходима, поскольку в источниках не фигурирует такая единица, как немецкое сообщество г. Томска, самостоятельной деятельности оно не вело, и вся религиозная и общественная жизнь томских немцев была связана с лютеранским приходом.

Религиозной жизнью томских лютеран руководил пастор. Как правило, это был выпускник богословского факультета Дерптского университета. Со временем число представителей лютеранского духовенства в Томске увеличивалось: от 1 в 1901 г.³ до 4 человек в 1910 г.⁴ Число конфирмированных прихожан, согласно отчетам Генеральной Консistorии, также не было постоянным: в 1910 г. — 612 человек, в 1911 г. — 619, в 1912 г. — 726, в 1913 г. — 622, в 1913/1914 гг. — 408⁵. Экономической частью томского лютеранского прихода ведал Церковный совет (der Kirchenrat), который состоял из 11 членов и возглавлялся томским губернатором генерал-майором бароном фон Нолькен. В совет входили: инженер Эман, купцы Фильберт и Ливен, фабрикант Крюгер, магистр Лидеман, главный агент Страхового общества Нейланд, булочник Грених и фотограф Вакер.

¹ Морозова Н. Немецкие места // Территория согласия. Томск, 2004. № 1. С. 27.

² Сибирская жизнь. 1911. 28 янв.

³ Там же. 1901. 22 февр.

⁴ Там же. 1910. 31 марта.

⁵ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821. Оп. 133. Д. 851. Л. 21, 140, 193, 269, 344.

Пастор, как правило, выполнял в Церковном совете функции секретаря¹.

Избрание членов совета и пастора происходило на ежегодных общих собраниях прихожан евангелическо-лютеранской церкви Св. Марии. Богослужения проводились не только местным пастором, но и приглашенными лицами, зачастую на нескольких языках: русском, немецком, латышском и эстонском². Делопроизводство томского лютеранского прихода также велось на двух языках: русском и немецком. У Церковного совета было даже два бланка: русско- и немецкоязычный³. При помощи первого велась переписка с органами государственной власти Российской империи, а на втором составлялись внутренние документы и сообщения, направляемые в Евангелическо-Лютеранскую Консисторию в Москве. Практика двуязычия распространялась и на объявления в местной прессе, которые давала томская лютеранская община. Все объявления, которые касались только членов общины, например об очередном собрании, до 1905 г. печатались в «Сибирской жизни» исключительно на немецком языке⁴. В то же время сообщения, предназначенные для более широкой аудитории, например об устройении лютеранским обществом семейного вечера и проч., были на русском⁵. Встречались даже объявления сугубо бытового характера (заявление о правах, поиск гувернантки или квартиросъемщиков и др.)⁶ на немецком. Таким образом, немецкий язык являлся языком корпоративного общения. Схожим образом использовали свой родной язык и томские поляки. Однако после 1905 г. по невыясненным пока причинам практика подобного двуязычия в информационных сообщениях томской лютеранской общины прекращается.

Помимо организации религиозной жизни прихожан, томская лютеранская община занималась решением и других задач. Одним из самых важных направлений являлось образование, что было тесно связано с религиозными представлениями лютеран и необходимостью проведения обряда конфирмации. В ноябре 1896 г. была открыта первая в Сибири официально зарегистрированная городская немецкая школа. Вдохновителем и главным ее создателем был пастор Альфред Келлер, возглавлявший в то время лютеранский приход. Именно он вел переписку с попечителем Западно-Сибирского

¹ Нам И.В. Жизнь в диаспоре (городские немцы Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871 – 1941 гг. М., 2002. С. 378.

² Сибирская жизнь. 1904. 21 сент.; 1907. 25 авг.; 1908. 12 июля; 1911. 23 марта.

³ ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 170. Оп. 1. Д. 2154. Л. 4, 12 и др.

⁴ Томский листок. 1897. 7 февр.; Сибирская жизнь. 1897. 5 нояб.; 1898. 7 февр., 22 сент.; 1899. 22 янв., 16 сент., 16 окт.; 1900. 5 февр., 3, 14 февр.; 1903. 23 марта, 17 апр.; 1904. 13 апр., 16 сент.

⁵ Томский листок. 1897. 17 апр.

⁶ Сибирская жизнь. 1899. 18 мая, 10 окт.; 1901. 18 февр., 28 сент.

учебного округа, ходатайствуя об открытии «частного двухклассного элементарного училища»¹.

Первоначально школа располагалась в наемном помещении в доме Сухих на ул. Черепичной и имела статус одноклассного частного училища третьего разряда, а пастор Келлер был единственным педагогом. Но с января 1897 г. русский язык, арифметику и географию стала преподавать русская учительница. В 1900 г. в штате школы, которая к тому времени стала двухклассной, числилось, кроме самого пастора, пять учительниц (три лютеранки и две православные). В этот же год школа переехала из дома Сухих в специально отведенное для нее помещение в ограде лютеранской кирхи, способное вместить около 120 учеников. С этого времени «двухклассное начальное училище при Евангелическо-лютеранской церкви» начинает активно рекламировать свои услуги в местной периодической печати².

Школа была предназначена для детей лютеранского вероисповедания, однако обучались там и представители иных конфессий. Например, в сентябре 1903 г. состав учеников по вероисповеданию был следующим: 14 – лютеран, 10 – православных и 1 – иудей³. Детей принимали в школу с 8 лет, обучение было платным. Девочки и мальчики обучались совместно, требовалось, правда, чтобы девочки были не старше 12 лет и сидели на отдельных скамьях. Количество учеников было небольшим – от 20 (1897 г.) до 35 (1904 г.) детей⁴. Помимо школы был в Томске и частный немецкий пансион, открытый в 1902 г. госпожой А. Брейтигам⁵.

Важным направлением деятельности томских немцев-лютеран была благотворительность. С 1897 г. при кирхе действовал приют для детей-сирот, цель которого, согласно Уставу, состояла в том, чтобы «оградить от телесной и душевной гибели бедных и испорченных детей, развивать их разум и воспитывать их полезными членами общества». Воспитанниками были в основном дети ссыльно-поселенцев⁶.

На содержание приюта и школы требовались средства. Для их привлечения томское лютеранское общество регулярно устраивало благотворительные мероприятия – рождественские базары, спек-

¹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 920. Л. 1.

² ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 920. л.12; Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). СПб., 2004. С. 83; Нам И.В. Указ. соч. С. 380; Сибирская жизнь. 1900. 5, 15, 17, 18 авг.; 1902. 14, 15 авг.; 1903. 17, 19, 20 авг.; 1904. 17, 18 авг.

³ Сибирская жизнь. 1903. 5 сент.

⁴ Нам И.В. Духовный центр томских лютеран // Сибирская старина. Томск, 2006. № 25. С. 19.

⁵ Сибирская жизнь. 1902. 13, 15 авг.

⁶ Сибирская жизнь. 1899. 29 янв., 12 марта.

такли, концерты духовой музыки, семейные вечера, на которых разыгрывались любительские спектакли и устраивались танцы. Подобный вечер, например, был организован 20 апреля 1897 г. Публике были представлены две «легонькие комедии»: «Я сватаю свою дочь» и «Роковое объявление», которые «прошли очень недурно». Особенно, по словам корреспондента «Сибирской жизни», актерским талантом блистала некая мадам Штирен. Сбор от мероприятия составил около 320 руб. Помимо вечеров отдыха в «пользу убежища для бедных детей» лютеранским обществом организовывались лотереи-аллегри, то есть лотереи, в которых розыгрыш призов производился сразу после покупки билета¹. Подобные мероприятия устраивали и другие общества и организации, например городские гимназии в пользу «недостаточных» в материальном плане учеников.

Однако, начиная с 1901 г., сообщения о благотворительных мероприятиях томских лютеран исчезают со страниц газет. Причина этого, видимо, крылась в том, что в 1901 г. МВД издало «Правила о порядке выдачи разрешений на лотереи и наблюдения за их разыгрыванием», в которых требования к проведению лотерей и других подобных мероприятий значительно ужесточились. Теперь этим могли заниматься только официально существующие благотворительные общества и учреждения, а разрешение на проведение лотереи следовало получать у губернатора². Этот акт, по всей видимости, ограничил возможности лютеранской общины по устройению мероприятий благотворительной направленности, и в течение нескольких лет сообщений о подобной деятельности в прессе не появлялось.

Но вскоре выход из сложившейся ситуации был найден. В 1905 г. было образовано Томское евангелическо-лютеранское дамское благотворительное общество, целью которого являлось «доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных евангелическо-лютеранского вероисповедания в губернии без различия пола, возраста, звания и состояния». В 1910 г. в обществе состояло 34 человека, годовой членский взнос составлял 3 руб., а бессменным председателем являлась Екатерина Георгиевна Рокачевская³.

Только появившись, благотворительное общество дам-лютеранок развило бурную деятельность. За период с 1905 по 1914 г. им было организовано 8 крупных лотерей-аллегри, чистая прибыль от каждой из них стабильно составляла сумму в 1500-2000 руб. Лотереи-аллегри

¹ Сибирская жизнь. 1897. 17 дек.; 1898. 6 февр.; 1900. 1, 4 апр.; 1899. 12 нояб., 9 дек.; Томский листок. 1897. 23 апр.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 20. Л. 2-2 об.

³ Нам И.В. Жизнь в диаспоре... С. 381.

Дамского лютеранского благотворительного общества пользовались у горожан большим успехом, публику в основном привлекали богатые призы. В лотерею, например, разыгрывались упряжки лошадей, серебряные сервизы, золотые украшения и другие ценные вещи¹.

Успех лотерей дамского общества был настолько велик, что ему даже пытались подражать. В частности, Томское римско-католическое благотворительное общество, сообщая о своем намерении организовать лотерею-аллегри в 1911 г., полностью скопировало стиль оформления, который был присущ объявлениям о лотереях дам-лютеранок. Даже состав обещанных призов был идентичен: лошади, серебряный сервиз, золотые часы и прочее. Однако подражание вышло неудачным, лотерею и ее устроителей раскритиковали в местной прессе за плохую организацию розыгрыша². Помимо лотерей-аллегри общество дам-лютеранок устраивало и другие мероприятия: любительские спектакли, детские и семейные вечера³. Как правило, все они проходили с большим успехом, и публика оставалась очень довольной.

Деятельность лютеранской общины Томска зачастую находила отклик в душе жителей города. Например, И.Л. и Г.И. Фуксман пожертвовали в пользу «убежища для сирот и бездомных детей евангелическо-лютеранского вероисповедания» крупную сумму в размере 600 руб.⁴. Были и другие примеры пожертвований от частных лиц⁵. Помимо этого в пользу лютеранского приюта и школы устраивались представления в цирке Боровской⁶, актриса императорского театра Е.М. Кирова давала спектакль с благотворительной целью помочь лютеранским сиротам (комедия Н. Островского «Без вины виноватые»)⁷, а в театре «Буфф» вниманию публики была представлена драма «Честь» Зудермана, сбор с которой также шел в распоряжение общества дам-лютеранок⁸.

В целом в конце XIX – начале XX в. религиозная и общественная жизнь томских немцев была весьма интенсивна и насыщена. Но после вступления России в Первую мировую войну на стороне Антанты в ней произошли заметные изменения. Началась борьба с «немецким засильем» во власти, промышленности, торговле и т. д. Коснулась эта кампания и Томской губернии. Немцев из числа

¹ Сибирская жизнь. 1905. 11 дек.; 1907. 11 нояб., 24 нояб.; 1908. 21 нояб., 4, 6 янв., 16 нояб., 10 дек.; 1911. 6 янв.; 1912. 6 янв., 25 дек.; 1913. 6 янв.; 1914. 6 янв. 1910. 9 янв., 2, 9 янв.

² Сибирская жизнь. 1911. 8, 23 февр.

³ Сибирская жизнь. 1906. 8 февр.; 1905, 8 мая; 1912, 21 окт.

⁴ Сибирская жизнь. 1903. 19 нояб.

⁵ Сибирская жизнь. 1911. 20 апр.

⁶ Сибирская жизнь. 1899. 12 марта.

⁷ Сибирская жизнь. 1908. 4 апр.

⁸ Сибирская жизнь. 1912. 5 авг.

германских и австрийских подданных исключали из биржевых комитетов и страховых обществ. Лютеранским приходам воспретили производить «какие бы то ни было сборы на потребности заграничных миссий»¹. Если судить по публикациям в местной прессе, религиозная и общественная жизнь томских немцев-лютеран замерла. В столь сложных политических условиях для них было крайне важно продемонстрировать свою лояльность и на какое-то время «уйти в тень», дабы не раздражать власть и антинемецки настроенную общественность. В самом начале военных действий в лютеранской кирхе Св. Марии был отслужен молебен о даровании победы русскому оружию², а накануне Рождества в конце 1915 г. благотворительное общество дам-лютеранок отправило в действующую армию «70 рождественских подарков (белье, рукавицы, чай, сахар, табак и проч.) на сумму около 300 р.»³. В целом, если сравнивать с довоенным временем, участие немцев в общественной жизни города заметно сократилось.

Подводя итоги, можно отметить, что в удовлетворении своих религиозных нужд томские немцы не встречали препятствий. Томский лютеранский приход довольно успешно функционировал и развивался. В этом смысле существование немцев в рамках иноэтничного и инокультурного принимающего общества можно считать вполне комфортным. Подобная ситуация сводила к минимуму возможность ассимиляции немцев инокультурной средой, а также их маргинализацию. Кроме того, немцы Томска вели активную общественную жизнь. Примечательно, что мероприятия, которые они организовывали, зачастую носили общегородской характер и получали одобрение со стороны томичей. Это говорит о том, что немцы не придерживались изоляционистских установок, легко контактировали с местными жителями, что позволяет сделать вывод об их успешной интеграции в принимающее общество. Весьма показательным является снижение общественной активности томских немцев-лютеран в годы Первой мировой войны. Политическая обстановка, приведшая к борьбе с «внутренним немцем», безусловно, была для них дискомфортной, что не могло не повлиять на процесс социокультурной адаптации. В таких условиях дальнейшая реализации стратегии интеграции была затруднена, зато вполне могли активизироваться сепаратистские и маргинализационные установки. События, произошедшие в России в 1917 г., отнесли все эти проблемы на второй план. Однако крайне важно понимать, что в это революционное

¹ Сибирская жизнь. 1914. 14 сент., 16 окт., 30 дек.

² Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. Томск, 1999. С. 69.

³ Сибирская жизнь. 1915. 17 дек.

время томские немцы вступили с довольно смешанными чувствами по отношению к Российскому государству. Этот фактор следует непременно учитывать при изучении их политического выбора в годы революций 1917 г. и Гражданской войны.

Советская власть в поиске национальной политики: Иркутск, 1920-е годы

В начале 20-х гг. прошлого столетия большевики оказались в странной и необычной ситуации. С одной стороны, еще нет никаких национально-государственных рамок и есть надежда на легкое решение всех политических проблем империи, включая и национальный вопрос. Однако именно в это время со всей очевидностью стало понятным, что достаточно схематичные и декларативные политические концепции новой власти выхолащены отсутствием конкретных механизмов претворения их в реальную жизнь.

Д. Хоскинг указывает, что у большевиков уже до войны была какая-то концепция решения национального вопроса, причем более просвещенная, чем подходы царской власти. «Они вполне верно осознавали, что создаются новые человеческие общности, что нации сделаются очень сильными. Правда, Ленин полагал, что это лишь переходный этап и на смену ему придет международная пролетарская республика, но необходимости такого этапа он не отрицал»².

Власть активно искала работающие инструменты реализации своей модели решения национальных вопросов. В такой ситуации этнические эксперименты были не только неизбежны, но, с точки зрения большевиков, еще и крайне желательны. В то же время необходимость формирования повседневных бюрократических практик не позволяла слишком далеко отрываться от действительности.

Новые исследования заставляют нас усомниться в безусловной правильности традиционного взгляда на истоки и содержание национальной политики молодого государства. Представляется, что она во многом формировалась ситуационно, под влиянием исторического момента, актуальных приоритетов и политических реалий. По крайней мере, сумбур мировой и Гражданской войн, революционных катаклизмов породил множество вариантов развития не только народов в целом, но и региональных этнических сообществ³. Большевики вынуждены были с этим считаться, равно как и учитывать мнения молодых национальных элит.

Изначально провозглашенный принцип широкого представительства этнических групп в государственных и партийных органах

¹ Рабинович Владимир Юльевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой рекламы Иркутского государственного университета.

² Хоскинг Дж. Первая мировая война и русское самосознание / Беседу вел А. Захаров // Неприкосновенный запас. 2008. № 61.

³ Подробнее см., напр. чрезвычайно интересную и важную монографию И.В. Нам (Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917 – 1922 гг.) Томск, 2009).

нашел свое отражение в начавшейся в 1918 г. широкой демократизации общин. Отметим, что термин «община» в официальных документах не конкретизировался. До революции же община рассматривалась исключительно как конфессиональная структура, не имеющая светской составляющей.

В 20-е гг. в коннотации термина изначально ставился знак равенства между этническими светскими и религиозными образованиями. В условиях гонений на религию демократизированная община превращалась в еще один инструмент классовой дифференциации сообществ. Показательным в этом смысле является процесс демократизации еврейских общин. Иллюстративность данного примера определяется и неразрывностью в дореволюционной России пары «еврей – иудей», и последовательностью проведения демократизации еврейских общин во многих регионах России.

В «Инструкции Советам самоуправления еврейского народа» (1918 г.) особо подчеркиваются базовые принципы трансформации общин: «Еврейский народ, как не составляющий нигде на всем протяжении России преобладающего большинства населения, пользуется правом национально-персональной автономии. Согласно принципам национально-персональной автономии расселения с компактным еврейским населением могут избирать еврейские общины». Избирательным правом пользовались все правоспособные граждане и гражданки поселения, признающие свою принадлежность к еврейскому народу. Выборы были прямые, равные и тайные с пропорциональным представительством партийных списков. Особо оговаривалось, что вся деятельность еврейской общины подлежит контролю Советской власти в лице комиссара по национальным делам.

Таким образом, ключевыми факторами в процессе формирования общинных органов становились индивидуальная и/или групповая манифестация этничности на фоне провозглашения политической идентичности. Особо примечательным выглядит следующий тезис инструкции: «Лица, еврейского происхождения, не признающие своей принадлежности к еврейской нации, должны быть приписаны к другой нации, согласно их выбора. Вненациональное состояние Советской властью не признается. ...Непризнание Советской властью вненационального состояния имеет целью лишить обладателей какой бы то ни было нации возможности уклониться от уплаты национального налога под предлогом не принадлежности ни к какой нации»¹.

В начале 20-х гг. выработка общей концепции решения многочисленных «национальных вопросов» не была самой злободневной

¹ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 22. Л. 20-21.

политической задачей. Как результат, острые теоретические и идеологические баталии по этому поводу, сотрясавшие «кремлевские кабинеты», до поры мало влияли на практику государственного и национального строительства, не воплощались в конкретные декреты, указы и инструкции, принципиально формирующие бюрократические реалии на местах. Опираясь на незыблемость базовых идеологем («мировая революция», «классовая борьба», «пролетарский интернационализм», «демократический централизм», «национально-персональная автономия» и т. д.), большевики тем не менее не имели единого видения официальной государственной модели нациестроительства.

Так, например, жаркие дискуссии всякий раз разворачивались вокруг многочисленных административных преобразований бюрократических структур, ведающих национальной проблематикой. Достаточно быстро произошел отход и от принципа национального представительства в органах власти. Споры по этому поводу также носили самый острый характер.

Показательна в этом смысле многочисленная переписка сибирских чиновников с Москвой по поводу «национальных дел». В ней неоднократно отмечалась разбалансированность официальной политики по отношению к различным этническим группам, особенно к коренным народам Сибири. Выделялся особый подход к «проблеме», свойственный хозяйственным органам.

Томский Губернский отдел по делам национальностей (Губотнац) в одном из своих отчетов, направленных Отделу национальных меньшинств Наркомнаца 5 августа 1923 г., отмечает: «Губисполком и Президиум его при решении вопросов, касающихся нацменьшинств, считаются с национальной политикой центра. ...К сожалению, этого нельзя отметить по отношению работ Отделов Губисполкома, особенно хозорганов, которые всеми силами стараются, если вопрос касается их интересов, игнорировать национальную политику».

Руководствуясь инструкциями, Губотнац видел свою практическую работу главным образом «в урегулировании того или иного конфликта, возникавшего между нацменьшинствами и местными властями; в борьбе с кабальными сделками, заключаемыми хозорганами и кооперацией с инородческим населением, пользуясь темной и критическим положением последних...; урегулировании территориальных конфликтов, возникавших между нацменами и русским населением; поднятии культурного уровня нацменьшинств»¹.

Создается впечатление, что сибирские власти при решении национальных вопросов остро нуждались в руководящих указаниях.

¹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 216. Л. 63-64.

Не получая их своевременно, чиновники оказывались в растерянности, с опозданием реагируя на возникающие проблемы. Жертвами возникающей ситуации в первую очередь стали коренные сибирские народы.

Ситуация обострилась настолько, что заведующий Отделом национальных меньшинств А.Е. Скачко вынужден был сделать доклад Коллегии Наркомнаца «О положении нацменьшинств в Сибири и о создании Комитета содействия развитию окраин Сибири и населяющих их малых народностей». В докладе дается весьма нелестная и резкая характеристика деятельности хозяйственных органов на местах: «Сведения, получаемые из Сибири, единогласно утверждают, что все малые коренные народности находятся в процессе разорения, обнищания и вымирания... Большинство находится в состоянии полнейшей административно-правовой дезорганизованности, подвергаются самым невероятным утеснениям и самой беспощадной эксплуатации и, по живописному выражению официального доклада Енгубисполкома¹ Административной комиссии ВЦИК, «живут за пределами Конституции РСФСР». Сибирские народности уже в течение 300 лет были угнетаемы русскими, но никогда еще их эксплуатация не достигала таких бесстыдных размеров и форм, как при Советской власти».

А.Е. Скачко напрямую связывает хищническую политику с бездействием (или наоборот — содействием ей) местных органов власти: «...Кроме государственных учреждений больше и некому сейчас эксплуатировать туземное население. Частные торговцы к нему не проникают. Местные хозяйственные органы в контакте с административными принимают все меры к обеспечению своего монопольного положения. Всякий частный торговец, пробуящий конкурировать, сейчас же изымается из обращения под тем или другим благовидным предлогом, как спекулянт и эксплуататор. Пользуясь монополией, хозорганы становятся самыми худшими спекулянтами и эксплуататорами. Они доходят до таких невероятных пределов, до которых никогда не доходили частные предприниматели. Аппетиты прежних купцов-хищников сдерживались конкуренцией местных купцов-старожилов, а сдержкой для последних являлась не только конкуренция приезжих, но и дальновидный расчет постоянного предпринимателя, не желающего разорять свое предприятие... Старые купцы всегда помогали туземцам в тяжелые минуты, давали им все необходимое для промысла и существования, новые краскупы только обирают, и потому повсеместно в Сибири туземцы вопиют о возвращении старых купцов. Но хозорганы не допускают ста-

¹ Енгубисполком — Енисейский губернский исполком.

рых купцов и СОЗНАТЕЛЬНО ПЛАНОМЕРНО [так в документе. — В.Р.] вымаривают туземцев».

Вывод неутешителен: «...Поручать сибирским окраинным властям спасать сибирских туземцев — это все равно, что поручать волку охранять овец. ...Местные органы Наркомнаца (губотделы Томский и Енисейский) были слабы и мало работоспособны. Кроме того, как подчиненные местным властям, они были недостаточно авторитетны и не могли защищать малые народности от эксплуатации. По отчетам сибирских губотнацев видно, что они, чувствуя свою слабость, просто «умывали руки», вели работу среди латышей, эстов, евреев, а коренных народностей — остяков, тунгусов и т. п. — совершенно не касались»¹.

К этому времени, термин «национальные меньшинства» стал вполне устоявшимся и официально принятым. Важность этого замечания определяется тем, что несколько лет ранее в дореволюционной Российской империи этот термин не только не существовал, но и был не возможен. Единственными социальными маркерами для «русских подданных» могли быть только принадлежность к сословию и конфессии. По меткому замечанию М. Долбилова: «Сам статус этнического меньшинства — это строго говоря феномен, не знакомый империи и обусловленный существованием полноценных граждан национального государства... У власти попросту не было административных процедур для опознания и фиксации национальной принадлежности, так сказать, легализации этничности»².

Очевидно, что переход от сословно-конфессиональной к этнической идентификации не мог произойти сиюминутно. По сути, на протяжении всего XIX в. шел активный поиск возможных составляющих национальной идентичности, признавая тем самым, что традиционное стратификационное деление государства уже «не работает».

Представляется, что уже в самом начале XX столетия официальное сословно-конфессиональное устройство общества стало уже анахронизмом. Так оно и воспринималось многими современниками. Неслучайно в 1905 г. в самый разгар революционных потрясений председатель правительства П.А. Столыпин инициирует широкое

¹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 216. Л. 65-76. Докладчик сокрушается: «Следует обратить внимание, что даже в отчетах губисполкомов всюду фигурирует старый термин царской России — «иностранцы». Возможно, термин «туземцы», который использует А.Е. Скачко, кажется ему более приемлемым.

² Долбилов М.Д. Стереотип поляка в имперской политике: деполонизация Северо-Западного края (1860-е годы) //Перекресток культур: междисциплинарные иссл. в обл. гуманитарных наук. М., 2004. С. 56-57, 74.

обсуждение в правительственных ведомствах возможность официального введения национального (этнического) идентификатора¹.

Поиски новых социальных маркеров носили глобальный характер, затронули все слои общества и охватили всю страну. Сибирская провинция тоже не осталась в стороне, причем удаленность края сыграла в этом случае неоднозначную роль.

Отметим, что заметная скудность официального языка и размытость категориального аппарата в «национальном вопросе» может рассматриваться нами как косвенное свидетельство неопределенности, продолжающегося становления официальной национальной политики в целом.

Уже в начале 20-х гг. устойчивым становится «новоязовский» термин «нацмен». И при этом в бытовой речи этничность и этнические маркеры (этнонимы) являются устойчивыми формами как групповой, так и индивидуальной идентичности. Обширная переписка различных советских органов содержит множество подтверждений этого тезиса. Например, Иван Иванович Шевченко, обращаясь в коммунальный отдел Иркутского исполкома по поводу бытового конфликта, в переписке неоднократно использует формулу самоназвания «украинец Шевченко»².

Аналогичный пример, находим в направленной в июне 1920 г. в Коллегию Наркомнаца самодетельную записку, названную тем не менее с претензией — «Доклад о сибирских инородцах и об организации управления ими на Советских началах якута Василия Гавриловича Никифорова». В этом примечательном документе, в частности, говорится: «Советская Власть должна искать иные способы для проведения в жизнь инородцев основ октябрьской революции, нежели те, которые известны нам по отношению к внутренней России, где приходится, прежде чем начать мирное строительство жизни на новых общественных началах, вести упорную борьбу с предрассудками старого буржуазного строя. Инородцы же со своей первобытной культурой являются в этом отношении сырым материалом, из которого можно легко вылепить какую угодно форму общественной жизни. Вся трудность задачи заключается в умении взять этот материал в естественном его виде, не давая ему рассыпаться во все стороны, ибо тогда не только не будет возможно придание ему какой бы то ни было формы общественной жизни, но и сам материал погибнет без пользы ни для кого...»³.

Этничность проникает всюду, превращаясь в один из устойчивых мировоззренческих элементов. Г.С. Виноградов, в ходе академиче-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1022. Оп. 1. Д. 16. Л. 104-113.

² Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 75-76.

³ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 435. Л. 36-41.

ского этнографического исследования устного фольклора жителей Тулунского уезда Иркутской губернии, фиксирует многочисленное присутствие этнических маркеров в «детских дразнилках, обзывалках, кличках и т. п.». Автор отмечает, что в детской «лирике» не только фиксируется опыт повседневного общения с представителями разных этнических групп (евреев, немцев, цыган, поляков, бурят, татар, украинцев и др.), но и существующее устойчивое отношение к ним принимающего общества. Добавим, что подавляющее число приведенных в исследовании примеров трудно отнести к позитивным и «приличным»¹.

Официальная переписка ясно показывает, что на местах не было уверенности в том, что Центр понимает и учитывает сибирскую переселенческую специфику. Мы встречаем неоднократные попытки разъяснить особенности этнической ситуации в регионе. Заведующий Сибирским отделом по делам национальностей в ноябре 1920 г. в очередной раз пытается донести до центральных органов Наркомнаца особенности своей деятельности: «До сих пор на эти вопросы смотрели как на маловажные, нестоящих надлежащего внимания. И, к великому сожалению, до сих пор целый ряд стоящих у власти советских работников, продолжают быть слишком усердными русскими и своим поведением способствуют обособленности разных национальных групп и инородческих племен, несмотря на то, что больше 50% население Сибири не русское».

Автор делает попытку классифицировать «подведомственные» ему национальные группы. Такая типологизация изначально инструментальна: в дальнейшем предлагается строить работу с разными группами дифференцированно, в зависимости от «развитости» и «культурности» того или иного этноса. Докладчик выделяет среди сибирских инородцев «более культурные инородческие племена», к которым относит бурят, якутов, монголов, отчасти киргизов. Особо выделяются татары: «...Работа среди татарского населения намечается довольно успешной. Все татарское население находится на сравнительно высокой степени развития. Все оно вполне оседлое, занимается главным образом земледелием и ремеслами. Часть городского населения раньше занималась торговлею, а сейчас, волею судеб, пролетаризируется и поступает работать на фабриках и заводах». Бросается в глаза, что в одну группу объединяются сибирские татары, и татары поволжские. Для советского чиновника они едины.

¹ Виноградов Г. Детская сатирическая лирика // Сибирская живая старина: сб. статей по общему краеведению и этнографии / под ред. М.К. Азадовского и Г.С. Виноградова. Иркутск: Восточно-Сибирский отдел русского географического общества. 1925. Вып. III–IV. С. 65–103.

О следующей категории говорится достаточно подробно: «...Что же касается работы среди разных национальных групп Запада — эстонцев, латышей, литовцев, поляков, немцев, евреев, финнов и т. д. — являющимися переселенцами-колонистами и отчасти беженцами империалистической войны, то Нацотделам для них придется тратить меньше всего усилий и энергии. Все эти национальные группы по своим политическим и экономическим условиям жизни не так резко выделяются из окружающего русского населения. Рабочая часть этих национальных групп, живущая в городах, находится под общим политическим влиянием политической жизни города и мало выделяется из общей массы рабочих. В крестьянских колониях чувствуется некоторая обособленность. Эта особость вызвана незнанием русского языка, некоторыми особенностями развития их культурной жизни...»¹

В начале 20-х годов этническая ситуация в Восточной Сибири, и в Иркутске в частности, также претерпевала принципиальные и активные трансформации. В районах, охваченных переписью 1920 г., крайне неполной и содержащей заметные лакуны, было зарегистрировано в Иркутской губернии 67 национальностей. Все население губернии исчислялось в 676 206 человек, в том числе: русские насчитывали 547 851 человек (81,02% к общему числу населения); буряты — 79 050 (11,69%); евреи — 9751 (1,44%); татары — 9220 (1,36%); поляки — 7530 (1,11%); малороссы — 5379 (0,79%); ясачные² — 3298 (0,49%); китайцы — 1865 (0,28%); немцы — 1497 (0,22%); литовцы — 676 (0,10%); мадьяры — 574 (0,08%); эстонцы — 552 (0,07%); корейцы — 329 (0,05%)³.

Основными советскими органами, формирующими национальную политику на местах, были губернские отделы по делам национальностей, входящие в состав соответствующих исполкомов. Как отмечалось на Всероссийском совещании Наркомнаца в декабре 1920 г., они создаются «в целях осуществления защиты интересов и удовлетворения нужд национальных меньшинств, а также установления братского сожительства как между ними, так и между национальными меньшинствами и преобладающей национальностью». К задачам и компетенциям отделов среди прочего относились: содействие дальнейшему развитию всех национальных меньшинств данной местности; проведение классового расслоения, поднятие классового самосознания и организация трудящихся масс национальных меньшинств; установление тесной связи и согласование

¹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 435. Л. 45-47.

² Автор определяет эту группу как «совершенно обрусевшее бурятское население».

³ Соколов М.П. Демографическая перепись 1920 г. в Иркутской губернии: материалы Иркутского губернского статистического бюро. Иркутск, 1922. Вып. 9. С. 20.

действий советских органов с национальными меньшинствами; издание периодической и непериодической литературы для национальных меньшинств¹.

В РКП существовала своя этническая «административная вертикаль». До июня 1920 г. в структуре Губкома РКП(б) действовал Национальный отдел, осуществляющий политическое руководство региональными этническими группами. Он имел самостоятельный характер и действовал на правах отдельного Уездкома, что давало заметный политический вес и значительные полномочия. Нацотдел включал в себя несколько национальных секций, представляющих интересы наиболее значимых и по численности, и по политическим соображениям этнических групп². Все секции существовали на правах райкомов и имели возможность вести широкую самостоятельную деятельность. Работа секций к этому моменту происходила в губернском масштабе и велась на национальном языке.

Однако 15 июля 1920 г. Нацотдел был ликвидирован и преобразован в подотдел Организационно-инструкторского отдела Губпарткома. В свою очередь, секции были реорганизованы в Агитационно-пропагандистские секции (некоторое время их называли бюро) Организационно-инструкторского отдела Губпарткома. По сути, с этого момента обязанности секций сводятся в основном к агитации и пропаганде среди своих национальных групп.

В частности, в «Инструкции для дальнейшей организационно-агитационной работы среди национальных меньшинств» говорится о вменяемых секциям обязанностях: «Все члены... которые не знают русского языка, должны будут освобождаться от районных русских собраний. Вследствие этого все агитационные бюро должны будут приготовить списки товарищей, недостаточно владеющих русским языком, и списки должны будут утверждаться от Губпарткома. Все эти агитационные бюро, которые имеют таких членов, должны будут командировать в район одного товарища агитатора-организатора, который должен будет присутствовать на общих собраниях района и потом дать рапорт своему агитационно-пропагандистскому бюро. От общих городских собраний никто не освобождается».

Все национальные бюро должны были устраивать один раз в неделю раз общие собрания членов РКП своей национальности (на родном языке), где должны были обсуждаться те же вопросы, что и на русском собрании. Кроме этого, должно было организовываться не менее двух публичных лекций в неделю: одна — партийная («предлагается для лекции азбука коммунизма»), а другая общеполитическая («о текущем моменте»). Все бюро должны были органи-

¹ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 149. Л. 13.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 12.

зовать рабочие клубы: «Товарищи же, не имеющие своего собственного клуба и знающие русский язык, идут в русский клуб (рабочий клуб). Всеобуч для всех членов обязателен. Группы, имеющие членами бывших солдат других стран, имеют право формировать особые отряды, но только с разрешением и указанием Губпарткома и под общим руководством командира коммунистического отряда».

Особо подчеркивалось, что «работа Агитационно-пропагандических бюро должна иметь целью сплотить массы различных национальностей с массами русских и никак не допустимо, чтобы в Агитационно-пропагандических бюро различных национальностей среди рабочих был бы желателен сепаратизм. По возможности бюро должны стремиться к принятию мер, чтобы товарищи, не понимающие русского языка — получали бы уроки русского языка и чтобы стенки между товарищами различных национальностей и русскими товарищами были разбиты окончательно. Необходимо, чтобы работа секций под непосредственным наблюдением партийных коммунистов, чтобы члены секций обязательно входили в местную организацию, чтобы она ни в коем случае не обособлялась. Вся деятельность Секций должна сводиться исключительно к пропаганде и агитации среди национальности своей...»¹

Таким образом, Национальный подотдел руководил работами секций и являлся объединяющим органом всех этнических меньшинств губернии. Согласно ежемесячным отчетам Губкома в 1920 г. в сфере внимания властей находилось несколько этнических групп, что и получило отражение в секционной структуре Нацотдела²:

1. **Мадьярская (позднее — венгерская) секция.** Костяк секции составляли бывшие военнопленные и военнослужащие 5-й Армии. Мадьяры приняли самое активное участие во всех политических событиях в регионе. Мадьяры Шугар и Фаркаш длительное время возглавлял Национальный отдел Иркутского губкома. Примечательно, что в период крестьянских бунтов 1922—24 г. одним из самых распространенных лозунгов был «Долой жидов и мадьяр!».

В состав мадьярской секции в июне 1920 г. входило 48 членов и 130 кандидатов Мадьярские комячейки существовали во многих населенных пунктах региона: в Верхнеудинске, Черемхово, Половине и Якутске. Правда, с последним связи были налажены весьма плохо. Совместно с Политотделом 5-й Армии секция издавала еженедельную газету «Рохан» («Набат»). Кроме этого, мадьяры еженедельно получали газеты на родном языке из Москвы, Новониколаевска и Екатеринбурга. Все члены секции принимали участие в многочис-

¹ Там же. Оп. 1. Д. 416. Л. 34.

² Там же. Д. 21. Л. 63; Д. 286. Л. 28-29.

ленных воскресниках и субботниках, один раз в неделю в обязательном порядке посещали всеобуч.

Секция руководила работой венгерской партшколы, в которой 40 курсантов изучали курсы «Программа РКП», «Критика капиталистического строя», «История рабочего движения», «Конституция РСФСР»¹.

Чаще всего секция избирала местом проведения своих мероприятий рабочий мадьярский клуб «Легети». Здесь раз в неделю читались лекции для всех членов и кандидатов секции с привлечением беспартийных, один раз в неделю устраивались общие собрания. Кроме этого, агитация, беседы и общие собрания проходили еще в 13 агитпунктах города и его пригородах.

В отчетах Нацотдела особо подчеркивается: «На основании инструкции, полученной от Центрального бюро мадьярской и немецкой секции, работа этой секции должна иметь приготовленный характер для революции в Западной Европе... С сентября месяца началась эвакуация бывших военнопленных на родину. Мадьярская секция должна была вести контроль над тем, чтобы мадьярские офицеры, содержащиеся как заложники, не попали бы на этот транспорт. Кроме того, было обращено самое серьезное внимание на агитационно-пропагандистскую работу среди рабочих, уехавших на родину. Были организованы на станции Иркутск на мадьярском языке 15 митингов, из них 2 митинга-концерта»².

2. **Немецкая секция.** Некоторое время секция была частью общей немецко-мадьярской секции. Самостоятельный статус секция приобрела благодаря большому числу бывших военнопленных, во множестве работающих на черемховских угольных шахтах. Тем не менее секция работала слабо и особой активности не проявляла. Возможно, это было вызвано тем, что члены немецкой секции ранее других (уже в ноябре 1920 г.) подверглись мобилизации и были отправлены в распоряжение ЦК. Секция посылала агитаторов в Черемхово, Зиму и Иркутский уезд, впрочем, без явного успеха. В сентябре 1920 г. по распоряжению Президиума Губпарткома секция была распущена, потому что «агитационная работа секции не была проведена так, как инструкция требует»³.

3. **Латышская секция.** В 1920 г. в секцию входило 37 членов. Большинство находилось в Иркутске, некоторые члены были командированы в Верхоленск и Омск. Секция вела активную культурно-просветительную и агитационно-пропагандистскую работу на местах, которую власти оценивали как «весьма успешную». При ла-

¹ Там же. Д. 21. Л. 103.

² Там же. Л. 80.

³ Там же. Л. 63.

тышской секции имелся рабочий клуб и библиотека. В то же время секция испытывала большой дефицит работников, так как многие латышские коммунисты занимали посты в советских и партийных учреждениях Иркутска.

4. Чехо-словацкая секция (36 членов и 14 кандидатов). Изначально секция называлась славянской, однако в отличие от других регионов в Иркутской губернии ее членами были исключительно (как определялось в документах того времени) чехо-словаки. Секция имела 4 ячейки: две в Иркутске, в Черемхово и Зиме. Заметной работы секция не вела. Особенно заметным было отсутствие интереса с ее стороны к работе в деревне: представители секции, ее агитаторы не только не стремились установить связь с соплеменниками на местах, но и уклонялись от общей пропагандистской работы в деревне. В связи с тем, что осенью 1920 г. практически все чехо-словаки были эвакуированы на родину, секция была ликвидирована (ноябрь 1920 г.).

5. Корейская секция (16 членов). В составе 5-й Армии был сформирован отдельный корейский батальон. Военнослужащие из его состава и сформировали костяк секции. Корейцы показали себя исключительно преданными и дисциплинированными коммунистами, чему не помешало плохое знание русского языка большинством корейцев, охваченных работой секции. Лидеры секции быстро выдвинулись на руководящие посты в Нацотделе.

Работа секции была планомерной и отлаженной. На ее основе одной из первых была организована партийная школа, посещение которой было обязательно для всех членов секции. Секция приняла самое деятельное участие во Всероссийском съезде корейцев коммунистов.

В то же время власти отмечали существование в секции внутренних конфликтов между различными группировками: «Работа секции находилась в весьма неблагоприятных условиях, благодаря подпольной работе спекулятивных и контрреволюционных элементов из корейцев, направленной как против целой организации, так против отдельных партийных работников, ставящие своей целью дискредитировать в глазах Советских учреждений и партийных организаций»¹.

6. Китайская секция (13 членов, 5 кандидатов). Создается впечатление, что секция вела свою работу спорадически. Несмотря на то, что издавались газеты и проводились митинги, другой какой-либо деятельности в документах не фиксируется. Наверное, большую активность имел местный рабочий союз, но в нем фракция большевиков не чувствовала себя уверенно. В сентябре 1920 г. китайская и

¹ Там же. Л. 64.

корейская секции были переданы в распоряжение Бюро восточных народов, которое не подчинялось и не входило в структуру Губкома¹.

7. **Эстонская секция** (19 членов). Работа этой секции оценивалась как «налаживающаяся». Был открыт эстонский рабочий клуб, проводились митинги, в основном по текущему моменту и о Западном фронте.

8. **Еврейская секция** (16 членов). Несмотря на то, что в дореволюционном Иркутске существовала крупная, заметная и стабильная еврейская диаспора, костяк секции составляли «новоселы». По вполне понятным причинам секция не испытывала ни «кадрового голода», ни проблем со знанием русского языка. Перед секцией стояло несколько чрезвычайно значимых, политически важных задач. Наряду с планомерной работой по демократизации еврейских общин и организаций, секция должна была вести активную пропаганду коммунистических идей на «еврейской улице». Культурно-просветительная и агитационная деятельность велась, в том числе, и через рабочий клуб «Цукунфт». Летом 1920 г. секция была полностью мобилизована и в составе 30 человек отправлена на Западный фронт.

9. **Мусульманская секция** (31 член). Примечательным является сохранение профессионального маркера для официального обозначения секции, что тем более странно на фоне того, что ее члены идентифицировались по этническому принципу — «татары», «башкиры», «татарское население».

Многочисленное татарское население губернии составлялось из аграрных мигрантов начала XX века, военных беженцев, жертв поволжского голода, а также рабочих, которых активно ввозили для работ на черемховских угольных шахтах. Большинство татар Восточной Сибири в начале 20-х гг. были политически индифферентны и эта ситуация серьезно волновала власти.

Работа секции в целом признавалась успешной. Секция имела в своем распоряжении многочисленных агитаторов, хорошо знающих русский язык и умеющих работать в деревне. Организовывались многочисленные митинги, в том числе и не стандартные митинги-концерты и митинги, совмещенные с киносеансом. Важно, что в регионе был организован Союз мусульманской молодежи (30 членов), который позволял кооптировать новых членов партии. При Губвоенкомате на постоянной основе действовал политпросвет муссекции. Кроме этого, члены секции активно привлекались к агитационно-пропагандистской работе среди русского населения.

¹ Там же. Л. 103.

10. **Польская секция.** До августа 1920 г. в Иркутске действовала только Иркутская секция Польской коммунистической партии «Спартак». Она была распущена, а ее члены влились в состав новой секции, образовавшейся одной из последних. Секция сразу же начала работать в губернском масштабе, установив связи с Черемхово, Балаганском, Зимой, Нижнеудинском, Иннокентьевском, Качугом.

11. **Бурятская секция** (63 члена, 80 кандидатов). Самая многочисленная секция. Ее работа в основном сосредоточивалась в аймаках. В городе работа сводилась исключительно к представительствованию в госучреждениях. Отметим, что всю работу в аймаках вела пусть и политически преданная, но неопытная, часто «впадающая в ошибки» молодежь. На фоне активной классовой дифференциации бурятской деревни для властей это было неприемлемо.

Организационный аппарат был налажен плохо. В отчетах отмечается: «Секция существовала на правах райкома, ввиду чего местные районные организации не знали, что они из себя представляли – не то районы, не то ячейки. Секции приходилось выполнять технические работы всех районных организаций, ввиду чего тормозилась работа»¹.

В сентябре 1920 г. на основании постановления 3-й Губернской конференции бурятская секция вышла из состава Нацотдела и преобразовалась как самостоятельный подотдел при Организационно-инструкторском отделе Губпарткома².

Таким образом, главная работа в секции ложилась на плечи агитаторов-инструкторов. В «Инструкции по работе среди нацменьшинств», авторами которой являлись зав. агитотделом Ольховый и зав. подотделом «нацмен» Гольдберг, отмечается: «Основная задача ... заключается не в углублении национальных чувств, а в содействии их изживанию. На этом основном положении должна строиться работа инструкторов на местах».

Деятельность инструктора на местах предельно регламентирована. Он должен: выяснить, насколько глубока обособленность обслуживаемой им национальности от большинства населения; в какой мере владеет данная национальность языком большинства; каково влияние религии; существует ли и в какой мере национальный антагонизм; каковы производственные функции ее и отличаются ли они от производственных функций большинства. «По выяснении этих вопросов можно приступать к работе, руководствуясь следующим. Если национальность живет в полной мере одной жизнью с большинством в смысле производства, языка, быта, то специальной

¹ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286. Л. 28–29.

² ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 80.

работы вести не нужно. В том случае, если при всех данных условиях существует религиозность, вести антирелигиозную пропаганду среди всего населения, а не обособлено. К антирелигиозной пропаганде подходить осторожно и на первых порах во главу угла не ставить. Если существует национальная вражда при всех данных условиях, вести борьбу с ней также, по возможности, среди всего населения. При отсутствии знания языка большинства вести работу на собраниях, конференциях и т. д. на языке нацменьшинства, но при обязательном привлечении других национальностей, как большинства, так и других меньшинств. При различии производственных функций привлекать на собраниях и т. д. наиболее пролетаризированную часть большинства населения»¹.

Еще одним органом, напрямую участвующим в формировании национальной политики в регионе в описываемый период, был Политотдел 5-й Армии. В ее составе находилось несколько интернациональных частей, сформированных по этническому принципу и объединенных в Интернациональную дивизию. В дивизии существовали национальные партийные секции, чья деятельность была строго регламентирована. 19 февраля 1920 г. на собрании представителей всех национальных секций Иркутского губкома военком Александров отметил: «Ввиду того, что в состав Дивизии входят разные народности и, следовательно, существует у них известное тяготение к продвижению на свою родину. Дивизия как бы делится на две группы: Восточную и Западную. В первую входят корейцы, китайцы, мусульмане и др., во вторую — поляки, мадьяры, чехословаки, немцы, югославяне и др., но как у той, так и другой группы, одни и те же стремления — к скорейшему освобождению своих народностей от гнета и произвола реакционной буржуазии. Как решится этот вопрос, пока точного ответа дать нельзя».

В дивизии действовали информационный, культурно-просветительный, школьный и внешкольные отделы, спорт и театры. «Что касается школы грамотности нашей дивизии, то этот вопрос пока не решен, так как нет помещения и затем на каком языке преподавать ввиду разнородного состава дивизии трудно определить. Желательно было бы преподавать на родном и попутно проходить русский язык»².

Вопрос о соотношении родного языка и языка русского волновал не только армейское политическое руководство. Большевики неожиданно столкнулись с целым рядом проблем, имеющих «лингвистический» оттенок. Новые власти, озабоченные политической

¹ Коммунист / Орган Иркутского губернского Комитета РКП (большевиков). Иркутск. 1922. № 1. Янв. С. 34.

² ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286. Л. 5-7.

пассивностью деревни и недоверием (а зачастую и враждебностью) по отношению к себе, не сразу смогли развернуть широкую агитационно-пропагандистскую работу, например в татарских деревнях. Массовое незнание русского языка, с одной стороны, и отсутствие подготовленных кадров, знающих татарский язык, делали такую работу практически невозможной.

Самые жаркие языковые баталии развернулись «на еврейской улице». Характеризуя деятельность Евсекции, иркутские власти отмечали: «90% всего еврейского населения Иркутской губернии живет в городе Иркутске, где оно превышает 25 000 человек. Евреерабочих в Иркутске незначительный процент, остальное — элемент мелкобуржуазный. Национал-шовинисты, религиозная аристократия и буржуазные филантропы имели и по сию пору имеют огромное влияние на эти мелкобуржуазные массы. Умудренные тысячелетними скитаниями, гонениями и надругательствами, они научились ловко маскировать свои антипролетарские действия и, обдывая явно контрреволюционные делишки, может непосвященному показаться, что делается доброе коммунистическое дело на благо трудящимся. И не мудрено, что мелкобуржуазный обыватель слепо верит им. Вот с этим элементом малочисленной Еврейской секции РКП под непосредственным ведением Губкома и приходится бороться и постоянно быть на чеку».

В такой ситуации Евсекция не могла позволить себе сосредоточиться только на агитации и пропаганде. Она становилась инструментом жесткого классового контроля и подавления любых других идеологических течений. Далее в документе читаем: «Ничем не отличаясь экономически от русского населения, вся борьба коммунистов с национал-шовинистами сосредотачивается вокруг культурно-просветительских учреждений и вопросов социального воспитания и обеспечения. Все эти учреждения Секция взяла в свое ведение: школы, детские дома, театр, клуб и различные культурно-просветительские кружки и библиотеки. ...Не ограничиваясь этим, Секция открыла народную аудиторию на окраине, где живет еврейская беднота, и там каждую неделю читаются доклады, знакомящие массы с коммунизмом, ведется культурно-просветительная работа и делаются попытки привлечь массу к общественной деятельности и активной поддержке Советвласти. ...Секция также за это время закрыла религиозные хедеры, передав Губкомтруду 33 человека, обслуживающих хедеры и синагоги¹.

Уже в конце 1919 г. сионизм был объявлен «буржуазно-клерикальным» учением. Руководствуясь этим, Евсекция борьбу с сионизмом вела последовательно и энергично. Одной из побед

¹ Коммунист. 1921. № 6. Апрель. С. 17–19.

стало закрытие футбольного клуба «Маккаби»: «Секция приняла все меры к тому, чтобы клуб «Маккаби», около которого группировались реакционно-сионистские элементы, был распущен». Кроме этого, секции вменялось «обратить внимание на все еврейские культурные организации и контролировать их»¹.

Краеугольной проблемой стал вопрос о соотношении иврита («старого еврейского языка») и идиша («жаргона»). Этот вопрос имел ярко выраженную политическую окраску. С точки зрения Евсекции иврит являлся реакционным языком еврейской буржуазии и должен был быть полностью заменен идишем — языком еврейского пролетариата. Школы, где преподавание велось на иврите, равно как и периодические издания на иврите, закрывались. К концу 20-х годов иврит оказался единственным языком, объявленным в Советском Союзе «вне закона». В результате иудейское религиозное образование сделалось невозможным.

Иркутская Евсекция принимала все возможные меры для недопущения деятельности любых образовательных учреждений, где одним из предметов был бы иврит. Так, в Иркутске в свое время были закрыты школы «Тарбут», имеющие сионистскую «начинку»².

Следует понимать, что необходимость защиты и государственной поддержки идиша не определялась его самоценностью. Большевики рассматривали такую поддержку функционально, как политически необходимую, предполагая скорое вытеснение «жаргона» русским языком.

Своеобразным рубежом, ознаменовавшим новый этап в формировании национальной политики, стал 1923 год. На XII Съезде партии была наконец выработана официальная концепция национальной политики. Анализируя итоги съезда Б. Ольховый подчеркивает: «При царизме все национальные меньшинства угнетались великодержавной великорусской нацией, и наследием этой политики является недоверие к русским со стороны этих национальных меньшинств. ...В то же время наследие прошлого дает себя иногда чувствовать кой-где и в партии, когда поляка называют «полячишкой», татарина — «князем», кавказца — «восточным человеком» и т. д. Еще сильнее это сказывается на советском аппарате, где пренебрежение к интересам нацменьшинств благодаря бюрократическим извращениям этого аппарата могут давать о себе сильно чувствовать»³.

К этому моменту этническая картина в Иркутске в очередной раз изменилась. Бурятская секция была расформирована вследствие выделения Бурятской области и создания Буроблкома. Эти преоб-

¹ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 63, 80.

² ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 1-3.

³ Коммунист. 1923. №4-5-6. С. 1-5.

разования рассматривались властями, как громадный шаг к решению бурятского вопроса. Европейские иностранные группы ушли в свои государства, а те кто сделал свой выбор в пользу советского гражданства, по сути, должны были отказаться от своей этничности, по крайней мере от ее открытой манифестации¹. С уходом интернациональной дивизии 5-й Армии в регионе резко уменьшилось число корейцев и китайцев. Свою роль здесь сыграло и вытеснение этих этнических групп из сферы ручного труда рабочими-татарами. Процесс ассимиляции евреев шел полным ходом, и они перестали выступать как единая диаспорная группа. Таким образом, в сфере внимания властей остается только татарское население: «Подотдел нацмен состоит всего из одной секции – татарской (секретарь т. Сагеев). Другие секции упразднены в виду малочисленности населения соответствующей национальности»².

Складывается впечатление, что к этому моменту алгоритм взаимодействия Советской власти с национальными меньшинствами в основном сложился. В результате многовекторных поисков были сформированы административные и политические структуры, позволяющие чиновникам эффективно управлять меньшинствами. Сложился язык публичного обсуждения национальной проблематики.

Не случайным является то, что именно к 1923 г. завершился процесс секуляризации церковного имущества, что стало формальным итогом отделения церкви от государства. Но для локальных этнических групп религиозные структуры уже не играли роль повседневно необходимых институций. Они были заменены структурами нового государства. Отметим, что светская этническая идентичность предполагает ее манифестирование конкретным индивидом, что во многом определяет природу взаимодействия меньшинства с чиновниками, принимающим обществом, другими национальными группами.

К середине 20-х гг. фактически завершился переход от сословно конфессиональной идентичности к идентичности этнической. Маркирование по «национальному признаку» прочно и надолго становится элементом советского образа жизни. Принципиальным является то, что меньшинства к этому моменту тоже научились уживаться с новой властью. Более того, они встроились в структуру нового государства на принципиально иных, нежели в Российской империи, основаниях.

¹ Коммунист. 1922. № 2. С. 28

² Коммунист. 1922. № 9. С. 27.

Формы самоорганизации китайских мигрантов и хуацяо во второй половине XIX – начале XX в.

В истории китайской эмиграции XIX в. занимает особое положение. Во-первых, резко увеличилось число покидающих страну. В 1850-х гг. ежегодно выезжало около 50 тыс., а в 1870 гг. уже 155 тысяч. Отмена в 1893 г. запрета на заграничные путешествия, официальное признание поселений хуацяо усилили миграционные процессы. В 1890 - 1910 гг. Китай ежегодно покидало около 335 тыс. человек². Во-вторых, изменились маршруты эмигрантов. Если в предшествующий период китайцы обосновывались в Азии, то с 40-х гг. XIX в. началась их массовая миграция за ее пределы³.

Как минимум пять стран Тихоокеанского региона (Российская империя, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия) столкнулись с китайской миграцией. Несмотря на свои глубокие различия, их сближали религиозный (христианство) и расовый (оппозиция белый - цветной) факторы. Середина XIX в. была для них временем освоения и обживания новых земель. В середине XIX в. США и Канада прочно обосновались на берегах Тихого океана, Россия продвигалась на Амур и в Уссурийский край. Неслучайно Владивосток, Хабаровск, Портленд, Сиэтл, Ванкувер были основаны в период с 1840 по 1860 г., а Калифорния стала штатом США в том же году, когда русские впервые подняли свой флаг в устье Амура (1850). Европейское сообщество возникло в Австралии раньше, но золотая лихорадка 1851 г. в Новом Южном Уэльсе стала тем катализатором, который привел к ускорению роста поселений⁴.

Во второй половине XIX – начале XX в. в этих странах появились китайские, японские (а в России и корейские) мигранты. В результате, белые европейские политики и простые граждане/подданные, зачастую сами вчерашние мигранты, оказались вынуждены жить бок о бок с выходцами из цивилизационно отличающейся конфуцианско-буддийской Восточной Азии. Вскоре во всех этих странах были артикулированы возникшие проблемы. Кратко их можно сформулировать так: китаец – это Другой; китаец не ассимилируется; с китайцем невозможно конкурировать; китайцы хорошо

¹ Нестерова Елена Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета.

² Encyclopedia of Diasporas: Immigrant and Refugee Cultures Around the World. V. 2. /Ed.: Ember M., Ember C. R., Skoggard I. Boston: Springer, 2005. P. 69.

³ Daniels R. Asian America: Chinese and Japanese in the United States since 1850. Seattle, L., 1998. P. 10.

⁴ Habecker D. E. Russian urban administration and the Chinese, Koreans and Japanese in Vladivostok, 1884-1922. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. 2003. P. 10-11.

организованы, поэтому приходится иметь дело не с отдельно взятым человеком, а с организацией. Все это актуализирует проблему «желтой опасности».

Можно выделить несколько факторов, способствовавших созданию подобной ситуации. Во всех странах происходил численный рост китайцев¹, некоторые сферы деятельности оказались либо монополизированы, либо в значительной степени сосредоточены в их руках²; работодатели отдавали предпочтение дешевому китайскому труду³; в городах возникают чайнатауны, жизнь в которых плохо поддается контролю. В чем причина жизнеспособности и успешности «китайской прививки»? В данной статье рассматриваются основные кластеры (сегменты) сообществ хуацяо (по Л.В. Криссману) и те формы социальной организации китайцев, которые облегчали процесс адаптации мигрантов к новой среде.

Меняем оптику: сообщество или сообщества хуацяо в городах?

При описании китайской эмиграции и анализе китайских сообществ за границей используется критерий этнической принадлежности. Для удобства в качестве единицы анализа берется сообщество китайцев. В своей знаменитой статье Л.В. Криссман показал, что критерий этнической принадлежности является удобной аналитической категорией, однако заграничные китайцы имели и имеют более сложную многоуровневую идентичность, делают много различий между собой, и соответствующая этническая принадлежность является относительной и ситуативной. Китайское сообщество в городах нельзя рассматривать как гомогенное, оно

¹ В 1900 г. в США насчитывалось 90 тыс., в Приамурском генерал-губернаторстве 51801 китайский мигрант (Скрозникова В.А. Китайцы США // Расы и народы – 1990. М., 1990. С. 228; Сорокина Т.Н. Китайская иммиграция на Дальний Восток России в конце XIX – начале XX в. // Исторический ежегодник. Омский гос. ун-т. Омск, 1999. С. 20).

² В Калифорнии в 1870 г. 57,3% всех рудокопов, в 1880 г. около 70% сезонных сельскохозяйственных рабочих составляли китайцы. К 1866 г. половина всех сигаретных фабрик, а к 1870 г почти все прачечные в Сан-Франциско принадлежали китайцам. На Дальнем Востоке китайские рабочие, занятые в золотодобывающей промышленности, в 1906 г. составляли 20%, а 4 года спустя – 82,7%. (Бирюков В.И. Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М., 1983. С. 11, 14; Sigelbaum L. H. «Yellow Peril»: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // Modern Asian Studies. 1978. Vol. 12, part 2. P. 325).

³ В середине 80-х гг. китайцы на строительстве дока во Владивостоке получали не более 85 коп. в день (русские рабочие - 1-1,5 рубля). Часто китайские рабочие соглашались работать за зарплату на 20 – 50% , а то и на 70% меньше, чем русские рабочие соответствующей специальности (Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в: дис. . . . д-ра. ист. наук. Владивосток, 1998. С. 269).

состоит из различных сегментов¹, важнейшими из которых, являются объединения по месту происхождения, языковой (диалектарной) принадлежности, роду занятий, тождественности фамилий. Мигранты в Юго-Восточную Азию, а затем и в США, Австралию, Канаду, как правило, были выходцами из двух провинций Гуандуна и Фуцзяни. В начале XIX в. переселение в северную Маньчжурию финансировались торговцами из Шаньси, уже обосновавшимися в Южной Маньчжурии². По всей вероятности, первая волна поселенцев состояла, прежде всего, из шаньсийцев. К концу XIX в. большинство иммигрантских групп происходило из Шаньдуна и Чжили. На российский Дальний Восток прибывали уроженцы или жители Южной Маньчжурии, провинций Шаньси, Шэньси, Шаньдун, Чжили³.

Общим местом стал тезис о диспропорции половой структуры мигрантов. Перед Первой мировой войной женатые эмигранты обычно оставляли жен и детей дома под присмотром своих матерей. Многие холостяки возвращались домой на короткий срок, чтобы жениться на девушках, выбранных родителями⁴. Во Владивостоке, согласно переписи, проведенной 13 марта 1883 г., на 2419 мужчин-китайцев приходилось 9 китайенок⁵. В 1900 г. в Хабаровске проживало 2100 китайцев и 7 китайенок, в том же году женщины составляли только 20% от китайской общины в Сингапуре. Перед Второй мировой войной в Маниле на 6 китайцев приходилась одна китайка⁶. Вплоть до Первой мировой войны сообщества хуацяо называются сообществами холостяков. Анализ ситуации усложняется, если будет учтена «региональная оптика», так как существовали различия в соотношении мужчин и женщин в диалектарных группах. Так, в Сингапуре в 1880 г. практически не было хайнаньских женщин, в кантонской общине женщины составляли 3 процента, а в общинах чаошаньской диаспоры (восток провинции Гуандун), выходцев из Фуцзяни и хакка, их численность составляла от 7 до 10 процентов.

Гендерный дисбаланс, по мнению Криссмана, проливает свет на характер китайской миграции. Китайцы выезжали за границу не

¹ Crissman L. W. The Segmentary Structure of Urban Overseas Chinese Communities // *Man, New Series*. 1967. Vol. 2, No. 2. P. 190.

² Lee R.H.G. The Manchurian Frontier in Ch'ing History. Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, 1970. P. 98 – 99.

³ Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток, 1973. С. 35.

⁴ Crissman L. W. *Op. cit.* P. 187.

⁵ Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России. Вторая половина XIX — начало XX в. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 231.

⁶ Crissman L. W. *Op. cit.* P. 186; Жуков А.М. Китайцы в Хабаровске // Третьи Гродековские чтения. Хабаровск, 2001. Ч. 1. С. 56.

потому что хотели начать там новую жизнь, они покидали родные места под давлением обстоятельств. Отъезд из дома рассматривался как временная мера, позволяющая заработать денег, поддержать материально семьи на родине и разбогатевшим вернуться. Достаточно вспомнить популярный сюжет лубочных картин: «Разбогатевший на чужбине возвращается в родной дом»¹.

Родственные и земляческие узы, подкрепленные экономическими выгодами, были настолько сильны в старом Китае, что потомки лиц, осевших в городах, веками продолжали считать себя уроженцами первоначального места обитания семьи. Тот же принцип действовал и в отношении хуацяо. На родине их продолжали рассматривать как членов общины. Их членство передавалось сыновьям, рожденным за границей, а они в свою очередь передавали его своим сыновьям. Это патрилинейное наследование деревенского членства привязывало к Китаю тех людей, которые никогда не видели страну своих предков². Акцентируя внимание на том, что сохранение актуальности происхождения (места исхода) является одной из существенных черт китайских сообществ за границей, Криссман отмечал важную роль диалектарных различий. Среди выходцев из провинций Гуандун и Фуцзянь можно выделить как минимум пять больших диалектарных групп (носители диалектов хакка, фуцзяньского, кантонского, чаочжоу, хайнаньского). Подобная языковая дифференциация, пусть и в меньшей степени, актуальна и для китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке.

Тот или иной диалект, говор были связаны с определенной областью, округом, а иногда и более мелкой единицей – деревней. Эти речевые отличия обеспечивали обособление более мелких сообществ в пределах групп, выделявшихся по месту исхода. Причем, как отмечает Криссман, такое деление бывает очень дробным – речевые сообщества могут дробиться на сегменты, основанные на округах или группах округов, которые в свою очередь сегментировались на основе меньших территориальных единиц вплоть до деревни.

Достаточно часто среди эмигрантов из южных провинций, где традиционно была сильна клановая система, формировались объединения, основанные на общности фамилии. Они воспринимались как привычные объединения родственников, хотя на деле обычно реального родства не было³. Иногда подобные отношения возникали не на индивидуальном, а на групповом уровне. Между группами людей, носящими разные фамилии, устанавливались подобные ква-

¹ Малявин. Китайская цивилизация. М., 2000. С. 156.

² Crissman L. W. Op.cit. P. 186.

³ Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1986. С. 18.

зиродственные отношения, основанные на договоре побратимства, заключенном в далекой древности.

Прослеживается отчетливая тенденция: эмигранты отправлялись в те места, где уже обосновались их земляки. Это подтверждают, в частности, и немногие доступные нам биографии китайских предпринимателей на русском Дальнем Востоке.

Зачастую наблюдается монополизация того или иного вида деятельности выходцами из определенного места: в Пномпене плотники и механики — кантонцы, сапожники и торговцы традиционными лекарствами — хакка, владельцы ресторанов и гостиниц — хайнаньцы. Практически вся оптовая и розничная торговля в городах и деревнях Маньчжурии сосредотачивалась в руках шаньсийцев¹. Часто эта специализация не имеет никакого отношения к региональной специализации в Китае, занятия, монополизированные носителями определенной диалектарной группой в одном месте, в других местах могут быть монополизированы другими. Таким образом, к сегментированию по географическому, языковому принципу может быть добавлено еще и профессиональное.

Крисман отмечает, что в некоторых случаях все китайское сообщество едино и выступает вместе, в других же ситуациях различные объединения могут действовать друг против друга как самостоятельные субъекты. Противники в одном являются союзниками в другом². При изучении китайской диаспоры необходимо учитывать все эти факторы. Это может существенно скорректировать представления о структуре и внутреннем устройстве общин хуацяо.

¹ Среди шаньсийцев традиционно было развито занятие торговлей. Чуть ли не каждая вторая-третья семья в Шаньси так или иначе была связана с торговлей. «Сфера деятельности шаньсийских дельцов охватывала практически всю страну — от Монголии до Гуандуна, от Цзинани до Цинхая. Их корпорации (сибан) активно действовали . . . в северных провинциях и Маньчжурии» (Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII — нач. XX в. М.: Вост. лит., 2005. С. 210). Л. Шренк, посетивший Маньчжурию и Амурский край в 1855 — 1856 гг., отмечал, что шаньсийцы — предприимчивые, практичные и ловкие люди, завладевшие, благодаря своей неутомимой деятельности, всю мелочной и оптовой торговлей в городах и деревнях Маньчжурии». При этом он отмечал, что шаньсийцы «лишь редко и неохотно поселяются навсегда в Маньчжурии» (Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб., 1883. С. 63). Спустя почти 20 лет это наблюдение подтверждает Я. Барабаш: «Шаньсийцы, ловкие торговцы, овладели всю оптовую и мелочной торговлей, по городам и деревням, и поставили маньчжуров, в этом отношении, в полную от себя зависимость. Они чаще принадлежат к временным обитателям Маньчжурии» (Барабаш Я. Сунгарийская экспедиция 1972 года // Военный сборник. 1874. № 2. С. 323). За шаньдунцами и чжилийцами закрепилась репутация умелых земледельцев. Тот же Шренк писал: «Шаньдун, Чжили доставляет Маньчжурии по большей части трудолюбивых, способных и навсегда в ней остающихся хлебопашцев и ремесленников» (Шренк Л. Указ. соч. С. 63). И опять почти слово в слово подтверждает Я. Барабаш: «Чжилийцы и в особенности шаньдунцы, опытные земледельцы, захватили земледелие в свои руки, а также всю городскую и сельскую промышленность. (. . .) Эти переселяются в Маньчжурию навсегда» (Барабаш Я. Указ. соч. С. 323).

² Crissman L. W., Op. cit. P. 193.

Китайцы на родине: формы социальной организации в конце XIX — начале XX в.

Изучая структуру городских поселений хуацяо, Криссман сделал важное наблюдение: несмотря на то, что они подвергались сильно-му ассимиляционному давлению, можно выделить сходные способы самоорганизации. Это дает возможность описать китайские городские сообщества Юго-Восточной Азии, Северной Америки и России в терминах одной и той же модели. Однообразие модели свидетельствует, что формы социальной организации городских хуацяо создавались в Китае, а затем адаптировались в зависимости от местных условий¹.

Действительно, с развитием внутренней колонизации и урбанизации в Китае происходят существенные изменения в структуре расселения: люди, покидая перенаселенные районы, отправляются на новые места. При этом вырабатываются институциональные формы, методы и способы самоорганизации, способные помочь мигрантам в решении возникающих проблем. Рассмотрим их более предметно, опираясь на базовые организационные принципы (общность места исхода; общность профессии; общность фамилии², общность языка (говора, диалекта)).

Отличительной особенностью китайского общества является многочисленность различных социальных объединений, пронизывающих его как по вертикали, так и по горизонтали.

Традиционная социальная структура Цинского Китая в общем виде может быть описана формулой: родовая и служилая знать плюс система ши-нун-гун-шан. Помимо сословной и этнической дифференциации, существовала клановая система, многоступенчатая система организации цехогильдий, торговых и ростовщических хуэйгуаней, тайных обществ (хуэйданов) и религиозных сект (цзяо-мэнь).

Власть в государстве была сосредоточена в руках гражданской бюрократии, комплектовавшейся из знатоков конфуцианства, мыслившегося как основа, обеспечивавшая гармоничное существование общества. Чтобы стать частью сословия ши, человек должен был успешно сдать экзамены. Будучи своеобразным «социальным лифтом», экзамены обеспечивали не только социальную, но и географическую подвижность. Остальное население делилось на земледельцев (нун), ремесленников (гун), торговцев (шан). Крестьяне, составлявшие большинство

¹ Crissman L. W., *Op. cit.* P. 185.

² Wing Chung Ng, *Urban Chinese Social Organization: Some Unexplored Aspects in Huiguan Development in Singapore, 1900-1941* // *Modern Asian Studies*. 1992. Vol. 26. № 3. P. 477.

населения, считались основой государства, их труд был социально одобряем. Торговцы, занимая низшую ступень, всегда находились «под подозрением двора как люди, наживающиеся на труде простых людей, но все же они не считались вовсе бесполезными для общества, поскольку способствовали «обращению товаров в Поднебесной»¹. Однако идеальная модель противоречила потребностям реального общества, где торговля была важным элементом в экономике. Богатый торговец зачастую обладал большей властью, чем зажиточный земледелец, хотя последний и мыслился основой государства.

В ходе миграций вырабатываются формы, методы и способы самоорганизации. Чаще всего торговые, ремесленные, торгово-ремесленные ассоциации мигрантов представлены в виде: банов (ассоциации взаимопомощи); хуэйгуаней (huiguan) («Здания собрания») – формирования, в основе которых лежит критерий общности географического происхождения ее членов (Tongxiang); гунсо (gongsuo) («Общественные залы») – организации, базирующиеся на общности профессии (tongye). С конца XVIII в. возникающие объединения мигрантов все чаще стали именовать гунсо (gongsuo), а не хуэйгуань. Это название акцентирует внимание на общности занятия, а не на общности географического происхождения его членов. Однако иногда эти термины могут использовать как синонимы².

Бань представляли собой землячества, организованные по принципу ремесленного цеха или землячества торговцев-посредников, маклеров и комиссионеров³. По мнению Вин Чуна именно бан является первичной, базовой формой самоорганизации мигрантов, а возникновение других ассоциаций – региональных, фамильных, профессиональных – есть результат дальнейшей сегментации⁴. По китайским представлениям любой мигрант оставался представителем своей семьи и родной округи и должен был рано или поздно вернуться домой. Бан был явлением, заметным в китайском обществе и дома, и за границей. В зависимости от уникального субэтнического состава сообщества бан мог обозначать коллективную идентичность и социально-экономическое объединение группы мигрировавших торговцев и/или чернорабочих. Члены бана были выходцами из определенной территории, которая могла включать

¹ Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2000. С. 144.

² Kwang-Ching Liu. Chinese Merchant Guilds: An Historical Inquiry // *The Pacific Historical Review*. 1988. Vol. 57, No. 1. P. 13.

³ Непомнин О.Е. Указ.соч. С. 188.

⁴ Wing Chung Ng. *Ibid.* P. 472.

всю макрообласть, ее часть, провинцию, или конгломерат различных префектур и районов¹.

О.Е. Непомнин указывает, что основное отличие банов от хуэйгуаней - отсутствие во владении первых постоянного двора, подворья². Рассмотрим эти типологически сходные организации более подробно на примере хуэйгуаней.

Хуэйгуань³ - легальная организация, основной задачей которой являлась помощь в решении проблем, возникающих у мигрантов (пусть даже речь идет о внутренней миграции). Членом каждой такой ассоциации мог быть выходец (только мужчина) из определенной местности Китая, постоянно или временно проживающий вне своей малой родины. Местным населением такие мигранты воспринимались как чужие.

Самые ранние хуэйгуани, созданные образованными людьми (учеными, литераторами), возникли в Пекине в период правления императора Юнлэ (1403–1424). К концу династии Мин хуэйгуани начали появляться за пределами Пекина. Причем они уже создавались не только образованными людьми, но и торговцами, ремесленниками, квалифицированными рабочими, чернорабочими и даже крестьянами⁴. Эта тенденция получает развитие и в эпоху Цин.

Цю Пэншэн (Qiu Pengsheng) рассматривает процесс «оформления» хуэйгуаней в Сучжоу следующим образом: «заинтересованные отдельные ремесленники и купцы собирают коллег по признаку общего места происхождения, религиозных убеждений, осознающих необходимость помогать друг другу, и формируют группу. Они организуют сбор средств для найма (покупки) места для встреч и ищут способы установить связи с местной администрацией. На втором

¹ Там же. P. 472.

² Непомнин О.Е. Указ. соч. С. 188-189.

³ Тип организации, название которого на русский язык переводят и как землячества, и как гильдии. В европейских языках используются термины fellow-regional association, Landsmannschaften, guild, по-китайски их наиболее часто называют хуэйгуань (会馆) (Huiguan, hui-kuan), хуэйфан (hui-fang), гунхуэй (kung-hui), гунсо (kung-so), хуэйсо (hui-so), цзяо (chiao), цзяохуэй (chiao-hui), гунихуэй (kung-i hui). Термин хуэйгуань (huiguan) уже в XVIII в. использовался торговцами-земляками для названия их собственных ассоциаций в Пекине и других городах. Впервые термин «Landsmannschaft» для описания китайских гильдий использовал Д. Макгован в работе "Китайские гильдии или торговые палаты и тред-юнионы (Подробнее см.: Kwang-Ching Liu. Op. cit. P. 9. Ma L. E. A. Fellow-regional Associations in the Ch'ing Dynasty: Organizations in Flux for Mobile People. A Preliminary Survey // Modern Asian Studies. 1984. V. 18. № 2. P. 307-308; Kwang-Ching Liu. Op. cit. P. 9).

⁴ Ma L. E. A. Op. cit. P. 310.

этапе формализации осознаются и обсуждаются меры по охране и использованию общей собственности»¹.

Максимум подобных организаций создается при династии Цин в период между правлениями Цяньлуна (1736–1795) и Гуансюя (1875–1908). За это время их возникает больше, чем в остальные периоды, за исключением начала 1920-х – 1930 гг. К концу правления династии Цин в городах насчитывалось более 800 землячеств. Объединения, возникшие во время правления династии Цин, являются классической формой традиционных хуэйгуаней.

Наибольшее число этих организаций во второй половине XIX в. располагалось в многочисленных прибрежных городах, в больших городах вдоль Янцзы и Хуанхэ, на активно урбанизовавшихся территориях, а также в большинстве областей, где возникали новые китайские поселения (Сычуань, Тайвань, Маньчжурия и Юго-Восточная Азия). Ассоциации типа хуэйгуань могли располагаться не только в городах, но и в деревнях, особенно это касается пограничных районов².

Джон Берджесс (John Burgess), имевший возможность в 1920-е гг. в Пекине побеседовать с их представителями, выделил их наиболее характерные черты:

1. Носят локальный характер и ограниченную сферу деятельности.
2. Их цель – сохранение благосостояния всех членов группы.
3. Отношения между работодателями, работниками и учениками основываются на личных и близких отношениях.
4. Решают задачу ограничения конкуренции между своими членами.
5. Ведут солидарную борьбу против других гильдий, покупателей, работодателей, администрации.
6. Являются собственниками корпоративного имущества, приобретенного за счет членских взносов³.

Все известные на сегодняшний день организации подобного рода Л.И.А. Ма разделила на четыре основных типа:

– *ассоциации, созданные чиновниками*. Подобные объединения начинались как общежития (гостиницы) для путешествующих чиновников и их окружения и оставались таковыми в течение всего времени существования. Часть из тех, что возникла позже, изменила правила, позволив пользоваться комнатами кандидатам, приехавшим на сдачу конфуцианских экзаменов. Финансовая

¹ Цит. по: Moll-Murata C. Chinese Guilds from the Seventeenth to the Twentieth Centuries: An Overview // International Review of Social History. 2008. V. 53. Suppl.: Return of the Guilds. P. 217.

² Ma L. E. A. Op. cit. P. 308.

³ Burgess J. S. The Guilds of Peking. New York: Columbia University Press, 1928. P. 211-212.

поддержка и управление этими землячествами чаще всего ложились на чиновников и купцов, выходцев из «материнской» области. Хотя правилами запрещалось ночевать в общежитии или хранить там товары, но иногда купцы могли использовать эти помещения для встреч или других коммерческих целей. Отмена конфуцианских экзаменов в 1906 г. сделала подобный тип анахронизмом, в результате чего часть из них перестала существовать, а другая – трансформировалась¹.

- *торговая ассоциация*². Большинство торговых хуэйгуаней были созданы в эпоху Цин. Все члены торгового хуэйгуаня были приезжими, выходцами из определенной области Китая. На начальном этапе регион, представленный любым торговым хуэйгуанем, имел тенденцию определяться географически узко, почти никогда не включая больше одной географической единицы, обычно ограничиваясь одним городом, областью (чжоу, чоу) или даже уездом (сянь, hsien). Иногда представители соседних областей или уездов могли объединиться, создав общую организацию. Однако создание такого объединения не отменяло существование уездного или областного землячества³. В позднюю Цин появляются организации выходцев из несмежных областей нескольких провинций. Некоторые торговые землячества принимали всех купцов-земляков, уже участвующих в торговле или приступающих к ведению дел, другие – только руководителей торговых фирм или руководителей крупнейших торговых домов. В ряде случаев фирма могла делегировать только одного члена, как правило, владельца крупного торгового бизнеса. Это означало, что многие торговые хуэйгуани насчитывали всего от двадцати до тридцати человек, но их влияние намного превосходило эти скромные размеры.

Во главе торговых землячеств, как правило, стояли богатейшие купцы. В позднюю Цин распространяется практика покупки ими степени цяньшена или эквивалента, что резко повышало социальный статус, делая их в равной степени и псевдочленами мужами и торговцами.

На начальном этапе для существования землячества как формальной организации необходимо было, чтобы группа земляков могла собраться, определить структуру организации и принципы работы. Для этих целей землячества приобретали помещения для проведения собраний, содержали общежитие (комнаты, где можно было остановиться, оставить на хранение товары) и храмы.

¹ Ma L. E. A. Op. cit. P. 310–311.

² По-китайски: ханхуэй (hang-hui), цяюхан (chiao-hang), гунсо (kung-so). На английский и русский языки термин обычно переводится как гильдия (Малявин В.В. Указ. соч. С. 153).

³ Ma L. E. A. Op. cit. P. 316.

Здание конторы для членов хуэйгуаня являлось общественным и религиозным центром. Социальные и религиозные функции были теми средствами, которые формировали чувство реальной общности (единства, солидарности) участников. Храм и вероисповедание оставались значимыми для самоопределения. Кван Цинлю отмечает, что хуэйгуань не был тем местом, где можно было поклоняться своим предкам, тем более не имело смысла поклоняться предкам других людей. Конфуцианство было монополизировано имперской властью, и жертвоприношения Конфуцию тоже не могли совершаться в подобных храмах. Оставалось поклоняться божествам из народного пантеона. Часто главный бог или богиня, почитаемые членами хуэйгуаня, происходили из места выхода мигрантов. Среди наиболее распространенных культов можно отметить культы Гуанди, бога войны, иногда он представлялся как бог процветания; Цайшэна – бога богатства; Императрицы Небес. Все эти божественные покровители склонны к исполнению индивидуальных просьб и пожеланий удачи и успеха¹. Иногда главный бог или богиня, чей алтарь был сооружен землячеством, почитались местным населением, так как их культ мог быть связан с выполнением важных и для принимающей стороны функций (например, прекращение засухи). Это обеспечивало престиж землячества и его участников.

Занимались торговые землячества и благотворительной деятельностью, оказывая помощь во время голода, выделяя деньги на охрану и т. п. Одна из самых распространенных функций – содержать место временного или постоянного погребения (yizhong) для тех, кто умер на чужбине и чьи семьи не имели средств для доставки тела на родину². Многие торговые хуэйгуани создали для занятия благотворительностью специальные подразделения шаньтан.

Однако торговые хуэйгуани не были ритуальными ассоциациями, их основывали для коллективного решения вопросов, возникающих у прибывших купцов на местном рынке. Помещение хуэйгуаня служило местом встречи для обмена информацией о состоянии рынка, обсуждения динамики цен, изменений в спросе на некоторые продукты, способов увеличения продаж и выбора эффективных стратегий, а также, конечно, о подрыве деятельности конкурирующих торговых групп³.

¹ Kwang-Ching Liu. Op. cit. P. 11.

² Там же. P 11.

³ Schottenhammer Angela. Brokers and "Guild" (huiguan) Organizations in China's Maritime Trade with her Eastern Neighbours during the Ming and Qing Dynasties // http://www.eamh.net/downloads/aktuell2009/Abstract_Schottenhammer_paper_Taipei_20091006.pdf

Главной функцией была взаимовыгодная регуляция бизнеса участников. Если это было возможно, они обеспечивали монополию для земляков в торговле или определенных отраслях. Хуэйгуани устанавливали и контролировали норму веса и меры; иногда нанимали писца, чьи услуги были доступны для всех членов; устанавливали цены и использовали другие формы регулирования рынка; арендовали или содержали складские помещения для хранения товаров; насколько это было возможно, развивали межрегиональные маркетинговые сети, продвигающие продукцию, на которой они специализировались. Ряд их функций не был непосредственно связан с бизнесом. Многие торговые землячества гарантировали определенные формы правовой помощи, включая, если это было необходимо и выполнимо, ведение судебных процессов в суде. Во второй половине XIX в. часто местные чиновники в ряде главных коммерческих центров прибегали к их помощи для сбора налогов.

— *профессиональное (ремесленное) объединение*. Состояло из всех неместных земляков-рабочих и обычно (но не всегда) владельцев предприятий¹. Эти ассоциации не были многочисленными, так как большинство отраслей находилось во власти местных жителей. Ремесленное землячество поддерживалось и возглавлялось купцами, которые наряду с секретарем являлись его членами. Членство было обычно обязательно для всех земляков, вовлеченных в данный вид ремесла или определенный вид деятельности².

Основная цель профессиональных хуэйгуаней — защитить деловые интересы своих земляков от давления местного населения, урегулировать условия производства, в идеале — установить монополию для своих земляков в производстве товаров и услуг определенного вида. Практически не вмешиваясь в процесс производства, они вырабатывали строгие правила для учеников и определяли то, как должен функционировать институт ученичества. Кроме регулирования профессиональной деятельности они выполняли широкий спектр социальных функций: похороны неимущих членов, распределение лекарств, оказание юридических услуг при конфликтах с посторонними, разбор дел и вынесение решения в случае конфликта между участниками. Некоторые рассчитывали найти помощь в случае голода, для создания неофициальных полицейских патрулей в тех частях города, где располагались их фирмы и т. п.

¹ Иногда в подобные объединения входили выходцы из разных провинций, занимавшиеся одним видом деятельности, т.е. объединение по профессиональному признаку.

² Ma L. E. A. Op. cit. P. 313.

Конторы обычно были и религиозными центрами, и местом встреч. Одним словом, они были организациями, бравшими на себя функции религиозных, социальных, благотворительных институтов, деятельность которых содействовала бизнесу, формировала приток рабочей силы при сохранении главного приоритета: обеспечение преимущества для своих земляков¹. Подобно торговым землячествам к концу Цин некоторые начали расширять свои «территориальные границы», объединяя выходцев из разных областей.

- «переселенческое землячество». Этот тип стал самым заметным в областях - реципиентах миграционных потоков и за пределами Китая. Здесь хуэйгуани играли важную роль в процессе адаптации мигрантов и эмигрантов.

Некоторые хуэйгуани с самого начала объединяли всех земляков вне зависимости от их рода занятий, т. е. в их состав могли входить и чернорабочие, и переселенцы-крестьяне и т. п. Другие были тесно связаны с торговыми ассоциациями. В процессе их формирования чрезвычайно велика роль торговцев, которые наряду с секретарем зачастую занимали должности в ассоциации. Именно купцы обеспечивали капиталом, необходимым для постройки (покупки/аренды) здания; помогали с рабочими местами и кредитом. Через их торговые контакты осуществлялась связь между новой областью и домом, передавалась необходимая информация на родину, давались советы, благодаря чему их земляки с минимальными потерями могли добраться до новой области и закрепиться в ней. Купцы же были связующим звеном между мигрантами и местной администрацией.

Зачастую правительственные чиновники поддерживали юридическую власть хуэйгуаней над их участниками, отказываясь слушать дела, касавшиеся членов землячества, и передавая их на рассмотрение руководителей этих организаций. Иногда, если член ассоциации пытался обжаловать решение (приговор) своих властей, обратившись за помощью к государственному чиновнику, последний оставлял это решение без изменений. В некоторых случаях чиновники требовали, чтобы хуэйгуани ввели специальные налоги и выполняли другие гражданские функции. Таким образом, им вменялась квазибюрократическая функция, объемы которой могли варьироваться в зависимости от местных условий².

По функциям переселенческие хуэйгуани для земляков были основными институтами управления, социальными и религиозными центрами. Они помогали найти работу, получить

¹ Ma L. E. A. Op. cit. P. 314.

² Fewsmith J. From Guild to Interest Group: The Transformation of Public and Private in Late Qing China // Comparative Studies in Society and History. 1983. Vol. 25. №. 4 P. 623.

кредит, предоставляли точную информацию и формировали чувство общности. Если обстоятельства позволяли, то они действовали и как формы самоуправления, и как буфер между иммигрантами и враждебным окружением. Как и другие типы ассоциаций, они содержали общежитие, открытое для всех земляков. Почти все, а возможно, все были связаны с храмом или проводили религиозные обряды, в которых участвовало все землячество. Общество осуществляло социальную защиту и участвовало в благотворительных акциях, улаживало ссоры между земляками, а в некоторых случаях обеспечивало юридическую помощь участникам, вступившим в конфликт с лицами, не являвшимися членами организации. Рост их численности наблюдается во время правления династии Цин, что связано с интенсификацией внутренних миграционных процессов и эмиграцией.

Иногда лидеры различных землячеств, объединяясь, создавали федерации. Многие из них обладали огромной властью. Достаточно вспомнить возникший в Чунцине во время правления Даогуана (1820—1850) Башэн хуэйгуань (Pa-sheng hui-kuan), представлявший как перед правительственными чиновниками, так и перед местными жителями, коллективные интересы восьми провинциальных землячеств¹.

Иногда крупные ассоциации, располагавшиеся в городах, выступали с инициативой создания новых хуэйгуаней на еще не освоенной выходцами из данного региона территории. Такие «дочерние» землячества оставались зависимыми от родительской организации, хотя они и имели на новом месте свою контору, храм. Их руководители обычно приглашались на собрания руководителей «родительского» землячества.

Таким образом, «региональные ассоциации» в традиционном Китае создавались для улаживания внутренних споров и конфликтов; защиты интересов своих участников в тяжбах с посторонними; защиты участников от местных чиновников и от давления других групп; для монополизации определенных ремесел, торговли, видов деятельности; взаимопомощи; обеспечения религиозных и культурных потребностей (поклонение региональному божеству, сохранение региональной идентичности — прежде всего диалекта, кухни); оплаты транспортировки тел умерших на родину, содержания мертвецкой, где тела ждали бы отправки, и кладбища; организации похорон для самых бедных членов; обеспечения коммуникации между членами общества и их родными в Китае².

¹ Ma L. E. A. Op. cit. P. 318.

² Gary G. Hamilton. Regional Associations and the Chinese City: A Comparative Perspective // Comparative Studies in Society and History. 1979. Vol. 21. № 3. P. 351.

В 1890-х гг. в Маньчжурии насчитывалось десять хуэйгуаней, представлявших в общей сложности 8 китайских провинций. Три хуэйгуаня было создано выходцами из провинции Шаньдун, два – шаньсийцами, два – мигрантами из трех провинций – Цзянси, Цзянсу и Чжэцзян и по одному от Чжили, Фуцзяни и Аньхой. Все они, за исключением Чжилейского, начинались как торговые землячества, частично или полностью трансформировавшись в период поздней Цин в переселенческие.

У маньчжурских хуэйгуаней были более широкие функции, вытекающие из большего по численности и разнообразию членства¹. Помимо оказания помощи землякам, жившим в городах, по крайней мере, одна из этих организаций – Шаньсийское землячество – помогала с кредитом людям, пытавшимся осесть в сельской местности. Существовала еще и такая организация, как Тахуэй, переселенческое землячество, защищавшее китайцев Инкоу. К началу 1880-х гг. она осуществляла контроль над торговлей и китайской частью порта. В ее обязанности входило содержание дорог, осуществление юрисдикции над общинными землями, помощь бедным, выполнение функций торговой палаты. Она облагала налогом товары, управляла местным денежным рынком и т. п.

Очевидно, что хуэйгуани обладали значительной властью над своими членами и имели возможность обеспечить их защиту в случае необходимости. В основе защиты интересов группы лежало коллективное действие ее участников. Оно могло быть направлено против конкретных членов ассоциации (исключение из организации), против действий иностранцев и даже против финансовых требований чиновников. Случай, произошедший в 1883 г., иллюстрирует эффективность действия ассоциации. Несогласные с новыми гильдейскими правилами и ценами на чай, иностранные купцы решили бойкотировать гильдию чая Ханькоу. Чаеоторговцы запретили всем участникам продажу чая иностранцам. Последним пришлось согласиться с предложенными китайцами условиями².

Несмотря на то, что коллективная власть этих организаций была велика, государственными законами природа и объем этой власти не регулировались. Свод законов Цинской империи и Уголовный кодекс содержат мало торговых кодексов и не упоминают о гильдиях. Законодательство регулирует деятельность торговцев лишь по отдельным вопросам. Правительство не регулировало юридическую

¹ Японцы, изучавшие этническую ситуацию в Южной Маньчжурии в 1920-х гг., установили, что более половины жителей в старых деревнях были шаньдунцами или их потомками. Вторая по величине группа произошла от мигрантов из Чжили.

² Fewsmith J. Op. cit. P. 621.

основу создания и деятельности ассоциаций. Они возникали вне сферы деятельности и независимо от государства, создавая свои правила, реализовывавшиеся собственными способами и методами. Таким образом, юрисдикция подобных объединений была в значительной степени автономна, но эта автономность не была признана и регламентирована законом. Эти ассоциации могли пользоваться местными обычаями или уповать на великодушные чиновников, но, отстаивая свои дела в суде, они не могли сослаться на общепринятую норму¹.

Не всегда сам факт существования землячеств мог решить возникавшие проблемы, иногда, наоборот, их присутствие порождало новые. Л.И.А. Ма показала, как формируется напряженность между представителями разных волн миграции. Первые мигранты, обосновавшиеся в Сычуани, часто женились на местных женщинах, перенимали их диалект и многие локальные обычаи. К XIX в. потомки мигрантов, осевших здесь в начале династии Цин (включая большинство, если не всех, лидеров землячества), очень отличались от недавно прибывших. К тому же «старожилы», как правило, были более богатыми. Естественно, эти факторы стали источником трений. Две волны мигрантов даже начали обращаться друг к другу, используя разные названия «старшие поселенцы» и «вновь прибывшие». Подобная ситуация привела к тому, что в конце XIX в. на волне движения за реформы возникают новые организации².

Представляется возможным выделить в качестве одного из вариантов переселенческого хуэйгуаня - хуэйгуани, созданные хуацяо. Эти хуэйгуани, как правило, поддерживали связи с материнскими организациями, расположенными или в родной области или в порту, из которого мигранты покидали Китай. Правление хуэйгуаня обычно составляли богатые торговцы, поддерживавшие формальные связи с администрацией принимающей стороны. Функции хуэйгуаней в заграничных сообществах включали юридическую защиту, некоторые полицейские обязанности. Часто они содержали общежития, занимались благотворительностью (похороны, различные формы взаимопомощи), кредитовали иммигрантов и были своеобразной «биржей труда», благодаря которой работодатели могли подыскать себе служащих. В качестве подразделений они содержали торговые или ремесленно-торговые организации. В некоторых сообществах хуацяо объединялось несколько хуэйгуаней, организовывавших федерации, подобные Башэн хуэйгуань в Чуньдине и Тахуэй в Инкоу, которые выступали от имени всего заграничного китайского сообщества.

¹ Fewsmith J. Op. cit. P. 622.

² Ma L. E. A. Op. cit.

В начале XX в. появляются новые формы организации китайских торговцев и предпринимателей, в том числе и у мигрантов, обеспечивавшие связь между торговцами и правительством и отчасти взявшие на себя ряд функций хуэйгуаней. В это время китайская политическая элита начинает осознавать необходимость создания коммуникационных каналов между торговцами и правительством. Чиновники, выполнявшие посреднические функции, в изменившихся политических условиях не справлялись со своей ролью. Они не имели ни знаний, ни желания помочь торговцам. В 1901 г. Шэн Сюаньхуай, назначенный Цинским двором уполномоченным представителем на переговорах по пересмотру торговых соглашений в Шанхае, обнаружил, что иностранные торговые палаты регулярно собирали коммерческую информацию и предоставляли ее своим правительствам. В результате его партнеры по переговорам были лучше осведомлены о торговых условиях, чем он¹. Шэн описал двору ситуацию так: «В Шанхае иностранные торговые палаты являются столь же многочисленными как деревья в лесу. Они встречают ночь и день и не экономят усилия в обсуждениях и исследованиях. Но у китайских торговцев никогда не было консультативной гильдии (huiyi gongsuo). Хотя у каждого бана есть свои собственные руководители, у каждого есть его собственная территория, но они рассеяны, а не объединены»².

В 1904 г. правительство опубликовало первый закон о торговых палатах Китая. В соответствии с ним все крупные коммерческие ассоциации, имевшие множество названий, таких как гун-и-хуэй (gongyi hui) и шанъу гунсо (shangwu gongsuo), должны были быть реорганизованы в торговые палаты. Главные отделения палат (shangwu zonghui) должны были создаваться в коммерчески преуспевающих областях, включая все центры провинций, в менее развитых районах учреждались отделения палат (fenhui). Статьей 25-й утверждалась необходимость создания торговых палат настолько быстро, насколько это возможно. Главные отделения палат и просто отделения предписывалось организовать в коммерческих центрах Юго-Восточной Азии, Японии, США, где действовали китайские торговцы.

Таким образом, по изначальному замыслу законодателей, иерархическая сеть палат должна была раскинуться от местного уровня до Министерства торговли, охватив не только территорию Китая, но и иностранные государства. Торгово-промышленные палаты стали органами управления, контролировавшими как деятельность старых организаций, так и новых торговых ассоциаций. В Пекине пала-

¹ Fewsmith J. Op. cit. P. 631.

² Там же. P. 631.

ты становятся все более мощными. Они собирают налоги, проводят торговый арбитраж споров между членами различных организаций. При этом палаты в отличие от хуэйгуаней, гунсо, банов взаимосвязаны как на региональном, национальном, так и на международном уровнях¹.

После выхода закона наблюдается быстрый рост численности торговых палат по всей стране и за рубежом. Первая главная торговая палата была организована в Шанхае в 1904 г. К 1908 г. эти палаты, обычно называемые шанъу хуэй (shangwu hui), действовали в 31 крупном городе Китая, более ста в других местностях, 13 — в зарубежных китайских сообществах. К 1912 г. их было более 1200 с четвертью миллиона участников, а к 1929 г. их число достигло 1400².

Помимо организаций, непосредственно связанных с экономической деятельностью мигрантов, можно выделить еще ряд традиционных структур и организаций, игравших важную роль в переселенческом обществе — кланы³, братства, религиозные объединения⁴ и тайные общества.

Таким образом:

— Основные формы самоорганизации китайских мигрантов большей частью сложились на территории Китая в период правления династий Мин и Цин в ходе внутренних миграций, а затем были адаптированы и использованы в ситуации эмиграции. За границей китайцы часто группировались на основе намного меньших территориальных единиц, чем в Китае, но заграничные ассоциации создавались на тех же основаниях, что и подобные организации в самом Китае.

¹ Moll-Murata С. Op. cit. P. 227-229.

² Fewsmith J. Op. cit. P. 636.

³ Важнейшую роль среди социальных структур Цинского Китая имел клан (цзу) — группа родственных семей, носивших одну фамилию. Обычно он имел довольно четкую структуру и организацию, и его рамки были ограничены семью поколениями родственников по мужской линии. Традиционно кланы были сильны в Южном Китае и слабы в Северном. В связи с этим, когда речь идет о сообществах, созданных мигрантами/эмигрантами — выходцами из южных провинций, без анализа этих структур обойтись нельзя. Мы же не будем подробно останавливаться на этой форме.

⁴ Цель сект — осуществление в отдаленном будущем главного чаяния религиозного учения: пришествия мессии и коренного преобразования мира. Тайные общества создавались для оказания различных видов помощи своим членам в повседневной жизни, защиты профессиональных и корпоративных интересов, борьбы за социальную справедливость. Среди наиболее распространенных в Северном Китае религий можно отметить Цзайлицизяо (Учение о пребывании в истине), основанную в XVII в. шэньши Ян Лайжу (Ян Цзэ), уроженцем провинции Шаньдун. Последователи Цзайлицизяо поклонялись ботхисаттве Гуаньинь, почитаемую как инкарнацию Уцзи чжи шэнь (Божества Беспредельного). Они проповедовали соблюдение норм конфуцианской этики, отказ от курения и употребления алкоголя. Исследование К.М. Тертицкого дает возможность составить представление о внутреннем устройстве и жизни общин Цзайлицизяо. (Костяева А.С. Тайные общества Китая в первой четверти XX века. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1995. С. 3; Тертицкий К.М. Китайские синкретические религии в XX в. М., 2000. С. 305).

– При создании этих организаций часто используется модель китайской семьи с иерархическим принципом построения, четким ранжированием всех ее членов. Часто встречается использование терминов родства, различные ритуалы побратимства.

– Как в Китае, так и за границей, подобные организации зачастую формально не признаны государством, но выполняют государственные функции, такие как сбор налогов, судебная, правоохранительная и др. Кроме того, они являются посредниками между правительственными чиновниками и китайской общиной (для хуацяо); между правительством и той или иной группой населения (для Китая).

– Для выходцев из Южного Китая чрезвычайно важным будет диалектная принадлежность. Единство языка зачастую выступает основанием для формирования ассоциаций.

– Несмотря на различие принципов образования объединений, конечной целью является оказание взаимной выручки, снижение конкурентной борьбы, монополизация тех или иных видов деятельности.

– Объединения, возникшие в эпоху Цин, формируются на основе интересов группы торговцев и ремесленников, первоначально связанных общностью происхождения, имеющих в собственности или арендуемых место для собраний, самоуправляющихся, разработавших зафиксированные письменно правила, а также получивших признание со стороны местной администрации. В течение XIX в. членство в группе, связанной общностью места происхождения, стало реже встречаться как базовый признак образования объединений. Тем не менее первые известные нам ассоциации были именно этого типа.

Китайские организации на территории российского Дальнего Востока

Анализ китайских организаций, возникших в России во второй половине XIX – начале XX в., затруднен рядом обстоятельств. Сказывается ограниченность источниковой базы. Несмотря на существование мемуаров китайцев, приехавших на заработки в Россию или некоторое время проживавших здесь, эти источники не переведены на русский язык и не введены в научный оборот. Сведения, полученные русской администрацией в конце XIX – начале XX в., скудны, фрагментарны, отрывочны, не систематизированы и не обобщены. По имеющимся источникам очень трудно проследить генезис, эволюцию тех или иных организаций. Русское делопроизводство фиксирует либо наличие организаций и

объединений, либо деятельность на каком-то этапе существования организации, в лучшем случае предположительно реконструируя предшествующую историю. Естественный процесс формирования обществ, логика их внутреннего развития были нарушены сначала революцией, Гражданской войной, начавшейся в России, а затем депортацией.

Исследование деятельности организаций на территории Китая и других стран помогут заполнить лакуны в источниках, освещающих деятельность подобных организаций на русском Дальнем Востоке. Представляется логичным рассмотреть формы и способы самоорганизации китайских мигрантов на территории России, учитывая рассмотренный выше материал.

Как уже отмечалось, большинство китайцев, попадавших на Дальний Восток, были выходцами из Шаньдуна, Шаньси, Чжили и Южной Маньчжурии.

В 1878 г. цинское правительство отменило все указы и постановления, запрещавшие или ограничивавшие переселение китайцев в Маньчжурию. Но существовали психологические причины, затруднявшие процесс переселения на окраины. О.Е. Непомнин выделил ряд факторов, лежавших в основе этого явления. Пограничные с русским Дальним Востоком районы Маньчжурии считались тогда малопригодными для земледелия. Уход в такую «дикую» местность означал для китайского крестьянина падение на несколько порядков вниз, к уровню далеких предков. Культ предков не позволял легко бросить их могилы, родню, соседей. Трудно было ему, как конфуцианцу, порвать с традиционной культурной и общинной средой, существовала потребность в «своем» шэньши, «своем» старосте, сельской кумирне и остальной деревенской обстановке. Уход в неханьские районы нацменьшинств, т. е. варваров, означал для ханьца «падение до их уровня, отрыв от более высокой цивилизации, т. е. той историко-культурной среды, вне которой конфуцианец мыслил себя с трудом»¹.

Однако первые китайские поселенцы, объединенные в различного рода союзы, на территории будущей Приморской области появляются задолго до 1878 г. В своем исследовании «Маньчжурская граница в Цинской истории» Р. Ли реконструирует процесс их формирования. Большинство нелегальных поселенцев являлись выходцами из Чжили и Шаньдуна. Они уходили жить в дикую местность либо из-за нужды, либо чтобы исчезнуть от возмездия закона. У них отсутствовал предшествующий опыт жизни в лесу. В сознании таких китайцев лес был населен духами, опасность таи-

¹ Непомнин О.Е. Податное и частнозависимое крестьянство Китая на рубеже XIX–XX вв. // Социальные организации в Китае. М., 1981. С. 112.

лась за каждым камнем и деревом, а вся природа настроена против людей. Вне леса чиновники и солдаты использовали любую возможность для их преследования. Ради безопасности родственникам и друзьям приходилось группироваться вместе в маленькие группы¹. В большинстве случаев они базировались на патриархальном принципе - старшие брали на себя роль законотворцев и арбитров в спорах. О существовании подобных организаций в Южно-Уссурийском крае упоминают начальник поста Владивосток Е.С. Бурачек (начало 1860-х гг.) и архимандрит Палладий (1870). Тип организации, описанный Палладием, в равной степени может быть отнесен и к хуэйгуаню, и к традиционной форме организации промысловых артелей, возникших в китайской горнодобывающей промышленности². Основываясь на сведениях, собранных среди китайцев, Палладий сообщал, что до 1868 г. «маньчзы ...разделялись на правильно организованные промышленные партии: «ва цзинь ди» (золотопромышленников), «ва шень ди» (искателей женьшеня)». Каждая из партий состояла из нескольких тысяч человек и занимала особый участок земли, во главе партии стоял старшина (да-е), он обычно избирался из уважаемых людей и имел помощников (эрр-е и сан-е). Старшина обладал правом решать распри, наказывать виновных своей партии не только палочными ударами, но и смертной казнью. В его функции входил

¹ Lee R. H. G. Op. cit. P. 109.

² Во главе артели стоял староста (хоту, баогун), далее шли мастера и подмастерья. Еще ниже стояли простые рабочие. Все артельщики считались пайщиками и получали свою долю от выручки. Артельный староста был выборным и обладал большой хозяйственной и распорядительной властью. Артельная работа ... имела сезонный характер. Зимой ... ее члены разбрелись, живя случайными заработками, мелкой разносной торговлей или подсобными промыслами. Такая же модель организации рабочих артелей действовала на русском Дальнем Востоке при найме на строительство, земляные работы, золотодобычу. Например, к 1915 г. на золотых приисках распространилась следующая система: владелец золотоносной площади устраивал на прииске только склад продуктов и других товаров. Китайцы, организованные в артели, состоявшие из 100 – 150 человек и в свою очередь делившиеся на более мелкие единицы, приходили со своим инвентарем и самостоятельно соорудили себе жилье. Во главе мелких артелей стояли староста и повар. Каждый китаец за право работать на этой земле ежедневно выплачивал от двух долей до одной четверти золотника («положение»), кроме того, давалось обязательство покупать все продукты и товары в лавках данного прииска, расплачиваясь за них шлиховым золотом по установленной цене. В тайге возникли китайские городки, население которых оценивалось от 700 до 1200 человек, имевшие свои кумирни, лавки, игорные дома. Часть жителей этих городков занималась огородничеством, часть торговлей. Управление прииска, как правило, не вело никаких дел непосредственно с рабочими, а зачастую не знало и их численности. Все вопросы решал китаец-артельщик (старшина), говоривший по-русски, он обычно подбирал партии рабочих, вел дело, рассчитывался с прииском и с рабочими (Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин, XVII – нач. XX в. М.: Вост. лит., 2005. С. 194-195; Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. С. 188).

справедливый дележ всего добытого на промысле. Да-е должен был обеспечить уход за больными и помощь семьям членов партии, попавших в руки к маньчжурам, казненных или сосланных. Помимо административно-судебных за старшиной закреплялись и хозяйственные обязанности по устройству ферм, складов, перевозки результатов промысла. Каждый человек мог перейти из одной партии в другую¹.

Подобные китайские организации продолжали существовать и позднее. Подполковник генерального штаба И. Надаров сообщал, что в 1885 г. ему было известно о существовании 14 китайских округов². В конце XIX – начале XX в. русской администрации удалось получить тексты законов, регламентировавших жизнь членов подобных организаций, а именно «Общества 308 крестных братьев» на Имане (А.М. Казаринов считал, что Гун-и-хуэй является органом управления «Общества 308 крестных братьев»), обществ, существовавших в долинах рек Сучан и Санхобэ.

В.К. Арсеньев описал процедуру легитимации подобных законов в одной из долин: «Раз в три года со всей долины собираются китайцы около кумирни. Здесь они раскладывают костры и сжигают бумажки по усопшим. По окончании этого обряда они приступают к выбору новых должностных лиц, изменяют, дополняют или вырабатывают новые законы. Это великий день, великий праздник, приуроченный к началу Нового года. Новые законы читаются вслух и подписываются всеми присутствующими»³. Законы хранились в кумирне или у главного старшины.

Несмотря на имеющуюся вариативность, можно говорить о единообразном принципе построения этих обществ. Во главе стоял цзун-лао-да (чжун-да-е) – главный старшина, выполнявший, как правило, и функции главного судьи. Ниже находились да-е (старшины) и их помощники. Во всех обществах выбирались судьи, а в некоторых еще и следователи, собиравшие материалы о преступлениях. Для взаимодействия с русскими властями и частными лицами на Сучане и в долине Санхобэ имелись специальные старшины, знакомые с русским языком.

Законы долин, иногда существенно отличавшиеся друг от друга, кодифицировали наказания (остракизм, палочные удары, закапывание живым в землю, утопление в реке) за различные преступления и регулировали нормы проживания в указанных районах.

¹ Палладий. Уссурийские маньчзы // Изв. ИРГО, 1871. СПб., 1872. Т. 7.

² Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1887. Вып. XXI. С. 138.

³ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае // Нансен Ф. В страну будущего. М., 2004. С. 210.

Правила общества и фамилии участников, написанные на двух свитках красного кумача — документах иманского общества Гун-и-хуэй, переведенные и прокомментированные И. Петелиным, проливают свет на историю происхождения общества. Петелин переводит название общества как «общество связанных гражданскими и родственными узами» или «братство». Перечню фамилий предшествует преамбула, связывающая действующее общество с известными персонажами эвгемеризированной китайской мифологии — первочеловеком Паньгу, тремя императорами, пятью императорами и другими персонажами, известными своей крепкой дружбой (Цзо Бо-тао и Янь Цзюэ-аем; Лю Бэйем, Гуань Юйем и Чжан Фэйем)¹. Отмечается, что дружба является добродетелью человека. «Хотя наши люди, заключившие это братство, не осмеливаются приравнять себя по пронизательности прежним мудрецам, но все же они могут хотя бы несколько приближаться к древним. Так как единокровные Гуань Чжуня и Бао Шуя привело к большому успеху и дружба Линь Сянжу и Лянь По не знала недоразумений, то потомки называют их святыми и мудрыми. Хотя члены нашего братства не осмеливаются приравнять себя братскому союзу, заключенному в местности Таоюань (выше упомянутыми Лю Бэйем, Гуань Юйем и Чжан Фэйем), но все же они не должны подражать союзу Сунь Биня и Пан Цзюаня, которые впоследствии сделались злейшими врагами»². И. Петелин, проанализировав именной список, пришел к выводу, что с известной долей вероятности можно утверждать — общество создано около 50-55 лет назад группой людей численностью около десяти человек. «С течением времени к основателям общества примкнули их братья, сыновья, родственники и близкие знакомые»³. К 1906 г. в обществе состояло чуть более 300 человек. Петелину не удалось получить от китайцев информации о том, что требовалось для поступления в общество, однако он высказывает предположение, что «главным и существенным основанием для

¹ Отметим, что и в «Акте побратимства» китайского общества на Сучане в начальной клаузуле документа также содержится упоминание важности дружбы как одного из пяти семейных и общественных отношений, так и исторические образцы крепкой и верной дружбы. «Возьмем пример с трех Тай-юанских старцев, которые, заключив союз, заставили в прежние года уважать себя всех мудрых людей. Да будет тай-юанской законности 1000 лет древности и нам, последователям ее, по 100 лет. Да не рассеяться нам, как при Суй-Джоу, но смело заключить союз нам, как при Гу-чене, и пусть будет правда наша глубока, как 4 моря». (Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С. 108).

² Петелин И.И. Китайское общество Гун-и-хуэй в Уссурийском крае // Изв. Вост. ин-та. 1909. Т. XXIX, вып. 3. С. 22-23.

³ Петелин И.И. Указ. соч. С. 23.

вступления в число членов общества является родство с первыми учредителями общества»¹.

«Все члены общества по возрасту разделялись на 13 категорий. Старший член первой категории, 79 лет от роду, имел звание цзун лао-да (атаман). Первые лица остальных разрядов назывались да-е (старшины)»².

Интересно, что общество Гун-и-хуэй законодательно монополизировало право создания братств и любых объединений на своей территории. Закон 27 гласил: «В пределах округа запрещается составлять тайное панибратство или родство. Если хозяин дома знает о заключенном у него братстве и не извещает об этом кого следует, то конфискуется у него на 400 фунтов имущества, а виновные в тайном панибратстве и родстве наказуются – каждый 20 ударами бамбуком»³.

С точки зрения Петелина главной целью общества, заметим, как и традиционного хуэйгуаня, «было и есть монополизация этой промышленности [сбор женьшеня, пантов, добыча собожьих шкур, организация выгодной скупки всей добычи пушнины в Уссурийском крае. – Е. И.]». С течением времени общество Гун-и-хуэй распространило свое влияние на торговлю (закон 34), рыбалки (закон 20), расчеты с рабочими, подчинило своему влиянию инородцев края и образовало в некотором роде государство в государстве, рядом с русскими постановлениями и законами»⁴.

Помимо этого общество выполняло функции социального обеспечения и призрения. Ряд законов общества был направлен на обеспечение оказания помощи раненым, больным (законы 14, 16), на пресечение ссор, драк, брани, сплетен, пересудов, злословия (закон 13, 15), обязывал хозяина осуществлять поиск пропавших без вести (закон 31), защищал интересы работников по найму (закон 25).

Общества брали на себя и те функции, которые в Китае выполняла семья – жертвоприношения умершим. «Китайцы в память умерших сжигают золотые и серебряные бумажки (кэнь-ен-бао), посылая таким образом в загробный мир якобы золотые и серебряные деньги. Лица, которые при жизни оказали общине какие-либо особые услуги, особенно почитаются. После смерти имена их заносятся в особый памятный список. Им-то и сжигаются эти бумажки»⁵.

¹ Петелин И.И. Указ. соч. С. 32.

² Петелин И.И. Указ. соч. С. 23.

³ Петелин И.И. Указ. соч. С. 29.

⁴ Петелин И.И. Указ. соч. С. 32.

⁵ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 211.

Таким образом, промысловики, приходившие в Южно-Усурийский край для добычи женьшеня, золота, морской капусты, трепангов, и земледельцы, обеспечивавшие их продуктами, объединялись в союзы, основанные на профессионально-корпоративных и родственных (земляческих) связях. Анализ подобных организаций, возникших в других частях света¹, позволяет

¹ Одной из форм самоорганизации китайцев, возникшей в результате эволюции горнодобывающей артели, основанной на принципе равного раздела прибыли, стала гунсы (公司) на острове Борнео (совр. Калимантан). В своей диссертационной работе Н.В. Скорлыгина подробно проанализировала структуру и деятельность таких организаций. Каждое гунсы занимало определенную территорию, и хотя границы не были однозначно закреплены, пока голландцы не зафиксировали их на бумаге в 1823 г., они все же были хорошо известны. На этих территориях располагались крупные золотые рудники, находившиеся во владении всей компании. Для гунсы был характерен выборный характер должностей, всеобщее право голоса и равенство перед законом. Административная власть была сосредоточена в «главном управлении» (цзунтин, 总庭). В компетенцию цзунтин входило содержание здания компании и управление другими видами общественной собственности, поддержание дорог, троп через джунгли и крупных водных резервуаров, выплата содержания «чиновникам», финансирование военных мероприятий, организация праздников и т.д. Средства на все это черпались из разных источников. С населения взимались налоги – подушный налог с каждого дееспособного мужчины, месячный налог с опиекурилен, налог на каждую забитую свинью. Есть также сведения, что налоговый контроль гунсы распространялся и на отдельные племена даяков, и плюс к тому последние должны были выполнять для гунсы некоторые работы вроде сбора хвороста. Через китайцев к даякам поступали табак и соль, что тоже давало некоторую прибыль. Власть также получали доход с выдачи лицензий на производство и продажу рисовой или пальмовой водки и содержание игорных заведений. Скорлыгина отмечает, что такой же тактики придерживались и гунсы Маньчжурии. На прииске Цяпигоу были за счет центральной казны сооружены игорные дома, сдававшиеся в управление победителю специального аукциона не более чем на месячный срок. Таким образом, обеспечивались стабильная краткосрочная прибыль, и к тому же надо учитывать, что в игорных домах старатели проигрывали свои собственные деньги уже после вычета процентного налога, уплачиваемого в казну. В каждом гунсы имелся свой административный аппарат. В среднем на каждом крупном месторождении было два старшины (хочжан, 伙长), осуществляющих общее руководство работами; три цайку (财库) — казначей, ответственных за хранение, учет и раздел добычи. Среди последних один был бухгалтером, другой – кассиром и третий – хранителем казны. Рабочими руководили восемь бригадиров (дингун, 鼎工); они также патрулировали промысловые желоба во избежание саботажа или случайных повреждений, а также смотрели, чтобы никто не украл золото из лежащей там глины. Постоянных вооруженных сил у гунсы не было, однако человек мог вступить в гунсы лишь на условиях участия в обороне. В случае возникновения опасной ситуации объявлялся всеобщий призыв и избирался предводитель войска. Гунсы было больше чем экономико-административным объединением. Все члены гунсы считались «братьями» (兄弟). Однако это распространялось только на лаокэ (старожилы). Но существовала и другая категория, синькэ – новоприбывшие иммигранты, которые, как правило, оказывались на Борнео, не имея возможности оплатить проезд, и гунсы, к которому принадлежали их земляки, вносило за них нужную сумму. Далее синькэ работал в долг, пока расходы гунсы не будут покрыты. Избавившись от долгов, новоприбывший иммигрант не был обязан оставаться в исходном гунсы, однако, как правило, он дожидался возможности стать его полноправным пайщиком. Каждый год в праздник Гуань-ди – в тринадцатый день восьмого месяца – в здании гунсы перед алтарем Дабогуна проходила церемония посвящения синькэ в члены гунсы. Глава гунсы,

говорить о типологически сходных чертах: наличие определенной контролируемой территории, квазиадминистративного аппарата, законов, побратимских связей, при благоприятных условиях экономическое и политическое подчинение местного населения.

Основной задачей подобных организаций, как и хуэйгуаней, было обеспечение наиболее комфортного ведения дел, минимизация издержек внутренней конкуренции, по возможности, обеспечение монополии на тот или иной вид деятельности, помощь членам общества, решение конфликтных ситуаций между ними, обеспечение коммуникации с русскими (иностранными) властями.

Сведений о подобных китайских организациях в городах гораздо меньше, основной массив информации подобного рода относится к началу XX в. Дипломатический чиновник при приамурском генерал-губернаторе Н. Богоявленский, составивший в мае 1910 г. записку «Наплыв желтой расы в Приамурье», отмечал, что все рабочие одной специальности входят в союзы и действуют по указанию руководства союзов, в связи с чем между ними отсутствует конкуренция. В качестве примера Богоявленский приводил ситуацию в Хабаровске, разделенном китайскими водовозами на участки, при этом за каждым из них закреплялся определенный район¹. В 1898 г. во Владивостоке вспыхнула забастовка 260 шлюпочников. Из материалов дела ясно, что шлюпочники были объединены, у них были свои старшина и помощник старшины². В.В. Граве отмечал, что китайские общества организовались в незапамятные времена. «С присоединением Края к России общества эти сохранились и несомненно существуют до сих пор. Среди торговцев, каменщиков, плотников, водовозов, огородников, кирпичников, прислуги имеют свои разветвления в крае». На их существование

церемониймейстер и новые члены гунсы капали по капле своей крови в чашу с рисом и рисовой или пальмовой водкой, после чего каждый делал по глотку. После этого члены гунсы становились как бы кровными братьями, что подразумевало преданность друг другу до последнего вдоха. Освобождение от клятвы было возможно только с отъездом на родину, в Китай. Этот ритуал формально закреплял тот факт, что на нового брата с этого момента распространяется покровительство гунсы, а он в свою очередь обязуется следовать всем предписаниям, включая обязательство откликнуться на призыв к оружию. Для всех гунсы была характерна замкнутость, то есть существование определенных условий, ограничивающих доступ в гунсы или к его правящим структурам. Чаще всего условием было происхождение из определенного уезда или принадлежность к определенной фамилии. Во всех гунсы существовали свои законы. Как правило, они отличались исключительной суровостью (Скорлыгина Н.В. Китайцы-хакка в Южном Китае и Юго-Восточной Азии: XVIII–XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2005. 222 с. С. 75 – 81).

¹ АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 763. Л. 137.

² ГАХК. Ф. П. 44. Оп. 1. Д. 593. Л. 75, 76.

указывали и возникающие иногда стачки или же искусственное, ничем неоправданное, взвинчивание цен¹.

Член Владивостокской городской управы В. Михайловский в письме в редакцию газеты Дальний Восток (1894) сообщал, что китайцы на своем собрании приняли решение не перевозить своих грузов на судах японских пароходных компаний. «Кагал обязал исполнять сказанное постановление не только тех китайцев, кои производили торговлю, но и тех, кои впоследствии открыли бы здесь свою торговлю»². Что стоит за термином «кагал»? Определенное землячество, торговый или профессиональный хуэйгуань, легальное китайское общественное управление, пока эти вопросы остаются открытыми.

Не имея возможности напрямую управлять китайским населением и контролировать его, в конце XIX в. русские власти предприняли попытку легализовать на основе русского законодательства имевшиеся в русских городах китайские организации.

15 февраля 1891 г. были изданы особые правила об общественном управлении китайского и корейского населения. В пункте 1 оговаривалось, что «каждое отдельное китайское и корейское общество составляется из проживающих в известных городах и селениях Приморской области китайцев и корейцев, имеющих русские билеты на жительство». Главным являлся общественный старшина. Кандидатуры старшин после их избрания на должность утверждались полицмейстером и военным губернатором. На старшин возлагалась ответственность за сохранение порядка и спокойствия в пределах своих обществ. Обязанности, вмененные обществам, были довольно обширны. Их можно разделить на несколько групп: связанные с поддержанием жизнедеятельности общества (найм помещения для канцелярии, выплата жалованья и т. п.); благотворительная деятельность (уплата за лечение в госпиталях, погребения умерших, призрение престарелых, дряхлых, увечных членов общества, оказание помощи в случае стихийных бедствий); меры по обеспечению лояльности китайского населения русской администрации.

Правом голоса в обществе пользовались лишь те лица, которые имели недвижимость, торговлю, занимались «другого разного рода промыслами». Китайцы, принадлежавшие к обществу и имевшие право голоса, могли участвовать в общественном сходе. Решения схода имели силу лишь в том случае, если на нем присутствовали полицейский чиновник, старшина или его заместитель и не менее половины членов, имеющих право голоса.

¹ Граве В.В. Указ. соч. С. 104.

² Дальний Восток. 1894. № 5. С. 3.

Объем полномочий старшин был равен полномочиям волостного старшины. Старшины могли назначать на общественные работы совершивших маловажные проступки (до 3 дней), взимать с них денежные штрафы в пользу общества (до 3 руб.), брать под арест (не более 2 дней). Для разбора более сложных дел военным губернатором учреждался общественный суд, состоявший из выборных судей.

Особенность этих правил заключалась в том, что они создавались русской администрацией и, следовательно, регулировали те ситуации, которые причиняли ей массу хлопот и недоразумений. В них ясно зафиксировано желание русской администрации установить свой контроль над китайцами: все значимые шаги могли предприниматься либо с ведома администрации или полиции, либо при непосредственном участии ее представителей.

Китайские общества были созданы в Хабаровске, Владивостоке, Никольске-Уссурийском. В 1894 г., подводя итоги трехлетнего существования, местные администраторы позитивно оценили их деятельность. Но была и оборотная сторона медали — общества способствовали сохранению обособленности азиатских мигрантов, поэтому в период с 1898 по 1901 г. китайские общества были закрыты. Отметим что, в общих чертах функции этих организаций поразительным образом совпадают с функциями хуэйгуаней. Подобным путем шла не только русская администрация. В Сингапуре колониальные власти использовали китайский хуэйгуань как средство контроля за обществом и, следуя этому курсу, даровали престиж, власть и законность подобным организациям и их лидерам¹.

Еще более сложной для изучения представляется история небольших товариществ, создававшихся китайцами в индивидуальном порядке. На это обращали внимание Д.И. Шрейдер, Н. Холодов, В.К. Арсеньев, Л. Иванов. Отмечая, что среди китайцев развиты чувства товарищества и братства, они приводили в качестве примера обычай «кады», целью которого являлось установление побратимских связей². Газета «Дальний Восток» в 1894 г. писала: «Чувство товарищества и даже братства в высшей степени развито между уссурийскими манзами. ... Ежегодно во время праздников китайского нового года собираются товарищества манзов, человек 50 и более, а иногда до 100 человек в каждом... Пишут на бумаге взаимное обязательство о братстве и отправляются в храм... Кады, можно с уверенностью сказать, существует между нашими рабочими манза-

¹ Wing Chung Ng. *Op. cit.* P. 493.

² Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 92-93; Иванов Л. Цзинь-лань-пу // Вестник Азии. 1914. № 30. С. 5; Холодов Н. Уссурийский край. СПб., 1908. С. 39; Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб. 1897. С. 109.

ми, живущими в Хабаровске. На мой вопрос к работавшему у меня подрядчику китайцу, почему он приводит на работу вот такого-то плохого работника, я не раз получал ответ «моя его прогони нельзя, худо работай — твоя прогони, моя тогда ничего»¹.

Русские власти, в принципе зная о существовании подобных обществ, редко получали достоверную информацию о них. Однако в 1903 г. во Владивостоке удалось установить поименно членский состав двух братств — «Братства единоклюбия» и «Братского товарищества». Материалы расследования и допросы участников на сегодняшний день являются уникальным историческим источником. «Братства», созданные в октябре и ноябре 1903 г. имели небольшой численный состав. «Братское товарищество» насчитывало 13 человек, «Братство единоклюбия» — 24. Обе организации образовались по знакомству. Целью товариществ являлась помощь их членов друг другу в «материальной нужде». По свидетельству побратимов, подобные общества широко распространены в Китае и возникли во Владивостоке с самого начала появления в нем китайцев. «Таких обществ во Владивостоке много, много их и в Китае, но нам во Владивостоке они еще нужнее, чем в Китае. Не имея здесь ни жен, ни дочерей, которые могли бы за нами ухаживать в случае болезни, мы дали, по нашим обычаям, друг другу клятву в кумирне, что будем друг другу помогать, вести себя прилично и почитать старших». Существование подобных обществ, по свидетельству китайцев, «не сколько не скрывалось и не скрывается». Традиционно на оборотной стороне новогодних визитных карточек китайцы Владивостока писали, к какому обществу они принадлежат. В ходе расследования удалось получить информацию еще о пяти подобных организациях, лично известных допрашиваемым. Однако, как отметили китайцы, подобных обществ намного больше.

По свидетельству С.Л. Ивановича, проводившего расследование, «члены упорно и решительно отвергают название «общество», «товарищество» и т. п., а те, которые говорят по-русски, величают своего сочлена обыкновенно «крестный брат». В списке на красном коленкоре кроме имен товарищей, имеется и перечень членов семейства каждого из них. Это объясняется тем, что «каждый член семейства, вступивший в товарищество, становится родней: братом, отцом, матерью и т. п., а так как это не настоящий брат или отец, но тем не менее по значению ничуть не меньше настоящего, то китайцы, определяя его положение, по-русски прибавляют слово «крестный», показывая этим, что им известно, что и у русских крестный отец часто заменяет родного отца».

¹ Дальний Восток. 1894. № 19. С. 4.

Во главе обоих обществ стоял старшина - Чин-гон-у, избранный «как состоятельный и почтенного возраста человек». Однако с точки зрения русских властей репутация у Чин-гон-у была неважная: проживавший в центре города, он занимался банковками, опиумокурильнями и тайной проституцией среди китайцев. Согласно показаниям Чин-гон-у, прибывшего в Россию около 1876 г., «старшиной выбирают потому богатого, чтобы он помогал бедным, как деньгами, так и привлечением занятия, вообще оказывал всякое содействие в случае нужды». Кроме благотворительных функций на старшину возлагались и обязанности иного рода. Член одного из обществ Ма-ли-не, проживший в России 6 лет, сообщил, что «... если кто-нибудь из членов общества ведет себя скверно, пьянствует, ворует, дерется, то старшина имеет право высечь его в кумирне и выслать на родину, для чего члены общества собирают между собой деньги и отправляют». Несмотря на отрицание Чин-гон-у фактов телесных наказаний, Ивановичу удалось установить, что старшина обладал правом наказать провинившегося члена общества 40 ударами палок и 25 рублями штрафа. При повторном нарушении правил человек исключался из братства и обязывался покинуть местность, где оно находится. Оказалось, что сходными правами обладали и старшины других обществ. Согласно показаниям Ван-тай-до, прожившего в России 14 лет и состоявшего десятником при полиции в распоряжении П.В. Шкуркина, «большинство китайцев во Владивостоке состоит в подобных товариществах».

В 1911 г. по поручению приамурского генерал-губернатора был продолжен сбор сведений о китайских, корейских и японских обществах. Список китайских обществ удивляет своей скудостью, но в принципе отражает уровень знания местной власти о ситуации на местах: три легализованных общества взаимного вспомоществования (Владивосток, Никольск-Уссурийский, Хабаровск) и полный информационный вакуум о том, что делается на остальной территории. В докладной записке приамурскому генерал-губернатору сообщалось, что в Никольск-Уссурийском, Удском, Хабаровском уездах легальных китайских обществ нет. В Иманском уезде в Спасской слободке приставу и начальнику уезда было известно одно китайское общество. Его члены выбрали старшин и на собраниях решали жизненно важные вопросы, причем «решениям своего схода китайцы подчинялись беспрекословно». Ситуация не изменилась и после того, как пристав разъяснил, что «эти решения никакой силы не имеют, т.к. китайского общества не существует»¹. Из Ольгинского уезда сообщали, что нелегальные общества существуют повсеместно. «Они являются следствием национальных обычаев ... китайцев,

¹ РГИАДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190. Л. 109.

по которым каждые 5-6 фанз организуются в общества и разбираются в вопросах своей внутренней жизни через уважаемых лиц своей среды. Эти люди разбирают ссоры, недоразумения, столкновения на основе законов национального обычного права»¹.

После учреждения в Китае торговых палат эти организации появляются и на русском Дальнем Востоке. Три из них – во Владивостоке (апрель 1907 г.)², Хабаровске (январь 1910 г.), Никольско-Уссурийском (февраль 1910 г.) – были официально разрешены русской администрацией, остальные (в Шкотово, Благовещенске, Петровке и др.) действовали без получения разрешения. В.К. Арсеньев указывает, что основание Владивостокского общества взаимопомощи относится к 1881 г., Хабаровского к 1889 г.³ В 1900 г. военный губернатор Приморской области дал разрешение хабаровским китайцам на избрание старосты и представителей, а также дозволил сбор денег на содержание сыщиков и другие нужды. Китайские купцы «коммерческим старостой» избрали Ван Венсана, который в течение последующих 10 лет «безвозмездно» исполнял «обязанности выборного от китайского населения»⁴. Так как закон о торговых палатах в Китае был опубликован в 1904 г., логично предположить, что речь идет о торговых хуэйгуанях или гунсо, существовавших без официального разрешения российских властей. Впоследствии эти уже существовавшие структуры были реорганизованы в торговые палаты и признаны русской администрацией. К сожалению, отсутствие подробных сведений не позволяет сделать какие-то более определенные выводы.

Стоит отметить, что русские и китайские названия обществ отличались. Если по-русски общества назывались «Владивостокское китайское общество взаимного вспомоществования» и «Хабаровское китайское общество взаимного вспомоществования», то по-китайски их именовали «Владивостокское главное торговое общество»⁵ и «Хабаровская Китайская Торговая Палата».

Цель деятельности первого общества определялась так: «...развитие более тесного взаимного единения между членами общества,

¹ Там же. Л. 109.

² К лету 1908 г. было открыто 17 отделений торговых палат за границей, из них 10 действовало во владениях Нидерландской Индии. В 1905 г. – Манила, 1906 г. Сингапур, Нагасаки, Батавия, 1907 г. – Пенанг, Семаранг, Сурабайя, Селангор, Соло, Джакарта, Понтианак, Янгон, 1908 г. – Бали, Владивосток, Прианган, Макаassar, Ампенан. За 11 лет, с 1905 по 1915 г., за границей было основано 68 отделений (Chen Laixing. Structure and Flexibility in the Chinese Business Network: Chinese Chambers of Commerce Overseas // XIV International Economic History Congress, Helsinki, 2006 // <http://www.helsinki.fi/iehc2006/papers2/Chen.pdf>).

³ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 238.

⁴ Нестерова Е.И. Указ. соч. С. 241.

⁵ Хайшеньвей хуашан цзунхуэй.

способствующего улучшению их быта в материальном и духовном отношениях»¹. Общество создавалось для сбора торговых сведений, для изучения и развития торговли и торговых наук, составления свода китайских торговых обычаев и перевода его на русский язык, выдачи, по требованию русской администрации, справок о кредитоспособности, размере торговых оборотов и других сведений, касавшихся своих членов, поддержки общих выгод и выработки цеховых уставов, найма особых «сыщиков» и городских в целях обеспечения мирной торговли в крепости Владивосток, нарушаемой хунхузами. Уставом предусматривалось оказание помощи соотечественникам: содействие в трудоустройстве и возвращении на родину, снабжение бедных пищей, временным приютом, больных — медицинскими пособиями, что давало основания считать общество благотворительным. Число членов общества не ограничивалось, таковым мог стать любой китайский подданный во Владивостоке, но в него не принимались несовершеннолетние, злостные банкроты, должники, лица, не пользовавшиеся уважением, хунхузы, «занимающиеся низкими профессиями» и ряд других категорий населения. Все члены общества, кроме почетных, равны между собой и пользовались равными правами.

Во главе исполнительного органа общества (комитета) стоял председатель. В комитет избирались уважаемые китайцы, имевшие торговое дело или недвижимость, в возрасте старше 25 лет. Председатель должен владеть китайским и русским литературными языками, его возрастной ценз повышался до 30 лет. Разделы Устава о составе общества, его комитете, вопросах, находившихся в их ведении, составлены по канве правил, выработанных министерством торговли и промышленности Китая. Процедура регистрации обществ была довольно сложной. Получив у местных властей разрешение на открытие, общества через консульства проходили регистрацию в Пекине, там же официально утверждались печати общества. Со временем русской администрации стало известно, что члены комитета за свою деятельность получали особые знаки отличия — медали.

Общества являлись звеньями огромной цепи официальных учреждений, рассмотренных выше. По сведениям цензора по иностранной печати на восточных языках во Владивостоке А.Н. Занковского, подобные общества существовали «в каждом городе и селе края», причем либо типа «главных», либо типа «отделов», которые делились на большие (дахуй) — в Шкотово, Владимиро-Александровском, Ольге, и на меньшие (сяохуй) — в Зиньковке,

¹ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 304. Л. 70.

Петровке и других населенных пунктах¹. О.В. Залесская отмечает существование в других населенных пунктах области мелких китайских обществ «хуацяо шанхуэй» («китайских торговых обществ»), «хуацяо лянхэхуэй» («национальных ассоциаций»), «хуацяо сечжухуэй» («обществ взаимопомощи»)².

Для координации деятельности таких обществ на первом Всекитайском съезде купцов (торговцев), прошедшем в 1907 г. в Шанхае под председательством Ли Юньшу, выходца из Нинбо, главы Шанхайской торговой палаты была создана Китайская торговая ассоциация (Хуашан Лянхэхуэй), объединившая деятельность торговых палат в Китае и нескольких зарубежных отделений общества³. В.К. Арсеньев отмечал, что все торговые общества в Уссурийском крае находятся в полнейшей зависимости от шанхайского общества⁴. Именно оттуда высылались расценки на скупаемые в крае женьшень, панты, меха, морскую капусту, трепангов, крабов и другие продукты промысла, искусственно повышая или понижая их в зависимости от обстоятельств⁵. Зачастую Владивостокское отделение по поручению купцов, находившихся в Китае, взыскивало деньги с должников, проживавших во Владивостоке. Аналогичные поручения давались Владивостокским отделением подобным обществам в Китае⁶. Н. Богоявленский отмечал, что они являются биржей, где совершаются сделки как на товары, так и на фонды; судом, разбирающим как гражданские, так и уголовные дела; клубом, куда собираются члены для развлечения, где устраиваются торжества по случаю национальных китайских праздников и другим случаям; политическим обществом, где обсуждаются разные вопросы внутренней и внешней политики Китая.

¹ В.К. Арсеньев к этому списку добавляет пост св. Ольги, Барабаш, Шкотово, Новокиевск, Черниговку, Спасское, Лутковку, Анучино, реки Иман и Сучан и тоже замечает, что список можно продолжать. Известно о существовании торговой палаты в Благовещенске (Хайхэ шанью цзунхуэй) и ее отделений в Зее, Пашкове, Иннокентьевской, Джалинде. Китайское население Благовещенска неоднократно подымало вопрос о легализации общества, но областная администрация отнеслась к решению этого вопроса отрицательно. (Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 237; Нестерова Е.И. Указ. соч. С. 244).

² Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938). Владивосток, 2009. С. 25.

³ Chen Laixing. *Op. cit.*

⁴ Отметим, что шанхайские купцы были традиционно активны в Уссурийском крае. Газета «Дальний Восток» в 1894 г. писала, что основные скупщики корня – шанхайские купцы, посылающие каждый год своих агентов во все уголки Уссурийского края. Так по Улахэ оперирует некто Сонтай, скупающий корень, соболей, панты. Покупается все это не на наличные деньги, а на векселя, расписки Шанхайских купцов. Векселя эти различной стоимости от 1 рубля до 50. К известному времени года все векселя погашаются во Владивостоке. (Дальний Восток. 1894. № 117. С. 5).

⁵ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 239.

⁶ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 1001. Л. 5.

Эти общества благополучно пережили революцию и закончили свое существование лишь в 20-х гг. XX в.

По фрагментарным и косвенным свидетельствам можно прийти к заключению, что на российском Дальнем Востоке были широко распространены земляческие объединения. К сожалению, материал, которым располагает автор, крайне скуден. Так, известно, что в Благовещенске в качестве отделов торгового общества существовали Шаньдунское землячество и землячество уроженцев других провинций («пришедшие издалека»). Шаньдунское землячество совместно с торговым обществом содержало богадельню в г. Сахалине¹. О.В. Залеская отмечает, что владивостокскому обществу подчинялся ряд землячеств, решения которых в свою очередь были непреложными для китайских рабочих². Анализ биографий китайских купцов демонстрирует, что зачастую важным критерием приема на работу являлось единство места исхода.

На российском Дальнем Востоке действовали китайские тайные общества: религиозные секты и общества, основным способом существования которых была противоправная деятельность — различного рода бандитские (хунхузнические) группировки, союзы типа общества «Яньбан» (Братство опиумных контрабандистов), члены которого промышляли транспортировкой и торговлей опиумом, «Общества хозяев игорных домов»³.

Маньчжурские власти считали наиболее склонными к хунхузничеству выходцев из провинций Шаньдун и Чжили. В Маньчжурии нищие шаньдунцы могли рассчитывать только на низкооплачиваемую «черную работу», поэтому вчерашние батраки легко переходили черту законности⁴. Сведения об их внутренней организации крайне скупы. В.К. Арсеньев считал, что в Уссурийском крае действуют хунхузские шайки, приходящие из Маньчжурии, и местные хунхузы. Первые не заходили далеко вглубь края, а в основном действовали в прибрежном районе залива Петра Великого, на Посьетском участке, по долинам рек Суйфун и Уссури, в полосе железной дороги. После набегов, боясь преследования казачьих отрядов и местных воинских команд, они уходили в Маньчжурию. Вторые прекрасно знали местность, расположение русских отрядов, могли затеряться среди проживавших на данной территории китайцев, что

¹ Нестерова Е.И. Указ. соч. С. 244.

² Залеская О.В. Указ. соч. С. 26.

³ Сухачева Г.А. Китайские тайные общества во Владивостоке в к. XIX — н. XX в. // Китай, китайская цивилизация и мир. М., 1993. Ч. 2. С. 69.

⁴ Ершов Д. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке». М., 2010. С. 12.

значительно облегчало их преступную деятельность и расширяло ее географию¹.

Известно, что шайки хунхузов имели сложную структуру. Д. Ершов, проанализировав структуру маньчжурских хунхузнических организаций, определяет их численность от 3–5 до нескольких сотен человек. Оптимальное количество — 50. Во главе атаман, либо выборный (даньця ды), либо ставший таковым благодаря своему авторитету (чжангуй или даланьба). Иногда главарю подчинялось несколько шаек, тогда он именовался дацзя ды (глава большого дома). Следующая ступень — «офицеры», старшими из которых являлись бань даньця ды («половина главы дома»), паотоу («пушечная голова») — начальник передового отряда, цуйцуй ды («подгоняющий») — начальник арьергарда; лилянтай («внутренний интендант») — распределял продовольствие, вайлянтай («внешний интендант») — осуществлял заготовки на стороне. В шайке мог быть делопроизводитель цзыцзяньу («мастер письма»). Все члены шайки были связаны узами побратимства и именовались сунди («братья»). Атаман вне зависимости от возраста считался отцом ее членов. В его отношении употреблялось обращение дае или лао дае².

По свидетельству китайских купцов, торговавших во Владивостоке, в банде могло состоять до 400 человек, однако непосредственных исполнителей было приблизительно 120. Занимавшиеся грабежами и налетами разбивались на группы в пять, десять, пятнадцать, двадцать человек, изредка численность доходила до сорока. Остальные работали прислугой, поварами, лакеями у русских чиновников, офицеров, в дорогах ресторанах. Неплохо владея русским языком, они собирали и передавали информацию сообщникам. В случае возникновения осложнений у каждого из них был влиятельный русский покровитель, гарантировавший их честность и лояльность по отношению к русским властям³.

По мнению Д. Ершова, хунхузы вполне могли занять на северо-востоке Китая ту нишу, которая на востоке и юге страны принадлежала хуэйданам — «Братству Южного Кулака», «Секте Белого лотоса», «Союзу Большого меча» и триадам. Они близки к подобным тайным обществам по таким параметрам, как ненависть к правительству и декларируемое стремление к социальной справедливости, наличие обрядов при приеме в члены братства и братский характер отношений между ними; строгая конспирация, включая выработку секретного языка⁴.

¹ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 195.

² Ершов Д. Указ. соч. С. 20.

³ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 579 а. Л. 308 об.

⁴ Ершов Д. Указ. соч. С. 25.

Религиозная жизнь китайцев в русских дальневосточных городах является малоизученной темой. По сведениям В.В. Граве и Л. Иванова, во Владивостоке действовало общество Цзайли. Центральный комитет его находился в Тяньцзине, оттуда два раза в год в Приморскую область приезжали агенты для сбора денег. Отделение общества находилось во Владивостоке и насчитывало около 1000 человек. Собрания проходили в Барабаше и во Владивостоке¹. Целью общества Цзайлицзяо, по сведениям, содержащимся в одной из публикаций того времени, являлось «воздержание от опекурения, пробуждение национализма в Китае и проведение реформ». В. Граве высказывал подозрение о возможной связи последователей Цзайлицзяо и хунхузов — «члены общества участвуют в деятельности хунхузов для пополнения общественных средств»². Этой же точки зрения придерживался генерал Н. Орлов, считавший, что в Засунгарийском крае «секта у-ши-минов» (и-хэтуань, цзай-ли, постников) на 80% состояла из хунхузов³.

Определенное представление о деятельности общин Цзайлицзяо во Владивостоке дает документ, опубликованный Л. Ивановым: «... во Владивостоке есть общество Цзайли, которое по виду занимается самыми возвышенными целями. Оно помогает больным, сиротам, вдовам, члены этого общества не курят и не пьют»⁴. Далее он отмечает немногочисленность общества, в документе упомянуто всего 12 членов, выдвигая предположение, что, возможно, это — филиал. «Документ называется „Цзай-ли-ди-цзинь-лань-пу» и гласит следующее: Вообще в мир пришло Дао от бога Ян-цзу (Нань-хай-даши). Чтобы вернее достигнуть Дао, мы должны делать добрые дела, любить друг друга и вообще помогать другим людям. Всякий, при встрече с бедной вдовой или с сиротой, не имеющей денег, должен действительно, не теряя времени понапрасну, пожалеть их. Увидев старика, мальчика или больного, нужно скоро и непременно оказать им помощь. Не нужно производить драк, не следует раздражаться. За отцом и матерью нужно ухаживать изо всех сил, к братьям относиться как к лучшим гостям. Не надо смотреть на гордых людей. Следует избегать гордых слов. Даже из-за пустяков не надо сердиться, потому что и из-за малого можно умереть. Если же сохранить сердце чистое и непорочное, тогда не трудно будет войти в соприкосновение с Дао. Нужно бояться, так как ум человеческий имеет предел и ошибки избежать очень трудно. По этой причине будем помогать Другим людям подобно друзьям, и благодаря единению мы скорее

¹ Граве В.В. Указ. соч. С. 112.

² Граве В.В. Указ. соч. С. 112–113.

³ Орлов Н. Забайкальцы в Маньчжурии в 1900. СПб., 1901. С. 119.

⁴ Иванов Л. Указ. соч. С. 17.

достигнем Дао. Вследствие этого мы, 12 человек, клянемся, что все будем поступать согласно тексту Лань-пу. Если же найдется такой, который преступит этот акт, то, кроме штрафа, он должен три дня стоять на коленях, и его имя и фамилия должны быть вычеркнуты из списка, и он сам должен быть выгнан вон и не может быть принят обратно как последователь Дао. Из опасения, что устная клятва не будет иметь веры, мы заключили это Цзинь-лань-пу. Каждый человек имеет копию.

Далее, как и всегда, следуют подписи участников, в конце стоит „клянемся» и имя бога Нань-хай-да-ши»¹.

Иванов в своем комментарии отмечал: «Нельзя категорически утверждать, что это общество преследует чисто политические цели, но по аналогии, потому что так бывало не раз, можно с уверенностью предсказать, что если оно не занимается политикой сейчас, то в недалеком будущем благодаря переменам в Китае станет одним из очагов политической пропаганды. Последователей его узнать очень легко. На новый год они вывешивают в противоположность другим китайцам не красные, а желтые полосы бумаги с изречениями»².

Община (а вернее сказать — общины) Цзайлицзю продолжала свою деятельность во Владивостоке и после прихода к власти большевиков. В первой половине 1920-х гг. во Владивостоке действовало по крайней мере два *гунсо*: одно в доме «Ван Лаоу юань» (ул. Семёновская, д. 8) и второе в доме, именуемом «Ваньшэн юань»³.

Таким образом, китайские общества на Дальнем Востоке могут быть разделены на три основные группы:

- 1) общества, не легализованные русскими властями, включая тайные общества конспиративного типа;
- 2) общества, легализация которых была инициирована русскими властями;
- 3) общества, легализованные по инициативе китайцев.

Нелегализованные общества

1. *Организации китайских промысловиков, чернорабочих, земледельцев.* Существование таких обществ вне городов было ранее всего зафиксировано русскими чиновниками и исследователями (Е.С. Бурачек, о. Палладий (Кафаров), И. Надаров). Сведений о подобных китайских организациях, действовавших в городах, гораздо меньше. Анализ имеющихся сведений вынуждает констатировать факт существования подобных организаций в русских городах, однако от-

¹ Иванов Л. Указ. соч. С. 17-18.

² Иванов Л. Указ. соч. С. 18.

³ Подробнее см.: Тertiцкий К.М. Указ. соч. С. 324.

сутствие источников не дает оснований для изучения их структуры, персонального состава, численности, географии распространения.

2. *Побратимские организации.* Не вызывает сомнения существование ассоциаций, как в городе, так и вне его, основанных либо на родственной связи членов, либо на квазиродственной (ритуал побратимства («братства»)). Это небольшие товарищества, создававшиеся китайцами в индивидуальном порядке. Основой для их создания стал обычай «кады», целью которого являлось установление побратимских связей. Подобные общества имели широкое распространение в Приамурье, однако до 1903 г. достоверной информации о них русская администрация не имела.

3. *Земляческие объединения.* Важную роль в структуре китайского сообщества в целом играли землячества. Китайский историк Линь Цзюнь заметил: «Союз китайских рабочих [созданный в апреле 1917 г. в Петрограде Союз китайских граждан в России, в декабре 1918 г. был переименован в Союз китайских рабочих. — Е.И.] явился первой китайской организацией в России, объединившей китайцев не на принципах землячества, а независимо от места их рождения»¹.

Кроме того, к нелегализованным обществам отнесены религиозные организации и тайные общества конспиративного типа.

Общества, легализация которых была инициирована русскими властями. История этого типа организаций связана прежде всего с попытками русской администрации в 80-е гг. XIX в. поставить под контроль деятельность уже существовавших нелегальных китайских обществ. Несмотря на фрагментарность и скудость сведений можно предположить, что сложившиеся в среде китайских мигрантов на территории российского Дальнего Востока структуры могут быть отнесены к типу «торговый и профессиональный хуэйгуань».

Общества, легализованные по инициативе китайцев. К этой группе относятся так называемые «китайские торговые общества» возникшие после принятия «Временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г.». Разделы Устава о составе общества, его комитете, вопросах, находившихся в их ведении, были составлены по канве правил, выработанных министерством торговли и промышленности Китая, и утвержденных 29 декабря 1903 г. императором.

Таким образом, как и других странах, в России китайское общество, находившееся в том или ином населенном пункте было не гомогенным, а достаточно сильно сегментированным, причем к началу XX в. эта сегментация обрела свои законченные институциональные формы, основа которых восходила к традиционным китайским формам самоорганизации.

¹ Залеская О.В. Указ. соч. С. 46.

Феномен чайнатауна: динамика функций

Неотъемлемой частью жизни многих городов мира являются чайнатауны — китайские кварталы со своей историей, индивидуальным оформлением и особым внутренним укладом жизни. Наиболее старыми из них считаются североамериканские. Позднее китайские кварталы появились в Европе, в первую очередь, в Лондоне и Париже. Находятся они на разных этапах развития: где-то их история насчитывает 200 лет, где-то они только зародились, а где-то, возможно, и появятся. Несмотря на разные социальные, экономические и культурные условия принимающего общества, чайнатаунам свойственны и некоторые общие механизмы развития и функции.

Возникают они как механизм взаимного приспособления, адаптации китайских мигрантов и принимающего общества. Формирование чайнатауна — это сложный и долгий исторический процесс, который сопровождается множеством проблем: влияние китайской мафии на внутриобщинную жизнь, преступность среди молодежи, проблемы жилья, здравоохранения, трудовые споры, сохранение идентичности китайцев, социальное неравенство и т. д. Большинство из этих проблем сейчас являются предметом исследований, особенно в США и Канаде, где чайнатауны стали неотъемлемой частью истории. Изучением развития разных аспектов жизни китайских иммигрантов занимались такие известные ученые, как Р. Такаки, Р. Ли, П. Квонг. Труды Б. Вонга в основном направлены на понимание эволюции структуры чайнатауна на примере Нью-Йорка.

В последние годы растет интерес к проблеме чайнатаунов и в России. Это вызвано огромным притоком китайских мигрантов и острой проблемой их экономической и культурной адаптации. Это дает серьезную почву для размышлений над будущим китайской диаспоры в нашей стране. Как отмечает В.И. Дятлов, чайнатаунов в России нет, но есть «проблема чайнатауна»²¹. Массовый приток китайских мигрантов в Россию вызвал сложный комплекс чувств и настроений в принимающем обществе. На их основе завязываются узлы проблем, противоречий и конфликтов. Теперь любая местность в российских городах, населенная даже небольшим количеством китайцев, именуется чайнатауном. Употребление термина «чайнатаун» является одним из способов нагнетания ксенофобии. Угрозу видят в том числе и в крупных инвестиционных проектах, подобных грандиозным стройкам в Москве и Санкт-Петербурге. С другой стороны, исключить

¹ Рахмонова Мария Кодиралиевна — студентка 5-го курса исторического факультета Иркутского государственного университета.

² Дятлов В.И. Россия: в предчувствии чайнатауна // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 6–16.

их возникновение в дальнейшем нельзя, да и сейчас формируются их возможные ядра в виде китайских рынков, общежитий и гостиниц. Это не чайнатауны, но места адаптации китайцев к российской предпринимательской действительности¹.

Возможность появления чайнатауна в России вызывает опасения у официальных лиц. Вот, к примеру, заявление заместителя председателя Объединенной комиссии по национальной политике и взаимоотношениям государства и религиозных объединений при Совете Федерации Владимира Слуцкера на заседании «круглого стола» «Миграционная политика в России: интеграция или чайнатауны?»: «Создание этнических поселений – чайнатаунов – может привести только к ухудшению положения». Сенатор считает, что государство должно осуществлять эффективную политику интеграции ассимиляции и адаптации приезжих. Только такой подход позволит успешно противостоять проблемам мигрантофобии и межнациональной розни².

Изучение феномена на примере стран Америки и Европы может помочь пониманию этой проблемы в России. Специалисты оценивают численность китайской диаспоры в 35 до 80 млн человек в 140 странах мира. Их суммарный годовой доход оценивается в триллион долларов. Экономисты отмечают, что «китайское экономическое чудо» стало возможным во многом благодаря эмигрантам. И правительство КНР сняло любые ограничения на перевод денег из-за рубежа в Китай³.

Китайские кварталы в США и Англии имеют 200-летнюю историю. У крупнейших «чайна-таунов» Нью-Йорка, Сан-Франциско, Хьюстона и Лондона есть свои интернет-сайты, а их посещение входит в обязательную экскурсионную программу. Китайские кварталы считаются относительно спокойными в смысле безопасности. Около 1,5 млн китайцев в США имеют самый высокий средний доход по сравнению с любой другой этнической группой⁴.

Все знают, что чайнатаун – эта некая территория вне Китая, где китайцы живут и занимаются экономической деятельностью. Но насколько полон этот образ? Безусловно, на первых порах китайцы жили на территории чайнатауна и вся их экономическая деятельность была тесно связана именно с ним. Но новые поколения перестают

¹ Курто О. Чайнатауны в России // <http://www.zvezda.ru/politics/2009/04/08/chinatowns.htm> (7.09.2010).

² «Чайнатаун – не для России», Совет Федерации ФС РФ // «ЭЖ». 2009. № 50. Режим доступа: <http://www.eg-online.ru/> 5.08.20010.

³ Терехов А. Жители Поднебесной медленно, но верно завоёвывают Москву. Многоукладная китайская экономика в российской столице. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0157/gazeta06.php> (21.10.2010).

⁴ Там же.

нуждаться в чайнатауне в качестве места жизни и работы. Большинство образованных и успешно интегрированных китайцев предпочитают проживать вне чайнатауна, продолжая при этом держать связь с китайской общиной. Таких китайцев больше заботит сохранение идентичности их детей. Поэтому они отправляют своих детей учиться в китайскую школу чайнатауна, пытаясь всячески привить им интерес к китайской культуре, традициям и языку.

С одной стороны, это сложный социокультурный организм, имеющий долгую историю развития и трансформации. Его нельзя назвать полностью китайским или, к примеру, американским. Он, скорее, представляет способ и механизм адаптации китайцев к принимающему обществу. С другой стороны, с течением времени появились такие чайнатауны, которые утратили свои первородные адаптивные функции и стали чем-то вроде туристического объекта, где китайцы «работают китайцами», воспроизводят традиционный китайский образ жизни для туристов, гостей квартала. В реальной же жизни они не так нуждаются в чайнатауне, как первые поколения китайских иммигрантов. Иными словами функции чайнатауна менялись вместе с изменениями самих китайцев¹. Их самосознание, задачи и цели изменялись с течением времени под воздействием принимающего общества, которое также поменяло свои задачи по отношению к китайцам.

Для понимания феномена чайнатауна важно посмотреть на более чем вековой опыт их существования. И попытаться ответить на вопросы: почему они возникли? Что заставляет китайцев жить вместе? Каковы функции чайнатауна и через какие механизмы они работают?

Изначально основной движущей силой для создания китайского городка вне Китая являлась взаимопомощь и облегчение адаптации к принимающему обществу. Формирование чайнатаунов в США началось с объединения китайских рабочих в маленькие группы. Это было жизненно необходимо. Многие не знали английского языка, законов новой страны, поэтому им была необходима помощь более опытных соотечественников². Так зарождалась социальная сеть, структура нынешних чайнатаунов. Первые китайские иммигранты в США были мужчинами и приезжали без семей, исключительно на заработки. В их планах не было постоянного проживания в новой стране, да и на родине не очень жаловали перебежчиков. Но времена менялись, менялась экономическая и политическая ситуация в мире, менялась формация людей, вместе с тем менялись и китайские иммигранты, а главное, их цели и желания.

¹ «Reflection of the Historical Track of Chinese Immigrants – Change in Chinatown». Режим доступа: <http://www.chinatownconnection.com/change-chinatown.htm/> (04.10.2010).

² Takaki R. A different mirror. A history of multicultural America. LB&C Ltd.: USA, 1993.

Разительные перемены в китайской иммиграции начались с принятия Закона об иммиграции 1965 года в США и канадского Закона о въезде иммигрантов 1967 года. Американская политика придавала большее значение семейному объединению, а по канадскому закону предпочтение давалось китайцам с какими-либо навыками или богатством. Современная китайская иммиграция в Северную Америку началась после 1970-х годов, когда китайское население Северной Америки не только увеличилось во много раз, но также стало культурно, лингвистически и социально-экономически разнообразным. Теперь в принимающей стране они видели не только место работы, но и вторую родину. И их естественным желанием стало постоянное проживание вместе с семьей. Пережив сложную эру запретов и исключений, они смогли эволюционировать как этническое сообщество.

Сплоченности китайцев за границей способствовали традиционные принципы китайской семьи и дружбы. В традиционном Китае одна из самых важных единиц общественной организации – семья. Семейные принципы были основой формирования не только китайского семейного бизнеса, различных ассоциаций и организаций, но и чайнатауна в целом. Даже современные китайские иммигранты, которые благополучно устроились в принимающем обществе, продолжают следовать этим принципам. В сообществах китайских американцев отношения между родственниками использовались для организации социально-экономической жизни. Социальная структура чайнатауна также строилась в основном на принципах традиционной китайской семьи. Такая сплоченность и коллективизм способствовали адаптационным процессам китайцев в принимающем обществе. Китайская семья – это и экономическая единица, где финансовые и трудовые ресурсы объединены вместе в экономических целях. Это также единица потребления – с общей кухней, бытом и т. д. Таким образом, взаимное уважение членов семьи, разделение труда является залогом процветания и подталкивает людей к семейной солидарности. Семья – фонд китайской культуры. Молодому поколению прививаются ценности с раннего детства. В китайской семье используется особая терминология, чтобы отличить возраст, пол, поколение и происхождение человека. К старшим поколениям относятся с особым уважением.

Китайская семья в Америке значительно отличается от семьи в Китае. Как и другие социальные институты, она претерпела изменения в результате адаптации. Сейчас можно выделить четыре типа семей: 1) семья, где муж был в Соединенных Штатах, а жена и дети были в Китае; 2) семья, где китаец женился на американке; 3) семья,

которая состояла лишь из отца, матери и детей; 4) семья, где у китайца второго поколения уже была собственная семья¹.

Старые иммигрантские семьи и их отношения отражают китайские семейные отношения Старого Света. Как и в других странах, скромное проживание — залог успеха в бизнесе. Бережливость — начало успеха. Сэкономленные деньги используются: 1) чтобы расширить бизнес; 2) чтобы купить недвижимое имущество; 3) чтобы купить драгоценности, которые являются страховым фондом; 4) чтобы отправить детей в Китай, для получения китайского образования и, возможно, для женитьбы. Деньги редко вкладываются в банки из-за недостатка в знаниях, понимания банковских процедур, английского языка.

Семейная жизнь и опыт не были равными даже среди второго и третьего поколения китайских иммигрантов. Все еще существовали разные типы китайских иммигрантов: из старых иммигрантских семей, из новых иммигрантских семей, из семей китайцев высоких слоев общества, которые приехали в Америку получить образование, из китайско-американских семей. Из четырех главных типов китайских семей три распространены в сегодняшних чайнатаунах: 1) старые иммигрантские семьи; 2) китайско-американские семьи и 3) новые иммигрантские семьи².

В дополнение к тому, что чайнатаун является экономическим центром, он также является центром передачи основных китайских ценностей, формируя характер молодых китайцев. Чайнатаун — это этнический анклав, в котором жители узнают о культуре принимающего общества, ведут свой бизнес, взаимодействуют со своими соотечественниками и передают этническое наследие молодежи. По крайней мере, таковым он был первоначально.

Особенности китайской семьи в Америке были во многом обусловлены социально — экономической ситуацией. Коллективизм, помноженный на идеологию Конфуция, привел к расцвету большой патриархальной семьи. Все это создало условия, при которых стремление близких родственников жить вместе стало резко преобладать над любыми сепаратистскими тенденциями. На основе семейных отношений создавалась социальная структура чайнатауна, большинство ассоциаций организовано именно семьями. Сохранение принципов традиционной китайской семьи — это еще один способ адаптации китайцев в принимающем обществе.

Однако под влиянием принимающего общества и в процессе адаптации к нему китайская семья претерпела ряд изменений, развиваясь в соответствии с общемировыми тенденциями. Подобные

¹ Wong, Bernard P. Chinatown, economic adaptation and ethnic identity of the Chinese. 1982.

² Там же.

изменения являются не столько результатом влияния образа жизни принимающего общества на китайское общество, сколько объективным следствием модернизации и связанными с ней социально-экономическими процессами. Имеет место дестабилизация традиционной модели института семьи и формирование на основе нуклеарного типа семьи многообразных вариантов посттрадиционной модели. Изменяется место и роль человека в общественном производстве и обществе в целом, что не может не отражаться на институте семьи¹.

Что касается функций чайнатауна, то главная из них — это помощь в адаптации иммигрантов, которая осуществляется главным образом через социальную структуру. Организация большинства китайских кварталов Северной Америки следует за теми же самыми принципами, что и в Китае. У них есть свое «неофициальное здание муниципалитета» и свой «неофициальный мэр», масса организаций, известных как ассоциации, которые взаимосвязаны и формируют национальную организационную сеть. В пределах каждого чайнатауна есть семейные, профессиональные, политические, региональные и лингвистические ассоциации, которые составляют формальную социальную структуру. Эти ассоциации организованы согласно традиционным принципам общественной организации в сообществах ранних китайских иммигрантов. Однако традиционные ассоциации имели больше контроля над китайскими жителями в прошлом, чем они имеют сейчас.

Подобно Китаю, ассоциации выполняют функции: 1) социальные; 2) сохранение культурного наследия; 3) урегулирование споров; 4) финансовая помощь: некоторые фамильные ассоциации выдают кредиты, помогают в переводе денежных средств, временное трудоустройство предоставляют услуги для безработных и пожилых людей.

Агентства же и профсоюзы ориентированы на принимающее общество. Фактически, у многих из них есть прямые связи с правительством, церквями, профсоюзами, и некоммерческими и благотворительными организациями принимающего общества. Они служат мостами между Китайским кварталом и обществом.

Специфические составы социальных структур американских чайнатаунов отражают также сложность экономической системы и современной политики США. Китайские ассоциации и организации хоть не столь важны, как в прошлом, но существуют в чайнатаунах и играют определенную роль в их социально-экономической жизни. На первом этапе развития китайского сообщества они брали на себя адаптационные функции, сейчас же их деятельность больше на-

¹ Hsu John. *Asia American X: An Intersection of 12st century*, Asia American Voices, University of Michigan, 2004.

правлена на сохранение идентичности. Под руководством крупных ассоциаций создаются китайские школы в Америке, и всячески пропагандируется китайский образ жизни.

Здесь же следует отметить и отрицательное влияние традиционных ассоциаций на процесс адаптации и интеграции китайцев в принимающее общество, так как на данный момент их основной целью является поддержание автономности китайского сообщества. Они защищают интересы властвующей элиты и традиционных предпринимателей, продвигая идеи традиционной социальной структуры чайнатауна. Все это способствует изоляции китайского.

Чайнатаун обладает еще одним инструментом адаптации мигрантов – это китайско-язычные СМИ. Нужно отметить изобилие китайскоязычных газет, изданных в различных городах мира. Печатные СМИ продолжают играть центральную роль в жизни различных китайских сообществ.

Волна китайской иммиграции создала огромную потребность в китайскоязычных СМИ, поскольку появлялись новые иммигранты с разнообразной занятостью и с ограниченным знанием английского языка. Они искали способы получить информацию, восстановить социальные сети и жить комфортно на своей новой родине. Современные иммигранты, включая сверхмобильных, оказываются в парадоксальной ситуации – они добровольно уехали из своей родины, но остаются эмоционально связаны с ней. Они стремятся стать частью своей новой родины, но часто их желание блокируется плохим владением английского языка и культурными барьерами. Таким образом, они нуждаются в поддержке. Китайскоязычные СМИ появились, чтобы удовлетворить их потребности и помочь новым иммигрантам приспособиться к жизни в новом государстве.

Этнические СМИ соединяют иммигрантов с основным обществом. Выступают в роли инструмента для облегчения адаптации иммигрантов. По прибытии новые иммигранты нуждаются в информации о жилье, рабочих местах, бизнесе, инвестиционных возможностях, школах для детей и т. д. Как информационные агенты, этнические СМИ удовлетворяют различные потребности новых иммигрантов. Вторая их функция – это помощь в дальнейшем развитии иммигрантского сообщества в принимающем обществе. Третья функция – постепенное повышение культурного уровня иммигрантов. Они поддерживают тесный контакт иммигрантов с родиной, таким образом ослабляя психологические и эмоциональные проблемы китайцев¹.

¹ Wanning Sun. *Media and the Chinese diaspora community, communications and commerce*. New York: Routledge, 2006.

Кроме того, они создают возможности для культурного развития китайских иммигрантов и поддерживают различные хобби, которыми китайцы увлекались на родине. Но некоторые особенности чужой культуры не понятны для китайцев. Языковой барьер усиливает это непонимание. Для китайцев это сравнимо с нахождением в культурной пустыне, в то время как китайскоязычные СМИ заполняют эту пустоту.

Китайско-язычные СМИ являются одним из типов этнического бизнеса и связующим элементом между китайским сообществом и принимающим обществом. Они предоставляют иммигрантам детальные дорожные карты, карту местности, культурных учреждений и т. д. Однако основным вопросом остается: являются ли китайские иммигранты, пользующиеся этническими СМИ, интегрированными в жизнь на их новой родине? Ответ — и да, и нет. Да — потому что они чувствуют себя комфортно. И нет — потому что они все еще не говорят на языке принимающего государства и, вероятно, никогда не будут, потому что их и так все устраивает. Как разрешить подобную проблему? Если проявить подход, основанный на полной ассимиляции иммигрантов, то вероятнее всего иммигрантское сообщество и этнические учреждения утратят свою важность и, в конечном счете, станут препятствием в ассимиляции. Китайскоязычные СМИ намеренно или не намеренно душат стимул иммигрантов вступать в контакт с представителями других этнических групп и принимающим обществом в целом, тем самым заманивая их в ловушку, в постоянную изоляцию. Даже при том, что китайскоязычные СМИ в Северной Америке все еще в значительной степени явление первого поколения, и они могут постепенно вымирать с уменьшающейся иммиграцией, но на данный момент их рост продолжает оставаться сильным.

Среди функций чайнатауна можно выделить еще одну — это предоставление мигрантам возможности осуществления экономической деятельности на своей территории. В США с 1850-х годов первым организованным бизнесом у китайских иммигрантов были рестораны и прачечные. Скорее всего эти занятия - результат адаптации к экономической обстановке в США. Экономическая ниша, занятая китайцами, продолжала развиваться в течение 130 лет их существования в Америке. В дополнение к ресторанам и прачечным они открыли фабрики по пошиву одежды, продуктовые магазины, большинство которых было расположено в чайнатауне. Фактически — это адаптивная стратегия, потому что только здесь можно получить достаточно большую клиентуру и поддержку от ассоциаций и соотечественников.

В течение эры притеснений китайцев в США иммигрантское сообщество было пространственно и социально изолировано в китайских кварталах. Экономика, развивавшаяся в чайнатаунах, ориен-

тировалась и была ограничена определенными нишами, такими как ресторанный бизнес или низкоквалифицированная работа. Сейчас, даже если новые китайские фирмы организованы вне анклава, они тесно связаны с ним. Это явление названо социологами «этнической экономикой анклава», которое отличается от понятия «этническая экономика». «Этническая экономика анклава» включает и территориальное измерение (основанное на географической концентрации этнических фирм и поселений) и социальный параметр (глубокое воздействие на социальные структуры этнического сообщества). Некоторые этнические фирмы стали объединяться, создавать крупные структуры. Эти этнические фирмы не полагаются ни на особый этнический рынок труда, ни на этнический потребительский рынок. Они оказывают относительно небольшое материальное влияние на иммигрантское сообщество в целом, за исключением того, что могут быть представлены как модель успеха для других бизнесменов. Так менялась экономическая деятельность китайцев в чайнатауне. В конечном итоге чайнатаун стал не так нужен китайцам для осуществления экономической деятельности, как на первых этапах развития¹.

Еще одна функция чайнатауна — это его образ. В реальной жизни чайнатауна может и не быть, но в представлении людей он существует. В последнее время чайнатаун обрел популярность и оброс мифами. Про него снимают фильмы, пишут книги, делают видеоролики. Сегодня трудно найти человека, который никогда не слышал о чайнатауне, он у всех на слуху. Популярность и стереотипы делают свое дело. Большинство людей, не вникая в суть феномена, называют чайнатауном любую местность, населенную даже небольшим количеством китайцев. С другой стороны, благодаря такой популярности чайнатаун обрел новую функцию — туристического объекта.

Чайнатаун становится предметом вдохновения для деятелей искусства. Известный художник Алек Рапопорт, вдохновленный образом чайнатауна Сан-Франциско, посвятил ему картину «Chinatown girl». Александр Левинтов написал в своем эссе «Мона Лиза Чайнатауна» так: «Чайнатаун — место, где мы начинаем догадываться о причинах своего прибытия и пребывания на Земле. И в этом смысле чайнатаун — не только часть Сан-Франциско, но весь Сан-Франциско — чайнатаун, вся Калифорния — чайнатаун, а если зажмуриться от политических и географических предрассудков, весь мир — чайнатаун, и даже Китай — зыбкий в своей тесноте и толчее чайнатаун, всего лишь. А мы — заядлые китайцы»².

¹ Там же.

² Левинтов А. «Мона Лиза Чайнатауна». Режим доступа: <http://www.lebed.com/1998/art533.htm/> (14.09.2010).

Раздел 5.
Миграционная идеология. Стереотипы,
образы, фобии

Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов

Современные масштабы притока и роль в экономической жизни трудовых трансграничных мигрантов — **принципиально новое явление** для России. Она постепенно становится страной мигрантов, приобретает новое качество. Это не просто неизбежный, жизненно необходимый, но и болезненный, конфликтный процесс. В страну приходят новые люди, формируется новое качество «старых», возникают новые группы в сложной и динамично меняющейся палитре общественных отношений. Стремительное и неожиданное появление нового элемента в культурной, этнической, социальной картине мира неизбежно нарушает прежние равновесия, формирует почву для появления сложнейших проблем и конфликтов.

Это ставит перед государством и обществом принципиально новые и очень сложные проблемы. Чрезвычайно важно, в частности, оценить факт присутствия мигрантов и выработать стратегию и практики отношения к ним, модели собственного поведения. И за два прошедших десятилетия не просто миллионы людей пришли в движение — сам факт такого движения тоже вошел в сознание людей. Идет интенсивный процесс осмысления и оценки феномена в общественном сознании с тем, чтобы заполнить это «белое пятно» в радикально трансформирующейся «картине мира».

Процесс осмысления и выработки отношения происходит на разных уровнях: в обыденном сознании, в идеологической и политической сферах, в научных исследованиях. Между этими уровнями нет непреодолимой границы, идет активный процесс взаимодействия, взаимовлияния. Действует эффект сообщающихся сосудов. Самый яркий пример — гигантское количество геополитических «исследований», где задачи чисто научные, эвристические, отесняются на второй план идеологической оценочностью и целеполаганием.

Эти процессы чрезвычайно важны — ибо от того, как будет осмысливаться роль и место мигрантов в обществе, во многом зависит траектория развития России: характер и темпы ее экономического развития, уровень конфликтности, социальной и политической стабильности, характер политического режима.

¹ Дятлов Виктор Иннокентьевич — профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия», заместитель главного редактора независимого научного журнала «Диаспоры».

Одной из стратегий осмысления проблемы и выработки отношения к ней становится мигрантофобия. Мигрантофобия – неизбежная составная часть адаптационной реакции принимающего общества. Она стремительно и мощно вошла в уже существовавший ксенофобский комплекс, придала ему новое качество и размах. Иногда она принимает форму прежде существовавших этнических, расовых или культурных фобий, часто и рассматривается в таком качестве. Однако в качестве «чужаков» могут восприниматься не только представители этнически или культурно иных групп. Галина Витковская убедительно показала существование мигрантофобии в ее «чистом виде» – как реакцию отторжения, оценки в качестве «чужаков» русских вынужденных переселенцев и беженцев русским же принимающим обществом¹.

Неизбежный и необходимый механизм подобной работы – формирование стереотипов. Стереотип – это, прежде всего, выработка отношения. Не столько эвристический, сколько оценивающий взгляд и способ упорядочения социальной информации. Это сфера априорного до/вненаучного знания. Поэтому по условию стереотипы не нуждаются в критике источников, в верификации, во внутренней логике и непротиворечивости отдельных постулатов. Но именно они, а не позитивное научное знание формируют отношение общества и властей к процессу миграции и к мигрантам. Отражая преобладающее пока отношение к мигрантам, стереотипы структурируются по преимуществу вокруг ксенофобских комплексов.

Стереотипы – это сложная система, развивающаяся во времени и пространстве. Поэтому так важно посмотреть на них изнутри, постараться увидеть, как они меняются, каковы их региональные варианты, как воспринимаются и оцениваются мигранты из разных стран. Правомерна гипотеза о том, что стереотипы на их счет могут в чем-то совпадать, а в чем-то и отличаться. Принципиально важно посмотреть, какую роль в их структуре играют категории, относящиеся к этнической сфере («китаец», «таджик», «киргиз», «узбек», «казах»), какую – к политико-правовой («гражданин КНР», «гражданин Таджикистана» и т. д.). Как это соотносится с категориями миграционной ситуации («мигрант», «трудовой мигрант», «гастарбайтер»). Как часто и в каком контексте используется лексика, насыщенная оскорбительными, негативными или иронически-саркастическими коннотациями.

Этому может помочь изучение генезиса их формирования, процесса использования как соответствующего наследия советской эпохи (узаконенного и привычного «национального дискурса»,

¹ Витковская Г. Вынужденная миграция и мигрантофобия в России// Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 151 – 191.

комплексов «иностранца», «торгаша», образа «кавказского торговца»), так и освоения новых слов и новых смыслов («гастарбайтер», например).

Такая постановка задач не предполагает каких-либо количественных оценок, изучения масштабов распространенности и интенсивности стереотипов. Это задачи преимущественно количественной социологии.

1. «...из какого сора...». Вклад советского наследия

Важную роль в понимании стереотипов, их содержания и оценочной насыщенности может сыграть изучение их генезиса, описание «исходного материала» для такого процесса. Феномен массовой трансграничной миграции и массового повседневного, рутинного общения с мигрантами нов для российского общества, соответственно — новы и стереотипы. Однако мало что возникает на пустом месте, массовое сознание инертно и предрасположено пользоваться имеющимися образцами, стереотипами и моделями для осмысления нового, для встраивания новых феноменов в сложившуюся картину мира. Исследовательская гипотеза состоит в том, что осмысление нового феномена, его стереотипизация велись не на пустом месте. Активно использовался исходный материал прежнего опыта, новое явление осмысливается с позиций старого опыта, новые стереотипы и фобии проросли из старых. Поэтому так важно осмысление традиции.

Традиции как дореволюционной, так и в первую очередь советской — учитывая длительность советской эпохи, когда сменилось несколько поколений, а также произошло истребление целых социальных слоев и профессиональных групп, являвшихся носителями традиции дореволюционной. В контексте изучаемой проблемы советская эпоха породила беспрецедентные потоки внутренних миграций и беспрецедентную же закрытость от миграций внешних.

Это породило и специфический набор стереотипов и фобий. Тем более, что их формирование было в значительной степени результатом целенаправленной и интенсивной политики власти. Для закрытого советского общества ксенофобии играли фундаментальную роль в качестве инструмента идеологической, политической мобилизации и контроля со стороны властей. Они несли огромную консолидирующую функцию и операционально использовались в этом качестве. Власть приобрела огромный опыт и профессионализм в деле сознательного и целенаправленного регулирования и формирования этой сферы общественного сознания. В качестве механизма психологической компенсации они были необходимы и

населению, обычному человеку. Поэтому генерирование их шло и сверху, и снизу. Иногда это было движением в одном направлении, иногда в разных.

Гигантскую роль в жизни советского общества играл «образ врага»¹. Собственно, без «врага» и его образа оно существовать просто не могло как общество мобилизационного типа. Мобилизация непредставима без врага, который и является ее главным оправданием, легитимацией.

Враг, как известно, бывает внешний и внутренний. Традиционно власти выстраивали процесс их поиска и конструирования на «классовом» поле, предлагая в качестве мобилизующего и сплачивающего инструмента «классового врага». Сформировался комплекс «пролетарского интернационализма» — до войны мощный и действующий, после нее — выхолощенный, ритуальный, но важный как часть традиции, как одна из основ легитимации политического строя и режима. Даже при скептическом к нему отношении среди элиты, он должен был учитываться. Этим значительно ограничивалось поле *официально* признаваемых, создаваемых и разделяемых ксенофобий. За пределами этого поля (а чем дальше к завершению советской эпохи, тем больше эти пределы расширялись) существовала ситуация лицемерного «взаимного подмигивания» (по Д. Фурману)². Поэтому традиционно внутренний враг конструировался на социальном и политическом основании: «кулак», «буржуй», «троцкист», «оппортунист». Позднее — «торгаш», «спекулянт», «тунеядец», «мещанин».

Особого внимания заслуживает массовый и глубоко укорененный комплекс «торгаша». В его формировании и функционировании сомкнулись и дали мощный эффект официальная пропаганда и массовые традиционалистские антирыночные настроения. При всей развитости (особенно в «период застоя») теневых рыночных отношений («черный рынок», «спекуляция», «блат»), многочисленности и влиятельности *акторов* этих отношений, тотальной зависимости от них практически всего населения, их статус и престиж, место в социальной иерархии (как официальной, так и неофициальной) были крайне низки. Возможностям и богатству «торгашей» завидовали, но к ним самим относились свысока и часто презрительно. Возможно (но это требует отдельного изучения), иным было отношение к торговле и предпринимательству в некоторых национальных республиках СССР, особенно на Кавказе. В целом же го-

¹ Гудков Л. Идеологема «врага» / Л. Гудков. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004. С. 552–649.

² Фурман Д. Несостоявшаяся революция. Политическая борьба в Азербайджане (1988–1993 гг.) // Дружба народов. 1994. № 4. С. 155.

сподствовало моральное осуждение этих феноменов, совпадавшее с их идеологическим осуждением и правовыми запретами и ограничениями.

«Заграница» была внешним врагом. Но и там преобладал «классовый враг». Это был «мир эксплуатации и угнетения», где злодействовал «Мистер Твистер, бывший министр, миллионер» и прочие «буржуины». И где-то на втором плане страдал пролетариат. В период разрядки и застоя «заграница» стала обретать новые черты и коннотации. Ситуация дырявого «железного занавеса» формировала в закрытом, бедном обществе сложный комплекс вражды и зависти, высокомерного превосходства (идеологического и державного) и неполноценности. Квинтэссенцией этого отношения стала фраза из классического советского анекдота: «заграница» гниет — но как пахнет!». Отсюда — сложный синдром «иностранца». Шла эволюция от «мистера Твистера» и «шпиона» — к «интуристу», сложившемуся в советские времена устойчивому и богатому смыслами стереотипу. «Интуриста» мгновенно отличали по облику, одежде, раскованной манере поведения. Это был «человек с Луны», из другого мира, мира благополучного и вызывающего зависть. Не просто выходец из другой страны, но из другого измерения, другой касты. Обладающий правами и возможностями, несопоставимо более высокими, чем у советского человека. «Хорошо иностранцу, он и у себя дома иностранец», как заметил в свое время М.Е. Салтыков-Щедрин.

Инструментальное использование власти в качестве внутренне-го врага этнических групп практиковалось, но в виде исключения. Этого стеснялись. Общеизвестен государственный антисемитизм после Второй мировой войны, стыдливо прикрывавшийся «борьбой с сионизмом». Он опирался на массовые народные настроения, фиксируемые и ранее, но особенно выросшие во время войны. Они были частью низовых ксенофобских комплексов на этнической основе. Кризисные и конфликтные ситуации демонстрировали, что под слоем «пролетарского интернационализма» «залегал» массовый и мощный слой бытовой ксенофобии. Однако в 1960–80-х гг., несмотря на широкое распространение антисемитизма среди правящей элиты, он утрачивает прежнюю роль в массовых настроениях. Ему на смену приходит, условно говоря, антиазиатский комплекс. «Черные», «чернозадые», «чурки», «хачики», «баклажаны» и т. д. — эти оскорбительные эпитеты становятся массовыми и повсеместными. Постепенно на этой базе сформировался синдром «кавказофобии», ставший на небольшой, но важнейший по своей значимости для России период 1990-х гг., лидирующим, преобладающим.

Поддержанию и укреплению этностереотипов и этнофобий способствовал ключевой для господствовавшей идеологии дискурс

«национального вопроса», «национальных отношений» и «национальной политики». Он воплощался в государственной политике, в практиках обыденной жизни. Через призму «национальных отношений» рассматривалась и расценивалась гигантская совокупность социальных связей и отношений. Чтобы не углубляться в общеизвестные вещи, стоит лишь вспомнить о «национальных республиках», «пятом пункте», содержании школьных и вузовских учебных программ. «Национальная политика» была органической и важнейшей частью государственной политики и государственного строительства, а взгляд на мир, на общественные отношения и связи через призму «национального» (то есть примордиально-этнического) — естественной и практически монопольной позицией подавляющего большинства советских людей.

Когда пришло время массовых трансграничных миграций и необходимости сформировать отношение к ним, а значит и соответствующие стереотипы, именно эти блоки стали первоначальным строительным материалом.

2. «Лихие девяностые»...

Это время пришлось на 1990-е гг., которые по своей значимости для России являются целой эпохой. Эпохой слома прежнего уклада жизни и медленного, мучительного формирования нового. Распада прежних идеологических и ценностных «скреп», лихорадочного поиска новых.

Не случайно сейчас активно формируется миф «лихих девяностых» — «великих и ужасных»¹. Образ «смуты». Он культивируется властями и правящей элитой как оправдание, легитимация «вертикали власти», решающей проблемы стабилизации, наведения порядка, возрождения государства. «Поднимающей Россию с колен».

«Девяностые» уникальны по стремительности перемен, в том числе и в массовом сознании. По концентрации событий, по их динамике и плотности — это действительно революционные годы. Здесь год шел не за два, а за десять. Появлялись новые феномены, приобретали совершенно новое качество старые — было необходимо их осмыслить, для этого и стереотипизировать. При этом ослабевают роль государства как ключевого актора такого процесса. Печальна, например, судьба проекта создания «национальной идеи» усилиями правительственной команды экспертов и по правительственному заказу. Зато радикально вырастает роль масс-медиа, политических группировок и т. д.

¹ Зверева Г. 1990-е: запомнить и... забыть // Отечественные записки. 2008. № 44 (5). С. 152–171.

Радикально возрастает роль массовых фобий – как инструмента консолидации, переформатирования общества, орудия идеологической и политической мобилизации и формирования нового политического дизайна. Огромное значение в условиях всеобщей фрустрации и распада прежних основ приобретает консолидация вокруг символа «общего врага». А в силу конкуренции стратегий консолидации наблюдается и конкуренция фобий. «Красно-коричневые», «ельциновский оккупационный режим», «дерьмократы», «грабительские реформы», «Чубайс» - этот ряд можно и продолжить.

Огромное значение в этом ряду приобретают ксенофобии. И если образ внешнего врага на некоторое время отступает (наблюдается, например, явный спад американофобии), то радикально возрастает значение и роль ксенофобии внутренней.

Несколько слов о контексте событий. Это фрустрация общества из-за стремительных и во многом катастрофичных перемен – распад СССР, травматические события осени 1993 г. Это разгар кризиса, разложение старой системы отношений, связей и ценностей, крах прежней экономической системы. Первые шаги к выстраиванию новой государственности, новых экономических механизмов, новых принципов взаимоотношений. Начальная стадия адаптации к переменам людей, прежней жизнью к этому не подготовленных. Для многих – огромные материальные трудности и непреложная необходимость искать новые сферы занятости и средства к существованию, то есть проблема элементарного выживания. Это также потеря прежних статусов, утрата ориентиров и ощущения своего места в обществе, общий кризис идеологии и системы ценностей, массовая политизация.

И это – актуализация национальных претензий и конфликтов. Они существовали и в советские времена, однако господствовавший тогда «социалистический интернационализм» делал неприемлемой их открытую вербализацию. Бытовой шовинизм присутствовал, но его часто стеснялись. Говорить публично о национальных проблемах считалось делом не очень приличным, и для большинства советских людей это был внутренний запрет. Теперь же национальные конфликты и противоречия обрели открытый характер, теперь они свободно проговариваются, включаются в контекст политической практики как инструмент мобилизации.

Однако в их конфигурации произошли значительные сдвиги. Сразу рухнул миф об извечности и мощи российского антисемитизма. Это первыми почувствовали идеологи и практики национал-патриотического движения, которые на первых порах сделали на него основную ставку. Масса попыток инструментального использования этого конструкта в целях идеологической мобилизации

особого эффекта не принесла. Этот феномен отчетливо фиксируется и анализируется наиболее авторитетными социологическими службами страны¹. И дело не в массовом отъезде и резком сокращении численности евреев. Есть примеры того, как антисемитизм может существовать и без них. Феномен «антисемитизма без евреев» в качестве «общественной патологии» отмечается А. Умландом и А. Шеховцовым как характерный для многих послевоенных европейских государств. И уж тем более показателен экзотический пример с антисемитизмом в Японии². В постсоветской России евреи перестали восприниматься как группа в массовом сознании — и даже феномен еврея-олигарха (вернее его образ) не смог придать синдрому жизненную силу. Нет группы — нет и коллективной ответственности.

Это, кстати говоря, подрывает логику оригинальной, смелой и потому чрезвычайно спорной концепции Эми Чуа. Эта американка китайского происхождения создала впечатляющую и яркую модель вечного противостояния и непримиримой ненависти бедного большинства и богатых и высокомерных меньшинств, контролирующих рыночную экономику³. Как в рамках отдельных стран, так и в мире в целом. Причем в роли господствующих рыночных меньшинств могут выступать, по мнению автора, как традиционные «торговые меньшинства» (типа китайцев Юго-Восточной Азии)⁴, так и российские олигархи-евреи. А по мере глобализации, вся современная Америка (как «*global market-dominant minority*»).

Зато бурно растет «кавказофобия», элементы которой формируются еще в советскую эпоху. Комментируя проблему антисемитизма в России, главный раввин России Адольф Шаевич грустно отметил: «...сейчас на первое место выходят представители Кавказа. Но нас это нисколько не радует»⁵. В силу важности этого феномена ему будет посвящен отдельный раздел статьи. Здесь же важно отметить, что этому способствовало несколько факторов: превращение значительной части выходцев с Кавказа в «граждан ближнего зарубежья», мощный приток оттуда новых мигрантов, их концентрация в секторе нарождающегося легального бизнеса, преимущественно мелкого и среднего. И все это в контексте актуализации национального дис-

¹ Гудков Л. Антисемитизм в постсоветской России // Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М., 1999. С. 44–98.

² Умланд А. Шеховцов А. Праворадикальная партийная политика в постсоветской Украине и загадка электоральной маргинальности украинских ультранационалистов в 1994–2009 гг. // *Ab Imperio*. 2010. № 2. С. 245; Ben-Dasan I. *The Japanese and the Jews*. N.Y.: Weatherhill, 1982.

³ Amy Chua. *World on Fire*. L.: Arrow Books, 2003.

⁴ Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М., 1996.

⁵ Адольф Шаевич: чем отличается кошерная водка от некошерной? И чем отличается один главный раввин России от другого главного раввина России? // Новая газета. 2010. 5 июля.

курса, снятия прежних внешних ограничений и внутренних барьеров, существовавших ранее.

Нетрудно заметить, что в этом перечне впервые возникает проблема трансграничных мигрантов. А уж когда одновременно начался мощный и стремительный поток трудовых мигрантов из Китая, острота и значимость проблемы стала очевидной. И необходимость ее осмысления и стереотипизации.

Заграничное происхождение и статус иностранных граждан осмысливался по-разному. По отношению к «кавказцам» он практически не работал. «Ближнее зарубежье» еще несколько лет после распада СССР воспринималось массовым сознанием как продолжение России, но не как «заграница» в ее советском понимании. Поэтому и граждане республик Закавказья никак не попадали под стереотип «иностранца», тем более «интуриста». Да и не так много россиян в 90-е годы различало этнические и правовые характеристики выходцев с Кавказа, что отразилось и в господстве соответствующей обобщающей терминологии: «кавказцы», «лица кавказской национальности», «граждане кавказской национальности».

Попытка осмыслить китайских трудовых мигрантов в категориях «иностранцев» также наталкивалась на серьезные ограничения. Мелкие торговцы-челноки, рабочие на стройплощадках и в теплицах, бедно одетые, крестьянского облика и поведения, никак не вписывались в стереотип «интуриста». Дело не в расовых характеристиках и коннотациях — японец уже привычно в эту категорию попадал. Дело в тогдашнем отношении к Китаю и к китайцам — отношении снисходительном и часто высокомерном.

К началу же «нулевых годов» потерял прежнее значение и сам «комплекс иностранца». Он поблек после открытия границ и массового освоения «заграницы», ставшей доступной не только для завсегдаев Куршевеля и домовладельцев Лондона, но и для демократического туриста в Египте и Турции. Массовый туризм, трудовая и учебная миграция, браки и прочее стали привычными для представителей низшего среднего класса. Теперь уже не вызывают гомерического хохота (и причины такой реакции непонятны новому поколению) слова М. Жванецкого: «в Париж, по делу, срочно». Нет «заграницы», нет «иностранца», нет и соответствующих комплексов. Почти нет.

Намного сложнее обстояло дело с комплексом «торгаша». Происходила чрезвычайно болезненная «сшибка» систем иерархий. В советской системе иерархии ценностей и статусов «торгаш» был внизу социальной лестницы. Теперь он становился хозяином. И этот переход, практически переворот, произошел почти мгновенно. Трудовые мигранты как из «дальнего», так и «ближнего зарубежья»,

искали применения своему труду в сфере растущей и законной теперь рыночной экономики. Очень многие — в торговле. И все они безоговорочно становились «торгашами» в общественном мнении. Причем не в индивидуальном качестве, а как группа. Это чрезвычайно уязвимая и опасная позиция в обществе, десятилетиями воспитывавшемся в антирыночном и эгалитаристском духе. Верившем в справедливость, необходимость и практическую возможность строительства общества материального равенства. По мере приобщения к рыночной экономике бывших советских людей начинает работать мотив конкуренции. Когда же «торгаша» воспринимаются как представители инородных национальных групп, а сами эти группы — в качестве природных корпораций, частью которых человек является по факту рождения, тогда происходит формирование феномена «торговых меньшинств»¹.

В связи с этим стоит вернуться к «национальному дискурсу». Уже отмечалось, что распад СССР, связанные с этим конфликты, формирование многих новых государств на этнократической основе, кризис советской идеологии и идентичности привел к его радикальному усилению — как в массовом сознании, так и в государственной политике. Придаваемое ему значение подчеркивало создание специального министерства и бюрократических структур на местах, интенсивная работа по созданию соответствующих концепций, формирование бюрократических практик и процедур. Масса самых разнообразных проблем и конфликтов переходного периода рассматривалась в качестве национальных, в том числе и новая миграционная ситуация².

Однако к концу 90-х гг. после интенсивного использования произошло явное разочарование в «национальном дискурсе», в комплексах «иностранца», «торгаша». И на официальном, и на бытовом уровнях. Они оказались малофункциональными, не были насыщены необходимой энергетикой, плохо объясняли новые феномены миграции. Власти явно потеряли практический интерес к инструментальным возможностям «национальной политики», и ликвидация соответствующего министерства стала событием знаковым. Обывателя же сейчас больше волнует не этническое происхождение, а соответствие или несоответствие «норме поведения». Принципиально важен стиль жизни, манера поведения, способы и механизмы социальной адаптации. Происходит постепенная «приватизация этничности».

¹ Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства. . .

² Трансграничные миграции и принимающие общества: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург, 2009. С. 81–94.

Это кажется слишком смелым, возможно, парадоксальным утверждением на фоне бурно растущего национализма. Здесь достаточно посмотреть на энергичную деятельность и немалые ресурсы соответствующих политических партий и организаций, масштаб организуемых ими массовых действий, бесчинства скинхедов, заставляющие предполагать существование националистического подполья, гиперактивность в Интернет. Явно сформировалась массовая база для националистических взглядов, организаций и действий.

Однако можно выдвинуть гипотезу о том, что постепенно меняется основание для стереотипизации, поиска «чужого» и «врага». Формирование стереотипа «таджика» демонстрирует, что происходит эволюция от иностранца и инородца к пришельцу — «мигранту», «гастарбайтеру».

3. «Лица географической национальности».

Образ «кавказца» и «кавказофобия»

Как уже отмечалось, «кавказофобия» была наиболее острой и массовой ксенофобией 1990-х гг. Это фиксировали все социологи, причем разных, часто конкурирующих структур и школ. «Основную массу этнического негативизма по-прежнему образуют антикавказские установки», — из года в год констатировали социологи наиболее авторитетного тогда Всероссийского центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ)¹. Это подтверждалось наблюдениями ученых разных специальностей, об этом постоянно писали журналисты, говорили политики. Напряженность прорывалась серией инцидентов, прокатившихся по всей России. Регулярные погромы на городских рынках стали, по выражению одного журналиста, «национальным видом спорта». И в профессиональные праздники десантных войск рынки закрываются «на санитарный день». А газеты разных направлений пестрят заголовками типа «В хакасском поселке начались “кавказские погромы”», «Погромы выходцев с Кавказа», «В Иванове — расовые беспорядки», «В Саратове тоже разгорается кавказская война», «Граждане “кавказской национальности” могут быть выдворены из Костромы в 24 часа», «Разборки в Приморье», «ОМОН устроил облаву на персики», «Беспредел с помощью законов. Ярославские чиновники успешно воюют с гражданами России из ближнего зарубежья»².

¹ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1994. № 1. С. 17–19; 1995. № 2. С. 22–26; 1995. № 5. С. 14–16, 56–57.

² Известия. 1994. 10 авг.; Российская газета. 1997. 9 июля; Комсомольская правда. 1995. 27 дек.; 1997. 14 мая; Независимая газета. 1993. 31 июля; 1996. 26 октября; Сегодня, 1997. 8 апреля; Номер один, Иркутск. 1997. 11 апреля.

Механизм возникновения беспорядков был стандартен. Конфликт на бытовой почве в раскаленной атмосфере неприязни и страха мгновенно перерастал в более или менее масштабное национально окрашенное столкновение. Власти, не имевшие опыта решения подобных проблем, необходимых для этого ресурсов и институтов, занятые массой других задач, отмалчивались. А иногда шли на поводу погромных настроений или провоцировали их. Классический пример — Краснодарский край. Там были приняты местные законодательные акты, прямо направленные против мигрантов с Кавказа¹. Часто и активно обсуждалась в российской прессе политика московских властей, которые ввели особый режим пребывания для приезжих, прежде всего из стран СНГ. Здесь регулярно проводились проверки документов и другие мероприятия, именуемые журналистами не иначе как «облавы», «зачистки». На неофициальном, а иногда и официальном уровнях не скрывалось, что основной их объект — «лица кавказской национальности». Постоянными были жалобы представителей диаспор на дискриминацию, притеснения и унижения со стороны властей, особенно милиции². Это приняло такие масштабы и формы, что вызвало официальный протест посла Азербайджана. Он охарактеризовал ситуацию как «жандармский произвол, унижение человеческого достоинства, гонения по этническим признакам»³.

В этой обстановке приобретал новое качество сформировавшийся в поздние советские годы образ «кавказца» — временного мигранта из советской, но культурно чужой провинции. Человека, активно и успешно занимающегося не одобряемой властями и осуждаемой общественным мнением полулегальной предпринимательской деятельностью. К тому же выделенного обликом, особенностями поведения и бытовой культуры. «Торгаши», «чужие», «черные» (как маркер культурной чужеродности) — вот основные, как видим, негативные составляющие этого стереотипа.

Это был результат массового контакта российского населения с мигрантами с Кавказа. В 1960-80-е гг. отсюда сформировался поток трудовых мигрантов, причем в значительной своей части ускользающий от государственного контроля и регулирования: «шабашники», рыночные торговцы овощами, цветами и фруктами. Они олицетво-

¹ Осипов А. Краснодарский край: миграция, национализм и региональная риторика // Кавказские Региональные Исследования. 1996. № 1. С. 81-93; Вынужденные мигранты и государство. М., 1998. С. 139-198.

² Гессен М. Кавказ в Москве // Итоги. М., 1996. 3 сент.; Арифджанов Р. Москва азербайджанская // Столица. М., 1997. № 5.

³ Независимая газета. 1996. 2 июня; См. также: Комсомольская правда. 1993. 24 нояб.; Известия. 1995. 6 янв.; 1995. 10 февр.; 1996. 24 июля; 1996. 26 июля; 1997. 29 мая; Правда. 1996. 20 июля; Сегодня. 1997. 27 июня.

ряли не только иной тип поведения, но и иные мораль и образ жизни, не одобряемые как официальной идеологией, так и общественным мнением. То, что оценивалось как «торгашество». Массовый отдых на Кавказе породил «курортный синдром». Как пишет в своем замечательном исследовании А.А. Цуциев, «тревожный, угрюмый и разбойничий Кавказ, “Кавказ-вызов” уступает место Кавказу курортному, прирученному. Любовник-грузин был последним советским романтическим образом кавказцев, уже почти целиком анекдотическим»¹. Подспудное раздражение открыто прорвалось в вызвавшем огромный скандал на заре перестройки рассказе Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии»².

Но это было именно раздражение, копившееся тогда у всех и против всех по причине общего кризиса советской системы. Новое качество и размах этой ксенофобии придали 1990-е годы. Именно тогда бытовое ворчанье переросло практически в паранойю. «Кавказофобия» стала предметом научного внимания, хотя и явно недостаточного на фоне масштаба проблемы³. Эта историографическая традиция дает возможность сосредоточиться на некоторых важных в контексте данной работы проблемах.

На причинах накала и масштабов «кавказофобии» в России девяностых, прежде всего. Ключевые опорные точки ее сформировались ранее. Здесь необходимо подчеркнуть, что предметом внимания является именно образ, синдром, а не соответствие его объективной реальности. Выявление соответствия «кавказца» российского массового сознания реальным жителям Кавказа, гигантскому и противоречивому комплексу их свойств, связей и отношений — задача иных исследований. Мало того, есть большие сомнения относительно того, решается ли эта задача в принципе.

Итак, образ «кавказца». Это «гости», «наглые чужаки», не желающие уважать порядки и обычаи «хозяев». «Торгаши», навязыва-

¹ Цуциев А. А. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов // Дружба народов. 2005. № 10.

² Астафьев В. Ловля пескарей в Грузии // Наш современник. 1986. № 5.

³ Цуциев А.А. Указ. соч.; Мамедов М. Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом // Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М., 1999. С. 104–114; Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М., 1999; Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000; Дятлов В. «И тогда мама взяла обрез...». Самосуд и отношение к чужакам в общественном мнении российской провинции 1990-х годов // Вестник Евразии. 2008. № 4. С. 142–176; Шнирельман В. Мигрантофобия и «культурный расизм» // Ab Imperio. 2008. № 2. С. 287–323; Левинсон А. «Кавказ» подо мною: краткие заметки по формированию и практическому использованию «образа врага» в отношении «лиц кавказской национальности» // Образ врага. М., 2005; Карпенко О. Как и чему угрожают миграции? Языковые игры в «гостей с юга» и их последствия // Миграция и национальное государство. СПб., 2004. С. 62–84.

ющие враждебную систему ценностей. Люди, связанные круговой порукой общинных отношений, несущие поэтому коллективную ответственность. Новое качество этим свойствам придал контекст эпохи. Фрустрация, растерянность и потеря прежних жизненных ориентиров и опор у основной массы населения. Острота проблемы выживания. Неизбежная озлобленность. Поиски того, «кто виноват», острый спрос на «козла отпущения». Национальные конфликты после распада СССР с эпицентром на Кавказе и демонстрируемый там разгул насилия и жестокостей, острое ощущение полной незащищенности человека. Чечня.

Образование новых независимых государств и неизбежное перестроение представлений о том, кто «свой», кто «чужой». Двусмысленность «нового зарубежья» и его граждан. Они еще не воспринимаются в качестве полноценных «заграницы» и «иностранцев», но уже и не признаются «своими». Более того, распад страны, оцениваемый в метафоре «скандального развода», формирует отношение подозрительности и ревности¹.

В этих условиях — «залповый» выброс с Кавказа (как российского, так и обретающего независимость) сотен тысяч, возможно, даже миллионов новых мигрантов. Массовая миграция оказалась не растянутой по времени, что не давало возможности постепенной взаимной адаптации. Массовые и повседневные контакты с новыми мигрантами создавали ситуацию острого контраста и конфликта культур, типов и манер поведения — тем более, что облик *этой* миграционной волны формировали выходцы из традиционалистской деревни. Различия деревенской и городской культур оценивались в привычных «национальных», то есть примордиально-этнических категориях. Ориентация основной массы мигрантов на занятость в мелком и среднем бизнесе, где и без того существовала жестокая конкуренция. Видимый успех некоторых из них, особенно тех, кто занимался предпринимательством в советскую эпоху и приобрел в результате заметные стартовые преимущества: деньги, связи, опыт и психологию. Сознательное формирование из выходцев с Кавказа «образа врага» частью элиты, причем не только той, что относила себя к национал-патриотическому идейно-политическому лагерю. Хотя на первых порах этот ксенофобский мобилизационный потенциал ими был оценен не сразу, только после разочарования в еврейской, прибалтийской и других объектах.

В силу этих причин «кавказофобия» была неизбежна. Однако не только эти факторы предопределяли кажущийся иррациональным накал и масштабы неприязни и даже ненависти девяностых годов. Причину этого я бы искал в мощном комплексе унижения и страха,

¹ Гусейнов Г. Карта нашей родины: идеологема между словом и делом. М., 2005. С. 15.

в ощущении того, что именно отсюда исходит **реальная** угроза базовым ценностям и основам безопасности. В образе «кавказца» сконцентрировались все страхи переходной эпохи: чувство незащитности перед «разгулом рынка», перед массовым индивидуальным насилием, пришедшем на смену насилию государственному, перед распадом прежней иерархии ценностей и социальных отношений. Это был страх людей, лишившихся привычной патерналистской защиты «большого брата». Людей, внезапно оказавшихся в мире, где ранее преследуемые, осуждаемые и презируемые качества и способности (индивидуализм, общинность и общинная солидарность, предпринимательский образ жизни и соответствующие навыки, способности и ценности) оказались ключевым ресурсом для выживания и захвата ресурсов. Обида на бросившее их государство, в которой причудливо сочеталось терпеливое равнодушие к номенклатурной приватизации с бессильной ненавистью к «олигархам» и «Чубайсу».

Я согласен с А.А. Цуциевым: «Сама проблема идентичности возникает лишь тогда, когда народ ущемлен, ослаблен: в паре большинство — меньшинство уделом именно меньшинства является (часто болезненная) рефлексия по поводу своей идентичности и связанной с нею судьбы. Однако в нынешнюю эпоху мы застаем парадоксальную смену ролей. Русское большинство в стране начинает переживать свою идентичность в стиле “minorities-at-risk”». Он отмечает в качестве причины «парадоксальный “центральный характер” расположения Кавказа в России (проявляющийся, в частности, в активности диаспоры, в экспорте в Россию не сырья, а важнейшего символического продукта — территориальной целостности России, даже более того — символов ее состоятельности как государства и нации)»¹.

Для простого человека, обывателя, защищенное и защищаемое прежде государством общество превратилось в джунгли. Теперь, когда патерналистское государство фактически исчезло, выживал и добивался успеха тот, кто имел опыт жизни вне или в противостоянии ему. Кто мог использовать ресурс семьи, клана. В чьей культуре сохранились элементы племенной морали: “То, что недопустимо в отношении своих, допустимо в отношении других”. Кто был готов и мог явочным порядком присвоить монопольную собственность государства — право на применение насилия. Преимущество теперь было у тех, кто оказался способен лучше и эффективнее мобилизовать и использовать эти ресурсы.

Использование этого ресурса делало «кавказцев» страшным конкурентом в мире российского бизнеса «девяностых». Бизнеса образ-

¹ Цуциев А.А. Указ. соч.

ца 1990-х, основанного на игре без правил, без закона и без государства. В лучшем случае — на понятиях. Но прежде всего, на силе, готовности и умения для ее применения. То, что В. Волков описал в категориях «силового предпринимательства»¹. Ключевой характеристикой образа «кавказца» становится агрессивность и брутальность. Он «торгаш», что уже само по себе плохо. Но в бизнесе он брутальный захватчик и насильник. Для него нет норм, правил, законов и понятий. Он претендует не только на деньги, но и на власть, господство. Претендует, используя силу — физическую и силу денег. Мощный фактор силы — опора на клан и племенная мораль это санкционирующая. Это жестокий и беспощадный конкурент, хищник, поджидающий и пожирающий жертву. «Мы» ощущаем себя полем «их» охоты.

Ярко и талантливо это ощущение и этот образ присутствуют в серии «экономических триллеров» Юлии Латыниной², где видное место занимают чеченцы, «кавказцы» вообще — люди с племенной моралью. И эта племенная мораль — их преимущество и ресурс в мире, где сложился дефицит морали вообще. Важнейшая составляющая этой морали — готовность применить силу к чужаку и пожертвовать собой ради интересов клана.

И хотя чуть ранее я писал о том, что не ставлю задачу соотнести «образ кавказца» с реальным жителем или выходцем с Кавказа, считаю важным процитировать мнение А. Цуциева о том, что «кавказские культуры являются (или конструируются) культурами выраженного мужского доминирования... Сердцевиной этих культур являются маскулинные ценности. Большинство кавказцев в качестве “самых положительных кавказских черт”, в качестве того, что “более всего определяет особенность кавказского характера”, называют именно *мужественность* и все, что с ней связано. Большинство русских также указывают на это фокусное, центральное качество. И здесь кавказский автостереотип совпадает с русским восприятием “канонического” кавказского характера». «Агрессивность поведения (либо в явной, демонстративной форме, либо в форме скрытой угрозы или готовности к силовому противостоянию) является одним из элементов “настоящего мужского канона”. Маскулинность кавказских культур выражается отчасти в том, что агрессивность становится тем стандартом, который сознательно воспитывается, подерживается во взростающихся мальчиках»³.

¹ Волков В. Силовое предпринимательство. М., 2002.

² Латынина Ю. Джиханнам, или До встречи в Аду. М., 2005; Она же. Земля войны. М., 2007; Она же. Ниязбек. М., 2005; Она же. Не время для славы. М., 2009.

³ Цуциев А.А. Указ. соч.

Немного о терминах, которые играли и играют вполне самостоятельную и важную роль в развитии стереотипа, в формировании отношений. С оскорбительными «черные», «хачики», «баклажаны» и т. д. — все понятно и без комментариев. Властно-бюрократический дискурс «отлился» в одиозную формулу «лицо кавказской национальности». Еще в 1994 г. Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации признала его «некорректным и неэтичным»¹. Сейчас благодаря дружному осуждению и массовому ерничанью в СМИ оно почти искоренено. Встречается редко и обычно в ироническом или саркастическом контексте. Словосочетание, изобретенное в советские времена то ли армейскими политработниками, то ли чиновниками лагерной системы или служб МВД², пытавшихся осмыслить и формализовать в национальных категориях сложнейшую систему социальных отношений и связей, неожиданно для них оказалось перенасыщенным смыслами. Причем смыслами пейоративными. Этому способствовало и наложение значений «лицо — персона» - «лицо — физиономия» и очевидная абсурдность выделения «географической национальности». Все это переводило словосочетание в явно расовое и расистское поле. Хотя, по оценке директора Института лингвистики РГГУ Максима Кронгауза, это был бюрократически-неуклюжий, но все-таки способ снять оскорбительный или просто обидный подтекст при назывании этнонимов. Так же как употребление одновременно возникшей конструкции «лицо еврейской национальности» было способом избежать употребления слова «еврей», которое во времена советского государственного антисемитизма приобретает в глазах многих обидный оттенок.

Широко, но с оттенком его сомнения в политкорректности употребляется слово «кавказец» (в кавычках и без). Теоретически, оно находится в одном смысловом ряду с «европейцем» например, включая не только географические, но и социокультурные и иногда даже расовые коннотации. Однако слово «европеец» протеста не вызывает и употребляется широко и свободно. С «кавказцем» сложнее... Однако попытки найти адекватную и полностью нейтральную замену пока безрезультатны. Обнадешивает только то, пожалуй, все больше публично пишущих и говорящих людей стали вдумываться

¹ Решение Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации от 14 июля 1994 г. № 22 «Об этическом аспекте освещения в средствах массовой информации причин преступности» // Российская газета. 1994. 23 июля.

² Левинсон А. Указ соч. // Образ врага. М., 2005; Лиля Пальвелева. Ключевое слово: «лицо кавказской национальности» // Радио Свобода. 2008. 16 мая. (<http://234.adru.net/cgi-bin/href/1467444991&login=radio-in&referer=http%3A%2F%2Fwww.svobodanews.ru>)

в значение слов и, как говаривали в «лихие девяностые», пытаются «фильтровать базар».

В нулевые годы «кавказофобия» меньше привлекает внимание СМИ и исследователей. То есть пишут о ней не меньше и по-прежнему оценивают как основной ксенофобский синдром российского общества. Однако больше по привычке и в связи с явным ростом националистических и фашистских настроений в стране, разгулом связанного с ним насилия. «Кавказцы» из субъекта насилия постепенно становятся его объектом. В любом случае при сохранении массовости чувств неприязни к ним снижается накал чувств. Уже нет того нерва, общественной напряженности и даже истерии, что раньше. Это уже не паранойя, как в девяностые годы.

Главную причину этого я вижу в том, что теперь с этой стороны не видится прямой угрозы базовым ценностям, исчезло или резко уменьшилось чувство прямой и повседневной опасности у обычного массового человека. Резко сократилось преобладавшее раньше чувство унижения. В результате ненависть переходит в равнодушное недоброжелательство. Это следствие ряда важнейших сдвигов в российском обществе. На место войны всех против всех, где сильный пожирает слабого, пришла восстановленная мощь государства. Государство решительно возвращает себе монополию на насилие. Оно — главный хищник и создатель правил игры. Индивидуальный хищник оттесняется на периферию. Закончилась большая война в Чечне. Что еще важнее — она почти исчезла с телевизионных экранов и перестала быть раздражающим фактором. Стабилизировался миграционный процесс с Кавказа. Миграционная волна потеряла прежний «залповый» характер. Следствием стали далеко зашедшие процессы интеграции мигрантов. Они перестают выделяться типом поведения и образом жизни. Все больше выясняется, что тревожили раньше, стимулировали страх и вражду не «кавказская этничность», не облик и не расовые характеристики («черные»), а модель поведения, образ и стиль жизни. И хотя «кавказофобия» по-прежнему оценивается как основная этническая фобия, можно предположить, что она стала старой, привычной формой уже другого феномена — мигрантофобии.

4. Образ китайского мигранта и синдром «желтой опасности»

Внезапное появление массы мигрантов из Китая в начале 1990-х гг. стало для подавляющего большинства россиян абсолютной неожиданностью. Более того — огромным шоком. На протяжении полутора веков российское общество два раза сталкивалось с фено-

меном теснейшего контакта с Китаем и китайцами через миграции, мигрантов и диаспору. Один раз — в последней трети XIX — первой трети XX в. и второй — в последние двадцать лет. Промежуток был достаточно велик и настолько насыщен событиями и катаклизмами, что китайцы как люди и как проблема были прочно забыты, ушли из общественного сознания. Послевоенные перепады взаимоотношений СССР — КНР (от политики «русский с китайцем братья навек» до вооруженных приграничных конфликтов и подготовки большой войны) остро переживались, особенно жителями Дальнего Востока и Сибири, но именно в контексте межгосударственных взаимоотношений.

Прерывалась интеллектуальная традиция изучения проблемы, масса дореволюционных текстов, оставаясь физически в библиотеках, фактически ушла в небытие. Радикально изменилась идеологическая атмосфера — в том числе и набор фобий. Массовый приток граждан КНР в 1990-х гг. стал событием не просто неожиданным, но абсолютно новым. Старая китайская диаспора, бывшая предметом пристального и, как правило, недоброжелательного интереса и глубокой озабоченности российского общества, при советской власти исчезла, была вытеснена или уничтожена. Этот сюжет ушел на далекую периферию исторической памяти и нынешним поколением воспринимается как совершенно новый.

В процессе двух контактов, каждый раз заново, формировался образ китайских мигрантов. Изначально, пристальный интерес к ним не был ни нейтральным, ни, тем более, позитивно окрашенным. На рубеже XIX—XX вв. крайне немногочисленное, остро ощущающее свою оторванность, незащищенность российское население Дальнего Востока опасалось китайцев, видя в них конкурентов и передовой отряд чужой цивилизации. Власти боялись «китаизации» региона с перспективой его потери для России. Понимание полной зависимости от труда мигрантов симпатий к ним не добавляло.

Это и выстроило структуру образа. Его основными чертами были неприхотливость, непритязательность, минимальные требования к условиям жизни, нищета и антисанитария, заискивающее поведение. Высокая конкурентоспособность за счет сочетания работоспособности, трудовой дисциплины с минимальными требованиями к оплате труда. Культурная чужеродность и стремление ее сохранять, противостояние культурной интеграции в местное общество, сильная связь с родиной, массовидность, общинность, корпоративный дух и взаимопомощь, предприимчивость. Присутствие за спинами мигрантов пока «дремлющего», но обладающего огромной потенциальной мощью Китая, а главное, — неисчислимых миллионов «соплеменников».

В современном образе воспроизводится набор традиционных компонентов — трудолюбие, неприхотливость, адаптивность, предпримчивость. Однако эти в принципе позитивные качества, зачастую окрашены негативно: трудолюбивы — но в ущерб нам, патриоты — значит, нелояльны России, помогают своим — значит, клановые, и опять же в ущерб нам. Это не удивительно, так как оценочность — несущая конструкция образа, который необходим даже не столько как эвристический инструмент, сколько как помощь, опора в формировании отношения.

Массовое присутствие китайских мигрантов не сформировало пока обстановку повседневного привычного, рутинного человеческого контакта с ними. Контакт хотя бы относительно индивидуализированного — через слуг, постоянных и лично знакомых торговцев, через совместную трудовую деятельность. Постоянное общение происходит только через прилавок. А это весьма специфическая позиция, особенно в постсоциалистическом обществе, до сих пор отягченном мощными антирыночными предубеждениями.

Поэтому, возможно, пока нет особого стимула к тому, чтобы формировался индивидуализированный образ китайца. Это кажется странным на фоне огромного количества журналистских публикаций, публицистики, заявлений политических деятелей и чиновников, увеличивающегося числа научных исследований. Китайские мигранты — регулярные герои телепередач, как хроники, так и специальных фильмов. Тем не менее даже в телевизионных видеорядах практически нет **лиц**. Нет интереса к отдельному человеку, к его лицу, его жизни и судьбе. Есть интерес к **функции, к массе**.

Поэтому можно выдвинуть гипотезу, что пока в России интересуются не китайцем, даже не китайским мигрантом, а воплощенной в них китайской проблемой. Жизнь пока не заставляет задумываться над тем, **кто такой** китайский мигрант, **какой** он. Преобладает другое — сколько их, что несут они нам, исходит ли от них угроза, а если да — то какая. И это относится не к отдельному человеку, а к массе, совокупности. Отсюда абстрактность образа, его схематичность и примитивность. До революции он был все-таки куда более богат, насыщен красками, деталями и подробностями. Тогда были клички «ходя», «китаеза», «купеза» — это обидно, унижительно, оскорбительно, но хоть немного индивидуализировано. Сейчас же — это **китайский мигрант**, функция, абстракция.

При этих отличиях главное все-таки сохраняется — отношение к китайцам как к массе, массе нерасчлененной и не индивидуализированной. Именно массу опасаются, именно масса, количество лежит в основе различных построений о «демографической экспансии» и

«желтой угрозе». Метафора «муравья», столь распространенная до революции, возникает и сейчас — правда, используется реже.

Сместился, однако, акцент при оценке характера групповой лояльности. Во многом это связано с радикально изменившейся ролью Китая. Если на рубеже XIX—XX вв. он рассматривался, скорее, как пространство, а не реальный носитель державной мощи, то сейчас такой взгляд невозможен в принципе. Теперь в построениях идеологов и в массовом сознании это сверхдержава, чья экономическая и военная мощь изначально направлена вовне — хотя бы под давлением гигантского и стремительно растущего населения и общей ограниченности собственных ресурсов. Мигранты расцениваются как абсолютно лояльный и послушный инструмент, щупальце этого государства-гиганта. В построениях рубежа XIX—XX вв. китаец выглядит куда менее этатизированным, растворенным не в государстве, а в группе, в «расе».

Почти вышел из употребления эпитет «желтый», господствовавший и принципиально важный для рубежа XIX—XX вв. Он сохранился в словосочетании «желтая опасность», но скорее в качестве компонента устоявшегося термина. Вряд ли это следствие воздействия политкорректности. Скорее — результат ухода на периферию мощного, возможно, преобладавшего в конце XIX — начале XX в. расового дискурса при анализе социальных отношений и проблем. Расизм, конечно, сохранился, расовые различия фиксируются и реально отражаются на характере человеческих связей и отношений, но массовые представления о непреодолимой пропасти между расами, взгляд на представителей иной расы как на инопланетян, в целом ушли в прошлое. Переход от «желтого» к «китайскому» кажется нам принципиальным отличием в самых фундаментальных характеристиках образа китайца двух рассматриваемых эпох.

Трансформация «желтой опасности» в «китайскую угрозу» не означает исчезновения или ослабления фобии как таковой. Анализ большого количества самых разнообразных текстов дает основание выделить в качестве ее «краугольных камней» концепты «экспансии», «эксплуатации» и «криминала».

Начнем с «**экспансии**». Широко распространено представление о китайской миграции как составной части, важнейшем инструменте экспансии как целенаправленного, спланированного и организованного процесса, осуществляемого государством и тотально мобилизованным и организованным через государство населением. Сами мигранты в этой конструкции предстают не отдельными людьми, частными лицами со своими мотивациями и свободой воли и выбора, а неотъемлемой органической частью, «щупальцем» государства.

По целям выделяется территориальная, демографическая и экономическая экспансия.

В этом контексте работает старая и широко распространенная метафора «муравьи»¹, подразумевающая массовость, невычлененность, организованность и подчиненность общей воле китайцев. Эта метафора имеет и другое измерение: муравьи — возможно, и разумные существа, но не люди. Они руководствуются не человеческой логикой и моралью, поэтому и отношение к ним может строиться вне этого контекста. Крайнее выражение такого подхода — рассуждения о проблеме китайских мигрантов и китайцев вообще в категориях «биомассы».

«У них есть план». Широко распространен тезис о том, что существует «план» китайских властей по миграционной экспансии в Россию. Он включает в себя систему властной организации, планирования и регулирования. Реализуется через принуждение и стимулы (вплоть до финансового вознаграждения осевшим на постоянное жительство в России мигрантам). Этот тезис широко представлен и в масс-медиа, и в заявлениях чиновников и политиков, и в работах ученых. Огромную роль в формировании этого взгляда сыграла первая, видимо, книга о китайской миграции в современную Россию, выпущенная в 1994 году такими авторитетными экспертами, как Л.Л. Рыбаковский, О.Д. Захарова, В.В. Миндогулов. «Китай, имеющий огромные территориальные претензии к России, всячески стимулирует проникновение своих граждан на ее территорию и создание базы для легального существования. Одновременно экономическая деятельность китайских граждан приносит и колоссальные доходы... Главной целью китайского проникновения в Россию вне зависимости от форм и каналов является интеграция в хозяйственную деятельность, приобретение недвижимости и земли, то есть создание экономических и правовых предпосылок для легального захвата территории... Несмотря на то, что иммиграция китайцев на Дальний Восток России в настоящее время носит преимущественно нелегальный характер, существующая система проникновения обеспечивает процесс оседания и легализации нелегальных мигрантов»².

«Небольшими группами по сто тысяч человек в каждой». Эта фраза из старых советских анекдотов времен советско-китайского военного противостояния — одна из основ представлений о демографической экспансии. Китайских мигрантов не может быть мало по

¹ О «китайских муравейниках» писал, например, А.И. Герцен (Герцен А.И. «Былое и думы» // Сочинения. Москва, ГИХЛ, 1967. Т. 6. С. 67–68.

² Рыбаковский Л., Захарова О., Миндогулов В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М., 1994. С. 35-36.

условию — ибо не может быть мало китайцев вообще. Поэтому при немногочисленности населения России вообще и востока страны в особенности, китайцы просто поглотят местное население и станут большинством. Собственно говоря, уже поглощают. И чем дальше живут носители таких представлений от китайской границы, тем плотнее заселены в их глазах китайцами сибирские и дальневосточные города. Все эти годы самый обсуждаемый миграционный вопрос: «А сколько же у нас в России китайцев?» Точной статистики здесь нет и пока не предвидится. Причины очевидны: нелегальная составляющая, неэффективность госструктур, призванных считать мигрантов, незаинтересованность многих в получении реальной информации. Разброс оценок: от 5—6 млн человек до 300 тыс. в год. Причем максимальные оценки как появились в начале 1990-х гг., так и гуляют неизменно по страницам не только газет, выступлений официальных лиц, но и научных изданий до сих пор. Подсчеты серьезных ученых, утверждения пограничных властей о том, что цифры въезда-выезда расходятся всего на несколько процентов (а значит, и нелегальная составляющая не так велика, как часто считается) просто игнорируются. Многомиллионные оценки численности мигрантов уже «схватились», застыли, легли в основу массы идеологических построений и властных решений. Они подтверждены авторитетом научных и властных экспертов. Они необходимы — поэтому неискоренимы, принципиально выводятся из сферы научного анализа, критики источников, научных процедур работы со статистикой.

«От китайца может родиться только китаец» (популярный писатель советской эпохи П. Проскурин). Частью смертельной угрозы предстают смешанные браки, «брачная экспансия китайцев» — как инструмент демографической экспансии. Особенно угрожающей выглядит стратегия *«брачной натурализации»*, при которой многочисленные нелегальные мигранты (а также их дети и родственники) обретают легальный статус через браки, в том числе и фиктивные. О последствиях этого Л.Л. Рыбаковский и соавторы пишут несколько косноязычно, но совершенно определенно: «Исторический опыт свидетельствует, что специфика населения Дальнего Востока и не менее специфичная политика сопредельных государств, в том числе Японии, на различных этапах развития Дальнего Востока дают реальный шанс на положительный исход этих долгосрочных, хорошо просчитанных акций по естественной ассимиляции населения»¹. Имеющиеся подсчеты говорят о ничтожном количестве таких браков, но это не имеет никакого значения для авторов подобных конструкций. Главное же — никто не доказал, что «кровь» лежит в осно-

¹ Они же. Указ. соч. С. 23.

ве культуры, что китайцы не адаптируются и не ассимилируются и что те, в ком течет китайская кровь по условию «несут в себе мощный ген» «китайскости». Ссылки на дореволюционный опыт здесь не очень корректны, так как подавляющее большинство китайских мигрантов были тогда сезонниками и не обзаводились семьями, не оседали. Значит, и слабо ассимилировались.

«Косовский вариант». Уже в начале 1990-х гг. формируется устойчивый миф о компактных поселениях китайцев на Дальнем Востоке о том, что там есть уже немало населенных мест с преобладающим китайским населением. Чем дальше от Дальнего Востока, тем устойчивее такие представления. Масса вполне серьезных людей пишет и говорит о таких поселениях, как об очевидном и несомненном факте. Не приводя, правда, их названий. А далее выстраивается стройная и леденящая душу картинка того, как эти китайские анклав вначале потребуют себе автономии, а затем и «воссоединения» с Китаем. Две произвольно выбранные иллюстрации на этот счет. В 1996 году К.Э. Сорокин констатирует в качестве несомненного и очевидного факта «растущую неконтролируемую «ползучую» миграцию китайцев в Россию (их в нашей стране насчитывается до 2 млн человек), образование, особенно на Дальнем Востоке, не подчиняющихся российским законам «чайнатаунов», массовую незаконную скупку китайскими предпринимателями недвижимости к востоку от Урала при бездеятельности местных и центральных властей»¹. В 2005 г. А. Храмчихин не менее твердо уверен, что «восток России (в лучшем случае пространство к востоку от Байкала, возможно, — к востоку от Енисея, в худшем — к востоку от Урала) за пару десятилетий превратится в гигантское «Косово»... Он будет заселен китайцами и в экономическом, финансовом и административно-политическом отношении станет частью Китая. При этом формально он будет числиться российским (до тех пор, когда в Кремле не появится президент, который отдаст де-юре то, что уже потеряно де-факто), в отдельных гетто будут жить немногочисленные граждане России... В Китае прекрасно видят, что Россия сама сдает свой восток, хотя живет за его счет. В Китае прекрасно знают, что их собственная страна не проживет, не забрав соседние территории. Нация хочет жить и решает вопрос выживания единственно возможным путем»².

Эксплуатация. Здесь китайская тема вливается в общий комплекс представлений о том, что мигранты неизбежно и автоматически претендуют на ресурсы принимающего общества. Подразумевается при этом, что объем ресурсов изначально неизменен, поэтому по-

¹ Сорокин. К. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 107.

² Храмчихин А. Желтое господство. Захват Китаем Сибири — не «страшилка». Поскольку другого выхода у него просто нет // Политический журнал. 2005. № 27. С. 61-64.

явление новых людей автоматически отбирает их у старожилов. В этих рамках стоит лишь перечислить несколько наиболее распространенных клише относительно именно китайских мигрантов:

- они отбирают рабочие места у россиян;
- они вывозят/воруют наш лес, металлы и другие природные ресурсы;
- они вывозят капиталы из России.

Криминал. Не выбивается из общего комплекса миграционных мифов и представление об изначальной и тотальной криминальности китайских мигрантов, как и всех мигрантов вообще¹. Специфика здесь лишь в том, что персонифицируют ее зловещие «Триады».

5. «Таджики» — «гастарбайтеры» и «граждане ближнего зарубежья»

Масштаб притока трудовых мигрантов из Китая и стран Центральной Азии количественно сопоставим. Конечно, при этом есть существенные различия в пропорциях между различными городами и регионами. Первопроходцами, «пионерами» массовой трудовой миграции из Центральной Азии стали жители Таджикистана, таджики по своей этнической принадлежности. Их подтолкнула к этому краткая, но чрезвычайно кровопролитная гражданская война начала 1990-х гг. Массовый поток беженцев (около миллиона человек только для стран СНГ) проложил дорогу для трудовых мигрантов². Послевоенная экономическая разруха и общая экономическая отсталость создали теперь уже долговременный и мощный выталкивающий фактор. Беженцы органично становились трудовыми мигрантами. Они довольно быстро сформировали миграционную инфраструктуру — от организации трафика до механизма оказания посреднических услуг в российских городах.

Они сформировали и свою «нишу» на рынке труда. В качестве новичков они не могли рассчитывать на стартовые возможности выходцев с Кавказа, которые массово осваивали Сибирь еще с советских времен и накопили значительные материальные возможности, опыт, деловые и социальные связи. Первые же таджикские трудовые мигранты начинали все с нуля, практически на пустом месте. Поэтому они могли рассчитывать только на самые непривлекательные, грязные и низкооплачиваемые профессии и сферы занятости. Слу-

¹ Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской, С. Панарина. М.: Московский Центр Карнеги. 2000. С. 267-328.

² Дятлов В. Таджики в современном Иркутске: первопроходцы новой миграционной волны? // Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию: сб. науч. тр. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003. С. 152.

жащие, врачи, ученые, преподаватели, квалифицированные рабочие, люди со средним и высшим образованием становились черно-рабочими. Таджикский грузчик на рынке, сезонный строительный рабочий-отходник становились типичными, даже знаковыми фигурами. Горожане, люди с образованием и профессией, опытом жизни и учебы за пределами родных мест первыми прокладывали пути, по которым затем двинулись их родственники и земляки.

Через несколько лет, отчасти опираясь на созданную ими миграционную инфраструктуру, пришли в движение жители соседнего Узбекистана, миграционный потенциал которого много выше, чем у Таджикистана. И сейчас во многих сибирских городах (например, Иркутске) они вышли на первое место по числу официально зарегистрированных трудовых мигрантов, опередив ранее преобладавших китайцев.

Первопроходческая роль таджиков, их массовое, повседневное и постоянное присутствие в жизни принимающего общества сформировало «образ таджика». Само это слово наполнилось новыми смыслами. С одной стороны, оно осталось для жителей Сибири привычным этнонимом и обозначением жителя Таджикистана (то, что сформировалось еще в советские времена). С другой — его распространяют теперь на всех выходцев из Центральной Азии, приезжающих в Россию в поисках работы, преимущественно временной, сезонной. Практически оно стало синонимом слова «гастарбайтер», которое стремительно ворвалось в массовую языковую практику и стало общепринятым. Появились устойчивые словосочетания «таджикский труд», «таджикская зарплата». «Работать как таджик». И даже — «работать таджиком».

И причина этого не только в том, что мало кто в принимающем обществе отличает, скажем, таджика от узбека. Теперь «таджик» стал массовой и привычной фигурой, частью обыденной жизни, повседневности. О нем вспоминают, когда необходимо нанять за небольшие деньги человека для временной работы (отремонтировать квартиру, например). Сведения о «надежных таджиках», то есть тех, кто может выполнить работу не просто дешево, но и квалифицированно, без брака, распространяются через неформальные каналы, через знакомых и родственников. Это предполагает личные контакты с мигрантами, а значит, и формирование отношения.

Соответственно формируется и образ, стереотип «таджика». Естественно, это выходец из Центральной Азии, совсем не обязательно собственно таджик. При численном преобладании узбеков, например, они в этом качестве в общественном мнении и сознании практически отсутствуют. Хотя о существовании Узбекистана и узбеков знают, конечно, все. Это ни в коем случае не русский или, по рас-

пространенному определению, «русскоязычный». Подразумевается при этом — не европеец. Впрочем — и не кореец. Здесь явственно подразумеваются расовые характеристики, хотя это не вербализируется, а часто не осознается. Впрочем, в ксенофобских текстах слово «черные» употребляется повсеместно.

Иногда за рамки категории «таджик» выводятся этнические киргизы и казахи. Причины могут быть разными. Для формирования образа киргиза (а в России по некоторым оценкам находится около 700 тыс. трудовых мигрантов из этой республики) важно то, что многие из них активно и довольно успешно занимаются торговым бизнесом¹. В качестве рыночных торговцев киргизы стали в последние годы заметной частью городских сообществ. На розничных и мелкооптовых рынках многих сибирских городов появились специальные киргизские ряды. Это фиксируется местными жителями и создает стимул для отношения к ним именно как к киргизам. Но когда они занимаются неквалифицированным физическим трудом (особенно в сфере коммунального хозяйства) этого не происходит, здесь они — «таджики».

Отдельная проблема — казахи. Это сюжет важный, главным образом, для Западной Сибири. Там есть классические трудовые мигранты. Но много и коренных жителей (в Кулунде, Горном Алтае). В крупных сибирских городах (особенно Омске) много казахов, осевших там еще с советских времен. Это уже коренные горожане, люди, глубоко интегрированные в российскую культуру, российские граждане². Это мешает сформировать по отношению к ним единый стереотип и рассматривать их всех через модель «таджиков». В рамках формирующейся в Казахстане постколониальной и постимперской историографической традиции, неизбежно идеологизированной, эта ситуация выражена Г. Мендикуловой³ в том, что она жестко разводит казахов «диаспоры» (то есть мигрантов и их потомков) и казахов «ирриденцы» (казахов, живущих вне современного Казахстана благодаря движению границ). Создается классическая идеологема

¹ Agadjanian, V., Nedoluzhko, A., Kumskov, G., 2008, Eager to Leave? Intentions to Migrate Abroad among Young People in Kirgizstan // International Migration Review. 2008. Vol. 42, № 3. P. 620–651; Куртов А. Геометрия политики // Независимая газета-Дипкурьер. 2003. 13 янв.; Петрова В. Новый довольственный рынок появится в Иркутске // Вост.-Сиб. правда. 2008. 9 окт.

² Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / под ред. В. Дятлова, С. Рязанцева. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005; Садовская Е. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: новые тенденции и перспективы. Алматы, 2001; Ларина Е., Наумова О. Кош-Агачские казахи-мигранты // Вестник Евразии. 2008. № 2. С. 44–65; Бондаренко А. Российские казахи объединились в Самаре // Независимая газета-Регионы. 2007. 25 июня.

³ Мендикулова Г. Казахстанская диаспора: история и современность. Алматы: Всемирная ассоциация казахов, 2006.

«разделенной нации», подчеркнутая и выбором (чрезвычайно спорным) терминов.

Таким образом, стереотип «таджика» формируется не только, возможно даже и не столько, этническими коннотациями. Принципиально важно, что это трудовой мигрант, «гастарбайтер». Человек не просто приезжий, но временный, «перелетная птица». Этому пониманию не мешает то, что многие мигранты приезжают в одно и то же место на протяжении многих лет, врастают в систему местных социальных связей и отношений. А иногда и остаются здесь жить постоянно, перевозят сюда семью или (чаще) обзаводятся ими на месте. Тем не менее и они наделяются характеристикой временности. Подразумевается также сомнительный статус их пребывания и работы в России («нелегальные мигранты»). Для этого есть серьезное основание, так как до недавнего времени большинство сезонных мигрантов из Центральной Азии не имело разрешения на занятие трудовой деятельностью. После либерализации этой процедуры в 2006 г. их число сократилось, но остается значительным. Когда же степень их интеграции переходит некую грань, они перестают быть «таджиками», хотя их таджикское происхождение и культура вполне осознаются.

В глазах окружающих «таджик» — это человек второго сорта, низкостатусный и бесправный, не претендующий на чье-то место в социальной иерархии, готовый на любой труд, вообще, на все ради заработка. Он даже не внизу социальной лестницы — он вне ее. Еще в 1990-х гг. я слышал от чиновников, занимающихся миграционными процессами, вполне обыденное операциональное употребление слова «раб» по отношению к ним. Так они для себя определяли их статус и место в обществе. Правда, в последние годы слово это, кажется, исчезло из их лексикона.

В основе формирования стереотипа лежит отношение. По сравнению с китайцами, выходцами с Кавказа — в отношении к «таджику» больше отторжения, желания отстраниться, нежели страха. «Таджиков» опасаются только как трудовых мигрантов — конкурентов за рабочие места, другие ресурсы. Но конкурент этот видится слабым. Он не подкреплен мощью державы, энергией, трудолюбием и численностью, чего страшатся у китайцев. Нет у него и приписываемой «кавказцам» агрессивности, готовности и способности применить физическую силу и ресурсы подкупленного государственного аппарата.

Важнейшая компонента растущего мигрантофобского комплекса — обвинение мигрантов в поголовной криминализированности. Пресса всегда находит способ подчеркнуть случаи, когда преступление совершено именно мигрантом. Особенно когда это касается

преступлений против личности — убийств, грабежей, изнасилований. Зачастую этим аргументируется тезис о миграционной угрозе. Крайне редки и проходят почти незаметно попытки сравнить уровни и структуру преступности среди мигрантов с соответствующими показателями населения принимающего общества. Как только начался экономический кризис, появилось много алармистских заявлений политиков, журналистов, чиновников о том, что оставшиеся без работы мигранты немедленно переключатся на криминальную деятельность и что Россию ожидает новое «холодное лето 1953 года». Одинокие голоса профессионалов, ставящие такую перспективу под сомнение, тонули в этом хоре. Когда всплеска преступности не произошло, эта истерическая пропагандистская кампания быстро закончилась.

В этом комплексе «криминального мигранта» у «таджиков» имеется особое место. Их обвиняют в обслуживании наркотрафика. В СМИ сложилась устойчивая и прочная смысловая связка: таджикские трудовые мигранты — наркотики¹. Нередки попытки увязать трудовую миграцию «таджиков» и угрозу «исламского экстремизма» и «исламского терроризма»². Пока, однако, это не встречает живого отклика у обывателя.

Страх перед отдельным мигрантом и перед «таджиками» в целом в обществе не сформировалось. Господствует снисходительная отчужденность. Взгляд на них, как на представителей иного мира, «людей из-за стекла». Уже несколько лет мои студенты в рамках учебного курса берут интервью у мигрантов. Получается это у них очень по-разному, но очень многие после этого искренне удивляются: «оказывается, они такие же люди, как и мы». Возможно, что принципиальное и подчеркнутое отчуждение, отторжение — это способ собственной психологической поддержки в ситуации явного и несправедливого неравенства. Способ примириться с существованием рядом «раба».

6. Динамика стереотипизации: от таджика к «таджику», от «этнофора» к «мигранту»

Новая миграционная ситуация в России, несмотря на свою краткосрочность, уже продемонстрировала поразительную динамику. Она проявляется и в развитии стереотипов. Массовый приход новых

¹ Олимов М. Пути наркотрафика: криминальный компонент миграционных потоков из Таджикистана // Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию: Сб. науч. тр. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2003. С. 138-150.

² Липчинская О. В Улан-Удэ за терроризм арестовали главу мусульман?!// Комсомольская правда-Иркутск. 2008. 25 нояб.

людей, формирование нового общественного феномена потребовали создания механизма адаптации к этому человека принимающего общества. А это невозможно было сделать без выработки отношения и формирования стереотипа. Мифы и стереотипы так быстро сформировались и так прочно укоренились в общественном сознании по простой и важной причине – они необходимы. Это незаменимый способ определения места новых людей и новых групп в иерархии отношений и статусов. Через них формируется и функционирует модель отношений. Это инструмент идеологической мобилизации и борьбы за власть. Инструмент решения ведомственных, региональных или корпоративных интересов. Но по мере изменения отношения принимающего общества к мигрантам будет меняться и структура стереотипов, интенсивность присутствия в них страхов и враждебности.

Как это обычно и бывает, они формировались первоначально из старых, привычных представлений. Из стереотипов прежних времен и прежних реалий. Важнейшей из них для советского общества и отдельного человека была конструкция «национальности» и «национальных отношений». Привыкнув рассматривать себя и окружающих в категориях, говоря современным языком, примордиальной этничности, этничности, определяемой государством фактически по признаку «крови», и простой человек, и властные структуры распространяли это видение и на формирующиеся потоки трансграничных мигрантов. Принципиально важным был и сам фактор трансграничности, зарубежности мигранта, его вытекающего из этого особого юридического статуса, набора прав и обязанностей. Осмысление этого феномена началось через использование сложившегося в советские времена устойчивого и богатого смыслами стереотипа «иностранца», человека не просто из другой страны, но из другого мира, другой касты.

Два этих стереотипа – «представителя национального меньшинства» и «иностранца» - стали первыми инструментами для понимания и выработки отношения к новому феномену и новой проблеме. Власти стали активно проводить «национальную политику», создавая для этого соответствующие институты и разрабатывая политические декларации и нормативные документы. С начала 1990-х гг. по всей стране идет бурный процесс формирования национально-культурных обществ, затем – национально-культурных автономий. Через сотрудничество с ними власти пытались решать и миграционные проблемы. Однако опыт 1990-х гг. показал им слабую инструментальную возможность подобного подхода.

Стереотип «иностранца» также быстро выявил слабую пригодность для понимания и регулирования миграционной ситуации.

Никак не вписывались китайские «челноки», строительные и сельскохозяйственные рабочие в образ, сформировавшийся при взаимодействии с благополучными, зажиточными и защищенными представителями Запада. Тем более — вчерашние сограждане, а ныне «граждане ближнего зарубежья». Сам этот термин жестко вычленил их из категории «иностранцев» — как «бывших своих», хотя и отделенных теперь границами, но людей своего мира, своего измерения. К тому же открытие границ, массовые, обыденные и повседневные контакты с ранее мифологизированной «заграницей» отодвинули в сторону и сам стереотип «иностранца».

Какое-то время довольно действенным был сложившийся на закате советской эпохи образ «кавказца» — временного мигранта из советской, но культурно чужой провинции. Человека, активно и успешно занимающегося не одобряемой властями и осуждаемой общественным мнением предпринимательской деятельностью. К тому же выделенного обликом, особенностями поведения и бытовой культуры. «Торгаши», «чужие», «черные» (как маркер культурной чужеродности) — вот основные, как видим, негативные составляющие этого стереотипа¹. По мнению многих представителей принимающего общества, похожие на них обликом, культурой и манерой поведения выходцы из Центральной Азии на первых порах рассматривались и оценивались через призму этого стереотипа.

Распад СССР и неизбежные при этом потрясения и катаклизмы породили потоки беженцев и вынужденных переселенцев и соответствующий стереотип «беженца». Формирование образа «таджика» началось именно через это понимание и отношение.

К началу «нулевых годов» все эти стереотипы советской эпохи и переходного периода себя исчерпали. Они, конечно, не исчезли, но отошли на задний план. Мигранты заняли такое огромное место в жизни российского общества и оказались настолько уникальным феноменом, что это потребовало и собственного, отдельного отношения и стереотипа.

Отразилось это в том, что еще в 1990-е гг. в русский язык и в массовое употребление вошло слово «гастарбайтер». До этого оно употреблялось крайне редко, в качестве термина в специальной литературе. Родившись в Германии, оно, видимо, наиболее полно и адекватно отразило понимание обществом проблемы и отношение к ней. Оно отразило, в частности, радикальный переход от этнического принципа стереотипизации к мигрантскому. Замечательно это сформулировано в заголовке статьи в «Комсомольской правде» — самой многотиражной и читаемой газеты России. «Есть такая на-

¹ Дятлов В. «И тогда мама взяла обрез...». Самосуд и отношение к чужакам в общественном мнении российской провинции 1990-х годов // Вестник Евразии. 2008. № 4. С. 142-176.

циональность — гастарбайтеры»¹. Шумный успех имела книга под названием «Гастарбайтер»².

Из огромной массы самых разнообразных текстов вырисовываются основные черты нового стереотипа. Гастарбайтер — это пришлый, не местный человек, «мигрант», приехавший из-за границы, чтобы работать, заработать деньги и уехать. Его этничность, культура, страна происхождения, его личные качества никого не интересуют. Его присутствие не очень желательно, оно раздражает, но приходится с ним мириться, ибо надо кому-то работать на грязных и низкооплачиваемых работах. Он должен «знать свое место», и место это находится вне социальной иерархии принимающего общества. Чем меньше его видно — тем лучше. Имя Равшан, пришедшее вместе с таджиками, постепенно становится нарицательным и теряет свою этническую привязку. Теперь это имя мигранта, «гастарбайтера», «таджика». Как сказал корреспонденту «Известий» небольшой строительный начальник в Москве, «главное преимущество Равшана перед Иванами — их можно легко «кинуть»³.

В популярной телепередаче «Наша Russia» два комических «гастарбайтера» «Джамшуд и Равшан» довольно зло и ядовито комментируют текущие реалии российской жизни. И это образы не таджиков (хотя телепередача вызывает большое недовольство в Таджикистане), а именно «гастарбайтеров», людей чужих, пришлых, отстраненных⁴. Эта отстраненность и позволяет им особенно остро увидеть и прокомментировать абсурдность многих привычных «своему человеку» ситуаций. То, что «гастарбайтеры» стали телевизионными героями, тоже говорит о том, насколько их присутствие стало массовым, привычным, а образ — сформировавшимся и общепонятным.

С образом «мигранта», «гастарбайтера» неразрывно связана и мигрантофобия, которая постепенно замещает ранее господствовавшие этнофобии. Как и в странах Западной Европы и США, в массовом и повсеместном присутствии мигрантов многие видят, прежде всего, угрозу размывания «цивилизационных устоев», базовых, основополагающих категорий культуры. Это страх перед тем, что неизбежные перемены, связанные с массовым присутствием культурно чужеродных мигрантов, могут так радикально изменить принимающее общество, что оно исчезнет в своем прежнем каче-

¹ Стешин Д. Есть такая национальность — гастарбайтеры // Комсомольская правда. 2007. 17 июля.

² Багиров Э., Гастарбайтер. М.: Популярная лит., 2007.

³ Известия. 2008. 6 окт.

⁴ Сапожникова Г. Джамшуд, Равшан и таджикские обиды на Россию // Комсомольская правда. 2009. 26 мая; Никонов В. Наука уважать // Известия. 2009. 29 июля.

стве¹. В России мигрантофобия смыкается со страхом перед соседством стремительно развивающегося Китая, который становится мировой сверхдержавой. Страхом перед тем, что китайские мигранты могут стать инструментом реализации геополитических интересов «матери-родины», которая уже в силу роли сверхдержавы подорывается в экспансионизме.

Несколько слов о механизмах и способах выстраивания стереотипов. Один из распространенных способов я назвал бы «пирамидой» — по аналогии с механизмами действия печально памятных финансовых афер. Он опирается на взаимные перекрестные «экспертные оценки» журналистов, чиновников и ученых. Появляется, например, некая информация в газете. Ее воспроизводит (с подтверждающей или даже сдержанно-скептической интонацией) представитель научного сообщества. Получивший «научную санкцию» («ученые пишут...») тезис входит в инструментальный оборот ведомственных аналитиков и чиновников. Авторизированный ими, он используется уже как солидный и надежный источник в научных исследованиях. СМИ тиражируют авторитетные мнения ученых и практиков. И так — по кругу. И каждый новый круг взаимных ссылок делает утверждение все более солидным, непрекаемым: «всем известно и наука подтверждает, что...». Именно так утвердилась в публицистическом, экспертном и даже научном обороте многомиллионная оценка численности китайских мигрантов в России, «сведения» о «китайских анклавах» на Дальнем Востоке или численности смешанных браков с участием китайцев. Широко распространена практика ссылок на анонимные авторитетные источники, введения в научный оборот оценок без описания методик их получения («по нашим подсчетам...», «существуют оценки...»). Для масс-медиа особенно характерно выстраивание вербального и интонационного контекста: кричащие и броские заголовки даже для абсолютно спокойных и нейтральных текстов, использование алармистской («экспансия», «вторжение», «оккупация», «посланцы Поднебесной») или ернически-издевательской лексики.

Широко распространенное явление — спокойное существование даже одного человека в двух абсолютно несовпадающих мирах представлений о проблеме. Типично, когда чиновник, отвечающий за ситуацию с мигрантами, оценивает ее как вполне нормальную в зоне своей ответственности («у нас все под контролем»), но общее положение в этой сфере в стране как катастрофическое. Существует две картинки — одна, опирающаяся на собственные наблюдения и здравый смысл, и вторая — сформированная масс-медиа, заявления-

¹ Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; АСТ Москва, 2008.

ми политиков, чиновников, просто авторитетных людей по описанной уже схеме финансовой пирамиды. Второй доверяют больше.

* * *

Образ мигранта, структура мигрантофобии и ее роль в общественно-политической жизни страны – феномены динамично развивающиеся. И от того, в каком направлении они будут развиваться дальше, во многом зависит общая миграционная ситуация в России, да и основные параметры ее экономического, политического и культурного развития. Это один из самых серьезных вызовов для российского общества, и от характера ответов на эти вызовы будет зависеть его будущее.

**Динамика представлений
населения Дальнего Востока России
о китайских мигрантах на рубеже XX – XXI веков
(на материале интервью с предпринимателями)**

Проблема отношения территориального сообщества к представителям иных общностей, одна из наиболее острых в науке об обществе. Именно здесь фиксируется и момент самосознания, социальной самоидентификации социального агента, выстраивается система «свой – чужой» («друг – враг») определяющая его систему социальных координат. Особенно остро эта проблема встает в условиях, когда сама структура территориальной общности оказывается достаточно сильно размытой. В этой ситуации восприятие «чужого» («чужака») обострено, особенно, если речь идет не о «дальнем чужом», наличие которого не особенно сильно сказывается на жизни сообщества, а «ближнем другом», который живет рядом, оставаясь другим. В такой ситуации оказалось территориальное сообщество Дальневосточного региона России в отношении мигрантов, особенно из сопредельного Китая². Отношение к китайским мигрантам оказывается здесь, пожалуй, самым ярким индикатором направления структурирования дальневосточного социума, его коллективных интенций. Проанализировать динамику представлений о китайских мигрантах населения Дальнего Востока России и, тем самым, выявить развитие представлений территориального сообщества о себе, мы и попытаемся в настоящей работе. Более того. Именно на этом материале представляется возможным продемонстрировать важнейший процесс, разворачивающийся сегодня на наших глазах. Речь идет о противостоянии и противодействии главного политического субъекта эпохи – государства и надгосударственных социальных и экономических сетей, трансграничных пространств, формирующихся сегодня по всему миру.

Однако, прежде чем непосредственно обратиться к основной теме нашего анализа, представляется необходимым оговорить тот смысловой фон, на котором происходит эта динамика, тот социальный контекст, который, на наш взгляд, ее детерминирует. Соответственно, сам контекст достаточно очевидно распадается на

¹ Бляхер Леонид Ефимович – профессор кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, заместитель главного редактора журнала «Полития».

Пегин Николай Анатольевич – докторант Тихоокеанского государственного университета

² Бляхер Л.Е. Государство и несистемные сети «желтороссии», или Заполнение «пустого пространства»// Полития, 2010. № 1.

«внутренний», связанный со спецификой ситуации в регионе и его взаимоотношениями с макросоциальным центром, и «внешний», связанный с процессом включения региона в глобальную экономику. С описания последнего мы и начнем анализ.

Дальний Восток России и азиатские «ворота в глобальный мир»

Проблема глобализации и различной вовлеченности в этот процесс разных территорий земного шара все более оказывается в центре не только геополитических, но и социологических, культурологических и иных обществоведческих исследований. Вместе с тем, несмотря на распространенность подобного рода исследований, сохраняется существенная дистанция между теоретическими моделями глобального мира, наподобие концепций мир-системы И. Валлерстайна¹ или «глобальной деревни» М. Мак-Люэна², и конкретными эмпирическими штудиями. Дело в том, что эти и многие другие модели не предполагают условий для собственной эмпирической фальсификации. В силу этого, эмпирические исследования глобализации более ориентируются на социально-политические взгляды исследователя, нежели на сколько-нибудь основательный теоретический фундамент. Теории же остаются, скорее, спекулятивными, нежели лежащими в пространстве позитивной науки. Пожалуй, наибольшие возможности для организации эмпирических исследований предоставляет модель глобализации О. и Д. Андерсонов («Ворота в глобальный мир»)³, развитая В.М. Сергеевым и его учениками⁴.

Отправной точкой последней концепции выступает идея неравномерного развития различных территорий, даже в рамках одного политического целого. Авторами выделяются центры, максимально полно обеспеченные транспортной, информационной, финансовой и досуговой инфраструктурой, центры, где сходятся сети различной природы. Именно в этих центрах товару проще всего найти покупателя, автору инновации — найти возможности для ее внедрения и т.д. Более того, в мире, где пространство все более подменяется временем на его преодоление, такие центры наиболее тесно связа-

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. Б. Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М.: Логос, 2003. 368 с.

² Мак-Люэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека = Understanding Media: The Extensions of Man. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.

³ Андерсон О., Андерсон Д. Ворота в глобальную экономику. М. 2001.

⁴ Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. 2007. № 2.

ны между собой. В определенной степени можно сказать, что они расположены «рядом». Не менее важно и то, что такая близость этих центров (ворот в глобальный мир) позволяет людям, занимающимся одним делом лично коммуницировать между собой. Вполне понятно, что уровень доверия в рамках такого «элитного клуба» будет намного выше, нежели уровень доверия, обеспеченный работой международных (или любых других) институтов. Все эти условия (финансовая, информационная, транспортная инфраструктура, высокий уровень доверия между лицами, проживающими в глобальных центрах и др.) делает их лидерами, поставщиками инноваций на прилегающих к ним территориях, вне зависимости от политических границ. Такая территория («хора»), получая из «ворот» инновации, предоставляет в них ресурсы, людей, финансы и др. Причем речь идет не о неком политическом принуждении. Просто, в пространстве ворот продукция «хоры» будет стоить дороже. Так же, как и деньги, поступившие из «хоры» в «центр». Соответственно, ориентация на «ближайшие ворота», в известной степени, становится условием развития «хоры».

Сама же «хора» также не однородна. Ближняя «хора» интенсивно взаимодействует с воротами в глобальный мир, получая в обмен на ресурсы поток инноваций, новых социальных и экономических технологий. В ее пространстве возникают и развиваются собственные («региональные») ворота, где интенсивность обменов и коммуникации приближается к интенсивности глобальных ворот. Дальняя «хора», по существу, становится эксплуатируемой территорией. Поставляя ресурсы в глобальное пространство, она почти ничего не получает взамен. В работах О. и Д. Андерсонов, как и в работах В.М. Сергеева и его группы основным предметом исследования выступают именно «ворота», «глобальные центры». Однако для нашего исследования не менее важно то, как функционирует «хора», как происходит «втягивание» в пространство «ворот» слабо глобализированных территорий. Показательный материал для такого рода анализа и дает история последних десятилетий наиболее отдаленной территории России – Дальнего Востока

Дальний Восток в советские, да и досоветские годы был своеобразным регионом – регионом «про запас», регионом «на будущее»¹. Он, скорее, олицетворял геополитические амбиции страны, нежели воплощал их. Огромного Дальневосточного военного округа не всегда хватало даже на защиту восточных границ. Экономическая же эффективность региона для хозяйства страны была вообще сомнительной. Как показывают расчеты экономистов, даже в благополучные 70-е – 80-е годы регион «тратил» (без учета содержания

¹ Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX века (1640 – 1917). М. 1985.

войск ДВО) почти на 26% больше, чем производил¹. Транспортные и энергетические тарифы делали любую продукцию, произведенную в регионе, «золотой». И, если это были не золото, уран, уникальные биоресурсы или алмазы, продукция оказывалась не конкурентоспособной². Ключевым оказывался иной — политический — смысл существования региона. Здесь, как считали государственные деятели, да и исследователи, находился естественный рубеж государства, граница «цивилизационной платформы»³. По крайней мере, именно так воспринимался регион после краха «американского проекта» на Аляске.

Граница и подвергалась маркированию, «осваивалась». Подъем российского флага на Мариинском посту, на острове Сахалин или на амурском утесе (месте расположения современного Хабаровска) были куда более значимыми событиями, нежели открытие серебряных или золотых месторождений в регионе. Ведь доходы от последних были минимальными. Так, в конце XVIII столетия на организацию «правильной добычи серебра» из казны было выделено 25000 рублей. Серебра же было добыто чуть менее, чем на 26 тысяч⁴. Подобное соотношение сохранялось и впредь. Потенциальное богатство региона нивелировалось его крайней удаленностью от мировых центров, предельной неразвитостью коммуникаций. Регион символически был означен, как принадлежащий России, хозяйственное же освоение было отложено на будущее. Пространство «внутри» маркированных границ оставалось «пустым». Относительно плотно была заселена лишь узкая полоса вдоль верхнего и среднего течения Амура и на протяжении Дальневосточной железной дороги. Там была работа, жилье, возможность сбыта сельскохозяйственной продукции. Главное — там был *смысл* региона. Население было необходимо, особенно остро это стало ясно после русско-японской войны 1903–05 годов, для того, чтобы защищать границу, снабжать армию, обеспечивать коммуникации. Вся остальная территория заселялась эпизодически (золотоносные рудники, охотничьи поселки, угольные копи и т.д.).

Один из первых и наиболее глубоких исследователей Дальнего Востока, губернатор Приморья, П.Ф. Унтербергер точно отметил это свойство региона. По его мнению, он остро понадобится Рос-

¹ Заусаев В.К. Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 года. Хабаровск. 2009.

² Исключением была продукция ВПК, крайне плотно сосредоточенного в южной части региона. Но здесь экономическая целесообразность заменялась политической необходимостью.

³ Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис, 1999. №4. С. 26.

⁴ История Дальнего Востока СССР: период феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г). Владивосток. 1991.

сии тогда, когда ... европейская часть России окажется перенаселена. Для того, чтобы избежать в этой ситуации, которая, по мнению П.Ф. Унтербергера, наступит к середине XX века, массовой миграции граждан за рубеж и необходим регион «в прок». Необходимо сформировать здесь структуру управления, вооруженные силы и хозяйственную и транспортную инфраструктуру, которая потом, когда это понадобится, с легкостью будет «развернута» в полноценное территориальное образование. То, что регион не в состоянии прокормить за счет собственного производства даже наличное население, представляет собой плату за ожидаемые в будущем блага и защиту основной территории страны¹. Плановое хозяйство советского периода не особенно сильно изменило «потенциальность» региона. Начиная с 30-х годов, ставка была сделана на развитие ВПК². Экономически переброска огромного числа грузов, эшелоны людей и т.п. была не особенно целесообразна. Но политический смысл региона (форпост и крепость России (Советского Союза) на Дальнем Востоке) в тот период оказался значимее, нежели экономический, и... в регион текли ресурсы. Недостаток людей в сталинские годы компенсировался лагерями и рабским трудом заключенных, в более поздний и вегетарианский, брежневский период – военными строителями и «корейскими лесорубами». Эти, бесплатные, работники несколько снижали издержки на строительство «новой жизни» Частично трудовые ресурсы пополнялись с помощью оргнаборов, комсомольских призывов.

Такая стратегия освоения региона приводила к легко выделяемым «тактам» в его развитии. В период, когда Россия находилась «на подъеме», на ограниченную, но не освоенную территорию направлялись существенные ресурсы, далеко превосходившие все совокупные доходы региона, текли людские потоки, прибывали войска. Освоенные островки территории расширялись, возникали новые. Механизм их возникновения тоже небезынтересен. Прилив государственной заботы порождал и усиление административного давления. Последнее в условиях огромного «пустого» пространства, начинавшегося «сразу за околицей», порождало самую типичную реакцию сопротивления – отъезд, exit³. Вплоть до начала XX века именно так возникали новые поселки. Но, если приливная волна сохранялась, то власть шла следом, символически осваивая (присваивая) новые пространства, поставляя в них исправников, уряд-

¹ Унтергербер П.Ф. Приамурский край в XIX веке. Спб. 1900.

² Кузин А.В. Военное строительство на Дальнем Востоке СССР: 1922–1941 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Иркутск. 2004.

³ Алексеев Е.С. Государство и альтернативные формы социальной интеграции: структурное насилие против «omerta» // Полития. 2009. №1(52). С.22-44.

ников, приказчиков или еще каких-то чрезвычайно необходимых в хозяйстве людей.

Важно отметить и более или менее явное разделение населения на «видимых» и «невидимых», к последним, кстати, относились и многочисленный китайские мигранты. К первым относились люди, так или иначе задействованные в основном виде деятельности, поддерживаемом государством. В разные этапы истории это была пушнина, серебро, золото, железнодорожное строительство, рыбный промысел, военно-промышленный комплекс. Смена государственных приоритетов, совпадавшая, как правило, с приездом нового губернатора, не приводила к исчезновению всех иных форм хозяйственной активности. Просто, эти формы и люди их осуществляющие переставали фигурировать в официальных отчетах, переставали «поддерживаться» казной (государственным бюджетом), становились «невидимками»¹.

В период политических осложнений или хозяйственных неурядиц регион переходил в «режим консервации». «Входящие» миграционные потоки прекращались вместе с государственной поддержкой этих потоков. Исчезали сезонные рабочие и пришлое купечество. Застывала видимая хозяйственная и культурная жизнь. Население региона существенно (порой, почти в полтора раза) сокращалось. Зато актуализировались «невидимки». Точнее, «невидимым» для государства оказывалось все пространство «внутри» региона. Существенной оставалась только задача обороны границы. В «невидимом» регионе возрастало значение «невидимых» форм деятельности, «невидимых» людей. Местная хозяйственная активность в условиях ослабления административного давления позволяла региону пережить трудные времена в ожидании, когда политическая воля вновь направит на Дальневосточную окраину людей, финансы, материальные ресурсы. Иными словами, удаленность Дальнего Востока от мировых центров той эпохи была столь значительна, что сколько-нибудь постоянная коммуникация между ними и регионом возникала эпизодически. Хотя именно в эти периоды регион оказывался в орбите истории. В периоды «откатов» страны к ее западным пределам Дальний Восток исчезает из истории, архаизируется и консервируется до лучших времен. Подобная двухтактовая схема (прилив-консервация) разворачивалась на Дальнем Востоке России в последние два десятилетия. Однако новые времена внесли в нее определенные коррективы.

В XVIII – XIX веках удаленность Дальнего Востока была абсолютной. Из западной части страны и с Запада (Европы) страшно

¹ Бляхер Л.Е. (ред.) Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса (на примере мелких предпринимателей и самозанятых). М.: МОНФ. 2000.

медленно пробивались инновации, людские потоки, ресурсы. Это движение осуществлялось (если осуществлялось) под сильнейшим давлением властей, при их постоянной поддержке. Как только такая поддержка прекращалась (найден более легкодоступное серебро, сократилась популяция пушного зверя и т.д.), регион стремительно архаизировался. Близлежащая же периферия была, скорее, «враждебным окружением», нежели пространством для освоения и взаимодействия.

В новых условиях ситуация изменилась. Дальний Восток оказался «дальним» только для столицы собственного государства и единственного «глобального центра» страны. По отношению к этим глобальным воротам Дальний Восток неизбежно оказывался дальней хорой. Собственно, это положение и вызывало ранее его резкую деградацию при малейшем ослаблении властной поддержки. Однако, как только упал «железный занавес», регион оказался в непосредственной близости от «глобальных центров» США, на которые и начинает ориентироваться дальневосточный бизнес. Осака, Токио, Шанхай, Гонконг начинают активно втягивать российский Дальний Восток в свою орбиту. Точнее, движение было взаимным. Приграничная торговля всколыхнула российский Дальний Восток. Низкокачественные, но крайне дешевые китайские товары наполнили прилавки магазинов Дальневосточных городов. Глобальная же экономика получила доступ (поначалу, крайне ограниченный) к российским ресурсам. По мере развития торговли, она все более перерастала рамки приграничной, вступая в непосредственный контакт с агрессивной экономикой глобальных ворот. Поскольку большая часть оборота совершалась в «теневой» зоне, товары, поставляемые с Дальнего Востока (лес, морепродукты, руда и др.) оказывались намного дешевле, чем аналогичные поставки из других стран, а баланс дальневосточной торговли, по ряду косвенных показателей, был в целом активным¹. Из «сверхдальной» хоры регион переходит в разряд «ближнего окружения». Наличие свободных капиталов дало толчок к развитию и самого региона, возникновению в нем динамичных торговых центров (Владивосток, Находка, Хабаровск, Благовещенск). Формировались социальные сети, «страхующие» эти контакты, делающие их более стабильными и привлекательными как для внутренних (российских), так и для внешних участников. Сами сети включали в себя далеко не только экономических агентов, но разрастаясь, задействовали самый широкий круг лиц и социальных сфер: образование, здравоохранение, науку, сервисную, досуговую сферы и многое другое.

¹ Заусаев В.К. Указ. соч.

Эти сети (прежде всего, российско-китайские) в течение времени обретают полную легитимность в глазах населения и частичную легальность через посредство региональных властей. От власти центральной они просто дистанцируются, поскольку именно наличие «серых зон» (de facto, зон свободной торговли) делало хозяйство региона рентабельным. Условиями, позволяющими осуществить такое дистанцирование, были низкий «электоральный вес» региона, его «невидимость». Важным элементом, позволяющим региону дистанцироваться от центра, были «дальневосточные страшилки» – специфические мифогенные структуры, «объясняющие» невмешательство федеральных властей в дела региона¹. По отношению к федеральному центру действовал своеобразный договор: лояльность в обмен на невмешательство. Центральная власть была, своего рода, удаленным легитиматором, трансценденцией, в существование которой, скорее, верили, нежели знали достоверно.

Такая переориентация не могла бы осуществиться без радикальных изменений в области общественного сознания жителей Дальнего Востока, где многие десятилетия господствовало самосознание гарнизона осажденной крепости. Особенно в сфере отношения к гражданам соседней страны – КНР, которая в течение почти полувека была основным «возможным противником» в регионе. Более того, именно изменение отношения к китайцам, наиболее наглядно демонстрирует саму переориентацию, поскольку данные официальной статистики (как экономической, так и социальной) достаточно далеки от реальности. Это изменение мы и постараемся продемонстрировать в ходе дальнейшего изложения.

От «крепости» к «торговой фактории»

Таким образом, сам смысловой и социальный фон настоятельно требовал изменения отношений к «возможному противнику». Материалом, позволяющим продемонстрировать эти изменения, выступает коллекция биографических интервью с предпринимателями Дальнего Востока, собранная автором в 1997 – 2008 годах (47 неформализованных интервью). Интервью собирались в несколько этапов. В 1997-м году было проведено 5 неформализованных (биографических интервью) в городе Хабаровске при поддержке фонда «Институт «Открытое общество». Основная проблема – новые практики, возникающие в этот период и новые формы установления контактов. В 1999 – 2000 гг. было собрано 20 бизнес-биографий жителей городов Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре и Владивостока в ходе работы над темой «Изменение поведения экономически

¹ Бляхер Л.Е. Государство и несистемные сети...

активного населения в условиях кризиса». Этот проект реализовывался при поддержке фонда Форда и «Института «Открытое общество». Основная проблема, которую мы стремились рассмотреть в этот период — неформальные отношения в сфере бизнеса. Следующая серия биографических интервью была собрана в 2003 году при поддержке РФФИ (10 интервью) и касалась в первую очередь трансграничных взаимодействий и их принципов. Последняя по времени серия (2008 г.) состояла из 12 интервью с жителями Хабаровска и Биробиджана касающаяся административных барьеров в бизнесе, осуществлялась при поддержке правительства Хабаровского края. Как видно, интервью собирались в разное время и с разными задачами. Тем более удивительно, что в каждом из них «китайская тема» оказывалась одной из центральных. Именно через нее респонденты объясняли и свое отношение к Дальнему Востоку, и особенности бизнес-поведения.

Анализ интервью позволяет достаточно явно выделить три этапа трансформации «образа китайца» в глазах населения Дальнего Востока, в первую очередь предпринимателей. Первый этап охватывает большую часть 90-х годов XX века. В этот период в большей части интервью преобладает **негативное** отношение к китайцам.

«Китайцы? Конечно, мешают. Они грязные. За собой не следят совсем. Отнимают у русских рабочие места. Да и криминала там хватает. Все эти триады, думаешь, куда делись? Никуда. Они вместе с ними к нам пришли» (предприниматель, мужчина, 36 лет, интервью 1997 года).

«Да. Я нанимаю китайцев. Так, ведь выхода нет. Я бы нанял наших, но где же их взять. Наши, если и есть, то ведь пьют, гады. А китаец за копейки работает и не пьет» (предприниматель, мужчина, 29 лет, интервью 1999 года).

Впрочем, **бытовое неприятие** не является здесь основным. Гораздо более значимым выступает неприятие, так сказать, идеолого-политическое. Наличие китайцев «свободно разгуливающих по Хабаровску» вступает в противоречие с ключевым образом, обеспечивающим региональную идентификацию — образом форпоста. В течение столетий именно образ «форпоста», противостоящего враждебному окружению, обеспечивал политический смысл региона.

«Мы здесь нужны, чтобы защищать Россию. Мы ее прикрываем от желтой угрозы. Понимаешь? А что выходит? Граница рушится. Не сегодня, так завтра будем все по-китайски говорить...» (предприниматель, 42 года, бывший офицер, интервью 1999 года).

Подобные **«политические претензии»** более или менее явно присутствуют в большей части интервью 90-х годов. *«Китайцы наглет с каждым днем. Настоящего приграничного контроля нет. Гра-*

ницы настоящей нет. Как раньше было? Граница на замке. А сейчас... Полный бардак» (работник таможни, образование высшее, 37 лет). Более того, оно начинает детерминировать и «научные» описания, приобретая форму концепта «**давление на границы**». Китайская миграция начинает восприниматься и трактоваться как «**ползучая экспансия**». По словам респондентов, скромные китайские рабочие и розничные торговцы первой половины 90-х годов постепенно вытесняют граждан России из наиболее доходных сфер деятельности, становятся хозяевами производств, фирм, зданий и т.д.

«У них как Новый год, их, китайский, все уезжают в Китай. И тамошние китайцы едут, и наши — все, кто связан с лесом. У нас уже знают: после этого надо ждать падения цен. Это их китайская государственная политика. У них же все, так или иначе, связаны с государством. Оно их поддерживает. Думаете, кто их финансирует? Китайский народный банк. Наши только ушами хлопать успевают» (экспортёр леса, образование высшее, 43 года, интервью 1999 года).

Общая тональность интервью **на рубеже столетий (второй этап)** меняется. Полностью исчезает из текстов интервью бытовое неприятие китайцев, появляется восхищение их деловыми качествами. Большая часть респондентов к рубежу столетий успели побывать не только в приграничных городах, но и на курортах южных провинций Китая, оценили их сервис. *«А какие там рестораны? Ты бы видел. Все чисто. Стены затянуты батиком с иероглифами, фонтанчики везде, официантки все 'Наташи'. Только сигарету возьмишь, уже спичку подносят. Ну и кухня. Блюдо такое, что четвергом не съешь»* (челночный торговец, образование высшее, 36 лет, интервью 1999 года). Значительная часть респондентов, в этот период, имеет китайских партнеров, активно использует работников-китайцев, отдавая им предпочтение перед соотечественниками.

Возникает ощущение определенной шизоидности в восприятии граждан Поднебесной. Политическое неприятие, которое не исчезает, никак не сказывается на восприятии китайских партнеров, китайских курортов и др. В качестве основных претензий фигурируют «загрязнение Амура», «отравленные продукты», «вытеснение русских», «тайный заговор» против России. *«Посмотрите, что происходит? Наши все укрепрайоны от границ убрали. Так? Китайцы тоже. Только у них дороги такие, что два часа и войска здесь. А наши пока доползут — китайцы уже за Уралом будут»* (респондент, 29 лет, охранная деятельность, интервью 2003 года).

При этом о китайских партнерах говорят совершенно иначе. *«Ты П. из Гонконга помнишь? Мы через него заказ делали. Все четко. Да, конечно, немного хуже итальянского, но ведь в три раза дешевле. Он нам и с контактами помог, и вообще... Нормальный мужик»* (предпри-

ниматель, 47 лет, дизайн, интервью 2003 года). *«У нас сейчас сложный период. Китайская фирма накрывается. Она была, как сказать, американским филиалом. А сейчас американцы хотят сами. Ничего, мы с китайцами покумекали. Схему придумали. Сейчас быстро переедем договориться, и все будет нормально»* (предприниматель, 49 лет, дорожно-транспортное оборудование, интервью 2003 года). Китай и китайцы начинают восприниматься как «другие», но вполне «свои», чьи интересы респонденты вполне разделяют.

Китай в большей части интервью конца XX – начала XXI вв. становится «своей» территорией. Соответственно, снижается агрессивность и в отношении китайских мигрантов («ближнего другого»). Показательно, что при проведении автором в этот период массового анкетного опроса (март, 2004 года, n=1750) в Хабаровском крае выяснилось, что только 9% респондентов за последние 5 лет побывали в западной части страны, но 87% респондентов побывали в КНР. При этом наблюдается достаточно четкая географическая дифференциация. Лица с доходом до 20 тысяч рублей в месяц отдают предпочтение приграничным городам. Доход до 50 тысяч рублей в месяц вызывает пристрастие к Даляню и Бодайхе. Большой доход, влечет его обладателей в Гонконг, Макао, на остров Хайнань. Соответственно, бытовая неприязнь оказывается, практически, неощутимой. Особенно в предпринимательской среде. Китайская кухня, китайский язык и даже некоторые элементы традиционной культуры становятся все более распространенными среди дальневосточников.

Но и политическое неприятие постепенно снижает свою остроту. Идея форпоста все более перемещается в сферу политической элиты региона, офицерского корпуса ФСБ, отставных военнослужащих. Напротив, Китай становится гораздо более близким и понятным, чем все более «мифическая» Москва.

«С китайцами легко договориться. У нас лет десять назад, когда пошли китайские сельхоз предприятия, они вели себя предельно нагло. Хозяева, понимаешь, ... Мы спокойно вышли на их руководство. Сказали: «Ребята, их поведение здесь – это ваши проблемы. Хотите, чтобы ваши граждане в «еврейке» работали, обеспечьте порядок». И что? Через три месяца все стало идеально. Молчат в тряпочку, работают. За пять шагов кланяться начинают. Вот это организация! А наши чуть что бузят, а работа стоит» (предприниматель, 53 года, дорожное строительство, интервью 2008 года).

В последней по времени серии интервью, которую можно отнести к **третьему этапу**, появляется новый мотив. Китай и китайцы становятся ресурсом, который нужно оберегать. При этом, оберегать его нужно не только и не столько от конкурентов внутри региона, сколько от «Москвы». Проблема в том, что государство, вполне

нейтральное по отношению к региону, вдруг вспомнило о его наличии. Не в последнюю очередь это было связано с желанием использовать торговые и транспортные ресурсы, связывающие Дальний Восток с «глобальными центрами» США.

Борьба за Китай

Итак, Китай и китайцы, в том числе китайские мигранты из нежелательных и потенциально опасных «других» в интервью с предпринимателями региона последнего периода превращаются в ценный ресурс, который следует оберегать. Парадокс состоит в том, что ресурс этот следует оберегать «от России», от федерального центра собственной страны.

Дело в том, «возвращение России на Дальний Восток» несло с собой не только улучшение финансового исполнения Федеральных целевых программ, но и прекращение «льготного» правового режима, прежде всего, таможенного режима, который никогда так и не был введен де юре, но существовал фактически. Вполне понятно, что как «стационарный бандит» (по модели М. Олсона¹) такой индивидуальный или коллективный глава был заинтересован в росте доходности «своего» бизнеса и, как, в определенной степени, неформальный руководитель был заинтересован, прежде всего, в «неформальном налогообложении», в неформальных выплатах. Ведь, именно формальные выплаты подлежали «переделу» с центральным бюджетом, доля которого год от года становилась все больше. Соответственно, неизбежно, формальные выплаты снижались, и это вполне допускалось властями предержавцами. Еще более значимым было «взаимопонимание» в области таможенной политики и льготного режима пересечения границы. Ведь именно это позволяло хозяйству Дальнего Востока взаимодействовать с инновационной экономикой «глобальных ворот» Северо-восточной Азии. Более того, дальневосточная продукция и грузы дальневосточных предприятия пользовались немалыми преференциями. Их грузы «мягче» и, что принципиально в условиях российской таможни, быстрее досматривались, совокупные платежи были меньше, чем те же выплаты «чужих», хоть и российских фирм². Причины понятны. И таможенники, и бизнесмены, и, прежде всего, региональные власти и население были заинтересованы в том, чтобы деньги и товары

¹ Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост. Стагфляция. Социальный склероз. Новосибирск. 1998. 432с.

² Гликман Е. 2009. Власти России делают все, чтобы потерять Дальний Восток // http://www.newsland.ru/News/Detail/id/352192/cat/42/?_openstat=ZGlyZWN0LnIhbmRleC5ydTsxNTg2MjA2OzQ3MjAwMjQ7eWFuZGV4LnJ0md1YXJhbnRlZQ

оставались здесь, не «утекая» из региона. Именно в силу этой коллективной заинтересованности льготы «московских» фирм, прохождение ими таможенных коридоров осуществлялось только под самым жестким давлением центральной власти. Транзитные каналы региона достаточно ошутимо «размыкались» на внешний мир, прежде всего, на «свой» Китай, но замыкались в регионе. Это и создавало серьезные конкурентные преимущества дальневосточной продукции на рынках АТР. Она там, действительно, была дешевле, чем внутри страны. Под влиянием изменения отношения к «своему» Китаю менялось и отношение к китайцам, проживающим на территории региона. Если в интервью конца 90-х, при всех позитивных моментах, агрессивные тенденции по отношению к китайцам преобладают, то теперь, в предпринимательских кругах, что достаточно явно видно в интервью, китайцы становятся партнерами, причем, зачастую, «старшими партнерами».

«Мы часто ездим в Китай. Они к нам приезжают. Смотрят, как дело организовано, какие обороты. Понятно. Здесь же их деньги, в основном, и крутятся. Мы больше контакты организуем, продажи и... ну, понятно. Вот. С китайцами работать удобно. Бывают, конечно, сложности. Они еще много в нашей жизни не понимают. Но схватывают влет» (предприниматель, 51 год, продажа банно-прачечного оборудования, интервью 2008 года). По существу, территория региона в социальном экономическом, да, во многом, и в культурном отношении втягивалась через «китайские ворота» в глобальную экономику, отгораживаясь от остальной части страны.

Но этот «региональный протекционизм» мало устраивал государственные корпорации и просто крупные предприятия, проявившие интерес к транзитным возможностям региона. Ведь это их грузы простаивали на дальневосточных таможенных переходах и в портах, подвергаясь самому суровому досмотру. Такая ситуация и была осмыслена как «рассвет коррупции», что, в общем, соответствовало, дефиниции, но крайне слабо соответствовало представлениям жителей региона. Ф. Бродель, описывая ситуацию с поставками хлеба на Кипре, с которыми не справлялись венецианцы, говорит о «как бы контрабанде»¹, т.е. контрабанде, о которой все знали и, которая, сама по себе, была условием существования столь важного для венецианской империи острова. Подобным образом и был организован «правовой и таможенный режим» на Дальнем Востоке России. Но этот, вполне устраивающий всех способ организации регионального сообщества и его материального обеспечения вошел в противоречие с задачами федеральной власти и, что существенно, вошел в противоречие неожиданно. Ведь согласно мифологическим представи-

¹ Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М.: Наука, 2003.

ям, которые, кстати, согласовывались со статистическими данными еще более мифологическими, регион был «пуст» и «беден». Наличие у «пустоты» собственных, причем, жестко отстаиваемых интересов оказалось шоком. Эту «ненормальность» и поспешили исправить люди в погонах самых разных, в основном, силовых, ведомств, пришедшие на Дальний Восток вместе с О. Сафоновым. Их усилия и были направлены на «наведение порядка» в регионе, страдающем от коррупции. Масштаб явления при этом оставался, практически, неизвестным. Начались масштабные уголовные дела высоких должностных лиц регионального уровня, «закручивание гаек» в таможне, милиции, миграционной службе и т.д. Правила игры, сложившиеся за полтора десятка лет, начинают давать сбои.

В рамках сложившейся системы производство порядка и безопасности было возложено на местные власти. Именно они победили в жесткой схватке с криминальными крышами в 90-е годы. При этом формальный статус властного лица не имел значения. Он мог быть федеральным, региональным или даже муниципальным служащим. Важно, что именно он обеспечивал эффективное функционирование сети, экономическую транзакцию. Власти региона и попытались «самортизировать» воздействие формального права, понимая его гибельность для хозяйственного комплекса региона.

Законодательная норма принималась, не обсуждалась, но и не выполнялась. Часть региональных ресурсов отвлекалась из оборота для создания видимости исполнения правовой нормы, какими-то игроками пришлось «пожертвовать». Так, например, владелец крупнейшей в регионе золотопромышленной артели «Амур», оказавшейся чрезмерно доходной, В. Лопатюк, был обвинен в «злоупотреблении полномочиями», лишился собственности в России и сегодня проживает в США. Показательно, что как только одно из наиболее доходных предприятий региона, артель «Амур» поменяло владельца интерес к тому, чтобы «посадить олигарха» исчез. Можно множить чреду примеров. Но, в целом, «правила игры» сохранялись. Несколько усложнился механизм взаимодействия, в число «региональных льготников» попал ряд предприятий федерального значения и только.

Основания для «сдержанного оптимизма» здесь были, во всяком случае, с точки зрения дальневосточников. Ведь все требования центра были выполнены, наиболее доходные и легальные производства поменяли собственника, «Единая Россия» неизбежно побеждала на выборах. Сбор налогов с дальневосточных территорий возрастал. Не работало. Властный центр с удивлением убедился, что его собственные действия по наведению законного порядка или борьбе с олигархами, широко и искренне поддерживаемые «вооб-

ще», воспринимаются населением региона, как нелегитимные или не вполне легитимные, как только касаются местных олигархов и местного «порядка». Еще меньше одобрения вызывало стремление «навести порядок» с мигрантами. Стремление использовать транзитные возможности региона и оказалось камнем преткновения, поскольку эти возможности уже использовались и не совсем так, как предполагало государство. Поток ресурсов из региона или через регион в страны Северо-восточной Азии и встречный поток «на запад» из соседних государств воспринимался местным сообществом как еще одно «ограбление» региона. Отрыв его населения от «естественных контактов» с соседями. При этом, то обстоятельство, что еще недавно эти соседи были нежелательными и опасными не актуализируется.

Ведь именно эти потоки и эти контакты кормили Дальний Восток эти годы. Дальний Восток упорно не желал становиться «транзитным регионом», мостом между Европой и Азией. Более того, назначенный в 2005 году на должность полпреда в ДВФО бывший мэр Казани Камиль Исхаков, в соответствии с тенденцией, отмеченной А. Ремневым¹ из «государева ока» в регионе превращается в эффективного лидера регионального сообщества. Он стремится «пробить» проект, в котором путем создания «особых экономических зон» и особого «приграничного режима» можно было развести интересы дальневосточных и «московских» экономических акторов. Внешнее воздействие оказывалось малоэффективным. Оно распространялось не на «пустоту», а пробивалось через уже сформированный и устоявшийся социальный массив. Это и стало толчком для начала борьбы с коррупцией на Дальнем Востоке. Сменивший К.Ш. Исхакова, О.А. Сафонов, бывший высокопоставленный сотрудник МВД, был назначен полпредом с единственной целью – побороть коррупцию, «декриминализовать» вверенный ему округ.

Антикоррупционная война, охватившая регион, породила странную ситуацию, когда одновременно существовали и прежние «правила игры», и «новые» законодательные нормы. Власти различного уровня и функции в хозяйственной системе (с ориентацией на местные формы деятельности или на «федеральные») вели ожесточенные бои, оставив бизнес на произвол судьбы. В результате хозяйственная активность в регионе резко пошла на убыль. При этом, каждый раз принятие новых, вполне тривиальных протекционистских законов, призванных «защитить» регион, порождало новый спад. Так, принятие закона, запрещающего вывоз необработанного леса, который так и не был введен, привело к переориента-

¹ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX-начала XX веков. Омск: ОмскГУ, 2004.

ции традиционных потребителей дальневосточного «кругляка» (Республики Корея, Китай) на канадский лес. Новые правила вылова рыбы и выделения квот на ее вылов в 2006 году поставили в разгар путины «на прикол» большую часть рыболовного флота. Ужесточение соблюдения миграционного законодательства поставило на грань срыва не только проекты, связанные с жилищным строительством, но и возведение многих значимых промышленных объектов. «Праворульная» эпопея, оказавшаяся наиболее известным, хотя и не самым значимым проявлением новой ситуации в регионе, была порождена тоже введением совершенно традиционной протекционистской нормы.

В последние годы в регионе ощутим спад, достаточно слабо связанный с мировым экономическим кризисом. Руководители предприятий в интервью приводят самые разные, апокалипсические цифры падения¹. Однако, даже делая поправку на вполне конкретный «интерес» хозяйствующего субъекта, спад хозяйственной активности видим «невооруженным глазом», причем, в тех отраслях, которые не связаны с величиной государственных инвестиций (лесная отрасль, вылов морепродуктов, импорт техники и т.д.). По существу, значительные территории уже превратились в «изживенцев государства». Пожалуй, наиболее показательный пример: ЕАО, экономика которой полностью зависима от федеральных трансфертов. Ведь, «словам» прежние правила, закрыв дорогу к азиатским «глобальным воротам», центр не смог предложить значимой альтернативы. «Вливания» в экономику региона в целом были меньше, чем доход от экспорта сырья, а распределение этого дохода шло между гораздо более узким кругом лиц. Пожалуй, выступления автомобилистов, при всем том, что с ними удалось более или менее успешно «справиться» вызвали к жизни иную программу. Наиболее пострадавший от вторжения извне Приморский край до 2012 года может не особенно сильно переживать о своем будущем. Невероятный для региона федеральный трансферт на проведение Саммита АТЭС позволяет задействовать большую часть краевых мощностей и трудовых ресурсов. На Дальний Восток спешно переводятся производства из иных, менее странных регионов страны.

Даже успешность «борьбы с коррупцией» в регионе была «оценена» отставкой О.Н. Сафонова и назначением на его пост «местного» губернатора В.И. Ишаева. Фигура последнего и символизирует «мирный договор» между социальными сетями «Желтороссии» (трансграничного региона) и «федерального центра». Не то, чтобы «коррупционная война» утихла совсем, но назначение Ишаева из-

¹ Дятликович В. «Закрывать» генерала// Русский репортер. 2008, 7 февр.

менило в ней расстановку сил и саму задачу федеральной власти. По сути, на Дальнем Востоке сегодня реализуется уникальный проект по интеграции «местных» сетей. В его логику вписываются и последние договоренности В. Путина с руководством Китая, вызвавшие столь бурную и неоднозначную реакцию в России и совершенно спокойную – в Китае. Дело не в том, что китайцы здесь «выиграли», а россияне – проиграли. Просто, для Китая, который изначально строил вполне легальные (со своей стороны) отношения с дальневосточными территориями в этих договорах, практически, нет ничего нового. Может быть только то, что китайских рабочих реже станут «щипать» блюстители правопорядка. А вот для России новое есть. Кроме традиционных договоров по энергетике, соглашения содержат стремление институционализировать уже сложившиеся экономические отношения, включить их в рамки общей хозяйственной системы. Насколько успешной окажется эта попытка, как она проявит себя в отношении к мигрантам из Поднебесной, останутся ли сами мигранты покажет ближайшее будущее. Но это будет уже совсем-совсем другая история.

Образ поляка в Сибири

Исследование взаимных представлений поляков и русских имеет значительную историческую традицию. Используя такие категории, как исторический миф, национальные стереотипы, исследователи смогли описать образы поляка и русского, рожденные в рамках культурного, лингвистического и политического диалогов, осмыслить влияние этнических стереотипов на польско-российские отношения².

Задача воссоздания образа Польши и поляков в ментальности сибиряков формулируется современными исследователями исходя из признания специфики сибирского видения поляка. Образ поляка в Сибири формировался под влиянием отношения к польскому вопросу в центральных регионах России, взаимоотношений Сибири и центра, а также отношения жителей Сибири к польскому населению в регионе.

Появление поляков на территории Сибири связано с иммиграцией, как правило насильственного характера. А польская ссылка в Сибири в большинстве своем являлась политической, а не уголовной. Не удивительно, что отношение местного населения к политическим ссыльным исследователи распространяли на польских невольных переселенцев, отбывавших наказание в Сибири, а отношение к польским ссыльным экстраполировали на всех поляков. Признание позитивного влияния политической ссылки на сибирское общество способствовало появлению в историографии положительного образа польского революционера-просветителя. Ссылные поляки представляли «энтузиастами», «людьми действия», исповедующими «возвышенные этические идеалы»³, в которых российские ссыльные видели «естественных приятелей и союзников»⁴. В советской историографии рождается образ поляка-революционера, тесно сотрудничавшего с

¹ Мулина Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионального развития Омского государственного аграрного университета.

² Giza A. Polaczkowie i Moskale. Wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle (1800–1917). Szczecin, 1993; Polacy w oczach Rosjan – Rosjane w oczach Polaków. Поляки глазами русских – русские глазами поляков. Zbiór studiów. Redakcja Roman Bobryk i Jerzy Faryno. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy (SOW) przy Instytucie Slawistyki PAN, 2000; Polska w Rosji – Rosja w Polsce. Dialog kultur. Praca zbiorowa pod redakcją Ryszarda Paradowskiego, Szymona Ossowskiego. Poznań: Wydawnictwo Naukowe INPiD UAM, 2003, и т.д.

³ Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 13 – 30.

⁴ Janik M. Dzieje polaków na Syberji. Kraków: Nakładem krakowskiej spółki wydawniczej, 1928 // Biblioteka Ześląca. Warszawa – Wrocław, 1991. S. 403.

российскими оппозиционерами¹. Этот тезис определял отношение к ссыльным сибирской общественности: правительство им противодействовало, реакционеры осуждали, а либеральная общественность проявляла сочувствие и стремилась облегчить их участь².

Польские исследователи и мемуаристы были склонны преувеличивать цивилизаторскую миссию соотечественников в Сибири, а также симпатии местного населения к полякам. По мнению Ю. Карповича, «поляки считались за благословление этого края». «Тех, которые были приговорены только в ссылку, так же как и те, которые после отбытия каторги правительством водворялись по деревням, население приветствовало благословляя. Сельский староста сдавал им в аренду хозяйство, не только землю, но всякое оборудование, инвентарь, даже... женщину — «на выбор», только чтобы остались и учили их сельскому хозяйству»³. «...Даже попы в церквях во время проповеди говорили: «Благодарите Бога за то, что нам сюда прислал поляков, они нас научили заниматься земледелием»⁴.

В последние два десятилетия изучение судеб поляков в Сибири заметно активизировалось. Исследователи, остерегаясь столь категоричных оценок, сосредоточили внимание на отдельных аспектах взаимоотношений поляков с местным населением⁵. Однако общей картины формирования и трансформации образа поляка в Сибири еще не сложилось.

Первые относительно крупные группы поляков появляются в Сибири в XVII в. Военнопленные и добровольные переселенцы, они вошли в состав служилого населения в качестве особой категории под названием «литва» или «литвины». Томский историк В.Г. Волков со ссылкой на архивные источники показывает, что большинство литвинов определяли свое происхождение как «родом из Польши», родом польской земли, родом поляк или польской породы, имея в виду, прежде всего, происхождение с территории единого

¹ Митина Н.П. Во глубине сибирских руд (К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте). М.: Наука, 1966. 144 с.; Коваль С.Ф. За правду и волю. К столетию восстания политических ссыльных в Сибири в 1866 г. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. издательство, 1966. 191 с.

² Фильгус В.Е. Деятели русского и польского освободительного движения 60-х годов XIX в. в Тобольской губернии // Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. М.: Наука, 1968. С. 294–312.

³ *Imć pana rotmistrza Józefa Karpowicza powstańca z r. 1863 wspomnienia. Spisał Jan Obst. Wilno, 1928. S. 173.*

⁴ *Ibid.* S. 164.

⁵ Ендрыховска Б. Образ польских ссыльных после восстания 1863 г. в «Иркутских губернских ведомостях» (1863–1873) // Польская ссылка в России XIX — XX веков: региональные центры — *Polscy zesłańcy w Rosji XIX — XX stulecia: ośrodki regionalne*. Казань: Мастер Лайн, 1998. С. 190–195; Качинска Э. Политические ссыльные и уголовные преступники. Столкновение двух миров // Там же. С. 20–24.

польско-литовского государства (Речи Посполитой). Лишь немногие сообщали, что их предки вышли из Литвы¹.

Отношение к «литвинам» вполне укладывалось в отношение сибиряков к другим иноземцам, состоящим на государственной службе в Сибири, а таковых в середине XVII в. насчитывалось уже 5–6 тысяч человек². Большинство поляков были зачислены в конные и пешие казаки и несли службу в гарнизонах. Местные власти неохотно шли на размен пленными. Воеводы пытались оставить поляков в Сибири, склонив к женитьбе или обращению в православие, пообещав повышения и лучшего вознаграждения³. Оценив их жизненный опыт, культуру и знание военного дела, царская администрация открыла им путь в высшую категорию сибирского служилого сословия — дети боярские. В середине XVII столетия третья часть этой категории населения была представлена поляками⁴.

В повседневной жизни сибирское население, особенно служители православной церкви, — пишет В.А. Ханевич, — отрицательно относились к контактам с «литвою»⁵. Но в случае перехода в православие, иноземцы могли рассчитывать на брак с местной уроженкой и достаточно быстро интеграцию в сибирский социум.

О поляках, оказавшихся в Сибири в XVIII в., нам известно немного. В конце столетия за Уралом оказались ссыльные участники барской конфедерации и восстания Костюшки. Путь в сибирскую элиту ссыльных поляков уже не был столь прост. Большинство их ожидала служба в сибирских гарнизонах в звании рядовых. Переход в православие неизменно поощрялся, а присягу на верность российской короне поляков заставляли принимать сначала «достаточно мягкими словами», а потом палками, плетью и батогами⁶. Некоторые представители местной элиты

¹ Волков В.Г. Поляки — основатели населенных пунктов Томского уезда. XVII–XVIII века // Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Омск. гос. агр. ун-та и 180-летию агроном. науки в Зап. Сиб. (27–28 марта 2008 г., Омск). Омск: Изд-во Омск. агр. ун-та, 2008. В 3-х ч. Ч. 1. С. 368–369.

² Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. (История Сибири в биографиях и родословных). Ново-сибирск, 1993. С. 83.

³ Ханевич В.А. Католики в Кузбассе (XVII–XX вв.: очерк истории, материалы и документы. Кемерово, 2009. С. 17.

⁴ В 1645 г. среди детей боярских было до 32% поляков, а в 1667 г. — около 35%. (Люцидарская А.А. Служилые поляки в Томске (по материалам XVII столетия) // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф. / редкол.: Шостакович Б.С. и др. Иркутск, 2001. С. 107.

⁵ Ханевич В.А. Указ. соч. С. 16.

⁶ Lubicz-Chojecki K. Pamięć dzieł polskich. Podróż I niepomysłny sukces Polaków. Na podstawie pierwodruku z 1789 roku wydali oraz przypisami I komentarzami opatrzyli Antoni Kuczynski I Zbigniew J. Wojcik. Bagno — Warszawa — Wrocław: Stowarzyszenie "Wspolnota Polska". Wyższe Seminarium Duchowne Salwatorianów, 1997. S. 76.

проявили интерес к польским мигрантам. Ссылный участник барской конфедерации Кароль Любич-Хоецкий вспоминал об уважительном отношении к полякам тобольского губернатора Д.И. Чичерина, «прекрасного» и «благородно мыслящего» человека, а также «невыразимо любезного» коменданта Тары¹. Да и в целом сибиряки оказались «на много приятнее», нежели население Европейской России². Польские ссылные и дальше будут подчеркивать, что за Уралом отношение к ним было гораздо сердечнее. «Чем ближе мы были к Сибири, тем народ был лучше и милосерднее для нас. Давали нам пироги с капустой или мясом и мяса нам не жалели, а когда нас видели, то говорили «несчастные»³. География отношения к полякам, выстраиваемая мемуаристами, позволит З. Либровичу сделать вывод о том, что «чем дальше на Запад, тем хуже поступали с поляками, и положение ссылных в Западной Сибири было жестче, нежели в Восточной»⁴.

Значительно больше нам известно о пребывании в Сибири около 900⁵ польских военнопленных — участников наполеоновских походов. Под поляками сибирские чиновники понимали уроженцев польских земель в границах 1772 г. Как правило, власти не испытывали никаких сомнений в идентификации пленных, поскольку документация о ссылных была представлена довольно исчерпывающе⁶. Кроме того, военнопленные являлись по большей части католиками и состояли на службе в польском войске.

В Сибири польские военнопленные зачислялись на службу в казачье войско рядовыми. Местные власти выбрали достаточно мягкую политику обращения с прибывшим пополнением. Командир 29-й дивизии генерал-лейтенант Г. Глазенап рекомендовал «исподволь и кротким обхождением приохачивать к службе» поляков; стараться всеми мерами склонять их «ко вступлению в вечное подданство, и, кто объявит желание, немедленно приводить на верность к присяге, без чего никак не позволять вступать в обязанности супружества». «Обучать экзерции пешком и на лошадях с умеренностью, но непременно занимать и доводить к познанию военной дисциплины, требовать от них безмолвного во всем послушания и приличным

¹ Ibid. S. 66, 72.

² Высказывание К. Любич-Хойецкого — Librowicz Z. Polacy w Syberii. Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1884 // Biblioteka Zesłańca. Wrocław, 1993. S. 61.

³ Ibid.

⁴ Librowicz Z. Ibid. S. 157.

⁵ Kuczynski A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny polaków. Rys historyczny. Antologia. Kraków: Wydawnictwo «Kubajak», 2007. S. 75.

⁶ Например, формулярный список сибирского линейного казачьего войска 10-го полка об определенных из военнопленных поляков казаках от 23 марта 1814 г. (Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 44. Л. 246 — 251.

обращением внушать доверенность и почтение к начальникам»¹. Поступление военнопленных в вечное российское подданство позволяло полякам обрести благосклонность начальства и давало возможность более быстрой карьеры. Глазенап велел причислить таких поляков в те полки, которые пожелают, и приказал полковым командирам, дабы они «сим верноподданным делали особенное противу прочих уважение»². Поляки Антон Белоскурский и Юрий Зарембо, принявшие российское подданство, были произведены в младшие урядники³. Присягнувший на верность российскому престолу унтер-офицер Доминик Навродский «за ревностное усердие в службе и склонение товарищей своих на верноподданство России» был произведен в пятидесятники⁴.

Из числа военнопленных наиболее известны находившиеся в Омске 8 трубачей: Ян Голомбецкий, Юзеф Хан, Валентий Райковский, Францишек Квятковский, Якуб Марцынковский, Валентий Вианский, Шимон Павловский и Игнацы Флек⁵. По данным Либровича, поляки создали в Омске оркестр, который своими концертами снискал повсеместное признание, а Квятковский основал школу трубачей, готовивших музыкантов для всех казачьих полков⁶. Участники омского оркестра вместе с другими пребывающими там поляками внесли в культурный климат Омска живительную ноту, почти своим присутствием дома российской интеллигенции⁷. Но в целом, преобладание в среде плененных лиц низших сословий, отсутствие образования у большинства невольных переселенцев позволяют согласиться с польскими исследователями З. Вуйчиком и А. Кучинским, что военнопленные поляки — участники наполеоновских войн «не оказали ощутимого влияния на цивилизацию территорий, расположенных на восток от Урала»⁸.

¹ ИСАОО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 44. Л. 13 об. — 13 а.

² ИСАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 46. Л. 13 — 13 об.

³ Назначение А. Белоскурского Глазенап мотивировал следующим образом: «Уважая поступление его в вечное России подданство, принятие на верность присяги и за расторопность» (ИСАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 46. Л. 14).

⁴ Магерамов А.А. Военнопленные «Великой армии» на службе в Сибирском линейном казачьем войске [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://artofwar.ru/m/maa/text_0140.shtml.

⁵ ИСАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 44. Т. 1. Л. 27 — 137.

⁶ Librowicz. Ibid. S. 81.

⁷ Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny polaków. Rys historyczny. Antologia. Kraków: Wydawnictwo "Kubajak", 2007. S. 75.

⁸ Кучинский А., Вуйчик З. Ожидания и свершения. Цивилизаторская деятельность поляков в Сибири (XVII — XIX) // Сибирь в истории и культуре польского народа: пер. с пол. М.: Ладомир, 2002. С. 41-46.

Иное дело — ссылка участников восстания 1830–1831 гг. и различных конспиративных кружков первой половины XIX в. На этот раз в сибирскую ссылку попало несколько тысяч человек, и среди них представители шляхты, обладающие хорошим образованием и связями с польской и российской аристократией, например: Петр Мошинский, Роман Сангушко, Юлиан Сабинский. Покровительство местного чиновничества создавало благоприятную почву для доброго отношения к ссыльным полякам со стороны обывателей. В своих воспоминаниях П. Мошинский писал, что первоначально большая часть жителей Тобольска оказывала ему пренебрежение и даже враждебность. Но когда Мошинский был приглашен в дом губернатора Вельяминова, ситуация изменилась. Чиновники и царские офицеры начали массово приглашать Мошинского к себе¹. Государственный преступник, лишенный графского достоинства и дворянства, достаточно качественно обустроил свой быт в Сибири: арендовал дом, содержал лошадей и слуг, посещал балы и концерты, развернул широкую филантропическую деятельность среди ссыльных. Кроме нот, книг, столового серебра и других предметов первой необходимости и роскоши², Мошинскому ежемесячно выдавали на содержание 3 тысячи рублей, присланных ему из имения, хотя по закону государственный преступник должен был получать ежегодно на расходы в первый год — две тысячи, а в последующие — по одной. Но в целом, как Мошинский, так и Сангушко, старались соблюдать предписания, ограничивающие ссыльных, и не раздражали без нужды власти³.

Польские ссыльные рассматривались в Сибири, как «привилегированное сословие», став ярким примером «этнического фаворитизма»⁴. Несмотря на противодействие центра, местная власть пытается использовать образовательный и духовный потенциал поляков в решении кадровых вопросов. В данном случае соединились потребности региона и самих ссыльных, для которых обучение и различного рода умственный труд стал и наиболее доступным занятием, поскольку не требовал и никаких практических навыков. Многие ссыльные трудились учителями и гувернерами⁵. Так, в То-

¹ Biliński P. *Obraz miasta i mieszkańców Tobolska w pamiętnikach Piotra Moszyńskiego* // *Polacy w nauce i kulturze Tomsku oraz Syberii Zachodniej*. Wrocław, 2008. S. 303–304.

² Например, 3 мая 1830 г. на его имя в Тобольске были получены рояль, а 30 августа — коляска и шесть ящиков виноградного вина. (ИсАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 17877. Л. 18–18 об.).

³ Śliwowska W. *Ucieczki z Sybiru*. Warszawa, 2005. — S. 46.

⁴ Скоробогатова Н.Н. Адаптационные механизмы и практики польского населения Сибири в условиях принудительных переселений в XIX — XX вв. // *Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни*. . . .

⁵ Подробнее см.: Jędrzychowska B. *Polscy zesłańcy na Syberii (1830–1883). Działalność pedagogiczna, oświatowa i kulturalna*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. — 240 s.

больске Апполон Гофмейстер «при совершенном недостатке преподавателей музыки и по усиленному приглашению родителей давал в трех или четырех домах их дочерям уроки игры на фортепиано. Посещал по часам и по всеобщему отзыву, везде оказывался человеком нравственным и отличной скромности»¹. В Омске Осип Опенский давал уроки музыки, Александр Мирецкий — французского языка, Киприян Вонсович — рисования. В Томске политический преступник Толь занимался обучением детей бывшего председателя казенной палаты Политковского русской грамоте и языку. В Иркутске Июлиан Сабиньский преподавал в некоторых частных домах, Адам Гросс давал уроки музыки, а жена политического преступника Тулинского Констанция воспитывала трех дочерей директора Кяхтинской таможни Федоровича.

В глазах сибиряков поляки выступали как культурная и прогрессивная нация. Польскими качествами считались: бунтарский дух борьбы за свободу и справедливость, образованность, интеллигентность, воспитанность, культурность, рыцарство в обращении с женщинами². «Хорошие, гостеприимные и деликатнейшие люди», — писал А.П. Чехов о встречавшихся в ему в Сибири бывших ссыльных 1863 г.³

Добровольные польские переселенцы были представлены на гражданской и военной государственной службе⁴. Став одним из деятельных элементов сибирской власти, они участвуют в формировании взглядов сибирской общественности на поляков, а также в выработке управленческого курса по отношению к польским ссыльным.

После восстания 1830 — 1831 гг. центральные власти попытались усилить контроль над использованием польского труда на государственной службе. Например, 31 декабря 1841 г. МВД обратилось к генерал-губернатору Западной Сибири с требованием учредить секретный бдительный надзор за всеми медиками, выпущенными из Виленской медико-хирургической академии с 1835 по 1840 г.⁵ В Западной Сибири таковых было двое: пелымский лекарь Никодим Баландович и березовский лекарь Игнатий Вакулинский. В 1841 г. у них, а также у невесты Вакулинского, польской дворянки Ржонжевской, и живущей вместе с ней дворянки Фелинской был произведен

¹ ИСАО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18336. Л. 9–11.

² Шостакович Б.С. К постановке задач изучения сибирских полоний в историческом прошлом и настоящем // Полонии в Сибири, в России и в мире: проблемы изучения: материалы междунар. науч. симпозиума (Иркутск, 8–12 сентября 2004 г.). С. 32–45.

³ Фрагмент письма А.П. Чехова. Томск. Май 1890 г. // Сибирская старина. 1997. № 12 (17). С. 19.

⁴ Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku. Pod red. naukowa A.Kuczyskiego. Wrocław, 2007. 716 s.

⁵ ИСАО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2030. Л. 1.

обыск¹. Ничего предосудительного в изъятых бумагах найдено не было. И местные органы власти встали на защиту польских врачей. В частности, они подчеркивали, что лекарь Баландович недавно женился на дочери довольно уважаемого туринского гражданина, и это может служить гарантией, «что вступая в недра русского семейства, он не будет продолжать связей и сношений, столь отвратительных русским сердцам»².

Массовость польской ссылки после восстания 1830–1831 гг., в частности большое скопление поляков на службе в Отдельном сибирском корпусе³, породила в Сибири «эффект польской опасности». Сибирские власти начинают опасаться выступлений со стороны ссыльных и слияния таких выступлений в общесибирский бунт. В Омске бывают «сходбища поляков и траткации о побеге через Степь в Бухарию», — докладывали генерал-губернатору в 1833 г., — «поновалом возмущения здесь»⁴. О беспорядках среди ссыльных генерал-губернатор Западной Сибири П. Горчаков уведомил иркутского генерал-губернатора И. Цейдлера, а тот, в свою очередь, енисейского — И. Ковалева. И скоро во всей Сибири полиция была поднята на ноги⁵.

Архивные материалы позволяют реконструировать механизмы создания и функционирования в Сибири мифа о польской опасности. Его проявлением стали многочисленные доносы: о намерении поляков поднять мятеж, организовать массовый побег до азиатских окраин и далее в Европу, об организации всесибирского восстания с целью отделения Сибири от России, завоевания Китая и всей Азии. В настоящее время историки доказали бесосновательность доносов и последующих попыток историков связать «омское дело» с «экспедицией Заливского» (1832 г.), событиями в Оренбурге (1833 г.) и Астрахани (1834 г.). Разговоры о восстании и возможном коллективном побеге в среде ссыльных, безусловно, велись. Но то, что в глазах администрации и местного населения они приобрели форму реальной угрозы, говорит о существовании в массовом сознании слишком политизированного стереотипа, отождествлявшего поляков как угрозу империи. Восстание 1863 г. усилит эту тенденцию. Стремление связывать национальные и социальные катаклизмы России с

¹ ИСАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18121.

² Там же. Л. 4.

³ В 1833 г. в личном составе корпуса находилось 27 655 человек русских и 2296 поляков, причем в числе первых было 4422 чел., осужденных по судебным приговорам и штрафников. (Нагаев А.С. «Омское дело» 1832–1833 гг. Красноярск, 1991. С. 30).

⁴ ИСАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 283. Л. 27.

⁵ Śliwowska W. Ucieczki z Sybiru. Warszawa, 2005. — S. 70.

польским влиянием станет «одной из особенностей политического менталитета русского общества»¹.

Изменяются критерии внешней и внутренней идентификации поляков. Место рождения и религиозная принадлежность остаются основной чертой польскости. В административной переписке поляки часто фигурируют как «уроженцы Царства Польского и Западных губерний» или же «лица католического исповедания». При этом уроженцы Западных губерний в глазах сибиряков сливались с прибывшими из Королевства Польского и идентифицировались как поляки².

Одновременно можно констатировать, что внутри ссылки фактор происхождения давал себя знать в различных проявлениях региональной идентичности. Э. Чапский в Севаковой выделяет «конгрессовяков» — уроженцев Царства Польского, «литвинов», «жмудов», «русинов» — выходцев с Киевской, Волынской и Подольской губерний, «немцев» — представителей Великого княжества Познанского и фиксирует, что происхождение оказывалось важным фактором, объединявшим и разъединявшим поляков³. Жители различных областей Речи Посполитой часто не поддерживали между собой контактов⁴. В воспоминаниях, описывая местное сообщество изгнанников, ссыльные непременно отмечали наличие или отсутствие земляков. «... Здесь много подолян, включая подольского помещика Биневича...», — фиксировала К. Медунецкая свои первые впечатления о Ялуторовске⁵. Генрих Новаковский, жалуясь на проблемы взаимоотношений внутри тобольской колонии, противопоставлял уроженцев Минской губернии остальной польской диаспоре. «Не знаю, как в Томске, но у нас минчуки именуются «минским народом», — писал Новаковский, подчеркивая, что всегда скучает и более любит своих, «да и нужно же знать народец!»⁶. Но в отношениях с

¹ Горизонтов Л.Е. Поляки и нигилизм в России // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 147.

² Из общей массы польских ссыльных власти пытаются вычленить только иностранных подданных. Евреи, осужденные за участие в мятеже, в статейных списках в графе о религиозной принадлежности помечались, как «евреи», или «иудеи». А в делопроизводственной документации чаще использовалось словосочетание «еврей из поляков» или «поляк из жидов» (ИсА00. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18510. Л. 9.). Первое высказывание выделяло еврея из среды поляков, а второе, напротив, подчеркивало его польскость.

³ Czapski E. Zesłańcy polscy w Siewakowej // Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815 – 1914. Opr. A. Brus, E. Kaczyńska, W. Śliwowska. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1992. S. 266.

⁴ Сливовская В. Молитвенники польских ссыльных как источник сведений о судьбах поляков Восточной Сибири // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф. / редкол. Шостакович Б.С. и др. Иркутск, 2001. С. 72.

⁵ К. Медунецкая — М. Жаба. Ялуторовск // ИсА00. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Т. 3. Л. 558.

⁶ Генрих Новаковский — Антону. Тобольск. 27 июля 1865 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 1 экспедиция. 1866. Д. 217. Ч. 3. Л. «Г». Т. 4. Л. 121 об.

принимающим обществом на первый план выходила польскость, подкрепляемая статусом ссыльного. «Краёвый литвин уступал место поляку», и такой процесс имел место, прежде всего, среди католической шляхты¹.

В деле этнической идентификации польских ссыльных фактор происхождения практически теряет свое значение. Увеличение количества ссыльных сопровождалось ухудшением качества их учета. Данные о происхождении политического преступника часто отсутствовали. При водворении ссыльных опрашивали только о возрасте, социальном происхождении, роде занятий на родине и физическом положении, чтобы безошибочно причислить их к определенной категории, а вопрос о месте проживания и национальной принадлежности не поднимался².

На первое место в плане идентификации выходит содержание вины осужденного. Все причастные к мятежу 1863 г. получали статус «политических преступников». Последние, в свою очередь, приравнивались к полякам³. Существовал и обратный процесс, когда поляков приравнивали к политическим преступникам. А поляка служащего мало отличали от поляка сосланного⁴.

Рядом с поляком появляется фигура «ополячившегося». Под этой характеристикой понимался не момент аккультурации, а подверженность политическому влиянию поляков, чаще обнаруживаемая в виде лояльности или потворства ссыльному элементу. Ведомственная переписка заполняется рассуждениями о русскости и польскости тех или иных чинов. В основе построений лежало исключительно субъективное мнение высказывающихся лиц, облекаемое в цепочку популярных идеологических штампов. В результате появляется образ чиновника — поляка и католика, который «враждебен России», «проникнут польскими тенденциями»⁵, является личностью весьма подозрительной⁶, иногда человек дельный и полезный, но за его благонадежность в политическом отношении всё же поручиться нельзя⁷ и даже, если сам православный, то жена

¹ Михалюк Д. Белорусские дороги в Сибирь в XIX–XX веках. Проблема национальной идентификации в период формирования национального самосознания // Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития... Ч. 1. – С. 57.

² ИСАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6314. Л. 4.

³ «...Остановимся на сосланных за политические преступления, то есть поляках». (Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1871. В 3-х ч. Ч. III: Политические и государственные преступники. 2-е изд., испр. и доп. С. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1866. Д. 217. Ч. 3. Л. «Б». Т. 1. Л. 502.

⁵ Херсонский губернатор о семействе Ямонт, чиновниках Манчете и Случевском (Там же. Ч. 2. Л. 18 – 19).

⁶ Майор Тиц о томском следственном приставе Филипповиче (Там же. Ч. 7. Л. 19).

⁷ Майор Тиц о томском полицмейстере Стоцком (Там же).

его — «рьяная полька»¹. В административной переписке поляки наделялись такими качествами, как агрессивность, враждебность, хитрость, ловкость, изворотливость.

Сочувствие ссыльным со стороны русских чиновников жандармы объясняли корыстью². Но материальный фактор оказался явно недостаточным в контексте русско-польского противостояния. Так, если действия тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича жандармы могли списать на польское происхождение и католическое вероисповедание, то томскому губернатору не поляку Г.Г. Лерхе полковник корпуса жандармов В.П. Рыкачев пытается приписать наличие любовницы-польки.

Наибольшие подозрения вызывали чиновники, деятельность которых была связана с обеспечением надзора за ссыльными (почта, полиция), и чиновники сферы образования. Служащие поляки подвергались бдительному контролю администрации. Главное управление Западной Сибири рекомендовало не принимать польских уроженцев на службу в военные учебные заведения³. А генерал-губернатор А.П. Хрущов обратился в Петербург с просьбой: не назначать более в Западную Сибирь медиков польского происхождения и перевести из региона всех чиновников почтового ведомства католического исповедания⁴. Многие чиновники были уволены, невзирая на ущерб, который при этом терпело делопроизводство. Например, к апрелю 1867 г. все штатные должности в Томской палате, за исключением только журналиста, замещены лицами русского происхождения, и лишь несколько поляков занимались перепискою бумаг по вольному найму⁵.

Как и в 1830-е гг., власти получают большое количество доносов. Их содержание сводится к потворству полякам со стороны местной администрации, наличию в Сибири польской тайной организации и подготовке ссыльными поляками восстания. Эти темы были на слуху общественности еще со времен «Омского дела». Фактически доноски использовали образы, созданные самой властью.

Содержание доносов следствие не подтвердило, но отношение сибиряков к ссыльным ухудшилось. Полиция в Тобольске постоянно следила, чтобы нигде в частных домах не собирались компании более 3-5 человек, «поэтому каждый из служащих, опасаясь подвергнуться ответственности, начал удаляться от общества поляков

¹ Характеристика березовского почтмейстера Лазаревича (ИсАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7677. Л. 1).

² Там же. Л. 18 об.

³ ИсАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 156. Л. 13 – 13 об.

⁴ ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1866. Д. 217 Ч. 7. Л. 37.

⁵ Там же. Л. 29–29 об.

и прекращать знакомства»¹. По свидетельству ссыльного Гедройца, жители Томска так были напуганы действиями властей, что отказали всем полякам, находившимся у них на службе².

Готовность населения поверить польской угрозе продемонстрировали сибирские пожары 1864 г. Подозрение в поджогах пало на поляков. Полиции подчас не удавалось ограждать ссыльных от незаслуженных оскорблений, имели место открытые столкновения ссыльных с местным населением. По свидетельству курганского городничего Карпинского, вражда между местными жителями и ссыльными поляками была развита настолько, что «каждый житель видел в поляке кровного врага себе, злые нелепые толки поддерживали эту вражду». На рынке за деньги местные жители не продавали полякам съестных припасов, опасаясь, что поляки их «очаруют» и посредством передачи денег нанесут им какое-либо зло³. В Омске всем политическим преступникам польского происхождения рекомендовали «держаться совершенно спокойно и не подавать ни малейшего повода местным жителям к какому-либо подозрению»⁴. Из Томска по подозрению в поджогах было выслано 94 поляка. Когда следствие доказало их непричастность, полякам разрешили вернуться в город⁵. Но общественное мнение на этом не успокоилось. Г.Н. Потанин в письме упоминает, что уже в 1865 г. был пущен слух о том, что поляки составили заговор: «...в христовскую заутреню запереть церкви с молящимися православными и зажечь город»⁶. Многие почтенные особы не решились быть у заутрени. Полицмейстер расставил часовых с ружьями у церквей, и две роты были расставлены цепью вокруг города с ружьями, заряженными боевыми патронами.

Связь поляков с пожарами оказалась очень живучей в общественном мнении. Примером могут служить пожары в Барнауле в 1870 г. Общественный ажиотаж вокруг польской ссылки к тому времени уже спал, однако пожары вновь ожесточили местное население, открыто заявлявшее, что «они сожгут или убьют» проживавших в Барнауле польского ссыльного Венцлавовича, отставного почтмейстера Аргиляндера, прусского подданного Могинского и

¹ ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1866. Д. 217. Ч. 3. Л. «Б». Т.2. Л. 502 об.

² Г. Мацкевич – Ямонтам. Омск. 20 янв. 1866 г. // ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1866. Д. 217. Ч. 3. Л. «Б». Л. 111.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 125. Л. 109 об.

⁴ ИсАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 487. Л. 29 об.

⁵ Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1971. С. 198.

⁶ Г.Н. Потанин – Ф.Н. Усову. 8 апреля 1865 г. Томск // Потанин Г.Н. Письма. Т. 1. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. С. 42.

мещанина из поляков Михайловского, подозреваемых в поджогах. Для успокоения народа указанные лица были высланы из города¹.

В качестве очевидных реалий, толкавших массовое сознание к мифотворчеству на тему польской опасности, следует назвать, прежде всего, большое скопление поляков в ряде областей. Так, почвой для слухов о том, что в Нелюбинской и Богородской волостях ссыльные имеют большой запас оружия и собираются поднять восстание, чтобы пробраться в Польшу, являлось скопление около ста польских ссыльных на стеклянном заводе купца Исаева. По версии жандармов, управляющий заводом поляк М. Дамский русских рабочих заменял ссыльными поляками, под предлогом того, что поляки лучше работают и за меньшую плату². Случаи массового использования рабочей силы поляков, попадавшие под контроль жандармов, по возможности, ликвидировались.

Обывателей вводило в заблуждение несоответствие статуса ссыльного и то место в обществе, на которое иногда поляки претендовали благодаря благородному происхождению, образованию, связям. Интересно замечание полковника корпуса жандармов В.П. Рыкачева о том, что предпочтение оказывается полякам при назначении на чиновничьи должности, под предлогом, что они будто бы «благороднее»³. Здесь мы также видим негативную реакцию на несовместимость дворянского происхождения большей части поляков и статуса ссыльного. Обостренное национальное самолюбие требовало сатисфакции. Местные чиновники бросились на борьбу со «шляхетским гонором», шляхетскими непомерными требованиями⁴.

Местная администрация, будучи стеснена в средствах, многие проблемы в деле осуществления надзора за ссыльными, перевозки арестантов перекладывала на плечи обывателей. Население, пытаясь избавиться от обременительных обязанностей, умышленно распускало лживые слухи о своих подопечных. Именно так можно объяснить жалобы ямщиков, поставленных в сложную ситуацию массовым наплывом ссыльных и низкой оплатой своих услуг правительством. Они говорили, что арестанты принуждают ехать по их усмотрению, когда шагом, а когда во весь мах, что поляки бьют палками и хлыстами тех подводчиков, которые не исполняют их требований, приказывают останавливаться не у этапных зданий, а в деревнях, силою врываются в дома крестьян и, располагаясь господами, требуют, что заблагорассудится⁵.

¹ ИСАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 9469.

² ИСАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6715. Л. 19–21 об.

³ ИСАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18510. Л. 7.

⁴ ИСАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 13641. Л. 38 об.–39.

⁵ ИСАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5706.

Сами поляки при каждом удобном случае повторяли угрозу весною отомстить восстанием в Западной Сибири за их ссылку. «Угроза эта, хотя и нелепа, – пишет Лерхе, – тем не менее, видя совершенное бессилие власти над поляками, следующими в партиях, угроза эта должна находить и находит веру в умах простолюдинов»¹.

Во второй половине XIX в. изменяется профессиональный облик польской диаспоры в регионе. Кроме интеллектуальных и культурных видов деятельности поляки массово начинают заниматься ремеслом и торговлей. Газета «Край» со ссылкой на «Восточное обозрение» писала, что большинство поляков представляет собою людей «работящих и честных», наилучшие столяры, слесари, фотографы были поляками². Коммерческая жилка делает поляков в глазах сибиряков ловкими и изворотливыми³, чем-то напоминающими евреев, как, например, богатый пан Залесский, содержавший кабак в Ишиме. «Окулачился до мозга костей; дерет со всех», «не едет на родину из жадности, из жадности терпит снег в Николин день, – писал А.П. Чехов, – но все-таки пан чувствуетея и в манерах, и в столе, во всем»⁴.

С другой стороны, не были реализованы надежды властей на участие польских ссыльных в колонизации края⁵, и образ поляка в глазах сельских жителей часто оказывался достаточно неприглядным. «... Старожилы вообще смотрят недружелюбно на переселенцев, даже русского происхождения, – докладывал коллежский советник М. Попов, – но к полякам они имеют еще больше претензий ... и смотрят на них не как на колонизаторов, а как на сосланных поселенцев»⁶. Старожилы считали поляков работниками «весьма плохими», и если нанимали их на работу, то, в основном, пасти скот, а зажиточные крестьяне – как мастеровых. Были случаи, что крестьяне отказывали ссыльным в каких бы то ни было занятиях, уклонялись от всяких контактов с ними.

Нельзя забывать и о тех ссыльных, которые так и не смогли найти собственную нишу в принимающем обществе: нищих, бродяг, безработных, склонных к всякого рода общественным порокам. Присутствие в среде ссыльных большого количества людей безнравственных, совершающих кражи и разные иные преступления,

¹ ИСАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5706. Л. 14 об.

² Kraj. Tygodnik polityczno-społeczny, Petersburg, 25grudnia 1882 r.(6 stycznia 1883 r.) – Rok 1. Nr 26. S. 16

³ ГУГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5727. Л. 82, 82 об.

⁴ Фрагмент письма А.П. Чехова. Томск. Май 1890 г. // Сибирская старина. 1997. № 12 (17). С. 19.

⁵ Подробнее см.: Mulin S. A. Zesłańcy – uczestnicy powstania styczniowego i ich udział w rolniczym zagospodarowaniu Syberii // Wrocławskie Studia Wschodnie. – 11 (2007). – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2007. S. 33–44.

⁶ ИСАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7883. Л. 165 об.–167.

побудил иркутские власти разделить поляков на три категории¹. Те, кто имел дом, постоянную работу и был совершенно благонадежен, могли остаться в городе. Те, кто имел дом, занятия, но был неблагонадежен, а также поляки, не имеющие ни дома, ни постоянной работы, высылались из города. Но первым предоставлялось время для упорядочивания своих дел перед отъездом.

В конце XIX – начале XX в. польское население Сибири составляло, по данным переписи 1897 г., 23 985 человек², но теперь поляки теряются и в общем потоке политических ссыльных, и в общем потоке добровольных переселенцев. Польская активность проявляется в формировании польских землячеств, школ, римско-католических благотворительных обществ. Представители польской диаспоры и сибиряки бывали друг у друга во время семейных и религиозных праздников, нередко объединяли усилия для проведения важных городских мероприятий и помощи нуждающимся. Российские власти не ограничивали какие-либо формы самоорганизации поляков, за исключением политических³. Горожане охотно принимали участие в культурных мероприятиях, организованных поляками. Например, в Омске танцы и польские вечера получили признание среди российского общества из-за очень тщательного и изысканного оснащения, и местное католическое благотворительное общество имело от этих мероприятий хороший доход⁴.

Применительно к этому периоду важно определиться с отношением сибирского населения к добровольным польским переселенцам (со стороны местной администрации и крестьян-старожилов). По мнению С.В. Леончика, в поляках российские власти видели перспективный потенциал в колонизации Сибири. Эта позиция достаточно интересна, так как в предшествующий период попытки властей превратить ссыльных участников Январского восстания в земледельцев оказывались довольно плачевны⁵.

«Земельный голод», заставивший переселиться в Сибирь, сильнее привязывал польского крестьянина к земле, чем других, считает сибирский исследователь Л.К. Островский. Поляки составляли меньшинство среди возвращающихся из Сибири, поэтому царские

¹ Kraj. Tygodnik polityczno-społeczny. Petersburg, 19 (31) grudnia 1882 r. Rok 1. Nr 25. S. 15.

² Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам Переписи 1897 г. // Польская ссылка в России XIX – XX веков: региональные центры – Polscy zesłańcy w Rosji XIX – XX stuleciu: ośrodki regionalne. Казань: Мастер Лайн, 1998. С. 171.

³ Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zestawienia, martyrologia I sukces cywilizacyjny polaków. Rys historyczny. Antologia. Kraków: Wydawnictwo "Kubajak", 2007. S. 469.

⁴ М.В. Польские колонии в Сибири / сборок «Иллюстрированного еженедельника». Омск // Иллюстрированный ежегодник. 1907. 1-е полугодие. № 7. С. 148–149.

⁵ Мулина С. Почтовая станция Сибирь. Сегодня польский бунтовщик, а завтра русский земледelec. ... // Родина. 2006. № 4. С. 89 – 92.

власти придавали большое значение польским переселенцам в колонизации Сибири¹. Польские крестьяне довольно удачно обустраиваются в Сибири. По данным Л.К. Островского, в конце XIX – начале XX в. только в Томской губернии было более 60 населенных пунктов, где проживали польские переселенцы в количестве 20 и более человек².

По-разному складывались взаимоотношения со старожилами. По информации газеты «Край», польские крестьяне села Гриневичи Тарского уезда успешно вели хозяйство и помогали старожилам в неурожайные годы³. Другие источники отмечают наличие внутренних конфликтов между поляками и переселенцами из других регионов империи, а также конфликты со старожилами. Так, будущие жители поселка Деспотзиновка, состоящие в основном из числа бывших ссыльных участников Январского восстания, обращаясь к властям с просьбой об отводе отдельного участка земель, ссылались на «притеснения со стороны старожилов в разных лиших, с их точки зрения, мирских поборах», а также на бытовую и религиозную рознь⁴. Возможно, в их основе лежит фактор ограниченности земельных ресурсов в наиболее благоприятных для хлебопашества районах Сибири и обыкновенная конкуренция.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что различные общественные слои сибирского населения по-разному оценивали польскую диаспору. Различные институты власти и управления имели существенные расхождения во взглядах на роль и место поляков в Сибири. Несмотря на это, мы можем говорить о превалировании того или иного этнического стереотипа в определенный отрезок времени.

Трансформация польского образа во многом определялась изменением самой структуры польской диаспоры в регионе. Образ поляка – служилого человека, помогающего завоевать Сибирь для Московского царя, сменяется образом поляка – чиновника, а затем – образом поляка – ремесленника и торговца. Каждая сфера деятельности наделяла своих представителей универсальными положительными и отрицательными характеристиками, применяемыми не только к полякам, но и к представителям иных этносов,

¹ Островский Л.К. Польские крестьяне в Сибири на рубеже XIX – XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 39.

² Там же.

³ Островский Л.К. Польские крестьяне в Сибири (1890-е – 1930-е гг.) // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов междунар. науч. конф. / редкол.: Шостакович Б.С. и др. Иркутск, 2001. С. 122.

⁴ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1: Историко-статистическое описание 100 поселков. Москва, 1895. С. 379–380.

реализующих себя в этих профессиональных сферах. Образ поляка-ссылного тоже не был статичным, отражая, прежде всего, изменения в социальном составе осужденных. В глазах свободного населения ссылные постепенно утрачивали хорошую репутацию.

Всплеск полонофобских настроений в сибирском обществе наблюдается в 1830 и 1860-е гг. Он был спровоцирован не случаями неповиновения поляков в Сибири, их дезертирством, побегам, заговорами, что имело место и в более ранний период¹. Росту негативных стереотипов способствовали массовая ссылка польского населения, подъемом общественной активности в регионе, усложнение взаимоотношений Сибири с центром, а также ожесточением польско-российского противостояния на западных рубежах империи. Проводником подобных настроений станут центральные органы власти и управления, а также тесно связанная с ними структура жандармского ведомства².

И все же образ поляка, выстраиваемый властью и официальной пропагандой, отличался от представлений о поляках сибирского населения, формирующихся в процессе совместного общежития. Социальные связи, устанавливающиеся между представителями двух народов (брачные, хозяйственные, революционные, культурные, криминальные) вносили свои коррективы, делая образ поляка более сложным и многогранным. Большой удельный вес представителей привилегированных сословий, высокий уровень образования ссылных повстанцев существенно повышали этносоциальный, этнопрофессиональный и этнокультурный статус поляков. С другой стороны, этнополитический и общественный статус в условиях ссылки оставался низким. В итоге, поляк котировался как деловой партнер, но проигрывал как брачная пара. Сибирячки охотно шли замуж за поляков, но поляки в данном случае могли рассчитывать лишь на союз с представительницами низших сословий.

¹ Напр., Оглоблин Н.Н. Заговор Томской литвы в 1634 г. Киев, 1894.

² Подробнее см.: Мулина С.А. Польская ссылка в Западной Сибири: полицейский надзор и ведомственная борьба // Проблемы Российской истории. М.;Магнитогорск: ИРИ РАН; МаГУ, 2006. Вып. 7. С. 534–552.

**Деловая культура китайских предпринимателей
в России глазами русских современников
(рубежи XIX – XX и XX – XXI вв.)**

В сфере международного делового взаимодействия важную роль играет знание особенностей деловой культуры партнера по бизнесу. Несмотря на усиливающуюся интернационализацию мирового экономического процесса, на тенденцию к унификации правил международного делового взаимодействия, норм деловой этики (например, создание Кодексов предпринимательской этики), национальные особенности ведения бизнеса продолжают играть важнейшую роль в деловых коммуникациях, часто усложняя нахождение взаимопонимания между предпринимателями – представителями различных культур.

Не является исключением ситуация бизнес-партнерства российских и китайских предпринимателей. Положение здесь осложняется еще и некоторыми историческими перипетиями: в 1960-80-е гг. контакты между русскими и китайцами были крайне ограниченными, а взаимные представления, образы формировались под влиянием государственной идеологии. Ситуация сегодня в корне изменилась. Начиная с 90-х гг. XX в. в Россию хлынул поток китайских мигрантов, которые уже стали важным фактором экономической жизни Сибири и Дальнего Востока. Большая часть китайцев занята в сфере торговли и предпринимательства. Их состав неоднороден: от «челноков» до средних и крупных предпринимателей. Точных данных о их количестве и составе нет, но можно проследить тенденцию: первоначальный лавинообразный поток мелких торговцев-«челночников», торгующих на открытых, не очень благоустроенных рынках, постепенно уменьшается, торговля становится все более организованной и осуществляющейся легально существующими фирмами. Несмотря на обеспокоенность властей и населения фактором китайской миграции, по оценкам экспертов, именно с Китаем как партнером будет связано экономическое развитие этих регионов в ближайшие годы.

Существует и встречный миграционный поток. Много русских постоянно или долговременно по делам бизнеса или по личным причинам живут в Китае. Многие из них изучают, осваивают культурное своеобразие Китая, особенности взаимоотношений людей,

¹ Дятлова Елена Викторовна – старший преподаватель факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета.

деловой и бытовой жизни. Многие хотели бы остаться в Китае, связать с ним свою судьбу.

Следовательно, на уровне межгрупповых, межличностных контактов необходимо формировать взаимопонимание и толерантность, в том числе и за счет информационного обмена о культурных особенностях партнеров. И логика развития международного бизнеса, и социально-экономические особенности развития регионов Сибири и Дальнего Востока диктуют необходимость изучать национальные деловые культуры, в том числе и китайскую.

* * *

П.Н. Шихирев определяет деловую культуру как характеристику хозяйственной деятельности, ориентированной на получение прибыли в процессе отношений с другими участниками экономических отношений. Если спросить предпринимателей, что они вкладывают в понятие «деловая культура», они скажут, что речь идет об организации труда, о навыках делового общения, о правилах делового этикета, об искусстве вести дела, о деловой репутации. Все это верно, но не полно¹.

Деловая культура может быть определена как система отношений, выраженных в нормах, ценностях и знаниях. Ценности — это все то, к чему человек субъективно стремится (или то, чего он избегает), то, что вызывает у него положительные или отрицательные эмоции и переживания; субъективное значение, смысл, которым наделяется объект. Знания — это информация о ценностях, актуальных или потенциальных, а также осознание того, чего человек хочет. Нормы — способы освоения, овладения ценностью, то, что он делает для этого, и правила поведения в процессе достижения цели. В человеческом взаимодействии эти три базовых элемента обычно сплавлены в единое образование — отношение (или установку) к объекту ценности. Установка обычно существует в форме образа, часто стереотипизированного².

Эта система и регулирует деловую активность. Выделяют следующие объекты, отношение к которым образует деловую культуру как систему: само дело и личность в нем; другие люди (работники, партнеры, потребители, поставщики); общество (в лице государства, его представителей, законов, общественного мнения, делового сообщества, других социальных групп); природа³.

¹ Шихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. М., 2000. С. 8, 10.

² Национальная программа «Российская деловая культура». М., 1997. С. 19.

³ Там же. С. 20.

Основной формой, в которой воплощаются социальные нормы и ценности для последующей их трансляции, является образ: стереотип, портрет, тип предпринимателя.

Теоретически рассуждая, каждый предприниматель является носителем ценностей различных уровней (общечеловеческого, цивилизационного, национального/социокультурного, профессионального, ситуативного). Соединение всех этих уровней приводит к тому, что (по аналогии П.Н. Шихирева) личность предпринимателя напоминает матрешку, но разделить ее на отдельные куклы можно лишь теоретически. Другая особенность этой матрешки состоит в том, что у разных людей в различных ситуациях ведущим может оказаться любой уровень, и в реальной ситуации делового взаимодействия поведение будет регулироваться различным сочетанием выделенных уровней¹.

Такова общая теоретическая схема деловой культуры, своеобразный «скелет». В реальной жизни он обрастает «плотью» социальных форм: традиций, правил, ритуалов, этикета, привычек, порожденных конкретной социокультурной ситуацией.

Деловая культура является предметом рассмотрения различных наук. Мы реализуем социально-психологический подход, особенность которого заключается в изучении субъективного, личностного преломления норм деловой жизни, принятых в обществе, то есть того, как объективные процессы и явления отражаются и проявляются на психологическом уровне: в установках, стереотипах, переживаниях, индивидуальном и групповом поведении.

Национальные особенности деловых культур наиболее ярко проявляются в ситуациях кросс-культурных контактов и часто служат причиной непонимания, неприязни, негативного отношения. Именно в таких ситуациях вскрываются наиболее явные различия, которые находят свое отражение, в частности, и в социальных стереотипах.

Стереотип – это некоторый упрощенный, устойчивый образ социально значимого объекта. Он возникает на основе достаточно ограниченного прошлого опыта, в результате стремления строить выводы на базе ограниченной информации. Выполняет функции экономии усилий при восприятии (особенно в ситуации недостатка времени или информации) и защите групповых ценностей. В нем выделяют следующие компоненты: содержательный (набор черт), аффективный (эмоциональная окраска), поведенческий (предрасположенность к определенному типу поведения).

Стереотипы – неперенный элемент и в деловом взаимодействии, особенно на его первом этапе. Взаимные стереотипы партнеров имеют в своей основе более широкие стереотипы представителя другой страны.

¹ Шихирев П.Н. Указ. соч. С. 61.

Стереотипизация может привести к двум различным следствиям. С одной стороны, к определенному упрощению процесса познания другого человека. В этом случае стереотип не обязательно несет на себе оценочную нагрузку. Остается просто упрощенный подход, который, хотя и не способствует точности построения образа другого, заставляет заменить его часто штампом, но в каком-то смысле необходим, ибо помогает сокращать процесс познания. Во втором случае стереотипизация приводит к возникновению предубеждения. Если суждение строится на основе прошлого ограниченного опыта, а опыт этот был негативным, новое восприятие окрашивается неприязнью. Распространены *этнические стереотипы*, когда на основе ограниченной информации об отдельных представителях, строятся предвзятые выводы относительно всей этнической группы.

Предметом нашего исследования является отражение особенностей деловой культуры китайцев в сознании россиян в виде социальных стереотипов в дореволюционный период и в наши дни. Наша гипотеза состоит в том, что деловая культура обладает сильной инерционностью, процесс развития ее основан на сохранении преемственности. П.Н. Шихирев образно сравнивает культуру с генотипом человека: «Будучи системой цельной, сравнимой с генотипом живого организма, она (*культура*. — *Е.Д.*) никогда не умирает полностью; отмирают лишь те ее элементы, которые стали бесполезны, поскольку не выполняют более свою задачу — задачу регуляции социального процесса. Однако под новой оболочкой уже другого организма часто действует прежний генотип»¹. Поэтому можно предположить, что образ деловой культуры китайских предпринимателей у россиян в дореволюционной и современной России будет иметь некоторые сходные черты, несмотря на большую временную дистанцию и длительный перерыв в контактах.

Не претендуя на детальное и полное описание деловой культуры китайских торговцев в дореволюционный период, мы обратимся к тем ее сторонам, которые нашли отражение в мемуарах, документах, докладных записках наших соотечественников того времени. Это то, что более всего бросалось им в глаза, удивляло, а где-то даже и поражало их своим своеобразием и непохожестью на привычные российские реалии. Но именно эти явные отличия, отразившиеся в стереотипах, и служили чаще всего культурными барьерами, затрудняющими коммуникации, причинами настороженности, негативизма со стороны русского населения. Далее мы рассмотрим особенности деловой культуры современных китайских предпринимателей, выделяемые нашими соотечественниками, ведущими бизнес в Китае.

¹ Национальная программа... С.7.

В середине XIX в. российское общество столкнулось с совершенно новым для себя явлением. Расширение империи, освоение восточных регионов привели к массовому притоку китайских мигрантов и формированию китайской диаспоры. Для жителей России фигура китайца превратилась из полусказочного, мифического персонажа, окруженного ореолом загадочности и таинственности, существовавшего где-то там, очень далеко от обыденности (по меткому замечанию одного из дореволюционных авторов, персонажа «с чайных этикеток»), в реального человека, с которым сталкиваешься в обыденной жизни. Возникла проблема культурного «узнавания» и налаживания взаимоотношений.

О проблеме китайской миграции в то время много писали, вели оживленные и острые дискуссии, в которых участвовали публицисты, ученые, представители бизнеса и аналитики в этой сфере, гражданские и военные чиновники в столице и «на далекой окраине», высшие администраторы. Эти источники, написанные, обычно, грамотным, богатым языком, дают богатейший полифонический материал для анализа. Как правило, эти тексты чрезвычайно субъективны. Но именно пристрастность и эмоциональная окраска дают нам дополнительный и бесценный материал для исследования.

Китайцы работали чернорабочими, строителями, занимались промыслом, сельскохозяйственными работами, нанимались в качестве домашней прислуги. Важнейшей сферой их деятельности была торговля и предпринимательство. Русская торговля на Дальнем Востоке развивалась медленно, да и товары, доставленные из промышленных центров, стоили дорого, поэтому китайские купцы захватили эту экономическую нишу.

Они сформировали развитую структуру, от которой зависела жизнь региона. Они везли все, в чем нуждались русские переселенцы и аборигенное население. Их товары были значительно дешевле и быстрее доходили до потребителя. В основном, они представляли мелкую (лотошники, мелочные лавки и т. д.) и среднюю торговлю, но встречались и крупные купцы (такие как, например, Тифо Тифонтай). Вся мелочная торговля и торговля предметами первой необходимости, мелкая промышленность в крае находилась в их руках¹. Китайский рынок представлял собой множество «микроскопических» торговых точек на небольшом пространстве. В них отсутствовала строгая специализация, был представлен широкий

¹ Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке / Тр. командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. VIII. СПб., 1911. С. 190; Главное управление Генерального Штаба. (Издание отдела Генерал-квартирмейстера). Дальний Восток. Т. 3. Военно-статистический обзор. СПб., 1911. С. 132.

ассортимент товаров: «от кожи и мяса до дешевых галантерейных вещей», зелень, фрукты, овощи и т. д.

Красной нитью через всю дореволюционную литературу проходит **признание невероятной живучести и конкурентоспособности** китайских коммерческих предприятий: «...мало-помалу, шаг за шагом, исподволь, постепенно захватывали они в свои голодные, цепкие руки всю торговлю, промышленность и все производства в крае»¹. Некоторые авторы считали промышленную и торговую конкуренцию китайцев «более грозными, чем их армия и флот»². И неудивительно поэтому стремление выделить факторы, позволяющие китайским торговцам, пришлым «чужакам», взять верх над русскими.

Очень высоко оценивались качества **китайцев как торговцев**. «Китайские купцы предприимчивы, трудолюбивы, расчетливы, аккуратны и смелы», представляют резкий контраст с «неподвижными», безынициативными русскими купцами. Им присуще «умение ...пользоваться всеми благоприятными условиями для увеличения выгод в своих торговых оборотах». «Большинство из них [китайцев] отличалось энергией, предприимчивостью, пронырливостью», «особой сноровкой... в торговых делах», «юркостью и оборотливостью в коммерческой сфере». Они сметливы, хитры и это «обеспечивает им успех на торговом поприще»³.

Часто априорно подразумевалось врожденное присутствие «предпринимательских» качеств. «Издавна известно, что китайцы — врожденные купцы и, обладая выдающимися коммерческими способностями, они, где только представляется им возможным, бросаются на торговлю во всех ее видах». «Китайцы обладают высокими врожденными качествами коммерсантов, они — купцы по природе...» «Издавна известно, что китайцы обладают выделяющимися коммерческими способностями; развитая и обширная конкуренция дома не дает им там особого простора, но за границей они быстро находят удобную почву для применения своих врожденных способностей коммерсанта». «Если к особой склонности и способности китайцев к торговле присоединить трудолюбие, выносливость, трезвость и более чем скромные

¹ Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897. С. 51.

² Главное управление Генерального Штаба... С. 131.

³ Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904. С. 153; Унтербергер П. Ф. Приморская область 1856-1898 гг. СПб., 1900. С. 220; Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1906-1910 гг. СПб., 1912. С. 90; Матвеев Н. Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. 1911. № 12. С. 32; Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье // Вопросы колонизации: периодический сб. СПб., 1910. № 7. С. 81; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского 1893, 1894 и 1895 гг. СПб., 1895.

требования в отношении жизненных потребностей, то нетрудно уяснить себе, что конкуренция с ними европейцам не под силу»¹.

Особенно отмечалась поразительная **верность своему слову**: «Тот же китаец, который обманет вас на вес, обмерит вас и т. д., будучи должен вам на слово, без расписки и документа, никогда не обманет вашего доверия и всегда сдержит свое слово... Это подтверждается...и тем...что из всего количества исков, возбуждаемых в местных судебных учреждениях, едва ли не девять десятых предъявляется манзами к прочим обывателям, и...только одна десятая исков предъявляется к манзам». «Договор у китайцев — это святое дело. Он действительно ненарушим и обязательства с той и с другой стороны исполняются до конца». Этим обстоятельством и неумением большинства китайцев читать по-русски иногда пользовались нечистоплотные российские предприниматели, давая вместо договоров о поставках и долговых расписок любые написанные каллиграфическим почерком тексты: от строчки из стихотворения до почтовой квитанции².

Крайне редко встречаются обвинения в обычных приемах нечестной торговой практики — обмер-обвес, пересортица, мошенничество вообще. Даже подчеркивается, особенно для крупных китайских дельцов, отказ «от обычного для русских купцов принципа «не обманешь — не продашь»³. Случаи мелкого обмана, хитрости, лукавства, особенно у мелких торговцев вразнос, отмечались. Обычно подчеркивалось, однако, что это не «национальные черты характера», а обычная, повсеместная («как и везде на свете») бизнес-практика⁴.

Но это не означало законопослушности как таковой. Встречается масса упоминаний об обходе или нарушении законов. Особенно часто — об использовании системы подставных лиц. Китайские лавки торговали запрещенными ханшином и опиумом. Распространенной практикой был ввоз контрабандных товаров, уклонение от уплаты пошлин, налогов⁵. Многие китайские торговцы, особенно мелкие, вели торговлю, не получая официального разрешения и не платя налогов⁶. Обычной практикой были случаи обмана, экономического закабаления коренных жителей края⁷. Китайские торговцы пользовались коррумпированностью некоторых представите-

¹ Унтербергер П. Ф. Приморская область 1856-1898 гг. . . С. 218–219; Головачев П. Указ. соч. С. 153; Главное управление Генерального Штаба. . . . С. 131.

² Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 67; Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском Крае. Хабаровск, 1914. С. 72.

³ Головачев П. Указ. соч. С. 153; Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С. 34.

⁴ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 67; Граве В.В. Указ. соч. С. 30.

⁵ Денисов В.И. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1913. С. 37; Митинский А.Н. Указ. соч. С. 214; Унтербергер П. Ф. Приморская область 1856-1898 гг. . . С. 221; Граве В.В. Указ. соч. С. 31-32.

⁶ Граве В.В. Указ. соч. С. 32.

⁷ Граве В.В. Указ. соч. С. 36-37; Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 84-91, 189; Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье. . . С. 82; Главное управление Генерального Штаба. . . . С. 133.

лей российского чиновничества, путем сговора участвовали с ними в казнокрадстве, давали взятки¹. Но это скорее характеризовало систему управления на окраинах Российской империи, а китайцы гибко подстраивались под диктуемые реальностью условия. В целом же преобладало мнение, что китайцам свойственны честность, порядочность при ведении дел².

Современников поражал **«крайне своеобразный характер» организации торговли**, прежде всего, непомерный штат служащих в лавках. Это объяснялось принципом **коллективизма и объединения усилий**, который *«строго и неуклонно проводится китайцами не только в области торговли, но и в области всяких других промыслов и вообще во всех предприятиях, какого бы характера и рода они ни были, лишь бы преследовали цели наживы и заработка»*. Коллективизм имел под собой и экономическую подоплеку, так как подавляющее большинство мигрантов находятся на грани полной нищеты. Они совместными усилиями сколачивают небольшой капитал — *«он же основной, запасный и оборотный»* - снимают подходящее помещение, приобретают товар. Часто партнерами были родственники. Коллективизм был построен не на равноправии, а на принципе четкой иерархии. Этот принцип выступает как один из основных в обеспечении высокой конкурентоспособности китайской торговли.

Принцип участия в распределении прибыли. Живучесть китайских торговых фирм определялась и тем, что они делали пайщиками своих служащих, что придавало им вид товарищеских торговых объединений. Как правило, служащий не получал жалованья. Находясь на полном иждивении хозяина, он мог рассчитывать, при усердии, смысленности и честности, получить через 2-4 года пай в деле. Это исключало всякую возможность вести дело нечестно и умышленно в убыток хозяину. Замеченный в нечестности удалялся из фирмы и уже ни под каким видом не мог получить нигде другого места. Ни одна фирма, даже на другом конце империи или за границей, не принимала служащего без рекомендации, которая тщательно проверялась. Каждый участник подобной торговой артели отождествлял свое благополучие с ее успехом, поэтому стремился к тому, чтобы оно давало возможно больше прибыли. Отсюда *«особая добросовестность, особая рачительность о деле, особая энергия, которую каждый вкладывает в общее и вместе с тем свое дело» и распределение риска между участниками дела»*³.

¹ Синиченко В.В. Рынок коррупционных услуг Восточной Сибири и иностранное предпринимательство // Вестн. Междунар. центра азиатских исследований. 2001. № 6. С. 13-18.

² Унтербергер П. Ф. Приморская область 1856-1898 гг. . . С. 224.

³ Главное управление Генерального Штаба. . . . С. 132; Труды IV Хабаровского съезда, созванного Приамурским генерал-губернатором генерал-лейтенантом Д.И. Субботичем, 1903 г. Хабаровск, 1903. С.

*«Здесь всякий приказчик при поступлении на службу заполучает пай, который, при счастливых оборотах торговли, возрастает в солидную сумму. На нее через каких-нибудь 10-12 лет, в одно прекрасное утро, тот же толсторожий и краснощекий сытый молодец, который вчера закуривал гостю ганзу и разогревал в медных чайниках на угольках тепловатую араки и горячий чай, сегодня объявляется хозяином, делается сам ответственным или главным участником, компаньоном благодетельшей ему фузы¹. А затем круговая порука эта идет в бесконечность; одряхлевшие старики, не смея складывать на чужеземной почве свои кости, везут их в сырую землю своей родины. На их место выдвигается новое поколение из прежних приказчиков — теперешних хозяев, которые также, в свою очередь, вытискиваются богатеющим и подрастающим, сначала до усов, а потом и до бороды, поколением новых деятелей, но с теми же старыми и окаменелыми приемами и убеждениями»². Подобной организации способствовало и то, что китайские торговцы **не стремились оседать в России**. «Китаец, составив состояние на русской земле, никогда не делается оседлым жителем, и всегда с нажитыми деньгами уезжает на родину, откуда вновь на место уехавшего прибывают новые, жаждущие наживы»³.*

Исключительная конкурентоспособность объяснялась и **организованностью купеческого сообщества, сплоченностью, «корпоративным духом»**, который объединяет всех китайцев на чужбине, солидарностью действий на рынке. Это давало возможность среднему китайскому купцу быть в более выгодном положении по сравнению с российским в приобретении оптовых партий товара, получении кредита и т. д. Крупные предприятия путем кредита подерживали мелкие, формируя тем самым разветвленные сети. *«Сплоченность китайских фирм чрезвычайно велика, принцип поддержки друг друга на всех поприщах торговой деятельности проведен у них повсюду в жизнь и особенно строго соблюдается за границей»*. Для консолидации сил на рынке создавались китайские общества взаимопомощи и торговые общества. *«Общая солидарность и поддержка друг друга дает им особую силу против разрозненных и, по временам, враждебных между собой отношений торговых фирм европейской нации»*. *«В то время, когда китайцы торговали людными и сильными компаниями, и все компании, по секретной инструкции, действовали за единый дух, наши торговали в одиночку, с ненадежными капиталами, с ничтож-*

3; Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье... С. 79; Граве В.В. Указ. соч. С. 29.

¹ Фуза – компания, товарищество.

² Максимов С. Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПб., 1894. С. 502.

³ Труды III Хабаровского Съезда. Обработано по поручению бывшего Приамурского генерал-губернатора, генерал-фдьютанта, барона Андрея Николаевича Корфа агроном Н.А. Крюков. Хабаровка, 1893. С. 129.

ными ручательствами, всегда в ущерб друг другу, очень часто в ущерб самим себе». «...Китайские купцы действуют всегда сообща, торговля китайских купцов регулируется указом богдыхана, чтобы не ронять ценности китайских товаров, тогда как русские купцы, действуя всегда врозь и в одиночку, всегда роняли как достоинство, так и ценность русских товаров»¹.

Для борьбы с коммерческим риском существовал «обычай у китайских купцов средства свои не затрачивать на одно какое-либо предприятие, а всегда на несколько, что предохраняет их при неудаче от крупных потерь». Формировалась широкая система взаимного кредитования, которая связывала «всех торгующих китайцев от богача до самого мелкого разносчика чем-то вроде круговой поруки взаимного одолжения». «Каждый торгующий китаец есть банкир и в то же время клиент множества других банкиров». «Во всякой торговле у китайцев сильно развит взаимный кредит, возможный при крайней педантичности их расчетов, обязательных к Новому году. Поэтому один и тот же капитал, быстро проходя по множеству рук, дает заработок всем участникам, почти ничего не имеющим собственного, или очень мало в сравнении с оборотом»².

Китайские лавки были буквально пропитаны национальным колоритом. Вывешивалась цветная холщовая вывеска, расписанная блестящими китайскими иероглифами, придумывалось какое-нибудь бьющее в глаза название, для рекламы усаживался на почетном месте за прилавком «самый жирный из компаньонов, обладающий к тому же усами и возможно более длинными ногтями — и на живую нитку сколоченная лавочка функционирует на славу... Быть жирным и к тому же обладать длинными (и не всегда чистыми) ногтями — по китайским воззрениям вполне достаточно для того, чтобы пользоваться почетом и внушать к себе уважение: это признак довольства и отсутствия необходимости работать»³.

Названия китайцы стремились сделать «говорящими», несущими позитивную, рекламную информацию. «Из самих названий фуз можно видеть, во-первых, что фузы эти — компании; так например,

¹ Панов А.А. Желтый вопрос и меры борьбы с «желтым засильем» в Приамурье // Вопросы колонизации. Периодич. сб. СПб., 1912. № 11. С. 177; Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1906-1910 гг. ... С. 174; Унтербергер П. Ф. Приморская область 1856-1898 гг. ... С. 220; Денисов В.И. Указ. соч. С. 120; Главное управление Генерального Штаба. ... С. 132; Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 191; Нестерова Е.И. Китайцы в Приморье: некоторые аспекты социальной адаптации (конец XIX — начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.: сб. науч. статей. Владивосток, 2000. С. 73; Максимов С. Указ. соч. С. 499; Левитов И. Желтая раса. СПб., 1900. С. 9.

² Унтербергер П. Ф. Приморская область 1856-1898 гг. ... С. 220; Он же. Приамурский край 1906-1910 гг. ... С. 174; Панов А.А. Желтый вопрос и меры борьбы. ... С. 177; Он же. Желтый вопрос в Приморье. ... С. 80; Труды IV Хабаровского съезда. ... С. 3.

³ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 24; Максимов С. Указ. соч. С. 500.

есть сан-и-чен — составившийся справедливостью троих; эл-хакон-ци — справедливость двух соединившихся; сан-ю-кон справедливость троих оставшихся; цу-юа-шень-дзи — разбогатевший от двух источников; во-вторых, видно, что фузы эти богаты: ко-лунь-ко — блистает великим богатством; сан-шен-ча-ан — сохраняется богатством троих; ко-фа-чен — разбогател обширными предприятиями; хун-ю-се — единоклющие великих богачей; в-третьих, справедливость почитается великим источником; согласие — первую добродетелью; тишина и согласие — путем к изобилию и барышу»¹.

Китайские торговцы стремились **сводить до минимума накладные расходы**, не арендуя больших помещений, не затрачивая средств на строительство магазинов, складов, на дорогостоящее страхование имущества, рекламу. В результате, их накладные расходы составляли 5-8% от суммы годового дохода по сравнению с 14 — 18% у крупнейших торговых заведений края (например у «Кунст и Альберс»)².

Возможность максимально снижать цены объяснялась **неприязательностью и крайне низким уровнем потребностей**. Китайские торговцы жили большими артелями без семей и ограничивались самой дешёвой провизией и одеждой³. *«Вот почему китаец и умудряется жить, существовать и даже благоденствовать в то время, когда всякий другой на его месте давно погиб бы без всякой надежды когда-нибудь встать на ноги. Китаец способен задавить не столько положительными мерами и способами, сколько своим просто непостижимым свойством доводить свои потребности до предельного для человеческого существа минимума»*. Некоторыми это оценивается как основной фактор конкуренции китайских предпринимателей с русскими. *«Ввиду известных коммерческих способностей китайцев и возможности для них свести до минимума накладные расходы, вследствие чего конкуренция с ними русских торговцев крайне затруднительна, можно опасаться, что переход торговли в крае в руки торговцев будет продолжаться и далее, что представляется невыгодным в том отношении, что вся прибыль от торговых оборотов будет уходить в Китай»⁴.*

Китайцев отличало стремление к **быстрому товарному и денежному обороту**. Они продавали свои товары на 10-12% дешевле, так как довольствовались гораздо меньшей прибылью, чем европейцы⁵. Нередко товар продавался в убыток, если представлялась возмож-

¹ Максимов С. Указ. соч. С. 500.

² Граве В.В. Указ. соч. С. 30; Алепо А.В. Китайский торговый бизнес в Приамурском крае (2-я половина XIX — начало XX в.) // Вестн. Междунар. центра азиатских исслед. 2001. № 6. С. 11.

³ Алепо А.В. Указ. соч. С. 11.

⁴ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 25; Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1906-1910 гг. . . С. 90, 174; Труды IV Хабаровского съезда. . . С. 3; Граве В.В. Указ. соч. С. 30; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского 1896-1897 гг. СПб, 1898. С. 66-67.

⁵ Алепо А.В. Указ. соч. С. 11.

ность купить дешево другой товар. В результате оказывалось, что *«при более низкой цене, но при более быстром обороте он [китаец. — Д.Е.] получает прибыли несколько не меньше своего европейского соперника»*. Это было одним из факторов невероятной, по сравнению с русскими лавками, дешевизны товара. Казалось парадоксальным, что *«лавчонки, не имеющие непосредственных сношений с производителями и вынужденные приобретать товар по мелочам чуть не из десятых рук (от крупных местных оптовых торговцев — русских, либо у своих же состоятельных и оборотливых соплеменников), ухищряются продавать его потребителям дешевле оптовых торговцев»*. При этом *«они умудряются не только не владеть жалкого существования... не только прокармливать относительно огромное количество ртов...но даже порою им удается значительно развить свои операции и достичь некоторого благосостояния»*¹.

Невзирая на свою живучесть, мелкие китайские предприятия зачастую лопались *«как мыльные пузыри»*, но на смену погибающим постоянно являются новые, основанные на тех же принципах, *«и грозный для русских торговцев призрак китайской конкуренции никогда не сходит со сцены»*².

Рассматривая особенности деловой культуры, нельзя не упомянуть некоторые черты, свойственные китайским мигрантам на Дальнем Востоке вообще.

Китайцы жили **компактно, достаточно обособленно от местного населения**, общинами со своим **внутренним самоуправлением**. Они жили по своим законам, почти не подчиняясь русской администрации. Все это способствовало созданию общественных организаций, самоуправления, института круговой поруки. Китайские законы и правила *«частью вытекали из конфуцианской морали и учения классиков, частью же из практических условий, нужд и стремлений поселенцев»*³. С работодателями и властями отношения осуществлял посредник, староста⁴. Существовали ярко выраженные клиентельные отношения (патрон-клиент, иерархия и т. д.) Авторами отмечаются круговая порука, сплоченность, взаимопомощь. *«Сплоченность китайцев между собой действительно велика и принцип поддержки друг друга на всех поприщах экономической жизни проведен у них по-*

¹ Митинский А.Н. Указ. соч. С. 188-189; Панов А.А. Борьба за рабочий рынок в Приамурье // Вопросы колонизации. СПб., 1912. № 11. С. 265; Панов А.А. Желтый вопрос и меры борьбы... С. 177; Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье... С. 80; Граве В.В. Указ. соч. С. 30; Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 25.

² Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 25.

³ Нестерова Е.И. Китайцы в Приморье... С.72.

⁴ Митинский А.Н. Указ. соч. С.227.

всюду в жизнь». «Полная солидарность, взаимопомощь доходит у них просто до невероятной степени»¹.

Артельная сплоченность была опорой для китайцев в чужом, довольно недоброжелательном окружении². Они помогали друг другу «советами, деньгами, поручками перед хозяевами»³. «Артельщики-переводчики...солидарны между собой. В случае принципиальной ссоры с одной артелью очень трудно сойтись с другой»⁴. «В характере китайца есть симпатичные черты — это внимание к чужим интересам, солидарность между собой, взаимное доверие и поддержка, оказываемая друг другу»⁵. Эта солидарность, взаимная сплоченность характерна не только внутри сообществ китайских рабочих, китайских торговцев, переводчиков, но и между ними перед лицом «не китайцев»⁶.

Существовала своя развитая инфраструктура, ориентированная исключительно на внутреннее потребление. Китайские поселки представляли собой «маленький уголок Поднебесной империи со своими нравами и обычаями, со своими лавками, банями, цирюльнями...театрами и общественными собраниями...харчевками, игорными домами, пивными и опиекурильнями»⁷.

«Длинная коса, волочащаяся чуть не до самой земли, желтый пергаментный цвет лица — последствия обильного употребления опиума и плохого питания, — лукавые раскосые глаза, своеобразный костюм..., неслышная поступь, вкрадчивый голос, льстивая речь» — таким видится типичный китайский мигрант в России⁸. Отмечалось, что «китайцы очень любопытны и легко поддаются подкупу», обладают «трезвым и сравнительно тихим характером»⁹.

Китайских мигрантов отличала невероятная, парадоксальная с точки зрения русских, **неприхотливость**: «потребности их чрезвычайно скромны, они довольствуются чрезвычайно малым, им почти ничего не нужно», «китаец привык сокращать свои потребности до такого минимума, который для европейца совершенно невозможен». «Они могут жить в таких грязных притонах, в каких ни один европеец не уживется, спать на таких постелях, о которых европеец не может себе составить ясного понятия и с ужасом отвернется, если бы ему пришлось только ближе столкнуться с ними; они очень экономны, тра-

¹ Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856-1898 гг... С. 277; Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 79, 109.

² Главное управление Генерального Штаба... С. 133.

³ Матвеев Н. Указ. соч. С.38.

⁴ Митинский А.Н. Указ. соч. С. 236.

⁵ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 72.

⁶ Меркулов С.Д. Вопросы колонизации Приамурского края. СПб., 1911. С. 72.

⁷ Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье... С. 97.

⁸ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 12.

⁹ Граве В.В. Указ. соч. С. 52-53.

тят очень мало на платья, удовольствия, а главное, вина пьют очень мало»¹.

Подчеркивались их сублищность, тщедушность, изможденность, худоба, неприхотливость, граничащая с нищетой (в истрепанных костюмах или даже «*полунагие, в одних панталонах на голое тело...*»), **минимальные требования к условиям жизни и питанию, антисанитария**. Все это в комплексе с их робким, смиренным поведением, «*приниженными, жалкими, подобострастными*» улыбками, почтительным, предупредительным, даже заискивающим обращением к русским — «капитана», «мадама» — возможно и формировало высокомерно-снисходительное отношение к ним².

Китайцы не воспринимались как равные себе. Практически везде присутствует снисходительное отношение к ним, как к людям второго сорта, «*нижней породы*»³. Русское население встретило китайцев «*...полудобродушно, полупрезрительно, с явным сознанием своего превосходства, но в общем терпимо, а в большинстве случаев просто безразлично... «Ходя», «китаюза», «купеза»! — такое... обращение к ним, обращение насмешливо-снисходительное, большого с малым, взрослого с подростком... Щелкнуть «ходя» в лоб, дернуть за косу, дать ему «подножку», хорошего «тумака» - все это было допустимо, сходило совершенно безнаказанно и делалось так просто, любя, шутики ради... Обобрать, ограбить «ходя» среди бела дня, «укокошить» его считалось делом пустяковым, совсем безгрешным, все равно, что зарезать барашка...»⁴.*

Отслеживались наблюдателями и пороки китайцев, человеческие и профессиональные. Их было не очень много. Специально отмечалось, что если они и пьют, то «*допьяну не напиваются даже в праздничные дни*», не ленятся, как русские. Но они курят опиум и невероятно азартны в играх на деньги⁵. Азарт — это не только чисто человеческий порок, но и профессиональный, так как в одночасье «спускались» в игре состояния, что разрушало деловые отношения и связи. Нередко рабочий в какие-нибудь полчаса проигрывал все деньги, заработанные им за лето, а хозяин, садясь играть со своими рабочими, проигрывал все свои деньги, хозяйство и после окончания игры делался кабальным слугой счастливого партнера. Открывались «*своего рода клубы для игры в карты и костяшки, где китайцы*

¹ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 52. Панов А.А. Желтый вопрос и меры борьбы... С. 176; Левитов И. Указ. соч. С. 8.

² Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 12, 89, 104; Граве В.В. Указ. соч. С. 52-53, 117-118.

³ Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 82.

⁴ Матвеев Н. Указ. соч. С. 30

⁵ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 104, 135; Максимов С. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 гг.). СПб., 1864. С. 495; Левитов И. Указ. соч. С. 8.

часто спускают все, что поднакопили». «Китаец страшный игрок; их игры в кубики на черные и белые и в карты поддаются очень легко шулерским приемам». «Игорный азарт захватывает их до такой степени, что они забывают свою обычную бережливость и за игрой не щадят ни заработка, ни времени». Некоторые, проигравшись, сводили счета с жизнью¹.

Китайские мигранты не порывали связей со своей родиной, родовыми общинами, продолжая оставаться «пришлым, случайным, чуждым элементом» в экономическом, культурном отношении. Жили они обособленно и практически не интегрировались в русское общество, сохраняя свою культурную чужеродность, непохожесть и оставаясь для местного русского населения «чужаками», людьми «совсем другой планеты». «Рассчитывать на обрусение китайцев не приходится... Известно, что все «желтые» туго поддаются ассимилированию со стороны европейского населения. В этом отношении они обладают какой-то особенно агрессивной силой... И какие бы усилия не применялись, китаец всегда останется китайцем». «Они до гробовой доски остаются китайцами и в своем сердце хранят неизменную верность и рабскую преданность своей суровой отчизне», «везде и всюду они сохраняют свой культ, свою косу, свою религию, свои традиционные обычаи, взгляды и нравы и меняют склад своей жизни лишь в редких случаях»².

Китайцы не стремились прижиться в России, воспринимая пребывание здесь как временное: «накопив денег, китаец ни за что не останется в Примурье; он непременно уйдет на родину»³. «Что бросается в глаза, это то, что все китайцы приезжают и не оседают. Они приезжают всегда без жен и семей;... Китайцы не строят себе постоянных жилищ, не обзаводятся семействами и не остаются гражданами той страны, куда являются в таком количестве. Единственная забота всякого китайца – это скопить небольшую сумму денег или золота и возвратиться домой; для этого они готовы производить любую работу на каком угодно поприще, не гнушаясь ничем»⁴. «...Вся эта масса чуждого нам пришлого элемента, как гигантская пиявка, высасывает из нашей окраины колоссальные суммы денег, безвозвратно уходящих в Китай. Высосав нужную сумму денег, армия эта быстро исчезает к себе на родину, чтобы уступить место другой, еще более голодной

¹ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 104, 135, 154; Максимов С. Указ. соч. С. 495; Левитов И. Указ. соч. С. 8; Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 94; Матвеев Н. Указ. соч. С. 37. Митинский А.Н. Указ. соч. С. 232; Материалы по изучению рабочего вопроса в Примурье /Издание Канцелярии Комитета по заселению Дальнего Востока. Вып. 2. СПб., 1912. С. 99.

² Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 55, 210-211; Вережников А. Указ. соч. С. 128; Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 196; Граве В.В. Указ. соч. С. 115.

³ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 104; Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 95-96, 211.

⁴ Левитов И. Указ. соч. С. 8.

и более нуждающейся массе. И так непрерывно работает гигантский насос — вытягивающий самые жизненные соки страны»¹.

Китайская миграция сравнивалась с весенним и осенним перелетами птиц. Большинство китайцев, прибывших на территорию России весной, старались вернуться на Родину к китайскому Новому году. За исключением тех, кто женился на русских, никто не хотел осесть на чужой земле². Эта культурная отчужденность китайцев, ощущение того, что они прибывают в Россию только лишь для зарабатывания и вывоза денег, наряду с их сплоченностью, неимоверной конкурентоспособностью вызывали сильные опасения³.

Отношение российского общества и властей к китайцам определялось совокупностью ряда разнонаправленных факторов. С одной стороны, их опасались. Массовый приток отходников в края, почти не заселенные русскими, только недавно присоединенные, представлял опасность для территориальной целостности России. Дальний Восток находился в полнейшей экономической зависимости от китайской рабочей силы, товаров и услуг. Российские предприниматели видели в китайском торговце мощного и непобедимого конкурента. За фигурой конкретного китайца виделся образ грозного соседа — многомиллионного Китая. Но все прекрасно понимали, что ни о каком экономическом развитии и даже просто существовании региона без китайцев не могло быть и речи.

Это сложное отношение, сочетавшее чувства зависимости и неприязни, сформировали и обобщенный образ китайца. В него входило: подчеркнуто высокомерное отношение к нему как к представителю низшей расы, человеку трудолюбивому, неприхотливому, но «всепроницающему», хитрому, коварному. Китайцы замкнуты, никого не пускают в свой внутренний мир и в свое общество, они клановые, помогают друг другу в ущерб остальным. Все эти качества, в том числе трудолюбие и взаимопомощь, окрашены в негативные эмоциональные тона, как принадлежащие сильному и опасному конкуренту.

* * *

Активное сотрудничество российских и китайских предпринимателей на рубеже XX — XXI вв. вновь создали спрос на знание деловой культуры друг друга. Одновременно оно позволило накопить

¹ Главное управление Генерального Штаба. . . . С. 137.

² Чжан Цзунхай. К вопросу китайской миграции на Дальнем Востоке России // Россия и АТР. Владивосток, 1993. № 3. С. 48.

³ Арсеньев В.К. Указ. соч. С. 104; Шрейдер Д.И. Указ. соч. С. 95-96, 211; Левитов И. Указ. соч. С. 8; Главное управление Генерального Штаба. . . . С. 137; Граве В.В. Указ. соч. С. 234.

значительный опыт и понимание. Особенно активно формируют свои представления об этом наши соотечественники, живущие и ведущие бизнес в Китае. Они неизбежно осваивают элементы китайской культуры, изучают язык и интенсивно осмысливают китайскую деловую практику и деловую культуру. Для них это вопрос не абстрактный, а залог успеха или поражения в бизнесе, проблема выстраивания жизненных стратегий.

Источником для данного исследования стали интернет-форумы, где происходит обсуждение проблем китайской деловой культуры (что в принципе неотделимо от проблем культуры вообще и текущей общественно-политической ситуации) россиянами, живущими в Китае или тесно связанными с ним. Особый интерес представляет совместный проект модераторов нескольких сайтов о Китае – интернет-форум «Восточное полушарие» (www.polusharie.com). Его организаторы живут (находятся длительное время) за пределами России (в основном в Китае). Интересен он тем, что тематика конференций выдвигается самими участниками, то есть возникает спонтанно. Сам жанр интернет-форума предполагает минимизацию цензурных рамок, спонтанность реплик, которые приближают его к разговорной речи.

Участники форума – это люди, которым интересны различные проблемы, относящиеся к Китаю и китайцам. В основном это россияне, связанные по роду своей деятельности с Китаем (бизнес, переводы, преподавание, журналистика, дипломатия). Многие живут или часто бывают в Китае. Большинство владеет китайским языком. Это определяет достаточно высокий профессиональный уровень дискуссии. Возраст большинства участников (заявленный в регистрационных формах) – от 23 до 40 лет. Многие так или иначе связаны с бизнесом – в качестве предпринимателей, менеджеров или консультантов. Есть и несколько китайских участников.

Тематика дискуссий отличается разнообразием: от политических и экономических проблем до обсуждения частных вопросов (типа «Что вам нравится / не нравится в Китае» или «Хочу выйти замуж за китаиста...»). Импонирует тональность дискуссий. Хотя обсуждаются серьезные проблемы, язык разговора можно назвать непринужденным, легким, с чувством юмора. При этом дискуссии ведутся на хорошем качественном уровне: обоснованные точки зрения, опора на собственный опыт, литературу, экспертные мнения. Чувствуется, что люди не только умеют хорошо оперировать информацией, но и достаточно критично ее воспринимают. Производит впечатление начитанность, эрудиция, особенно в том, что касается Китая. При обсуждении проблем кросс-культурного взаимодействия не наблю-

дается, как это порой бывает, каких-либо некорректных, тем более расистских высказываний.

Тема китайской деловой культуры, оценка китайцев как деловых контрагентов им важна. К ней постоянно возвращаются, обсуждая ее и как обобщение собственной практики, и как общетеоретическую проблему. Участники обсуждений органично рассматривают деловую культуру в контексте китайской культуры вообще. Это очень важно — казалось бы, как деловые и очень занятые люди, у которых время — деньги, они должны сосредоточиться на обсуждении вещей практических и необходимых для бизнеса — состоянии рынков отдельных товаров например. В крайнем случае — деловой культуры в ПРИКЛАДНОМ варианте. Но они берут широко. Рассуждают и о бытовой культуре, о том, что часто называют китайской цивилизацией. Демонстрируют не только наблюдательность, умение видеть и, что еще важнее — и сложнее — «увидеть виденное», описать его, отрефлексировать.

Бизнес с китайцами анализируется через обсуждение конкретных проблем и ситуаций. Участников интересуют практические, утилитарные моменты, которые могут быть полезными. Обмен опытом, реальная помощь, экспертные мнения специалистов (а они в массе специалисты) — вещь ценная. Но что характерно, обсуждая очень конкретные ситуации своей деловой практики, они неизбежно и органично выходят на более общие проблемы деловой культуры своих китайских партнеров, сравнивают ее с собственной.

Участники дискуссии признают влияние культуры Китая на стиль и методы ведения бизнеса. И это влияние намного глубже, чем особенности делового этикета. Знать, как правильно организовать встречу, приветствовать китайского делового партнера, разместить делегацию за переговорным столом в соответствии с культурными особенностями — важно, но недостаточно для того, чтобы по-настоящему понять партнера и наладить с ним плодотворное сотрудничество. Для этого нужно прочувствовать культуру:

«Все эти книги и советы типа «подавайте визитку не одной рукой, а двумя», конечно, полезны на первом этапе, но по большей части это все поверхностно и для самих китайцев не важно. Человек должен пожить здесь, чтобы понять, что важно именно для вашего партнера».

Какие же особенности бизнес-взаимодействия выделяются участниками?

Прежде всего, это **фактор личных отношений в бизнесе**. В разных словах и формулировках содержится констатация того, что бизнес в Китае в огромной степени персонифицирован, что он чрезвычайно зависит от личностных взаимоотношений партнеров. Огромную роль играют связи. Иначе говоря, констатируется слабая институ-

ционализированность деловых практик. Юридические процедуры и санкции не имеют столь жесткой силы и определенности, как в Западной Европе. Подписанный контракт для китайцев часто вовсе не означает окончательного и обязательного решения об условиях сделки. Скорее, это только обозначение рамок дальнейших отношений. Протицируем в подтверждение некоторые реплики:

«В Китае важен постоянный личный контакт».

«Постройка отношений состоит не только в заключении договоров и контроле качества, а личностном общении с ним, нужно интересоваться, как вообще дела идут у китайской стороны, какие проблемы испытывает партнер, что у него на душе вообще».

«Добавлю, что в Китае партнеру можно доверять, только если знаешь его лично и довольно долго. На расстоянии или наездами раз в полгода мало чего можно добиться. Как и в России — все решают связи...»

«Если человек поставит себе цель обдурить, в Китае он всегда это сделает. Поэтому все должно строиться на личной лояльности... Тут даже китайцы китайцам не доверяют по бумагам».

«Вести надо себя УВАЖИТЕЛЬНО. Это имеет огромное значение, знаю по собственному и не только опыту. Вообще, переговоры с китайцами — тонкое дело, здесь задействовано больше психологических рычагов, нежели стандартных приемов переговорщиков (но и это все тоже не следует исключать). Стоит помнить о том, что китайцы не любят дела решать за пару минут и почифанишь — обязательно (типа как с русскими «побухать»)».

«Обещайте всем налево и направо стать друзьями, не экономьте на ресторанах, уважайте «друзей», делитесь с ними ненужной информацией, пусть они ощущают свою важность».

Иногда это стремление делать бизнес со «знакомыми» и во что бы то ни было сохранять хорошие отношения с партнером приводит не всегда к продуктивным результатам.

«Я знаю много примеров, когда китаец-поставщик, имеющий очень недурную продукцию, выходил на рынок России через «знакомых», вместо того, чтобы провести анализ хотя бы на выставке и обратиться к профессиональному российскому дилеру. Не стоит и говорить, что эти китайские знакомые очень хорошо имели и ничего не делали. Противоположный пример, я знаю китайского дилера, который 5(пять!) лет боялся выйти на российского поставщика, так как боялся оскорбить так называемого первоначального дилера, который их свел. Причем первоначальный дилер все спускал с колес и вообще ничего не делал».

«Просто так не угощают, даже и не думайте. А если даже и угощают сегодня, когда от Вас еще ничего не надо, то, сто пудов, делают это про запас, на будущее».

«Вот это точно! По началу наши русские люди приходят в умиление от такого гостеприимства, но потом убеждаются, что китайцы стоимость всех обедов и ужинов включили так сказать в накладные расходы. Но если все довольны, то почему бы и нет?»

Можно предположить, что гипертрофированно высокая роль личных связей и отношений обусловлена определенным этапом в развитии рыночных отношений и деловых практик, для которого характерно недостаточное понимание «цены» деловой репутации. Кстати, это характерно и для нынешнего российского общества. Но, на наш взгляд, большую роль здесь может играть и то, что для наших стран характерен тип культуры, ориентированный на людей (people-oriented), в противоположность западному типу, ориентированному на задачу (task-oriented). Такие культуры ориентированы скорее на создание и сохранение хороших отношений с партнером как гарантии успешной сделки, нежели на конечный результат.

«У меня есть такое чувство, что с китайцами возможен бизнес долгосрочный при условии, что ты с ними дружишь. Мне кажется, что личный аспект играет большую роль, иногда даже может пере-силить аспект выгоды (я говорю именно про ДОЛГОСРОЧНЫЕ отношения)».

Участники дискуссий отмечают **иерархичность и статусность** в отношениях персонала внутри фирм и в отношениях с представителями фирм-партнеров, когда правильными и наиболее плодотворными считаются непосредственные контакты с людьми, которые занимают аналогичную позицию в фирме.

Проблема рисков. Бизнес с Китаем, по мнению участников дискуссии, полон «подводных камней» и имеет достаточно высокую степень риска. Нечестные и просто жульнические деловые практики, несоблюдение договорных обязательств распространены чрезвычайно широко, а вопрос о качестве поставляемых китайцами товаров стоит на повестке постоянно (даже в случае длительных отношений с партнером по бизнесу).

Конечно, участники дискуссии признают, что наивно было бы желать «европейского» качества по «китайским» ценам. Ведь именно относительная дешевизна китайских товаров является одним из факторов их популярности на российском рынке. Скорее всего, плохое качество китайских товаров в большей степени характерно для «челночного» бизнеса, ориентированного на покупателей с низкими доходами, которые в ситуации «цена-качество» выбирают цену. Прибыль тогда получается за счет разницы в цене товара в Китае и России, а не за счет объема поставок. Но даже в случае с более крупным бизнесом часто случается, что китайский партнер отправляет первые партии товара более или менее хорошего качества, но

в последующем процент брака растет. Один из способов избежать этого — опять же поиск надежного партнера, налаживание с ним, помимо деловых, хороших личных отношений и постоянный контроль представителем российской фирмы в Китае качества каждой отправляемой партии.

«...Если вы серьезно собираетесь вести бизнес с китайцами, то проблема брака обязательно появится, просто не может не появиться».

«Так что лучше заранее все обсудить и прописать в контрактах предельные пределы процента отбраковки, необходимые сертификаты международного образца (ISO) и чтоб они их предоставляли, а не вы тут бегали (даже если это трусы мужские в горошек, все равно), я бы на вашем месте даже спец. человека б завела в Китае, чтоб перед отгрузкой проверял качество и деньги за это получал. По своему опыту - деньги, которые он будет получать, пусть и большие, все равно в десятки раз меньше тех убытков, которые вы можете понести, если выкупите контейнер «европейского качества» по китайскому образцу».

«Абсолютно согласен с тем, что при ведении дел с Китаем брак будет обязательно, вопрос лишь в процентах этого брака. Исходя из своего опыта, могу сказать, что нормальным является 3-7% брака на контейнер, и этот процент нужно закладывать в закупочные и продажные цены. Если процент брака больше — вам придется разбираться с поставщиком. И здесь мы опять возвращаемся к вопросу о вашем представителе в Китае, ибо, по моему глубокому убеждению, контракт с китайцами (если только ваш поставщик не является государственным предприятием и не покупает у вас стратегическое сырье) является не более чем иллюзией безопасности».

«Они не особо держатся за своих клиентов, типа, ну не понравится одному, мы еще десяток других лохов найдем — это если хочется выгадать на цене. А если платить по полной, то качество будет нормальное, но цена будет уже приближаться к европейской, тогда и возникает вопрос: зачем Китай?».

«...Как мне кажется, китайцам нельзя давать расслабляться. Как только они видят, что контроля за ними нет, они и начинают гнать большой процент брака после второй или третьей поставки... А при наличии вашего человека там, он не позволит им расслабиться и лично проконтролирует вопросы качества и решит вопросы с условиями поставки и оплаты. В конце концов, он же может и нового поставщика найти, ему это будет проще сделать, чем вам из Москвы».

В целом, россияне сталкиваются в Китае с самыми разнообразными формами нечестных, жульнических практик (говоря современным русским деловым языком, «кидалова»). Например, российским заказчикам присылаются реквизиты для перечисления денег,

но впоследствии (после того, как деньги перечисляются) оказывается, что такой компании не существует или счет, на который были переведены деньги, оказывается не принадлежащим фирме, а человек, который из Китая вел переговоры от имени фирмы, там не работает. Чтобы избежать такого рода мошенников, нужно тщательно самим или доверенному лицу в Китае проверять компанию, с которой собираетесь сотрудничать.

Из экспертных оценок участников обсуждения складывается впечатление, что при работе с китайцами нужно следовать принципу «доверяй, но проверяй».

«...Не расслабляйся, а постоянно контролируй и подгоняй китайского партнера в выполнении контрактных обязательств».

Чем же объяснить такой стиль бизнеса: определенной стадией экономического развития или культурными особенностями?

«...Мне все-таки кажется, что китайцы воспринимают бизнес больше как игру, где выживает более умный, хитрый, сильный и удачливый. У китайцев, по-моему, подход к бизнесу в целом схож с американским... Ну, к примеру, бизнес в Европе - это partnership... Европа маленькая, рынок очень стабильный и довольно четко сформировался много лет назад... В Европе не выгодно сорвать куш за раз... Просто много все равно не сорвешь, а репутацию себе испортишь, потом никто работать с тобой не будет... В Европе бизнес строится на доверии, в Китае же наоборот, на недоверии, ну вроде как в русском анекдоте: «... да не пойму, где ты меня обмануть хочешь»».

«Больше всего мне не нравится в китайцах неделение ими самими бизнеса на грязный и чистый. Деньги не пахнут. Ну, например, профессия «сутенер» тут не считается такой уж помоечной. Бизнес есть бизнес. Хотя, если мне предложат на выбор, с кем иметь дело, с китайцем или гонконговцем, например, я выберу китайца. Они менее практичны все-таки, я им верю больше, хотя до определенной степени. Особенность ведения бизнеса в Китае - никогда нельзя расслабляться. Ты расслабился — ты попал. И никто не будет чувствовать себя виноватым. «Бизнес есть бизнес, ничего личного».

«На своей практике я убедилась в том, что китайцам ничего не стоит «кинуть» даже в контракте».

«Так составление контрактов — к китайской специфике никакого отношения не имеет. «Кинуть» могут везде. Поэтому личные отношения гораздо важнее».

«Не существует национального знаменателя в «кидании». Каждый недобросовестный партнер недобросовестен индивидуально».

«Первый момент, естественно, брак. Как его решать, я уже высказал свое мнение - это представительство в Китае. Второй возможный момент, это условия оплаты и поставки — многие поставщики хотят,

чтобы сумму баланса они получали непосредственно перед отправкой контейнера из Китая. Если вас это устраивает, нет проблем, если нет, ломайте их на оплату баланса после прихода контейнера в порт. Идея такой схемы проста — если вы платите баланс перед отправкой из Китая, вы фактически делаете 100%-ную предоплату, не получая и не видя еще своего груза... И опять возвращаемся к вопросу о вашем представителе в Китае — многие поставщики отказываются принимать такую схему. Но если они знают, что Ваш человек находится рядом с ними и он представляет ваши интересы и уполномочен решать финансовые вопросы, особенно при условии, если он уже кvasил с руководством компании поставщика, проблем не будет».

«...Мое личное мнение — если деловой партнер находится в Китае, то первым делом необходим хороший юрист в России, который поможет составить деловые соглашения и оговорит все условия, рассмотрев все возможные варианты, чтоб, если что, припереть партнеров к стенке и заставить их выполнить условия. И еще нужен кто-то, кто знает культуру, кто жил в Китае и общался с китайцами, поскольку разница в менталитете огромная и в каких-то ситуациях нельзя подходить с нашим русским лекалом».

Показательно, что распространенность нечестных деловых практик обсуждается с минимальной долей оценочности (в том смысле, что это нехорошо или просто очень плохо). Все это воспринимается как факт, как рядовая, хотя и сложная, бизнес-проблема, относительно которой необходимо иметь стандартный набор практик и приемов.

Российские предприниматели тоже не всегда честны и порядочны в бизнесе с китайцами. Одной из причин этого, с точки зрения участников дискуссии, может являться предубеждение в отношении китайских партнеров, априорное приписывание им желания обмануть. В таких случаях ярко проявляется регулятивная функция взаимных образов и стереотипов.

«Поговорка «умный, как сто китайцев», думаете, просто так появилась в русском языке? Где-то было написано, что китайцы оттого такие хитрые и так жаждут надуть лаовая хоть в чем-нибудь (особенно, если последний впервые в Китае и к тому же не владеет языком), что просто сами до смерти боятся быть обманутыми. Но я смотрю, это касается не только китайцев... Обидно и как-то неприятно смотреть, когда сами русские — «гостеприимные и великодушные» — совершенно бесцеремонно и принципиально пытаются хоть в чем-то ущемить, задеть, обхитрить китайцев. Получается это у них или нет — другой вопрос. Но смешно то, что и они это делают из-за того, что убеждены: «хороший китаец — хитрый китаец», а значит, вот-вот обманет, обдурит...»

В качестве серьезного фактора обыденной деловой практики многими участниками обсуждений выделяется **патриотизм китайских бизнесменов и их солидарность перед лицом иностранцев.**

«Есть такая мысль, что любой китаец ВСЕГДА будет работать на Китай. То есть настолько развит патриотизм, что ли...».

«...Русский человек будет работать на себя и за деньги! И плевать ему, получит ли выгоду от его работы Россия или нет, а у китайца в голове все равно сидит его родная Поднебесная».

«...Не так уж и много людей, которые РЕАЛЬНО заботятся о СТРАНЕ (среди россиян, во всяком случае). В этом-то я и противопоставляла наших и китайцев».

«Нанимать китайца как представителя по контролю за качеством продукции не рекомендую — когда идешь со знакомым (знакомой) по рынку и он (она) начинают торговаться, то продавец сразу говорит: «Ты китаец и я китаец — давай поможем друг другу».

В целом отмечается **большая роль государственной политики и идеологии** в китайской экономике. При обсуждении этой проблемы обязательно присутствуют отсылки к российской практике. Подчеркивается контраст ситуации. Если российские бизнесмены фактор престижа страны и ее интересов, как минимум, просто не берут в расчет, а чаще всего относятся к этому просто цинично, то для их китайских коллег это вещь реальная и серьезная. Здесь могут быть самые различные объяснения и интерпретации, они имеются и у автора статьи, но важно, как это объясняют участники обсуждения. А они это обстоятельство просто констатируют (не без доли зависти) и берут в расчет как фактор деловой практики.

«...Я много раз слышала, что во время переговоров китаец, даже если вы ему платите и он должен защищать ваши интересы, всегда и при любых условиях будет больше блюсти интересы китайской стороны. Даже если у этого китайца уже русский вид на жительство и т. д. Мол, сколько волка не корми... Так что спорный вопрос о целесообразности китайского посредника».

Но это качество может иметь и последствия, связанные с классической для китайской культуры проблемой **«сохранения лица»**. Применительно к деловой практике, с точки зрения участников дискуссии, она может выражаться в том, что китаец старается поступать так, чтобы не допустить «потери лица» своим соотечественником, а следовательно, не станет торговаться о такой скидке, которая может поставить партнера в неловкое положение. Хотя участники дискуссии и оспаривают исключительность принадлежности принципа «сохранения лица» китайской культуре и видят проявление его в других культурах в виде стремления не поставить человека в неловкое положение, но китайцы более последовательны в его реализа-

ции. Кроме того, на наш взгляд, у китайцев этот принцип существует на уровне социальных норм и доведение ситуации до «потери лица» собеседником, партнером у китайцев подвергается общественному осуждению. У россиян же это скорее дело личного выбора, проблема совести.

«Это очень спорный тезис, что китайцу удастся выторговать большую скидку, чем русскому. Я много раз наблюдал, как иностранцы (не только русские) выторговывают гораздо большую скидку, чем сами китайцы. У китайцев стоит какой-то внутренний ограничитель на определенном моменте.

Он чувствует, что после какого-то момента или он, или продавец может оказаться в неприятной ситуации, просто «потерять лицо» хотя бы на время разговора. А у русского, который «раскусил» эту китайскую торговлю, такого ограничителя нет. Всегда можно прикинуться тупым лаоваем. И если чувствуешь, что перегнул палку, то всегда можешь пойти на попятную, и тебе это простится, как многое прощается китайцами иностранцам. Не всегда это работает, это нужно чутье какое-то иметь».

«Абсолютно справедливо. Китаец может добиться хорошей скидки, если только это выгодно ему самому. Большинство из них не слишком практично — многие даже не представляют реальной стоимости вещей. А работая «на дядю», зачем заставлять кого-то или себя терять лицо...»

Отмечаются и **более частные ситуативные особенности ведения бизнеса** китайцами, знание которых помогает наладить продуктивные деловые отношения.

Нетворческий, шаблонный подход в деятельности, в том числе и в бизнесе.

«По теме — одна из основных проблем китайцев, на взгляд того же Дэн Сяопина, - отсутствие способностей к оригинальному творчеству. Как правило, даже в плане обьегоривания партнера используются «старые, проверенные» десятилетиями методы. Поэтому работая с китайцами надо просто быть внимательным ко всем мелочам».

«О безынициативности китайцев в плане научно-технического мышления не стоит и говорить. Замечу новое интересное веяние, которое погубит скромные достижения китайцев: успешно копируя западную и российскую технику, китайцы решили, что уже достигли нужного уровня и теперь могут показать наконец-то, что они круче иностранцев. Теперь китайцы будут не только копировать, но и добавлять китайскую специфику, типа своего дизайна и дурных прим-бамбасов. В основном, помимо глупейшего дизайна, это тупиковые технологические решения, направленные на то, чтобы сделать вещь,

как им кажется, удобной, а на самом деле делающие эксплуатацию вещи неправильной и ошибочной, функциональность вещи резко снижается. Зато китайцы самоутверждаются».

Обсуждая сферу бизнеса, участники не избежали разговора об особенностях **трудоуовой культуры** китайцев. Какие же наиболее характерные особенности выделяются?

Во-первых, трудолюбие. В целом участники форума считают китайцев более трудолюбивыми по сравнению с русскими.

«На самом деле, лентяев и в Китае хватает. Но китайцы в целом - очень трудолюбивы. В отличие от России...»; «Ленивые китайцы тоже бывают, но трудолюбия у них не отнять...»; «Китайцы и в Китае берутся за любую работу и со временем, как правило, находят более достойную. А в России чаще всего выходит так, что сегодня я на работу не пойду, так как работа тяжелая и платят копейку, а завтра работа вовсе не нужна, лишь бы нам с соседом на бутылку нашлось».

Во-вторых, дисциплинированность и исполнительность. Стиль работы отличается равномерностью и постоянством, в отличие от «авральности», характерной для русских.

«...у них гораздо большая дисциплинированность. Работа у них, как ни странно, начинается с работы, а не с получасового перекура. Этого русским никогда не понять...»;

«Я вот тоже думаю, что русских отличает «долго запрягает, но быстро едет». А китайцы, они фронт работ разбивают на небольшие интервалы и потихоньку, но равномерно его выполняют. Поэтому и создается впечатление, что они постоянно в работе. А русского легче застать за периодом лоботрясничества»;

«Если что-то горит и надо поавралить и выложиться на всю катушку, то и в этом отношении они проигрывают».

Но исполнительность китайцев имеет и обратную сторону из-за отсутствия креативности и инициативы.

«Помимо прочего полностью отсутствуют рационализаторские зачатки, делают... молотят, как им скажут, а оглянуться и посмотреть со стороны — это уже никому не надо... Да, согласен, они исполнительные... и всем видом будут это показывать и преувеличивать...»

«Вот такая у меня мысль появилась в процессе работы с китайцами в Китае. Исполнительность находится у них на достаточно высоком уровне, то есть ленивыми их не назовешь. Инициативу лучше бы они не проявляли — страшная штука! Но если их не дергать постоянно, не давать ЦУ - они будут тихо сидеть и ничего не делать. Все зависит от того, КАКИМ образом ты перед ними поставишь задачу — если они ее четко поняли, все будет сделано быстро и более или менее качественно. Проблема в том, что поняли они или нет, приходится догадываться

самому, так как они всегда сами с радостным выражением лица на все говорят ОК!».

«Людам со стороны это трудно понять. Кто не был в Китае и не имел дело с китайцами, те не представляют, как тяжело заставить китайца делать работу постоянно на одном и том же, причем высоком, уровне. Это, как мне кажется, происходит от любви китайцев к упрощению, приблизительности. Дотошность и перфекционизм — это не к ним».

«Ведь китайцы по своей натуре далеко не новаторы и рационализаторы — они принимают мир таким, как он есть, сравните с нами..».

Часто эти особенности становятся серьезным препятствием при совместной работе с западными партнерами.

* * *

Тональность и основные характеристики этого обсуждения очень напоминают (а иногда и почти дословно повторяют) аналогичные дискуссии в России конца XIX — начала XX в¹. Преклонение перед непостижимым трудолюбием китайцев органически сочетается с утешительными для самолюбия констатациями о нетворческом характере этого трудолюбия.

В России сейчас очень много пишут, говорят о китайской миграции, о проблемах, рисках и угрозах, связанных с неизбежным и уже начавшимся формированием китайской диаспоры. Очень много спекуляций и мифов на этот счет, но есть и немало объективных исследований и трезвых оценок. В любом случае, явление выделено, проблемы сформулированы. А вот то обстоятельство, что происходит и обратный процесс, процесс миграции и постепенного оседания россиян в Китае, формирования вокруг этой страны довольно многочисленного слоя людей, привязанных к ней деловыми, житейскими, сентиментальными узами — это пока вне общественного внимания и научного интереса. Это существенный пробел. Необходимы — и неизбежно появятся — исследования различных сторон и аспектов проблемы.

С другой стороны, изучение проблем российско-китайского бизнеса должно быть комплексным. В настоящее время основной акцент делается в основном на экономической стороне, на количественных показателях. Но не менее важно для плодотворного развития делового взаимодействия изучение социально-психологического аспекта: взаимных образов, стереотипов, регулирующих отношения между бизнес-партнерами, влияния культуры страны на особенно-

¹ Дятлова Е.В. Образ китайского мигранта в дореволюционной России // Толерантность в межкультурном диалоге. М.: ИЗА РАН, 2005. С. 244-271.

сти ведения бизнеса. Роль человеческого фактора в бизнесе в современном мире растет. Это отражается и в появлении новых научных направлений в экономике, социологии (например, активно разрабатывается теория социального капитала¹, деловых культур²). А для стран «отношенческого» (people-oriented) типа культур, к которому относятся Китай и Россия, это приобретает еще большую актуальность.

¹ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 5-16; Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Там же. С. 17-32; Стрельникова Л.В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов // Там же. С. 33-41.

² Шихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. М., 2000; Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. М., 1999.

Китайские мигранты и китаефобия в современной Монголии: анализ периодической печати

Современная Монголия благодаря своей открытости, динамичному рыночному развитию, активной внешней политике стала активным участником трансграничных миграционных процессов. Этому же способствует уникальное геополитическое положение страны и историческое прошлое. Монголия включилась в миграционные процессы как в качестве страны-донора (десятки тысяч трудовых и учебных мигрантов в страны Европы, Азии и Америки), так и страны-реципиента².

Учитывая геополитическое положение страны, ее историю, уникальное сочетание огромной территории, динамичного экономического развития и малой численности населения, нет ничего удивительного в том, что сформировался и мощный поток трудовой миграции из соседнего Китая. Китайские мигранты востребованы монгольской экономикой, стали ее важной частью.

Однако не просто привычное присутствие, а мощный и спрессованный по времени приток мигрантов из соседнего политического, экономического и демографического гиганта, их заметная роль в экономике, стиль и манера поведения вызывают очень сложные чувства в монгольском принимающем обществе. Явно сформировался и комплекс опасений, страхов и даже фобий. Социологических исследований на этот счет пока никто не проводил, однако экспертные наблюдения, жизнь в этом обществе позволяют предположить, что эта ситуация вызвала сильную вспышку китаефобии.

Не претендуя на всесторонний анализ этой огромной и сложной проблемы, хотелось бы рассмотреть, как она отражается в монгольской прессе. Ведь СМИ, по оценке авторов одной из российских монографий о мигрантах, *«это и носитель информации об обществен-*

¹ Галиймаа Нямаа, Ph.D. (Hist.) – профессор Монгольского государственного университета науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

² Гадаад дахь монголчууд-миграти. Монголия на перекрестке внешних миграций (олон улсын онол практикийн 5-р бага хурлын эмхэтгэл). Уланбаатар хот, 2010; Галиймаа Н., Дятлова Н.И. Монголия на перекрестке внешних миграций. Международная конференция в Улан-Баторе // Демоскоп Weekly. 2009. № 401–402. 7-20 декаб. (<http://demoscope.ru/weekly/2009/0401/наука03.php>); Галиймаа Нямаа, Липатова Н. Круглый стол «Монголия – перекресток миграций» // Демоскоп Weekly. 2007. № 311-312. 26 нояб.–9 дек. (<http://demoscope.ru/weekly/2007/0311/index.php>).

ных настроениях, действиях властей и других акторов на этом поле («зеркало»), это и самостоятельный и важный игрок, обладающий собственными интересами в качестве хозяйствующего лица, продающего информационный товар, вступающий в сложные взаимоотношения с властями, обществом, отдельными его группами. Они информируют, создают образы, предлагают слова для вербализации и оценки проблем и явлений, формируют дискурсы. Общественное мнение во многом складывается не в процессе непосредственного общения, а в результате внедрения суждений и установок, созданных при помощи медиа-образов. В каком-то смысле, в современном обществе есть только то, что есть в СМИ. Не зря, по известному выражению, «политик — это человек, который врет журналистам и верит тому, что пишут в газетах». На них возлагают надежды как на коллективного воспитателя: «СМИ должны воспитывать толерантность», «патриотизм» и далее по списку. СМИ — «коллективный пропагандист и коллективный организатор». Производство и продажа информации переходит в производство и продажу смыслов, что делает неизбежным манипулирование общественным сознанием и общественным поведением»¹.

Вначале — о возможных причинах китаефобии в Монголии. Можно предположить, что в ее основе лежат как общие обстоятельства, вызывающие вспышки мигрантофобии во многих странах мира, так и собственные уникальные исторические и геополитические факторы.

Среди последних можно назвать многовековое пребывание в составе Цинской империи. И хотя монгольские территории и население обладали в ней особым правовым статусом, при котором приток ханьского населения сдерживался, а то и прямо запрещался, произвол имперских чиновников, ростовщичество китайских купцов не формировали добрых чувств к Китаю. В этом же направлении воздействовали и события XX в.: драматическая история борьбы за независимость и ее легитимации на международной арене, положение потенциального театра военных действий во время советско-китайского противостояния. С другой стороны, еще с имперских времен монголы получали из собственно Китая необходимые им промышленные и продовольственные товары, в какой-то мере пользовались достижениями китайской цивилизации. В 1950-е гг. Китай не только оказал щедрую экономическую помощь Монголии, но и направил дешевую туда рабочую силу (около 13 000 человек)². В связи с ухудшением отношения между СССР и КНР, правительство МНР начало принимать жесткие меры против китайских рабочих

¹ Трансграничные мигранты и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / под ред. В.И. Дятлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 121.

² Эрин Тулгат. Бусгаар тогтносон Монгол улс. УБ, 2005. х. 14

по контракту и китайских мигрантов. Многие из них были депортированы. В течение двадцати лет китаефобия была частью государственной идеологии и политической практики. В общем, история взаимоотношений сложная, насыщенная как тесным взаимодействием, так и конфликтами и обидами.

После демократической революции 1990 г. отношения Монголии и КНР улучшились. Интенсифицировались экономические связи, растет торговля. Китай вкладывает большие инвестиции в добычу ископаемых и инфраструктурные проекты. За 1998-2008 гг. монголо-китайский торговый оборот вырос с 243 млн до 2438 млн американских долларов. Все это неизбежно стимулировало большой и постоянно растущий приток трудовых мигрантов. Официально зарегистрировано в Монголии в 2001 г. – 2307, 2005 – 12 678, 2009 – 13 897 китайских граждан¹⁴. Однако неофициальные оценки доводят эту цифру до 100 000 человек. В 2009 г. 232 038 китайских граждан посетили Монголию, что на 35 000 человек больше, чем в 2008 г.

По неофициальным оценкам, более четверти китайских туристов становятся нелегальными рабочими мигрантами. Более 60% китайских трудовых мигрантов в Монголии заняты в сфере строительства. Журналисты ежедневной газеты “Зууны мэдээ” (2009. 29 июня) совместно с работниками Отдела по делам иностранных граждан участвовали в проверке трех строительных компаний, в которых работают более 100 китайских рабочих. Они обнаружили 32 нарушителя визового режима. Не секрет, что высокая дисциплинированность и нетребовательность к житейским проблемам китайских рабочих привлекают монгольских работодателей. Они берут на работу китайцев, закрывая глаза на нарушение визового режима. В строительстве нарушается трудовой закон о том, что число монгольских и иностранных рабочих должно быть равным. В обследованных компаниях работали всего 10 монголов и более 100 китайских рабочих. Эти цифры показывают типичное соотношение монгольских и китайских рабочих в строительных компаниях в Монголии.

Можно предположить, что это резкое увеличение числа китайских мигрантов и является главной причиной раздувания ксенофобии.

Автор не ставит перед собой задачу изучения масштабов китаефобии. Анализ прессы позволяет понять ее причины, выявить основные блоки этого сложного комплекса. Учитывая то, что пресса не только отражает, но и формирует общественные настроения, важно посмотреть динамику этого процесса.

¹ Статистика агентства по трудоустройству и социальной службе. 2010.

Удобнее всего изучать монгольскую прессу по специализированным веб-сайтам www.sonin.mn, www.news.mn, где с начала 2000-х гг. выставляется контент большинства газет страны. Первый монгольский сайт, посвященный монгольским мигрантам, живущим за границей (www.sonin.mn), был создан в 1999 г. и пользуется большим успехом. Первое время он размещал и анализировал все статьи по миграционной проблематике. Однако в этом году сотрудничает с 1 ежедневной, 7 еженедельными, 14 полумесячными газетами и берет статьи других газет выборочно. Сайт www.news.mn был создан в 2007 г. по инициативе Содон Солушн компании, производящей веб-сайты, в 2007 г. Эта компания имеет 17 веб-сайтов разного уклона и становится очень популярной.

Автором проведен сравнительный анализ размещенных на них статей для 2006, 2008, 2010 гг.

Для анализа за 2006 г. были взяты 28 периодических изданий (4 ежедневных, 11 еженедельных и 17 – выходящих два раза в месяц). Только за сентябрь – ноябрь этого года в них было выявлено 210 статей и иных публикаций, касающихся китайцев в Монголии (см. таблицу 1). Одна из статей содержала нападки на Китай и китайскую нацию в целом. В трех публикациях читатели проявляли беспокойство относительно нелегального притока китайских мигрантов.

Таблица 1

Тематика и число публикаций за сентябрь – ноябрь 2006 г.

	Тема	число
1	«Алчные цели китайцев присвоить богатства Монголии» и их капиталовложения для этого	39
2	Продажа земель китайцам и их незаконная коммерческая деятельность	26
3	Преступность среди китайцев в Монголии	16
4	Китайская экспансия в Монголии и в мире	14
5	Плохое качество китайских товаров	13
6	Критика деятельности китайских компаний в Монголии, особенно в строительстве	7
7	«Китайское происхождение» некоторых монгольских лидеров	6
8	Обманутые китайцами монголы	6
9	Насилия китайцев в Монголии	5
10	Экономическая и политическая ситуация в КНР	5
11	Другие	73

За 1 сентября 2008 – 1 марта 2009 г. на сайтах были размещены 175 публикаций по теме в 23 периодических изданиях (5 ежедневных, 10 еженедельных и 8 полумесячных). Их тематика отражена в таблице 2. Несмотря на сравнительно небольшой двухлетний перерыв, тематика и стиль публикаций существенно изменились. Ежедневные газеты размещают официально одобренные статьи об улучшении монголо-китайских отношений, о китайской экономической помощи, о жизни в КНР. Однако и в официальной, и в независимой печати часто затрагиваются проблемы угрозы для экологии страны из-за небрежного отношения к ней китайских компаний, особенно работающих в добывающей и обрабатывающей промышленности. В независимой печати стали часто публиковаться статьи о преступлениях со стороны китайцев, участии их в торговле малолетними детьми и девушками. Специфика сайтов состоит в возможности читательских откликов и обсуждений газетных публикаций. В 2006 г. на рассматриваемые публикации пришло 500 откликов (по пунктам 1,3,5,8 табл. 1), в 2008 г. –86 (по 1,2,3,5 пунктам табл. 2).

Таблица 2

Тематика и число публикаций
за 1 сентября 2008 – 1 марта 2009 г.

	Тема	число
1	«Алчные цели китайцев присвоить богатства Монголии» и их капиталовложения для этого.	45
2	Разрушение китайцами монгольской экологии	26
3	Озабоченность монголов ростом числа китайских нелегалов	18
4	Экономическая и политическая ситуация в КНР	13
5	Торговля людьми	11
6	Критика деятельности китайских компаний в Монголии	9
7	Экономическая помощь Китая Монголии	5
8	Другие	48

Для следующего замера нами были выявлены и проанализированы публикации за год (с 1 сентября 2009 по 30 августа 2010 г.). В 23 органах периодической печати (7 ежедневных, 6 еженедельных, 7 полумесячных и 5 ежеквартальных) было размещено 149 публикаций по теме(табл. 3).

Тематика и число публикаций
за 1 сентября 2009 – 30 августа 2010 г.

	Тема	Число
1	Капиталовложения КНР в Монголии	26
2	Разрушение китайцами монгольской экологии	25
3	Озабоченность монголов ростом числа китайских нелегалов	13
4	Экономическая, политическая и социальная жизнь КНР	30
5	Торговля людьми	8
6	Критика деятельности китайских компаний в Монголии	7
7	Преступность среди китайцев в Монголии	5
8	Позитивные мнения монголов о китайцах	3
9	Негативные мнения монголов о китайцах	7
9	Другие	30

В течение года содержание и стиль публикаций заметно не изменились. Увеличилось число официальных материалов об экономической и технической помощи со стороны КНР и об успехах экономического развития великого соседа. Даже публикации об ущербе, наносимом экологии Монголии китайскими промышленными компаниями, написаны в более сдержанном тоне, чем год назад. Более сдержанно комментируются и случаи преступной деятельности среди китайских мигрантов. Так, в статье «Нападение китайских рабочих на полицейского» (Нийслэлийн таймс. 2010. 25 авг.), преступление двух китайских строителей практически не комментируется журналистом.

Удивляет, что даже заявление лидеров левого националистического движения “Даяар Монгол” о готовности принимать “свои меры” против китайцев практически не вызвало громкого резонанса в прессе. О нем сообщается без всяких комментариев.

Однако статья о монгольских проститутках в одной из китайских газет спровоцировала появление восьми публикаций в монгольской прессе и вызвала бурные отклики читателей. Шесть заметок о казне монгола в Пекине и пять статей о задержании монголки в Китае по обвинению в продаже наркотиков были выдержаны в духе жалости к пострадавшим и сопровождалась критикой правительства за его беспомощность перед Китаем.

За этот год на сайтах www.sonin.mn, www.news.mn резко увеличилось число статей и заметок официального характера и сократились публикации «желтой прессы». Она появилась после демократической революции. Много газет и журналов, доступных по цене и спе-

циализирующихся на слухах, сенсациях, скандалах и сплетнях, на эпатуирующем освещении прежде табуированной тематики, пользовались первое время большой популярностью. Однако по мере привыкания к этому читателей спрос на них стал падать, а число таких изданий в несколько раз сократилось. С другой стороны, в связи с улучшением монголо-китайских отношений, власть уже не поощряет резких выступлений против Китая и китайцев.

Поэтому изучать общественные настроения на основе только газетных публикаций затруднительно. И здесь могут помочь комментарии и отклики читателей на публикации. Характерно, что не было ни одного комментария на 24 статьи, касающиеся монголо-китайских отношений. По 4 – 6 откликов получили 34 статьи. Зато несколько статей из ежедневных «Нийслэл Таймс» и «Улаанбаатар Таймс» вызвали шквал комментариев и откликов. Характерна их тематика и тональность (табл. 4).

Таблица 4

Тематика наиболее обсуждаемых статей
о Китае и китайских мигрантах

	Тема	Число комментариев
1	Арестован преступник, убивший китайскую женщину	74
2	Монгольский преподаватель убит в Пекине	42
3	Монгол ослеп в результате избития двумя китайскими рабочими	40
4	Совершен суд над убийцей китайской женщины	37
5	Президент Монголии на форуме деловых людей Китая и Монголии	16
6	Россия поддерживает Китай	15

В целом же, в оценках и выводах относительно китайских мигрантов доминируют эмоции, предубеждения, разного рода страхи и «фобии», как в прежние годы. Однако появились и новые мнения и оценки. Радуют критические замечания относительно государственной политики Монголии, дискриминации, расизма и ленивosti монголов.

Поэтому на сайтах сталкиваются сейчас противоположные позиции. С одной стороны: «В Китае стало меньше одним китайцем. Долой китайцев» (24 отклика), «Убит не человек, а китаец» (8), «Почему полиция так оперативно нашла преступника, убившего китайца?» (13), «Монголы в Монголии живут хуже, чем собаки» (6), «Интересы России и Китая часто совпадают в отношении Монголии» (5), «Убийство монгола в Пекине имеет политический характер» (4),

«Преступления на почве дискриминации будут расти, если не ограничить присутствия китайских рабочих в Монголии» (3).

С другой стороны: «Надо построить узколинейную железную дорогу. Пусть приедут китайские высококвалифицированные специалисты взамен чернорабочих» (3), «Жаль бедную женщину из Китая. Наверно, она приехала в Монголию в поисках лучшей жизни» (3), «Она тоже мать. Неужели мы не любим свою мать? Долой дискриминацию» (2), «Неужели мы, монголы, такие жалкие, ограниченные существа? В каком веке мы живем?» (2), «Неужели Монголия полна безумной и необразованной толпой? Куда смотрит молодежь?» (2), «Иностранцам нет покоя в Монголии. А монголы живут спокойной жизнью за границей» (1), «Когда мы перестанем ругать двух наших соседей?» (1). Хотя позитивных мнений мало, но это задатки новых ценностей в монгольском обществе.

В целом, можно сделать вывод, что в сравнительно краткий четырехлетний срок произошли заметные перемены в освещении и трактовках проблемы: монгольская пресса стала писать о КНР и китайцах меньше, и содержание публикации стало более официальным (график 1).

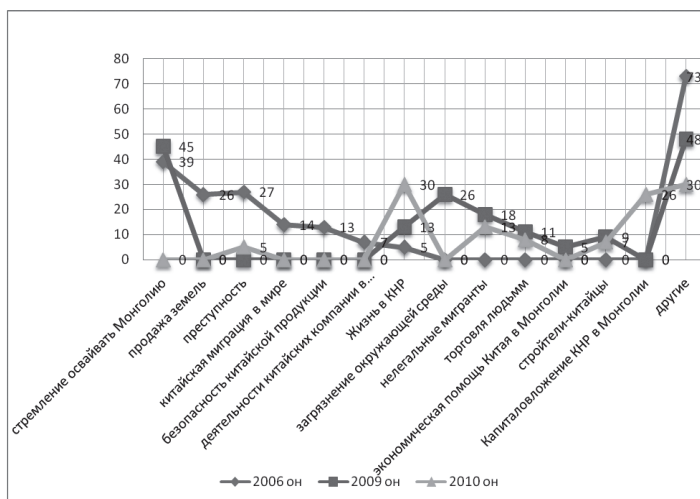
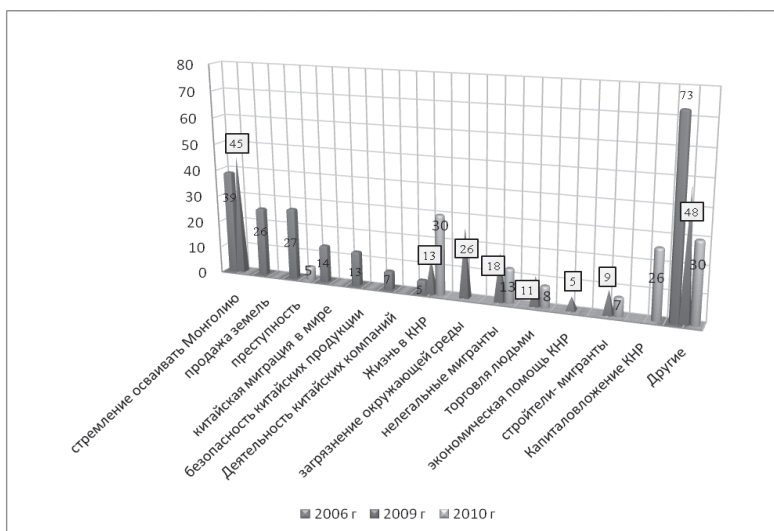

График 1. Китай и китайцы в монгольской прессе (сравнительный анализ).

Отклики публики на статьи и заметки, опубликованные в 2009 г., были смягченным вариантом 2006 г. Однако в следующем году оценки стали более жесткими. Это объясняется рядом социальных и экономических причин.

В целом же, негативное отношение монгольского общественного мнения о китайских мигрантах было, остается и долго еще будет оставаться преобладающим. Мнение о китайцах диктуется неприятием их пребывания в Монголии, оценкой внешней политики Китая и исторической памятью о монголо-китайских отношениях. Национализм монголов против китайцев проявляется в исторической форме, как страх за национальную независимость.

По-прежнему большинство участников дискуссии хотят выселить китайцев из Монголии. Многие обвиняют мигрантов за то, что они занимают рабочие места и создают конкуренцию монголам, особенно во время кризиса. Рост безработицы и бедности (число безработных выросло в 2010 г. на 3300) в Улан-Баторе, особенно среди мигрантов из худона, становится почвой для роста антимигрантских настроений.

С ростом числа китайских мигрантов увеличивается и криминальная составляющая в их деятельности: контрабанда, наркотики, торговля людьми, нелегальная переправка китайцев из КНР в Европу и в Восточную Азию. И хотя пресса стала затрагивать эту проблему меньше и более сдержанно, этот «пробел» дополняется слухами, ненавистью и страхом перед Китаем и китайцами.

Не хватает четко сформулированной миграционной политики, нацеленной на ограничение китайской трудовой миграции. Одна-

ко уже появляются обнадеживающие тенденции. Так, за последние два года уехали на работу за границу более 2000 работоспособных монголов. Помимо всего прочего, 12 000 монгольских студентов, учащихся, трудовых мигрантов за рубежом играют огромную роль в формировании новых ценностей гражданского общества в Монголии. Постепенно усиливается государственный контроль над миграционными процессами. Миграционная проблематика привлекает все большее внимание монгольских ученых.

Все это позволяет надеяться, что ксенофобия вообще и китаефобия в частности не станет дестабилизирующим моментом в развитии экономической и политической жизни Монголии.

Раздел 6.
Поддержка соотечественников
как идеология и политическая практика

Возвращение соотечественников – политический проект и государственная риторика

Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – программа «Соотечественники», или «программа»), не только экономически обусловленный (призванный сократить убыль населения и нехватку трудовых ресурсов), но и важный идеологический проект для России. Формально являясь правопреемницей СССР, Россия хотела бы сохранить за собой особый статус и влияние на постсоветском пространстве. И в этом смысле программа «Соотечественники» дает возможность контролировать сферы влияния, придерживаясь при этом принципа невмешательства в дела других государств.

Цель нашей работы выявить смыслы, которые придаются программе по возвращению соотечественников на федеральном и местном уровнях. В рамках данной цели мы рассмотрим и проанализируем высказывания первых лиц государства, официальные документы миграционной службы на федеральном и региональном уровнях, материалы СМИ по вопросам программы, а также агитационные материалы, предназначенные для самих потенциальных участников программы.

Методом исследования нами выбран дискурсивный анализ, как наиболее подходящий для работы с разнородными массивами документов – инструкциями, нормативными документами и агитационными материалами.

Для того чтобы лучше представлять предмет нашего исследования, мы кратко остановимся на самом понятии «соотечественники» и сделаем небольшой экскурс в историю политики, связанной с соотечественниками за рубежом. После этого мы рассмотрим документы программы и аналитические материалы, которые ей посвящены.

Проект «соотечественники» в целом – в значительной мере политический, и его риторика менялась за время его существования. Подробный анализ этого феномена приведен в работе И.А. Зевелева², здесь мы процитируем только важные моменты, необходимые для нашего исследования.

¹ Абдулова Ирина Тагировна – научный сотрудник ИЦ «Внутренняя Азия», Центра независимых социальных исследований и образования, г. Иркутск.

² Зевелев И.А. Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве: наследие империи и государственный прагматизм // Наследие империй и будущее России / под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008.

«В 1992 году тема соотечественников играла лишь маргинальную роль в общественной мысли и политике России. Постепенно, в 1993-1994 годах, она заняла важное место в дискурсе о российской нации и во внутри- и внешнеполитической риторике. 1995-2000 годы стали периодом проб и ошибок в формировании реальной политики в этой области. В 2000-2007 годах место и роль соотечественников в «официальном» дискурсе и российской политике окончательно определились и, видимо, на долгие годы»¹.

В 1994 г. правительство России стало ориентироваться на налаживание особых отношений с гражданами на постсоветском пространстве, однако широко развить эту тему не удалось, так как некоторые новые государства восприняли это как попытку вмешательства во внутренние дела. Российская сторона скорректировала свои инициативы, и вопрос соотечественников стал увязываться скорее с миграционными проблемами, нежели с межгосударственными отношениями.

Таким образом, можно резюмировать, что прагматический подход к проблемам соотечественников возобладал. В этом случае появление программы переселения вполне закономерно — если нельзя реально влиять на диаспору за рубежом, то можно улучшить демографическую и миграционную ситуацию в своей стране, оставаясь при этом в рамках дискурса заботы и защиты.

Итак, началом проекта возвращения соотечественников можно считать публикацию 28 июня 2006 г. Указа Президента №637. В нем была сформулирована как сама Программа, так и план мероприятий по ее реализации на 2006-2012 гг. Далее мы прибегнем к цитированию, чтобы не пересказывать государственные документы, а наиболее полно продемонстрировать их стилистику².

«Основными целями Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 637, являются стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников в Россию, компенсация естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию»³.

¹ Там же. С. 242.

² Здесь и далее цитаты из документов и высказываний должностных лиц даны курсивом.

³ Здесь и далее Государственная программа цитируется по: «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»: Адм. процедуры. Москва, 2008.

Программа заставила говорить о себе¹, так как на фоне жесткой миграционной политики предшествующих лет выглядела очень либеральной — список тех, кто мог получить российское гражданство, был значительно расширен.

«Участие в Государственной программе вправе принять следующие категории лиц, признаваемые в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона от 24 мая 1999 г. «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» соотечественниками, и члены их семей:

- *граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами Российской Федерации;*
- *лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получивших гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства;*
- *выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства либо имеющие вид на жительство или ставшие лицами без гражданства;*
- *потомки лиц, принадлежащих к вышеуказанным группам, за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств».*

На сайте Федеральной миграционной службы существует специальный раздел, посвященный государственной программе Соотечественники², основные цели которой сформулированы там следующим образом:

«Основными целями... являются стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников в Россию, компенсация естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию».

«Государственная программа будет способствовать социально-экономическому развитию России, что невозможно без кардинального изменения демографической ситуации, характеризующейся в настоящее время оттоком населения со стратегически важных для России

¹ Согласно данным системы «Медialogия», подготовленным по заказу «НГ», проблему возвращения бывших граждан Советского Союза пресса усиленно начала обсуждать с июля 2006 г. За один только месяц журналисты примерно 450 раз обращались к теме возвращения соотечественников. Повод для этого был более чем достаточный. Экс-президент Владимир Путин подписал Указ «О госполитике РФ в отношении соотечественников за рубежом». (Белевская Э. А они не торопятся // Независимая газета. 2010. 2 февр. 2010; http://www.ng.ru/ng_politics/2010-02-02/9_demography.html.

² <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/index.php>.

территорий, сокращением общей численности населения, в том числе трудоспособного возраста».

Очень интересна характеристика ожидаемых участников программы:

«Воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком, соотечественники в наибольшей мере способны к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей российского сообщества».

Таким образом, мы видим весьма прагматический расчет – компенсация убыли населения, стратегически важные территории и люди, которые могут эти территории заселить, причем без особых затрат со стороны государства на натурализацию, так как люди эти владеют русским языком и социализированы в российской культуре.

Несмотря на то, что определение соотечественников очень широко, фактически власть подразумевает этнических русских или представителей других этнических групп, социализированных в советское время. Молодые люди титульных этносов для государств исхода (а именно они составляют большинство нелегальных трудовых мигрантов) не подходят под это описание и, очевидно, не могут участвовать в программе.

Нужно отметить, что список территорий расселения, которые распределены по трем категориям («А» – преимущественно стратегически важные для России приграничные территории; «Б» – территории, где реализуются крупные инвестиционные проекты, требующие массового привлечения переселенцев; «В» – территории с устойчивым социально-экономическим развитием, на которых в течение последних трех и более лет наблюдается сокращение общей численности населения и/или миграционный отток), не вызвал прилива энтузиазма у переселенцев. Более того, некоторые эксперты прямо назвали его «гулаговским».

Что касается высказываний первых лиц государства, то регулярные Всемирные конгрессы соотечественников – это та площадка, где их можно услышать.

«Мы прекрасно с вами знаем и понимаем: подавляющее большинство русских и представителей других коренных национальностей России оказались за рубежом не по своей воле. Будем делать все для того, чтобы помочь тем, кто хочет вернуться на Родину. Вместе с тем хочу подчеркнуть, уже говорил об этом публично и хочу сказать еще раз: эта программа не преследует своей целью любой ценой перетаскать всех соотечественников на территорию сегодняшней Российской Федерации – она должна предоставить только право и возможность выбора для тех, кто хочет это сделать».

«Нельзя забывать: у диалога с соотечественниками не может быть перерыва. Это постоянная и нацеленная на результат работа. И сейчас все уровни власти обязаны сосредоточиться на предметной, практической стороне дела».

*«Ваш конгресс проходит незадолго до нового российского праздника — Дня народного единства, который мы отмечаем 4 ноября. Этот день, безусловно, объединяет не только многонациональный народ России, но и миллионы наших соотечественников за рубежом, объединяет весь так называемый **русский мир**» (В. Путин, 24 окт. 2006 г.).*

«Россия стремится не забывать о соотечественниках. Конечно, это большая работа. Прошло то время, когда люди, оказавшиеся вне Родины, причём зачастую не по своей вине и даже без своей воли, попросту вычёркивались из жизни нашей страны. Поддержка соотечественников — это одно из важнейших направлений развития нашего государства, это тот приоритет, который, кстати, закреплён и в Концепции внешней политики, утверждённой Президентом. За последние годы мы наметили ряд установок, которые сегодня последовательно реализуются, но, естественно, надеюсь, вы это тоже понимаете, с учётом наших текущих возможностей. Думаю, что делать мы будем больше — во всяком случае, стремиться нужно к этому, но нужно понимать и текущую ситуацию. (Д. Медведев, 1 дек. 2009 г.).

Обращает на себя внимание более сдержанный тон высказываний президента Медведева — в 2009 г. бюджет РФ скромнее (сказывается кризис), и результаты программы переселения тоже более чем скромные. Сравните путинское *«Будем делать все...»* и медведевское *«...с учётом наших текущих возможностей...»*. И если Путин оперирует смелым понятием *«русский мир»*, то Медведев говорит: *«Россия стремится не забывать о соотечественниках...»*

Информация для переселенцев, представленная на сайте ФМС, стандартизирована для всех регионов. Это — «Памятка потенциальному участнику программы» и несколько брошюр. Материалы отличаются сдержанным визуальным рядом, однако некоторые закономерности можно отметить.

Брошюры посвящены правам участника программы переселения и их гарантиям. Тексты брошюр копируют текст программы — государственные гарантии, выбор территорий, органы для подачи заявлений и т. д. Интересно отметить, несмотря на то, что ожидаются переселенцы, *«воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком»*, программа предусматривает *«предоставление услуг по ознакомлению с историей, культурой, традициями народов, проживающих на территории вселения»*.

Визуальный ряд материалов для переселенцев представлен изображением семьи славянской внешности, достаточно молодой, но

уже с тремя детьми. Улыбающиеся люди изображены на фоне типичного «среднерусского» пейзажа. Та же закономерность прослеживается и в «Памятке участнику программы»: пример заполнения анкеты соискателя — *«Кузнецов Владимир Сергеевич, 1967 года рождения, русский, православный, владеющий русским языком, газозлектросварщик»* — дает нам портрет желаемого переселенца. Фото на образце анкеты также демонстрирует молодое славянское мужское лицо. Это, прежде всего, работник, который может приступить к своим обязанностям без особых затрат на обучение, не доставляя неудобств принимающему обществу (культурная дистанция) и государству (социальное обеспечение).

Программа не предусматривает обеспечения переселенцев жильем, что, по оценкам большинства экспертов¹, является основным сдерживающим фактором. Большинство вакансий, представленных на сайте ФМС Иркутской области, подразумевают заработную плату в пределах десяти тысяч рублей. При таких условиях выплаты и пособия, положенные переселенцу, не могут рассматриваться серьезно.

Нужно отметить, что большинство трудностей по приему переселенцев ложатся на местные органы власти, у которых зачастую нет прямой заинтересованности в мигрантах и достаточных ресурсов.

Возможно, именно ограничения программы, как формальные (список территорий, отсутствие жилья), так и неформальные (ориентация на определенный тип мигрантов), сделали ее не такой удачной, как ожидалось. Вопреки высокой риторике, в 2009 г. вместо запланированных 300 тысяч русскоязычных новых граждан в рамках проекта на родину вернулись всего около 10 тысяч человек. Финансирование программы при этом было сокращено². Что касается Иркутской области, то за время реализации программы принято 300 соотечественников, из них 137 — по «свидетельствам участников государственной программы», что также меньше ожидаемого. Соответственно и на страницах региональной прессы этот сюжет представлен крайне слабо³.

Однако, как мы уже отмечали, проект переселения соотечественников имеет важную идеологическую составляющую, поэтому

¹ См., например, комментарий К. Григоричева: Медведев В. Бродяга к Байкалу не подходит // Земляки. 2010. № 7.

² Бабич Д. Почему буксует программа «Соотечественники»? // РИА Новости. 2009. 1 апр. 2009; <http://www.rian.ru/analytics/20090401/166711197.html>.

³ Подробнее см.: Троякова Т., Абдулова И., Балдано М., Ковальская М., Кондрашина М., Пергаменщик О. Миграционная ситуация и региональная пресса: газеты современной Азиатской России // Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: моногр. / науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.

правительство не может отказаться от него даже из-за низкой эффективности.

В 2010 г. начинает разрабатываться новая государственная программа по переселению. Предполагается, что все ее участники будут разделены на несколько категорий, а именно, «на работников, обучающихся, предпринимателей, аграриев (переселенцев в сельскую местность для занятия агропромышленным производством), членов общины (участники компактного переселения на сельские территории) и лиц, имеющих особые заслуги»¹. Также планируется «дать право предпринимателям, аграриям и членам общины на трехлетнюю отсрочку уплаты таможенных пошлин и налогов на ввоз в Россию имущества, необходимого для их деятельности, на его досмотр и оформление на границе без очереди, на налоговый вычет при приобретении такого имущества. Если работа первое время не будет приносить доход, переселенцы полгода будут получать пособие»².

Важная новация программы – возможность участия в ней людей, которые уже проживают на территории России. Это логичный ход, позволяющий легализоваться и получить правовой статус многим мигрантам. Однако такие прогрессивные инициативы правительства часто встречают противодействие на местах – основные сложности по приему переселенцев (помощь в обустройстве, поиск рабочих мест, жилье) несут субъекты федерации. Поэтому некоторые их них уклоняются от участия в программе переселения. При этом «*позиция ФМС остается неизменной: сокращение числа субъектов, участвующих в реализации программы, не только снижает ее эффективность, но и сдерживает процесс переселения соотечественников*»³.

Кроме обновленной программы, правительство готово идти на меры рекламного характера. Так, Министерство регионального развития планирует потратить около 2 миллионов долларов на съемки серии фильмов «Хорошо устроились», которые должны оказать информационную поддержку программе по добровольному переселению соотечественников. «*Заказ предусматривает использование 3D-графики, «перемещающей по безграничным просторам РФ», статистики, кадров, «демонстрирующих регион с лучших сторон», интервью руководителей региона и руководителей предприятий, рассказы о карьерных возможностях*»⁴.

Возвращаясь к характеристике прагматического аспекта проекта по переселению соотечественников, можно прогнозировать,

¹ Цветкова М. Родина за плату // Ведомости. 2010. 14 июля.

² Там же.

³ Смольякова Т. Стать гражданином будет проще // Российская газета. 2010. 23 июля.

⁴ Савина Е. Дорого устроились // Газета.ru. 2010. 14 окт.

что успех обновленной программы будет зависеть не от рекламных фильмов, а от того, смогут ли договориться разные его участники, интересы которых весьма различаются. Прежде всего, это ФМС, для которой проект «Соотечественники» является ключевым показателем успешной деятельности. Затем - региональные власти и региональный бизнес, которые еще не решили, нужны ли им переселенцы вообще и что с ними делать. А также – силовые структуры, которые традиционно увязывают проблемы миграции и преступности и, следовательно, должны изменить свой подход к этому вопросу.

Нужно отметить, что такой консенсус должен сложиться именно на региональном уровне, так как прерогатива центра – политические заявления, а реальная реализация программы зависит от чиновников «на местах».

Казахстанская репатриация: причины, особенности, перспективы

Этнодемографическим итогом существования Казахстана в составе Российской империи, а позднее – СССР стало количественное превосходство русских (прежде всего) в составе населения республики. Строительство независимости на таком фундаменте было объективно чревато негативными для суверенитета последствиями. Особую актуальность в связи с этим приобретает задача исправления этнических диспропорций прошлого.

В 90-е гг. XX в. результат достигался уменьшением численности европейских народов вследствие эмиграции. Стабилизация социально-экономической ситуации в первое десятилетие XXI в. привела к существенному сокращению эмиграционных потоков. На новом этапе активизируется политика репатриации этнических казахов (т. наз. оралманов). Для их привлечения на историческую родину принимается ряд поощрительных мер (экономических, социальных, правовых и т. п.) В результате численность казахов в составе населения приближается в настоящее время к 70-процентной отметке.

В то же время ставка на количественные показатели оставила без достаточного внимания иные проблемы. Основной из них является неприятие прибывающих в республику репатриантов определенной частью местных казахов.

Ликвидация этнодемографических диспропорций прошлого как основа национально-государственной стратегии

Рассмотрение сюжета этнической репатриации в Казахстане в «чистом» виде вряд ли позволит увидеть суть проблемы, выявить логику репатриантского тренда в обозримом будущем. Тема «оралманы» (репатрианты), по большому счету, не существует сама по себе. Она является частью государственной стратегии, занимая в конструкции определенное, весьма важное место.

Появление и основные направления современной национально-государственной стратегии определены историческим прошлым Казахстана. Одна из граней этого прошлого зафиксирована в статистических показателях, представленных в таблице 1.

¹ Алексеенко Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры философии и проблем человеческого развития Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева (Усть-Каменогорск, Республика Казахстан).

Таблица 1

Численность и состав населения Казахстана по данным
переписей населения 1897, 1926, 1939, 1959 гг. (тыс. человек)

	1897		1926		1926 к 1897 (%)	1939		1939 к 1926 (%)	1959		1959 к 1939 (%)
	Ч-ть	%	Ч-ть	%		Ч-ть	%		Ч-ть	%	
Все на- селение	5136,7	100	6197,9	100	120,7	6151,1	100	99,2	9294,7	100	151,1
казахи	3649,9	71,1	3627,6	58,5	99,4	2327,7	37,8	64,2	2787,3	30,0	119,7
русские	539,4	10,5	1275,7	20,6	236,5	2458,7	40,0	192,7	3972,0	42,7	161,5
узбеки	224,6	4,4	129,4	2,1	57,6	120,7	2,0	93,3	135,9	1,5	112,6
украинцы	92,7	1,8	860,2	13,9	927,9	658,3	10,7	76,5	761,4	8,2	115,7
уйгуры	56,0	1,1	62,3	1,0	111,2	35,4	0,6	56,8	59,8	0,,	168,9
татары	55,4	1,1	79,6	1,3	143,7	108,1	1,8	135,8	191,7	2,1	177,3
немцы	7,0	0,1	51,1	0,8	730,0	92,3	1,5	180,6	659,8	7,1	714,8
Др. этн. группы	511,3	9,9	112,0	1,8	21,9	349,9	5,6	312,4	726,8	7,8	207,7

Источник: Алексеев А.Н. Казахстан в зеркале переписей населения // Население и общество. 2000. № 47; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8: Казахская АССР. М., 1928. С. 15-46, 126-153; Всесоюзная перепись населения 1939 г. (ЦГАРФ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 388-402); Всесоюзная перепись населения 1959 г. (ЦГАРК. Ф. 1568. Оп. 21. Д. 4. Л. 1-42).

Время между переписями 1897 и 1959 гг. можно назвать «европейским» периодом в истории населения Казахстана. Численность «европейской» группы (русские, украинцы, немцы, татары) увеличилась в 8 раз и составила 60,1% населения. Русских стало больше в 7,4 раза. На 82,5% рост населения Казахстана происходил за счет русских.

«Азиатская» группа (казахи, узбеки, уйгуры) сократилась в 1,3 раза (32,1% населения Казахстана в 1959 г.), в первую очередь за счет казахов. В 1959 г. казахов на территории Казахстана проживало в 1,3 раза меньше, чем в конце XIX в., а удельный вес в общей численности населения снизился до 30%.

В 1960-е гг. ситуация начала постепенно меняться в первую очередь благодаря демографическому взрыву у казахов и прекращению притока европейского населения из-за пределов Казахста-

на. В конце 60-х гг. сальдо межреспубликанской миграции становится отрицательным (см. табл. 2).

Тем не менее даже к концу советского периода (перепись 1989 г.) удельный вес «европейской» группы был выше, чем удельный вес группы «азиатской» (51,1% против 42,8%). Главное же, не прекращался процесс русификации, существенно сократилось количество школ с казахским языком обучения, наблюдались определенные этнические диспропорции в кадровых вопросах.

Таблица 2

Численность и состав населения Казахстана по данным переписей населения 1970, 1979, 1989 гг. (тыс. человек)

	1970		1970 к 1959 (%)	1979		1979 к 1970 (%)	1989		1989 к 1979 (%)
	Ч-ть	%		Ч-ть	%		Ч-ть	%	
Все население	13008,7	100	139,9	14684,3	100	112,9	16464,5	100	112,1
казахи	4234,2	32,5	151,9	5289,3	36,0	124,9	6534,6	39,7	123,5
русские	5521,9	42,4	139,0	5991,2	40,8	108,5	6227,5	37,8	103,9
узбеки	216,3	1,7	159,2	263,3	1,8	121,7	332,0	2,0	126,1
украинцы	933,5	7,2	122,6	898,0	6,1	96,2	896,2	5,4	99,8
уйгуры	120,9	0,9	202,2	147,9	1,0	122,3	185,3	1,2	125,3
татары	285,7	2,2	149,0	312,6	2,2	109,4	328,0	2,0	104,9
немцы	858,1	6,6	130,0	900,2	6,1	104,9	957,5	5,8	106,4
Др. этн. группы	838,1	6,5	115,3	881,8	6,0	105,2	1003,4	6,1	113,8

Источник: Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 7-70.

После распада СССР тенденции внешней миграции, обозначившиеся в 1970-1980 гг., достигли максимального ускорения. За 20 лет (1989-2009 гг.) численность «европейской» группы уменьшилась почти в два раза, «азиатской» - увеличилась в полтора раза. К 2009 г. удельный вес «азиатской» группы достиг 67,4%, европейской – 28,2% (см. табл. 3).

Таблица 3

Численность и состав населения Казахстана по данным переписей населения 1999, 2009 гг. (тыс. человек)

	1999		1999 к 1989 (%)		2009		2009 к 1999 (%)	
	Ч-ть	%		Ч-ть	%			
Все население	14953,1	100	90,8	16004,8	100	107,0	97,2	
казахи	7985,0	53,4	122,2	10098,6	63,1	126,5	154,5	
русские	4479,6	29,9	71,9	3797,0	23,7	84,8	61,0	
узбеки	370,1	2,4	111,5	457,2	2,9	123,5	137,7	
украинцы	547,1	3,7	61,0	333,2	2,1	60,9	37,2	
уйгуры	210,4	1,4	113,5	223,1	1,4	106,0	120,4	
татары	249,0	1,7	75,9	203,3	1,3	81,6	62,0	
немцы	353,4	2,4	36,9	178,2	1,1	50,4	18,6	
Др. этн. группы	758,5	5,1	75,6	714,2	4,4	94,1	71,1	

Источник: Национальный состав населения РК. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Алматы, 2000. С. 6-8; Аргументы и факты Казахстан. 2010. № 6.

Таким образом, в истории населения Казахстана, зафиксированной демографической статистикой, обнаруживается три периода с различным этническим содержанием. В 1897 – 1959 гг. численность населения росла преимущественно за счет европейских народов (русских, прежде всего), что являлось следствием государственной политики как Российской империи, так и СССР.

Временной отрезок 1959-1989 гг. можно охарактеризовать как «промежуточный», «инерционный». Число европейцев продолжает расти, но темпы роста азиатских этносов намного выше. Увеличивается удельный вес казахов в составе населения.

Третий, суверенный, этап (1989-2009 гг.) ликвидирует этнодемографические последствия первых двух этапов. В конце XX – начале XXI в. казахи стали абсолютным большинством населения в Казахстане. Данный факт имеет большое значение для идеологов национальной идеи. Довольно четко проблему сформулировал один из ведущих ее пропагандистов А. Гали, доктор наук, политолог: *«Сегодня соотношение казахов к русским 3:1. А это говорит уже о многом... не должно быть тирании меньшинства. Именно культура, духовность большинства и должны развиваться. Все должно быть на*

родном языке»¹. Примерные параметры этнического баланса были определены еще в середине 90-х гг. XX века и являются ориентиром до настоящего времени: «...Разве языковой вопрос, который постоянно у нас дискутируется, - это не чисто демографическая проблема? Разве языковая проблема могла бы появиться, если казахи в Казахстане составляли бы 70-80 процентов населения? Вообще, если не произойдет демографического укрепления государства, наше будущее так и будет оставаться неопределенным» (Т. Жандаулет, журналист)². После переписи 2009 г. А. Гали констатирует: «В настоящее время русские ...превратились в классическое этническое меньшинство»³.

Таким образом, в этническом составе населения Казахстана в последние годы произошли существенные количественные изменения. Роль количественного показателя чрезвычайно важна для определения, уточнения государственной стратегии в перспективе. Ясно, что скоро количество перейдет в иное качество. Примерные параметры нового состояния представлены, главным образом, в проправительственных СМИ. В статье «Новые подходы в консолидации общества: проблемы и аспекты», опубликованной в «Казахстанской правде», говорится: «За годы независимости в Казахстане произошли коренные этнодемографические сдвиги. Сегодня казахи впервые за много лет стали доминирующим этносом в собственной стране. Население Казахстана становится более однородным, что требует выработки новых подходов и консолидации... Главное — определение и четкое понимание роли интегрирующего казахского культурного ядра... Государственность в Казахстане — это казахская государственность, зафиксированная в международных актах и двусторонних договорах и соглашениях»⁴.

Итак, стратегически важным для Казахстана являлся факт ликвидации этнодемографических диспропорций, доставшихся суверенному государству от прежних времен. К настоящему времени этнодемографическая ситуация кардинально отличается от «предсуверенной». Тем не менее основные направления национально-государственной стратегии остаются прежними. Ведется целенаправленная политика, рассчитанная на долгие годы.

¹ Начнем с понедельника. 2001. 7-13 апр.

² Ана тілі. 1996. 7 марта.

³ Деловая неделя. 2009. 4 сент.

⁴ Казахстанская правда. 2010. 26 февр.

Государственные приоритеты иммиграционной политики

Ведущим компонентом в решении как демографических (увеличение общей численности населения), так и этнодемографических (увеличение численности и удельного веса в составе населения казахов) задач, является иммиграционная политика Республики Казахстан, посвященная возвращению на историческую родину этнических казахов, предки которых в разное время покинули страну. Таковых, по оценкам казахстанских демографов, насчитывается около 4–4,5 миллионов. Больше всего в настоящее время казахов проживает в Китае (около 1,5 миллиона), Узбекистане (более 1 миллиона), России (около 1 миллиона). Статистически именно эти государства могут быть основными миграционными донорами Казахстана.

Для того чтобы не только принять соотечественников, но и подготовить для них «достойный старт», разработан статус оралмана, предусматривающий следующие меры:

- помощь в трудоустройстве, повышении квалификации и освоении новой профессии;
- создание условий для изучения казахского языка и, по желанию, русского;
- отсрочка от службы в рядах вооруженных сил;
- квота для поступления в средние и высшие учебные заведения;
- места в школах, дошкольных учреждениях;
- пенсии; пособия по инвалидности, по случаю потери кормильца и по возрасту;
- право на государственные социальные пособия;
- восстановление в гражданстве;
- право на компенсацию как жертвам массовых политических репрессий;
- гарантированный объем бесплатной медицинской помощи;
- государственная адресная социальная помощь;
- предоставление земли под строительство жилья и участков для полеводства;
- кредит под 4% годовых на 16 лет;
- выделение из государственных средств 833 тысячи тенге (5,7 тыс. долларов США по курсу 2010 г.) на семью, в среднем состоящую из 5 человек, для аренды или покупки жилья, проезда и провоза имущества¹.

Другие составные части государственной национальной стратегии постепенно теряют актуальность. Эмиграция европейцев в

¹ Казахстанская правда. 2008. 11 дек.; 2009. 3 нояб.

90-е гг. XX в. выполнила свою основную задачу — удельный вес казахов в составе населения существенно повысился и пересек пятидесятипроцентную отметку за менее чем десятилетний период суверенного развития. В то же время общая численность населения Казахстана сократилась.

В начале XXI в. все более явным становилось внимание государства к проблемам естественного движения населения, а именно к росту рождаемости. Активно пропагандировался возврат к традиционной многодетной семье, повышались пособия по рождению детей. Но ожидаемых результатов в этом направлении достигнуто не было. *«Жизнь показывает, что невозможно заставить рожать, но можно через миграции изменить обстановку в каком-то конкретном месте...если эта политика развернется, то...увеличение населения Казахстана резко возрастет за счет оралманов»¹.*

В результате, на первый план вышла миграционная политика. Основные движущие факторы этой политики обозначили политические лидеры, общественные деятели РК: *«...Правительство прорабатывает вопрос о репатриации 500 тысяч этнических казахов в ближайшие годы. Эти меры будут способствовать решению демографических проблем»* (Ахметов Д.К., заместитель премьер-министра РК в 2000 г.²; *«Для увеличения численности населения Республика обратилась с призывом к соотечественникам за рубежом, разбросанным по всему земному шару, чтобы они возвращались на историческую родину...В целом для Казахстана главной, думается, является демографическая проблема, которая непосредственно влияет на независимость и безопасность республики»* (Айтаханов К., депутат сената парламента РК)³; *«Этническая репатриация представляет интерес для Казахстана по целому ряду причин, основная — это стабилизация демографической ситуации, восполнение миграционных потерь»* (Мусин А., спикер мажилиса Парламента РК)⁴; *«Как свидетельствуют результаты последней переписи, мы не просто восстановили численность населения, фиксировавшуюся до обретения независимости, но и значительно ее нарастили. Это яркое подтверждение того, что к 20-летию независимости мы построили состоявшееся государство, которое признано и уважаемо в мире»* (Саудабаев К., государственный секретарь, министр иностранных дел РК)⁵.

¹ Деловая неделя. 2009. 4 сент.

² Народонаселение Казахстана 2000: сб. материалов по вопросам народонаселения. Астана, 2000. С. 21.

³ Казахстанская правда. 2007. 19 мая.

⁴ Казахстанская правда. 2008. 18 марта.

⁵ Казахстанская правда. 2010. 13 марта.

Одним из результатов социально-экономической стабилизации в Казахстане в последние годы стало то, что в регион устремилось значительное число трудовых мигрантов, в первую очередь из центральноазиатских стран. К 2009 г. Казахстан вошел в первую десятку стран мира по уровню иностранной миграции. Данный факт еще более актуализировал проблему репатриации этнических казахов: *«Значительный приток иностранцев стал влиять на этнодемографическую структуру населения, социокультурную среду, религиозную ситуацию. Этот процесс представляет определенный риск, так как если его не контролировать и не регулировать должным образом, количество иноэтничных мигрантов может достичь критических для внутривнутриполитической стабильности величин. При этом нужно четко разграничивать миграцию этнически и культурно близких народов и миграцию народов, чуждых нашему этнокультурному ареалу»*¹.

Итак, анализ высказываний представителей политического, национально-культурного истеблишмента позволяет прийти к выводу о том, что основной целью иммиграционной политики является решение этнодемографических проблем, вопросов национальной безопасности. Во главе угла – достижение необходимого этнического оптимума за счет привлечения на историческую родину казахов.

В то же время создается впечатление, что численность прибывших в Казахстан за суверенный период этнических репатриантов еще не определена. Так, председатель Агентства РК по миграции и демографии в 2004 г. А. Джаяганова в газете «Казахстанская правда» от 18 июля 2004 г. сообщает: *«С 1991 г. по апрель 2004 г. в РК прибыло 83 936 семей оралманов, или 322 432 человека»*². Через два дня тот же автор в том же издании приводит иные данные: *«С 1991 г. по апрель 2004 г. в РК прибыло 62 016 семей оралманов, или 259,8 тысяч человек»*³. В 2005 г. председатель Комитета по миграции Министерства труда и социальной защиты населения Ж.Н. Абдиев говорит: *«Со времени обретения независимости в республику на постоянное место жительства приехало свыше 374 тысяч оралманов»*⁴.

В последующие годы оценочный диапазон численности оралманов остается довольно большим: *«...за годы независимости в Казахстан переехало более полумиллиона этнических казахов. В ближайшие годы их число достигнет миллиона человек»*⁵; *«Всего с*

¹ Там же. 2010. 26 февр.

² Казахстанская правда. 2004. 18 июля.

³ Там же. 2004. 20 июля.

⁴ Казахстанская правда. 2005. 8 окт.

⁵ Казахстанская правда. 2006. 5 апр.

момента обретения суверенитета Казахстан принял 600 тысяч соотечественников, причем подавляющую часть — в последние годы»¹; «Начиная с 1991 года наша республика приняла более 706 тысяч этнических казахов»²; «Реально за последние 10 лет в страну прибыло 1 120 000 — 1 130 000 оралманов»³.

Затрагивает проблему численности оралманов в стране и президент РК: *«Все годы независимости, несмотря на трудности...мы делаем все возможное, чтобы собрать своих соотечественников, которые разбросаны по всему миру. Благодаря этому свыше одного миллиона наших братьев вернулись на родину»⁴*. Чуть более чем через месяц президент оценил численность оралманов несколько по-иному: *«Когда мы обрели независимость, казахское население в стране составляло 42 процента от общего числа, сейчас цифра достигла 65. За эти годы около одного миллиона наших сородичей вернулись на историческую родину, получив поддержку от государства»⁵*.

Таким образом, существует очень значительный разброс мнений о численности оралманов в Казахстане. Причем мнений высокопоставленных лиц, опубликованных в ведущих изданиях страны. Большинство авторов, приводящих какие-либо данные о численности оралманов в РК, даже не пытаются представить образовательную, социальную и т. п. структуру репатриантов. Попытки же подобного анализа приводят к еще большей неразберихе. Так, в статье вице-министра юстиции РК М. Бекетаева «Ключевые направления миграционной политики» приводятся данные об уровне образования оралманов: среднее образование — 233,7 тыс. человек, среднее специальное — 10,6 тыс., незаконченное высшее — 5,2 тыс., высшее образование — 33,1 тыс., не имеют образования — 14,0 тыс. В сумме, таким образом, получается 296,6 тыс. человек. Но автор статьи решил привести и относительные данные, из которых следует, что высшее образование (33,1 тыс. человек) имеет 9,2% оралманов, среднее (233,7 тыс. человек) — 65% и т. д. Простые арифметические действия показывают, что, например, если 33,1 тыс. составляет 9,2% от общего числа, 233,7 тыс. — 65%, то это общее число должно равняться примерно 360 тыс. Но и это не все. В этой же статье имеется еще один вариант — В РК в настоящее время находится более 706 тысяч оралманов⁶.

¹ Казахстанская правда. 2010. 23 июня.

² Казахстанская правда. 2009. 3 нояб.

³ Деловая неделя. 2009. 4 сент.

⁴ Казахстанская правда. 2009. 14 нояб.

⁵ Там же. 25 дек.

⁶ Там же. 3 нояб.

Итак, количество оралманов в РК неизвестно, по всей видимости, никому. Вполне вероятно, что оценки скоро будут даваться в таких формулировках — «около миллиона», «более миллиона», «приближается к полутора миллионам» и т. п. Главное в ином. Не выявленное количество оралманов предоставляет простор для статистического «творчества» в определении этнического состава населения РК.

Какие же функции, помимо демографических, должны выполнять оралманы на исторической родине? По мнению ответственного секретаря Министерства труда Т. Дуйсеновой, *«итат квалифицированных кадров может пополняться за счет этнических казахов, граждан соседних государств»*¹. Но, как выяснилось, вряд ли подобным образом можно решить кадровую проблему в государственных масштабах. По словам председателя Комитета по миграции Министерства труда и социальной защиты РК Ж. Абдиева, в Казахстан прибывают неквалифицированные переселенцы, которые не владеют ни казахским, ни русским языком, поэтому почти 50% из них — безработные. В Казахстан, считает Ж. Абдиев, импортируется нищета².

А. Гали предлагает использовать оралманов и трудовых мигрантов для иных целей: *«...Надо принимать рабочую силу из южных республик только в сельских местностях, тогда бы мы стимулировали отток казахов в города. Создание аграрных поясов вокруг городов будет способствовать процессу урбанизации казахов. Вообще нужно преодолеть порог в 60% казахов в городах... Чем скорее мы пересечем 60-ти процентный барьер и переселимся в города, тем выше будет социальная безопасность страны...Трайбализм в перспективе город будет поглощать, социализировать и ликвидировать, вплоть до последних остатков родоплеменных отношений»*³.

По проекту «Нурлы Кош» зоны компактного проживания репатриантов определены около городов, — так оралманы помогут решить демографическую проблему, а также станут поставщиками сельскохозяйственной продукции в города⁴. А. Гали дополняет: *«Сейчас государство ориентировано четко на заселение районов с малым удельным весом казахов для предотвращения сепаратизма»*⁵.

Но проблема в том, что оралманы не хотят ехать в районы, которые им определены. Они стремятся обосноваться рядом с родственниками и друзьями. Начальник управления миграции

¹ Казахстанская правда. 2009. 25 июня.

² Казахстанская правда. 2005. 11 февр.

³ Деловая неделя. 2009. 4 сент.

⁴ Казахстанская правда. 2008. 11 дек.

⁵ Там же. 2008. 11 дек.

Восточно-Казахстанской области Д. Сеилханов видит выход в увеличении размера подъемных, например, до 10 тысяч долларов на семью. В этом случае оралманы будут заселяться в пустующие села¹²⁷.

Вполне возможно, что в случае дополнительного материального поощрения репатрианты будут более активно прибывать в обозначенные места. Но проблема в том, что часто оралманы, получив пособия, уезжают за пределы Казахстана или получают материальную помощь несколько раз, переезжая из области в область²²⁸.

Итак, основной целью иммиграционной политики является решение следующих государственных задач: восстановление исторической справедливости; ликвидация этнодемографических диспропорций, доставшихся в наследство от советской эпохи; заселение пустующих территорий; стабилизация демографической ситуации в целом; повышение имиджа страны на международной арене в результате достижения положительного сальдо внешней миграции и т. п. Четкого же представления о том, как ситуация будет развиваться в последующем, по всей видимости, пока нет.

«Государство «ввело» оралманов в какой-то особый ранг...»

Одной из важных проблем, вызываемых иммиграцией, является отношение местного населения к репатриантам. Необходимо отметить, что русские (не казахи в целом) в массе своей относятся к теме «оралманы» индифферентно. Казахи же принимают ее близко к сердцу, активно и эмоционально обсуждают. При этом диапазон мнений чрезвычайно велик. Вследствие этого автором были опрошены в основном представители казахского этноса. В первую часть исследования входили беседы с жителями сел и городов как Восточно-Казахстанской области, так и других регионов РК, по отдельным, избранным респондентами проблемам. Их суждения представлены ниже.

«Есть у нас одна оралманка. Активная! Сразу потребовала, чтобы ее в школу учителем устроили. А потом дочка ее колледж закончила. Так она (мама. — А.А.) пошла к директору и потребовала, чтобы дочку тоже приняли на работу, потому что она оралманка. Пригрозила, что будет жаловаться всем, до самого Назарбаева. Тогда директор школы местную учительницу уволил, а дочку этой... принял. Хотя учительница была с высшим образованием, а у дочки

¹ Казахстанская правда. 2008. 11 дек.

² Казахстанская правда. 2005. 11 февр.

этой — колледж! Да и русского языка они почти не знают...» (Гаухар, с. Ново-Тимофеевка, Восточно-Казахстанская область).

«Да, наши ребята обижаются на оралманов. Им все можно. Сено косят, где хотят, на тракторных тележках ездят по селу. И полиция ничего им сделать не может — запретили! А наших — сразу штрафуют...» (Виктор, с. Предгорное, Восточно-Казахстанская область).

«Да они (оралманы. — А.А.) — предатели! Когда трудно было — уехали в свой Иран, а как лучше стало, денег пообещали — вернулись сразу. А если опять что-нибудь случится — опять убегут? Наша молодежь (называет казахские, русские имена. — А.А.) дерется с ними постоянно» (Ерболат, п. Тюлькубас, Южно-Казахстанская область)

«Уместных казахов (монгольских. — А.А.) самый прибыльный бизнес — пособия из Казахстана. Они туда едут, получают пособие — и возвращаются. На эти деньги дома строят, скот покупают, бизнес какой-то заводят» (Сауле, г. Караганда).

«В конце 50-х — начале 60-х несколько семей из Китая к нам приехали. Поселились отдельно. Мы еще детьми были, ходили к ним поиграть, познакомиться. Так их родители не пускали, не разрешали с нами общаться. И сами ни с кем не общались. У них все какое-то другое, не так, как у нас. И еда другая, и детей по-другому воспитывали. Был недавно в этом ауле — почти все так и осталось. Они — сами по себе, мы (местные. — А.А.) — сами по себе» (Едиль, г. Семей, Восточно-Казахстанская область).

«На бытовом уровне мы друг друга неплохо понимаем. Но как только дело касается предмета (респондент — преподаватель истории Казахстана в вузе. — А.А.) — начинаются проблемы: термины исторические, даты и т. п. Да и историю Казахстана они видят «по-китайски» (студенческая группа — репатрианты из Китая, СУАР. — А.А.). Долго спорить приходится... Родители почти у всех остались в Китае. Большинство туда собираются вернуться, почти никто не принял казахстанского гражданства, почти все — граждане Китая. Приехали потому, что высшее образование в Китае получить дорого. А здесь — бесплатно, по квоте. Да и субсидии от Казахстанского государства они получают, места в общежитии бесплатно и без очереди — и самые лучшие. А местные ребята квартиры вынуждены снимать... Они (оралманы. — А.А.) сами говорят, что китайцы им ближе. Говорят, что вам (местным казахам. — А.А.) русские ближе, а нам китайцы. Как увидят китайца на улице — бегут, знакомятся, обнимаются. Они только внешне казахи, а на самом деле китайцы... Наши ребята их не любят. Да и вообще, не знаю, кому они нравятся. Плохую оценку им ставить нельзя, крите-

рии по тестированию у них намного ниже, чем у наших. Наши же все видят. В общежитии недавно драка большая была между ребятами оралманами и нашими, одного оралмана ножом в ногу ранили» (Жадира, Усть-Каменогорск)

«Вот строят дома для оралманов. Магазин, аптеку тоже строят. Мы тут всю жизнь живем, аптеки не было — в город ездили. А им — сразу все. За что? Может, мне уехать из Казахстана куда-нибудь, а потом вернуться? Тогда все проблемы и решатся» (Адилбек, пос. Новоявленка, расположенный в окрестностях Усть-Каменогорска. Рядом строится поселок для оралманов).

«В нашем селе в детский сад взяли работать оралманку. Многие родители (казахи) не восприняли всерьез эту воспитательницу и отдали детей в русскоязычную группу детского сада, потому что там работает воспитатель с большим стажем детсадовской работы. Так оралманка обижается — «Почему вы детей не отдаете в мою группу? Только потому, что я оралманка?» А родители считают, что оралманка не даст их детям ту подготовку к школе, которую дает воспитательница из русскоязычной группы. Она воспитательницей у самих этих родителей еще была» (Мадина, с. Миролобовка, Восточно-Казахстанская область).

«Местные студенты казахи не любят оралманов — «Почему мы должны платить за свое обучение, а оралманы не должны?» И еще одна есть причина — оралман не может стать истинным патриотом страны, так как его дедов не репрессировали, их деды не погибали в Великой Отечественной войне» (Баян, магистрант, Усть-Каменогорск).

Итак, большинство людей, с которыми беседовал автор, нелицеприятно отзываясь об оралманах. Объясняется это, видимо, тем, что собеседники вспоминали конкретные бытовые примеры столкновений «аборигенов» с приезжими. Тем не менее заметно, что фоном воспроизведенных локальных конфликтных ситуаций является мнение местного населения о привилегированном положении репатриантов, что считается несправедливым, неправильным.

Чтобы представления о репатриантах не ограничивались бытовыми примерами, автор опирался также на мнения экспертов, способных посмотреть на проблему «сверху». Роль бытового, субъективного фактора в суждениях экспертов играет гораздо меньшее значение хотя бы в силу того, что в социальных нишах, где они находятся, оралманов фактически нет.

Александр Алексеев: **«Как Вы считаете, сколько сейчас оралманов проживает в Казахстане?»**

Канша, преподаватель вуза, кандидат исторических наук, г. Усть-Каменогорск. *Точной общей цифры, наверное, пока никто не сможет назвать. Предполагаю, что больше половины миллиона по республике.*

Раушан, магистр истории, г. Усть-Каменогорск. *Около одного миллиона.*

Маулен, преподаватель вуза, кандидат исторических наук, г. Караганда. *Точно не знаю, примерно 500 тысяч.*

Айжан, врач, г. Семей, Восточно-Казахстанская область. *Примерно 100 тысяч человек.*

Оралгайша, пенсионерка, бывший преподаватель ВУЗа, г. Аягоз, Восточно-Казахстанская область. *Точно не знаю, но много.*

Гульжан, преподаватель вуза, кандидат исторических наук, г. Усть-Каменогорск. *Примерно 100-150 тысяч.*

Алибек, пенсионер, бывший государственный служащий, г. Аягоз, Восточно-Казахстанская область. *В пределах 60 тысяч человек.*

Сауле, преподаватель вуза, кандидат исторических наук, г. Алматы. *Приблизительно.*

Айнагуль, магистр истории, г. Астана. *Точное количество мне неизвестно.*

Ерлан, преподаватель ВУЗа, кандидат исторических наук, г. Актобе. *Думаю, 800 тысяч — 1 миллион.*

Светлана, преподаватель вуза, доктор исторических наук, г. Астана. *Точную цифру не знаю, но, думаю, исчисляется уже сотнями тысяч.*

Как видно из ответов, эксперты имеют слабое представление о численности репатриантов в Казахстане. Данные мнения практически адекватно отражают положение дел в государственной статистике. А. Гали считает, что «мы не можем наладить учет оралманов, так как часть казахов из Китая не принимают гражданства и два-три года живут в Казахстане как граждане КНР». Власть же, в свою очередь, «...скрывает или даже не знает масштабы реального притока мигрантов»¹.

А.А. Если бы государство не давало пособий, не предоставляло никаких социально-экономических льгот оралманам, поехали бы они в Казахстан?

Канша. *Думаю, что в таком случае оралманов было бы очень-очень мало.*

Раушан. *Некоторая часть «да». Но большая часть осталась бы там.*

Маулен. *Не все, конечно, но большинство. Лишь бы не запрещали им вернуться на историческую родину.*

¹ Деловая неделя. 2009. 4 сент.

Айжан. *Вряд ли. Оралманы приезжают ради этих пособий, ради выгоды, ради того, чтобы рожать детей. Насколько я знаю, в Китае им можно иметь только одного ребенка. Может, один процент из ста приезжает из чувства патриотизма. У остальных же главная причина — материальная выгода.*

Оралгайша. *Думаю, приехали бы. В 1955 г. приезжали первые оралманы, родители которых были гражданами Советского Союза и эмигрировали в голодные 30-е гг. Им не выплачивали никаких пособий, у них не было привилегий. Тем не менее они переехали в Казахстан. Но сейчас без материальной поддержки оралманам очень трудно было бы переезжать.*

Гульжан. *Предполагаю, что если бы государство не оказывало бы социально-экономическую поддержку оралманам, они все равно возвращались бы в Казахстан. Разве что поток их был бы значительно меньше.*

Алибек. *Без экономической поддержки оралманы все равно бы приезжали бы к нам. Может, их было бы меньше. Материальный стимул — не главная причина их возвращения на родину. Скорее это один из факторов, побуждающий их принять окончательное решение о переезде в Казахстан, но не основная причина. Вообще, оралманы лишены меркантильности, выискивания какой-то выгоды. Эти черты характера им не знакомы. Они работяги, молодцы.*

Сауле. *Нет, не поехали бы.*

Айнагуль. *Возможно, если бы Казахстан не предоставлял льгот и условий, то все равно определенная часть этнических казахов вернулась бы по собственному желанию, так как в Казахстане более стабильная ситуация в регионе и вообще среди стран постсоветского пространства. Казахстан, как и Россия, является объектом внимания мигрантов, ищущих работу.*

Ерлан. *Нет.*

Светлана. *Поток был бы меньше, безусловно. Но казахи все равно бы возвращались — родина предков.*

По мнению большинства, без материальной поддержки, социально-экономических льгот поток оралманов был бы намного меньше. Такие выводы существенно подрывают постулат о приоритете патриотических убеждений, мечте вернуться на историческую родину. На самом деле, судя по странам-донорам, наиболее патриотичны казахи, проживавшие в Узбекистане, Китае, Монголии (более 90% иммигрантов). Гораздо меньшими патриотами являются казахи России. И уж совсем это чувство неведомо казахам из Западной Европы, Северной Америки и других высокоразвитых стран.

А.А. Оралманы – «настоящие» казахи или их называют «монголами», «китайцами», «узбеками», то есть по месту выхода?

Канша. Нет, не считаю их настоящими казахами. Называем по месту их выхода.

Раушан. Нет, они не настоящие казахи. Да, некоторые традиции они сохранили: шьют национальные костюмы, делают казахские орнаменты (почти все), знают почти все традиции казахов. Но они близки к местному населению (китайцам, монголам, узбекам). Там, где они раньше проживали. Язык смешанный. К казахскому добавляется китайский и т. д. Они говорят, что им легче общаться и даже ближе те же самые китайцы, монголы, нежели казахи Казахстана.

Маулен. Это те же казахи, что и местные. Разница лишь в том, что их судьба разбросала по разные стороны границы. Я их не отделяю.

Айжан. Я считаю оралман не настоящими казахами и называю их «монголами», «китайцами». Считаю, что их предки когда-то предали свою родину, испугались трудностей, голода и оставили своих соотечественников погибать.

Оралгайша. Считаю оралман настоящими казахами. Они лучше нас знают казахский язык, историю, традиции, несмотря на то, что жили за пределами Казахстана.

Гульжан. Да, я считаю оралман «настоящими» казахами. А в некотором отношении (знание языка, традиций, обычаев) они больше казахи, чем мы – местное население.

Сауле. Их называют по месту выхода.

Айнагуль. Мое личное мнение – оралманы не могут считаться «настоящими» казахами, так как в их поведении, языке, привычках и даже антропологическом облике очень сильно ощущается влияние культуры той страны, откуда они прибыли. Но и называть их «монголами», «китайцами» тоже достаточно сложно. Чаще всего их называют «монгольскими казахами», «китайскими казахами» и т. д.

Ерлан. Я считаю их настоящими казахами.

Светлана. Я считаю их настоящими казахами, но понимаю, что их социально-культурный опыт весьма различается в зависимости от истории семьи и географии проживания.

Ответы на данный вопрос, по мнению автора, отразили в целом весь спектр мнений о том, кто же такой «настоящий» казах. Вопрос этот остро стоит и в самом Казахстане, где в последнее время существенно усилились позиции национал-патриотов. Лидер движения Мухтар Шаханов предложил следующую классификацию казахов: «Я делю казахов условно на 4 группы. Первая – это люди, глубоко пустившие корни в свой народ, уважающие, ценящие язык, традиции, вложившие в это душу... Вторая группа – наполовину ка-

захи, наполовину русские. Если власть будет формировать правильное мировоззрение, они готовы вернуться в лоно народа. А иначе они и дальше будут русифицироваться. Третья группа — конченная группа, это от начала до конца обрусевшие люди. Их можно назвать КТЛ — казахи только лицом. Если казахский язык исчезнет, праздновать будет именно эта группа. Четвертая группа еще опаснее. Они и по-казахски, и по-русски говорят хорошо. Свою власть они используют для того, чтобы поставить казахов ниже других наций и завоевать у них авторитет»¹.

Если исходить из данной классификации, «ненастоящими» казахами окажется большинство экспертов. Классические же «настоящие» — как раз оралманы, сохранившие обычаи, традиции, язык казахского народа.

Следует обратить внимание на то, что многие эксперты отмечают сильное влияние на репатриантов культуры страны выхода. Об этом говорит и депутат мажилиса Парламента РК К. Уали: *«Вызывает беспокойство активная китаизация казахов, проживающих на территории Китая. Правительство Китая выделяет им всевозможные льготы для того, чтобы только удержать их на китайской земле... Результаты уже налицо: мы теряем своих соотечественников, они полностью поддерживают китайскую политику, и даже закрываются казахские школы, а казахи обучаются на китайском»².*

Таким образом, в настоящее время все более важной становится задача адаптации репатриантов, их интеграция в казахстанское общество. С ростом численности оралманов актуальность проблемы будет возрастать.

А.А. Отличаются ли оралманы от местных казахов. В чем эти отличия проявляются?

Канша. *Да, есть. Оралманы из Монголии, Китая не умеют писать на кириллице, на основе которой создан казахский алфавит (а это еще одна расходная часть в бюджете республики, чтобы организовать подготовительные курсы для абитуриентов). Различия в обычаях и традициях тоже есть. Страна выхода повлияла на культуру оралманов. Эта культура «традиционная» (может, «законсервированная»). То есть они помнят ту культуру, которую им передали отцы и деды. Они, компактно проживая в одном месте, пытались сохранить эту культуру. Оралманы — это не «чистые» казахи, это омонголизованные и окитаезированные казахи.*

Раушан. *Язык отличается, он смешанный (с китайским, монгольским). Употребляют старые, давно вышедшие из употребления*

¹ Свобода слова. 2009. 18 июня.

² Время. 2010. 22 апр.

казахские слова. Питание. Оралманы, приехавшие из Китая, любят есть острые блюда, много перца. Их любимое блюдо — дафанджи (наверное, это китайское название). Это примерно бешбармак, но из курицы и овощей с перцем.

Маулен. *Есть. Наши традиции сохранились у них больше, чем у нас, местных. Язык — более чистый, без примеси. Они более предприимчивы, целеустремленны. Поэтому среди местных они быстро достигают своих целей и становятся более состоятельными. Это бросается в глаза. И поэтому на местах иногда у местных возникает недовольство по этому поводу. Но они в этом не виноваты. Чужбина их научила к этой предприимчивости. А мы у себя дома, более раскованны и не столь интенсивно стремимся к скорому достижению цели. Для нас время течет медленнее.*

Айжан. *Отличия, конечно, есть. Они проявляются в диалекте, внешне (оралманы смуглые), в низком социальном уровне. Они отличаются характером — или забытые, замкнутые, или наглые, кичатся тем, что они оралманы. Что мне нравится, оралманы очень хорошо знают родной язык, соблюдают национальные обычаи и традиции.*

Гульжан. *Отличия есть. Во-первых, отличия в менталитете, манере поведения. Оралманы — мигранты. Для них Казахстан — новая неизведанная страна. Это накладывает отпечаток на их поведение, стиль общения и прочее. Во-вторых, отличия в языке (много устаревших слов). Есть отличия и на профессионально-образовательном уровне.*

Оралгайша. *Оралманы отличаются манерой поведения, питанием. Мы — обрусевшие, они — чистые казахи, уважают старших, патриоты своей родины. У оралман из Средней Азии есть отличия в языке.*

Алибек. *Есть. Оралманы — очень работающие. Также они адаптивные. Оралманам знакомо чувство взаимовыручки. Они всегда готовы прийти на помощь как своим, так и местным.*

Сауле. *Отличия есть не только в языке, обычаях, традициях, но и на более глубоком ментальном уровне.*

Айнагуль. *Отличия от местных казахов наблюдаются очень наглядно. Достаточно одного взгляда на человека (на лицо, прическу, манеру общения и т. д.), чтобы понять, что он оралман (по крайней мере, для меня).*

Ерлан. *Есть отличия.*

Светлана. *Отличий масса. Все зависит оттого, откуда вернулись те или иные оралманы. Оралманы из России и Китая, например — между ними огромная разница по всем направлениям (язык, религия, виды занятий, уровень образования, стереотипы поведения и т. д.).*

Основное отличие, отмеченное практически всеми экспертами – традиционность оралманов (язык, обычаи, традиции, менталитет и т. д.). При этом, как отмечалось выше, большое влияние на репатриантов оказала культура стран выхода.

А.А. Охотно ли идут оралманы на контакт с местным населением. Или они предпочитают общение в своем кругу?

Канша. *Предпочитают общение в своем кругу, друг с другом. При этом, оралманы, приехавшие в начале 90-х гг. называют оралманов начала 2000-х гг. «монголами», «китайцами», хотя их самих раньше также называли. Оралманы 1990-х гг. не общаются с оралманами 2000-х гг. Местные же казахи с трудом идут на контакт с оралманами, так как в них они видят людей, с которыми они вынуждены «делиться». И, конечно же, социальная помощь, предоставленная оралманам, вызывает у местных казахов недовольство и возмущение – почему оралманам предоставляем льготы: «они когда-то убежали, а теперь мы их должны содержать»; «деды оралманов ушли в другие страны, чтобы сохранить свое имущество и жизнь» и т. д.*

Раушан. *Это заметно в общезжитии, они очень тесно общаются друг с другом. Друзей у них мало среди местного населения.*

Маулен. *Я специально их не исследовал, но там, где я их встречал, общались с местными спокойно. Наиболее умелые и способные люди даже вызывали у местных уважение. К их услугам местные обращались с охотой, а они без проблем делились своим опытом. Это умельцы по изготовлению бытовых предметов, орудий труда, народные лекари и т. д.*

Айжан. *Мне кажется, зависит от характера и контактности самого человека. Однако я думаю, что оралманы охотно идут на контакт с местным населением и также хорошо общаются друг с другом, оказывая поддержку.*

Оралгайша. *Оралманы предпочитают все же общение в своем кругу. Молодежь их женится и выходит замуж за своих.*

Гульжан. *Считаю, что оралманы охотно идут на контакт с местным населением.*

Алибек. *Оралманы охотно идут на контакт с местным населением.*

Сауле. *Они более изолированы.*

Айнагуль. *Чаще всего оралманы предпочитают жить компактно, друг с другом, так как еще не могут до конца чувствовать себя «своими» в Казахстане (особенно те, кто еще недавно приехал).*

Ерлан. *Все зависит от ситуации.*

Светлана. *Держатся вместе. На контакт идут, но всегда готовы себя отстаивать и защищать от любых посягательств.*

Мнения экспертов разделились. Большое значение имеет и возраст (как прибывающих, так и принимающих), и страна выезда репатриантов, и место «оседания» в Казахстане. В результате сочетания различных компонентов и создаются как «благоприятные», так и «неблагоприятные» зоны общения репатриантов с местным населением.

А.А. Местное население имеет такие же права, как оралманы, или нет? Если оралманы имеют преимущества, то почему?

Канша. Права местных казахов ущемляются. Государство «ввело» оралман в какой-то особый ранг. И это объясняется тем, что оралманы увеличат численность казахов, а для Казахстана это сейчас необходимо. Хотя можно было бы проводить специальную демографическую политику, направленную на поддержку, в первую очередь, местных казахов.

Раушан. Пока оралманы не получают гражданство, у них есть преимущества. Чтобы они обратно не уехали, государство выделяет на каждого члена семьи определенные льготы (больше 100 тысяч тенге). Когда у них иностранное гражданство, их нельзя трогать. Например, двухпроцентная квота для поступления в вузы. Набирая меньше баллов, чем местные, они поступают. Например, в 2007, 2008 гг. из подготовительного отделения поступило 70% оралманов. Поступил человек, еле писавший на кириллице (даже не умел писать). Даже почти не знающие историю поступают в вузы (на исторический факультет. — А.А.). А местные школьники, которые 11 лет учились здесь и лучше, чем они, знают предмет — не поступают.

Маулен. У оралманов есть преимущества. Это необходимо, чтобы они успешно, без особых проблем могли адаптироваться в новой среде. А со временем, когда это осуществится, то, думаю, эти льготы надо отменять.

Айжан. Местное население, мне кажется, ущемлено в правах по сравнению с оралманами. Они имеют преимущества при поступлении в вузы, оказании медицинской и социальной помощи. Считаю статус оралмана пропуском, которым можно пользоваться даже после получения гражданства.

Оралгайша. Оралманы имеют преимущества. Государство помогает им потому, что они только переехали. Для них все внове. Мы местные, нам легче.

Гульжан. Оралманы имеют преимущества. Например, при поступлении в вуз, при распределении некоторых социально-экономических льгот. Этими льготами, а также подъемными власти стараются стимулировать переезд оралманов в Казахстан.

Алибек. Местное население имеет такие же права, как и оралманы.

Сауле. Оралманы имеют преимущества, например, при поступлении в вузы. Считаю это неправильным.

Айнагуль. Оралманы имеют такие же права, что и местное население. Но в получении образования, жилья они располагают большими возможностями, что, естественно, вызывает у местных возмущение и неприязнь.

Ерлан. Насколько мне известно, у многих оралманов серьезные проблемы с получением гражданства, трудоустройством, доступом к образовательным ресурсам.

Светлана. Оралманы законодательно весьма защищены. У них ряд преимуществ перед местными, что раздражает последних.

По мнению автора, обсуждаемая проблема — одна из ключевых в теме «репатриация этнических казахов», играющая основную роль в формировании отношений между местным и приезжим населением. Большинство экспертов отметили, что оралманы имеют определенные преимущества. Именно льготы, предоставляемые иммигрантам государством, более всего раздражают казахское население РК и являются основной причиной негативного к ним отношения.

А.А. В целом, на Ваш взгляд, как местное население относится к оралманам: положительно, нейтрально или отрицательно?

Канша. Положительно и нейтрально — меньшая часть, отрицательно — большая часть.

Раушан. Некоторые положительно, некоторые — отрицательно. Положительно — потому что они более гостеприимные, чем местные казахи. Отрицательно — потому что местное население их считает (их дедов, прадедов) предателями родины. Что они сбежали в трудные времена в другую страну. Также и потому, что у них есть преимущества (поступление в вуз, в общежитии проживают бесплатно, бесплатная медицина). Пока у них есть удостоверение оралмана — им везде зеленый свет.

Маулен. Вначале положительно, сейчас кое-где появляются роптания, то есть недовольства. Но в последующем все будут относиться к ним нейтрально, как к своим. Нет особых проблем для их адаптации к новой среде, если эту проблему искусственно не раздувать через СМИ. Жизнь все поставит на свои места. Они обретут адекватную идентичность, то есть такую же, как у местных.

Айжан. В целом, отрицательно. А причины, с моей точки зрения, таковы: это потомки предателей своей исторической родины; они создают конкуренцию на рынке труда и повышают безработицу, соглашаясь на любую работу и низкую оплату за нее; занимают места в вузах, при этом у многих из них недостаточно знаний; квартиры,

земли распределяют в первую очередь оралманам; при устройстве на работу, в детский сад — им тоже зеленый свет. Все же я не против того, чтобы оралманы приезжали к нам, пополняли численность населения Казахстана. Но в целом мое отношение к ним отрицательное.

Оралгайша. Многие относятся к оралманам положительно, потому что они трудолюбивые, общительные, честные.

Гульжан. Однозначного ответа дать не могу. Среди местного населения есть те, кто категорически против приезда оралман в Казахстан, есть сочувствующие и поддерживающие их. Причины отрицательного отношения к оралманам, думаю, кроются в недостаточном знании истории нашей страны, судьбе казахского этноса в 20-30-е гг. двадцатого столетия. В свое время предки оралман были вынуждены покинуть Казахстан. Согласна с тем, что оралманы создают некоторую конкуренцию в вузах, на рынке труда. Но это, наоборот, должно стимулировать местное население. Среди положительного отношения к оралманам можно назвать жалость, хорошее знание ими казахского языка, традиций, истории, их желание вернуться на историческую родину, патриотизм. Они как укор нам, местным казахам, подрастерявшим за относительно короткий исторический промежуток многие национальные ценности. Может, оралманы — это наш шанс на духовное возрождение?

Алибек. Местное население относится к оралманам положительно. Ценит их трудолюбие, честность, дружелюбие.

Сауле. Местное население относится к оралманам нейтрально или никак, если это не затрагивает их личные интересы.

Айнагуль. Я могу судить о своем регионе — Северный и Центральный Казахстан и о своем окружении. Среди круга знакомых мне людей к оралманам относятся либо нейтрально, либо недоброжелательно, либо снисходительно. Опять же это связано с тем, что оралманы сами отделяются и позиционируют себя как «мы-они», «мы — настоящие казахи», «они — обрусевшие казахи». Оралманы сами недоброжелательно относятся к местным казахам. В Акмолинской области, например, я часто слышала, как оралманы называют казахов обрусевшими, потерявшими свои обычаи и традиции, обвиняют в слабом знании родного языка и т. д. В результате между оралманами и местными казахами возникает неприязнь.

Ерлан. В целом, скорее всего безразличное.

Светлана. Я думаю, есть и отрицательное, и положительное отношение. Все зависит от уровня культуры, глубины и степени взаимодействия друг с другом.

Ответы на этот вопрос демонстрируют весь спектр отношений казахов Казахстана к оралманам. Однозначных, отрицатель-

ных или положительных мнений — немного. Но в комбинированных вариантах чаще присутствует сочетание «безразлично-отрицательное». Многие объясняет точка зрения, высказанная Сауле: «*Местное население относится к оралманам нейтрально или никак, если это не затрагивает их личные интересы*». Следует понимать, что если личные интересы будут затронуты, отношения из нейтральных превратятся в отрицательные.

* * *

Таким образом, миграционная политика в Казахстане носит четко выраженный этнический характер. Иммиграция этнических казахов является составной частью стратегии развития государства на длительную перспективу.

В то же время приоритет количественного фактора оставляет в тени ряд проблем, вызываемых прибытием все большего числа репатриантов. Особенность ситуации состоит в том, что выразителем сути этих проблем является население Казахстана, и, что немаловажно, в первую очередь казахское население. Государственная риторика ограничивается, в основном, патриотическим вариантом освещения темы «репатрианты». Какие-либо негативные характеристики качественного состава оралманов, их отношений с местным населением и т. п., в государственных СМИ встречаются крайне редко. Довольно четко наблюдается государственный тренд развития темы — население Республики Казахстан должно объединиться вокруг казахского культурного ядра, казахи — основа государственности. Вследствие этого количественный фактор имеет огромное значение, особенно на фоне демографических катастроф казахов в XX в. Основным источником этнического пополнения является иммиграция¹.

Учитывая активную идеологическую, социальную, материальную помощь государства репатриантам, можно говорить о том, что в Казахстане необходимо в перспективе учитывать не только реакцию принимающего общества, но и мнение оралманов, часто весьма конъюнктурно чувствующих государственную линию.

Большое значение в становлении подобного «самоутверждения» имеет география выхода репатриантов — подавляющее большинство прибывает из Узбекистана, Китая, Монголии. Качественный уровень (образовательный, профессиональный) иммигрантов из этих регионов, в силу объективных причин, зачастую

¹ А. Гали видит еще один источник пополнения численности казахского этноса: «... надо записывать казахами каракалпаков и другие близкородственные народы, а также «обузбеченных» казахов — в казахи». (Деловая неделя. 2009. 4 сент.)

намного ниже уровня местного населения. Но репатрианты чувствуют себя в большей мере «настоящими» казахами, чем «русифицированные» местные (в первую очередь это касается северо-восточных регионов РК). Оралманы сохранили, «законсервировали» обычаи, традиции казахского народа, лучше знают родной язык. Ощущение «самости», «истинности» часто перевешивают факт образовательного, социально-экономического отставания, что и является основанием весьма независимой риторики. Все это вызывает определенное раздражение местного населения, неприятие некоторой его частью оралманов.

Образ оралмана формируется как бы в двух уровнях. С одной стороны, государственные структуры через СМИ создают портрет человека, вернувшегося в Казахстан, несмотря ни на какие трудности ради возможности принести пользу родине. У населения Казахстана, при всем многообразии точек зрения (многие придерживаются и государственной линии), сложились следующие стереотипы:

- репатрианты – потомки предателей исторической родины, покинувших ее в сложные времена. На оралманов нельзя положиться, так как в случае появления проблем они вновь могут покинуть Казахстан в поисках лучшей жизни;

- оралманы – иждивенцы, прибывающие в Казахстан в основном из-за пособий, материальной поддержки государства. В ином случае большинство не приехали бы. Оралманам достается то, что государство должно было предоставить местным казахам. У местных гораздо меньше прав, чем у репатриантов;

- оралманы – не «настоящие» казахи, так как в их языке, культуре, менталитете неизгладимо отразилось влияние стран выхода. Отметим, что репатрианты данный упрек адресуют, в свою очередь, местным казахам («русифицированные»);

- у большинства оралманов – низкий образовательный, профессиональный уровень. С точки зрения модернизационного развития они немного могут дать Казахстану. Но наряду с вышеприведенным стереотипом параллельно существует и иной – репатрианты более работоспособны, предприимчивы, чем местные казахи. Очень скоро их материальный уровень и социальный статус будут выше, чем у местного населения;

- оралманы плохо интегрируются в казахстанскую действительность, предпочитая жить компактно, общаясь, в основном, только друг с другом.

Вышеприведенный набор стереотипов отражает в целом представления казахского населения Казахстана. В одних регионах более распространены одни штампы, в других – иные. Многое

зависит от географии выхода репатриантов. Например, штамп «предатели родины» уготовлен для казахов, возвращающихся из «дальнего зарубежья» (Китая и Монголии в первую очередь). На репатриантов из республик бывшего СССР он практически не распространяется.

Роль СМИ в распространении мигрантофобии очень невелика. Шапмы/стереотипы населением создаются самостоятельно, без их влияния. Соответственно, СМИ (в первую очередь официальные) данные штапмы не тиражируют.

Таким образом, поддерживаемый государством иммиграционный поток, традиции многодетности, молодая возрастная структура репатриантов¹, позволяют говорить о том, что в перспективе их роль в Республике Казахстан (во всяком случае – количественная) существенно повысится. В случае сохранения основных факторов, формирующих в настоящее время отношение местного населения к оралманам, проблема мигрантофобии может стать одной из важных во внутреннем развитии.

¹ 41% оралманов находится в возрасте до 18 лет (Казахстанская правда. 2009. 3 нояб.).

Соотечественники: шэнэхэнские буряты в проекте «национально-культурного возрождения»

Шэнэхэнские буряты — не очень многочисленная локальная группа, долгие годы жившая замкнутой жизнью «на окраине цивилизации», появилась как результат катаклизмов в России и Китае в XX в. В результате потрясений Гражданской войны и социалистических преобразований в России/СССР несколько тысяч бурят откочевали в область Барги Внутренней Монголии Китая и компактно осели в районе реки Шэнэхэн. Жизнь в эмиграции привела к «закукливанию» группы и консервации многих ее социокультурных характеристик.

Судьба шэнэхэнских бурят вызывает большой и постоянно растущий интерес — как научный, так и общественный. Это замечательное поле для изучения проблем идентичности, их сохранения и трансформации, миграций, диаспор, проектов «национально-культурного возрождения».

Поэтому шэнэхэнские буряты — это естественное и долговременное исследовательское поле для представителей почти всех гуманитарных дисциплин — от лингвистов до политологов. Начало изучения положено — несколько экспедиций², кандидатская диссертация и серия статей Д. Бороноевой и других исследователей³. Большой информативной ценностью (практически уже в

¹ Балдано Марина Намжиловна — доктор исторических наук, зав. отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Профессор Бурятского государственного университета. Зам. главного редактора журнала «Вестник БГУ», серия «История».

Дятлов Виктор Иннокентьевич — профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия», заместитель главного редактора независимого научного журнала «Диаспоры».

² Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики: материалы 1-й науч. экспедиции НГИ, 2004 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2005; Бороноева Д.Ц., Номогоева В.В., Халанова Г.Б. Бурятские диаспоры: пути исследования // Вестник Бурятского ун-та. Сер. 4, История. Вып. 11. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2006. С. 34–40; Бороноева Д.Ц. Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР (историко-культурологический анализ): Рук. канд. дис. по спец-ти 24.00.02 — Историческая культурология. Улан-Удэ, 1999; Бороноева Д.Ц. Буряты Внутренней Монголии КНР: к проблеме взаимосвязи внутрикультурных парадигм // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т.1: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000: Археология. Этнология. С. 297–301.

³ Бороноева Д.Ц., Номогоева В.В., Халанова Г.Б. Бурятские диаспоры. . .

качестве источника) обладает исторический очерк шэнэхэнских авторов¹.

В данной статье нам хотелось бы рассмотреть проблему с точки зрения изучения «проектов национального возрождения», важной частью которых стала идея «собираания соотечественников». Идеологический и политический концепт «собираания нации» широко распространился на постсоветском пространстве. В качестве носителя «идеальной», аутентичной, национальной идентичности диаспоральные группы выступают излюбленным объектом выстраивания идеологических и политических конструкций.

Статья базируется как на опубликованных исследовательских работах, так и на комплексе разнообразных источников – материалах полевых исследований одного из авторов во время нескольких поездок в Шэнэхэн в 2004 и 2007 гг., серии его неформальных интервью с шэнэхэнскими бурятами в Бурятии в 1997, 1998, 2006, 2007 и 2008 гг., документах и текстах деятелей «национально-культурного возрождения» Бурятии, материалах масс-медиа.

С конца 1980-х гг. в Бурятии, как и в других национальных регионах России, бурно шли процессы, часто называемые «национально-культурным возрождением». Необходимость осмыслить итоги этнонационального развития в советскую эпоху, сформулировать ориентиры и цели на будущее – эти задачи были для национальной элиты несомненным приоритетом. Чередой шли собрания, конгрессы, создавались исследовательские и публицистические тексты, принимались резолюции и официальные документы, формировались партии и движения. Обсуждались проблемы родного языка, культуры, конструировались новые версии национальной истории. Дискуссии о сохранении, возрождении, развитии национальной культуры органично переходили в обсуждение вопросов государственности, характера власти. Говоря современным языком, формировался «проект», проект нациестроительства².

¹ Абида Ц., Болод З., Димчиг Б., Лхамсүрэн С. Современный исторический очерк бурят Шэнэхэна: пер. со старомонг. Е. Санжанова. Хайлар, 1985 г. // Локальные особенности. . . С. 23–38.

² Подробнее см.: Строганова Е.А. Бурятское национально-культурное возрождение (конец 80-х – середина 90-х годов XX века, Республика Бурятия). М.–Иркутск: Наталис, 2001; Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период) / отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Иркутск: Радиан, 2005; Балдано М.Н. Панмонголизм: идея государственного объединения монгольской историко-культурной общности как инструмент нациестроительства // Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: Науч.-образоват. форум по международным отношениям, 2005. С. 228–244; Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000; Хамутаев В.А. Бурятское национальное движение. 1980–2000-е гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.

В Бурятии в его основе лежало несколько «краеугольных камней». Как и на всем постсоветском пространстве, это, прежде всего, проблема суверенитета нации, причем чаще в ее этническом, чем гражданском понимании. Неразрывно связан с этим вопрос о статусе государственности Бурятии и/или государственном статусе бурятского народа. Среди части приверженцев «этнонации» были сильны представления о том, что она не может и не должна ограничиваться рамками существующих государственных границ. Нация воспринималась как естественный, органичный и необходимый результат многовекового формирования и развития на гигантских просторах центра Азии феномена, который называют «монголоязычными народами», «монгольскими народами». Отсюда логично вытекала идея о необходимости *государственного* объединения монголоязычных народов. Она существует в разных версиях — от «Бурятии в границах 1937 года» до государственного единства *всей* монгольской историко-культурной общности.

Поэтому такое значение придавалось концептам «Бурят-Монголия» и «бурят-монголы». Это была не просто академическая дискуссия: «В последние годы, начиная с конца 1980-х... перед соответствующими инстанциями властных структур ставился вопрос о возвращении республике прежнего наименования “Бурят-Монголия”. Однако он до сих пор положительно не решен. Требование бурятской общественности вернуть прежнее название народу и республике висит в воздухе. Поддержанное Советом Министров Бурятии предложение о восстановлении традиционного названия, к нашему стыду, было провалено депутатами Верховного Совета республики»¹.

Как считает П. Варнавский, «...введение данного этнонима предназначалось для более веского обоснования права бурятского народа на собственную государственность. И особую значимость он приобретал, когда речь заходила о возможности политической консолидации бурятского и монгольского народов. Таким образом, появление термина «бурят-монголы» в лексике бурятского национализма отчасти свидетельствовало о том, что «национально-культурное возрождение» уже не ограничивается исключительно этнокультурной проблематикой и вторгается в область политики»².

Органически связан с этим концепт признания бурят «репрессированным народом» — как юридического и морально-

¹ Вернуть название «Бурят-Монголия» / сост. д-р ист. наук Ш.Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ, 1998. С. 4.

² Варнавский П. Идея единства монгольского мира в националистическом дискурсе бурят // Евразийское пространство глазами молодых, или новое поколение о... / Альманах Школы молодого автора. М.: Наталис, 2002. С. 62.

политического обоснования для изменения статуса государственности и расширения прав этнонации. Требование придать бурятскому языку статус государственного выступает в таком контексте, как вопрос о власти. Именно в этом ряду рассматривался и «вопрос о возвращении на историческую родину желающих бурят Шэнэхэна»¹. В итоговом документе I Общебурятского хурала (важнейшего для своего времени общественно-политического мероприятия, состоявшегося в 1992 г.) проблема шэнэхэнских бурят рассматривается в контексте задачи «реабилитации репрессированного бурятского народа». Предлагалось создать Фонд возвращения бурят-беженцев, определить размеры компенсации, содействовать размещению, создать специальную миграционную службу для содействия возвращению².

Мотивация такого внимания четко и подробно обоснована в статьях и политических заявлениях одного из основателей и руководителей Бурят-Монгольской народной партии и Движения национального единства «Нэгэдэл» В.А. Хамутаева³. Это заставляет прибегнуть к обширному цитированию. «Осколки всех наций едут домой. Евреи через 2 тысячи лет возвращаются на историческую родину, немцы России через 200 лет возвращаются в Германию. Казахи Китая и Монголии едут на родину, на которой они никогда не жили. Правительство Назарбаева приняло программу возвращения казахов в генофонд нации, по которой предусмотрены меры по стимулированию возвращения на историческую родину, наделение земель реэмигрантов, обустройство их компактными деревнями со своим укладом жизни... Слабые нации, не сумевшие сгруппироваться внутри себя на собственных этнонациональных ценностях и интересах, растворятся в других...» «Казахстан самым серьезным образом... подходит к реэмиграции казахов на историческую родину, учитывая неблагоприятную демографическую ситуацию и задачи ускоренного развития национальной государственности... Балтийские государства также постоянно и планомерно занимаются возвращением соплеменников в лоно их небольших наций... И бурятскому народу необходимо планомерно и последовательно, учитывая богатый опыт других энергично развивающихся народов, работать над собственным возрождением, консолидацией, ростом. И в этом благородном деле организатором возрождения народа,

¹ Нимаев Р.Д. Делегат от Конгресса бурятского народа: выступление// Материалы II съезда народов Бурятии. Улан-Удэ, 2001. С. 126.

² Там же.

³ Будучи профессиональным историком, он впоследствии собрал и опубликовал их отдельной книгой: Хамутаев В.А. Бурят-монгольский вопрос: история, право, политика. Ч. 1–2. Улан-Удэ, 2000.

его государственности и пассионарности должен выступить Конгресс бурятского народа — представительный орган этноса».

Комментариев здесь практически не требуется. Возвращение рассматривается не как гуманитарная, а как политическая проблема. Это часть задачи «собираания нации», путь к ее консолидации, сохранению и развитию ее «генофонда». Репатриация выступает здесь как инструмент нациестроительства.

Поэтому так важно, что шэнэхэнские буряты «ведут традиционное хозяйство, учатся, поют, танцуют, играют свадьбы. Подчеркнем, что они сохранили все родное, бурятское: сознание, язык, игры, традиции, одежду, обряды, старомонгольскую письменность, «табан хушун» — традиционное животноводство и т. д... Необходимо выделение земли для индивидуального строительства и компактного — в одной местности — расселения шэнэхэнских репатриантов с целью сохранения сложившегося мироустройства, порядка, традиций, быта, форм хозяйствования, ведения «табан хушун», огородничества. Сохранение устоявшегося традиционного уклада жизни уникальной этнокультурной группы отвечает интересам всего этноса». Отсюда такое негодование по поводу адаптации репатриантов и их детей: «В Республику прибывают буряты из Китая, их дети, знающие только родной язык, вынуждены постигать чужую культуру, язык, мораль, манеру громко выражать эмоции, потому что их раскидывают по разным школам. С каждым днем они теряют все свое родное, этническое, тысячелетиями выработанные национальные качества, манеры, поведение, все больше превращаясь в шумных, визгливых советских манкуртов»¹.

Совершенно неслучайны здесь постоянные отсылки к программе репатриации соотечественников—оралманов в Казахстане, призванной изменить параметры этнодемографической структуры в стране, решить проблемы выстраивания нациегосударства². То есть опять же решающие проблемы — не культурные, гуманитарные, а политические.

Все это совершенно не означает, что тема шэнэхэнских бурят была монополизирована дискурсом нациестроительства. Возможно, этот сюжет и стал играть такую роль в политико-идеологической практике, что опирался на вполне искренний и бескорыстный общественный интерес. Массе людей было просто интересно, как жили и живут «наши» в чужой стране. На этот ин-

¹ Хамутаев В.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 177; Ч. 2. С. 20, 24–25, 99.

² Закон Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 204-І «О миграции населения»; Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы. Алматы, 2001. С. 108–124.

терес охотно откликались СМИ. Нам кажется, что они уловили и природу такого интереса. Достаточно посмотреть на заголовки статей: «Русские буряты в Китае. Шэнэхэн — заповедный уголок бурятского духа и культуры», «Китайские буряты возвращаются на родину. Они совсем не говорят по-русски и живут так, как жили 100 лет назад», «Урга — территория вернувшихся на родину. Семья известной певицы Бадма-Ханды Аюшеевой, приехавшая из Шэнэхэна, сейчас осваивает Тугнуйскую долину»¹.

Очень характерная цитата из одной газетной публикации о шэнэхэнских бурятах: «Они совсем не говорят по-русски и живут так, как жили 100 лет назад. Их стороной прошла коллективизация, индустриализация и Вторая мировая война. Не было для них ни первомайских демонстраций эпохи застоя, ни перестроечных карточек-талонов. А была жизнь, согласно многовековым бурятским традициям, в тяжелом ежедневном труде на благо своей семьи. Историческая память потомков бурятских иммигрантов не замусорена переменами последних десятилетий. Шэнэхэнские буряты, колонизировавшие в начале 20-го века незанятые земли Внутренней Монголии, сумели приумножить спасенное от большевиков богатство и сохранить свою культуру в том виде, в каком она была более ста лет назад. Некоторые из них, преодолевая бюрократические препоны, начали возвращаться на землю предков»².

Возможно, это чем-то напоминает огромный, можно даже сказать экзальтированный, интерес к российской послереволюционной эмиграции вообще. В нее, как в «иное свое», вглядывались, чтобы понять себя, увидеть «овеществленное несбывшееся». Другую жизнь, «другую Россию», которую миновали, которой лишились из-за сделанного когда-то выбора. Пожалуй, наиболее остро это чувство и это ощущение было передано Василием Аксеновым в его «Острове Крым». Наверное, не случайно, что трагические судьбы столь же многочисленной послевоенной эмиграции особого интереса в нашем обществе никогда не вызывали.

Так или иначе и власти не смогли остаться в стороне от этой проблемы. Тем более что проявленный интерес к ней позволял демонстрировать готовность к диалогу с общественностью и внимание к ее этническим запросам, не раздражая при этом федеральный центр и собственных противников бурятского национализма. Кроме того, это был хороший повод для налаживания рабочих контактов с властями приграничных китайских про-

¹ Информ-Полис. 2004. 4 июля; 2005. 7 сент.; Номер один. 2004. 2 июня.

² Номер один. 2004. 2 июня.

винций, для ведения повышающей статус активной внешнеполитической деятельности. Требовалось только увести проблему из опасной этнополитической сферы в область гуманитарную и культурную. Это и было сделано в «Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия» (1997)¹:

«Деятельность за пределами Бурятии:

– помощь и поддержка выходцам из Бурятии, проживающим в других регионах России, государствах СНГ и дальнем зарубежье;

– заключение межправительственных договоров с Монголией и Автономным районом Внутренняя Монголия КНР о культурном и экономическом сотрудничестве;

– поддержка общественных национально-культурных объединений бурятской диаспоры и выходцев из Республики Бурятия в различных регионах России, дальнем и ближнем зарубежье, в их деятельности по удовлетворению национально-культурных запросов, сохранению и развитию родного языка, национальных традиций, укреплению связей с Бурятией».

В рамках реализации этого направления государственной политики Внутреннюю Монголию с официальными визитами посетили Председатель Президиума Верховного Совета Бурятской АССР С. Булдаев (1989), председатель Совета Министров БурССР В. Саганов (1991). В 1990 и 1991 гг. с ответными визитами в Улан-Удэ побывали правительственные делегации Внутренней Монголии. В рамках развития торгово-экономического сотрудничества и налаживания дружеских связей обсуждалась и возможность возвращения шэнэхэнских бурят на историческую родину². Есть сведения, что в начале 1990-х гг. между правительствами Внутренней Монголии и Бурятии было подписано соглашение, по которому приехало около 300 человек. К сожалению, найти текст этого соглашения нам до сих пор не удалось.

Первым репатриантам была оказана помощь в оформлении вида на жительство, трудоустройстве и получении временного жилья со стороны Всебурятской ассоциации развития культуры, руководства Бурятского государственного университета, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии и сельскохозяйственного лицея, были выделены квоты для обучения их детей. Но республиканские власти не смогли сделать главного – оказать реальную помощь в получении российского гражданства.

¹ Концепция государственной национальной политики Республики Бурятия, одобрена Постановлением Правительства Республики Бурятия 29.09.1997. № 336 // Байкальский регион: правовое поле этнополитической ситуации (1992–2001). М.; Иркутск: Наталис, 2002. С. 90–102.

² Елаев А.А. Указ. соч. С. 278–279.

Вот как описывает ситуацию одна из телерадиокомпаний Бурятии: «К 2007 г. российские паспорта сумело получить не более 10% репатриантов. По оценке начальника отдела по вопросам гражданства ФМС, шэнэхэнским бурятам не сложно выполнить условия о непрерывном пятилетнем проживании в РФ по виду на жительство, об отказе от гражданства КНР и об обладании законным источником средств к существованию. Главная проблема – владение русским языком и получение соответствующего сертификата. В БГУ и БГСХА есть специальные платные курсы, но, как отмечает представитель шэнэхэнского землячества Цырен Дамбиев, «молодежь, которая учится, конечно, без проблем изучает язык. А людям старшего возраста, которым за 40, им труднее освоить язык». Респонденты старших возрастов пытаются быть объективными в оценках, они говорят, что им самим не хватает настойчивости, а программа обучения слишком сложна. Многие, заплатив от 500 до 700 долларов, бросают курсы, овладев языковым минимумом для ведения своего бизнеса. Некоторые интересуются, нельзя ли им сдать экзамен по бурятскому языку.

Не стала Бурятия участвовать и в программе по возвращению соотечественников. Александр Елаев, первый заместитель Председателя Комитета по межнациональным отношениям Администрации Президента Бурятии, отметил: «Переселяющиеся к нам соотечественники – это конкуренты наших людей. То есть здесь – тоже конфликт интересов. И мы должны учитывать, прежде всего, интересы граждан России. Кроме федеральных средств понадобятся республиканские средства на обустройство этих переселенцев. Это предоставление жилья, предоставление работы. А с этим могут быть проблемы, и люди окажутся в подвешенном состоянии»¹.

Интенсивные вначале усилия в этом направлении сменились осуществлением рутинных бюрократических процедур. Заключение в последние годы договоры и соглашения между правительствами Внутренней Монголии и Бурятии не затрагивают проблемы возвращения шэнэхэнских бурят. В целом репатрианты оказались сейчас практически предоставленными самим себе. Окончилась «эпоха национально-культурного возрождения»

¹ По сообщению Забайкальского информационного агентства (21 февраля 2007 г.), шэнэхэнские буряты пожелали воспользоваться государственной поддержкой при переезде в Бурятию. Создана комиссия по разработке республиканской программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. Чтобы защитить жителей республики от конкуренции на рынке труда, решено отправлять переселенцев на место жительства в сельскую местность. Оттуда идет отток населения в города, там имеются пустующие земли. Программа должна была заработать к концу апреля 2007 года// <http://zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=29362>.

1990-х гг., у политиков и чиновников появилось много новых проблем и забот, угас общественный интерес. Жизнь шэнэхэнских бурят и возможность их возвращения перестали быть политически актуальной темой. Теперь репатриация стала делом их индивидуального выбора и частных усилий представителей принимающего общества.

Граница на замке постсоветской памяти. Мифологизация фронтальных сообществ на примере русских из Трехречья

Трехречье (по-китайски Саньхэ шуй) является русским названием дельты трех притоков Аргуни (Дербула, Хаула и Гана), которая была местом комплексной аграрной колонизации выходцами из бывшей Российской империи. Феномен русского Трехречья - фронтального сообщества русских старожилов в северной части города Хулунбуир² в Автономном районе Внутренней Монголии Китайской Народной Республики – породил сложные модели восприятия в современной русской культуре.

Во-первых, в исторической перспективе существует как минимум два разных сообщества, систематически отождествляемые с одним именем. Одно из них – сообщество эмигрантов с доминированием в нем до 1950-х гг. забайкальских казаков. Другое – группа, состоящая, главным образом, из потомков смешанных китайско-русско-монгольских семей православного вероисповедания и русской культурной ориентации, живущее в регионе сегодня. В период совместного проживания эти сообщества по-разному воспринимались китайской, японской и советской сторонами. Различался их уровень сотрудничества с японскими и советскими военными институтами на территории Китая. После 1966 г. первое сообщество практически полностью покидает Трехречье, приобретая новый опыт адаптации в СССР, Австралии и на Филиппинах. Второе сообщество только в настоящий момент потепления китайско-русских отношений приобретает опыт межрегиональной и трансграничной мобильности, сохраняя локальный и во многом деревенский характер.

Во-вторых, по отношению к категории «русские из Трехречья» применяется одновременно достаточно сложный набор стереотипов, частично родом из предыдущей эпохи, частично являющихся результатом конфликта между ожиданиями современного российского общества и реальностью Внутренней Монголии. Так,

¹ Пешков Иван Олегович – кандидат экономических наук, преподаватель Восточного института Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша).

² В административном отношении город Хулунбуир делится на 1 городской район городского подчинения (собственно город Хайлар), 5 городов (Маньжурия, Чжалангунь, Якэши, Иньхэ, Эргуна), 7 хошунов, 74 района (включая 2 угледобывающих района), 23 уезда (включая 13 национальных уездов) и 25 сомонов (включая 1 национальный сомон). Город Хулунбуир //international.chita.ru/docs/doc_GOROD%20HULUNBEIER.docom.

представители разных групп, объединенные этим географическим маркером (Трехречье), могут быть описаны как «семеновцы», русские крестьяне, сохранившие фрагменты сибирской идентичности, окитаенные метисы, китайцы русского происхождения или просто китайцы. Конечно, в научной литературе и аналитической публицистике существует более согласованная группа терминов, но в отличие от обыденных представлений этот корпус текстов имеет ярко выраженную ретроспективную и немного эскапистскую ориентацию. Это означает, что центр тяжести переносится на прошлое группы и ее возможности передать нам уцелевшие элементы традиции. Все сложные и неоднозначные моменты обходятся стороной (кроме акультурации младшего поколения), группа описывается как однородный организм, постепенно умирающий в инокультурной среде. Ненаучные представления дают более богатый образ, основанный на творческой адаптации советских идеологических паттернов к ситуации одновременного появления в пространстве общественного внимания полузапрещенного прошлого и настоящего русских сообществ Трехречья.

Целью статьи является анализ основных дискурсивных практик, направленных на фронтальные сообщества, функционирующие под общим названием «русские из Трехречья». Эти практики будут рассмотрены как элемент концептуализации очень символического фрагмента российско-китайской границы. Появление новых моделей концептуализации границы происходит одновременно с возвращением прошлого приграничных территорий и знакомства российского общества с необычными формами идентичности, существовавшими и существующими на правом берегу Аргуни. Этот процесс является не просто заменой концептуальных схем, но достаточно сложным синтезом старой советской модели, легализованного дискурса эмиграции и новых способов восприятия российско-китайской границы. Появление последних связано со сменой статуса приграничных территорий, опытом трансграничных миграций и трансляцией в средствах массовой информации антикитайских фобий. В этой перспективе проблема восприятия трансграничного сообщества российским обществом является частным случаем этого процесса и перспективным полем исследований. При написании статьи использовались материалы полевых исследований, проведенных осенью 2009 г. во Внутренней Монголии (сообщество китайских русских) и Читинской области (репатрианты из Трехречья). Автор выражает благодарность сотруднику ИМБТ СО РАН И.П. Башарову за оказанную помощь в организации исследований и возможность обмена мнениями.

Темпоральный дуализм восприятия российско-китайской границы

Граница сама по себе не является некоей заданностью, формы ее концептуализации меняются и в пространстве, и во времени. Следует заметить, что концептуализация границы является интегральной частью идентичностей общества¹ и во многом определяет процессы и ритуалы его интеграции. Государственный исторический нарратив также во многом имеет ориентацию на защиту и легитимизацию границ. Непосредственно связанное с границей пространство фронта имеет более субъективный характер и инерцию массовых представлений о лимитации «нашего мира»². В этой перспективе определяющее влияние имеет процесс трансформации российско-китайских приграничных районов из изолированных и военизированных районов в места формальных и неформальных трансграничных контактов³. Специфика этого процесса состоит в ключевой роли приграничной модели социалистической модернизации, которая во многом определяет возможные траектории развития и механизмы ментальной адаптации по обе стороны российско-китайской границы.

Приграничные регионы Восточного Забайкалья (Читинская область) до сих пор остаются *terra incognita* в социальных науках⁴. Образовавшаяся брешь заполняется огромным количеством любительских нарративов с определенным влиянием на научное сообщество. Специфика региона корнями восходит к советскому периоду, когда смена модели управления советско-китайской границей привела к исчезновению в приграничных районах коренных (южные эвенки) и полукоренных (старожилы) сообществ, основного социального института (Забайкальское казачье войско) и деформации культурного поля региона. Полувоенный режим советских приграничных территорий привел не только к массовому переселению на правый берег Аргуни эвенков, казаков и агинских бурят⁵, но и систематическим перемещениям оставшихся жителей в рамках расказачивания, раскулачивания и укрепления границы.

¹ Madsen K. D., van Naerssen T. Migration, Identity and Belonging// *Journal of Borderland Studies*. 2003. № 1(18). С. 63.

² Brunet-Jailly E. The State of Borders and Borderlands Studies 2009: A Historical View and a View from the *Journal of Borderlands Studies*// *Eurasia Border Review*. 2010. № 1.

³ Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006.

⁴ Башаров И.П. Русские Внутренней Монголии: краткая характеристика группы // *Азиатская Россия: миграция, регионы и регионализм в исторической динамике*. Иркутск, 2010.

⁵ Lindgren E. J. North-Western Manchuria and the Reindeer-Tungus// *The Geographical Journal*, 1930, LXXV (June), С. 518-534; Lindgren E. J. An Example of Culture Contact without Conflict: Reindeer Tungus and Cosacks of Northwestern Manchuria// *American Anthropologist*, New Series. 1938. № 4. С. 605-621.

Новая модель милитаризации границы привела к радикальным переменам в этнической и культурной структуре региона, усиленным массовой миграцией в Читинскую область жителей западной части СССР. Это стало причиной радикальных изменений расовых и культурных стандартов. Демографический фактор во многом объясняет советско-модерный тип восприятия прошлого региона и доминирования общефедеральных моделей восприятия собственной истории над локальными. Это приводит к парадоксальным ситуациям, когда постсоветские дискурсивные практики строятся в рамках советских мифологем и временных структур независимо от идеологической составляющей. Советский контекст региональной памяти определяет и особые способы представления знаковых фигур, когда просто появление «запрещенного» имени или названия группы играет важную роль независимо от официальных оценок.

Очень сложное соотношение прошлого и настоящего в приграничных районах Восточного Забайкалья основывается на базовом характере советского опыта и советских институтов для современной жизни региона. Постсоциалистический опыт региона воспринимается в целом как сильнейшая травма, на фоне которой меркнут вытесненные травмы Гражданской войны.

Советизация памяти и не всегда последовательные попытки примирения сторон гражданской войны приводят к появлению имперской перспективы восприятия советского периода истории России. На наших глазах фактически создается механизм возвращения и легитимизации советского прошлого как целостного имперского проекта и победы над леворадикальным безумием революции и Гражданской войны. Это объясняет и перенос общественного внимания с Ленина на Сталина, как и одновременную героизацию белой и Красной Армии. Конечно, примирение не отменяет определенного неравенства: условием реабилитации героев белой борьбы является или своевременная смерть во время гражданской войны (А.В. Колчак) или решительный отказ от борьбы с Красной Армией после ее окончания (А.И. Деникин). Эти попытки имперского прочтения истории СССР во многом отвечают ожиданиям общества и воспроизводят элементы советской ментальной географии, сохранившиеся в массовом сознании. Несмотря на поверхностную деполитизацию советского проекта следует признать, что эта перспектива дает возможность повторной переоценки событий после 1917 г., сохраняя приоритет советского пути развития страны. Если признать, что СССР был немного экзотической формой Российской империи, то враги имперского проекта становятся врагами России ¹.

¹ Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

Это сложная и не совсем историческая логика снова выключает из национальной истории опыт огромного количества россиян, оказавшихся волею судеб вне СССР. Так, события 1929 г. (массовый террор против приграничных русских деревень в Трехречье), имевшие большой резонанс во всем русском сообществе Маньчжурии¹, в этом контексте представляются как поддержание порядка на КВЖД² и противодействие белым бандам. Действия или даже преступления белых отрядов в приграничной полосе не имеют ничего общего с массовым убийством мирных жителей на иностранной территории представителями соседнего государства (СССР).

Имперская легитимизация СССР является и легитимизацией возвращения советской концепции границы как бастиона. В этой перспективе сегодняшняя открытость границы не перечеркивает опыт ее закрытости в прошлом. Это важный и относительно малоизученный фактор общественного сознания, который может оказывать определенное влияние на восприятие трансграничной активности и роли приграничного региона в защите страны. Советизация прошлого и базовый характер советского опыта приводят также к парадоксальной ситуации, когда заграничные сообщества забайкальцев могут стать «своими» только в случае их концептуализации в рамках адаптированной к новым условиям советской модели восприятия приграничных русских сообществ. Говоря метафорически, на их пути встает советская граница, навсегда разделившая советское Забайкалье и российских эмигрантов в Китае. Эта несуществующая административно ментальная граница играет достаточно большую роль в восприятии русских сообществ из Китая. Туманное прошлое, ненужный опыт в Китае и сомнительный политический выбор родителей определяет их статус хранителей русской культуры и фиксирует группу в рамках советского дискурса фронтальной нелояльности. В советской картине мира граница воспринималась как источник опасности и пространство столкновения с враждебным миром. Соседство с политическими оппонентами легитимизировало милитаризацию региона и продлевало до бесконечности атмосферу гражданской войны на этом участке территории. Китайские русские в этой перспективе - «наиболее понятная» и поэтому однозначно воспринимаемая часть этого враждебного мира. В российской версии советской модели социалистической нации этнические формы солидарности были

¹ Балакшин П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Сириус, 1958. Т. 1.

² Тарасов А. Русские в приграничном Китае // http://www.asia-times.ru/countries/china/russians_in_china_1.htm.

подчинены политическим¹, что означало несмыслимый характер политических этикеток, несмотря на общее происхождение. В этом смысле роль исторической (до 1991 г.) и воображаемой советской границы в судьбе сообществ Трехречья трудно переоценить. С одной стороны, близость границы очень ясно определяет русский статус сообщества. С другой — именно эта модель концептуализации границы не впускает их в Россию. Эта двухуровневая темпоральная структура концептуализации границы очень важна для понимания их восприятия в России.

Граница и память в Забайкалье. Траектории ретроспективных дискурсов

В исторической памяти жителей Забайкалья достаточно большую роль играют события Гражданской войны, особенно связанные с деятельностью атамана Семенова и его сторонников. В данном регионе актуальность этих событий связана не только с дискурсом легитимизации советских (и постсоветских) государственных институтов (стандартная функция дискуссий о Гражданской войне), но и с особенной ролью, которую сыграла «черная легенда» атамана в Забайкалье. Официальные и неофициальные рассказы про зверства Семенова и семеновцев были основой идентичности советского Забайкалья и элементом практик забвения (*denial practices*) многолетнего процесса декаказакизации региона и маргинализации старожилов. Согласно своеобразной дискурсивной логике практики забвения абсолютно переворачивают контекст событий, представляя репрессии как форму обороны общества перед стигматизируемой группой². Реальные и вымышленные преступления семеновцев (во многом конструируемые на основе вневременной легитимности социалистических институтов) представлялись как легитимная причина «перегибов» и антиказацких фобий коммунистов. Следует отметить, что в «черной легенде» Семенова его сторонники (семеновцы) выполняют гораздо больше коммуникативных функций.

Этот негативный маркер одновременно концептуализировал неофициальную трансграничную мобильность, политизировал альтернативные модели русской культуры и ориентализировал (в

¹ Slezkine Y. *USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State promoted Ethnic Particularism*// *Stalinism. New Directions*/S. Fitzpatrick (ed.), London, New York: Routledge, 2000. С. 313-347; Zajączkowski W. *Rosja i Narody. Ósmy kontynent. Szkic dziejów Eurazji*, Warszawa: Wydawnictwo MG, 2009.

² Figs O. *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia*, Allen Lane, 2007; Humphrey C. *Stalin and the Blue Elephant: Paranoia and Complicity in Postcommunist Metahistories* // *Diogenes*. 2002. № 194(49/2). С. 26-33.

смысле Э. Саида) синкретические культурные формы как отсталость и экзотику. Семеновцы становятся негативным маркером таких трансграничных старожильческих сообществ, часто вообще не связанных с активностью атамана, как местнорусские в Монголии¹. Стереотип семеновца проецировался на русских и бурятских беженцев в Китай, что во многом определяло правомерность карательных акций в регионе.

Гораздо важнее роль стереотипа в восприятии фронтирных сообществ в Забайкалье, Китае и Монголии. Мифы о существовании в приграничной зоне культурно близкой, но политически далекой группы, живущей рядом с нами, часто вообще не имели реальных оснований и решали внутренние проблемы советского общества. В декорациях семеновской легенды общественное сознание позднего СССР концептуализировало альтернативные и менее престижные модели русской культуры вне СССР и соотношение этнической и политической солидарности. Будучи в чем-то своим (представляя потерянную субкультуру), мифический сеновец, выступая в роли полукриминального антикоммуниста, был абсолютно чужим. Вопросы метисации, антикоммунизма и существования островов нетронутой переменами русской жизни ставились в рамках этого дискурса в идеологическом контексте абсолютного зла. Если белогвардейцы при всей идеологической обусловленности стереотипа воспринимались как престижный враг, представляющий высокую модель русской культуры, то «атаманщина» казалась и кажется до сих пор абсолютной дикостью, варварством и проявлением азиатской жестокости². Советский человек воспринимал семеновцев как более восточную маргинальную субкультуру. В этом контексте дискурс о семеновцах имел достаточно сложную структуру, одновременной политической, расовой и культурной дискриминации.

Парадоксом советского периода истории региона является захват дискурсивного поля семеновской легенды стигматизируемыми сообществами и создание компенсаторного дискурса на базе советских мифологем. Русские в Монголии, потомки казаков в Читинской области, потомки казаков из Трехречья в разной степени приняли участие в этом процессе. Русские в Монголии частично принимают маркер (семеновцы), не до конца понимая его сути.

¹ Михалёв А.В. «Русский квартал» Улан-Батора: социальные границы и классификационные практики // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. Оренбург, 1-5 июля 2009 г. Оренбург, 2009. С. 327-328; Пешков И. Гураны, семеновцы, местнорусские. Специфика идентичности и культуры забайкальских гуранов в Монголии // Россия в Монголии: история и современность. Улаанбаатар, 2008.

² Савченко С.Н. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы Гражданской войны (1918-1920) // Россия и АТР. 2007. № 4. С. 25-40.

Забайкальцы создают контрпамять как механизм адаптации перед травмой деказакизации: теперь уже зверства семеновцов являются мудрой (дальновидной) попыткой атамана защитить казаков перед будущими страданиями, а сами герои легенды осваиваются через общее происхождение (многочисленные истории о дружбе предков с семьей Семенова). Наиболее близки историческим фактам воспоминания переселенцев из Трехречья: зажатые между реальностью совместной жизни с историческими последователями Семенова и общим негативным советским стереотипом семеновца, их общественная память концентрируется на общечеловеческой драме Гражданской войны и на „мирных» аспектах жизни родителей в Маньчжурии (экономика, религия, отношения с окружением)¹. С точки зрения просеменовских позиций эмиграции эта модель может показаться идеологически достаточно невинной, но в условиях советского восприятия Гражданской войны идея, что «все были одинаково жестокими», не была политически нейтральной и являлась не только однозначным вызовом общественному договору, но и смелой попыткой сохранить определенную автономию. В сущности, наперекор советскому стереотипу казаки из Трехречья и их потомки позиционируют себя как абсолютно мирную и политически пассивную группу, которая была инструментом японской политики и стала жертвой советских и китайских репрессий².

В этом контексте память о Семенове — живая, яркая и достаточно важная для идентичности Восточного Забайкалья. Сама фигура атамана играет очень интересную роль несмотря на то, что попытки общественной реабилитации и включения его имени в символическое пространство не увенчались успехом, а принесенный в Россию дискурс казачьей эмиграции не смог смягчить негативных оценок его действий. Вытесненная фигура атамана постоянно появляется в самых неожиданных моментах и местах: на почтовой марке, в конкурсе «Великие люди Забайкалья» (в 2009 г.), на сайте приаргунского погранотряда (фотография атамана размещена по соседству с текстами о героической борьбе советских пограничников с диверсантами из Маньчжурии).

Советскую версию усиливают и абсолютно постсоветские культурные процессы. Так, триумфальное возвращение фигуры Колчака в региональном (Сибирь) и общефедеральном контексте как «утонченного европейца, несущего свой крест в Сибири» приводит к усилению негативных оценок «атаманщины» как деструктивного

¹ Кайгородов А.М. Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) // Сов. этнография. 1970. № 2. С. 144-145.

² Тарасов А. Русские в Китае // Эксперт Сибирь. 2007. № 31. 27 авг.

явления уже белого движения. Развивающаяся благодаря интернету индустрия воспоминаний о советском периоде также приводит к воспроизводству советских мифологем о „семеновцах” в позднем СССР и МНР. Можно говорить о негативном консенсусе, в типично советском стиле фиксирующем внимание на фигуре атамана, несмотря на оценки его деятельности. Это создает конгломерат ретроспективных дискурсов, где рассказы о реальном опыте (сторонников и противников Семенова) смешиваются с официальными и неофициальными мифами. Многослойность взаимоисключающих историй создает эффект общественного присутствия и важности исторического явления.

В дискурсах с более высоким уровнем легитимизации второй, не менее важной, перспективой является включение русских из Трехречья в рассказ об аграрных сообществах, не имеющих советского опыта. Эти «русские атлантиды» являются важным элементом национального самоосознания и свойственным русской культуре практик внутренней ориентализации¹. Не имеющие советского опыта группы деревенских русских, живущие вне России, воспринимаются как резервуар традиции, вариант этнографического холодильника, сохраняющего полуживые культурные формы свежими. Этот дискурс интересен не только непосредственной связью с советской моделью краеведческого музея, но и его параллельным и автономным расположением по отношению к дискурсу политической стигматизации. В рамках этой перспективы «хранители» почти вневременны, их изоляция абсолютизируется, социальный опыт перечеркивается. В случае с Китаем, несветская социалистическая модернность не воспринимается постсоветским сознанием, привязанным к противопоставлению западной и восточной (советской) модерности. В отличие от дискурса стигматизации, дружественная дистанция вписана в эту структуру самой дискурсивной логикой². «Хранители» не могут стать «нами», но, может быть, в какой-то степени — «нашими». Сила этого дискурса состоит в способности временного выключения политической и стигматизирующей модели восприятия для более мягких форм экзотизации³.

Ретроспективная ориентация, доминирующая в этнографических текстах о Трехречье, не совсем однозначна. Во-первых, она

¹ Bassin M. *Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century*// *American Historical Review*. 1991. № 3 (93).

² Курто О. Вы русские? Мы тоже. Или «Сидя на сопках Маньчжурии» // http://ricolor.org/rz/kitai/rossia/emigr/adaptation/11_09_09.

³ Аргудяева Ю.В. Русское население в Трехречье // *Россия и АТР*. 2006. № 4; Зенкова Т.М. К вопросу о традиционной культуре Трехречья // *Кузнецовские чтения: учен. зап. Вып. 1. Чита: Поиск, 2007*.

создает образ деполитизированного прошлого, идя наперекор ожиданиям общества. Кроме того, эмпирическая база этого дискурса не так проста, как кажется на первый взгляд. Хранители памяти русского Трехречья в большинстве своем – новое сообщество потомков русско-китайских православных семей, равнодушно или даже недоброжелательно относящихся к казакам и их потомкам. В этом случае память о казачьем Трехречье формулируется другим сообществом. Кроме этого, специфика травматического опыта культурной революции в регионе привела к формированию ретроспективной модели идентичности: когда основным маркером этничности в условиях акультурации является рассказ о русском прошлом и демонстрация следов этого прошлого. На первый взгляд, в этом случае ретроспективные ориентации исследователей и респондентов совпадают. Проблема состоит в том, что стороны диалога восстанавливают разное прошлое: для российского общества важен период до 1945 г., для китайских русских – период 1945-1966 гг.

В этой перспективе роль русского фронтального сообщества состоит во включении фрагмента китайской территории в национальную географию. Память о символической и социальной русификации территории приоткрывает границу и в какой-то степени включает элементы китайской истории в историю региона. Следует заметить, что это включение происходит через противоречивый дискурс сохранения. Трехречье превращается, с одной стороны, в территорию культурной самообороны и производства образцов настоящей русской культуры, с другой – в пространство расовой и культурной деградации эмигрантов из Забайкалья. В этой перспективе, зажатые между дискурсом политической альтернативы и дискурсом сохранения, рассказы о прошлом приоткрыли границу, но не дали нам возможности увидеть ничего, кроме отражения проблем российского общества с прошлым соотечественников, не имеющих советского опыта.

Специфика памяти фронтальных сообществ: деполитизация прошлого и перспектива этнической жертвенности

Политизация фронтальных сообществ в официальных дискурсах СССР и КНР и их ключевая роль «распознанного субъекта» в восприятии советским обществом границы как зоны перманентного конфликта и опасности привели к более или менее спонтанному процессу изменения нарративных стратегий русских из Трехречья. Если с точки зрения советских людей восприятие этих сообществ

полностью политизировалось, практически исключая дискурс этнической солидарности, то в случае фронтирных сообществ можно говорить о противоположном процессе: деполитизации прошлого и акцентах на этническую солидарность с жителями России.

Забайкальские казаки и их потомки из Трехречья имеют достаточно серьезный послеманьчжурский стаж и многолетний опыт жизни в СССР. Группа достаточно эффективно адаптировалась к советским и постсоветским условиям, не теряя идентичности и сохраняя связь с транснациональной маньчжурской сетью, которая включает трехреченские и харбинские сообщества в Австралии, маньчжурских русских в Сан-Франциско и, в меньшей степени, избранные семьи из Китая и России. Кроме нескольких старших членов семей, рожденных в Забайкалье, маньчжурский опыт определил идентичность сообщества. Массовое перемещение трехреченских казаков в СССР происходило в 1945-1966 гг. в форме принудительного вывоза в советские лагеря в сталинский период, позже — репатриации с ограничением поселения до Северного Казахстана и Урала. После снятия ограничения на поселение во второй половине 1950-х гг. большинство переселяется к «своим» в Казахстан. Следует заметить, что опыт жизни в Китае и Казахстане является основным для идентичности группы. В 1994 г. 15 семей вернулось в Забайкалье в поселок Сенькина Падь рядом с Приаргунском. Сейчас все участники исхода перешли в Приаргунск и другие города, их дети постепенно разъезжаются по стране. Память группы концентрируется на счастливым детстве и юности в Трехречье и опыте «взрослого» участия в советской жизни. Первое постказачье поколение находится в идеологическом вакууме: оно одновременно отчуждено и от семеновского движения и от СССР. Короткий флирт с советской романтикой закончился сразу после репатриации в Казахстан. Люди, воспитанные в аграрной культуре начала века и принадлежащие к самой богатой группе в регионе, должны были найти себя в обществе, которое пережило сталинизм, войну и многолетнюю изоляцию. Кроме социального дискомфорта, связанного с неясным статусом, дефицитом и общей бедностью, на Родине их ждала сложная семантическая конструкция, которая во многом до сих пор определяет их статус в российском обществе — тень атамана Семенова. В советском Забайкалье черная легенда Семенова была маскировкой рассказывания, с одной стороны, и компенсирующим дискурсом — с другой. Переселенцы из Китая были вне этих советских игр — для них Семенов был реальным фрагментом жизни их родителей и символическим лидером казачьей эмиграции. Популярность советской версии и ее влияние на отношение институтов и общества приводит к импера-

тиву деполитизации биографий и семейной истории. Слова-ключи (Семенов, семеновцы, коллаборация с японской армией) вообще исключаются из словаря и центр тяжести переносится на общие нейтральные элементы воспоминаний: культура, русские модели жизни, церковь. Элементы запрещенного прошлого не исчезают до конца, но практически не выходят за пределы частного круга. Так, например, Г.М. Семенов и И.А. Пешков никогда не называются по фамилии, а только по имени-отчеству и т. д. Слишком большое количество «минных полей» и труднообъяснимых фактов собственной биографии заставляло группу попытаться выйти из диалога с обществом о своем эмиграционном опыте. Не имея советской социализации, группа не понимала перспективы стигматизации и справедливо считала, что реальность довоенного Трехречья с принудительной коллаборацией и достаточно сильным распространением просоветских позиций среди молодых не имеет ничего общего с образом зверского антикоммунизма и политического бандитизма. Проблема состояла не в конфликте исторических фактов, а в реальных возможностях защиты от советского мифа, которому нельзя противопоставить историю, построенную на других точках отсчета. Группа приняла направление деполитизации прошлого и проигнорировала потребности общества видеть „настоящих семеновцов”.

Нарративы о прошлом современных русских Трехречья имеют абсолютно другую структуру и точки отсчета. Сегодняшние русские Внутренней Монголии — это потомки смешанных браков русских крестьян-старожилов с китайцами, монголами и даурами или потомки самых бедных семей, не способных уехать из Китая. Из-за неграмотности старшего поколения и китайского образования младшего группа не участвует в российской исторической мифологии¹. Базой их исторической памяти является устная версия их истории, состоящая из декларации о русском происхождении и трех травмах сообщества, которые можно представить по нарастающей: Гражданская война и голод в Забайкалье, японская оккупация и «культурная революция». Во всех трех случаях группа старается сохранять дистанцию от событий, не принимает позицию ни одной из сторон конфликта и воспринимает себя как пассивную жертву. В своей оценке группа является пассивным наблюдателем трагических событий. Это касается и «культурной революции» — основного события в ее истории. В течение «черного десятилетия» сообщество подвергалось физическому и психическому насилию, а также запретам употребления русского языка (даже внутри семьи) и ограничениям религиозной жизни. Нарративы об этом периоде

¹ Башаров И.П. Указ. соч.

являются очень важным элементом идентичности сообщества. Перед нами встает образ огромной цены, которую заплатило сообщество за свой этнический статус и фронтирную лояльность Родине. На примере воспоминаний о «культурной революции» особенно заметна тенденция к этнилизации политических проблем группы. Позиционируя себя как часть русского мира, группа рисует образ глобального этнического конфликта, в котором китайцы сознательно уничтожают русских по этническому признаку. «культурная революция» приводит к парадоксальной ситуации, когда остановка трансляции базовых культурных навыков младшим поколениям (окитаевание) сопровождается усилением русской идентичности и статуса сообщества в регионе. Группа выстрадала свое право быть русскими, но одновременно потеряла возможность воспроизводить себя как русскую в какой бы то ни было форме. Это приводит к ее поколенческой поляризации и ретроспективным моделям идентичности у старшего поколения. Как двуликий Янус, группа состоит из немногочисленной прослойки «настоящих русских их Трехречья» и китайско-ориентированного большинства, абсолютно выпадающего из поля зрения исследователей. Роль старшего поколения трудно переоценить — не будучи в состоянии остановить процесс акультурации, оно создает контекст, в котором дети и внуки останутся русскими, даже если для жителей РФ они ничем не отличаются от китайцев. Это контекст перманентной жертвы за культурную лояльность России. Жертвы, которая после «культурной революции» не прекращается, но только принимает более утонченные формы. В этой перспективе китайская акультурация часто представляется как продолжение этнической агонии русского сообщества.

Старшая часть сообщества имеет достаточно большой опыт общения с российскими учеными и журналистами и идеально подстраивается под ожидания российской стороны. Только ретроспективная ориентация и дискурс этнической жертвы могут создать контекст, в котором сообщество будет русским не только для китайцев, но и для россиян. Следует отметить, что изначальный синкретический характер культуры сообщества немного меняет перспективу этнической жертвы. Статус главного русского сообщества, достигнутый к середине 1960-х благодаря своеобразной риторике национальной асимметрии (национальность и культура русского родителя становится точкой отсчета) и ухода большинства русских из Трехречья, не отменял связи с китайской культурой. Только в случае массового употребления китайского языка как второго родного (уровень которого варьировался от семьи к семье) переход детей на китайский был в какой-то степени есте-

ственным в условиях запрета на русский язык. Без этого контекста истории о быстром переходе обычной русской деревни на китайский язык с отказом от русского становятся абсолютно фантастическими. Попросту китайская составляющая культуры сообщества вышла из тени, что привело к потере культурного равновесия у младших поколений в пользу китайских компонентов. В отличие от репатриантов, русские Внутренней Монголии пока только постепенно открывают для себя постсоветскую Россию. Дискурс политической стигматизации для них абсолютно непонятен: казачье Трехречье осталось в далеком прошлом, и сообщество с ним почти не связано. Зато дискурс сохранения прекрасно сочетается с ретроспективным характером идентичности старшего поколения, а статус хранителей русской культуры идеально отвечает потребностям и возможностям группы. Следует заметить, что одновременно с уходом старшего поколения российское общество неизбежно столкнется с абсолютно неизвестным сообществом, русский характер которого проявляется в китайском культурном поле и через категории китайской культуры (кроме религиозных аспектов). Это встреча может показать не только инструментальный и иллюзорный характер дискурса сохранения, но и шокирующий для российского сознания пример создания локальной русской субкультуры на базе абсолютно чужих культурных и языковых полей.

Коммуникативная жертвенность: дискурс фронтальной лояльности

Интересным явлением, смягчающим дискурсы конфронтации (советский и эмиграционный), является выход из тени историй о судьбах сотрудников советской разведки в регионе. В исторической прозе, воспоминаниях и рассказах респондентов из Китая российскому сообществу предлагается рассказ о трагической судьбе русских эмигрантов, преданных советскому государству¹. В перспективе постсоветской модели восприятия границы этот дискурс имеет огромное символическое значение и силу. Во-первых, он основан на реальных (или правдоподобных) событиях и выводит историю Трехречья из «белой» перспективы, объединяющей советскую и эмиграционную версию. Во-вторых, возможность его появления как общественного явления связана с переоценкой советского опыта и отхода от черно - белых советских и антисоветских версий. В-третьих, этот дискурс более эффективно блокирует демонизацию группы. Фронтальная лояльность России в любой

¹ Апрельков В. За рекой – Россия / В. Апрельков // Батюшка Забайкал, М.: Граница, 2009; Перминов В. Наказание без преступления. Чита: Поиск, 2008.

форме — это единственный способ перейти «советскую границу» для стигматизированного эмигрантского сообщества. Новые герои сообщества гораздо понятнее и эффективнее старых (атаманов, сотрудничавших с японской армией). Их выбор СССР (России) показывает не только разнообразие судеб эмиграции, но и создает образ сообщества, преданного Родине в тяжелых условиях эмиграции и силой втянутого в конфронтацию. Этот дискурс во многом показывает постепенное притирание российского сообщества и групп, связанных с русским Трехречьем. Вместо открытого диалога о прошлом мы наблюдаем попытки концептуализации фронтальной зоны как пространства трудного выбора, в котором выбор родины трагичен, но единственно возможен. Трагедия лояльности наперекор собственному опыту, окружению и семье создает образ жертвы, искупающей первородный грех эмиграции из СССР и сотрудничества с его врагами. Смерть от рук японской контрразведки или несправедливое отношение к патриотам со стороны НКВД включает сообщество в трагический советский опыт страданий за страну и незаслуженного наказания со стороны сталинской машины репрессий.

Этот новый вид героев (жертв) является очень интересной попыткой выйти за пределы конфронтации, включить жителей региона в постсоветский нарратив и показать фронтально-геополитическую лояльность группы. Несмотря на его историческое правдоподобие, дискурс о новых героях имеет ярко выраженную риторическую направленность: показывая кровь, пролитую за СССР, или «неблагодарность» со стороны НКВД, он перечеркивает тем самым вину Гражданской войны и создает новую историю группы, приемлемую и понятную для постсоветской России. Новые герои включают регион в советское прошлое, основное для памяти и точек отсчета постсоветской России. Несмотря на определенную моральную неоднозначность (репрессии 1945 г. против жителей региона во многом опирались на агентурные данные), эта перспектива идеально подходит к современному российскому восприятию истории, в котором при распространенных симпатиях к белой гвардии считается, что после окончания Гражданской войны истина была на стороне СССР. Дискурс фронтальной лояльности показывает реальные механизмы преодоления социальной смерти и политической стигматизации. Дорога в современную Россию для фронтальных сообществ ведет через примирение с СССР. Общество не готово к конфронтации с альтернативными моделями политической идентичности и с антисоветским русским патриотизмом, не говоря уже о коллаборации с Квантунской армией. В связи с этим можно предположить, что только дискурс фронтальной лоя-

яльности будет в состоянии начать процесс включения русских сообществ Китая в российский социум до момента ослабления советского контекста восприятия истории региона.

Заключение

Перспектива анализа восприятия фронтального сообщества как элемента советской концептуализации границы (как пространства конфронтации с врагами и инструмента защиты страны от внешних сил) дает возможность показать востребованность советских мифологем в современном российском обществе. Несмотря на трансформацию приграничных районов Восточного Забайкалья в относительно открытое трансграничное пространство, советский опыт закрытой границы во многом сохраняет свое влияние. Это проявляется в сложных моделях восприятия опыта культурного освоения Трехречья выходцами из Забайкалья. Современные формы восприятия фронтальных сообществ региона во многом показывают приоритеты современного российского общества: общественную легитимизацию советских институтов, неприятие китайской модели социалистической модерности и асимметрический характер гражданского примирения, основанный на априорном отождествлении России и СССР. Это показывает не только сложное восприятие российско-китайских приграничных районов как пространства возможного обострения, но и трудности восприятия несветского опыта и альтернативных советским политическим и культурным идентичностей современным российским обществом. Достаточно сложные семантические аспекты истории российско-китайской границы показывают, что советский опыт границы-бастиона сохраняется в латентной форме в массовом сознании и проявляется не только в проблемах с восприятием российских приграничных сообществ, но и в настороженном отношении ко всему, что приходит из-за невидимых советских рубежей.

Сибиряки? Поляки? Соотечественники? О факторе исторической родины в жизни современных жителей деревни Вершина

Международные скандалы районного масштаба

25 мая 2005 г. иркутское представительство Министерства иностранных дел РФ направило в Генеральное консульство Республики Польши в Иркутске ноту по факту неправомερных действий вице-консула Вальдемара Ковальского, которые были расценены как вмешательство во внутренние российские дела.

Согласно информации газеты «Коммерсант», ситуация заключалась в следующем. «15 апреля во время поездки в поселок Вершина Боханского района Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (УОБАО) вице-консул принял участие в разрешении имущественного конфликта между группой жителей и руководством крестьянского хозяйства ООО «Вершина». Перед посещением деревни, населенной этническими поляками, Вальдемар Ковальский встретился с первым заместителем главы администрации УОБАО Виктором Богдановым. В ходе беседы дипломат заявил, что «генконсульство своих поляков в обиду не даст», хотя жители Вершины являются гражданами России»².

Более подробно рассказало о происшествии иркутское телевидение, включив в репортаж небольшое интервью с Виктором Богдановым, из которого следовало, что польский дипломат в беседе с местным чиновником позволил себе некорректные высказывания: «Почему вы якобы обижаете наших поляков. Вот якобы у них нет связи, чуть ли нет света, там дороги и так далее. Я говорю, что они не ваши, они граждане России, здесь родились и живут, и скорее наши, а не ваши, он говорит, что они нашей национальности. Но для нас все одинаковы. У нас там рядом в деревнях живут и татары, и русские, и буряты, и все находятся в одинаковых условиях»³.

Генеральное консульство Польши в Иркутске признало факт неправомερных действий Вальдемара Ковальского и принесло

¹ Галеткина Наталья Геннадьевна – магистр этнологии ЕУСПб, преподаватель кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала государственного университета – Высшей школы экономики.

² Вице-консул Польши неправомерно вступился за поляков // Коммерсант. 2005. № 94. 26 мая

³ Польское консульство извинилось за то, что вмешалось в дела граждан России // http://www.vesti.irk.ru/novost_dnya/2005/05/26/20399/.

свои официальные извинения за случившееся. На дипломата было наложено дисциплинарное взыскание¹.

Я не буду сейчас говорить о сути внутривластных конфликтов, в который вмешался незадачливый польский дипломат, так же как и о том, насколько реальным, а насколько надуманным было само это вмешательство. Для меня в данном случае наиболее важна фраза, сказанная относительно жителей Вершины: «они, скорее наши, а не ваши». Так «чьи» же вершининцы и почему каждая из сторон считает их «своими»? Почему, вообще, возникает подобный вопрос и в чем суть конфликта?

Ясно, что в разговоре о жителях Вершины каждая из сторон имеет в виду разные аспекты их идентичности. Для вице-консула вершининцы — «свои» в силу их польского происхождения, для местного чиновника они — «наши», потому что здесь родились, здесь живут и являются российскими гражданами. Получается, что этничность противопоставляется гражданству, «наши поляки» — «нашим гражданам». То есть люди говорят о совершенно разных, не противоречащих друг другу вещах. Казалось бы надо разобраться с терминами и оснований для конфликтов не будет. Однако не все так просто.

При более внимательном взгляде на ситуацию становится понятно, что дело не только в терминологической путанице. Представим, что подобный случай произошел в какой-либо другой стране, и российский консул выступил в защиту местных граждан русского происхождения, права которых, на его взгляд, ущемлялись. Как на это отреагировали бы местные власти? Какой бы была реакция защищаемой группы? Здесь возникает и проблема разделения властных полномочий между представителями двух государств, и вопрос лояльности данной группы, с одной стороны, к стране, гражданами которой они являются, с другой — к своей «исторической родине».

То есть значение этого случая выходит далеко за рамки небольшой сибирской деревни. Он выводит нас на проблему, возникающую везде, где имеется компактная группа граждан определенного государства, связанная своим происхождением и этнической принадлежностью с другой страной, которая рассматривает их как своих «соотечественников». Таким образом, эта проблема предполагает, как минимум, три взаимодействующие стороны: данную группу, развивающуюся в отрыве от основного этнического массива, страну происхождения и страну проживания. Взаимоотношения между сторонами этого треугольника образуют множество разнообразных ситуаций. Некоторые из них и рассматриваются

¹ Дипломат получил взыскание // <http://www.vsp.ru/social/2005/05/26/433361>.

в данной статье на примере сибирской деревни Вершина, образованной польскими переселенцами начала XX в., прибывшими сюда в рамках реализации столыпинской аграрной реформы.

Спустя год после описанного выше инцидента Вершина и Генеральное консульство Республики Польша в Иркутске снова оказались в центре внимания СМИ. На этот раз поводом для «международного скандала» стало торжественное мероприятие по установке в деревне мемориальной доски, изготовленной по инициативе и на средства бизнесменов из Польши. Мемориальная доска увековечивала память репрессированных жителей Вершины и гласила (надпись сделана на польском языке): «Мать поляков Польша не забудет своих сынов и дочерей, где бы они ни жили, работали, страдали, погибали. Памяти 30 жителей Вершины, расстрелянных НКВД 19 февраля 1938 года, реабилитированных в 1957 году. Пусть покоятся в мире! Честь их памяти!»

Недовольство местных властей вызвал не акт коммеморации, а то обстоятельство, что подобное массовое мероприятие, в котором участвовало более 100 человек, включая представителей другого государства, не было должным образом согласовано с ними. О событии не было заранее проинформировано и представительство МИД РФ в Иркутске.

Вероятно, никакого скандала и не возникло, если бы Вера Батюрова, глава муниципального образования «Шаралдай», в ведении которого находится деревня Вершина, не обратилась к главе Боханского района Николаю Петрову с докладной запиской. В ней она сообщила о прошедшем в Вершине мероприятии, подчеркнув, что в нем участвовал генеральный консул Польши в Иркутске, представители католической церкви, но при этом не было «соответствующих письменных согласований, хотя представители польской стороны заверили Батюрову в том, что все необходимые согласования у них имеются». Николай Петров, глава администрации Боханского района, в свою очередь, сообщил о данном факте в представительство МИД РФ в Иркутске, а МИД направил ноту в Генеральное консульство Польши»¹.

Для понимания сути конфликта я процитирую еще один фрагмент из газетной публикации. «Вера Батюрова (...) рассказала, что в Вершину часто идут полные автобусы с польскими туристами, и все они проезжают мимо администрации, никого не ставя в известность. Однако на открытие мемориальной доски Веру Батюрову пригласили, и она, поверив словам ксендза Анджея Шевчива о

¹ Улыбина Ю. Боханский район стал центром международного скандала // СМ Номер один. 2006. № 45. 16 нояб.

том, что все согласования получены, даже выступила на торжестве с приветственной речью.

По словам Батюровой, представители католической церкви часто не выполняют своих обещаний. Даже после того, как католическому приходу был передан костел в Вершине, заверения отремонтировать мост, идущий от деревни, так и остались заверениями. Также неоднократно представители польского консульства и католической церкви обещали издать книгу об истории Вершины, написанную ее жителем Валентином Петшиком. (...)

Что касается мемориальной доски, Вера Батюрова считает, что людям она, безусловно, нужна, хотя в Дундае есть доска, посвященная репрессированным русским, бурятам, полякам... Всем. В то же время глава администрации чувствует себя обманутой и признает, что она, как представитель местной власти, должна была потребовать письменных согласований¹.

Складывается впечатление, что глава местной администрации выплескивает накопившееся раздражение, ставя в один ряд и невыполненные обещания представителей католической церкви, и слишком независимые действия польского консульства (мысль о неправомерности отождествления церковных и государственных структур у нее даже не возникает), и факт собственного участия в «несанкционированной акции». Но всё это говорит не столько о самом эпизоде с мемориальной доской, сколько о том, что активные контакты Вершины с «исторической родиной» выходят из-под контроля местной власти. Они попросту проходят мимо нее, подобно тому, как проезжают мимо здания администрации автобусы с польскими туристами. В том треугольнике, который образует обозначенная выше проблема «соотечественников», одна из сторон, а именно — страна проживания в лице местных властей, чувствует себя обделенной, вытесненной из общей коммуникации.

В этой ситуации есть еще один аспект, который, возможно, не относится к основным причинам конфликта, но тем не менее является дополнительным раздражающим фактором. Поскольку в большинстве своем представители Шералдаевской администрации не являются потомками польских переселенцев, то подобное недовольство облекается порой в этнически окрашенное противопоставление «этих поляков» «этим бурятам/этим русским». Понятно, что на официальном уровне такой дискурс не ведется.

Каким же образом произошло «вытеснение» местных властей из взаимодействия вершининских поляков и их исторической родины? Ведь 20 лет назад именно с подачи представителя местной

¹ Там же.

власти, бурята по происхождению, прозвучал призыв к польским организациям «поддержать соотечественников» в Вершине.

Как это было...

Вот как вспоминает о своей первой встрече с деревней и с председателем местного сельсовета Л.Р. Мантыковым священник о. Игнацы Павлусь, бывший на тот момент времени (1991 г.) настоятелем иркутского католического прихода.

«Главу администрации обрадовало мое решение начать пастырскую работу в Вершине. Он готов был сотрудничать со мной в том, что касается нравственного и духовного возрождения народа, и надеялся на скорое восстановление вершининского храма. У него было также предложение к журналистам: “Попробуйте заинтересовать своих читателей и польские власти судьбой поляков из Вершины. Сделайте все возможное для привлечения их внимания и пробуждения желания оказывать помощь соотечественникам. Помощь из Польши будет только способствовать развитию Вершининской школы. Пусть станет она образцом для региона. Польша имеет опыт и ресурсы помочь нашим земледельцам и скотоводам. Будет здорово, если ваша страна прославится в нашем районе”¹.

Вскоре после этого в жизни деревни произошло много важных событий, которые расценивались российскими и польскими СМИ как свидетельство «национально-культурного возрождения». Это — реставрация и открытие деревенского костела, введение в программу местной начальной и средней школы факультативного изучения польского языка, приезд учительницы из Польши, обучение местной уроженки в Гданьском университете.

Во всех перечисленных случаях инициатива исходила от главы сельской администрации. Решения же о реализации его идей принимались на уровне местных властных структур: правления колхоза, сельсовета, районо, райисполкома, окружкома и обкома КПСС и ВЛКСМ. Практическая помощь из Польши позволила осуществить все это в довольно сжатые сроки. Таким образом, начало 1990-х дало успешный пример взаимодействия местных властей с представителями исторической родины вершининских поляков.

Контакты Вершины с Польшей активизировались в это время преимущественно через официальные каналы, хотя параллельно набирал рост и поток приезжающих в Вершину неофициальных польских гостей — туристов, журналистов, студентов, исследователей. Отношение к ним местных жителей я прекрасно помню по опыту собственного знакомства с Вершиной, которое произошло

¹ Павлусь И. Путь в Вершину и путь Вершины // Тальцы. Иркутск. 2005. № 4. С. 63.

в 1991 г. во время поездки с иркутскими архитекторами, работавшими над проектом реставрации здания местного костела. К тому моменту я знала о Вершине из газетных публикаций, как о «польской деревне», хотя также приходилось встречать мнение, что ее польская самобытность сильно преувеличена. Поэтому интересно было посмотреть на деревню и ее жителей собственными глазами.

На первый взгляд, поселение внешне ничем примечательным не выделялось: такие же дома, как в соседних русских деревнях, та же непролазная грязь на улице во время дождя. Однако знакомство с жителями произвело иное впечатление. Зайдя в местный магазин, мы услышали, что находившиеся там люди разговаривали между собой по-польски (или, по крайней мере, на таком языке, который со стороны можно было назвать «польским»). Характер их общения не оставлял сомнений, что этот язык выступает здесь в качестве средства повседневного общения, а не является лишь элементом фольклорных праздников.

Немного позже, проходя по деревне мимо строящегося дома, мы вдруг услышали обращенное к нам польское приветствие и вопрос, не из Польши ли мы приехали. Спрашивал один из мужчин, работавших на крыше. Услышав отрицательный ответ, он сказал: «А, ну, ладно, были б с Польши, мы бы слезли с крыши, а так будем дальше работать». Люди были настроены приветливо, однако этот диалог дал ясно понять, что здесь существует некая иерархия гостей, в которой мы занимаем не самое высокое место; что «свои» — это прежде всего поляки, пусть даже незнакомцы, но приехавшие из Польши и говорящие по-польски.

Одна из моих собеседниц, у которой я брала интервью во время полевых исследований в 2005 г., вспоминает, как встречали польских гостей в начале 1990-х: *«Много раз, по первости, приезжали поляки с Польши. Но как было их встречать? (...) Жили то не очень богато. Ну я что — по деревне: “Женщины, что есть у вас? Несите все”. Кто бутылку, кто картошек, кто что мог. И всегда столы накрыли, всегда их потчевали, как надо. Сообща, всей деревней. Ну, а сейчас уже видите как — дом купили, там в доме всё прилично уже сделали, купили. Сами видели, какой прекрасный хороший дом. Вот уже поляков встречаем там»* (ж, 1935, ПФ2)¹.

Новое помещение, упоминаемое информанткой, это — так называемый Польский дом, сочетающий в себе функции культурного представительства Польши, деревенского клуба и места собраний национально-культурного общества. Его появление непосред-

¹ В круглых скобках после цитаты из интервью указывается пол и год рождения информанта, а также номер полевой фонограммы в архиве автора.

ственным образом связано с учреждением в Вершине и деятельностью польского культурного общества «Висла».

Первые попытки создать подобную организацию предпринимались в 1993 г., но тогда они не увенчались успехом. Однако с увеличением потока польских туристов и представителей благотворительных организаций с эксплицитно выраженным желанием помогать вершининским полякам, необходимость в официально зарегистрированной структуре, которая бы координировала эти контакты, намного возросла.

Одна из непосредственных участниц создания общества вспоминает: *«Тогда, в принципе, даже не столько мы, сколько была такая ситуация, что нужно было это общество. Тогда и всё больше поляков приезжало. Говорили — давайте, тут соберитесь, даже можно было бы вам как-то и помочь, но когда нет официальной организации, то всё сложно»*. На мой уточняющий вопрос: *«То есть вы создали общество именно для того, чтобы была какая-то структура, чтобы можно было связи с поляками поддерживать?»* — она отвечает: *«Не только поэтому. В нашем обществе есть устав, где написано, чем мы занимаемся. Основная цель этого общества — сохранение национальной самобытности у жителей села Вершины. Что вот мы сами решаем свои вопросы, там какие у нас права и обязанности, всё это. Ну, и, между прочим, тоже связь с Польшей. Какая-то там, может быть, поддержка или поездки»* (ж, 1972, ПФ1).

Тезис о связи между ростом числа поляков из Польши, посещающих Вершину, и учреждением здесь польского культурного общества встречается и в других интервью, а также в публикациях в прессе¹.

В марте 2002 г. усилиями небольшой группы энтузиастов была зарегистрирована Усть-Ордынская окружная общественная организация «Вершининское польское культурное общество “Висла”». Для достижения главной цели — «самостоятельного решения вопросов сохранения национальной самобытности российских граждан польского происхождения» его устав предусматривает выполнение нескольких видов деятельности. Среди них как просветительские и исследовательские (изучение, сохранение, развитие польского языка и традиций; исследование и публикация материалов о жизни и деятельности поляков и пр.), так и вполне прагматические задачи (например, «укрепление деловых и дружеских связей с гражданами Республики Польша и поляками, проживающими на территории других государств»)².

¹ См., например: Фигура В.М. Польское культурное общество «Висла» // Тальцы. Иркутск. 2005. № 4. С. 27.

² Там же. С. 28.

Таким образом, появилась официальная структура, с которой теперь могли взаимодействовать польские благотворительные организации и фонды, оказывавшие до сих пор поддержку жителям деревни лишь в рамках «гуманитарной помощи». Одним из следствий такого взаимодействия стало открытие в Вершине 18 июня 2005 г. Польского дома, приобретение и обустройство которого финансировала варшавская общественная организация «Польское содружество» («Wspólnota Polska»).

К этому моменту большую роль в организации и поддержке контактов между Вершиной и Польшей играло Генеральное консульство Республики Польши, открытое в Иркутске 23 марта 2004 г. Оно стало своего рода проводником специальных программ польского правительства по поддержке соотечественников за рубежом и, в частности, «поляков на Востоке» (устойчивое выражение, применяемое для всех лиц польского происхождения, проживающих на бывшей территории СССР). Эти программы включают в себя содействие в получении польской визы для посещения исторической родины, организацию краткосрочных ознакомительных поездок в Польшу, а также долгосрочных образовательных проектов, которыми могут воспользоваться молодые люди польского происхождения для получения среднего и высшего образования в польских учебных заведениях. С марта 2008 г. «поляки на Востоке» имеют право на получение так называемой Карты поляка. Это — особый документ, «подтверждающий принадлежность к Польскому Народу»¹ и дающий его обладателю многочисленные льготы при получении польской визы, трудоустройстве и предпринимательстве на территории Польши, доступе к образованию и здравоохранению и пр.

Таким образом, общая картина и модель отношений вершинских поляков с «исторической родиной» к 2000-м гг. трансформировалась. Если в самом начале 1990-х эти взаимоотношения развивались по инициативе и при активной поддержке местных советских и партийных властей, то к концу десятилетия конфигурация главных действующих лиц изменилась. Партийные структуры были отстранены от руководящей роли в силу общего вектора развития страны. Влияние местных государственных структур на сложившиеся и развивающиеся контакты также неуклонно уменьшалось. Одновременно с этим тот элемент стихийности, который существовал параллельно официальным каналам и проявлялся в приездах польских журналистов и туристов, к началу 2000-х все более входил в новые организационные рамки. На первый план

¹ Информация о Карте поляка взята с официального сайта Генерального консульства РП в Иркутске. <http://www.irkuck.polemb.net/index.php?document=66>.

выдвигались не российские, а польские официальные и общественные организации, через которые отныне и шел поток гостей из Польши в Вершину. Непосредственные контакты с ними стали главным фактором актуализации «польскости» в местном сообществе и развития местной инициативы, что проявилось, в том числе, и в создании польского культурного общества «Висла».

Вершина — Польша: двустороннее движение

Во время полевого исследования летом 2005 г. тема взаимоотношений жителей Вершины с приезжающими в деревню гостями из Польши была одной из тех, которым я придавала первостепенное значение, что нашло отражение и в вопросах интервью. Но и помимо записанных бесед материала оказалось немало, поскольку визиты польских гостей стали частым явлением в жизни деревни. Достаточно сказать, что за две недели моей работы в деревне там побывали три организованные группы и несколько самостоятельных туристов. Рассмотрим подробнее, что это за люди и почему они едут в Вершину. Здесь можно выделить несколько различных категорий.

— «Туристы». Они приезжают в Сибирь через туристическую фирму организованной группой либо в индивидуальном порядке, но в любом случае их маршрут определяется посещением озера Байкал. Поездка в Вершину и знакомство с местными поляками выступает в данном случае как экзотическое дополнение к стандартной туристической поездке.

— «Благотворители». Эти люди представляют помогающие Вершине польские организации («Польское Содружество», Общество помощи полякам на востоке «Крэсы», «Общие корни» и др.) и зачастую наделены контрольно-инспектирующими полномочиями. Маршрут этих групп обусловлен не природными достопримечательностями, а местами компактного проживания поляков в Сибири.

— «Специалисты». К их числу я отношу журналистов, писателей, исследователей, приезжающих в Вершину с целью сбора материала о жизни местных поляков. Именно они формируют образ деревни, который получает распространение в польских СМИ.

— Официальные делегации, в состав которых помимо польских политиков и чиновников могут входить и представители двух вышeperечисленных групп (члены благотворительных организаций и журналисты). Обычно визит в Вершину является одним из пунктов более широкой программы их пребывания в Иркутске (например,

участие в Днях культуры Польши или в Байкальском экономическом форуме).

— «Родственники». Они приезжают по частному приглашению конкретных жителей Вершины. Первые подобные визиты, как из Польши в Вершину, так и в обратном направлении, были разрешены в 1960-е гг. после нескольких десятилетий отсутствия всяческих связей. Естественно, тогда эти поездки сопровождалась строгим контролем со стороны советских и партийных органов и были сопряжены с преодолением многочисленных бюрократических препонов.

Все гости из Польши в обязательном порядке посещают местный костел, кладбище, кабинет польского языка в школе и Польский дом. Для тех, кто приезжает в деревню не на один день, устраиваются вечерние посиделки у костра на берегу местной речки.

Контакты Вершины и Польши не ограничиваются односторонним движением польских гостей в Вершину, поскольку жители деревни, начиная с 1990-х годов, также активно выезжают в Польшу. До этого времени подобные поездки были делом крайне редким и индивидуальным. Лишь несколькими вершининским полякам удалось в 1960-80-е посетить своих зарубежных родственников. В последующее десятилетие такие визиты происходили гораздо чаще.

В 2000-е гг. возрастает число поездок иного рода: не индивидуальных, совершавшихся в частном порядке, а групповых. При организационной и финансовой поддержке представителей Генерального консульства Республики Польша, Католической церкви, польских благотворительных организаций многие вершининцы впервые в жизни получают возможность съездить в ознакомительную поездку по Польше, а также отправить туда своих детей на отдых во время школьных каникул.

«Мы вообще-то ездили по всей Польше. Там нам, ну, как туристам, показывали самые такие места. (...) Деньги в одну сторону мы заплатили, нам их вернули, не все, правда, вернули, но все равно, большую помощь нам оказали. Потому что на свои деньги мы бы не смогли съездить. Тем более, мы сейчас уже на пенсии. Откуда деньги такие взять?

Вопрос: В этой группе из Вершины все были?

Ответ: Нет. Отсюда нас семь человек было. Остальные — с Иркутска, из Усолья, с Читы, с Улан-Удэ. Двадцать с чем-то человек нас ездило тогда (ж, 1935, ПФ2).

Поездка, о которой рассказывает информантка, была организована и профинансирована польским благотворительным фондом. Группа, в состав которой она попала, включала не только вершининских поляков, но и жителей других сибирских поселений,

где имеются многочисленные группы польского происхождения, а также действуют польские национально-культурные общества. Таким образом, жители Вершины воспринимаются польской стороной (общественными и правительственными организациями, частными лицами) как часть сибирской Полонии, на основании чего им и оказывается поддержка.

Говоря о посещениях вершинцами Польши, особо следует сказать о долгосрочных образовательных поездках. Польское происхождение при наличии подтверждающих его документов дает молодым жителям Вершины право участвовать в специальных образовательных программах польского правительства. При условии прохождения отборочных тестов они могут бесплатно обучаться в средних и высших учебных заведениях Польши.

Самой первой польской студенткой из Вершины стала Людмила Фигура, которая начинала свое обучение на отделении польской филологии Гданьского университета еще на колхозные деньги, а заканчивала его уже на средства польского правительства. Вернувшись в Вершину в 1995 г., она начала преподавать польский язык в местной начальной школе и в средней школе соседней деревни Дундай.

Спустя несколько лет еще две уроженки Вершины решили участвовать в польской образовательной программе. С 1998 по 2002 г. они учились в техникуме г. Мышков на отделении экономики. Правда, по возвращении домой девушки столкнулись с проблемой трудоустройства и не смогли найти работу по специальности. В подобной же ситуации оказалась и другая вершинская жительница, закончившая техникум в г. Конин. Еще четверо уроженцев Вершины (две девушки и два юноши) поступили в польские университеты. На момент проведения исследования в 2005 г. одна студентка завершила обучение на экономическом факультете Люблинского университета, но вернулась не в родную деревню, а в областной центр, где ей предложили соответствующую полученному образованию работу. Остальные еще продолжали учиться в Польше.

В целом с 1998 по 2006 г. правом на образование в польских учебных заведениях воспользовались восемь вершинцев. Интересно то, что никто из них не был ориентирован на дальнейшее проживание в Польше. Все вернулись или собирались возвращаться домой (если не в Вершину, то, по крайней мере, в Иркутск). Одна из информанток на вопрос, почему не осталась в Польше, ответила: *«Не хотела. Всё равно, как говорится, где уже вырос, там... Как-то тянуло. Своя кровь уже тоже. Да и ... Муж уже будущий ждал дома, жених»* (ж, 1980, ПФ12). Любопытно, что выражение «своя кровь»

в данном случае соотносится не с этническим происхождением, а с локальной идентичностью.

«Польскость» жителей Вершины: взгляд изнутри и со стороны

В современных российских и польских СМИ Вершина репрезентируется как «польская деревня», а ее жители – соответственно, как поляки. В таких же категориях описывают деревню люди, проживающие в соседних с ней населенных пунктах. Что касается самих потомков переселенцев, составляющих большую часть населения Вершины, то они также характеризуют себя как «поляков». То есть в данном случае можно говорить о совпадении внутренних и внешних оценок этнической принадлежности рассматриваемой группы. Но что значит «быть поляком» в этом конкретном случае? В чем заключается «польскость» местных жителей? Ответы на эти вопросы не однозначны, поскольку зависят от того, кто спрашивает и кто отвечает.

В своем подходе к изучению «польскости» вершининских жителей я придерживаюсь концепции норвежского антрополога Фредрика Барта¹, согласно которой для понимания феномена этничности надо рассматривать те символические границы, которые появляются в ходе взаимодействия между рассматриваемой группой и другими сообществами. В первую очередь, меня интересуют процессы приписывания культурных характеристик рассматриваемой группе ею самой и извне, то есть что же сами вершининцы вкладывают в понятие «поляки», когда определяют себя подобным образом, что под этим подразумевают контактирующие с ними сообщества и в каких ситуациях это происходит. При этом на первый план выходит рассмотрение коммуникативных контекстов, в которых появляются те или иные этнодифференцирующие маркеры.

Одним из наиболее важных контекстов, в которых актуализируется польская идентичность жителей Вершины, является ситуация их взаимодействия с представителями «исторической родины». Влияние этого фактора на динамику этнической идентичности вершининцев неоднозначно. С одной стороны, внимание к ним именно как к полякам со стороны приезжающих из Польши гостей, постоянное выражение одобрения и даже восхищения фактом сохранения польского языка и польских традиций повышает самооценку вершининских поляков, укрепляет их этническое самосознание.

¹ Barth F. Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference* / Ed. by F. Barth. Bergen-Oslo: Universitets Forlaget; London: George Allen & Unwin, 1969.

Но, с другой стороны, более частые и интенсивные контакты с представителями Польши вызывают и обратный процесс: жители Вершины в большей степени, чем раньше, начинают осознавать свое отличие от «настоящих» поляков и оценивать собственную «польскость» с более низких позиций. Между местными и приезжающими поляками появляется все более осознаваемая дистанция. В образе «мы — поляки», объединяющем тех и других, все более выпуклыми становятся те черты, которые в то же самое время и разделяют их. Как ни странно, на первый план здесь выдвигается такой маркер групповой идентичности, как язык.

Идиом, существующий в Вершине, по мнению специалистов, формировался на базе двух региональных польских диалектов, на которых говорили переселенцы в начале XX в. — силезского и малопольского. Уже изначально он отличался от стандартного литературного польского языка. За почти столетнюю историю Вершины язык ее жителей испытал влияние русского языка, что в наибольшей степени проявляется сегодня в лексике и в наименьшей — в его фонетике. Но в данном случае самое интересное заключается в том, что разница между языковыми вариантами воспринимается их носителями по-разному.

Для поляков, приезжающих из Польши, именно язык вершинцев является тем явным знаком, который говорит им о «польскости» местных жителей. Именно факт сохранения языка «за тысячи километров от польской границы» и «почти 100 лет проживания вдали от родины» поражает их прежде всего. При этом они в первую очередь реагируют на знакомое звучание польской речи, делая вывод о «польскости» и «чистоте» здешнего языка, и меньше внимания обращают на заимствования из русского. Они говорят об отсутствии русского акцента в речи вершинцев и ориентируются в своих оценках на его фонетику. Различия между своим и местным языком гости из Польши расценивают как разницу между стандартным и региональным вариантами одного и того же польского языка.

Вершининцы же, обращая преимущественное внимание на различия, ориентируются в своих оценках на лексику и утверждают, что их язык представляет собой «уже смесь с русским». По отношению к своему языку они выражают негативные оценки: «некрасивый», «простой», «искаженный», «измененный», «не чисто польский». При этом язык большинства приезжающих из Польши оценивают как «красивый», «хороший», «чисто польский», «настоящий польский». С одной стороны, появляется некоторый комплекс неполноценности, а с другой — высказывается мнение о возникновении уже своего местного языка. Таким образом, язык

в контексте общения с поляками из Польши начинает выступать не просто маркером их польской идентичности. Зачастую он предстает как знак групповой идентичности, отличной от «польской» в широком смысле слова. Можно сказать, что он маркирует их локальность.

Отвечая на вопрос «что значит быть настоящим поляком», многие вершининцы помимо знания польского языка упоминают «польские праздники и традиции». Они проводят четкую линию между «нашими польскими» обычаями и «русскими». *«Ну, как вот эти Паски, вот Троицы. Но у них в свое время, у нас в свое время, мы уже отмечаем, у нас как-то раньше все это. У русских позже»* (ж, 1957, ПФ10). Разговор о «польских» и «русских» обычаях в некоторых интервью опять-таки сопровождается сравнением с поляками в Польше, и тогда появляются оценочные суждения не в пользу своей группы. Как и в случае с языком высказываются мнения о «смешанности», «испорченности» «наших польских обычаев» здесь, в Вершине.

«Польские» праздники по своему происхождению являются в большинстве случаев католическими (Рождество, Пасха, именины, дни святых), но, по сути, они утратили религиозную нагрузку. Религиозный смысл того же Рождества или Пасхи важен для меньшей части вершининских поляков, которых можно назвать практикующими католиками. Преобладающая же часть в костел не ходит, объясняя это тем, что *«раньше нас надо было к Богу приучать, когда мы маленькие были»* (ж, 1935, ПФ2), или же ссылается на нехватку времени и сил. Но опять же — существует устойчивое представление, что «настоящий» поляк должен быть католиком. При этом для некоторых информантов даже не важно, верит ли человек в Бога или нет: *«раз он поляк, значит, он считается католик — веришь ты или не веришь, всё равно католик»* (ж, 1932, ПФ6).

Католическое вероисповедание, соблюдение «польских» обычаев, использование «чистого» польского языка — все эти черты рассматриваются как нечто обязательное в картине, рисующей «настоящего» поляка. Однако многие респонденты констатируют свое несоответствие идеальному образу, обозначая разлад между собственным самоощущением — тем, кем человек является, и тем, кем он должен быть как член данного сообщества. Основной референтной группой, на сравнении с которой выстраивается этот идеальный образ, являются представители «исторической родины», с которыми местные жители общаются по ходу их визитов в деревню или во время своих поездок в Польшу.

Иногда во взглядах приезжих и местных поляков на то, что подразумевает «польскость» жителей Вершины, наблюдается несовпа-

дение. Многие журналисты и туристы из Польши, воспринимая вершининцев как часть «поляков на Востоке», автоматически распространяют на них определенные характеристики, которые сами жители деревни за собой не отмечают. Так, ощущение причастности к современному польскому государству, отношение к Польше как к актуальной, а не только исторической родине, желание постоянно жить там — все эти черты слабо проявляются в групповой идентичности жителей Вершины, но зачастую приписываются им гостями из Польши.

Конечно, среди последних есть и исключения. К ним относится польский путешественник и журналист Ян Павел Трык, который неоднократно приезжал в Вершину и хорошо знает здешних людей. В своей статье «Мои встречи с Вершиной» он как раз и отмечает то несовпадение, о котором я сейчас говорю. Он пишет: «...я обратил внимание на то, что, так сказать, “что-то висит в воздухе”. Были это сильно скрываемые проблемы жителей села, но не повседневные хозяйственные, а связанные со все чаще приезжающими сюда группами из Польши. Я заметил, что жители Вершины очень радуются каждому визиту соотечественников с Вислы, хотя большинство этих посещений для них мучительны и даже (хотя бы по моему мнению) оскорбительны. И это является результатом отсутствия личной культуры посетителей, а прежде всего их отношения к вершининцам, которые не могут понять, почему многие приезжие стараются склонить их к выезду на постоянное жительство в Польшу. Ведь для жителей села отечеством является этот маленький фрагмент огромной Сибири, с которым они срослись уже в четырех поколениях, на котором они воспитаны и в котором привыкли жить»¹.

О чувстве привязанности к «родным местам», о восприятии Вершины как своей родины говорили многие мои информанты. На вопрос, хотели бы они переехать жить в Польшу, как правило, следовали отрицательные ответы, причем мотивация звучала примерно одинаково независимо от возраста.

«Нет. Тут уже вырос. Тут привык, тут всё» (м, 1926, ПФ4).

«Что там делать? Тут все свои, знакомые» (ж, 1929, ПФ4).

«Ну так ехать, просто проведовать — это совсем другое, а жить — я думаю, что ... (...) Ну вот что-то тянет, видимо. Корни здесь. Навсегда» (ж, 1935, ПФ2).

«А кто нас там сейчас ждет, конечно? Мы уже россияне. Да мы бы, наверно, и сами не поехали. Ну что, уже всё чужое, мне кажется, для нас лично. Здесь мы выросли, здесь... Всё равно... Здесь наша родина» (ж, 1967, ПФ3).

¹ Трык П. Мои встречи с Вершиной // Тальцы. Иркутск, 2005. № 4 (27). С. 54.

В идентичности местных поляков очень сильна региональная и даже локальная составляющая («мы — сибиряки», «наша родина — Вершина») и отсутствуют какие бы то ни было идеи польского государственного патриотизма. В этом смысле интересен эпизод, который приводится в статье польской исследовательницы Эвы Новицкой¹. Речь идет о том, как приехавшие в Вершину польские ветераны повязали на могильных крестах на местном кладбище бело-красные ленточки (белый, красный — цвета национального польского флага). Их поступок не был по достоинству оценен поляками Вершины, для которых символика красно-белого цвета вовсе не является само собой разумеющейся, как для жителя Польши. Они просто не поняли значения этого жеста и, более того, были обижены несправедливым, по их мнению, разделением мертвых на своих и чужих. Для вершининцев не существовало четкой разницы между надмогильным памятником с красной звездой и деревянным католическим крестом. Они не были для них символами «советскости» и «польскости», какими являлись для ветеранов, помечавших могилы «своих» патриотическими ленточками.

Несовпадение рамок интерпретации

Подобного же рода различие в восприятии ситуаций ярко проявилось в реакции на слова маршала польского сената Богдана Борусевича, с которыми тот обратился к вершининским полякам 4 сентября 2010 г. Визит польского сенатора и возглавляемой им официальной делегации в Вершину был одним из пунктов обширной программы его сибирской поездки, продолжавшейся со 2 по 10 сентября и включавшей посещение Екатеринбургa, Иркутска, Улан-Удэ, Новосибирска. Согласно информации польского сената, маршал Борусевич «встречался с проживающими там поляками, а также с представителями местных властей»².

Прочитую официальное сообщение в той его части, которая касается поездки в Вершину. «4 сентября 2010 г. делегация Сената приняла участие в торжествах по случаю 100-летия основания Вершины, самой большой польской деревни в Сибири. Во время праздника Б. Борусевич заверил, что Польша никогда не забывала о соотечественниках в Сибири и всегда будет их поддерживать,

¹ Новицка Е. Многоликость польской идентичности (поляки за восточной границей) // Диаспоры. М., 2005. № 4. С. 6–22.

² В частности, в Иркутске польская делегация приняла участие в работе IV Байкальского экономического форума, встретила с членами Польской национально-культурной автономии «Огниво», посетила торжества по случаю 10-летия кафедрального католического собора Непорочного Сердца Божьей Матери.

чтобы они и дальше сохраняли свои польские корни. “Дорогие соотечественники, куда же заехали ваши предки? Почти на край света (...), но на самом деле они выбрали хорошее место, прекрасное, – такое, где хочется жить и куда хочется приезжать. Мы приехали к вам, чтобы сказать, что Польша о вас не забыла, Польша о вас помнит и будет помнить”, – сказал Б. Борусевич. Маршал подчеркнул, что не много найдется на свете таких мест, где существуют компактные поселения поляков, которые, несмотря на то, что много лет назад покинули отчизну, не только помнят о своем происхождении, но и сохраняют свои обычаи и язык. Он заверил, что Польша всегда будет поддерживать своих соотечественников, живущих в Сибири, чтобы они, “будучи верными гражданами России и добрыми жителями этой земли, сохраняли свои польские корни и гордились тем, что являются поляками”. Маршал передал польской школе в Вершине два компьютера, лэптоп и мультимедийный проектор»¹.

Слова польского парламентария, одобрительно воспринятые жителями Вершины, вызвали бурю негодований в польской прессе и в польском интернет-пространстве. Так, в общественно-политическом еженедельнике «Наша Польша»² от 14.09.2010 появилась статья Р. Выросткевича «Борусевич о прекрасной для поляков Сибири...». Она начиналась с кричащего, набранного заглавными буквами слова «СКАНДАЛ!», затем следовала цитата из выступления сенатора о прекрасном месте, выбранном для жизни предками вершининцев, после которой автор статьи гневно вопрошал: «Неужели Борусевич, который по своему положению обязан заниматься Полонией, не знает истории и судьбы поляков из Вершины? Разве он не знает, что на протяжении многих лет Сибирь была для них местом горя, несбывшихся надежд, а также репрессий по причине польского происхождения, во время которых не раз поджидала их смерть от рук большевиков?»

Весь дальнейший текст этой статьи представляет собой развернутые вариации на тему процитированного высказывания. Автор упоминает «бесплодные обещания царской России», которыми заманили в Сибирь бедных поляков, чтобы отвлечь их от эмиграции в Западную Европу и Америку. Говорит он и о «насильственной русификации», которой подверглись здесь его соотечественники в советские времена, и о невозможности вернуться на родину, вследствие чего люди вынуждены были остаться на этой земле, а вовсе

¹ <http://www.senat.gov.pl/k7/dok/diar/62/62.htm>.

² Wyrostkiewicz R. W. Borusewicz o pięknej dla Polaków Syberii... // Nasza Polska, 2010, № 37 (776), 14.09. <http://www.naszapolska.pl/index.php/component/content/article/1553-qnpq-nr-37-wyrostkiewicz-qborusewicz-o-piknej-dla-polakow-syberiiq>.

не из-за ее красот. Подытоживая, Р. Выросткевич высказывает мнение, что «Польша уже много лет проводит политику забвения поляков на Востоке» и примером такого подхода можно считать «идиллическое заявление Борусевича и его ”щедрые” дары».

Вслед за статьей Р. Выросткевича «Наша Польша» опубликовала интервью, взятое тем же автором у католического священника о. Ярослава Вишневого¹, работавшего в 1990-х гг. в Сибири. Интервью развивало заданную тему и было выдержано в том же духе, что и статья.

Оба материала были размещены на нескольких интернет-сайтах, в том числе на портале «Виртуальная Полония», где вскоре стали появляться гневные комментарии читателей. Приведу лишь некоторые из них (причем я выбрала не самые резкие): «Как такой человек может представлять Полонию? Он что — Бога не боится?» «Если ему так понравилось там, то надо было и оставаться, одной канальей было бы меньше». «Моя мама вместе с семьей была вывезена с первым потоком 10.02.1940, когда ей было 12 лет. Ее брату в тот день исполнилось 15 лет!!! Плюнул бы в морду этому троглодиту Борусевичу, была бы у меня такая возможность...»²

Казалось бы, безобидная фраза польского сенатора о красотах местной природы была воспринята посетителями портала как оскорбление. Возможно, отчасти здесь проявилось их негативное отношение к личности конкретного польского политика. Но, как мне представляется, основная причина кроется в другом, а именно — в несовпадении двух рамок интерпретации одной и той же ситуации³. Восприятие конкретного события обусловлено здесь более широким контекстом и фоновой информацией, которые составляют основу каждой интерпретационной рамки.

Авторы упомянутых статей и критических комментариев так остро воспринимают позитивную оценку места проживания своих соотечественников, потому что они привыкли думать и говорить о поляках в Сибири совершенно в ином ключе. Они смотрят на жителей Вершины как на мучеников, и это — наиболее естественный для них взгляд, сформированный сюжетами, в которых *соотечественники на Востоке* — это всегда жертвы режима (сначала царского, потом советского), не по своей воле попавшие в далекие чужие края и стремящиеся к воссоединению с утраченной роди-

¹ “Borusewicz jak Chruszczow” – wywiad z ks. Wiśniewskim // Nasza Polska. 2010. № 37 (776). 14.09. <http://wirtualnapolonia.com/2010/09/18/borusewicz-o-pieknej-dla-polakow-syberii%E2%80%A6/>.

² <http://wirtualnapolonia.com/2010/09/18/borusewicz-o-pieknej-dla-polakow-syberii%E2%80%A6/>.

³ Понятие рамки интерпретации заимствовано из работы американского антрополога К. Гирца (Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исслед. культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 171-200.

ной. Быть поляком на Востоке — это стигма, которая не предполагает, что люди могут быть довольны своим положением. Тем более в подобную интерпретационную рамку не вписываются похвалы в адрес Сибири как места проживания соотечественников, звучащие из уст представителя отчизны. Фраза Б. Борусевича в этом смысле сродни глумлению над святыми — как это можно ТАК говорить о мучениках? Как это СИБИРЬ может быть хороша для ПОЛЯКА?!!

Во избежание недоразумений сразу оговорюсь, что вовсе не хочу сказать, что восприятие поляков в Сибири как мучеников не имеет под собой никаких оснований. Вовсе нет! Сотни тысяч сосланных, убитых, репрессированных на протяжении более двух веков — достаточные основания для формирования такого подхода. Однако подобная рамка интерпретации оставляет за кадром всех тех, кто переселился в Сибирь добровольно. Она не позволяет адекватно воспринимать описание соотечественников как людей, в принципе довольных своей жизнью и судьбой.

Эта интерпретационная рамка преобладает в репортажах польских журналистов о Вершине. Это не означает, что в своих статьях они пишут только о тяжелой судьбе соотечественников, заброшенных в далекие края. Позитивные моменты, конечно же, здесь присутствуют, но они, главным образом, связаны с темой причастности к польской отчизне. Это — радость от того, что люди могут говорить по-польски, могут петь польские песни, танцевать польские танцы, что есть школа с преподаванием польского языка, что есть возможность встретиться с соотечественниками и т. д. Конечно, существуют исключения из этого правила, но все-таки можно сказать, что установка на восприятие вершининских жителей в общей интерпретационной рамке «соотечественники на Востоке как жертвы чуждого режима» определяет содержание этих репортажей.

Не многие авторы пишут о местном патриотизме жителей Вершины и их сильной локальной идентичности. Если же кто и пишет об этом, то опять же используя категорию «жертвы». В данном случае вершининцы — жертвы политики русификации и ассимиляции, а значит, уже не совсем «настоящие» поляки. В этом смысле характерно высказывание о Ярослава Вишневого из уже упоминавшегося интервью. На вопрос журналиста: «Что говорят о современной ситуации в Польше наши соотечественники, заброшенные драматичной судьбой на восток за тысячи километров от отчизны?» — тот отвечает: «Зачастую происходит так, что соотечественники на востоке не высказывают каких-либо патриотичных мыслей по причине того, что они сильно ассимилированы и русифицированы».

Подытоживая историю с визитом польского сенатора в Вершину, можно сказать, что она показывает нам существование различных интерпретационных рамок в восприятии и описании «соотечественников на Востоке». Одну из них продемонстрировали авторы материалов «Нашей Польши» и комментариев на портале «Виртуальная Полония». Другая проявилась в словах Б. Борусевича, причем не только непосредственно адресованных жителям Вершины, но и в тех, что были сказаны им несколькими днями ранее на встрече с представителями екатеринбургской Полонии. «Будучи верными гражданами России, вы одновременно являетесь верными поляками и даете здесь доброе свидетельство о Польше, потому что по всей Сибири поляки ассоциируются с культурой, наукой, ремеслом»¹.

Эта интерпретационная рамка вполне допускает сосуществование в сибирских поляках «польскости» с «российскостью», этнической составляющей их групповой идентичности («мы – поляки») с региональной / локальной и гражданской («мы – сибиряки, жители Вершины, граждане России»).

Мне представляется, что именно такая рамка восприятия является наиболее приемлемой основой для нормального развития отношений вершининских поляков с родиной своих предков. Кроме того, для более гармоничного протекания этих процессов необходимо, чтобы в них активно участвовали и местные российские власти. Пока же мы наблюдаем здесь или слабое присутствие российской стороны, или же не совсем удачные попытки взять ситуацию под свой контроль, примером чего может служить 100-летний юбилей основания Вершины, отмечавшийся 10 июля 2010 г.

Юбилейные торжества: демонстрация польскости или дружбы народов?

В начале 2009 г. члены Вершининского польского культурного общества «Висла» приняли решение провести праздник 100-летия образования Вершины в июле 2010 г. Юбилейным торжествам было решено придать «характер важного события, как для всего региона, так и для сибирской Полонии»².

На стадии подготовки к юбилею вершининские активисты не раз встречались с представителями Генерального консульства РП в Иркутске, польской культурной автономии «Огниво», польских благотворительных организаций. Во время этих консультаций об-

¹ <http://www.senat.gov.pl/k7/dok/diar/62/62.htm>.

² <http://przewodnik.onet.pl/ameryka-sr/grenada/static/forum.html?disclid=9309902&threadId=73194239&discPage=1&AppID=32>.

суждались возможные формы участия в празднике упомянутых институций, а также других потенциальных партнеров из Польши, и снова подчеркивались региональный и полонийный аспекты предстоящего торжества¹.

Из сообщений польских СМИ складывается впечатление, что, по крайней мере, за год до проведения праздника его образ и программа определялись без участия местных российских властей. Вполне возможно, что польских журналистов этот аспект попросту мог и не интересовать. Как бы там ни было, но репортажи о самом юбилее рисуют картину, которая больше напоминает привычное для советских времен праздничное мероприятие, призванное продемонстрировать «дружбу народов», нежели «праздник всей сибирской Полонии». «Первую скрипку» на этом празднике явно играли не члены «Вислы» или «Огнива», а представители местной администрации, не входящие в число потомков основателей Вершины. Именно они записаны в программе праздника в качестве ответственных лиц напротив подавляющего количества юбилейных мероприятий.

Было бы неверно делать окончательные выводы только на основании имеющихся репортажей и программы праздника. Тем не менее какие-то тенденции эти материалы показывают достаточно определенно, даже несмотря на различия, существующие между статьями российских и польских журналистов.

Эти различия касаются акцентов и выбора деталей в описании юбилейных торжеств. Естественно, что для польских журналистов в первую очередь интересно все, что связано с Польшей и Полонией. Они перечисляют всех польских гостей на празднике – от представителей консульства до туристов из Кракова, упоминают о возложении цветов к мемориальной доске памяти репрессированных вершининцев, цитируют выступление директора Департамента культурного наследия Республики Польша Яцека Миллера во время открытия Музея польской деревни.

Всех этих деталей нет в российских репортажах, зато основное место в них занимает то, что в польской статье обозначено как «часть торжеств, проходившая по сценарию властей Боханского района». Это – выступления самодельных фольклорных коллективов (польского, бурятского, украинского) и театрализованное представление, судить о котором можно по следующей цитате: «На телеге с домашним скарбом едут «польские переселенцы». Въехав на площадь, останавливаются возле украинской хаты. Пришлым людям щедрой рукой наливается горилка, тарелки наполняются варениками и пампушками. Счастливые «ходоки» перемещаются

¹ Там же.

к бурятской юрте. Гостям под аккомпанемент национальных песен с поклоном выносят «белую пищу». После приходит очередь татар. Детвора в красочных народных костюмах образует огромный хор-вод, объединяя всех присутствующих на празднике людей»¹.

Именно в российских репортажах тема «дружбы народов» проходит красной нитью через все содержание. Даже цитируя выступление польских гостей, авторы выбирают фразы о «сибирском братстве и многонациональности», а делая исторический экскурс, подчеркивают факты помощи со стороны местного населения. «Первые годы (поляки) жили в землянках, и неизвестно, как бы сложилась их судьба, если бы не местное население. Буряты помогли построить дома, дали скот»².

В этой идиллической картинке присутствует понятный посыл, который звучит и в словах окружного начальства, процитированных в начале этой статьи: «Для нас все одинаковы. У нас там рядом в деревнях живут и татары, и русские, и буряты, и все находятся в одинаковых условиях». Этот в принципе благой посыл («все мы россияне, давайте жить дружно») в данной ситуации может тем не менее содержать и конфликтный потенциал. Мне уже, кстати, приходилось слышать от вершининских участников юбилейных торжеств, что, мол, поляков на их собственном празднике отодвинули на второй план.

Подводя итог, можно сказать следующее.

Начиная с 1990-х г., активизируются контакты жителей «польской сибирской деревни» Вершина с представителями «исторической родины». В 2000-е гг. они выходят на новый институциональный уровень, причем главную роль в этих взаимоотношениях играет польская сторона в лице правительственных и общественных организаций. Ситуация «помощи соотечественникам» в Вершине со стороны Польши становится определенным вызовом для местных российских властей, которые в ряде случаев остро реагируют на нее как на проявление неуважения к российским законам. На деле такая реакция объясняется слабым участием местной власти в происходящих процессах. Будут ли успешными попытки изменить эту ситуацию, которые предпринимаются в последнее время, покажет будущее.

¹ Виговская А. Маленькая Польша в таежной Сибири // Областная. 2010. 14 июля. <http://www.ogirk.ru/news/2010-07-14/minipoland.html>.

² К столетию села Вершина: там открыли музей-усадьбу первых переселенцев - <http://obl-vesti.ru/culture/841-k-stol-tiuy-s-la-v-rshina-tam-otkrili-muz-j-usadbu-p-rvih-p-r-s-l-nc-v.html>.

В том влиянии, которое оказывает на жизнь местных жителей фактор присутствия «исторической родины», можно выделить, по крайней мере, два аспекта. Один связан с возможностями, которые дает жителям Вершины активизация контактов с Польшей. Посещения зарубежных родственников, туристические поездки в Польшу, обучение молодежи в польских вузах и пр. — все это говорит о том, что «историческая родина», как и этничность, превращаются в экономический и символический ресурс.

Другой аспект связан с динамикой групповой идентичности, когда поляки из Польши становятся главной референтной группой при этнической идентификации. При этом происходит не только актуализация «польскости» местных жителей, но и укрепление локальной составляющей их групповой идентичности.

**Миграции и диаспоры в социокультурном,
политическом и экономическом пространстве Сибири.
Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков**

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор
В.И. Дятлов

Корректор: Кром Л.А.
Верстка: Кравцов И.В.

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 11.01.2011 г. Формат 60/84/16.
Усл. печ. л. 50,2. Уч.-изд. л. 42,8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 200.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
тел. 34-32-34.
E-mail: ottisk@irmail.ru